

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
НА
БАЛКАНАХ

1856-1878гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
НА
БАЛКАНАХ**

1856-1878гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Н. ВИНОГРАДОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1986

В книге дается систематический анализ развития международных отношений на Балканах в течение 25 лет: от окончания Крымской войны до победоносного завершения русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

На основе архивных материалов, большая часть которых впервые введена в научный оборот, исследуются все аспекты Восточного вопроса (кризис Османской империи, подъем освободительного движения балканских народов, балканская политика европейских кабинетов, в частности интриги Форин оффис против России и других государств).

Для историков, международников, публицистов и широкого круга читателей.

Рецензенты:

И. С. ДОСТЯН, Н. Д. СМЕРНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный труд призван решить в иных хронологических рамках те же задачи, что и работа «Международные отношения на Балканах. 1815—1830 гг.»: дать анализ всех сторон, всех компонентов международных отношений в Юго-Восточной Европе в 1856—1878 гг. Авторы исходят из определения Восточного вопроса «как комплекса проблем, включающих кризис военно-феодалной Османской империи, развертывание национально-освободительного движения балканских народов, соперничество европейских держав в борьбе за влияние в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке. При этом учитывается, что Россия играла ведущую роль в процессе освобождения балканских народов от османского владычества»¹.

В своем анализе авторский коллектив использует сокровища отечественных архивов и опирается прежде всего на громадный арсенал публикаций и трудов, накопленный советской исторической наукой, обогащенный в последние десятилетия исследованиями социалистических стран. Сошлемся на труды академиков Е. В. Тарле, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова, А. Л. Нарочницкого. Свою лепту в изучение того или иного вопроса, затронутого в публикуемой работе, внесли Г. Л. Арш, В. И. Виноградов, В. Н. Виноградов, В. Я. Гросул, М. М. Залышкин, Н. В. Зуева, В. Г. Карасев, Н. С. Кипянина, В. Д. Конобеев, А. З. Манфред, Л. И. Нарочницкая, И. В. Козьменко, С. А. Никитин, Д. Ф. Поплыко, И. Г. Сенкевич, А. А. Улунян, В. И. Фрейдзон, Н. И. Хитрова, С. Л. Чернов, Е. Е. Чертап, В. П. Чорный, Е. М. Шатохина, Л. М. Шнейерсон, О. В. Шпаро и др.² Опубликован ряд сборников документов и коллективных трудов. Однако целостный анализ всего комплекса проблем, затронутых в данной книге, в отечественной историографии до сих пор отсутствует. Лишь в двух главах известной коллективной работы «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в.»³ в обобщенном виде частично разбираются сюжеты, которым посвящена предлагаемая публикация.

Сходная ситуация существует и в зарубежной историографии. Поток исследований, посвященных той или иной стороне, а порой и эпизоду в развитии Восточного вопроса на Балканах в 50—70-х годах XIX столетия, не иссякает. Однако за анализ всего круга проблем не брался пока никто. Объяснить это можно многоплановостью и сложностью затрагиваемых вопросов, недостаточной изученностью таких проблем, как связи между национальным движением и международными отношениями в регионе, эволюция прогрессивной освободительной борьбы, перерастание ее в буржуазный

национализм, экономические и социально-политические корни турецкой внешней политики.

На состояние западной историографии оказывает влияние и отсутствие единого подхода к проблематике и определению хронологических рамок Восточного вопроса. В разных вариантах за нижнюю точку отсчета берется 1354 г. (когда турки-османы захватили первую византийскую крепость на европейском берегу Босфора); за конечную грань — 1936 г., когда конференция в Монтрё выработала режим Черноморских проливов⁴. Восточный вопрос как комплекс проблем, возникших в середине XVIII в. и исчезнувших после распада Османской империи, то растворяется в истории Балкан, то сводится к соперничеству держав.

Хронологические рамки нашего исследования определяются легко и четко. Это отрезок времени между Парижским и Берлинским конгрессами (март 1856—июль 1878 г.).

В Париже победители в Крымской войне — Франция, Великобритания, Турция и Австрия — навязали потерпевшей поражение России тяжелые условия мира. От нее были отторгнуты три южных уезда Бессарабии; она была лишена естественного и необходимого ей выхода к Дунаю — с очевидной целью установить над судоходством контроль неприбрежных держав; потеряла право держать военный флот (за исключением десяти небольших судов) на Черном море и сооружать на его побережье арсеналы. Рухнули некоторые прежние устои российского влияния в Юго-Восточной Европе: признанное прежними договорами единоличное право покровительства над Дунайскими княжествами и Сербией и особые права в отношении христианских подданных султана были заменены коллективной гарантией шести держав — участниц Парижского конгресса.

Для балканских народов мир имел тяжелые последствия — ведь официально провозглашенной целью Великобритании и Франции в войне являлось сохранение Османской империи «в ее настоящих пределах», и Парижский трактат подтверждал уважение к «независимости и целостности империи Оттоманской». Знаменосец политики статус-кво на Балканах — Великобритания добилась подписания особого акта с Францией и Австрией, в котором они «совместно и порознь» гарантировали неприкосновенность Турции. Освободительной борьбе балканских народов в этой системе международных отношений не оставалось места. Правда, вернуть историю вспять и ликвидировать права, завоеванные ими при поддержке России, не решился никто. Парижский договор подтвердил автономию Дунайских княжеств и Сербии.

Несмотря на эти уступки времени, установленная западными державами «крымская система» противоречила интересам не только России, но и балканских народов и родилась со знаком смерти на челе. Объединение Молдовы и Валахии знаменовало начало ее кризиса; восстания в Боснии, Герцеговине и Болгарии и русско-турецкая война 1877—1878 гг. означали ее конец. На Берлинском конгрессе стараниями двух старых оппонентов России, Великобритании и Австро-Венгрии, итоги этих процессов были значительно

урезаны, но свести их на нет не удалось. Международное признание независимости Румынии, Сербии и Черногории, возрождение болгарской государственности явились самыми знаменательными результатами кризиса и войны.

Если хронологические рамки предлагаемого труда выступают с полной очевидностью, то выработка оптимальной его структуры представляет задачу трудности необычайной и, видимо, в идеале недостижимую. Авторы пытались решить ее, соединяя обобщающие разделы с главами, в которых рассматривается круг проблем, связанных с национально-освободительными и государственно-созидательными задачами отдельных народов (болгар, сербов, черногорцев, боснийцев и герцеговинцев, румын и греков).

Анализ хода и результатов Парижского конгресса 1856 г. тематически относится к предшествующему периоду в развитии Восточного вопроса (1830—1856 гг.); подготовка соответствующего труда ведется сейчас в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Однако приступить к рассмотрению балканской стратегии держав с «послеконгрессовой эпохи» как с нулевой точки отсчета просто-напросто невозможно. Итоги Крымской войны явились звеном в балканской политике каждого из ее участников. Лишь Франции Наполеона III удалось более или менее полно осуществить поставленные цели; Россия оказалась после поражения царизма ущемленной в своих национальных правах и интересах; но и Великобритания не удалось «изгнать» соперника с Балкан и Ближнего Востока, покончить с его влиянием в обширнейшем регионе; Порты обнаружила, что бумажные гарантии целостности и независимости ее владений не произвели ни малейшего впечатления на подвластные народы. «После Крыма» державы ставили перед собой цели, в значительной степени унаследованные от прошлого. Поэтому в главе, посвященной их балканской стратегии, она рассматривается в динамике развития, в совокупности новых и старых задач. А это вызывает необходимость кратких экскурсов в пятое, а иногда и более ранние десятилетия XIX в.

Отдельная глава посвящена состоянию Османской империи в исследуемый период. «Победа» в войне ни на йоту не способствовала укреплению ее социально-экономического и политического строя; Порты продолжала катиться по наклонной плоскости усиления зависимости от западных держав, прежде всего Великобритании. Турецкий абсолютизм в соединении с великодержавными основами имперской политики создавал ситуацию непрекращающихся конфликтов с подвластными народами. Эти великоосманские тенденции отчетливо проявились на Парижском конгрессе. Очередная программа реформ (хатт-и хумаюн 1856 г.) не базировалась ни на экономических, ни на политических реалиях. В работе дан анализ позиции турецких реформаторов в национальном вопросе, показана ее ассимиляторская сущность, что приводило к антагонистическому столкновению османских преобразователей и освободительного движения балканских народов.

В ряде глав труда рассматривается международная обстановка, в которой разворачивалось это движение в Дунайских княжествах, — Болгарии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине, Греции, Албании. В плане соперничества держав продолжалось столкновение двух курсов — сохранения статус-кво Османской империи, носителями которого являлись Великобритания и держава Габсбургов, и подрыв ее позиций в Юго-Восточной Европе, на что в конечном итоге была нацелена политика России. Даже в условиях утраты прежних рычагов давления на Порту (лишения «права покровительства» христианам), ограниченности средств и сугубой осторожности действий российская дипломатия была единственной, более или менее последовательно способствовавшей расширению прав балканских народов и умалению прерогатив Порты.

На рубеже 60—70-х годов выявились новые тенденции в развитии Восточного вопроса. Мастерски осуществленная канцлером А. М. Горчаковым акция по отмене тяжелых для России ограничений ее суверенных прав на Черном море означала сильнейший удар по «крымской системе» и объективно способствовала подъему национальной борьбы на Балканах. Тогда же, после поражения в войне с Пруссией и ухода из Германского союза, «Дранг нах Зюд-Остен» стал основой внешней политики Австро-Венгерской монархии. Подъем освободительного движения в Юго-Восточной Европе происходил в накаленной обстановке англо-австро-русского соперничества.

В середине 70-х годов могучими восстаниями в Боснии, Герцеговине и Болгарии начался очередной Восточный кризис. В главах, ему посвященных, обобщение громадного накопленного советской историографией (связанного прежде всего с внешней политикой России) и наукой социалистических стран (Болгарии, Югославии, Румынии) материала сочетается со значительными исследовательскими элементами (анализ позиции основного российского антагониста, Великобритании, роли в кризисе Румынии, Сербии, Черногории и Греции, болгарского и боснийско-герцеговинского восстаний).

Такова проблематика нашей книги.

В написании монографии принимали участие: Г. Л. Арш — гл. 7, гл. 8, § 2 (текст о Греции), гл. 9, § 5 (текст о Греции), гл. 10, § 4; В. Н. Виноградов — Введение; гл. 1, § I, 6, гл. 3, § I, гл. 8, § I, гл. 9, § 2 (текст о британской политике), гл. 10, § 1—3 (текст о британской политике); Заключение; Е. К. Вяземская — гл. 6 (текст о Боснии и Герцеговине), гл. 8, § 4 (текст о Боснии и Герцеговине), гл. 9, § 1, 4 (текст об Австро-Венгрии); Н. В. Зуева и Е. М. Шатохина — гл. 4; С. М. Иванов — гл. 2, § 2; Т. М. Исламов — гл. I, § 2, гл. 8, § 2; А. В. Карасев — гл. 5; И. В. Козьменко — гл. 8, § 4 (текст о Болгарии), гл. 9, § 2, § 4 (текст о политике России), гл. 10, § 2—3 (текст о политике России); Д. Ф. Поплыко — гл. 8, § 3, гл. 9, § 3; гл. 10, § 1 (текст о Сербии), § 3 (текст о Сербии); О. В. Серова —

гл. 1, § 5, гл. 9, § 4 (текст об итальянской политике); В. Г. Сироткин — гл. 1, § 3; Б. М. Туполев — гл. 1, § 4; Н. И. Хитрова — гл. 6 (текст о Черногории); Е. Е. Чертан — гл. 3, § 2, гл. 8, § 2 (текст о Румынии), гл. 9, § 5 (текст о Румынии); В. И. Шеремет — гл. 2, § 1, 3.

Научно-организационная работа проведена под руководством Л. В. Зелениной. В ней принимали участие Н. В. Кабакова и О. В. Медведева.

¹ Международные отношения на Балканах, 1815—1830 гг. М., 1983, с. 3.

² Русскую, советскую и зарубежную литературу (на одиннадцати языках) см. в главах.

³ Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII — начало XX в. М., 1978.

⁴ Обзор существующих точек зрения см.: *Grothusen K. D. Die Orientalische Frage als Problem der Europäischen Geschichte.*— In.: *Die Türkei in Europa.* Göttingen, 1979.

БАЛКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ ДЕРЖАВ

1

Великобритания на страже османского владычества на Балканах

Крымская война не принесла лавров ни генералам, ни адмиралам владычицы морей. Британский экспедиционный корпус протоптался десять месяцев под Севастополем, так и не взяв «Большой редан» (третий бастион). Во время последнего штурма 8 сентября 1855 г., пишет английский историк Д. Джадд, «наступающие не выдержали огня русских и залегли; люди отказались покинуть паркет. Через несколько минут они повернули назад и бросились к своим линиям, оставив две с половиной тысячи товарищей убитыми и ранеными. Таков был бесславный конец осады»¹.

В Крыму полегло двадцать две тыс. британцев — впятеро меньше, чем потеряли французы, но очень много для небольшой островной армии. «Бесславная война» — так называли кампанию 1854—1855 гг. в недавно вышедшей в свет английской работе². Военные операции продемонстрировали «полнейшую неспособность лорда Раглана (главнокомандующего корпуса.— Авт.), безнадежную несостоятельность системы снабжения, ужасы дизентерии и холеры», пишет другой исследователь³.

Однако от целей своих — вытеснения России с Балкан и Ближнего Востока, установления здесь британского преобладания — Лондон не отказывался.

Истощение французской армии и явное стремление императора Луи-Наполеона и его министров к приемлемому для России миру вызывали в Лондоне приступы бессильной злобы: на мирную конференцию кабинет собирался прибыть с самой большой ложкой.

Глубокой осенью 1955 г. глава Форин оффис Джордж Кларендон нанес визит во Францию — разведать настроение союзника и заставить его продолжать войну до победного, в английском варианте, конца. В Париже он столкнулся со всеобщим стремлением прекратить кровопролитие и в частных письмах дал волю своему раздражению: «Эти французы рехнулись на почве страха и жульничества. Боюсь, что император столь же деморализован, как и его правительство. Уверен, если мы отвергнем условия, французы заключат мир по своему усмотрению, и наше положение станет жалким. Французы так громко визжат о мире, что, я опасаясь, они перепугают Австрию...»⁴.

Все это сильно затрудняло, если не сказать делало невозможным, проведение в жизнь британской мирной программы, далеко выхо-

дившей за рамки пресловутой политики статус-кво — сохранения в целостности и неприкосновенности Османской империи как противовеса России на Балканах и Ближнем Востоке⁵. «Прекрасный идеал» влиятельнейшего из политических деятелей Джона Пальмерстона предусматривал расчленение Российского государства, отторжение от него Прибалтики, Закавказья, Крыма, Финляндии и Аландских островов. Более трезвым деятелям этот замысел представлялся химерой. «Этот план рассчитан на тридцатилетнюю войну», — сказал премьер-министр лорд Абердин, познакомившись с замыслами своего коллеги, занимавшего в тот момент пост министра внутренних дел⁶. И хотя в ходе Крымской войны Пальмерстон стал военным министром, а затем и премьером, он не пытался воплотить свой идеал в программе мира. Глава Форин оффис лорд Кларендон сформулировал ее в декабре 1854 г. следующим образом: «Англия и Франция должны... настаивать на разрушении Севастополя и, если возможно, других русских крепостей на восточном побережье Черного моря. Россия должна обязаться по мирному договору их не восстанавливать и не возводить морского арсенала на любой точке Черноморского побережья. Россия не должна впредь содержать на Черном море более четырех военных судов. Другие державы, включая Турцию, должны ограничиться тем же числом кораблей, если Порта согласится аннулировать договор 1841 г.»⁷.

Эта программа «умеренного» Кларендона звучала резким диссонансом по сравнению с официально провозглашенной целью англо-французского союза: «оборонять Османские владения от поползновений агрессивного царизма». Речь шла о серьезном ограничении суверенных прав России на Черном море, о намерении занести над ней дамоклов меч постоянной угрозы вторжения (отмена конвенции 1841 г. о Проливах, запрещавшей проход через них военных судов, противопоставление русской эскадре четверо сильнейшего флота союзников — Великобритании, Франции, Турции, Австрии — всего 16 вымпелов). От формулировки столь жестких условий в качестве прелиминария Лондону пришлось отказаться; однако пятый пункт предъявленного России в декабре 1855 г. и принятого ею ультиматума гласил: «Воюющие державы предоставляют себе право предъявить на общую пользу Европы особенные условия сверх прежних четырех»⁸. И британский кабинет собирался включить в трактат ряд своих требований под видом этих дополнений.

Русское МИД писало о «препятствиях, чинившихся на каждом шагу злою волею представителей Англии»⁹ ходу мирных переговоров. Сам Кларендон, хотя и выражался иначе, по сути дела подтверждал эту характеристику: «В одном кабинет может быть уверен — а именно в том, что я никогда, ни по какому случаю, ни по одному вопросу не сделал уступки... Разумеется, это стало известно; сказывается и тон, принятый мною на совещаниях; вина за яростное сопротивление русским овечкам, за задержку заключения мира возлагается исключительно на меня»¹⁰. На континенте Альбион пользовался дурной славой страны, заставляющей других

таскать для себя каштаны из огня: «...континентальная пресса,— жаловался в парламенте лорд Элсмир,— обычно представляет Англию как воплощение эгоизма и вероломства, всегда стремящуюся, и часто с успехом, перехитрить невинных дипломатов других стран». На этот раз не только противники, но и партнеры держались настороже. Краснобаи в парламенте тешили себя заявлениями, будто «земля содрогается от шагов обновленных батальонов Англии»¹¹. Серьезные же политики не помышляли о схватке с Россией в союзе с одной Турцией. «Франция,— приходил к выводу Кларендон,— решилась на мир, и что бы Пальмерстон ни говорил в своем самодовольстве, мы не могли бы воевать в одиночку, ибо вся Европа сразу же обратилась бы против нас, и скоро в ее хвосте последовали бы и Соединенные Штаты...»¹²

Парижский мир, хотя и был тяжелым для России, остановил экспансионистски настроенную британскую буржуазию на полпути. От требования открытия Черноморских проливов для «дружественных флотов», иными словами, возможности вторжения в очищенное от русской эскадры Черное море пришлось отказаться (а лорд Дижон Рассел мечтал о такой формуле: «Султан сохраняет за собой право пропускать суда держав, не имеющих баз на Черном море, через Проливы по своей воле и в любое время»¹³; трактат 1856 г. подтвердил конвенцию 1841 г. о закрытии Босфора и Дарданелл для военных эскадр.

Дуэль Орлов—Кларендон в Париже окончилась в пользу первого, и не без поддержки французов. Личные беседы британца с Наполеоном III не принесли министру успеха. Его притязания, ставившие под вопрос, по словам Орлова, «все русские территориальные владения по ту сторону Кубани», его призывы держаться твердо и добиться уступок у представителей Российской империи Наполеон не поддержал. В ответ на заявление Кларендона, будто мир на условиях, допускаемых французами, равнозначен победе России, император выразил свое полное несогласие с подобной точкой зрения¹⁴. Кларендон тем не менее «дал бой» Орлову на заседаниях конгресса 1, 4 и 8 марта. Получив отпор, он поскромнел.

А. Ф. Орлову и Ф. И. Бруннову удалось противостоять напору британских уполномоченных, требовавших, чтобы, наподобие Черного моря, было нейтрализовано и Азовское, чтобы были разрушены укрепления Николаева, чтобы было создано «государство Черкесия» в качестве формального вассала Турции и фактического — Великобритании, а когда это не удалось — чтобы были разоружены форты по Кавказскому побережью. Англичане не смогли под предлогом удаления границ России от Дуная отхватить от нее чуть не половину Бессарабии и вынуждены были удовлетвориться тремя южными уездами области. Похоронил Орлов и османские притязания на пересмотр границ в Закавказье¹⁵.

Орлов по праву слыл одним из самых опытных и тонких дипломатов эпохи; свои отказы он сопровождал хотя и устными, но утешительными обещаниями, что смягчало для компаньонов горечь поражения. Так, он заверил Кларендона, что Россия не намерена

строить корабли в Николаеве и Херсоне и обзаводиться эскадрой на Азовском море. Притязания турок на пересмотр границы в Закавказье он похоронил тоже своеобразно, а именно согласившись на работу некоей двусторонней комиссии по их «уточнению», но после заключения мира, когда она с таким же успехом могла и не собираться¹⁶.

В охваченном шовинизмом Альбионе Парижский мир был встречен кисло. Во время дебатов в обеих палатах парламента в вину кабинету поставили многочисленные «упущения». Граф Малсбери обвинил правительство в том, что оно «покинуло черкесов» и не добилось «отторжения территорий, которого мы могли бы достигнуть»¹⁷. Графу Дерби представлялся слишком незначительным отторгнутый от России кусок Бессарабии; он полагал, что на Черном море не должно сохраниться ни одной русской канонерки, настаивал на получении гарантий, что на николаевских верфях не будут сооружаться военные суда, поднял вопрос о нейтрализации Азовского моря¹⁸. Воспаленному воображению лорда Джона Мэннера представилось, будто мир «установил политическое и военное преобладание России во всей Азии»; он глубоко сожалел, что не удалось смести с лица земли Кронштадт¹⁹.

Правительству пришлось давать объяснения. Даже чрезвычайно осторожные формулировки министров дают представление, на уровне какого глубокого географического, политического и исторического невежества выступали «защитники» горцев в Вестминстере. Сэр Чарльз Вуд разъяснил им: «Что касается христианских провинций Грузии, Мингрелии и Имеретии, чувства их населения скорее были в пользу России, нежели союзников... Они вовсе не искали независимости из наших рук и не стремились освободиться от управления России, которая, как они считают, обращается с ними хорошо. Жители Дагестана, возглавляемые отважным вождем Шамилем, действительно воевали с Россией; но их земли лежат не у Черного, а у Каспийского моря, и они никогда не сотрудничали с нами»²⁰. От поставок британского оружия Шамиль отказался и в разгар Крымской войны пошел с русскими на перемирие. Относительно горцев Западного Кавказа в районе Анапы министр сказал: «Они смотрели на нас почти как на врагов». Премьер Джон Пальмерстон признавал враждебное отношение местного населения к вторгшимся в Грузию войскам Омера-паши²¹.

Лидер консерваторов лорд Дерби заявил: «Я не против этого мира, но принимаю его без энтузиазма»²². Он назвал его «достойным» в отличие от «триумфального» окончания войны с Наполеоном I; но всякому здравомыслящему уму была очевидна разница между победоносным вступлением союзников в Париж в 1814 г. и положением застрявшей в Крыму англо-франко-турецкой коалиции в 1856 г. Британские экспансионистские планы были сорваны защитниками Севастополя. История, свидетельствовал оратор правительства в парламенте, воздаст должное «беспримерному бесстрашию русских, их неизменной отваге, их многоотпеливой выносливости, храбрости и искусству их генералов»²³. Кабинет сми-

рился, «...решающим фактором явилось понимание того, что больше у России можно было вырвать лишь в итоге долгой и кровавой войны»²⁴, — писал известный историк Р. В. Ситон-Уотсон. Воинствующий глава правительства считал за лучшее предать забвению свои далеко идущие планы перекройки карты Европы и заверял парламентариев, будто цели войны ограничивались «спасением Турции от дипломатических, военных и морских посягательств на независимость султана и целостность его владений»²⁵.

Сетования по поводу Парижского мира, начавшиеся во время памятных прений 5 и 6 мая 1856 г. в парламенте, не умолкли в Британии и по сей день. Маркиз Р. Солсбери, неоднократно занимавший пост премьер-министра, именовал Крымскую войну «заслуживающей сожаления глупостью»²⁶. А. Баркер заканчивает свою книгу «Бесславная война» следующим выводом: «Политические итоги войны были почти столь же неощутимы и противоречивы, как причины, ее породившие. Британия ничего не добилась и потеряла влияние в Европе. Россия потеряла и влияние и престиж, а сравнение ее с колоссом на глиняных ногах превратилось в банальность... Возможно, наиболее важным результатом явилось восстановление, через сорок лет, дипломатического преобладания Франции в Европе»²⁷. Д. Джадд задает вопрос: «Стоило ли все это затевать?».

Ответ, с точки зрения наиболее напористых представителей английского экспансионизма, может быть только один: да, стоило. В общем итоге Великобритания достигла многого: не выиграв ни одной битвы, она заставила царизм отказаться от преимуществ в Османской империи, достигнутых в итоге великих побед в четырех войнах (1768—1774, 1787—1791, 1806—1812, 1828—1829 гг.) и зафиксированных в четырех договорах: Кючук-Кайнарджийском, Ясском, Бухарестском и Адрианопольском. Отказавшись от права на покровительство христианским подданным султана, Российская дипломатия лишилась единственного легального пути, следуя которым она могла и собственные позиции укреплять, и поддерживать национальные устремления балканских народов. Престиж России в Юго-Восточной Европе был подорван, надежды на ее поддержку уменьшились. Соответственно возросли возможности британского проникновения на Балканы. О собственно Турции и говорить нечего: здесь английские позиции были преобладающими. В Черном море Россия была лишена права законной самообороны — и это в условиях, когда Порта в военное время могла пропускать эскадры своих союзников через Дарданеллы и Босфор. Османская империя лишь на бумаге приняла равные с Россией обязательства: «Турецкий флот, — свидетельствовал граф Абердин, — может войти в Черное море, когда ему заблагорассудится»²⁸. Это подтверждал и Пальмерстон: «Турция может держать на Босфоре, в Мраморном и Средиземном морях любое количество судов, которое сочтет нужным и будет в средствах содержать»²⁹.

Не одержав победы на поле боя, Лондон желал утвердить свое положение арбитра на Балканах и Ближнем Востоке, используя

послушный ему султанский режим. В Парижском трактате семь держав, его подписавших, свидетельствовали свое уважение владетельных прав Порты, «независимости и целостности империи Оттоманской». Статья восьмая трактата предоставляла государствам-участникам право посредничества «без применения силы» в случае конфликта между одним из них и Турцией. Формулировка эта не налагала строго очерченных обязательств, тем более военных. По мнению известного американского специалиста в области истории международных отношений В. Пюриера, «не было ничего в общем договоре 1856 г., что требовало бы от подписавших его держав гарантировать территориальный интегритет Турции»³⁰. Пальмерстон не удовлетворился содержащейся в тексте условий мира общей декларацией. Всякое посягательство на османские владения должно было, по его мысли, встречать коллективный отпор. Он добился подписания 15 апреля 1856 г. особого договора с Австрией и Францией, по которому три страны «совместно и порознь» гарантировали целостность и неприкосновенность Турции³¹. Россия при любой попытке пересмотреть Парижский мир должна была, надеялся Пальмерстон, сталкиваться с реальной угрозой возобновления антирусской коалиции. Пальмерстон (хотя Наполеон избежал точного определения казус белли) высоко оценивал свой успех, именую соглашение «важнейшим урегулированием последних лет истории»³².

Поставив свою подпись под договором, французы без тени смущения повинились перед русской стороной. И министр иностранных дел А. Валуевский, и сам император Наполеон ссылались в беседах с Орловым и Брунновым на ранее принятые обязательства, изменить которые они были якобы не в силах³³.

А. М. Горчаков, впада даже в некоторое преувеличение касательно результатов мира, писал о Великобритании: «Восточную войну она сделала для себя; все практические результаты идут ей на пользу. Из-за внутренних затруднений и соперничества великих держав... спокойствие континента зависит от ее милости. Второстепенные страны по причине своей слабости и изоляции должны подчиняться ее возрастающему давлению»³⁴. Ее экспансия распространяется в Персии, Центральной Азии и Китае.

Но своей цели — полного изгнания соперника с Балкан и Ближнего Востока, уничтожения всякой возможности вмешательства в дела двух регионов — Лондон все же не достиг, хотя и занял здесь преобладающие позиции.

«Англия остается враждебной нам. Мир, на который пошли с отвращением, не удовлетворил разошедшиеся во время войны страсти»³⁵, — отмечалось в отчете МИД за 1856 г.

Слабость британской политики состояла не в недостаточной жесткости навязанных России условий, а в бессмысленности попыток предотвратить крах Османской империи, в исторической неизбежности ее развала. Английский курс можно было определить отнюдь не дипломатической формулой: «держать и не пущать». Держать Балканы в состоянии прямой или вассальной зависимости

от Порты и не допускать возникновения в регионе независимых государств. Балканские народы, в оправдание сего, третировались как варвары, неспособные к самостоятельному существованию. «Славяне,— клеветал на них Пальмерстон,— не обладают данными, необходимыми для того, чтобы стать плотью и кровью новой государственности»³⁶.

Правда, в формулу статус-кво добавлялся неперменный компонент насчет реформ в Османской империи, которые-де превратят ее в современное государство, родительски опекающее подданных-христиан.

Однако уже в годы Крымской войны многие в самой Великобритании выказывали полное неверие в преобразовательскую деятельность Ренида-паши и его окружения. Благие намерения преобразователей наталкивались на мусульманский фанатизм и повисали в воздухе ввиду отсутствия социальной базы для реформ. Пессимистические голоса раздавались в парламенте по поводу изданного в феврале 1856 г. султанского указа*, предусматривавшего наряду с прочим равноправие последователей ислама и христианства. Лорд Грей говорил: указ противоречит корану; есть сведения, что в глухих местностях сами христиане боятся его претворения в жизнь, ибо вслед за этим на них обрушится негодование мусульман. От кригикки единичного, хотя и важного, акта Грей перешел к общим замечаниям: «Разве может какое-либо правительство управлять мягко и справедливо подданными, чью преданность оно не завоевало, которые относятся к нему с чувством горькой ненависти и с нетерпением ожидают времени, когда смогут способствовать его свержению? Разве не таковы чувства христианских подданных Порты и разве они не продемонстрировали это во время последней войны? Разве не вмешательство Британии и Франции предотвратило всеобщее восстание, и, возможно, успешное? Невероятно, чтобы после четырехсот лет самой злобной тирании христианское население Турции питало иные чувства к своим угнетателям». Надеясь на соглашение от 15 апреля 1856 г., Грей советовал не связывать себя обязательством поддержки «рассыпающейся и обреченной империи» (Османской.— *Авт.*)³⁷.

Вот что писал сам «великий элчи», британский посол в Турции лорд Стрэтфорд-Редклифф, в 1856 г.: «Если неприкосновенность султанских владений будет формально обеспечена, можно с полным основанием опасаться, что Порта погрузится в свою обычную спячку, а фирман о реформах останется безжизненной бумагой, интересной лишь как свидетельство существования здоровых принципов»³⁸. Сменивший Стрэтфорда Генри Булвер-Литтон свидетельствовал через четыре года: «Повсюду, где Турция достаточно влиятельна, чтобы ей слепо подчинялись, там ее правление сопровождается ленью, коррупцией, сумасбродством и крайней нищетой; там, где она слишком слаба и пользуется лишь сомнительной и но-

* Официальное название его — хатт-и хумаюн 1856 г. (см. § 1 гл. 2). В Парижском договоре он назывался фирманом, в дипломатической переписке — то фирманом, то хатт-и шерифом.

минальной властью, управление осуществляется методами арабского разбойника и не знающего закона вождя горского клана»³⁹. Таковы высказывания паладинов курса на сохранение владычества Порты в Юго-Восточной Европе.

Не секретом для Уайт-холла являлось отсутствие у турецких реформаторов солидной опоры внутри страны. По словам британского историка Б. Самнера, «парализующий дело парадокс заключался в том, что попытки Константинополя внедрить танзимат в отдаленных провинциях не могли зайти далеко без полного разрыва с местной мусульманской аристократией..»⁴⁰.

Наиболее дальновидные политики сравнивали длительные усилия Форин оффис по торможению прогресса на Балканах с пресловутой схваткой Дон Кихота с ветряными мельницами. «Наши наименее способные дипломаты были направлены в Константинополь, страна была поставлена под наблюдение наших консулов, эти джентльмены снабдили нас кучей Синих книг, которые приводят к одному выводу: все эти усилия, все эти жертвы напрасны», — свидетельствовал известный лидер сторонников свободы торговли Джон Брайт⁴¹. Другой депутат, Д. Андерсон, заявлял: Британия знает, что «бороться за Турцию — значит бороться за империю тиранни, жестокости, рабства и всех тех пороков, что отвратительны нашему народу». В начале 60-х годов видный консерватор лорд Р. Дерби выражал свое мнение так: «Убежден, что развал Турецкой империи — вопрос времени, и, возможно, не очень далекого... Признаюсь, не понимаю, чем, помимо влияния престарелых государственных деятелей, можно объяснить поддержку турецкого правления, право оно или нет. Полагаю, мы сами превращаем себя во врагов тех рас, что скоро будут господствовать на Востоке»⁴².

Еще более решительно высказывался лидер либералов Вильям Юарт Гладстон: «...мы катим сизифов камень вверх по склону, и в момент, когда мы уберем руку, он покатится вниз. Мы пытаемся наложить вето на политические изменения во всех странах и на всех морях, по которым могут пролегать пути между Англией и Востоком». Другой известный либерал, лорд Хартингтон, признавал: «Турецкое господство — сгнивший ствол; борющиеся национальности — живое дерево»⁴³.

Все эти мысли были глубоко правильны, и выражались они порой красочно. Однако в дела они не претворялись, оставаясь пустыми lamentациями. Как только критик переходил из оппозиции в правительство, словно пелена застилала его очи и он превращался в поборника и проводника старого, заложенного еще в начале века курса на сохранение статус-кво в Юго-Восточной Европе. Метаморфоза, произошедшая с тем же лордом Дерби в 1874 г., при вступлении его в кабинет, показательна. Сам Гладстон «прозрел» при переходе в оппозицию. Будучи же министром финансов во время Крымской войны, он способствовал ее ведению; в его обширной речи при обсуждении Парижского мирного договора не нашлось места для осуждения существовавших в султанских владениях порядков⁴⁴. Когда на карту ставились интересы британского капи-

тала, министры становились недоступны голосу здравого смысла и не желали считаться с судьбами балканского населения. Подводя итоги «деяниям» Лондона, Р. Т. Шэннон пишет: «После 1856 г. Форин оффис проявил максимум энергии и изобретательности, упрямо игнорируя свидетельства тому, что его восточная политика все более и более несовместима с реальностью...»⁴⁵. А константой политики Великобритании являлось противодействие России на Балканах и Ближнем Востоке*.

2

Монархия Габсбургов: переход к политике «Дранг нах Зюд-Остен»

Балканское направление великодержавной династической политики Габсбургов складывалось в ходе целой серии австро-турецких войн XVII—XVIII вв. и в результате присоединения венгерской короны вместе с ее балканскими владениями — Хорватией и Славонией. Последняя провинция Триединого королевства — Далмация — досталась Габсбургам в начале XIX в., после окончания наполеоновских войн. Длительные войны, которые Габсбурги вели против Османской империи, несомненно способствовали подрыву европейских позиций последней, но решающей роли в ликвидации османского ига на Балканах им не было суждено сыграть. Вплоть до рубежа 70-х годов XIX в. юго-восточное балканское направление занимало в имперской политике второе место. Внимание и силы империи поглощали сначала вековая борьба с Францией за европейскую гегемонию, а затем с Пруссией за гегемонию в Германии.

В середине XIX в., после подавления революции 1848—1849 гг., международное положение империи в первую очередь благодаря прочному, как тогда казалось, союзу с царизмом было благоприятным. Благоприятно относилось к ней и британское правительство, которое в критические дни 1849 г. устами Пальмерстона подчеркнуло, что неделимая Австрийская империя является «европейской необходимостью». Вся Европа обратила внимание на публичное заявление Пальмерстона, в котором говорилось: «Австрия является важнейшим элементом равновесия европейских держав. Австрия стоит в центре Европы как барьер против покушения с одной стороны и против вторжения — с другой. Политическая независимость и свобода Европы связаны, по моему мнению, с сохранением Австрии и ее целостности в качестве великой европейской державы»⁴⁶.

* В последующих параграфах главы выделены этапы французской, австрийской, итальянской, русской политики на Балканах в 50—70-х годах XIX в. В отношении британского курса необходимости в такой периодизации не ощущается; он был неизменен на протяжении двадцати с лишним лет. Отступления (вроде известной поддержки болгарской церковной автономии) допускались лишь в том случае, когда русская дипломатия переживала определенные трудности, и в пользу ей.

Опираясь на благоприятную для Габсбургов международную обстановку, канцлер князь Феликс Шварценберг приступил к реализации своего плана создания 70-миллионной державы, которая включала бы не только всю Германию, но и полностью владения Габсбургов со всеми их немецкими придатками. По замыслу Брука, соавтора этого плана, единственного представителя буржуазии в кабинете Шварценберга, начинать его осуществление следовало с установления таможенной унии между Австрией и Германией, вся экономическая мощь, военные ресурсы которой должны были быть поставлены на службу Австрии для выполнения «ее культурной миссии на Востоке»⁴⁷. Таким образом, реорганизация политической карты Германии и всей Средней Европы под руководством Габсбургов должна была служить предпосылкой для экспансии в юго-восточном направлении. Но основное внимание правящих кругов монархии в конце 40-х—начале 50-х годов XIX в. поглощало в первую очередь решение германского вопроса.

Однако из-за вмешательства Николая I, который взял на себя роль верховного арбитра в конфликте двух германских династий и положил конец «немецкой ссоре», заставив смириться обоих противников, правительству Шварценберга—Брука не удалось добиться создания таможенной унии, которая бы охватила обширное пространство, лежащее между Северным и Адриатическим морями, между Дунаем и Рейном. В этих условиях единственно возможным направлением великодержавной экспансионистской политики вновь становились Балканы, и прежде всего Валахия и Молдова (в Вене уже весной 1849 г. высказывали тревогу по поводу длительного нахождения царских войск в Дунайских княжествах, что, по мнению австрийских дипломатов, могло бы вызвать на Балканах «славянские движения и представляло большую опасность для будущего Австрии»⁴⁸).

К этому логическому выводу и пришел граф Карл Фердинанд Буоль-Шауэнштайн, опытный австрийский дипломат, возглавивший внешнеполитическое ведомство в 1852 г. С именем этого министра связано осуществление одного из серьезнейших, с далеко идущими последствиями, поворотов австрийской внешней политики, во многом предопределившего не только поведение этой страны во время Крымской кампании, но и оказавшего большое влияние на международное положение Австрийской империи в критические для нее 60-е годы XIX в.

В исторической литературе за Буолем прочно утвердилась репутация чуть ли не самого неспособного из государственных деятелей Австрии XIX в., своими неудачными действиями подготовившего катастрофы 1859 и 1866 гг.⁴⁹ «Незадачливый Буоль» — едва ли не самый «лестный» эпитет, которым его награждают историки. Подобные оценки личности и деятельности Буоля лишь подкрепляют ту концепцию, согласно которой «неожиданный» поворот в политике Вены от дружбы и союза с Романовыми к «предательству» якобы против воли молодого и неопытного еще в делах императора Франца Иосифа объяснялся исключительно только интригами ми-

нистра иностранных дел, его недалекостью, а главное, неправильным пониманием истинных интересов династии и империи. Вся эволюция австрийской политики в отношении России, так же как и балканская экспансия в целом, оценивалась как нечто не имеющее корней и традиций, лишенное сколько-нибудь разумно объяснимой мотивировки. Поэтому в контексте русско-австрийских отношений в 50—60-х годах XIX в. и балканской политики империи та или иная трактовка личности Буоля приобретает принципиальное значение, так или иначе влияя на оценку двух существенных аспектов Восточного кризиса: 1) была ли неминуема конфронтация Австрии с Россией? 2) имела ли Австрия на Балканах экспансионистские цели и как они проявлялись?

Внешнеполитические взгляды Буоля складывались за годы его долгой дипломатической карьеры в различных европейских столицах, в особенности в Лондоне, где он служил дважды. Его глубокая убежденность в полезности сближения с сент-джеймским двором и отхода от слишком тесной близости с петербургским естественным образом дополнялась преклонением перед английскими порядками и образом жизни, с одной стороны, и столь же глубокой враждебностью к России — с другой, которую еще более обострили взаимно неприязненные отношения с Николаем I, сложившиеся в бытность Буоля при царском дворе в 1848—1850 гг.

С момента назначения Буоля министром иностранных дел в австрийской политике произошел решительный поворот от тесного сотрудничества с Россией к сближению с Англией и Францией. Министр приложил много усилий для достижения соглашения с Парижем и Лондоном — 2 декабря 1854 г. он заключил с Англией и Францией союз, направленный против России. Однако, несмотря на то что Буоль действительно внес в политику Австрии личные мотивы, столь важный поворот во внешнеполитической ориентации Австрии, рискованный и чреватый опасными для нее самой последствиями, не может быть объяснен только неудачной дипломатией Буоля, «неблагодарностью» Франца Иосифа и иными случайными факторами. Также неверно было бы предположить у венского двора наличие каких-либо симпатий к бонапартизму Луи Наполеона или к британскому парламентаризму (проанглийские симпатии Буоля являлись редким исключением) или отвращения к самодержавному строю в царской России. Скорее, наоборот.

Тогда почему Австрия действительно поразила мир своей «неблагодарностью»? Главной причиной, сделавшей необходимым крутой поворот австрийской внешнеполитической ориентации в середине XIX в., было постепенное перемещение центра тяжести имперских интересов с Запада на Восток, начало того процесса, который развернулся со всей силой спустя полтора-два десятилетия. А уже тогда было очевидно, что добиться каких-либо преимуществ на Востоке Габсбурги смогут не в союзе с Россией, который к тому же приобрел характер стеснительной для них опеки, а вопреки ей. Усиление позиций России в первые десятилетия XIX в. в Сербии и Дунайских княжествах показало Габсбургам, что именно

эта держава станет главной преградой на пути осуществления их честолюбивых замыслов на Балканах, которые вследствие практического отсутствия возможностей территориальных завоеваний на западе континента становились единственно возможным направлением австрийской экспансии.

Фр. Лист, один из ранних идеологов пангерманизма, автор идеи немецкой «Средней Европы», распространял ее на все придунайское пространство: «Наше положение в мире, течение величайшей нашей реки... ставит нас в весьма определенное положение в отношении Востока. Задачу, вытекающую отсюда, мы можем выполнить лишь в том случае, если усилим немецкий элемент на нижнем Дунае. Немецкие правители, в особенности Австрия, располагают всеми средствами, необходимыми для этого...»⁵⁰.

Расчеты Габсбургов на овладение Дунаем, этой важнейшей водной артерией Европы, на всем его протяжении от верховьев до устья, на выход к Черноморскому побережью, однако, перечеркивались утверждением русского влияния в Валахии и Молдове.

Тревожили их и результаты русско-турецкой войны 1828—1829 гг.: восстановление сербской государственности и утверждение государственности Дунайских княжеств, подавали «дурной» пример миллионам румын и южных славян в имперских владениях (недаром Буоль считал Россию «величайшей подстрекательницей революции» на юго-востоке Европы).

Это предопределило неудачу участвовавших по мере приближения очередной вспышки Восточного кризиса попыток русской дипломатии предотвратить открытую конфронтацию с соседней империей.

В сентябре 1853 г. царь собственной персоной отправился в Австрию, чтобы склонить царственного брата на свою сторону. Но и ольмюцкая встреча итогов не принесла. Возродить Священный союз Николаю так и не удалось. Самое большое, на что соглашался австрийский император, — нейтралитет, но ... до тех пор, пока не будут затронуты австрийские интересы. Затем австрийский император потребовал письменных гарантий того, что царская армия не пересечет линии Дуная, а Россия не будет стремиться к расширению своей территории⁵¹. Выдвинутое русской стороной предложение об осуществлении совместного русско-австрийского покровительства над добившимися независимости территориями Османской империи не вызвало энтузиазма у министров и генералов Франца Иосифа, вынашивавших планы захвата Дунайских княжеств.

В успех и безнаказанность своего предприятия венский двор окончательно поверил после того, как получил твердые заверения своего посла в Париже барона Хюбнера в том, что французский император воздержится от попытки спровоцировать через Кошута и Мадзини «революционную войну» в Венгрии и Италии⁵². Правители монархии пришли к выводу, что союз с Францией не только обезопасит австрийские позиции в долине По и нейтрализует деятельность венгерской эмиграции, но и откроет путь на юго-восток, поможет осуществить и ближайшую конкретную цель — захват кня-

жеств. Таким образом, в основе переориентации — от союза к конфронтации с Россией — лежала не оборонительная, как утверждают даже критически настроенные к Габсбургам представители современной буржуазной западной историографии, а наступательная, экспансионистская по своему содержанию и целям стратегия.

Необходимо вместе с тем иметь в виду, что агрессивный внешнеполитический курс Буоля вытекал из своеобразия внутренней этнонациональной и государственно-политической структуры империи Габсбургов и являлся продолжением контрреволюционной политики подавления освободительных устремлений всех народов внутри империи. Но свои агрессивные намерения на Балканах и необходимость выступления против России австрийский министр «теоретически» обосновывал «подрывной» деятельностью северного соседа в Юго-Восточной Европе. Настаивая на овладении Дунаем, Буоль утверждал, что оккупация Россией Дунайских княжеств и вообще вся ее политика создают угрозу войны и «революционных движений на Востоке»⁵³, под которыми следует, очевидно, подразумевать национально-освободительные выступления балканских народов против османского ига. Только в этом смысле можно говорить об охранительных целях и задачах балканской политики Австрии, поскольку любое восстание у ее юго-восточных границ потенциально несло в себе зародыш аналогичных выступлений ее собственных угнетенных народов, к тому же связанных кровными узами родства, языковой близости, культурных традиций, исторического и национального самосознания с народами Европейской Турции. Противодействие нарушению статус-кво на Балканах и акциям внешних сил, которые бы способствовали национальным восстаниям и освободительным войнам в регионе, стало едва ли не главной заповедью балканской политики Вены. Судя по выступлению Буоля на совещании 25 марта 1854 г., австрийское правительство было встревожено заявлением Николая I о том, что он «не намерен допустить возвращения под турецкое господство освобождающегося христианского населения», не меньше, чем продолжавшейся русской оккупацией Молдовы и Валахии⁵⁴.

Что же касается непосредственных захватнических целей Австрии на этом этапе Восточного кризиса, то первоочередным объектом ее воцелений являлось Нижнее Подунавье. Когда Буоль призвал правителей империи «не упускать случая, который никогда больше может не повториться», он имел в виду возможность, пользуясь стесненным положением России, немедленно овладеть Валахией и Молдовой и рекой Дунай практически на всем ее протяжении⁵⁵. Граф Буоль-Шауэнштайн, писал в свое время «последний из могикан» консервативно-католической школы австрийской историографии Хуго Ханч, считал момент подходящим для того, чтобы завершить дело принца Евгения (Савойского. — Авт.) и распространить господство Австрии на соседние Балканы, принять участие наравне с другими в разрушении Османской империи в Европе и заработать на этом»⁵⁶. Примерно так же оценивал австрийскую политику времен Крымской войны другой видный историк Австрии — Фридь-

юнг⁵⁷. И сам Буоль не скрывал агрессивности своих планов, будучи твердо убежденным, что «ни одна историческая эпоха не предоставляла австрийскому дому более благоприятного шанса полностью покончить с восточными осложнениями, подобно дамоклову мечу висящими над судьбой Австрии...⁵⁸»

Несмотря на столь недвусмысленные заявления, не допускающие альтернативных толкований, несмотря на то, что именно Буоль был инициатором разрыва со старой политикой сотрудничества с Россией на Востоке, что именно ему принадлежала идея «протектората» над Сербией и Дунайскими княжествами, более молодое поколение современной западной историографии в лице В. Хайндл, Барбары Елавич, Поля Шредера и других, отрицая экспансионистский характер австрийской политики времен Крымской кампании, квалифицируют ее как «консервативную и оборонительную»⁵⁹.

Кумир австрийской военщины — престарелый фельдмаршал Радеcki настаивал на немедленной оккупации Боснии и Герцеговины. Генералов привлекали также и другие территории на Западе Балкан — Албания, Сербия, Западная Македония. Лишь опасения военного столкновения с Россией, определенные симпатии консервативных кругов Австрии к царскому режиму и инстинктивное недоверие к западным демократиям, да и понимание неподготовленности Австрии к войне удерживали часть военных от одобрения рискованной, на их взгляд, политики Буоля⁶⁰. Буоль и Франц Иосиф пренебрегли заверениями российского правительства в том, что Россия без согласия венского кабинета не посягнет на статус-кво на Балканах. Не прислушались они и к совету осторожного отставного канцлера К. Меттерниха, все еще влиятельного при дворе, — если уже вмешиваться, то не «в начале кампании, а в конце ее, когда воюющие державы истощат друг друга»⁶¹. Правитель империи не терпелось воспользоваться моментом, чтобы извлечь максимум выгод из англо-франко-русского конфликта. Для царившей тогда в правительственных канцеляриях Вены атмосферы лихорадочного возбуждения, вызванного предвкушением новых завоеваний, характерен ход важного совещания, созванного императором 31 января 1854 г. Отбросив всякую осторожность, на этом решающем совещании Франц Иосиф и высшие армейские чины ратовали за немедленную оккупацию Сербии, прежде чем русская армия пересечет Дунай, т. е. речь шла уже не только о Дунайских княжествах, но и о славянском княжестве⁶².

Дальнейший ход событий известен: в мае 1854 г. Австрия придвинула к границам России несколько своих армейских корпусов, дислоцированных в Галиции, Буковине и Трансильвании. Затем в августе последовал австрийский ультиматум, заставивший Россию очистить Валахию и Молдову, куда в сентябре вошли австрийские войска. Цель, казалось, была достигнута: Россия унижена, княжества заняты. Франц Иосиф, несколько опережая события, еще 20 сентября поспешивший поздравить Наполеона III с успешным штурмом Севастополя, был полон надежд на будущее: «... из этой восточной истории мы извлечем только выгоды, — писал он своей

матери эрцгерцогине Софии 8 октября 1854 г., — если мы будем действовать смело и энергично. Наше будущее лежит на востоке». Приведем еще один отрывок из этого письма, полного нескрываемой ненависти к прежнему союзнику и спасителю: «Очень трудно быть вынужденным выступать против прежних друзей, только в политике иначе нельзя, на Востоке Россия являлась нашим естественным врагом во все времена...»⁶³.

В декабре 1855 г., через три месяца после падения Севастополя, австрийский император, пригрозив войной, заставил российских уполномоченных сесть за стол переговоров.

В конечном итоге расчеты Буоля и Франца Иосифа провалились, политика их оказалась близорукой и непродуктивной, ее последствия — катастрофическими. Франц Иосиф и Буоль вели коварную игру не только с Россией, но и со своими новоявленными союзниками. Кайзер излагал свои взгляды в письме к Альберту Саксонскому 18 августа 1855 г. следующим образом: «Это может звучать бесчеловечно, но чем больше они будут убивать друг друга в Крыму, тем больше мы можем рассчитывать на мир». Что касается Австрии, то вступление ее в военные действия «сразу же явится для нее борьбой за существование»⁶⁴. Западные державы не простили Францу Иосифу того, что в то время, когда их войска истекали кровью под стенами Севастополя, Австрия сумела сохранить свои силы в неприкосновенности. От Дунайских княжеств — награды за вероломство — пришлось отказаться очень скоро, после Парижской мирной конференции. Наметилось сближение между Францией и Россией, означавшее начало дипломатической изоляции Дунайской монархии. Несмотря на все усилия, Буолю не удалось закрыть двери мирной конференции перед Кавуром, злейшим врагом Австрии, твердо рассчитывавшим на благодарность Наполеона в обмен на участие сардинских войск в крымских сражениях — за счет северо-итальянских владений Габсбургов. Главным же последствием крымской авантюры Австрии была безвозвратная потеря дружбы петербургского двора. Позиция Австрии в войне — не эпизод, а «отправной пункт новой политики, основой которой является открытая вражда к нам»⁶⁵, — констатировали в российской столице. Довольно точно ситуацию, в которой очутилась Австрия после Парижской конференции, обрисовала французская императрица Евгения в беседе с бароном Хюбнером: «Ну так что же вы выиграли вашей политикой? Теперь вы не сможете примириться снова с Россией, вам не удалось восстановить ваше влияние в Германии, и вы не можете рассчитывать на благодарность ни Франции, ни Англии»⁶⁶. Неутешительным был баланс во всех отношениях: странная игра Буоля в Крымскую кампанию обошлась казне в 611 млн. гульденов, которые пошли на покрытие мобилизационных расходов. Ряды армии, брошенной в Дунайские княжества и не сделавшей там ни единого выстрела, косила холера, вспыхнувшая в этой стране; своими поборами и бесцеремонным хозяйничаньем войска заслужили дружную ненависть населения⁶⁷.

Прямым следствием этой дорогостоящей авантюры явилось по-

ражение изолированной Австрии в войне 1859 г. с Францией и Италией, стоившей ей богатейшей из всех провинций империи — Ломбардии. Поражение положило конец режиму неоабсолютизма и ознаменовало начало конституционных реформ, поисков новой государственно-правовой формы существования империи, вступившей в полосу самого глубокого в ее истории кризиса. В 1860-х годах наступила решающая стадия процесса объединения Германии, что являлось также и австрийской проблемой. Во внешней политике империи Габсбургов на этом этапе главным, таким образом, снова стал германский вопрос, а во внутренней — венгерский. Император Франц Иосиф несколько не преувеличивал тяжесть положения империи и своего собственного, когда в письме к своей матери, датированном 2 октября 1860 г., жаловался: «Разбойничьи действия Гарибальди (имелся в виду всколыхнувший всю Италию „поход тысячи“ краснорубашечников Гарибальди.— *Авт.*); кражи Виктора Эммануила (короля Сардинии.— *Авт.*); невиданные доселе жульнические проделки архинегодая в Париже (т. е. императора Наполеона III.— *Авт.*), который превзошел самого себя; рейхсрат, который, к счастью, теперь, против ожидания, похоронен; волынка в Венгрии; бесконечные пожелания и требования всех провинций и т. д.— всем этим так забита моя бедная голова, что у меня ни минуты для себя не остается... Если бы не было Венгрии, я мог бы совершенно спокойно взирать на будущее...»⁶⁸. В этих условиях Австрия была вынуждена отложить свои экспансионистские планы и ограничиться упорным дипломатическим сопротивлением намечавшимся на Балканах изменениям.

Так продолжалось почти до конца 1860-х годов. «Глубокий государственный кризис 1859—1866 годов»⁶⁹ завершился вытеснением Австрии из Германии в результате войны с Пруссией и преобразованием империи Габсбургов в дуалистическую Австро-Венгрию в 1867 г. Эти исторические события имели решающее значение для радикального изменения соотношения приоритетов в традиционной раскладке основных направлений (Германия, Италия, Балканы) имперской политики габсбургской монархии. После катастрофической неудачи под Садовой в 1866 г. и превращения единой империи в двухцентровую рост значения восточного направления был естественным и логичным. Некоторые современные исследователи относят победу новой ориентации в австрийской внешней политике уже к 1868 г. и связывают ее с личностью нового министра иностранных дел Ф. Бойста. «Для Бойста,— пишет известный австрийский историк Р. Нек,— всегда на переднем плане стоял Восточный вопрос, и в теснейшей связи с этим проблема отношений с Россией, весьма осложнившихся после Крымской войны вследствие австрийской политики. Вообще теперь впервые за многие годы балканская политика монархии получила новый импульс»⁷⁰.

Для такого рода категоричных суждений об окончательной переориентации внешнеполитических интересов с Запада на Восток нет достаточно веских оснований, и процесс этот, как нам кажется, занял всю первую половину 70-х годов и завершился оккупацией

Боснии и Герцеговины в 1878 г. Во-первых, потому, что объединение Германии и Италии и тем самым «закрытие» для Габсбургов западного направления стало окончательным и бесповоротным фактом европейской истории лишь в 1871 г., а после этого понадобилось еще несколько лет, чтобы урегулировать отношения с Германией (а также и с Россией) в соответствии с новыми реалиями. Во-вторых, Д. Андраши, олицетворявший новую политику, был призван на пост министра иностранных дел императором-королем в 1871 г.

В том, чтобы в венской политике возобладало восточное направление, кровно был заинтересован прусский канцлер О. Бисмарк, и не в последнюю очередь поэтому он оказывал всяческую поддержку дуалистическому преобразованию монархии и усилению в ней венгерского влияния⁷¹. В преддверии решающей схватки с Францией, считавшейся тогда сильнейшей военной державой континента, Бисмарк вовсе не хотел иметь за спиной у себя враждебную, жаждущую реванша Австрию.

Создалась чрезвычайно любопытная ситуация, когда Франция и Пруссия после жесточайших поражений, нанесенных ими Австрии (в 1859 и 1866 гг.), принялись добиваться ее расположения. Только в 1867 г. через своего посла в Вене Бисмарк трижды предлагал Австро-Венгрии заключить союз. И тогда же, в августе 1867 г., в Зальцбург приезжал император французов Наполеон III для переговоров с Францем Иосифом о союзе против Пруссии.

Урегулировав отношения с Венгрией, Вена, однако, была достаточно осмотрительна, чтобы не бросаться в объятия одного из новоявленных «друзей».

Собеседники в Зальцбурге ограничились тем, что подтвердили, правда лишь в принципе, обоюдную решимость отстаивать территориальную целостность Османской империи. Францу Иосифу удалось заручиться поддержкой французского императора в противодействии освобождению Боснии и Герцеговины из-под османского ига и возможному присоединению этих провинций к Сербии и Черногории.

Неестественное совпадение взглядов на новую роль Вены в европейских делах берлинских и парижских руководителей, их трогательная забота о скорейшей консолидации монархии на дуалистической основе, так же как и единодушное их стремление толкнуть Австрию на Восток, имело одну общую тщательно скрываемую цель — столкнуть ее с Россией на почве раздела османского наследства. Сделать это было нетрудно, поскольку в европейских столицах отлично понимали значение балканских дел для Дунайской монархии. Существовали ли в политических кругах империи другие антиэкспансионистские тенденции? Ведь даже со «стороны» были видны возможные негативные последствия поглощения новых земель. Об этом писал в 1866 г. известный итальянский политический деятель Руджеро Бонги. «Не будут ли все усилия, направленные на внутреннее восстановление (Австрийской империи.— Авт.), сведены на нет неминуемым распадом Турции? Будет ли Австрия до-

статочно благоразумна, чтобы убедить себя в том, что ей достаточно своих 35 млн. жителей, и в том, что ей не выгодно увеличивать силу и численность ее славянского элемента присоединением других народов того же происхождения, являющихся ныне подданными султана?» Бонги полагал: «Не лучше ли будет для нее допустить создание у своих границ государства, у которого экспансия России вызовет такое же подозрение, как и у нее самой?»⁷². К этому очень рискованному в глазах правителей монархии плану одно время склонялся граф Д. Андраши, первый премьер дуалистической Венгрии. Его мысль состояла в том, чтобы расширить Сербию за счет присоединения к ней османских провинций Боснии и Герцеговины. «Созданная под покровительством династии Габсбургов „Великая Сербия“, — считал Андраши, — не явится центром притяжения для югославян монархии, будет послушно исполнять волю Австро-Венгрии, став, таким образом, противовесом России на Балканах». Однако этот план, уникальный в истории Дунайской империи, к которому никогда больше не возвращались ни в Вене, ни в Будапеште, не имел под собой реальной почвы, потому что не учитывал ни всей остроты национального вопроса как в пределах монархии, так и на Балканах, ни экспансионистских тенденций австро-венгерского капитала.

А пока что обескровленная войной 1866 г., внутренне еще не консолидированная Австрия не могла не желать отсрочки конфликта на Балканах, из которого она не в состоянии была извлечь какую-либо выгоду для себя. Новый канцлер Ф. Бойст хотел посеять у балканских руководителей мысль, что народы могут получить определенные права и свободу при поддержке Европы, не прибегая к оружию. Главное было любой ценой предотвратить взрыв, оттянуть его как можно дальше, когда монархия будет в состоянии, по выражению русского посла Штакельберга, «ловить рыбу в мутной воде»⁷³.

Бойст должен был прислушиваться к советам и рекомендациям берлинского двора, кровно заинтересованного в установлении более или менее терпимых отношений между Веной и Санкт-Петербургом. В речах Франца Иосифа и его министра, обращенных к Александру II и Горчакову, звучали дружеские ноты. Соответствующие коррективы были внесены также и в балканский курс Вены. Австрийские министры стали подчеркнуто выражать свою благожелательность Сербии, посол в Стамбуле, граф Прокеш, получил инструкции отстаивать «легитимные интересы» христиан Османской империи, и сам кайзер в беседе с прусским послом заговорил о новой политике на Востоке, о необходимости предотвратить конфликт путем удовлетворения «справедливых требований христианских наций». Налицо было желание Австрии выступать в роли защитницы христианских народов и, главное, выбить этот козырь из рук петербургских правителей, которые с некоторых пор (особенно после Крымской войны) стали проявлять интерес к деятельности либерально-демократических кругов Балканских стран.

Именно в таком духе оценили новые интонации венской поли-

тики не только в Петербурге, но и в Берлине. Тем не менее и Горчаков, и способный дипломат посол в Вене граф Штакельберг склонились к тому, чтобы поддержать новый курс Вены в Восточном вопросе, что, казалось, создавало предпосылки для сближения позиций обеих держав, их сотрудничества в решении Восточного вопроса и расширения путем совместных действий прав балканских народов.

Выдвинув лозунг удовлетворения «законных интересов» Балканских стран и оказав дипломатическую поддержку стремлениям Сербии и Болгарии избавиться от османского ига, Бойст придал бóльшую гибкость традиционной австрийской политике соблюдения целостности Османской империи и сдерживания массовых антиосманских движений на Балканах. Соревнуясь с Россией в завоевании симпатий балканских стран, преуспев в этом в определенной степени, Австрия тем не менее не упускала из виду и конкретную цель установления своего господства над Боснией и Герцеговиной. Руководствуясь этими соображениями, в конце 1866—начале 1867 г., т. е. когда переговоры о заключении австро-венгерского дуалистического соглашения шли к своему успешному завершению, австрийская дипломатия, стремясь воспользоваться благоприятной ситуацией, возникшей в результате критского восстания, предприняла попытку решить проблему провинций в свою пользу путем полюбовной сделки с петербургским двором. Австрийский посол в России граф Ревертера в декабре 1866 г. в беседе с Горчаковым неожиданно заговорил о видах своего правительства на Герцеговину. При следующей встрече, в январе 1867 г., он упомянул также и о Боснии. В обмен на присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии венский кабинет изъявил готовность предоставить партнеру свободу рук в устье Дуная. Сделка, однако, ввиду отказа Горчакова не состоялась, и Австрия вынуждена была дезавуировать своего дипломата⁷⁴.

Обнаружилось, что Петербург и Вена вкладывают разное содержание в политику поддержки христианских народов; Россия была заинтересована в расширении их прав и подрыве османского владычества; Австро-Венгрия, напротив, стояла на позициях сохранения власти Порты, но сознавала необходимость определенных уступок с ее стороны.

Одна из специфических особенностей явления международных отношений XIX в., обозначаемого термином «Восточный вопрос», куда входил комплекс противоречивых интересов целой группы держав, состояла в том, что ни одна из них не могла действовать в этой коллективной дипломатической игре самостоятельно, в одиночку, не соизмеряя своих акций с возможной реакцией других партнеров-соперников. Только сами поработанные народы поднимали оружие против все еще могущественной Порты без какой-либо предварительной дипломатической подготовки, стихийно, не испрашивая ничего согласия, не вполне, может быть, сознавая, что самые решительные, беззаветно отважные, но разрозненные их выступления не могут увенчаться полным успехом без эффективной

вооруженной и политической поддержки группы или хотя бы одной из великих держав. В какой-то мере это понимали правители Сербии, Черногории, Румынии, обращавшие свои взоры то к Лондону и Парижу, то к Вене и Санкт-Петербургу.

Россия и Австрия, две наиболее заинтересованные в балканских делах державы, преследовавшие диаметрально противоположные цели на полуострове, ревниво следя за каждым шагом друг друга, готовы были тем не менее, при известных обстоятельствах, и к сотрудничеству и совместным действиям.

Такой момент наступил, в частности, в 1866—1867 гг., в первые месяцы пребывания Бойста на посту министра иностранных дел. В октябре 1867 г. Россия предприняла попытку склонить Австро-Венгрию к опубликованию совместной декларации о невмешательстве в балканские дела в случае нового восстания. Горчаков в ноте от 17 октября 1867 г. предложил заинтересованным державам придерживаться такого принципа в отношении Османской империи.

Мысль о невмешательстве держав родилась в балканских недрах; ее выдвинуло национально-освободительное движение Сербского княжества, которое правительство Александра II рассматривало как главную опору своего влияния на Балканах. Как отмечает В. И. Фрейдзон, уже в 1860 г. сербский публицист Матиа Бан в записке, направленной МИД России, развивал идею о необходимости усиления внешнеполитических позиций России на Балканах без прямого конфликта с другими державами, нейтралитет которых необходимо было обеспечить. Записка соответствовала точке зрения Горчакова, который назвал ее «замечательной», и Александра II, считавшего высказанные в ней мысли «справедливыми»⁷⁵.

Однако попытка России не увенчалась успехом. Бойст считал, что подобная декларация будет равносильна призыву к восстанию, которое могло стать началом нового этапа борьбы балканских народов за независимость, что вовсе не входило в расчеты австро-венгерской дипломатии. Вена продолжала настаивать на сохранении статус-кво в Юго-Восточной Европе, что препятствовало развертыванию национально-освободительных движений, оформлению независимости Балканских стран. К тому же два конкретных события придали Вене недостающую ей после Садовой уверенность — заключение австро-венгерского соглашения в 1867 г. и наступившее соглашение между венским и парижским дворами.

После Зальцбургского свидания императоров руководители австро-венгерской дипломатии заговорили более решительным голосом. На заседании делегаций австрийского и венгерского парламентов в марте 1868 г. представитель правительства, рискуя вызвать раздражение Петербурга, заявил, что если в случае восстания на Балканах дело дойдет до вмешательства какой-либо страны (т. е. не только России, но и Сербии или Черногории), Австро-Венгрия не останется безучастным зрителем.

Это означало, что ошибочными были расчеты Петербурга на немедленные внешнеполитические последствия дуалистического преобразования Австрийской империи, на то, что усиление венгерско-

го влияния на внешнюю политику монархии, а также очевидная военно-политическая ее слабость сделают более сговорчивыми венских правителей в балканских делах. Противостояние двух держав на Балканах продолжалось, несмотря на интерлюдии в виде сотрудничества по отдельным вопросам.

3

Наполеон III, «принцип национальностей» и Балканы

Данная тема имеет довольно богатую и разнообразную историографию, на которой мы считаем нужным вкратце остановиться, ибо большинство трудов буржуазных авторов отмечены идеализацией внешней политики бонапартизма на Балканах из-за провозглашенного самим императором «принципа национальностей»; в свою очередь, официальный принцип политики расходился, порой разительно, с ее реальным содержанием; поэтому нам представляется необходимым соотнести декларируемые цели с конкретным курсом хотя бы на нескольких примерах, касающихся основных освободительных процессов, развернувшихся на Балканах.

Французские исследования по истории Второй империи, особенно труды представителей официального направления конца XIX — первой трети XX в. П. Лягорса, Ж. Шамбрие, Г. Паже и других, несмотря на их тенденциозность, стремление показать в выгодном свете внешнеполитическую деятельность дипломатии Наполеона III, идеализировать ее, представляют интерес благодаря большому фактическому материалу, содержащемуся в них⁷⁶.

Немалое место уделено тому же сюжету в исследованиях по истории международных отношений. Можно назвать французские монографии А. Дебидура, Г. Монико, Ж. Анселя и А. Кагюз, работы английских историков А. Дж. Тейлора, герцога Аргайла и В. Моссе, немецкого историка Ф. Бамберга, а также труд болгарского историка Г. Генова, изданный в 1926 г.⁷⁷ В этих работах, особенно у А. Дебидура и А. Дж. Тейлора, внешняя политика Наполеона III дается в явно приукрашенном виде.

Существует целая библиотека, посвященная специально балканской политике Наполеона III и его отношениям с другими державами в связи с Восточным вопросом. Прежде всего к ним относится монография французского историка начала XX в. Ф.-Ш. Ру «Александр II, Горчаков и Наполеон III», в которой очень подробно исследуются русско-французские отношения в 1856—1870 гг. и большое место уделено политике этих двух держав в Юго-Восточной Европе⁷⁸. В этой работе, как и в большинстве других французских исследований по истории Второй империи, написанных в период франко-русского союза (1891—1917 гг.), автор старательно сглаживает все антирусские действия дипломатии Наполеона III, пытается скрыть эгоистические, корыстные цели французской внешней политики на Балканах. Следует упомянуть труды Луи Туvene-

ля, сына известного дипломата Второй империи Э.-А. Тувенеля, бывшего в 1855—1858 гг. послом Франции в Константинополе, а в 1860—1862 гг. министром иностранных дел. Л. Тувенель использовал архив своего отца, включая его частную переписку, что делает его работы важным источником⁷⁹.

В монографии югославского буржуазного исследователя В. Поповича «Политика Франции и Австрии на Балканах во время Наполеона III»⁸⁰ политика французского императора нередко идеализируется и противопоставляется антиславянскому курсу Австро-Венгрии. О сотрудничестве двух стран в ряде случаев в 1867—1870 гг. умалчивается.

Вопросы внешней политики Франции на Балканах во второй половине XIX в. рассмотрены в работах современных югославских историков Л. Алексич и Д. Вуйовича, болгарского академика Д. Косева и румынского исследователя Н. Коривана⁸¹, которые, несмотря на некоторые спорные моменты, в целом дают верную, марксистскую оценку политической деятельности Второй империи на Балканах.

Русская историография далеко не столь представительна, как западноевропейская, специальных исследований на интересующую нас тему создано не было⁸².

Советская историография, базирующаяся на трудах основоположников марксизма, представлена как общими трудами⁸³, так и специальными исследованиями (С. А. Никитина, И. Г. Сенкевич, Е. Е. Чертана, Е. М. Шатохиной, Н. И. Хитровой, В. Н. Виноградова, Р. И. Рыжовой, Л. Н. Шнеерсона), посвященными международным отношениям на Балканах в 50—60-х годах XIX в., причем главное место в них занимает политика России⁸⁴. В них дана оценка политики Второй империи в Восточном вопросе как весьма непоследовательной, неустойчивой в том, что касалось поддержки национальных движений, и в то же время эгоистичной, лицемерной, скрывающей под маской якобы бескорыстной заботы о балканских народах желание французской буржуазии распространить и укрепить свое влияние на Юго-Востоке Европы. В итоге никак нельзя сказать, что «принцип национальностей» являлся концепцией внешней политики Наполеона III на Балканах. Чтобы показать это, в данном разделе наряду с общей характеристикой деятельности французской дипломатии проводится и некоторые конкретный материал, относящийся к Румынии, Сербии, Черногории, показывающий, как вольно обращались французские представители с «принципом», по сути дела не оставляя от него и следа.

Внешняя политика бонапартистского режима Наполеона III целиком была подчинена интересам французской буржуазии, прежде всего крупных фабрикантов, торговцев и банкиров. Начальный период Второй империи во Франции совпал с промышленным переворотом в этой стране, и внешнеполитической программой Наполеона III было приобретение для французской буржуазии новых рынков сбыта и сырья, новых сфер приложения капиталов. Свою захватническую политику французский император рассчитывал

осуществить путем дипломатических маневров и колониальных авантюр.

Крымская война 1854—1856 гг. разрушила континентальный союз России, Пруссии и Австрии, который долгое время парализовывал действия Франции в Европе, однако победа над Россией, стоившая Второй империи больших жертв, не принесла ей никаких территориальных приращений. Экономические и политические интересы Франции заставляют правительство Второй империи ставить во главу угла своей политики созданный в 1854 г. союз с Англией. Русская дипломатия, искавшая выход из изоляции, отмечала: Наполеон держится дружелюбно; но «его действия, как и публичные высказывания, свидетельствуют вполне ясно, что в его намерения не входит отказ от английского союза»⁸⁵. Тем не менее курс Наполеона III претерпевает после Парижского мира 1856 г. ряд изменений.

Правящие круги Второй империи первоначально рассчитывали, что с французской помощью Порты сумеет провести реформы, на которых настаивали державы, превратить Османскую империю в «цивилизованное» государство и тем самым создаст благоприятные условия для усиления в ней позиций французского капитала. Торгово-промышленная буржуазия Франции стремилась сделать Турцию рынком сбыта товаров и источником сырья, а банкиры мечтали установить в этом государстве свое финансовое господство.

Восточный вопрос в 1856—1870 гг. продолжает играть значительную роль во внешнеполитической деятельности Франции, хотя на основное место выходят другие проблемы. В целом политику Второй империи на международной арене, в том числе и на Балканах и Ближнем Востоке, в период между Крымской и франко-прусской войнами можно разделить на три основных этапа.

Первый этап (1856—1863 гг.) характеризуется тем, что главное место во внешнеполитических планах Франции занимает Италия. Желая захватить Савойю и Ниццу и укрепить свое влияние в Италии, Наполеон III заключает в 1858 г. союз с Сардинским королевством, которое стремится присоединить к себе австрийские владения в Ломбардии и Венеции и осуществить объединение Италии «сверху». В период подготовки к войне с Австрией (1856—1859 гг.) Франция проводит политику сближения с Россией, главной задачей которой был выход из дипломатической изоляции и восстановление своего влияния на Востоке, пошатнувшегося в годы Крымской войны. Взаимное сближение двух держав, происходившее в 1856—1858 гг., нашло свое выражение в заключении 3 марта 1859 г. тайного франко-русского соглашения, по которому Франция в обмен на благожелательный нейтралитет России в случае франко-австрийской войны обещала, в общей форме, учитывать русские интересы в Восточном вопросе. Благодаря этой позиции России, а также нейтралитету Пруссии и Англии франко-итало-австрийская война 1859 г. окончилась победой Франции, которая получила от Сардинии Савойю и Ниццу в обмен за свое участие в военных действиях, приведших к присоединению Ломбардии к Сардинскому

королевству. Однако в дальнейшем непосредственного участия в процессе объединения Италии Вторая империя уже не принимала, стараясь решать свои задачи путем дипломатических маневров, а не оружием.

В 1860 г. Наполеон III провозгласил так называемый «принцип национальностей», заявив о своей поддержке стремлений различных народов к национальной самостоятельности. Правительство Второй империи отнюдь не было заинтересовано в развитии революционных процессов в Европе, но умело использовало императорскую декларацию для укрепления своего влияния в различных регионах Европейского континента.

На восточную политику Наполеона III в 1856—1862 гг. влияет сотрудничество с Россией. Франция оказывает ей поддержку в Черноморском и Сербском вопросах. Два правительства сотрудничали в процессе объединения Дунайских княжеств — Молдовы и Валахии. Россия, в свою очередь, поддержала Сирийскую экспедицию Наполеона III, предпринятую в 1860—1861 гг.

Вместе с тем надо отметить, что франко-русское согласие являлось непрочным, военно-политический союз между обеими странами так и не был заключен, а после победы Франции в войне 1859 г. необходимость в нем и вовсе отпала. Франция продолжала сохранять тесные связи с Англией — основным антагонистом России на Востоке. К тому же правительство Наполеона III имело на Юго-Востоке Европы свои собственные интересы, которые нередко вступали в противоречие с интересами царизма. Оно использовало свое значительно возросшее после Крымской войны влияние в Европейской Турции и в балканских христианских государствах (особенно в Дунайских княжествах и Черногории) для того, чтобы предотвратить распад турецких владений на Балканах, не желая слишком большого усиления России в этом регионе. Этим объясняется та непоследовательность и осторожность, с которой французская дипломатия в 1856—1862 гг. поддерживала русские инициативы.

Второй этап внешнеполитической деятельности Второй империи относится к 1863—1866 гг. В эти годы франко-русское сотрудничество сменяется фактической конфронтацией, что было связано с позицией, занятой Францией в период Польского восстания 1863 г. Равновесие сил в Европе, которое, казалось, установил Парижский мирный договор 1856 г., в период Польского восстания нарушилось. Французский кабинет, выступивший с декларациями в поддержку повстанцев, рьяно поощрялся британским правительством, заинтересованным в нарушении франко-русского согласия. Даже габсбургская монархия, не меньше русского царизма угнетавшая поляков, сочла за благо перейти на сторону Франции. Россия встретила поддержку только у Пруссии, проводившей под руководством Бисмарка политику дальнего прицела (см. § 4 наст. главы). Однако конфронтация двух образовавшихся группировок (франко-англо-австрийской и русско-прусской) не вылилась в 1863 г. в открытое столкновение, так как правительство Наполеона III не собиралось воевать ради поляков. Авантюризм внешней политики бонапартизм-

ма расцвел пышным цветом. Первое место во внешнеполитических планах Франции в это время отводилось Мексиканской экспедиции (1862—1867 гг.). Связи с Великобританией еще более окрепли и приобрели оттенок зависимости, ибо без санкции, хотя бы молчаливой, «владычицы морей» какая-либо заморская экспедиция была просто немислимой. Правительство Второй империи глубоко увязало в своем мексиканском мероприятии, что не позволило ему проводить более решительную политику в Европе. Хотя войны между Францией и Россией не произошло, отношения между двумя странами и после поражения Польского восстания 1863 г. остались натянутыми. Особенно сильно ухудшение этих отношений сказалось на ближневосточной политике держав.

Восточную политику Франции в 1863—1865 гг. характеризует укрепление связей с Османской империей, поддержка ее территориальной целостности, стремление не допустить всеобщего восстания христианских народов Европейской Турции. Сближение с Австрией и Англией вполне отвечало ближневосточным целям французской политики в этот период. Надо, однако, сказать, что Восточный вопрос в 1863—1865 гг. почти не занимает правительство Наполеона III, внимание которого приковано к Мексиканской экспедиции и к наметившемуся в эти годы процессу объединения Германии под гегемонией Пруссии.

Третий, заключительный этап во внешней политики бонапартистского режима Наполеона III наступил в 1866—1870 гг. Эти годы характеризуются целым рядом внешнеполитических неудач Второй империи — провалом Мексиканской экспедиции, невыгодным исходом Лондонской конференции по Люксембургскому вопросу (1867 г.), а самое главное — неспособностью французского правительства приостановить процесс объединения Германии под властью Пруссии, чье влияние в Европе резко возросло после победы в австро-прусской войне 1866 г. Провалы во внешней политике Наполеона III усугубляются экономическим кризисом, охватившим страну в 1866—1867 гг., и ростом политической оппозиции бонапартистскому режиму.

В период подготовки к войне с созданным в 1867 г. Северогерманским союзом, возглавляемым Пруссией, Франция ищет союзника в лице разбитой пруссаками Австро-Венгрии. Вступить в военный союз и добиваться реванша последняя не решилась. Тем не менее прежние противоречия на Балканах удалось смягчить, что выявилось во время свидания Наполеона III и Франца Иосифа в Зальцбурге в 1867 г. Франция, занятая конфронтацией с Пруссией, несколько уменьшила свою активность на юго-востоке континента. В то же время правительство Франции не решилось ничего сделать для нового сближения с Россией, хотя определенные возможности для этого имелись. Таким образом, накануне франко-прусской войны 1870—1871 гг. Вторая империя фактически оказалась без союзников, что во многом способствовало ее поражению.

Восточная политика Наполеона III в 1866—1870 гг. была отмечена еще более тесным сотрудничеством с Турцией и Австро-Венг-

рией. Французская дипломатия добивалась проведения в Османской империи административных реформ, которые, с одной стороны, еще больше укрепили бы власть Турции на Юго-Востоке Европы, а с другой — усилили бы экономическое и политическое влияние Франции на Ближнем Востоке; Франция фактически отказывается от всякой помощи славянским народам Балканского полуострова, но вместе с тем она стремится укрепить свои позиции в Румынии и Греции.

Вдохновителем и проводником этой политики в жизнь был министр иностранных дел Франции маркиз Л. де Мустье, который, будучи в 1861—1866 гг. французским послом в Константинополе, проявил себя ярким сторонником сохранения территориальной целостности Османской империи. Он всячески противодействовал болгарскому освободительному движению и приложил руку к тому, чтобы сорвать планы Балканского союза⁸⁸ (см. гл. 5).

Неизменной чертой политики Второй империи на протяжении всего ее существования являлось стремление к сотрудничеству с Великобританией. Позволить себе роскошь ссоры с владычицей морей Тюильрийский дворец не мог: слишком непрочным было положение «маленького Наполеона» на троне, слишком велика внутренняя оппозиция его режиму, слишком честолюбивые комбинации в центре континента он замыслил и слишком много заморских экспедиций — от Сирии до Мексики — предпринимал. А это накладывало свою печать на планы наполеоновской дипломатии в Османской империи, где преобладающие экономические и политические позиции занимала Великобритания. Бросить вызов этому первенству Париж не решался. Отсюда — при общем курсе на поддержку статус-кво — попытки укрепиться в отдельных районах путем поддержки национального движения. Но все это — при стремлении не прогневить Великобританию и не содействовать восстановлению влияния России. Наконец, подчиненное положение балканских проблем по сравнению с центральноевропейскими при теснейшей связи между ними приводило к крутым поворотам в действиях наполеоновской дипломатии в Юго-Восточной Европе; отсюда и крайняя непоследовательность в поддержке освободительных или объединительных процессов, и принесение в жертву интересов клептентов ради вновь возникших политических комбинаций.

Объединение Дунайских княжеств представлялось французским правящим кругам той политической комбинацией, которая позволила бы им прочно утвердиться в низовьях Дуная, создать между Россией и Турцией буферное государство, которое сделалось бы в то же время новым рынком и могло быть использовано для экономической и политической экспансии. Французское правительство — хотя и не без отступлений и маневров — оказало существенную поддержку созданию румынского государства (см. гл. 3), завоевав при этом прочные позиции в княжестве и приобретя верного союзника в лице господара Александра Иоанна Кузы.

Когда в период Польского восстания 1863 г. Вторая империя вместе с Англией и Австрией создали антирусскую коалицию, пра-

вительство А. Кузы встало на сторону Франции. Это объяснялось не только тесными связями Румынии и Франции, но также дипломатической игрой Наполеона III вокруг «принципа национальностей», создавшего в румынских правящих кругах иллюзию, будто им обеспечена французская поддержка во всех их акциях. 11 ноября 1863 г. А. Куза предложил Наполеону III участие в военных действиях против России; однако французский император ответил отрицательно, не решаясь на прямое столкновение с царизмом, подержанным Пруссией⁸⁷.

Стоило, однако, внутреннему положению Румынии обостриться в результате резкого усиления оппозиции А. Кузе, как в Париже начались колебания. Посол в Константинополе Л. де Мустье продолжал поддерживать Кузу; круги, возглавляемые военным министром маршалом Рандоном, предлагали заменить «скомпрометировавшего себя» Кузу князем Бибеску, долгое время жившим в Париже. Французский министр иностранных дел Друэн де Люис также признавался русскому поверенному в делах в Париже, что Франция «имеет незначительный интерес сохранить на троне Объединенных княжеств столь слабого клиента, каким являлся Куза»⁸⁸. Когда румынский князь в октябре 1865 г. обратился к Наполеону III с пространном письмом, в котором он выставил в выгодном свете свои заслуги перед Францией, французский император под разными предлогами отказывался принять это письмо.

Холодное отношение французского правительства заставило Кузу искать сближения с Россией, однако этот процесс, памятившийся в конце 1865—начале 1866 г., не был доведен до конца. Когда же оппозиция, объединившая под одним флагом либералов и консерваторов, свергла 23 февраля 1866 г. Александра Кузу с престола, во Франции и Италии возник авантюристический план передачи Объединенных княжеств Австро-Венгрии в обмен на Венецию, которая должна была перейти к Сардинскому королевству. Инициатива этого проекта исходила от туринского кабинета, однако Наполеон III охотно ее одобрил, мгновенно забыв о роли «благодетеля» румынского народа и «основателя» Румынского национального государства, которая приписывалась ему придворными кругами и покорной прессой. Австрийское правительство не пошло на эту сделку, считая обмен неравноценным и не желая уступать богатую Венецианскую область. В Вене считали, что «австрийская ладья» и так перегружена различными национальностями, чтобы добавлять еще молдаван и валахов⁸⁹.

Тем не менее французская дипломатия еще неоднократно пыталась заинтересовать Австрию и другие державы задуманной комбинацией. Лишь убедившись в непреклонной позиции России, готовой на военные действия ради срыва подобной сделки, и в том, что Вена, Берлин и Лондон не поддерживают проект обмена Венеции на Объединенные княжества, парижские дельцы от дипломатии отступили. «Битву за Румынию» они проиграли. Занявший престол Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген, отпрыск младшей ветви прусского королевского дома, всю жизнь оставался «добрым немцем».

Поскольку политика румынского правительства вызвала глубокое недовольство французского кабинета, во время встречи в Зальцбурге с императором Францем Иосифом в августе 1867 г. Наполеон III предложил Австро-Венгрии занять Румынию. Хотя австрийский монарх не решился на подобный шаг, известие о предложении Наполеона III вызвало большую озабоченность в румынских правящих кругах.

И славянские народы бонапартизм считал разменными пешками в крупной политической игре.

В 1856—1862 гг. французское правительство, действуя в согласии с Россией, традиционно покровительствующей сербам, поддерживало династию Обреновичей, однако при этом старалось усилить в княжестве влияние Франции, удержать в определенных рамках стремление сербского народа к полной независимости, предотвратить вооруженное выступление Сербии и других балканских государств против Османской империи⁹⁰.

На сербское правительство произвела сильное впечатление демагогическая игра Наполеона III выдвинутым им «принципом национальностей». В частности, в первые годы своего правления князь Михаил Обренович видел во Франции державу, на которую он мог бы опереться в борьбе за ликвидацию вассальной зависимости от Порты.

В начале 1861 г. Михаил Обренович обратился к Франции с просьбой прислать в Сербию французского офицера-инструктора. Правительство Наполеона III послало в Сербию капитана Мондена, получившего там чин полковника и ставшего военным министром княжества (в 1861—1865 гг.). Сербское правительство попыталось закупить во Франции оружие для армии и милиции⁹¹. Однако в этом ему было отказано. Франция была за мирное решение спорных сербо-турецких вопросов. Летом 1862 г. Белграду дали понять, что дальше «моральной поддержки» Франция не пойдет⁹². Затем ослабела и она. Резкое обострение русско-французских отношений в 1863 г. сказалось на делах Юго-Восточной Европы. Франция заняла на Балканах протурецкую позицию. В 1867—1868 гг. правительство Второй империи все теснее сближается с Австро-Венгрией и Англией, причем эти три державы, как и прежде, объединяет неприязнь к русской политике на Балканах⁹³.

Столь же непоследовательной была позиция Второй империи в отношении Черногории.

В начале 1855 г. в Скутари (Шкодере), албанском городе, расположенном недалеко от черногорской границы, было учреждено французское вице-консульство, и вице-консул Геккар развернул активную деятельность в черногорской столице Цетинье с целью оторвать Черногорию от России.

В мае 1856 г. по совету Геккара черногорский князь Данила направил европейским державам мемуар с изложением бедственного положения черногорского народа, просил признать полную независимость княжества дипломатическим путем, расширить его терри-

торию на границах с Герцеговиной и Албанией, присоединить к Черногории прибрежную полосу вплоть до Антивари ⁹⁴.

Геккару удалось настроить князя Данилу против России, которая в то время ничего не могла противопоставить соблазнительным обещаниям Наполеона III, будучи ослаблена поражением в Крымской войне.

Французский посол в Петербурге герцог де Мори указал своему правительству на несовместимость занятой им позиции в Черпгорском вопросе с общей политикой, проводимой Францией по отношению к России после Парижского мира. Наполеон III и глава МИД А. Валуевский решили пойти навстречу России и смягчили явно антирусскую политику в Черногорском вопросе ⁹⁵.

В мае 1858 г. французские линейные корабли «Альжесирас» и «Эйлау» и русский фрегат «Полкан» произвели совместную демонстрацию у берегов Адриатики в районе Антивари в поддержку черногорских требований в конфликте с Турцией (см. гл. 6). Это событие произвело в Европе, особенно в Вене, глубокое впечатление ⁹⁶. По подписанной в ноябре 1858 г. конвенции, Черногория получила Грахово и некоторые другие земли со стороны Герцеговины и Албании, однако по-прежнему осталась отрезанной от моря. Благодаря совместной деятельности французской и русской дипломатии удалось избежать установления сюзеренитета султана над Черногорией, что сыграло положительную роль в судьбе черногорского народа. Но и в этом вопросе русско-французское согласие существовало недолго.

С лета 1863 г. политика Франции в Черногории меняется и приобретает все большую антирусскую направленность. Планы подрыва русского влияния в Черногории становятся основой деятельности французской дипломатии, которая пыталась превратить Черногорию в центр противодействия Сербии, усиливая антисербские настроения в ее правящих кругах, используя при этом соперничество обоих славянских государств из-за герцеговинских земель ⁹⁷.

Тесное сближение с Турцией и Австро-Венгрией в 1866—1867 гг. не могло не сказаться на франко-черногорских отношениях. Правительство Наполеона III перестало поддерживать требование Черногории о расширении ее территории за счет Герцеговины. Наполеон III заявил князю Николе, совершившему политический вояж в Париж под видом посещения Всемирной выставки 1867 г., что он посоветует турецкому султану Абдул-Азизу «хорошо беречь Черногорию». Это было своего рода признанием верховных прав Порты над княжеством ⁹⁸.

Грозные тучи надвигавшейся франко-прусской войны уже в 1867 г. заволокли европейский горизонт. Казалось, первой заботой Парижа в этих условиях явится сближение с Петербургом на единственно возможной, а именно балканской, почве. Кое-какие признаки этого появились. В январе 1867 г. Наполеон III выступил с новой программой решения ближневосточной проблемы.

Франция предложила России за поддержку последней французских интересов в Европе действовать совместно в Константинополе.

Вместе с тем Наполеон III настаивал на том, что державы не должны допускать распада Османской империи. Западноевропейские правительства должны были позаботиться о скорейшем проведении административных и экономических реформ, которые бы укрепили Османскую империю. Оба последних пункта были неприемлемы для России, стремившейся не к укреплению Турции, а к усилению в ней центробежных тенденций. Серьезным преобразованием в итоге освободительного движения Париж противопоставлял реформы «по возможности», но договоренности с османскими правителями. Его представители побуждали поднявшихся на восстание жителей Эпира и Фессалии сложить оружие, а греческое правительство — отказаться от поддержки восстания в этих областях⁹⁹.

В июне 1867 г., во время посещения русским императором Александром II Всемирной выставки, в Париже состоялись переговоры главы Кэ д'Орсе, маркиза Л. де Мустье с канцлером А. М. Горчаковым. Мустье не скрыл от Горчакова свое пожелание найти общий язык с русской дипломатией. В ответ на напоминание канцлера о необходимости продолжать дипломатическую борьбу за присоединение восставшего острова Крит к Греции французский министр посоветовал подождать с этим и умерить территориальные претензии греков¹⁰⁰.

Если Горчаков предлагал обеспечить автономию и местное самоуправление христианским областям Турции, то Мустье настаивал на общих административных реформах, направленных на укрепление Османской империи¹⁰¹.

В июле 1867 г. французскую столицу посетил турецкий султан Абдул-Азиз. Наполеон III заверил владыку османов, что не имеет намерения вмешиваться во внутренние дела его империи¹⁰².

18—21 августа 1867 г. состоялась встреча в Зальцбурге между Наполеоном III и Францем Иосифом; готовясь к войне с Пруссией, император французов был крайне заинтересован в благоприятной позиции австрийской монархии и соответственно «скорректировал» свою позицию по проблемам Юго-Восточной Европы. Результатом встречи императоров была договоренность о поддержании статус-кво на Балканах. Франция и Австро-Венгрия совместно высказались за проведение в Османской империи административных реформ для укрепления ее внутреннего и международного положения¹⁰³. От провозглашенного семь лет назад «принципа национальностей» остались одни воспоминания.

4

Юго-Восточная Европа в планах Отто фон Бисмарка

Отношение бисмарковской дипломатии к судьбе Османской империи целиком подчинялось политике объединения Германии под главенством Пруссии и ее консолидации как великой европейской державы.

Столкнуться с восточными делами будущему канцлеру пришлось еще в бытность в 1851—1859 гг. прусским посланником в герман-

ском Союзном сейме, заседавшем во Франкфурте-на-Майне. Здесь Бисмарк вел неустанную борьбу за равноправие Пруссии с Австрией, представитель которой был председателем сейма. С января 1853 г. его австрийским коллегой в сейме стал барон Антон фон Прокеш-Остен, слывший специалистом по проблемам Турции, Балкан и Ближнего Востока в целом. Его назначение могло означать, что Вена попытается мобилизовать Германский союз для противодействия России на своем юго-восточном фланге при одновременном сближении с западными державами. Со своей стороны Бисмарк рассчитывал, что под влиянием событий Крымской войны произойдет такое изменение в соотношении сил великих держав, которое приведет к укреплению положения Пруссии в Европе. Бисмарк был убежден в том, что «путеводной звездой» прусской политики должно быть ослабление внешнеполитических позиций Австрии. Только в этом и заключалась, по его словам, «заинтересованность» Пруссии в Восточном вопросе ¹⁰⁴.

Однако в Берлине разгорелась ожесточенная полемика между сторонниками двух различных направлений во внешнеполитической ориентации Пруссии. Придворная камарилья выступала за тесное сотрудничество с царской Россией как оплотом консерватизма в Европе. Другая группировка прусских правящих кругов выступала за сближение с Англией. Король Фридрих Вильгельм IV колебался и не занимал в этом вопросе определенной позиции. «Мой дорогой шурии каждый вечер ложится спать русским, а встает каждое утро англичанином», — иронизировал российский монарх. В таких условиях не могло быть и речи о проведении Пруссией «политики свободы рук» ¹⁰⁵. «Утренние настроения» в Берлине взяли верх.

На заседании Союзного сейма 24 мая 1854 г., посвященном Восточному вопросу, Австрия и Пруссия сделали совместное заявление, в котором отмечалось, что оба кабинета вступили в контакты с правительствами Парижа и Лондона, так как убеждены в том, что спор между Россией и Турцией затрагивает интересы всей Европы. Они объявили сохранение Османской империи и независимости султанского правительства необходимым условием политического равновесия; война поэтому не должна повлечь за собой территориальных изменений. Развертывание военных сил России на нижнем Дунае было расценено как несовместимое не только с интересами расположенной по соседству Австрии, но и всей Германии, как политических, так и экономических. «Промышленности и торговле Европы открывается на Востоке широкое и плодотворное поле соревнования с другими нациями, область, которая должна приобретать тем большее значение для использования немецкого интеллекта и рабочей силы, чем скорее там будет повышаться общий культурный уровень и происходить развитие транспортных условий, — говорилось в заявлении. — Материальные интересы Германии способны к мощному подъему в направлении крупной водной артерии, ведущей на Восток, поэтому общим стремлением немцев является максимальное обеспечение свободы торговли по Дунаю, чтобы не было ограничений естественному оживлению транспортных связей с Восто-

ком»¹⁰⁶. Это заявление, выражавшее интересы окрепшего немецкого капитала, показывало лицемерие бисмарковских деклараций насчет «незаинтересованности» Германии в делах балканских и ближневосточных.

Несмотря на возражения Бисмарка против переориентации прусской политики на запад, 20 апреля 1854 г. Австрия и Пруссия заключили оборонительный и наступательный союз, однозначно направленный против России. Как писал Бисмарк в своих воспоминаниях, «Пруссия обязалась в случае надобности сконцентрировать в течение 36 дней 100 тысяч человек — одну треть в Восточной Пруссии, остальные две трети в Познани или под Бреславлем — и довести состав армии, если потребуют обстоятельства, до 200 тысяч человек, сговорившись обо всем этом с Австрией»¹⁰⁷.

Договор был заключен на время Крымской войны и предназначен воспрепятствовать дальнейшему расширению военных операций России на правом берегу Дуная и продолжению оккупации Молдовы и Валахии русскими войсками, что будто бы угрожало «политическим, моральным и материальным интересам всего Германского союза...»¹⁰⁸.

Бисмарк, хоть и осуждал договор, вместе с тем полагал, что и из ошибок следует извлекать выгоду. Нужно сконцентрировать 200-тысячную армию в Силезии — на стыке границ России и Австрии, но направить ее не против России, а против монархии Габсбургов¹⁰⁹. Однако страх перед Австрией и западными державами был настолько силен в правящих кругах Пруссии, что этот план даже не рассматривался всерьез.

После поражения России в Крымской войне Пруссию сначала даже не пригласили на Парижскую конференцию: Англия требовала «наказать» берлинцев за их политику нейтралитета. В конце концов по инициативе Франции и Австрии Пруссия была привлечена к работе конференции, но ее представители не оказали никакого влияния на выработку условий Парижского мирного договора¹¹⁰. «До 1866 г. мы могли приписывать себе ранг великой державы только *cum grano salis* (весьма условно.— Авт.) и после Крымской войны сочли нужным добиваться внешнего признания за нами этого ранга, пресмыкаясь на Парижском конгрессе..., — писал Бисмарк в своих мемуарах. — После всех унижений, которые нам пришлось перенести со стороны Австрии и вообще западных держав, я считал прискорбным доказательством отсутствия чувства собственного достоинства наше желание быть допущенными на конгресс и скрепить его решения своей подписью»¹¹¹.

Пребывание Бисмарка на посту прусского посланника в Петербурге в 1859—1862 гг. позволило ему основательно ознакомиться с Восточным вопросом и положением южнославянских народов. Он отправил в Берлин много донесений, относящихся к этим сюжетам.

Восточный вопрос становится важным компонентом всей внешнеполитической стратегии Бисмарка, в основе которой лежал принцип политических компенсаций. Бисмарк декларировал, что у Пруссии, а соответственно и у Германии нет непосредственных интере-

сов в Османской империи. Это дает ей существенные преимущества, позволяя добиваться от других великих держав политических компенсаций в пользу Пруссии, а «следовательно» и Германии. Так Восточный вопрос может быть рационально использован в интересах объединения Германии и утверждения ее позиций как великой державы на Европейском континенте. Особое место Восточного вопроса в концепции Бисмарка объяснялось стремлением добиться благосклонного отношения и содействия России борьбе Пруссии за объединение Германии. Как средство политических компенсаций Восточный вопрос играл важную роль именно в отношении России. Натолкнувшись на сдержанность министра иностранных дел князя Горчакова, занявшего осторожную позицию по Восточному вопросу (см. § 6 наст. главы), Бисмарк не отказался от своей идеи, надеясь, и не без оснований, что в конце концов получит искомую награду за лояльность.

Но чтобы использовать Восточный вопрос как орудие политических компенсаций и давления, необходимо было постоянно поддерживать напряженность на Балканах и Ближнем Востоке. Таким образом, Пруссия вообще не была заинтересована в целостности Османской империи и сохранении статус-кво на Балканах. В отдельных случаях, когда это соответствовало его политическим замыслам¹¹², Бисмарк шел на поддержку национально-освободительного движения балканских народов.

Став в 1862 г. министром-президентом и министром иностранных дел Пруссии, Бисмарк энергично приступил к осуществлению своей внешнеполитической программы; прусская политика по Восточному вопросу приобретает чрезвычайно динамичный и целенаправленный характер.

В 1866—1868 гг. Бисмарк особое внимание уделял Балканам, активно вмешиваясь во внутренние дела Сербии, Румынии и оказывая воздействие на болгарскую национально-освободительную борьбу и венгерское национальное движение. С воцарением в Румынии в 1866 г. «доброго пруссака» Карла Гогенцоллерна немецкие позиции в этой стране — экономические и политические — значительно окрепли. Стремясь осложнить положение Австрии, Бисмарк через своих генералов обратился с призывом к венгерскому и чешскому народам восстать против Габсбургов и даже одобрил создание «национально-венгерского легиона»¹¹³.

Вопрос о содействии южных славян Пруссии в войне против Австрии Бисмарк изучал, получая донесения прусских консулов из Флоренции и Белграда. Так, 30 мая 1866 г. Бисмарк писал прусскому консулу в Белграде Лоберо: «Если война разразится, для нас может быть только желательным образование славянского корпуса. Однако дело кажется мне еще не созревшим для оказания прямой материальной помощи»¹¹⁴.

Бисмарк с большой осторожностью относился к идее выступления Румынии против Австрии, боясь этим оттолкнуть от Пруссии венгров¹¹⁵.

Ведя уже мирные переговоры с Австрией, Бисмарк рассчитывал

в случае их неудачи побудить Сербию к вооруженному выступлению. Согласно сообщению сербского военного министра, 10 тыс. хорошо организованных и вооруженных людей могли перейти Дунай в течение трех дней, через 8 дней их было бы уже 50 тыс.¹¹⁶

Австрийский консул в Белграде барон Ленк фон Вольфсберг писал австрийскому министру иностранных дел графу фон Менсдорфу-Пуий 30 июля 1866 г.: «И отсюда Пруссия стремилась нанести нам ощутимый удар. Остающийся до сих пор неизвестным путешественник прибыл сюда несколько дней назад из Константинополя через Бухарест и был представлен (сотрудником) прусского консульства князю Михаилу. Как стало известно, он предложил организовать добровольческие партизанские отряды, которые в соответствующий момент должны были бы вторгнуться в Австрию. Предпосылкой этого, естественно, было бы восстание в Венгрии, чтобы в связи с этим включить в комбинацию также австрийских ссрбов. В качестве взаимной услуги князю было дано обещание, что на мирном конгрессе Пруссия возьмет дело Сербии в свои руки. Однако, несмотря на блестящие перспективы, сербское правительство не согласилось с этим предложением, и дипломатическая миссия отбыла ни с чем...¹¹⁷

После разгрома Австрии в войне 1866 г., когда она перестала быть соперницей в деле объединения Германии, прусский канцлер резко изменил свою позицию в отношении Вены. Готовясь к войне с Францией, Бисмарк хотел помириться с Австрией, вознаградив ее за утрату вековых германских позиций и оказывая ей помощь в других направлениях, главным образом на Балканах. С этой целью была использована поездка кроппринца Фридриха в октябре 1869 г. через Вену на Восток для участия в открытии Суэцкого канала. Когда австро-венгерский посланник граф Вимпфен возвратился в январе 1870 г. из своего отпуска в Берлин, Бисмарк поспешил изложить ему свои взгляды на европейскую политическую систему, в которой важное место отводилось монархии Габсбургов¹¹⁸.

Бисмарк максимально воспользовался Восточным вопросом во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Обещая содействие России в пересмотре ограничений, установленных Парижским договором 1856 г. (см. § 6 наст. главы), он тем самым обеспечивал нейтралитет Александра II, что являлось залогом успеха Пруссии в борьбе против Франции. В то же время в одной из своих бесед с австрийским канцлером Ф. Бойстом в Гаштейне Бисмарк в связи с вопросом о возможном распаде Османской империи намекнул ему, что одним из мотивов его желания сблизиться с Австрией является стремление стать более независимым от России¹¹⁹.

С другой стороны, Бисмарк считал, что австро-русское соперничество на Балканах, которое начальник прусского генерального штаба Г. Мольтке в апреле 1871 г. назвал очагом военного конфликта, не приведет к войне. Правительство Австро-Венгрии слишком хорошо знало о внутренней слабости своего многонационального государства, чтобы без тылового прикрытия со стороны Германии

пойти на риск активизации своей балканской политики, направленной против интересов России¹²⁰.

Канцлер отклонил попытки австро-венгерского министра иностранных дел Д. Андраши вовлечь Германию в русло антирусской политики. Он стремился к поддержанию дружественных отношений и с Австро-Венгрией и с Россией и созданию Союза трех императоров, что, по его расчетам, должно было предотвратить как образование австро-франко-русской коалиции, так и двойственного франко-русского союза.

В связи с новым обострением Восточного вопроса в середине 70-х годов Бисмарк в официальных заявлениях продолжал утверждать, что у Германии нет никаких интересов на Балканском полуострове и на Востоке вообще¹²¹ и провозгласил своей целью предотвращение военного столкновения между Россией и Австро-Венгрией и сохранение созданного тем временем Союза трех императоров. В действительности же «железный канцлер» рассчитывал добиться нейтрализации великих держав и свести счеты с Францией.

5

Италия: Рисорджименто и балканская политика

Роль Италии в международных отношениях на Балканах в середине столетия была своеобразна: допущенное в «концерт великих держав» на Парижском конгрессе Сардинское королевство (Пьемонт) играло в нем партию последней скрипки.

Но в другом плане значение Италии было велико: на Апеннинском полуострове происходили национально-освободительные и объединительные процессы, аналогичные балканским. В их ходе и соперничали, и взаимодействовали два курса: народное движение за объединение страны на демократической основе во главе с Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди; либеральное течение за объединение «сверху», под скипетром Пьемонтского дома, бесспорным лидером которого являлся граф Камилло Бензо Кавур, глава сардинского правительства. Все балканское общество видело в событиях в Италии пример (точнее, даже примеры) для подражания, ибо революционные демократы хотели действовать по образцу великих итальянцев и надеясь на поддержку Гарибальди, а кумиром либералов был Кавур.

С этой точки зрения воздействие Италии на разворачивание событий в Юго-Восточной Европе было значительным. Экспансионистские поползновения итальянского капитала (правда, только намечавшиеся) тогда на Балканах в расчет не принимались.

Крымская война пробудила большие надежды на всем Апеннинском полуострове, в том числе и в либеральных кругах Пьемонта: рассчитывали, что она выльется в схватку западных держав с реакционными монархиями, наследницами Священного союза, и поражение последних позволит перестроить значительную часть Европы на национальной основе. Не чужд этим надеждам некоторое время был и Кавур. В начале 1854 г. он строил планы военного выступ-

ления Пьемонта на стороне Франции и Англии, полагая, что войну удастся распространить и на Италию. Однако все более явственно обнаруживавшееся стремление Франции и Англии к союзу с Австрией, главной противницей итальянского единства, поставило Кавура в трудное положение. В то же время могущий стать альтернативой нейтралитет влек за собой угрозу утраты всякого влияния на ход событий; а упустить такую возможность решения национального вопроса на Апеннинском полуострове путем объединения «сверху» значило отдать инициативу Мадзини и демократам. С тем чтобы получить основание для будущих дипломатических действий и сохранить за собой руководство итальянским национальным движением, правящая верхушка Пьемонта предпочла 10 января 1855 г. примкнуть к англо-французскому союзу¹²².

Сардинская дивизия была отправлена в Крым; тысячи солдат погибли в боях, умерли от ран и болезней в совершенно чуждой им борьбе за укрепление шатающихся устоев Османской империи.

Зато королевское правительство получило возможность принять участие в работе Парижского конгресса и тем самым приобщиться к решению важнейших международных проблем, что долгое время оставалось привилегией лишь великих держав.

Правда, на пути реализации этой возможности возникли трудности. Накануне конгресса Турин столкнулся с нежеланием австрийской стороны признать за его представителями равные с другими права¹²³. Проблема разрешилась для Турина благоприятно благодаря позиции лорда Кларендона и Наполеона III, рассчитывавших, что присутствие сардинского представителя поможет ослабить позиции Австрии, и к тому же опасавшихся неблагоприятной реакции малых стран на возможный уход с конгресса сардинского делегата. И все-таки австрийская сторона неоднократно пыталась ущемить права итальянцев, настаивая, в частности, на недопущении сардинского представителя к участию в работе специальной комиссии по Дунайским княжествам.

Следовало учитывать и то, что Сардиния лишь формально была приравнена к великим державам, но не являлась таковой ни по экономическому, ни политическому влиянию. С ее голосом мало считались. Ее представители опасались предпринять какие-либо решающие шаги без поддержки той или иной державы, а в ходе работы конгресса перед ними постоянно стояла дилемма выбора между Францией и Англией.

С конгрессом сардинские руководители связывали серьезные надежды на привлечение внимания его участников к положению в Италии, на достижение хотя бы некоторого его изменения. При этом определенное неудобство для них создавало ставшее традиционным в кругах итальянских демократов и народов Юго-Восточной Европы представление о связи итальянских и балкано-придунайских национальных устремлений. На самом деле действия итальянской дипломатии все больше вступали в противоречие с этой традицией.

Пьемонтским правительством был воспринят разработанный лидером умеренных либералов Чезаре Бальбо еще в 40-х годах план

допущения экспансии Австрии на Балканах в качестве компенсации за ее мирный уход из Италии, так же как и его аргументация в пользу этого плана — Австрия объединяла бы народы дунайско-балканского региона и мешала бы продвижению туда России¹²⁴.

Балканские народы ожидали от Сардинии, переживавшей период Рисорджименто, действенной и бескорыстной поддержки своих усилий по освобождению. Такую позицию, действительно, занимали итальянские демократы во главе с Мадзини и Гарибальди, и с настроениями общественности считались в Турине. Но главным в расчетах Кавура было стремление достигнуть объединения Италии «сверху». После Крымской войны у него появилась идея передачи управления Дунайскими княжествами герцогам Пармы и Модены и присоединения, в свою очередь, этих герцогств к Пьемонту. Но реализация этих планов оказалась невозможной, несмотря на серьезные усилия принявшего на себя представительство на Парижском международном форуме сардинского премьера.

Первоначально Наполеон III отнесся заинтересованно к комбинации, впервые предложенной Кавуром еще на последнем этапе Крымской войны, в конце декабря 1855 г.¹²⁵ Более того, эту идею Наполеон III стал выдавать за свою, внеся в нее некоторые изменения: герцог Модены, став монархом нового румынского государства, уступал бы свое герцогство владельцу Пармы, австрийскому эрцгерцогу по происхождению, а последний передал бы Пьемонту свое герцогство¹²⁶.

Англичане с самого начала отказались поддержать этот проект и не дали себя переубедить. Не помогла и готовность Кавура видоизменить его в ответ на высказанное Кларендоном соображение о невозможности добиться от румынского населения и России признания в качестве монарха эрцгерцога из рода Габсбургов: Кавур предлагал передать румынский трон принцу Евгению Кариньянскому, кузену Виктора Эммануила II, предварительно женив его на герцогине Пармы. А Парма отошла бы к Пьемонту. Этот проект, выдержанный вполне в матримониальных традициях средневековья, не поддержал и Наполеон III. В условиях возникших между державами разногласий в вопросе объединения княжеств начатые было Кавуром интриги потеряли всякий смысл.

Что же касается позиции сардинского премьера по конкретным проблемам Дунайских княжеств, то он считался с настроениями общественности и выступал сторонником их объединения и предоставления им независимости. В письме к Эммануэлю Д'Адзелио, посланнику в Лондоне, от 7 марта 1856 г. он характеризовал сохранение существовавшего положения княжеств как позор для конгресса¹²⁷. При этом Кавур придерживался мнения, что объединенное княжество лучше выполняло бы роль барьера между славянским населением Балкан и Россией, учитывая латинское происхождение румын. 14 июня в инструкции Луиджи Мосси, посланнику в Константинополе, излагая этот тезис и подтверждая свое самое благоприятное отношение к объединению княжеств, Кавур выражал убеждение в возможности для Мосси действовать совмест-

но с представителями Англии и Франции при реализации положений Парижского трактата о Дунайских княжествах, предполагая даже, что Англия предложит более либеральные меры в Румынском вопросе, чем Франция¹²⁸.

Когда же в сентябре Лондон поставил Турин в известность об отрицательном отношении к объединению двух княжеств, Кавур попытался переубедить его, изложив свои взгляды 4 сентября в депеше Луиджи Корти, поверенному в делах в Англии.

Ясно отдавая себе отчет в важности применения принципа единства в отношении Молдавского княжества и Валахии в силу того, что затем было бы трудно не признать и итальянское единство, т. е. исходя из практических интересов своей страны, Кавур прибег к аргументации, долженствовавшей, по его мнению, воздействовать и на Турцию, и на ее союзников. Он делал упор на «чрезвычайно полезное» для Запада появление в центре славянских государств единой Румынии, симпатизирующей исключительно Западу, как реального препятствия тенденции к объединению, обнаруживаемой славянскими народами, важным «барьером» на пути России, «барьером», разделяющим великие и малые славянские нации (см. гл. 3).

Пальмерстон не внял призывам Кавура. Последний со своей стороны не отступил от занятой позиции.

Сардинский представитель в комиссии держав по вопросам Дунайских княжеств Раффаэль Бенци последовательно придерживался намеченной Кавуром линии¹²⁹. При этом в ходе подчас принимавших бурный характер заседаний комиссии он оказывался на стороне Франции, России, Пруссии, поддерживавших объединение. Эта позиция Кавура отражала, как подчеркивалось выше, факт распространения им на другие народы принципа национальностей, на соблюдение которого он настаивал в отношении Италии¹³⁰.

Точка зрения Турина вызвала недовольство и протесты Кларендона. В ответ Кавур в письме к Д'Адзелио в Лондон 3 июня 1857 г. доказывал, что курс его правительства в вопросе о княжествах соответствует принципам, которые «направляют нашу политику и которые мы открыто провозгласили на Парижском конгрессе»¹³¹.

На практике позиция Сардинии стойкостью не отличалась: она следовала за всеми извилинами французской политики¹³².

Такая непоследовательность объяснялась не только обычной слабостью позиций сардинской дипломатии на международной арене, но и необходимостью лавировать между великими державами во имя достижения своей цели — объединения Италии. Активно ведшиеся вне каналов официальной дипломатии и без ведома австро-фильски настроенного министра иностранных дел А. Велевского переговоры Кавура лично с Наполеоном III завершились 20 июля 1858 г. в Пломбьере фактически договором о франко-пьемонтском союзе на случай войны Сардинского королевства с Австрией. Выступать не в унисон со своей только что обретенной союзницей Пьемонт, разумеется, не мог.

На следующем этапе развития событий в Румынии, после избрания князя Александра Кузы одновременно и в Молдове (17 ян-

варя н. ст.) и в Валахии (5 февраля н. ст.), возможность чего не была предусмотрена решениями Парижской конференции, Кавур нашел законным это двойное избрание. При этом, как и прежде, он усмотрел возможность извлечь определенную выгоду из этой ситуации для решения своей первоочередной задачи. Он рассчитывал, что вооруженное вмешательство Австрии в княжествах облегчит для сардинского правительства поиски повода для войны с Австрией, опираясь на только что заключенный союз с Францией¹³³. Этому «балканскому варианту» развязывания франко-итало-австрийской войны не суждено было сбыться; ей предшествовали дипломатические комбинации иного рода.

Правительство провозглашенной в марте 1861 г. единой Италии выступало за полное и долговременное объединение Дунайских княжеств. Правда, Марчелло Черрути, посланнику в Константинополе, предписывалось следовать этой линии лишь при условии, если ее будет придерживаться большинство государств, и в первую очередь Англия; всякая же инициатива итальянского представителя в этом направлении полностью исключалась, иными словами, Италия продолжала выступать на вторых ролях. В одном бывший тогда премьером и министром иностранных дел Беттино Риказоли был тверд — в недопущении турецкого вторжения в княжества, солидаризуясь в этом с позицией России.

В целом же в начале 60-х годов Восточный вопрос рассматривался дипломатией Пьемонта, а затем Италии как источник международных осложнений, которыми следовало умело воспользоваться для решения проблем дальнейшего объединения страны. На данном этапе речь шла о присоединении Рима и Венеции. Король Виктор Эммануил II считал «римский вопрос» в то время неразрешимым — в городе стояли войска «покровителя» Италии, Наполеона III, — расходясь со своим премьером Риказоли, и сосредоточил свое внимание на Венеции. Опять возникли замыслы сделки за счет Балкан.

По вынашиваемому Турином плану, на разных этапах в неодинаковой мере разделяемому в Лондоне, Париже и Берлине, получение Венеции у Австрии связывалось с предоставлением ей компенсации, сперва в денежной форме, а с лета 1861 г. в качестве таковой рассматривались Босния и Герцеговина, которые Италия, в свою очередь, должна была приобрести у султана, воспользовавшись его денежными затруднениями¹³⁴.

Последняя идея встретила полное понимание в руководящих кругах Лондона как у главы Форин оффис Дж. Рассела, так и премьера Дж. Пальмерстона. Но решительное «нет» Вены при первой же английской попытке склонить ее к реализации этого плана помешало обсуждению его конкретных положений¹³⁵, хотя сама идея циркулировала в дипломатических кругах вплоть до 1866 г., до начала новой войны с Австрией.

Провал плана разрешения проблемы Венеции мирным путем не обескуражил Турин и особенно Виктора Эммануила. Полагая, что следовало использовать обострение ситуации на Балканах (анти-турецкое восстание в Герцеговине, движение против короля Оттона

в Греции и возможное восстание в Венгрии) в конце 1861—начале 1862 г., он поддерживал проект экспедиции Гарибальди в Венгрию через Далмацию, надеясь воспользоваться возникшими бы в этом случае для Австрии осложнениями, чтобы начать против нее войну за возвращение Венеции¹³⁶. Против этих планов выступал Риказоли, а главное — Наполеон III, изложивший свою отрицательную позицию по этому вопросу в письме Виктору Эммануилу от 11 января 1862 г.¹³⁷

Виктор Эммануил не посчитался с предупреждением Парижа, уволил в отставку Риказоли и назначил главой правительства и министром иностранных дел Урбано Раттацци, непосредственно занимавшегося планами экспедиции на Балканы. Из направленной им итальянским представителям за границей сформулированной инструкции со всей очевидностью вырисовывалась перспектива конфликта с Австрией¹³⁸.

Не заставила себя ждать негативная реакция во всех европейских столицах, где в такой постановке вопроса о Венеции увидели возможность реализации проектов восстания на Балканах; Петербург и Берлин замедлили переговоры с Туринском о дипломатическом признании Италии.

Стремясь успокоить великие державы, Виктор Эммануил вновь поменял министра иностранных дел. Им стал Джакомо Дурандо, линия которого в отношении Балкан, как и в целом внешнеполитический курс отличалась большой осторожностью. Уже 16 апреля генеральный секретарь министерства иностранных дел Луиджи Амедео Мелегари довел до сведения дворов, что Италия, следуя политике «полного воздержания»¹³⁹, не будет предпринимать на Востоке каких-либо действий.

Говоря о стремлении итальянской дипломатии воспользоваться Восточным вопросом в интересах достижения единства своей страны, следует особо подчеркнуть, что, в свою очередь, объединение Италии служило примером, пробуждало надежды национальных движений многих народов Балканского полуострова, в частности Румынии, Черногории, Албании, Греции. Руководители этих движений, особенно после знаменитого похода «тысячи» Гарибальди в Сицилию в 1861 г., возлагали надежды на героя, рассчитывали, и не без основания, на повторение на Балканах только что успешно завершенной операции по присоединению Сицилии. В 1862 г. Гарибальди и его окружение действительно готовили экспедицию на Адриатику, конечной целью которой было освобождение Венеции. Для реализации этого плана в июне 1862 г. Гарибальди прибыл на Сицилию, но затем он от него отказался, решив первоначально добиться освобождения Рима. Завершение похода на Рим столкновением с королевскими войсками у Аспрамонте, ранение Гарибальди и его арест положили конец ожиданиям балканских народов¹⁴⁰.

Одновременно события на Апеннинском полуострове и угроза высадки отрядов Гарибальди на Балканах вызывала серьезные опасения европейской дипломатии и Турции. Летом 1861 г. в Константинополе были обеспокоены проектами высадки гарибальдийцев в

Албании и обмена Венеции на Герцеговину, а в январе 1862 г. в турецкой столице Гарибальди приписывали планы подготовки экспедиции в Черногорию ¹⁴¹.

Неся на себе отпечаток эпохи Рисорджименто, отмеченной решением задач, сходных с теми, что стояли перед народами Балканского полуострова, позиция Пьемонта, а затем единой Италии в отношении Балкан в рассматриваемый период представляет одну из своеобразных страниц истории итальянской внешней политики и международных отношений. Фактически не было ни одного народа, к которому в той или иной мере не был проявлен интерес в Турнии. Не осталась в стороне и Сербия.

В канун франко-итало-австрийской войны 1859 г. Кавур принял попытку подтолкнуть Сербию к войне с Австрией. И хотя побудительным мотивом в данном случае являлось неизменное стремление Кавура подчинить все реализации идеи объединения Италии, эти планы в отношении Сербии свидетельствовали о серьезном изменении его прежней позиции, когда он видел в Сербии лишь одно из славянских государств на Балканах, освобождение которого в его глазах идентифицировалось с русской экспансией на полуострове. Отчасти такой поворот в сторону Сербии был связан с надеждами использовать венгерского генерала Клапку для организации на Балканах повстанческих отрядов и удара в тыл Австрии. В Сербию был направлен со специальной миссией один из секретарей Кавура — Франческо Фердинандо Астенго, назначенный консулом в Белград.

Перед ним была поставлена задача разобраться на месте в конкретной ситуации в Сербии, всячески способствовать установлению дружеских отношений между сербским правительством и руководителями венгерской эмиграции, ускорению выступления этих двух народов против Австрии. Он был призван также добиться согласия Белграда и Бухареста на транзит через территорию Сербии и Румынии в районы предполагаемого восстания венгров оружия, передаваемого для этих целей сардинскому правительству Францией.

Начало миссии Астенго, прибывшего в Белград 22 марта 1859 г., могло показаться многообещающим. При первой же встрече князь Милош Обренович с готовностью согласился на транзит оружия, засвидетельствовав тем самым свою поддержку предполагаемого восстания в Венгрии ¹⁴².

Но совершенно неожиданно для себя Астенго натолкнулся на решительное противодействие французских представителей. 13 мая французские консулы в Белграде, Бухаресте и Яссах были информированы, что император был бы недоволен осложнениями Восточного вопроса во время итальянской кампании ¹⁴³: Париж уклонялся от неизбежных в этом случае расхождений с Великобританией и Турцией. Кавур немедленно отступил, сообщив сардинским представителям, что исключаются всякие попытки расширить театр военных действий с помощью новых осложнений Восточного вопроса ¹⁴⁴. Миссия Астенго утратила всякий смысл, и он был отозван из Белграда ¹⁴⁵.

В дальнейшем в условиях существования единой Италии в Турине, несмотря на сохранившуюся проблему Венеции, стали следовать более осторожной линии в отношениях с Австрией.

Подробно основы итальянской линии в Восточном вопросе были сформулированы министром иностранных дел Дурандо в инструкции от 5 июля 1862 г. новому посланнику в Константинополе Камилло Караччоло ди Белла. Согласно этой инструкции, пристальное внимание Италии к Восточному вопросу диктовалось степенью его воздействия на систему союзов в Европе, а также в силу жизненно важного значения для Италии Средиземного и Адриатического морей. О возможности связи между балканским кризисом и освобождением Венеции не было и речи¹⁴⁶. Это свидетельствовало об отходе от прежних традиций: Италия определяла теперь цели в восточной политике независимо от окончательного достижения национального единства. Последнее перестало быть центром, вокруг которого группировались все внешнеполитические проблемы.

В Турине выделяли четыре балканские проблемы: международное положение Османской империи; устройство вассальных княжеств (т. е. Сербии и Румынии); дипломатическое или вооруженное вмешательство в их дела; сколько-нибудь существенные территориальные изменения. Италия должна была добиваться участия в решении судеб Румынии, Сербии, Черногории и Египта¹⁴⁷.

Отдавая себе отчет о невозможности отстаивать принцип национальной независимости для своей страны и в то же время отрицать его для христианских народов Османской империи, министр теоретически готов был признать его. На практике он прибегал к тактике умиротворения, «удержания этих народов от непредвиденных взрывов», ссылаясь на деликатность положения из-за международной ситуации, соперничества держав и внутреннего положения в этих княжествах (находя их население недостаточно цивилизованным). На деле это был предлог для отхода от прежней политической концепции. Смена внешнеполитических вех диктовалась огромным грузом нерешенных международных и внутренних проблем только что провозглашенного итальянского государства, его экономической слабостью, отсутствием авторитета на международной арене, утратой прежней заинтересованности в демократическом решении национальных балканских проблем. Постепенно стали проявляться элементы политической и экономической экспансии в Юго-Восточную Европу.

Понятно, что при таком положении вещей ни о какой самостоятельной линии, а тем более проявлении инициативы нечего было и говорить. Караччоло ди Белле предписывалось действовать осмотрительно, поддерживать предлагаемые Россией и Францией для расширения прав христиан меры, но не вступать при этом в столкновение с Англией (что на практике было крайне затруднительно). Еще большая осторожность рекомендовалась в отношении решения проблем вассальных государств*. Указывались и конкретные вопро-

* Составляя свою инструкцию фактически накануне признания единой Италии русским правительством (оно последует 8 июля), Дурандо спе-

сы, в которых следовало проявить особую осмотрительность, — сербский, греческий, венгерский и об Ионических островах ¹⁴⁸.

Во время работы в 1862 г. в Константинополе конференции послов, посвященной положению Сербии, итальянский посланник выступал за выселение турок из пригорода Белграда и срытие турецких крепостей, но, помня указание министра соблюдать осторожность и оглядываться на другие державы, имел в запасе компромиссный проект создания смешанной крепости, занятой как турецкими солдатами, так и солдатами других держав во главе с комендантом, назначенным или, по крайней мере, утвержденным державами-гарантами.

Важное значение придавали в Турине Греции. В 1862 г. туда был назначен посланником граф Теренцио Мамияни делла Ровера, активный участник Рисорджименто, европейски известный ученый, теоретик идеи национальности. Однако инструкция предписывала ему «избегать всякого участия в делах» Греции. И объяснялась эта «система абсолютного воздержания от каких-либо действий» нежеланием навлечь недовольство и подозрение Англии, России и Австрии ¹⁴⁹. В такой ситуации в Турине предложение Мамияни оказывать давление на греческого короля Оттона, с тем чтобы тот согласился на расширение гражданских прав, не встречало сочувствия в министерстве. На полях донесения Мамияни от 10 июля Дурандо начертал: «К сожалению, следует опасаться, как бы наше излишнее вмешательство не дало оснований для подозрений и недоверия» ¹⁵⁰.

Известия о свержении Оттона в октябре 1862 г. не изменили этой позиции. Несмотря на симпатии общественности, официальная Италия заняла в отношении Греции крайне осторожную, сдержанную позицию, продиктованную опасением возбудить враждебность Англии ¹⁵¹.

Король Виктор Эммануил не соглашался в данном случае со своим министром. Он вынашивал честолюбивую идею посадить на греческий престол своего сына Амедео, в чем проявлялся экспансионизм определенных итальянских кругов, и подумывал даже о прямом вмешательстве. Определенностью королевские планы не отличались: он то собирался направить в Грецию регулярное войско, то хотел использовать волонтеров-гарibaldiйцев ¹⁵². В мае 1862 г. Гарибальди, по имеющимся сведениям, имел намерение организовать экспедицию в Грецию. Ему было обещано оружие, материальные средства и военный корабль для доставки экспедиции. Но, как уже упоминалось, по прибытии в Палермо, откуда предполагалось начать поход, Гарибальди изменил свои планы, направившись в Рим ¹⁵³.

Умерить свои аппетиты короля побудили как увещевания Дурандо ¹⁵⁴, ссылавшегося на то, что греческий монарх, согласно консти-

нул воспользоваться последствиями этой акции: отсюда его совет Караччолю консультироваться с русским посланником в Константинополе, чтобы расположить его в пользу итальянских требований на Востоке, но не заходя в своем сотрудничестве с ним слишком далеко из-за опасения навлечь недовольство Великобритании и Австрии.

туции страны, должен быть православного вероисповедания, и напоминая о «ревностном отношении некоторых держав к назначению нового короля», так и позиция, занятая Наполеоном III и Пальмерстоном. Правда, советы Наполеона III носили весьма двойственный характер: с одной стороны, он призывал к осторожности, с другой — считал допустимым отплытие в Грецию гарибальдийских волонтеров при условии, что правительство сможет «доказать» свою непричастность¹⁵⁵. Что же касается англичан, они после некоторых колебаний выступили против передачи греческого престола принцу Амедео¹⁵⁶.

Против посылки добровольцев в Грецию выступил итальянский посланник в Афинах Мамиани. Он боялся навлечь подозрения Англии, что неизбежно привело бы к еще большему воздействию Франции на итальянскую политику¹⁵⁷.

Смена в Италии в начале декабря 1862 г. кабинета не отразилась на позиции в Греческом вопросе. В письме к Мамиани от 7 января 1863 г. нового министра иностранных дел Пазолини говорилось вновь о предпочтительности «политики осторожного выжидания», которую диктовало положение как внутри Италии, так и в Греции. Он полагал, что греческую корону итальянский принц может принять лишь с согласия трех держав-гарантов — Франции, Великобритании и России¹⁵⁸.

Не расстались в Турине с планом обмена Румынии на оставшиеся неосвобожденными итальянские земли при благоприятных обстоятельствах. Рост оппозиции князю Кузе поддерживал эти торговые замыслы. По проекту, который с июля 1863 г. до конца 1864 г. обсуждался с английскими и французскими руководителями, предполагалось передать Румынию Австрийской монархии, получив от последней Венецию¹⁵⁹.

В результате длительных переговоров этот проект был в принципе одобрен Наполеоном III, Пальмерстоном и Расселом. Но так и остался открытым вопрос, кто же возьмет на себя инициативу переговоров с Австрией.

На прямой зондаж в австрийской столице итальянский министр иностранных дел Альфонсо Ла Мармора не рискнул пойти. Он попытался переложить эту неблагодарную задачу на своих партнеров в Париже или Лондоне. Охотников, однако, не обнаружилось. 13 декабря 1864 г. посол во Франции Констинтино Нигра сообщил, что французское правительство «поставило английское в известность об одобрении проекта обмена Венеции на румынские княжества с учетом желаний населения этих княжеств». Но тюильрийский кабинет по-прежнему отказывался взять на себя инициативу переговоров. А британская сторона, в свою очередь, считала «преждевременным ставить этот вопрос»¹⁶⁰.

Но и после этой неудачи в Турине не отступились от проекта. И в начале 1865 г. сочли момент благоприятным для его осуществления — возросшая в австро-прусских отношениях напряженность возбуждала надежду на то, что Габсбургская монархия делается уступчивее. Наполеон III в беседе с К. Нигрой 28 февраля 1865 г.

согласился с этим. Исходя из собственных стратегических задач в отношении австро-прусского кризиса, он предложил Италии побудить Пруссию начать войну с Австрией, пообещав со своей стороны от своего лица или совместно с Англией сделать предложение Вене об обмене. Нигра одобрил этот план, полагая, что итало-прусский союз положит начало его реализации¹⁶¹.

На этот раз Лондон отказался участвовать в комбинации. Английский министр иностранных дел лорд Кларендон не скрывал глубокого убеждения в невозможности реализовать план получения Венеции в обмен на княжества по ряду причин: во-первых, румынский народ никогда не согласится на переход под власть Австрии, вызывавшей его особенно неприязненное отношение; во-вторых, не приходилось сомневаться в отрицательной реакции России на подобную сделку; и наконец, в-третьих, осуществление ее ставило под угрозу судьбу Османской империи. Альтернативный вариант Кларендон видел в том, чтобы предложить Австрии уступить Венецию за определенную сумму денег.

Но в ответ на зондаж Лондона австрийское правительство в конце апреля заявило об отказе уступить Венецию, сославшись на опасения, что позднее Италия потребует Трентино. Такой же была судьба аналогичных шагов Парижа¹⁶².

Отрицательное отношение России к проекту обмена Венеции на княжества было сообщено итальянскому посланнику в Петербурге Эдуардо Де Лонэ А. М. Горчаковым, не скрывшим готовности России в случае необходимости воспротивиться этому силой¹⁶³.

А поскольку собственная попытка Турина добиться от Вены уступки Венеции за компенсацию в миллиард лир в конце декабря 1865 г. окончилась полным провалом¹⁶⁴, итальянскому правительству пришлось отказаться от плана обмена Венеции на княжества.

Оценивая в целом позицию Пьемонта, а затем и Италии в отношении народов дунайско-балканского региона, следует подчеркнуть ее непоследовательность и эклектичность. За ними признавались права на национальную независимость, но итальянские руководители были движимы при этом главным образом стремлением отстаивать этот принцип для населения Апеннинского полуострова, а посему с легкостью обнаруживали готовность пожать права первых во имя решения конкретных проблем, обеспечивавших единство Италии. Это была чрезвычайно прагматическая позиция, свидетельствовавшая о серьезном отходе от идеалов эпохи Рисорджименто.

6

Российская дипломатия в обороне

Для России Крымская война открыла новую эпоху и во внутренней жизни, и во внешней политике. Прогнил и рухнул николаевский режим, тридцать лет стоявший на страже крепостничества и душивший малейшие проявления духовной жизни, выходившие за рамки официальной идеологии.

В стране назревала революционная ситуация; в жизнь вступало

поколение «шестидесятников», искавшее пути обновления социальной и политической системы. Царизм маневрировал, стремясь спустить революцию на тормозах умеренно консервативных реформ. Изжил себя охранительный курс во внешнеполитических делах, создавший николаевской державе мрачную славу жандарма Европы. Цензура ослабила свой надзор за печатью, и в периодических изданиях зазвучали прежде не допускавшиеся критические ноты.

Священный союз предавался анафеме повсеместно. Особенно старались славянофилы: «С водворением в силу Венских трактатов, новых международных отношений, положение России на Востоке вдруг изменилось: отселе окруженная лишь взыскательными друзьями, со всех сторон опутанная узами добровольно принятых на себя безвозмездных обязательств, добровольно покинув высокое положение защитницы народов и променяв его на роль охранительницы каких-то безымянных, отвлеченных начал и покровительницы полдюжины чуждых ей династий,— Россия в течение сорока лет стояла к Востоку в самых противоестественных, натянутых отношениях, постоянно живя там за счет одних лишь славных воспоминаний прошлого, тщательно закрывая глаза от дневного света, стараясь видеть лишь в чужие очки, вынужденная, наконец, всего бояться на Востоке, избегать всякой там перемены,— писал князь В. А. Черкасский.— *De jure* и *de facto* существование Священного союза ныне совершенно прекратилось»¹⁶⁵. Негодование общественности обращалось прежде всего не против открытых противников в войне, Франции и Великобритании, а против коварной Австрийской державы, сполна использовавшей жандармские услуги Николая I в тяжелый для нее 1849 год, а затем шантажировавшей Петербург на протяжении всей Крымской войны. Журнал «Русская беседа» именовал ее «дряхлой, разноплеменной и разноязычной империей»¹⁶⁶. Столь же неслестно отзывались о Габсбургской монархии либералы: «Австрия сама есть столь же фальшивое и непрочное существование, как и Турция... Австрия есть временный политический узел, соединяющий в себе самые разнообразные и противоречащие элементы, которые это государство не в состоянии слить в действительное целое»¹⁶⁷. Отто фон Бисмарк, прибывший в русскую столицу в качестве прусского посланника в 1859 г., был поражен все еще не утихшим в петербургском свете и более широких общественных кругах возмущением. Со свойственной ему грубоватой выразительностью он писал жене: «Совсем не представляют себе, как низко здесь стоят австрийцы: ни одна собака не примет от них куска мяса»¹⁶⁸.

Могикане старого курса остались в одиночестве. К ним относился канцлер К. В. Нессельроде. В течение сорока лет оформлявший внешнюю политику империи, он, видимо, воображал, что выберется и из крымского водоворота* и, слегка подлатав паруса Священного союза, поплывет в прежнем направлении. «Образ действий, которого придерживался с самого начала настоящего кризиса ав-

* Об этом свидетельствовало его обещание (в отчете МИД за 1855 г.) высказать свои соображения по ряду вопросов в отчете за 1856 г. См.: АВПР, ф. Отчеты МИД, 1855 г., л. 140.

стрийский кабинет, вызвал в России крайнее раздражение, — признавал он в доверительной записке А. Ф. Орлову (февраль 1856 г.). — Не так легко простить измену неблагодарного друга»¹⁶⁹. Сам он явно склонялся в пользу забвения и прощения и в то же время предостерегал против сближения с Бонапартом: «Мы должны в особенности остерегаться того, кто в данную минуту является вершителем судьбы Франции»¹⁷⁰. Ему вторил бывший посол в Лондоне Ф. И. Бруннов, усмотревший уже признаки раскаяния у габсбургских министров: «Граф Буоль, думается мне, уже испытывает на себе всю невыгодность политики, предавшей забвению прошлое, трусливой в настоящем и неопределенной в будущем. Нам незачем будет облегчать ей (Австрии. — Авт.) роль, которую она сама себе выбрала; но наше поведение, не враждебное, не помнящее зла, должно преподать ей урок, а именно, что старые друзья всегда самые верные». Эта тирада вызвала раздраженную реплику Александра II: «Отнюдь на это не рассчитываю»¹⁷¹.

Но Нессельроде досиживал последние дни в канцлерском кресле, и он тоже должен был учитывать новые веяния.

5 (17) апреля 1856 г. царь утвердил составленную им записку, излагавшую основы внешнеполитического курса на ближайшее будущее: «После недавно перенесенного поражения, — говорилось в ней, — России нужно сосредоточиться в самой себе и искать лечить внутренними средствами нанесенные ей войною раны». Тройственный северный союз (с Габсбургами и прусскими Гогенцоллернами) перестал существовать. «Австрия своим поведением его разрушила. Швеция на севере и Турция на юге стоят против нас в условиях новых и щекотливых. Англия, наш действительный, упорный враг, осталась недовольной и злобной по заключении мира, а потому начальная причина, вызвавшая против нас коалицию, продолжает существовать»¹⁷².

В таких нелегких условиях к управлению иностранными делами пришел Александр Михайлович Горчаков. 16 (28) апреля циркулярной депешей он известил о вступлении в должность министра. Начался новый этап в развитии русской внешней политики. Императорского сановника сменил государственный муж, сумевший после военного поражения и при полной внешней изоляции выработать и осуществить новый курс во внешних делах.

Всю Европу облетела крылатая фраза, употребленная в его циркулярной депеше от 21 августа (2 сентября) 1856 г.: «К России обращаются с упреком, что она изолируется и хранит молчание...

Говорят, Россия дуется.

Россия не дуется, Россия сосредоточивается»¹⁷³.

Наиболее дальновидным и проницательным из консерваторов, к которым принадлежал Горчаков, стала очевидной необходимость внутренних реформ: «Обстоятельства вернули нам полную свободу действий. Император решил обратить свое внимание по преимуществу на благосостояние подданных и на развитие внутренних ресурсов страны; это внимание может отвлекаться войне лишь в случаях, когда прямо затрагиваются положительные интересы Рос-

сии»¹⁷⁴. Отсюда вытекали два основополагающих положения: «1) избежать для России всякого участия во внешних осложнениях, которые отвлекли бы часть ее сил от ее собственных внутренних реформ; 2) следить за тем, чтобы в это время не произошли изменения территориального порядка и в отношении политического равновесия и влияния, которые могли бы нанести серьезный ущерб нашим интересам или нашему политическому влиянию»¹⁷⁵. Опасение, что в условиях международной изоляции всякий общеевропейский конфликт обернется на пагубу России, явственно сквозит в этом втором пункте. Неустойчивое положение в стране, рост революционного движения, зачаточное развитие железнодорожной сети, финансовая слабость, необходимость преобразования вооруженных сил — все это предписывало сдержанность и миролюбие. «Всякие союзы могут только вовлечь ее в сферу действий, где она будет орудием притязаний, ничего общего не имеющих с ее национальной политикой», — полагал Горчаков¹⁷⁶.

Министр провозгласил, что намерен следовать национальному курсу, во главу угла будут поставлены интересы населяющих страну народов; в то же время он не намерен посягать на права других государств¹⁷⁷.

Конечно, «национальная» политика Горчакова в основе своей была дворянской; учитывал он и настроения и стремления крепнувшего российского купечества и промышленников; отсюда — освоение Дальнего Востока, продвижение в Средней Азии — регионах более отдаленных от европейских дел и от соперничества (хотя вокруг Средней Азии не утихали столкновения с Великобританией). И в то же время в полном соответствии с государственными интересами России в важнейших документах ставилась цель добиться отмены попиравших ее суверенитет положений Парижского мира, запрещавших держать на Черном море флот и лишавших ее возможности защиты своих берегов, санкционировавших отторжение от страны Южной Бессарабии, из-за чего юго-западные районы оказались отрезанными от водной артерии — Дуная. Эта цель на другой день после заключения мира, по понятным причинам, фиксировалась не в декларациях перед правительствами, а в закрытых инструкциях послам. Об этом, не скрываясь, говорили в «обществе» и, при возможности, в печати. Так, известный ученый-востоковед и путешественник П. А. Чихачев в 1856 г. опубликовал в Брюсселе статью, в которой писал о черноморском разоружении: «Подобная уступка России оскорбительна для нее. Невозможно поэтому, чтобы она когда-нибудь согласилась признать это положение иначе как временным урегулированием. Россия оставляет за собой право отказаться от него сразу же, как только политическая обстановка в Европе представит такой случай»¹⁷⁸.

Проведение национального курса во внешней политике (даже в его узко дворянском понимании) исключало возрождение Священного союза. Вена, крепко потеснив Россию на Балканах, теперь предлагала мир и дружбу на основе истлевших охранительных принципов и молчаливого признания англо-австрийского первенства в Юго-Во-

сточной Европе. Уже 30 августа (11 сентября) 1856 г. поверенный в делах при габсбургском дворе В. П. Балабин сообщил о своем «очень важном разговоре» с канцлером Буолем в этом духе: Россия, придерживающаяся консервативного направления во внутренних делах, не может действовать иначе и вовне, твердил Буоль. Полученный им ответ не допускал кривотолков: Россия, заявил Балабин, не собирается «возобновлять роль поборника консервативных устоев; это — неблагоприятная задача, в ходе осуществления которой весь мир нас бросил»; «мы не забыли, что всякий раз, когда мы хотели, чтобы принципы возобладали над фактами, мы теряли точку опоры». (Здесь — помета царя: «Хорошо сказано»¹⁷⁹.)

В дело обработки Александра II и его сановников включился кайзер Франц Иосиф. Он выпросил личное свидание (Веймар, октябрь 1857 г.). Встреча, по словам Горчакова, явилась простым проявлением вежливости со стороны двух суверенов. Франц Иосиф повторил все то, что говорил глава его кабинета в течение года; в ответ ему было заявлено: «Мы основываем наши расчеты и наши симпатии на делах, а не на фразах». С Горчаковым кайзер беседовал лишь бегло в антракте во время спектакля. Он заверял, что, кроме «несчастливого» Восточного вопроса, нет иных препятствий для установления доброго согласия между государствами. Горчаков ответил, что один Восточный вопрос имеет для России большее значение, чем все остальные, вместе взятые¹⁸⁰.

Русский министр отметал «традиции, воспоминания и интимные связи», которые в течение сорока лет привязывали Романовых к габсбургской монархии и заявлял, что Россия наконец-то обрела свободу рук¹⁸¹. Он был убежден, что «Австрия является послушным орудием Англии», последняя же «на Черном море и на Балтийском, у берегов Каспия и Тихого океана — повсюду является непримиримым противником наших интересов и всюду самым агрессивным образом проявляет свою враждебность»¹⁸². Уже тогда, в первый год своего управления, Горчаков полагал необходимым готовиться к схватке.

Не могло быть двух мнений насчет того, что натиск Великобритании на Балканах и Ближнем Востоке придется сдерживать в неблагоприятных условиях: «В конечном итоге материальные результаты войны пошли на пользу исключительно английской политике; лондонский кабинет мастерски скрывал свои расчеты, выдвигая на первый план интересы европейского равновесия, цивилизации и человечества, пуская в ход фразеологию, привлекательную для масс»¹⁸³.

Не укрылись от российской дипломатии трещины в англо-французском союзе: «Ход событий обеспечил Франции видимое преобладание на главном театре военных действий; между тем эта держава, в вопиющем противоречии с воспоминаниями прошлого, с традициями своей истории, в действительности поставила свои вооруженные силы на службу английской политике, которая одна может выиграть от уничтожения нашего флота на Черном море»¹⁸⁴.

Конечно, приведенная здесь оценка страдает известной односто-

ронностью. «Маленький Бонапарт» стремился укрепить подножие своего трона большой кровью и увенчать себя лаврами триумфатора; военный успех обеспечивал ему первое место среди континентальных монархов. Но на Балканах и Ближнем Востоке наибольшие выгоды пожинал Лондон, и это болезненно ощущали в Париже. Примирительная тактика Наполеона и его министра Александра Валуевского на мирном конгрессе позволяла российским сановникам надеяться на выход из изоляции во французском направлении. Они учитывали, что без сотрудничества или, по крайней мере, благожелательного нейтралитета со стороны России Наполеону не имело смысла даже приступать к осуществлению своих планов в Италии и в перспективе — в Германии, чреватых столкновением с австрийской монархией. Это позволяло надеяться на известное «понимание» российских пожеланий во Франции. Наконец, кроме Парижа, смотреть российской дипломатии было некуда и рассчитывать не на кого — ее окружал мрак изоляции.

Горчаков, памятуя печальные уроки прошлого, когда отношения между двумя странами ухудшились из-за личных антипатий Николая I к Орлеанской династии и Луи Наполеону Бонапарту, подчеркивал, что следует думать о сотрудничестве государств, а не династий: «Признавая, что согласие с Францией дает нам больше гарантий, нежели старые союзы, преобладавшие до сих пор в нашей политике: речь идет не о сотрудничестве с той или иной династией, а единственно с Францией без всякой оглядки ни на режим, управляющий страной, ни на более или менее живые симпатии, которые внушают отдельные лица»¹⁸⁵.

Что касается Наполеона III, то собственный интерес — единственная побудительная сила его действий, а успех — единственная цель, рассуждал Горчаков. У Англии — сильные рычаги давления на него. Внешняя (а особенно заморская) экспансия Бонапарта возможна лишь при отсутствии британского противодействия. Пока что (записка относится к началу 1857 г.) никаких признаков искренности и практической полезности его дружеских заверений нет¹⁸⁶.

На первых порах даже опытный Горчаков переоценивал перспективы сближения с Наполеоном и его сановниками. Вот характеристика, данная им Валуевскому осенью 1857 г.: до сих пор он знал сына Наполеона I как блестящего салонного собеседника и опасного соперника в глазах прекрасного пола; ныне же тот предстает как государственный деятель, обладающий самыми ценными качествами — лояльностью и верностью данному слову¹⁸⁷ (чем Валуевский никогда не отличался).

Постепенно пелена спадала с глаз царских министров и выявлялись намерения Бонапарта впрячь русского медведя в колесницу своей агрессивной политики в обмен на туманные обещания поддержки в пересмотре условий мирного договора. 13 (25) сентября 1857 г. состоялось давно готовившееся свидание двух императоров, российского и французского, в Штутгарте. Во время первой беседы монархи расточали друг перед другом клятвы в своей преданности

миру. Александр осторожно заметил, что обширные военные приготовления его собеседника порождают в некоторых кругах недоверие к его намерениям. Наполеон отвечал, что в этих сферах не дают себе отчета в особенностях положения: он должен сохранять порядок в стране и заставлять уважать власть; военному духу французов приятно видеть многочисленную и блестящую армию, которая-де наводит трепет на «революционные партии». В следующем разговоре Наполеон заметил, что, создав могущественное правительство, подавив революцию, он оказал услугу Европе; последней в знак признательности следовало бы вернуть Франции ее «естественные границы» по Рейну и Альпам. Европа в ущерб себе разрушила (в 1814 г.) мудрое равновесие; Франция нуждается в компенсации; дело мира, в трактовке Бонапарта, требовало этого¹⁸⁸.

Александр оставалось лишь («в сдержанных тонах, но твердо») высказаться против подобного реваншистски-завоевательного толкования «защиты мира» на континенте. Не услышал он ничего такого, что противоречило бы дружеским франко-английским связям, а при их сохранении нечего было и думать о подкопе под Парижский договор.

Все же свидание в Шутгарте не окончилось бесплодно. Монархи договорились не участвовать во враждебных коалициях и обмениваться мнениями по вопросам европейской важности; действовать согласованно в отношении Османской империи, в том числе и на случай ее распада (Наполеон уже запамятовал, что сражался в недавней войне во имя незыблемости султанских владений); французские консулы получили распоряжение воздерживаться от религиозной пропаганды — по достижении своих целей коронованный авантюрист совсем забыл о «святых местах». Наполеон получил очень ценное заверение, что в случае войны с Австрией Романовы не бросятся на спасение последней (помета царя: «... я ему ответил, что не собираюсь повторять 1849 год»). Иная позиция была немыслима при все еще клокотавшем возмущении поведением «предательницы». От более активного сотрудничества с Францией Александр II воздержался — ничего, кроме туманных обещаний сочувственного отношения в неопределенном будущем к пересмотру Парижского мира, он не услышал¹⁸⁹.

Известные дивиденды от достигнутой договоренности получала и русская сторона; Петербург и Париж проводили общую линию в решении проблем Дунайских княжеств, Сербии и Черногории (см. гл. 3, 5, 6). Россия выходила из изоляции, расширяла пути проникновения своего влияния на Балканы; способствуя решению назревших национальных вопросов, она восстанавливала свой подорванный в 1856 г. престиж. Но все это — в ограниченной степени и наталкиваясь на стремление самой Франции утвердиться на Балканах. И главное, «маленький Бонапарт» не мог позволить себе роскошь расхождения с Великобританией, стоявшей на страже парижских решений. Новый посол во Франции П. Д. Киселев отмечал в записке от 24 июня (6 июля) 1857 г.: восемь месяцев изучения

и наблюдений заставили убедиться в том, что Наполеон превыше всего ставит свой союз с Англией. Хотя император и хвастается, что контролирует положение в стране и его действительно поддерживают армия и духовенство, его позиции не так уж прочны. Активно действуют тайные общества пролетариев; их руководители поддерживают связи с изгнанниками, нашедшими убежище на острове Джерси; не сложили оружие сторонники Орлеанской династии; финансы — в расстроенном состоянии, Французский банк переживает трудности, бюджет сводится с дефицитом¹⁹⁰.

Оживленные и напряженные переговоры между бонапартистским и царским правительствами в месяцы, предшествовавшие австро-итало-французской войне 1859 г., разочаровали Петербург: Валуевский никак не мог изыскать формулировку обязательств по пересмотру стеснявших Россию условий 1856 г. Горчаков совершенно изменил свое мнение о французском министре: Валуевский — «человек нерешительный, дрожащий перед гением своего повелителя, боящийся высказать малейшую мысль, расходящуюся со взглядами последнего»¹⁹¹. Высказывание Наполеона в тронной речи 7 февраля 1859 г. о том, что его постоянной заботой является «укрепление тесного союза с Англией», развеяло последние иллюзии русской дипломатии¹⁹². В конце концов 19 февраля (3 марта) 1859 г. в Париже было подписано секретное соглашение между двумя дворами: Россия обязывалась придерживаться благожелательного нейтралитета по отношению к Франции в ее конфликте с Австрией; стороны собирались достичь согласия насчет изменения существовавших договоров при заключении мира¹⁹³. Это все, чего удалось добиться. Разоткровенничавшись, А. Валуевский сказал П. Д. Киселеву, что рассчитывает и на британский нейтралитет, ибо интересы Англии будут уважаться на Востоке, на Рейне и в области судоходства. Горчаков подчеркнул в депеше слово «Восток». Он писал в ответ Киселеву: «Сегодня мы не извлекли бы из нее (сделки с Францией. — Авт.) никакой выгоды, так как боязнь перед Англией помешает императору Наполеону коснуться вопроса о Черном море в том смысле, как отвечало бы нашим пожеланиям»¹⁹⁴.

В августе 1859 г. генеральный консул в Бухаресте Н. К. Гирс в частном письме послу в Константинополе А. Б. Лобанову-Ростовскому делился своими мыслями: «Вы тысячу раз правы, не слишком гордясь нашим согласием с Францией, которое до сих пор было сердечным лишь с нашей стороны, но, как Вы совершенно правильно сказали, это согласие еще необходимо, чтобы избежать изоляции...». Корреспондентов явно тревожило стремление «дорогого союзника» утвердиться твердой ногой в Дунайских княжествах, способствуя для достижения этой цели «разрушению вековых связей молдо-валахов со славянами», используя в видах своей политики рьяных латинизаторов из местных деятелей: «... религия, нравы, язык — все подвергается латинизации этими помешанными, которым, создается впечатление, обеспечена французская поддержка»¹⁹⁵.

В 1861 г. разочарование в опоре на Францию звучало уже в пол-

ный голос: «Наше согласие с Францией должно основываться на полной взаимности. Мы не можем идти на него, если оно станет цепью»¹⁹⁶. Десятилетний опыт попыток сотрудничества с Францией в Юго-Восточной Европе А. М. Горчаков оценивал в 1867 г. отрицательно: «...содействие, которое оказывал нам тюльрийский кабинет, было, сказать по правде, неискренним и весьма ограниченным»¹⁹⁷.

Если цели русской политики обрисовывались в послекрымский период четко и определенно, то средства для их достижения предстояло изыскать. В высшей степени необходимо, писал Горчаков возвратившемуся на пост посла в Стамбуле А. П. Бутеневу, чтобы согласие, существующее между Веной, Лондоном и Парижем по общим вопросам Востока, разбилось при соприкосновении с деталями¹⁹⁸.

С точки зрения поисков точки опоры и направления деятельности интересна инструкция Бутеневу, составленная Горчаковым и утвержденная царем 14 (26) июля 1856 г.

В Стамбуле, говорилось в ней, придется иметь дело не только с турками, но и с западными державами. Бесплезно тратить время на завоевание доверия Порты; подобного рода попытки лишь усилят подозрительность османских сановников. Надо держаться спокойно и с достоинством, твердо отстаивать интересы России, развитие торговли ее южных районов со Средиземноморьем и Востоком. Другая сторона традиционной политики России — поддержка православной церкви и христианских народов. Как проводить ее в создавшихся условиях?

И тут обрисовываются контуры тонкой дипломатической тактики Горчакова, сумевшего обратить на пользу побежденного некоторые пункты Парижского мирного договора, который подтвердил широкую автономию Дунайских княжеств и Сербии, иными словами, признал то, что отражало курс российской политики и противоречило статус-кво, причем на более широком с точки зрения международного права форуме: положения, ранее освещенные двусторонними русско-турецкими договорами, теперь фигурировали в акте, под которым стояли подписи всех шести ведущих держав Европы. Горчаков с удовлетворением констатировал: несмотря на произошедшие коренные изменения, результаты вековой работы, проделанной Россией, сохранились¹⁹⁹; Порты и западные державы вынуждены согласиться с принципами, которые Россия выдвинула «в защиту религиозных и гражданских прав христиан Востока»²⁰⁰.

Султан особым указом (см. гл. 2) подтвердил равноправие всех своих подданных перед законом и права христианской церкви. Горчаков не верил в осуществимость этого акта, обращая внимание на «несоответствие теоретических положений и принципов, провозглашенных хатт-и хумаюном, с политическими условиями государства»²⁰¹. Но российская дипломатия собиралась использовать эти вынужденные акты, рассматривая их как рычаг в своих действиях в защиту балканских народов. Прежние мечты о царской гегемонии на Балканах сгорели в пожаре войны. Однако, подчеркивалось в

инструкции Бутеневу, по духу Парижского трактата ни одна из держав не должна пользоваться в османских владениях преимуществами. И этим собирался воспользоваться Петербург для того, чтобы помешать чрезмерному усилению в регионе соперников. Действовать следовало осмотрительно и осторожно: положение, как «внутреннее, так и из-за давления извне, является столь сложным, что его нельзя рассматривать иначе как преходящее». Учитывая опыт прошлого, Горчаков допускал возобладание в политике держав другой, старой доктрины, а именно «сопротивление развитию христианских народностей с тем, чтобы, провозглашая терпимость, сделать иллюзорным равенство политических и гражданских прав и культивировать разногласия между различными христианскими исповеданиями». Бутеневу предписывалось внимательно наблюдать за ходом событий, способствовать претворению в жизнь провозглашенных в султанском указе принципов, сигнализировать об их нарушении. Сдержанность, предписываемая ситуацией, наставлял Горчаков посла, отнюдь не означает пассивности.

Самому министру пришлось начать действовать, когда еще не высохла чернила на подписях под Парижским актом. Известная его циркулярная депеша от 21 августа (2 сентября) 1856 г. касалась и греческих дел: Крымская война послужила сигналом для подъема освободительного движения греков; в наказание Греческое королевство было оккупировано англо-французскими войсками. «Оккупация сама по себе была отвратительной; ее ненавидели», — свидетельствуют французские историки Э. Дрию и М. Леритье²⁰². Англо-французский капитал под предлогом «дурного управления» греческими финансами и неаккуратной выплаты долгов собирался подчинить страну своему контролю.

Оккупация, говорилось в отчете российского МИД за 1856 г., «вылилась в злоупотребление силой, в вопиющее нарушение независимости Эллинского королевства». Цель России — в этих условиях — добиться эвакуации англо-французских войск, положить конец положению, «ранящему и раздражающему национальные чувства» греков, что поможет «восстановить узы привязанности и симпатий, связывающие нас с этой страной»²⁰³.

Итак, российская дипломатия на Балканах находилась в глубокой и долговременной обороне. Были конкретно определены ее задачи — ревизия тяжелых и унижительных для страны условий Парижского мира, защита интересов южной торговли, противодействие гегемонистским тенденциям соперников на Балканах, сопротивление попыткам восстановить там в модернизированном виде систему османского господства, под прикрытием которого происходило утверждение в регионе экономического и политического влияния западных держав. Шел поиск средств достижения цели, а они имелись, и сами события подталкивали русскую дипломатию в нужном направлении.

«Парижская система» пыталась законсервировать изжившую себя и прогнившую османскую власть над южнославянскими, греческими, албанскими территориями, сохраняла вассальную зависимость Сербии и Дунайских княжеств. С точки зрения исторического про-

гресса все это было обречено на гибель; и самые торжественные документы, украшенные подписями западных министров, не могли предотвратить нарастания освободительного движения и распада султанских владений. У российской дипломатии существовал один путь восстановления своего влияния в регионе — поддержка этого движения, осторожная и осмотрительная (чтобы не возник новый общеевропейский конфликт, к которому Петербург не был готов и которого опасался). Это четко сознавалось на высших ступенях дипломатической иерархии — напомним слова Горчакова, что Восточный вопрос по своему значению превосходит для России все прочее; посол в Вене Будберг полагал: «Наши отношения со славянскими народами, право же, важнее наших отношений с европейскими державами и стоят того, чтобы о них серьезно заботились»²⁰⁴.

Министерство иностранных дел обладало кадрами достаточно опытных, знавших балканские проблемы сотрудников, способных претворять намеченный курс не по обязанности, а по убеждению, внести свою лепту в его осуществление и подать практические советы (в частности, о необходимости более гибкого подхода ко внутренним проблемам региона и сотрудничеству с широкими кругами общественности). Консульская сеть в регионе была усилена. В дополнение к ранее существовавшим были открыты консульские представительства разных рангов в древней столице Болгарии, Велико Тырново, в Пловдиве (Филиппополе), Варне, Видине. Сделано это было не без влияния поступавших с Балкан просьб. В одном из писем, пришедших в Азиатский департамент МИД, говорилось: «Нам остается теперь на долю... уповать, что по заключении мира Россия пошлет нам консулов и прикажет им наблюдать за исполнением хотя некоторых важных для нас обещаний султана, а также и за действиями агентов недоброжелательной нам Европы». Конечно, в обязанность назначаемым агентам вменялась не только защита угнетенных (что они делали с большой ответственностью), но и отстаивание интересов своего правительства (в инструкции говорилось о «поддержании традиционного морального влияния России»)²⁰⁵. Приведем здесь соображения, высказанные Константином Михайловичем Базили (кстати, одноклассником Гоголя по Нежинскому лицей), назначенным русским комиссаром в Дунайские княжества. Он считал необходимым удвоить усилия по завоеванию доверия населения Балкан: «Повсюду на Востоке пробуждается чувство национальности. Это наш лучший помощник. Все эти национальности станут все более враждебными константинопольскому правительству». Лучше всего российским интересам отвечает образование автономных государств. Этот процесс покончит с доминирующим положением Великобритании в Восточном Средиземноморье. Интересы России на Востоке повсеместно противоположны австрийским. Между ними не может быть никакого компромисса. Габсбурги ради своей империи должны принести в жертву будущее христианского населения Балкан; образование здесь национальных государств ставит перед Австрией проблему: быть или не быть великой державой. «Наша цель,— заключал К. М. Базили,— придать нужное направле-

ние развитию местных элементов с тем, чтобы спасти Восток как от турок, так и от прогрессирующего объединения с народами Запада»²⁰⁶. Последняя фраза составлена, по-видимому, нарочито туманно. Базили понимал, что упоминаемые им «местные элементы» — это выходящие на авансцену политической жизни буржуазно-либерально-конституционные круги, к которым неприязненно относилось самодержавие. Он утешал поэтому Александра II и Горчакова: на Востоке, говорилось в его записке, либерализм консервативен по духу своему и в принципе монархичен. Лишь поддерживая умеренно либеральные теории, можно завоевать симпатии населения.

Учитывало российское правительство и умонастроения в стране. Знаменитый роман И. С. Тургенева «Накануне» (1859), героем которого он сделал болгарина, отражал широчайший интерес общественности к делу освобождения Балкан. В понимании необходимости освобождения Юго-Восточной Европы от власти османов сходились самые различные течения общественности России — от революционных демократов до славянофилов. Н. Г. Чернышевский писал о «правильном, почти официальном опекунстве великих держав над Турцией», без которого она не продержалась бы, по его мнению, и двух лет, и обрисовывал «края и грани» предстоящего «разлома»²⁰⁷.

Славянофильская «Русская беседа» выражала уверенность в «окончательном разрушении Оттоманской империи и возрождении на развалинах ее постепенно пробивающихся вновь наружу и ежедневно усиливающихся элементов, более сочувственных христианской гражданственности»²⁰⁸. Князь В. А. Черкасский высказывал на страницах журнала следующее мнение: «Отныне России необходима на Востоке ясная, положительная программа политической деятельности, основанная на признании народностей и провозглашении собственного вещественного бескорыстия. Лишь такую программу может быть возмещено временное отсутствие победоносного Синопского флага»²⁰⁹.

Либералы полагали: «Напрасно будем мы прибегать к оружию для решения Восточного вопроса,— писал „Русский вестник“, — мечом можно рассечь этот узел. Напротив, чем больше усилий, чем больше военных напряжений, чем больше крови, тем хуже. Турция исчезнет сама собою, и Восточный вопрос незаметно развяжется... как только внутренние недуги в христианском мире получат облегчение, как только рассеется мрак, лежащий на многих сферах нашей жизни»²¹⁰.

Стоявшие близко к демократическим кругам «Отечественные записки» подчеркивали, что существует проблема, «по нравственной важности и значению ее в Восточном вопросе» достойная стоять «едва ли не впереди всех; это — положение христианских подданных турецкого султана»²¹¹.

С мнением широких кругов должны были считаться и люди, определяющие и внешнюю политику: «Расовые и религиозные симпатии, объединяющие нас с христианами Востока, являются для

нас внутренней и внешней моральной силой», — писал А. М. Горчаков.

В 1858 г. по инициативе группы университетских профессоров был образован Московский Славянский комитет. К его созданию были причастны и деятели болгарского освободительного движения. Идею подхватил известный путешественник Е. П. Ковалевский, возглавлявший тогда Азиатский департамент МИД. Правительство, заинтересованное в использовании различных каналов для оказания влияния на Балканы и поддержке — вне рамок официальной осторожной политики — освободительного движения, дало свою санкцию и предоставило комитету субсидию. Вслед за Москвой славянские комитеты возникли в Петербурге, Киеве и Одессе²¹².

Поскольку Великобритания и Австрия твердокаменно стояли на позициях защиты прав и владений Порты, наполеоновская Франция лишь в отдельных случаях поддерживала чаяния народов (например, при объединении Дунайских княжеств), а с мнением Пруссии и Сардинии в послекрымские годы мало считались, надежды на освобождение жители региона продолжали связывать с Рос- сией. В 1858 г. Ф. Энгельс писал: «...христианское население Европейской Турции как греческое, так и славянское более, чем когда-либо, стремится сбросить с себя турецкое иго и более, чем когда-либо, видит в России своего единственного защитника»²¹³.

«Европейский концерт» являл картину непрерывных раздоров. Каждый из участников септета играл по собственной партитуре. И российская дипломатия быстро обнаружила, что пассивность отнюдь не является ее уделом. Ни одна из балканских проблем не решалась без ее участия, иногда определяющего.

Полезно привести здесь несколько высказываний из доклада, поданного в 1867 г. А. М. Горчаковым, тогда уже государственным канцлером, Александру II, в котором подводились итоги политики в Юго-Восточной Европе за одиннадцать послевоенных лет и намечались перспективы на будущее²¹⁴. Важно отметить, что канцлер связывал борьбу за отмену тяготивших Россию последствий Крымской войны с проблемами национального освобождения Балкан: «...бремя Парижского мира не облегчено. Оно продолжает нестерпимо тяготеть над нами. Однако этот вопрос нельзя отделять от общей обстановки на Востоке». Из этого делается вывод: их можно решать только взаимосвязанно; и добиться успеха можно «только силой».

Подобная констатация не означала, однако, что Петербург взял курс на войну. Осознание внутренней слабости, страх перед обще- европейским конфликтом, сдержанная оценка шансов на успех вос- станий балканских народов — все это заставляло проявлять осторожность: «Мы не могли поверить в реальность их надежд, которые основывались скорее на энергии их устремления, нежели на их действительных силах». «Предоставить их превосходству регулярных армий и ресурсов Турции... получающей моральную, финансовую и, возможно, военно-морскую помощь от западных держав» значило бы вести «отвратительную политическую игру».

В то же время «освобождение христианского Востока может осуществляться разумным и прочным образом только Россией» — альтернативой является «либо господство турок, либо эксплуатация со стороны Запада».

И русское правительство, желая избежать войны, шло осторожным средним путем: стремясь укрепить собственное влияние на Балканах, оно поощряло культурное развитие поработенных народов, способствовало дипломатическими средствами расширению их национальных прав; в то же время оно предостерегало их от «разрозненных и непоследовательных выступлений, которые приводили лишь к бесполезному кровопролитию». Но не только боязнь «бесполезных кровопролитий» заставляла царизм сдерживать революционные порывы балканцев. Самодержавие постоянно жило в страхе перед революцией; отсюда — опасение, как бы «соседство и пример Италии, подстрекательство провокаторов — агентов космополитической революции» не воспламенили надежды южных славян. Быстро развертывавшийся процесс объединения Италии доставлял царизму немало неприятностей, особенно когда в результате знаменитой экспедиции Гарибальди в 1860 г. рухнул трон неаполитанской династии. Хотя никакие российские интересы при этом затронуты не были, Александр II был уязвлен в своих легитимистских чувствах; печальный опыт отца, долго не желавшего признавать Наполеона III «законным» монархом, он предал забвению и пошел на разрыв дипломатических отношений с Турнином, ибо Кавур и король Виктор Эммануил шли к объединению, не смущаясь низвержением престолов. Эта акция не имела даже морального эффекта, и через несколько лет отношения с Итальянским королевством были восстановлены.

Связи с наполеоновской Францией ощутимых плодов в балканских делах не приносили, а к итальянским она имела прямое отношение. В октябре 1859 г. царь заявил стороннику русско-французского сближения, послѣ в Париже П. Д. Киселеву: «Доверие мое к политическим видам Людовика Наполеона сильно поколеблено. Его приемы небезупречны»²¹⁵.

В конце 1859—начале 1860 г. серьезные волнения охватили Боснию, Герцеговину, Фессалию, Эпир. А. М. Горчаков предложил направить европейскую комиссию для расследования создавшегося положения и принятия «органических мер». Сколько ни билось русское дипломатическое ведомство, идею Горчакова никто не поддерживал. «Расследование» провел... великий визирь Киприсли-паша, обнаруживший лишь «злоупотребления отдельных должностных лиц», с которыми-де Порта справится и собственными силами.

Упорный Киселев не оставлял попыток сохранить и усилить контакты с Парижем, испытывая при этом немалые затруднения: Э. Тувенель, тогда министр иностранных дел Франции, внес предложение обменять Венецию на Адриатическое побережье, немедленно отклоненное Горчаковым.

В октябре 1860 г. Александр II встретился в Варшаве с Вильгельмом Прусским; туда же прибыл и австрийский кайзер Франц

Иосиф. Обсуждался вопрос об отпоре «революционной угрозе». Разошедшаяся монархическая троица склонялась к тому, чтобы потребовать у Парижа гарантий с целью «сохранения мира» в Европе. Встревоженному Горчакову удалось удержать императоров от вызывающего тона; дело ограничилось его письмом послу в Петербурге герцогу Морни. В этот самый неподходящий момент Киселев представил Александру II записку о желательности оборонительного союза с Францией. Царь начертил на полях: «Против кого?» — и сама идея была похоронена²¹⁶.

Между Петербургом и Парижем пробежала черная кошка. Окружение Наполеона III восприняло свидание в Варшаве как признак переориентации русской политики. Горчаков и Киселев заверяли, что это не так: нельзя же было отказать Францу Иосифу во встрече!

Тем временем в связи с грозными признаками приближавшегося восстания в Польше отношения между двумя дворами стремительно ухудшались. Зимний дворец обвинил принца Луи Наполеона, тогдашнего престолонаследника, в связях с «мятежными» поляками. Тот сам явился к Киселеву для объяснений и оправданий. Они показались Петербургу недостаточными, видимо, не без причин. Благонameranый и монархически настроенный историк С. С. Татищев озаглавил одну из глав биографии Александра II «Дипломатический поход на Россию 1863 г.». Оказавшись в связи с Польским восстанием в почти полной внешнеполитической изоляции, царизм искал выход в сотрудничестве с Пруссией — единственной державой, обещавшей оказать ему поддержку.

Антанта с Францией рухнула. Самый последовательный ее сторонник, П. Д. Киселев, в середине 1862 г. получил отставку. Это, писал С. С. Татищев, «знаменовало окончательное изменение русским двором политики, которой маститый посол служил ревностным проводником». Ему на смену назначили барона Будберга, «дипломата нессельродовской школы, возросшего в преданиях Священного союза, душою преданного соглашению с Австрией и Пруссией»²¹⁷.

С 1863 г. начался новый этап в балканской политике России, длившийся до 1870 г. Даже такая зыбкая внешняя опора, как сотрудничество с Францией, была утрачена. Спад активности монархии Габсбургов после сокрушительного разгрома при Садовой (1866 г.), а затем маневры канцлера Ф. Бойста (см. § 2 наст. главы) позволили, иногда даже в сотрудничестве с ним, проводить некоторые меры на пользу балканским народам. Не сбывались и надежды, возлагавшиеся на коллективное вмешательство держав: «На практике мы быстро убедились, что коллективные действия, в ходе которых проявлялись непрекращавшиеся разногласия держав, умело использовались турками»²¹⁸. Балканцам от них было мало толку. Вожди их рассуждали: Россия слишком далеко, Австрия слишком близко, Англия слишком враждебна, чтобы добиться чего-либо существенного от «концерта», в котором каждый «инструмент» играл свою партию. И тогда в сербских кругах (см. гл. 5) возникла мысль, подхваченная российской дипломатией: пусть луч-

ше державы не вмешиваются в отношения Порты с ее непокорными подданными.

Наиболее дальновидные сановники во главе с Горчаковым понимали, что подавать советы сдержанности и мудрой осмотрительности из Петербурга значительно легче, чем осуществлять их на месте, и что терпение народов иссякает; в таком случае предлагалось «предоставить христианам Востока свободное поле деятельности», добиваясь невмешательства держав в османские дела.

Как проводилась в жизнь эта линия в конкретных случаях, видно из дальнейших разделов книги.

¹ Judd D. The Crimean War. L., 1975, p. 175.

² Barker A. J. The Vainglorious War. L., 1970.

³ Clayton G. D. Britain and the Eastern Question. L., 1971, p. 111.

⁴ Maxwell H. The Life and Letters of G. W. F. Clarendon. L., 1913, v. 2, p. 102—104.

⁵ Анализ развития британской политики статус-кво см. в кн.: Международные отношения на Балканах, 1815—1830. М., 1983.

⁶ Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England. L., 1970, p. 78.

⁷ Puryear V. England, Russia and the Straits Questions. Berkely, 1931, p. 448.

⁸ Пять пунктов, предъявленных Австрией России, см. в кн.: Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1945, т. 2, с. 463.

⁹ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1855 г., л. 14.

¹⁰ Maxwell H. The Life and letters..., v. 2, p. 117.

¹¹ Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 141, p. 1951.

¹² Maxwell H. The Life and Letters..., v. 2, p. 119.

¹³ Ibid., p. 81.

¹⁴ Puryear V. England..., p. 413, 417—426; Тарле Е. В. Крымская война, т. 2, с. 428.

¹⁵ См. меморандум лорда Каули (март 1856 г.) в кн.: The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge, 1923, v. 2, p. 644.

¹⁶ Тарле Е. В. Крымская война, т. 2, с. 435, 446.

¹⁷ Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 141, p. 1973, 1987.

¹⁸ Ibid., p. 2007—2009.

¹⁹ Ibid., p. 2065.

²⁰ Ibid., p. 2107.

²¹ Ibid., v. 142, p. 122.

²² Ibid., v. 141, p. 2002.

²³ Ibid., p. 1963.

²⁴ Seton-Watson R. W. Britain in Europe, 1789—1914. Cambridge, 1937, p. 353.

²⁵ Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 142, p. 112.

²⁶ Cecil G. Life of Robert Marquis of Salisbury. L., 1921, v. 2, p. 123.

²⁷ Barker A. J. The Vainglorious War, p. 286.

²⁸ Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 141, p. 2020.

²⁹ Ibid., v. 142, p. 117.

³⁰ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1909, т. XV, с. 314; Puryear V. England..., p. 429.

³¹ Holland T. E. The European Concert on the Eastern Question. Oxford, 1885, p. 259—260.

³² Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 142, p. 127.

³³ Тагичев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. 2-е изд. СПб., 1911, т. 1, с. 136.

³⁴ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., л. 9.

³⁵ Там же, л. 237.

³⁶ The Cambridge History of British Foreign Policy, v. 2, p. 392.

³⁷ Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 141, p. 226.

³⁸ Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1935, p. 16.

- ³⁹ Ibidem.
- ⁴⁰ Sumner B. Russia and the Balkans. Oxford, 1937, p. 135.
- ⁴¹ Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 234, p. 670—671.
- ⁴² Ibid., v. 231, p. 165.
- ⁴³ Ibid., v. 234, p. 938.
- ⁴⁴ Ibid., v. 142, p. 92—109.
- ⁴⁵ Shannon R. T. Gladstone and the Bulgarian Agitation, 1876. L., 1963, p. 16.
- ⁴⁶ Heindl W. Graf Buol-Schauenstein in St. Petersburg und London (1848—1852). Wien, 1970.
- ⁴⁷ Otruba G. Der Deutsche Zollverein und Österreich.— In: Österreich in Geschichte und Literatur. Wien, 1971, Hft. 3, S. 131; Kiszling R. Fürst Felix zu Schwarzenberg. Graz, 1952, S. 80—90.
- ⁴⁸ Heindl W. Graf Buol-Schauenstein..., S. 61—62.
- ⁴⁹ Авторы новейших работ — П. Шрёдер, В. Хайндл и др., используя новые документальные материалы, несколько «выправили» сложившуюся в литературе общую негативную оценку личности и деятельности Буоля. Особенно в этом преуспела австрийская исследовательница В. Хайндл, которая, в частности, обнаружила немало сходных черт в политике Буоля и в концепции его предшественника Шварценберга, установив определенную преемственность антирусской направленности внешнеполитической линии обоих министров. В то же время она более решительно, чем названные авторы, отказывается признать «агрессивность политики» Буоля, наивно полагая, что он «намеревался охватить славянские страны немецкой культурой» и что он «не желал распространения политической власти Австрии на Балканах» (Heindl W. Graf Buol-Schauenstein..., S. 114, 128—129). Сходную оценку деятельности Буоля дает американец П. Шрёдер: «Австрийская политика всегда мотивировалась опасностями, которые ей угрожали... желание извлечь какие-либо выгоды имело определенно второстепенное значение» (Schroeder P. W. Austria and the Danubian Principalities, 1853—1856.— Central European History, v. 2, Sept. 1969, p. 236).
- ⁵⁰ Heindl W. Graf Buol-Schauenstein..., S. 78, 128—130.
- ⁵¹ Письмо Франца Иосифа Николаю I от 4(16) января 1854 г. см.: Corti E. C., Sokol H. Kaiser. Franz. Joseph. Graz; Wien, 1971, S. 122—123. Следует иметь в виду, что, как теперь установлено, по крайней мере часть писем австрийского императора российскому была составлена Буолем.
- ⁵² Friedjung H. Der Krimkrieg und die österreichische Politik. Stuttgart, 1907, S. 108.
- ⁵³ Протокол совещания от 25 марта 1854 г. см.: Schroeder P. W. Austria, Great Britain and the European Concert. N. Y., 1972, p. 178. Appendix I, p. 191.
- ⁵⁴ Ibid., p. 190. Appendix III.
- ⁵⁵ Ibid., p. 182. Appendix I.
- ⁵⁶ Hantsch H. Die Geschichte Österreichs. Graz-Wien, 1962, Bd. II, S. 357.
- ⁵⁷ Friedjung H. Österreich von 1848 bis 1860. Stuttgart, 1962, S. 230—232.
- ⁵⁸ Schroeder P. W. Austria, Great Britain..., p. 182. Appendix I.
- ⁵⁹ Ibid., p. 171; Idem. Austria and the Danubian Principalities, p. 216—236.
- ⁶⁰ Schroeder P. W. A Turning Point in Austrian Policy in the Crimean War: The Conferences of March, 1854.— Austrian History Yearbook, v. IV—V, 1968—1969, Houston (Texas), 1970, p. 176—188.
- ⁶¹ Briefe des Staatskanzlers Fürsten Metternich an Graf Buol-Schauenstein, 1852—1859. München, 1934, S. 157.
- ⁶² Schroeder P. W. Austria and the Danubian Principalities, S. 171, 173. Шрёдер утверждает, что Буоль стремился лишь получить «мандат Европы» на установление с согласия Порты австрийского протектората над Сербией и Дунайскими княжествами и что это его стремление никакого отношения к экспансионизму и «мнимому Дранг нах Остен» не имело, а было лишь частью «общей системы защиты против русского экспансионизма на Ближнем Востоке».
- ⁶³ Kaiser Franz Josephs: Briefe an seine Mutter/Hrsg. F. Schnurer. München, 1930, S. 232.
- ⁶⁴ Henderson G. B. Crimean War Diplomacy & Other Historical Essays. Glasgow, 1947, p. 153.

- ⁶⁵ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., л. 242.
- ⁶⁶ Дневник Хюбнера. 21 октября 1856 г. см.: *Corti E. C., Sokol H. Kaiser...*, S. 141.
- ⁶⁷ *Regnault E. Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes*. P., 1855, p. 521—522.
- ⁶⁸ *Kaiser Franz Josephs*, S. 299.
- ⁶⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 84.
- ⁷⁰ *Neck R. Aussenpolitik der Donaumonarchie von 1866 bis 1870.*— In.: *Der österreichisch-ungarische Ausgleich, 1867/Hrsg. A. Vantuch, L. Holotik. Br.*, 1971, S. 80.
- ⁷¹ Подробнее см.: *История Венгрии*. М., 1972, т. II, с. 238—247.
- ⁷² *Tamborra A. Le compromis austro-hongrois de 1867 et l'Italie.*— In.: *Der österreichisch-ungarische Ausgleich, 1867*, S. 164.
- ⁷³ *Kovacs E. Der österreichisch-ungarische Ausgleich von Jahre 1867 und die europäischen Grossmächte.*— Ibid., S. 200.
- ⁷⁴ Кайзерлинг — О. Бисмарку 30 января 1867 г.— Ibid., S. 124.
- ⁷⁵ *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, с. 271—272.
- ⁷⁶ *La Gorce P. Histoire de second Empire*. P., 1894—1905. V. 1—7. *Chambrier J. De Sebastopol a Solferino. Apogee du second Empire*. P., 1906; *Idem. Second Empire: Entre apogee et le declin*. Neuchatel, 1908; *Pages G. La politique extérieure de Napoleon III*. P., 1933.
- ⁷⁷ *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. М., 1947. Т. 2; *Manicault G. La question d'Orient: Le traite de Paris et ses suites (1856—1871)*. P., 1898; *Ancel J. Manuel historique de la question d'Orient (1792—1926)*. P., 1927; *Cahuet A. La question d'Orient dans l'histoire contemporaine (1821—1905)*, P., 1905; *Тэйлор А. Дж.* Борьба за господство в Европе в 1848—1918 гг. М., 1958; *Duke of Argyll. The Eastern Question: From the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878*. L., 1879, V. 1, 2; *Bamberg F. Geschichte der orientalischenheit im Zeitraume des Pariser und Berliner Friedens*. B., 1892; *Генов Г. П.* Източният въпрос (Политическая и дипломатическая история). С., 1926, Ч. 2.
- ⁷⁸ *Charles-Roux F. Alexandre II, Gortschakoff et Napoleon III*. P., 1913.
- ⁷⁹ *Thouvenel L. Trois années de la question d'Orient 1856—1859*. P., 1897; *Idem. Pages de l'histoire du Second Empire d'après les papiers de M. Thouvenel, ancien ministre des affaires étrangères (1854—1866)*. P., 1903. Заслуживают быть отмеченными работа современного французского историка В.-Л. Танье о франко-австрийском союзе 1867—1879 гг. и монография западногерманского историка Д. Боша, посвященная французской политике в Греции в 1857—1867 гг. См.: *Tapie V. L. Autour d'une tentative d'alliance entre la France et l'Autriche, 1867—1870*. Wien, 1971; *Bosch D. Frankreichs Griechenlandspolitik 1857—1867*. München, 1971. Bd. 1, 2.
- ⁸⁰ *Поповић В.* Политика Француске и Аустрије на Балкану у време Наполеона III. Београд; Земун, 1925.
- ⁸¹ *Алексић Л.* Став Француске према Србији за време друге владе кнеза Милоша и Михаила (1858—1868). Београд, 1957; *Вуйовић Д.* Црна Гора и Француска, 1860—1914. Цетиње, 1971; *Косев Д.* Русия, Франция и Българското освободително движение, 1860—1869. С., 1978; *Кориван Н.* Русско-французские взаимоотношения в 1859 году и объединение Румынских княжеств.— В кн.: *О румыно-русских и румыно-советских связях*. М., 1960, с. 158—186.
- ⁸² *Афанасьев Г. Е.* Внешняя политика Наполеона III. Одесса, 1885; *Бугковский Я. Н.* Сто лет австрийской политике в Восточном вопросе. СПб., 1886. Т. I, II; *Бухаров Д.* Россия и Турция от возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 13(25) марта 1871 года (включительно). СПб., 1878; *Добров Л.* Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб., 1879; *Жигарев С.* Русская политика в Восточном вопросе. М., 1896, Т. 2.
- ⁸³ *История Франции*. М., 1973. Т. 2; *История дипломатии*. М., 1959. Т. 2.
- ⁸⁴ *Сенкевич И. Г.* Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М., 1970; *Никитин С. А.* Европейская дипломатия в Сербии в начале 60-х годов

- XIX в.—Вопр. истории, 1962, № 9, с. 75—102; *Чертан Е. Е.* Великие державы и формирование румынского независимого государства. М., 1981; *Он же.* Великие державы и буржуазные реформы в Румынии в 1863—1865 гг.— В кн.: Балканский исторический сборник. Кишинев, 1973, т. 3, с. 114—158; *Он же.* Великие державы и государственный переворот 1866 года в Румынии.— В кн.: Вопросы истории и историографии Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1977, с. 17—65; *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX в. М., 1979. *Шатохина Е. М.* Болгарский вопрос в балканской политике России в первые годы после Крымской войны (1856—1862 гг.): История и культура Болгарии. М., 1981, с. 129—147; *Виноградов В. Н.* Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961; *Он же.* Французская дипломатия и проблема объединения румынских княжеств в 1856—1859 гг.— В кн.: Французский ежегодник, 1959 г. М., 1961, с. 226—247; *Рыжова Р. И.* Сближение России и Франции после Крымской войны и русско-французский договор 3 марта 1859 г.— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та, т. LXXVIII, вып. 4. М., 1957, с. 77—129; *Она же.* Из истории русско-черногорских отношений: (Дипломатическая борьба 1857—1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории).— Ист. зап., М., 1958, т. 63, с. 124—155; *Шнейерсон Л. М.* Восточный вопрос и франко-русские отношения в конце 1866—начале 1867 г.— В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. Минск, 1974, с. 23—48.
- ⁸⁵ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., л. 9.
- ⁸⁶ *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение. 1860—1869, с. 54.
- ⁸⁷ *Чертан Е. Е.* Великие державы и формирование румынского независимого государства, с. 72.
- ⁸⁸ Там же, с. 88.
- ⁸⁹ Там же, с. 112.
- ⁹⁰ *Алексић Љ.* Став Француске према Србији..., с. 31—32.
- ⁹¹ Там же, с. 47.
- ⁹² Там же, с. 59.
- ⁹³ Там же, с. 61—162.
- ⁹⁴ *Рыжова Р. И.* Из истории русско-черногорских отношений, с. 130.
- ⁹⁵ Там же, с. 135.
- ⁹⁶ Там же, с. 145.
- ⁹⁷ *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении..., с. 264.
- ⁹⁸ Там же, с. 266.
- ⁹⁹ *Сенкевич И. Г.* Россия и Критское восстание, с. 107.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 132.
- ¹⁰¹ Там же, с. 133.
- ¹⁰² Там же, с. 136.
- ¹⁰³ Там же, с. 136—137.
- ¹⁰⁴ Monarchen und Minister: Sozialdemokratische Publizistik gegen Monarchismus und Volksbetrug/Zusammengest., bearb. und eingeleitet v. G. Seeber u. H. Wolter. B., 1974, S. 99; *Gall L.* Bismarck: Der weisse Revolutionär. Frankfurt a. M., 1980, S. 156. 158—159.
- ¹⁰⁵ *Gall L.* Bismarck..., S. 159—161.
- ¹⁰⁶ Verhandlungen und Beschlüsse der Deutschen Bundesversammlung in der Orientalischen Angelegenheit mit den dazu gehörigen Actenstücken. Leipzig, 1855, S. 20—21.
- ¹⁰⁷ *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940, т. I, с. 69—70.
- ¹⁰⁸ Schutz- und Trutzbündnis zwischen Österreich und Preussen.— In: Verhandlungen und Beschlüsse der Deutschen Bundesversammlung..., S. 47—48, 50—52; Beilage II, S. 52.
- ¹⁰⁹ *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания, т. I, с. 70.
- ¹¹⁰ *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе..., с. 124.
- ¹¹¹ *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания, т. I, с. 201.
- ¹¹² См.: *Косев К.* Бисмарк, Източният Въпрос и българското освобождение 1856—1878 гг. С., 1978.

- ¹¹³ *Ротштейн Ф. А.* Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960, с. 71.
- ¹¹⁴ О. Бисмарк — Лоберо, 30 мая 1866 г.— *Wendel H.* Bismarck und Serbien im Jahre 1866: Auf Grund der Akten des Auswärtigen Amtes zu Berlin, des Haus-, Hof- und Staatsarchivs zu Wien und des Serbischen Staatsarchivs zu Belgrad. B., 1927, S. 85.
- ¹¹⁵ О. Бисмарк — Гольцу, 21 июня 1866 г.— *Ibid.*, S. 88.
- ¹¹⁶ Лоберо — О. Бисмарку, 9 августа 1866 г.— *Ibid.*, S. 93.
- ¹¹⁷ Ленк — Мендсдорфу-Пуйи, 30 июля 1866 г.— *Ibid.*, S. 107.
- ¹¹⁸ *Wertheimer E.* Zur Vorgeschichte des Krieges von 1870. Nach neuen Quellen.— In: Deutsche Rundschau. B., 1921, Bd. CLXXXVI, S. 35.
- ¹¹⁹ *Ротштейн Ф. А.* Международные отношения..., с. 71.
- ¹²⁰ *Müller-Link H.* Industrialisierung und Aussenpolitik: Preussen — Deutschland und das Zarenreich von 1860 bis 1890. Göttingen, 1977, S. 110.
- ¹²¹ Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes/Hrsg. von J. Lepsius, A. Mendelssohn-Bartholdy, F. Thimme. B., 1922—1927; Bd. I—XL, Bd. II, N 228.
- ¹²² *Канделоро Д.* История современной Италии. М., 1966, т. 4, с. 172—173.
- ¹²³ *Valsecchi F.* L'unificazione italiana e la politica europea dalla guerra di Crimea alla guerra di Lombardia, 1854—1859. Varese; Milano, 1939, p. 196.
- ¹²⁴ *Valsecchi F.* L'alleanza di Crimea. Milano, 1948, p. 321—323; Balbo C. Speranze d'Italia. Capolago, 1844, p. 103—105, 127—128.
- ¹²⁵ Le relazioni diplomatiche tra la Gran Bretagna ed il Regno di Sardegna dal 1852 al 1856: Il carteggio diplomatico di Sir James Hudson. Torino, 1956, v. 2, p. 439, 442, 443, 451.
- ¹²⁶ *Bianchi N.* La politique du comte Camille de Cavour de 1852 a 1861: Lettres inédites avec notes. Correspondance particulière avec le Marquis Emm. d'Azeglio. Turin, 1855, p. 108.
- ¹²⁷ *Ibid.*, p. 118.
- ¹²⁸ *Cialdea B.* L'Italia nel concerto europeo. Torino, 1966, p. 56.
- ¹²⁹ *Tamborra A.* Cavour e i Balkani. Torino, 1958, p. 63—64, 250; *Cialdea B.* L'Italia..., p. 66.
- ¹³⁰ *Tamborra A.* Cavour..., p. 264—265.
- ¹³¹ Le relazioni diplomatiche fra la Gran Bretagna e il Regno di Sardegna. 3 ser. Roma, 1962, v. 6, p. 104, 107; *Bianchi N.* La politique..., p. 251—252.
- ¹³² *Tamborra A.* Cavour..., p. 275.
- ¹³³ Il carteggio Cavour — Nigra: La campagna diplomatica e militare 1859. Bologna, 1926, p. 8, 14.
- ¹³⁴ *Tamborra A.* Cavour..., p. 202—203.
- ¹³⁵ *Ibid.*, p. 205.
- ¹³⁶ DDI, 1 ser. Roma, 1959, v. 2, N 272, p. 310—311.
- ¹³⁷ *Ibid.*, N 20, 39, 69, 176, p. 35—36, 62—63, 104, 216.
- ¹³⁸ *Ibid.*, N 186, p. 231—232.
- ¹³⁹ *Ibid.*, N 255, p. 295, 310—311.
- ¹⁴⁰ *Tamborra A.* Garibaldi e l'Europa.— In: Atti del XXXIX Congresso di storia del Risorgimento italiano (Palermo — Napoli, 17—23 ottobre 1960). Roma, 1961, p. 489.
- ¹⁴¹ *Cialdea B.* L'Italia..., p. 166, 180.
- ¹⁴² *Tamborra A.* Cavour..., p. 124—126.
- ¹⁴³ La guerra del 1859 nei rapporti tra la Francia e l'Europa: A cura di Saitta A. Roma, 1962, v. 5, p. 1967—1970, 1976; *Tamborra A.* Cavour..., p. 384.
- ¹⁴⁴ *Cialdea B.* L'Italia..., p. 75.
- ¹⁴⁵ Успешно прошла лишь операция доставки оружия, предназначавшегося венгерским повстанцам, но переданного Кузе (правда, в размере 20 тыс. ружей вместо запрошенных 30 тыс.) из Марселя в Галац, оружия, фигурировавшего в качестве уступленного Францией Пьемонту. Но воспользоваться этим оружием не удалось, поскольку мир в Виллафранка застал всех врасплох. См.: *Tamborra A.* Cavour..., p. 132.
- ¹⁴⁶ DDI, 1 ser., v. 2, N 244, 446, 461, p. 287, 467—468, 479—480.
- ¹⁴⁷ *Ibid.*, N 476, p. 490—492.
- ¹⁴⁸ *Ibid.*, N 476, p. 490—492, 496—497.

- ¹⁴⁹ Ibid., N 276, p. 314.
- ¹⁵⁰ Ibid., N 521, p. 526.
- ¹⁵¹ Ibid., N 521, p. 526.
- ¹⁵² DDI, 1 ser. Roma, 1965, v. 3, N 175—178, p. 133, 135.
- ¹⁵³ Канделоро Д. История современной Италии. М., 1971, т. 5, с. 218.
- ¹⁵⁴ В памятной записке от 25 декабря 1862 г. для сменившего его на посту министра иностранных дел Джузеппе Пазолини Дж. Дурандо признавал, что пребывание савойского принца в Афинах помогло бы заложить основу итальянского влияния на Востоке, каковой она до сих пор не имела. Но, по обыкновению, он призывал действовать осторожно, переждать, пока не «смягчится» оппозиция этой кандидатуре со стороны Англии. См.: DDI, 1 ser., v. 3, N 277, p. 237—239.
- ¹⁵⁵ Ibid., N 187, 190, p. 138—139, 142.
- ¹⁵⁶ Ibid., N 205, 235, 289, p. 152, 193, 256.
- ¹⁵⁷ Ibid., N 218, p. 170.
- ¹⁵⁸ Ibid., N 294, p. 257—258.
- ¹⁵⁹ DDI, 1 ser. Roma, 1973, v. 4, N 214, 215, 225, 227, 229, 309, 314, 337, 342, 346, p. 226, 235, 237—238, 240—241, 321, 331—332, 351—355, 360.
- ¹⁶⁰ DDI, 1 ser. Roma, 1977, v. 5, N 471, p. 441.
- ¹⁶¹ Cialdea B. L'Italia..., p. 368—369.
- ¹⁶² Ibid., p. 370—371.
- ¹⁶³ Ibid., p. 374.
- ¹⁶⁴ Ibid., p. 388.
- ¹⁶⁵ Русская беседа, 1858, № 4, с. 67—68.
- ¹⁶⁶ Черкасский В. А. Тройственный союз 15 апреля 1856 г.—Русская беседа, 1857, № 2, с. 2, 19.
- ¹⁶⁷ Русский вестник, июль-август 1858 г., с. 60.
- ¹⁶⁸ Нольде Б. А. Петербургская миссия Бисмарка, 1859—1862. Прага, 1925, с. 73.
- ¹⁶⁹ Доверительная записка К. В. Нессельроде А. Ф. Орлову, 30 января (11 февраля) 1856 г.—Красный архив, № 2(75), 1936, с. 18.
- ¹⁷⁰ Там же, с. 17.
- ¹⁷¹ Там же, с. 21.
- ¹⁷² Гатищев С. С. Император Александр II..., т. I, с. 184.
- ¹⁷³ Сборник, изданный в память 25-летия управления Министерством иностранных дел А. М. Горчаковым. СПб., 1881, с. 5.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, с. 146—147.
- ¹⁷⁶ Там же, с. 147.
- ¹⁷⁷ Сборник, изданный..., с. 5.
- ¹⁷⁸ Чигачев И. А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970, с. 70.
- ¹⁷⁹ В. П. Балабин — А. М. Горчакову 30 августа (11 сентября) 1856 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1856 г., д. 224, с. 377—378.
- ¹⁸⁰ Секретное и частное письмо А. М. Горчакова П. Д. Киселеву 25 октября (6 ноября) 1857 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1857 г., д. 146, л. 402—403.
- ¹⁸¹ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., л. 11.
- ¹⁸² Там же, л. 238.
- ¹⁸³ Там же, 1855 г., л. 105.
- ¹⁸⁴ Там же, л. 18.
- ¹⁸⁵ Там же, 1956 г., л. 244.
- ¹⁸⁶ Там же, л. 246.
- ¹⁸⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1857 г., д. 146, л. 403.
- ¹⁸⁸ Материал о Штутгартском свидании.—АВПР, ф. Канцелярия, 1857 г., д. 143, л. 396—400.
- ¹⁸⁹ Рыжова Р. И. Сближение России и Франции..., с. 140.
- ¹⁹⁰ Записка П. Д. Киселева.—АВПР, ф. Канцелярия, 1857 г., д. 143, л. 544—551.
- ¹⁹¹ Из черновика частного письма А. М. Горчакова П. Д. Киселеву от 17 (29) января 1859 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1859 г., д. 143, л. 269. При переписке этот резкий отзыв был вычеркнут.

- ¹⁹² АВПР, ф. Канцелярия, 1859 г., д. 139, л. 518.
- ¹⁹³ Рыжова Р. И. Сближение России и Франции..., с. 178.
- ¹⁹⁴ Там же, с. 207, 206.
- ¹⁹⁵ Частное письмо Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому, 1(13) августа 1859 г.— АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1859 г., д. 1529, л. 460.
- ¹⁹⁶ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1861 г., л. 12.
- ¹⁹⁷ Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Из истории балканской политики России 1856—1867 гг.— Балканские исслед. Вып. 8. М., 1983, с. 168.
- ¹⁹⁸ А. М. Горчаков — А. П. Бутеневу, 19 сентября (2 октября) 1856 г.— АВПР, ф. ГА Политотдел, 1856 г., д. 5, л. 26.
- ¹⁹⁹ Общая инструкция А. П. Бутеневу. АВПР, ф. Канцелярия, 1856 г., д. 43, л. 91—102.
- ²⁰⁰ Новая и новейшая история, 1978, № 1, с. 42.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² Driault E., Lhéritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1925, t. 2, p. 388—418.
- ²⁰³ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., л. 34—35, 106—107.
- ²⁰⁴ Никитин С. А. Очерки..., с. 160.
- ²⁰⁵ Степанова Л. И. Учреждение представительств России в Болгарии в 50—60-х годах XIX в. и их задачи в области русско-болгарских культурных связей.— В кн.: Балканские страны в новое и новейшее время. Кн. шнев, 1977, с. 24, 27, 35.
- ²⁰⁶ К. М. Базили — А. М. Горчакову, 1(13) марта 1857 г.— АВПР, ф. ГА V—A₂, 1857 г., д. 179, л. 32—42.
- ²⁰⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., М., 1951, т. X, с. 302—304.
- ²⁰⁸ Русская беседа, 1858, № 4, с. 68—69.
- ²⁰⁹ Там же, с. 92.
- ²¹⁰ Русский вестник, июль-август 1859 г., с. 54.
- ²¹¹ Отечественные записки, 1858, № 6, с. 141.
- ²¹² Никитин С. А. Славянские комитеты в России. М., 1960, с. 35, 44—45.
- ²¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 637.
- ²¹⁴ Доклад А. М. Горчакова Александру II, 23 декабря 1867 г. (4 января 1868 г.) — Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Из истории балканской политики..., с. 170, 169—170.
- ²¹⁵ Татищев С. С. Император Александр II..., т. I, с. 235.
- ²¹⁶ Там же, с. 248—249.
- ²¹⁷ Там же, с. 380.
- ²¹⁸ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1861 г., л. 33—34.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

1

Хатт-и хумаюн 1856 г.

История подготовки и провозглашения хатт-и хумаюна 1856 г. есть история противоборства Англии, Австрии, Франции и России по широкому кругу вопросов — от положения христиан до торговых тарифов. Широко распространена и утвердилась точка зрения, согласно которой провозглашение султаном этого документа незадолго до открытия Парижского мирного конгресса лишило русскую делегацию возможности выступить с программой административной автономии балканских народов, сохранявших османское подданство¹. Россия, по словам А. М. Горчакова, была поставлена перед свершившимся фактом. Даже в условиях близившегося поражения А. М. Горчаков, представлявший свое правительство на переговорах в Вене во время войны, выдвинул план организации местного самоуправления с учетом «различия народностей, религий и исповеданий, обычаев, льгот и местных привилегий»; турецкое правительство, говорилось в проекте, «должно почерпнуть административные элементы в каждой провинции согласно с желаниями населения так, чтобы упомянутые элементы могли охранять каждый народ или общину от притеснений другого народа». В несколько завуалированной форме документ предлагал установить национальное управление — пока что в местных делах — и намечал переход к административной автономии — об этом свидетельствовало предложение о предоставлении права иметь своего представителя при Порте (капуке-хая), которым тогда обладали только Сербия и Дунайские княжества, другим народам².

Все это было совершенно неприемлемо для Константинополя, Лондона, Вены и Парижа.

Они спешили лишить Россию монопольного права на покровительство христиан. Но западная коалиция, отвергнув исходившие из Петербурга проекты улучшения положения христиан, должна была противопоставить им что-то свое. К тому же сохранение в Юго-Восточной Европе порядков восточной деспотии являлось не только одиозным в глазах европейской общественности, но и нетерпимым с точки зрения западного капитала, заинтересованного в расширении османского рынка.

Поэтому французский и английский послы властно, в ультимативной форме потребовали у Порты издать акт о реформах. Им пришлось оказать сильнейший нажим на османских сановников — реформатор Решид-паша был уже удален с поста великого

визиря; его преемник Али занимал более умеренные позиции; шокировало Порту и откровенное давление, на нее оказываемое; оно было таким, что привело в смущение даже бригаанских парламентариев: как-никак, по официальной версии, Англия и Франция воевали, чтобы избавить султана от «зависимости» от царизма; теперь же его министрам откровенно навязывали угодный Западу акт. «Язык, которым лорд Стрэтфорд де Редклифф говорит с Портой... поразительно напоминает язык российского императора в 1853 году», — заметил маркиз Грэнби³. «Этот самый хатт-и шериф не явился добровольным актом султана; было бы фарсом утверждать нечто подобное. Фактически это была мера, исторгнутая послами Англии и Франции...» — говорил граф Грэй. Он был настроен пессимистично: «Если осуществление фирмана будет предоставлено Турции, он не стоит и той бумаги, на которой написан, ибо записанные в нем положения противоречат Корану»⁴.

Необходимо учитывать и другую сторону вопроса: поддавшиеся давлению союзников, османские государственные мужи стремились составить акт, соответствующий общему духу Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г. и реформам эпохи Танзимата.

Оценивая характер и значения этого важного в истории Турции, а в известной мере и всех балканских государств документа, следует подчеркнуть, что он был принят в обстановке острой внутриполитической борьбы и отражал при этом желание правительственных кругов Османской империи решать, но с учетом внешнеполитической обстановки проблемы статуса христианского населения империи в тесной связи с борьбой Высокой Порты за место «в концерте великих держав».

Указ от 18 февраля 1856 г.⁵ подтверждал обязательства Гюльханейского акта о защите личности, имущества и чести подданных султана вне зависимости от их этнорелигиозной принадлежности. Предполагалось, что выборные комиссии немусульманских общин примут участие в разработке проектов новых реформ. Декларировалось равенство мусульман и христиан в соискании государственных должностей, при поступлении в гражданские и военные училища и при рассмотрении любых судебных дел. При этом особо оговаривалось создание смешанных судов и перевод коммерческого и уголовного кодексов, процессуальных уложений на языки народов, населявших Османскую империю.

Было обещано совершенствовать налогообложение, особенно десятину — ашар, и впредь отменить систему откупа налогов (илътизам), крайне обременительную для всех османских подданных, но особенно для христианского населения Балкан. Предусматривались в общей форме меры экономического развития и устранения всего, что мешало торговле и сельскому хозяйству. В указе говорилось о распространении на немусульман рекрутской повинности с правом замены или откупа от службы в армии.

Предполагалось предоставить иностранцам (позднее и при условии подчинения турецким законам) права на приобретение и вла-

дение недвижимостью и принять меры для освоения европейских достижений в науке, искусстве и производстве.

Акт не содержал конкретных указаний на то, какими средствами его авторы предполагали обеспечить столь широкую программу в такой отсталой стране, как Турция⁶, и не предусматривал определенных социально-экономических преобразований.

Сам факт подтверждения политики реформ с особым акцентом на гражданское, правовое равенство мусульман и немусульман Османской империи свидетельствовал об успехе реформаторских сил в противоборстве с реакцией. Указ создавал возможность — хотя и в узких пределах фактического неравенства христианских подданных, закрепленного множеством оговорок, различием трактовок тех или иных статей, — роста национального предпринимательства, расширялись перспективы борьбы за культурное развитие и в конечном итоге создавались предпосылки нового этапа подъема национально-освободительного движения балканских народов. Именно народы Балкан были наиболее продвинуты в социально-экономическом развитии и поэтому в более полной мере могли освоить предбуржуазные провозглашения хатт-и хумаюна. Несомненно также, что указ создал благоприятные условия для нового этапа вовлечения экономики Османской империи в мировой капиталистический рынок. Одной из его периферийных окраин являлись балканские земли, они же в качестве контактных зон мирового капитализма и османской феодальной системы были наиболее восприимчивы к тем статьям хатт-и хумаюна, которые подразумевали развитие связей между Османской империей и капиталистическими странами Западной Европы.

В то же время указ 1856 г. не посягал на капитуляционный режим, ставший к середине XIX в. средством коллективного и индивидуального воздействия капиталистических держав на политическую и хозяйственную жизнь Османской империи. Нелишне заметить, что его кодификация была завершена в период Крымской войны.

Тщетно Али-паша на конгрессе в Париже поднял вопрос об отмене или об облегчении капитуляционного режима. Как побежденной России были навязаны пять предварительных условий мира, так и Турции, формально державе-победительнице, было навязано предварительное условие — объявить о реформах в жестких, заданных рамках.

Участие османских представителей в международных конференциях, принятие империи в «концерт» европейских держав составляли одну из главных целей Порты в эпоху Танзимата. Новое поколение государственных деятелей и дипломатов, получивших европейское воспитание, знакомых с политической жизнью, культурой и языками Европы, отражало и защищало потребности страны, втянутой в мировой капиталистический рынок.

С другой стороны, по мнению некоторых западноевропейских дипломатов, Турция на Парижском конгрессе была докучливым и неловким провинциалом на светском рауте держав-победительниц,

в военных кругах Лондона, Парижа и Вены в турках больше не нуждались как в пушечном мясе⁷. И все же османы появились в Париже не просто как союзники Запада в войне. Султанская империя продолжала играть важную роль в его политике в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Парижский мирный конгресс должен был помешать, как рассчитывала западноевропейская дипломатия, восстановлению влияния России на Балканах и в Причерноморье. Турции отводилась роль своего рода предмостного укрепления. Обновляемая по рецептам западноевропейских политиков Османская империя своим участием в работе конгресса должна была связать Россию во всем, что касалось положения христианских подданных Турции и статута Дунайских княжеств.

Несколько конференций союзных держав в период Крымской войны, на которых вырабатывались условия мирного трактата, прошли без участия турецких представителей. Некоторые самостоятельные шаги Порты, вроде предложения не распространять на Османскую империю предъявленное России требование о сокращении военного морского флота на Черном море (март—июнь 1855 г.), игнорировались представителями союзных держав⁸ — ущемление прав России надо было соответственно оформить, оно не должно было выглядеть как акт односторонней капитуляции; распространение ограничений на Турцию формально создавало «равное» положение на Черном море.

Позиция жесткого давления в отношении условий мирного договора, ультимативное требование оглашения проекта реформ о положении немусульманских подданных до начала мирного конгресса — все это показывало турецким правительственным кругам, что им придется отстаивать свою программу в сложных условиях борьбы не только со вчерашним противником, но и с союзниками.

Османская дипломатия серьезно готовилась к мирному урегулированию. Дважды она добивалась формального подтверждения своего будущего участия в работе конгресса, настоятельно требуя при этом гарантий суверенитета и территориальной целостности. Первый раз при заключении англо-франко-турецкого союзного договора от 12 марта 1854 г., вторично — при подписании австро-турецкого соглашения от 14 июля 1854 г. об австрийской оккупации Дунайских княжеств⁹. Эти первые в истории Османского государства многосторонние наступательные соглашения с иностранными державами рассматривались в Константинополе как средство достижения экспансионистских внешнеполитических целей в отношении русского Причерноморья и Закавказья, но одновременно как реальная возможность войти в политическое сообщество европейских держав, получив зафиксированные гарантии сохранения османского суверенитета и целостности империи, включая балканские и арабские территории¹⁰. Подобные гарантии и равноправное участие в предстоящем обсуждении широкого круга международных вопросов, включая положение на Балтике, в Италии и др., не оставляли, по мнению Константинополя, места прежнему уровню, на котором, собственно, и строились отношения Османской империи с европей-

скими державами, — капитуляционным соглашениям. Она хотела освободиться от зафиксированных в договорах прав России на покровительство православным христианам и аналогичных положений султанских хатт-и шерифов, продиктованных Англией, Францией, Австрией, Пруссией в отношении католиков, протестантов, других христианских подданных султана в предвоенный период и во время войны. Капитуляционными по сути стали торговые договоры с державами 1838—1846 гг. и первые кабальные займы Османской империи во время Крымской войны¹¹. Порта стремилась вообще избежать какого-либо упоминания о христианских подданных на конгрессе, лишить их какой бы ни было легальной защиты из-за рубежа. Великий визирь Али-паша — первый представитель Османской империи на Парижском конгрессе — добивался, чтобы хатт-и хумаюн от 18 февраля 1856 г. не только не был предметом обсуждения на мирном конгрессе, но и вообще не упоминался в мирном договоре¹². Подобная позиция была логическим продолжением известного турецкого проекта мирного договора, отвергнутого Англией и Францией в начале 1855 г. и включавшего наряду с гарантиями интегральности принципа невмешательства держав во внутренний вопрос — предоставление новых привилегий христианским подданным как проявление суверенной доброй воли султана, объявленной еще в Гюльханейском хатт-и шерифе 1839 г.¹³

Союзники еще до конгресса, на венских переговорах 1855 г., отвергли конкретный и реальный русский проект под названием «Предложение относительно прав христиан и их церкви», в основе которого лежала идея организации общинного самоуправления в балканских владениях Османской империи¹⁴. Однако оставить христиан один на один с «благодетельными намерениями» падишаха они не могли. В противовес русскому проекту национального возрождения балканских народов на принципах автономии появился февральский хатт-и хумаюн с его абстрактным провозглашением общего равенства подданных-османов.

Русский проект получил широкую известность на Балканах. Порта учитывала возможность появления на повестке дня конгресса как французских планов территориальных разменов, так и русских проектов балканской автономии и выступала против любого варианта обсуждения вопроса о христианах на конгрессе. Сконцентрировав, однако, внимание на одной стороне капитуляционного режима — защите державами «своих единоверцев», добиваясь коллективных гарантий западных держав невмешательства России в положение христианских подданных, упустив из виду экономические соглашения капитуляционного характера, османская дипломатия ослабила свои позиции, которые должны были защищать Али-паша и посланник в Париже Джемиль-бей¹⁵, еще до начала работы конгресса.

Али-паша убедился, что, отступая от достигнутой в начале 1856 г. в Константинополе при подготовке хатт-и хумаюна договоренности, западноевропейские дипломаты намерены включить в мирный трактат статью, которая дала бы им возможность контро-

лировать его претворение в жизнь. Возражения Али-паши на заседаниях конгресса сводились к тому, что опубликованный от имени султана хатт-и хумаюн гарантирует и защищает равенство мусульманских и христианских подданных и полностью обеспечивает права последних. Поскольку хатт-и хумаюн говорит не только о религиозных правах, но и о правах политического, гражданского равенства, то не только включение какой-либо статьи по этому вопросу в будущий трактат, утверждал Али-паша, но даже факт обсуждения этого вопроса есть вмешательство во внутренние, чисто административные вопросы управления¹⁶. Последовало детальное обсуждение высказываний Али-паши. Этим воспользовался А. Ф. Орлов, предложивший включить в трактат гарантию державами равных прав всех религиозных общин в Турции, а также гражданских прав христиан¹⁷. Его вмешательство всполошило Д. В. Кларендона, руководителя британской делегации: поскольку Россия ревниво следила за соблюдением оговоренных прав, именно к ней обращались за защитой балканцы. Кларендон считал, что это предложение хуже требований Меншикова, вызвавших разрыв отношений между Россией и Турцией в 1853 г. Али-паша в свою очередь пригрозил отказом подписывать трактат, где будет такая статья. Переговоры зашли в тупик.

Кларендон попытался с помощью обходного маневра избавиться от участия России в коллективной гарантии прав христиан. В беседе с Ф. И. Брунновым еще до официального открытия конгресса, выслушав «с полнейшим сочувствием» заявление о желательности коллективного контроля великих держав над претворением в жизнь хатт-и хумаюна, Кларендон тут же предложил перенести обсуждение этой проблемы на конференцию в Константинополе, которая смогла бы, по его словам, собраться после нескольких лет подготовительной работы, что позволило бы в эти годы наиболее эффективно направлять усилия Порты в реализации реформ¹⁸. Эти предложения не получили дальнейшего развития ни на общих заседаниях конгресса, ни на частных встречах русской и турецкой делегаций. Остается неясным, был ли этот пробный шар английского посла согласован с Али-пашой¹⁹. Однако совершенно очевидно, что Кларендон хотел продлить как можно дольше фактическое устранение России от реального участия в решениях по Восточному вопросу, в покровительстве христианам, а также использовать второй этап Танзимата для закрепления финансовой и торгово-экономической зависимости Османской империи от Запада. Борьба с русским влиянием на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе соседствовала в планах союзников Турции с закреплением зависимости суверенной державы Ближнего Востока, усилением ее подчинения капиталистическим державам. Первая цель осуществлена была в Париже лишь частично: подрыв позиций России был налицо, но вытеснить ее с Балкан не удалось. И в условиях коллективной гарантии прав христиан Османской империи, осторожно поддерживая их освободительное движение и маневрируя, ее дипломатия постепенно расширяла сферу своего воздействия на дела Юго-Восточной Европы.

Гораздо больших успехов западные государства добились в поединке с собственным союзником, отбив все попытки османской дипломатии освободиться от капитуляционного режима, проложив широкий путь для вторжения капитала во владения султана, обеспечив легальную возможность своего вмешательства во внутренние дела империи. История Турции в последующие десятилетия — это повесть об утрате ею многих суверенных прав и постепенном превращении в полуколонию Запада.

2

Эволюция государственного строя и экономики

В середине XIX в. Османская империя представляла собой одно из наиболее крупных государств того времени. По размерам входивших в ее состав территорий в Азии, Африке и Европе (3 372 500 км²) она занимала шестое, а по численности населения (около 28 млн. человек) — восьмое место в мире. В Европе Турции принадлежали Болгария, Босния, Герцеговина, Албания, Фракия, Македония, Эпир и некоторые другие области. После Крымской войны вся страна была разделена на 27 вилайетов, из которых десять (Адрианопольский, Дунайский, Боснийский, Герцеговинский, Салоникский, Янинский, Монастырский, Скутарийский, а также вилайеты Кандия и Архипелаг) составляли европейскую часть империи. В этих провинциях, общая площадь которых не превышала 372 тыс. км², проживало, по различным оценкам, от 10,5 млн. до 11 млн. человек.

Этнический состав населения османской державы отличался чрезвычайной пестротой. В ее границах развивалось более двадцати народов, исповадовавших различные направления в исламе, христианстве и иудаизме. Мусульман в империи насчитывалось около 19 млн. человек, христиан — примерно 9,5 млн. человек и иудеев — приблизительно 150 тыс. человек. Большинство населения Европейской Турции (ориентировочно 6 млн. человек) составляли христиане — болгары, греки, сербы и др.²⁰ С нею были связаны вассальными узами княжества Дунайские (с 1862 г. — Румынское) и Сербское.

Государственный строй Османской империи в 60—70-е годы XIX в. можно, используя терминологию К. Маркса, охарактеризовать как «просвещенный деспотизм», явившийся в условиях этой страны переходной от феодально-теократической деспотии к абсолютизму формой государственного устройства²¹. На основании хатт-и хумаюна 1856 г., положившего начало второму этапу Танзимата, в империи была проведена серия реформ, призванных по замыслам их инициаторов способствовать централизации власти, усилить армию, улучшить состояние экономики страны, поднять образовательный и культурный уровень ее населения.

Высшие административные органы были преобразованы по европейским образцам. Аналогичные изменения произошли и в провинциальных органах управления. Судебная власть в них была отделе-

на от административной, компетенция светских судов существенно расширена за счет сужения прерогатив мусульманских шариатских. Вновь созданная административно-бюрократическая структура по форме напоминала европейскую. Целям централизации власти должен был служить и выработанный в 60—70-е годы статус немусульманских религиозных общин, по которому традиции их самоуправления серьезно ограничивались и создавалась возможность для установления жесткого контроля Порты за их деятельностью²².

После Крымской войны в Турции были реорганизованы армия и военно-морской флот. К 70-м годам XIX в. турецкая армия, построенная по французским и прусским стандартам, насчитывала около 311 тыс. солдат и офицеров, из которых 203 тыс. находились на действительной военной службе и 108 тыс. — в резерве²³. Османский военный флот по количеству судов (30 броненосных и 76 других боевых кораблей) занимал в то время третье место в Европе, хотя по качеству подготовки его личного состава, конечно же, намного отставал от военно-морских сил других европейских государств²⁴.

Помимо административной и военной сферы, лидеры Танзимата стремились проводить абсолютистскую по характеру политику также и в области социально-экономических отношений. Разработанные ими законодательные акты должны были обеспечить условия для введения основных буржуазных норм жизни — неприкосновенности личности, имущества и чести османских подданных. Другим важнейшим документом рассматриваемого периода, во многом определившим дальнейшую социально-экономическую эволюцию империи, явился «Закон о земле» 1858 г. Принятием этого закона была заложена основа для нового аграрного законодательства, юридически закрепившего спонтанно развивавшийся капиталистический уклад в сельском хозяйстве отдельных районов страны. Не менее важную роль для становления капитализма в империи могло сыграть и новое коммерческое законодательство, на основании которого в 60-х годах была упразднена практика принудительного регулирования государством рыночных цен. Отменялась также жесткая регламентация производственной деятельности внутри османских торгово-ремесленных цехов (эснафов). Целям развития торговли и ремесла должны были служить организованные в это же время во многих городах страны коммерческие суды, деятельность которых осуществлялась на основе разработанных светских, а не шариатских юридических норм.

Немало усилий было затрачено турецкими реформаторами для преобразований в области культуры и просвещения. В годы Танзимата в стране стала развиваться светская система просвещения, возникли первые светские высшие учебные заведения, первые научные общества. Существенный прогресс наблюдался также в развитии литературы, газетного дела и журналистики²⁵.

Объективно реформы этого периода должны были способствовать развитию буржуазных отношений в империи и эволюции турецкого варианта «просвещенного деспотизма» в абсолютизм. Однако фор-

мирующийся османский абсолютизм в это время не смог сыграть, подобно европейскому, своей исторически прогрессивной роли — создать условия для возникновения буржуазной нации. Ряд внутренних и внешних факторов, связанных со спецификой развития османского общества и государства, привели к тому, что в стране вплоть до эпохи империализма так и не возникли устойчивые социально-экономические предпосылки для абсолютизма не в формальном, а в сущностном его выражении. Остановимся на этом подробнее.

На протяжении столетий османская держава представляла собой гетерогенное государственное образование. Уровни политической организации, социально-экономического и культурного развития народов, входивших в ее состав, всегда значительно отличались друг от друга. Это обстоятельство было основной причиной консервации в стране феодально-деспотических форм правления. В эпоху Танзимата покоренные турками христианские народы по-прежнему опережали мусульман в своей общественно-политической и культурной эволюции. В их среде значительно раньше, чем у господствующей народности, возникли предпосылки для формирования буржуазных наций, национального самосознания и борьбы за национальную независимость. После Крымской войны действие внутренних и внешних факторов, «работавших» на экономическую дезинтеграцию и политический разрыв империи, ощущалось все сильнее.

Развитие капиталистических отношений на Балканах к этому времени предопределило качественные изменения в характере национально-освободительного движения в этом регионе, оно перерастает в борьбу за полный выход из империи и возрождение своих национальных государств²⁶. Это делает принципиально неосуществимой одну из главных задач Танзимата — решение национального вопроса на базе османизации всех народов империи²⁷. Ни формально провозглашенное равенство христиан с мусульманами, ни отдельные конкретные мероприятия Порты в 50—60-х годах, нацеленные на сглаживание межнациональных противоречий и объединение полиэтнического населения империи в некую «османскую» нацию под эгидой турецко-мусульманских элементов, желаемых результатов не дали. Восстания в Боснии, Герцеговине, Болгарии и на Крите продемонстрировали провал доктрины османизма. В ответ на подъем национально-освободительного движения Порты провела в этих провинциях жестокие карательные операции, но они, как и прежде, не способствовали «решению» национального вопроса. Эффективно эти действия султанских властей лишь ослабили социальную опору танзиматистов.

По существу, прогрессивные государственные деятели Турции той эпохи так и не смогли найти выхода из «порочного круга», который создавался основными противоречиями социально-экономического и национально-религиозного развития народов империи. Значительная разница в их исторической динамике постоянно воспроизводила обстановку социального вакуума вокруг реформ Танзимата: национальная турецкая буржуазия в это время только за-

рождалась, а социальная активная и национальная буржуазия сознательно угнеталась османским государством, исходя из политических и конфессиональных соображений.

В результате возможности активного восприятия буржуазных преобразований были весьма ограничены существовавшей в то время в стране социально-экономической структурой. Реализация замыслов просвещенных государственных деятелей затруднялась также и тем обстоятельством, что абсолютизм в Турции вырастал не из сословной монархии и свойственной ей системы общественных отношений, а непосредственно из феодально-деспотического государства. Отдельные представители османской политической элиты, являвшиеся носителями передовых политических идей Запада, пытались привить идеи и культурные достижения европейской цивилизации в стране, многие районы которой были не готовы к их восприятию не только по социально-экономическим причинам. Они были не подготовлены к ним «в самом широком историческом смысле — в социально-классовых, правовых, институциональных, мировоззренческих, социально-психологических, культурно-образовательных, научных, трудовых аспектах»²⁸.

В империи, например, не могла, несмотря на структурную перестройку государственного аппарата, в исторически короткие сроки возникнуть новая гражданская бюрократия — ни средние, ни тем более ее низшие звенья, которые были бы способны обеспечить практическое осуществление танзиматистских реформ. Поэтому привнесенные извне европейские формы государственного строительства, без соответствующих им социальных сдвигов и культурных достижений общества, представляли собой не более чем тонкие покровы, скрывавшие (и то лишь в административных центрах) азиатский деспотизм. «Все существенные части государственного устройства, — писал по этому поводу известный в то время знаток Турции Н. Березин, — изменили лишь свои названия, но природа их осталась прежняя, точно так же и в Порте, и на губернаторствах сидят сатрапы, которым подчиненные непрерывно отвечивают „темена“ (целование подола) и которые грабят всех и все»²⁹.

Реформаторские начинания осуществлялись османской политической элитой «сверху», без должного учета традиционной для этой страны практики общественно-политической жизни. Исходя из этого борьба «новых османов» во главе с Мидхатом-пашой за провозглашение Турции конституционной монархией являлась, с одной стороны, кульминацией всего реформаторского движения 60–70-х годов, с другой — ступенью дальнейшего отрыва социально-политических устремлений просвещенных османских «верхов» от реальных условий и уровня исторического развития страны в ту эпоху. Османская империя в целом тогда еще не созрела для конституционной монархии. Поэтому феодально-теократическая реакция смогла сравнительно легко подавить конституционное движение и физически расправиться с Мидхатом-пашой и его сторонниками.

На эволюцию общества и государства в Османской империи во второй половине XIX в. во многом воздействовала внешняя среда.

В условиях торгово-промышленного подъема в западных странах европейская буржуазия была заинтересована в том, чтобы в максимальной мере приспособить султанскую державу к потребностям мирового капиталистического хозяйства. Только в таком случае можно было рассчитывать на перспективу роста экономической эксплуатации империи. Добиться этого можно было двуединым образом: приспособлявая традиционные общественно-политические структуры к обслуживанию интересов европейской буржуазии и одновременно в рамках этих интересов стимулируя развитие капиталистических отношений в стране.

Как говорилось выше, важнейший документ эпохи, хатт-и хумаюн 1856 г., был составлен при непосредственном участии и давлении послов европейских держав, стремившихся обеспечить европейскому капиталу правовые, институциональные и экономические условия для экспансии в Османской империи.

Другим свидетельством приспособления империи к обслуживанию интересов Запада может служить развитие государственного аппарата после Крымской войны. Османская бюрократия в этот период превратилась, по выражению современного турецкого социолога и историка Д. Авджиоглу, в «компрадорскую бюрократию», основной функцией которой являлось создание условий для эксплуатации страны различными группами европейского капитала³⁰.

По мнению другого турецкого автора, И. Джема, османская история XIX в. свидетельствует о переходе управления государством в руки представителей европейских держав через связанных с ними и зависимых от них турецких сановников-бюрократов. Английский посол лорд Стрэтфорд, пишет И. Джем, за годы своего пребывания в Турции «создал в ней своеобразное государство в государстве». Примеру Англии подражали Франция и Россия, позднее — Австрия и Пруссия (Германия). Путь к власти для многих высших сановников да и чиновников среднего ранга лежал через посредничество иностранных посольств или консульств. И. Джем полагает, что одной из основных причин «чехарды» с визирями (за 22 года царствования Абдул-Меджида в империи 22 раза менялись великие визири) были интриги иностранных дипломатов, постоянное их вмешательство во внутривластную жизнь страны³¹.

Современники событий оставили множество свидетельств того, как османская феодально-бюрократическая верхушка реально выполняла отведенную ей западными политиками роль. Жертвуя интересами своей страны, представители политической элиты во главе с членами правящей династии использовали внешнеэкономические связи империи в целях личного обогащения³². В наиболее ярком виде это проявилось в истории возникновения османского государственного долга. Внешняя государственная задолженность Турции сыграла роль своеобразного стержня, вокруг которого постепенно насаивались новые формы экономической и политической зависимости, в конечном итоге поставившие страну в положение полуколонии.

Обратимся к фактам. Первый иностранный заем в 75 млн. фр.

был сделан Османской империей в 1854 г. на покрытие военных расходов. В дальнейшем вплоть до своего первого банкротства в 1875 г. Порта заключила еще 15 внешних займов на общую сумму в 5,3 млрд. фр. Займы предоставлялись банкирскими домами Англии и Франции на характерных для той эпохи условиях. Уровень процента в большинстве случаев колебался в пределах 5—6. Как правило, чрезвычайно высокой была и «цена займа». В результате в руки османского правительства реально попало лишь немногим более половины от номинальной суммы полученных займов — 3 млрд. фр.³³

Порта была не в состоянии выплачивать внешний долг. Уже в 1866 г. годовые выплаты кредиторам были задержаны на 3 месяца, в 1871 г. часть необходимых выплат вообще не была произведена, и, наконец, в октябре 1875 г. правительство объявило о своей неспособности погашать внутренний и внешний долг в требуемых размерах и обязалось в течение ближайших пяти лет выплачивать лишь половину суммы по амортизации и выплате процентов³⁴. Это было банкротство, открывшее путь к установлению финансовой опеки над страной.

Финансовый крах Порты был неизбежным результатом вовлечения ее в орбиту капиталистических финансовых отношений. Степень эксплуатации Турции европейским ссудным капиталом была довольно высокой. Достаточно сказать, что ежегодный дивиденд, выплачиваемый Оттоманским банком его английским и французским акционерам, в период с 1863 по 1873 г. колебался в пределах от 12 до 13%, тогда как капиталовложения в промышленности Англии, например, в это же время обеспечивали не более 4—5% ежегодной прибыли³⁵.

Состояние некоей эйфории переживали в то время, по-видимому, и османские правители. «Обнаружив, что они могут легко получить деньги,— писал по этому поводу один из современников,— они бездумно их расточали. Они понятия не имели о европейской финансовой системе, они не умели обращаться с деньгами, как это делают в Европе... И поэтому их единственным источником покрытия срочных платежей было занимать снова, занимать, занимать»³⁶.

Уже после заключения первого договора об иностранном займе, формально предназначенном для финансирования войны с Россией, во дворцах и виллах Абдул-Меджида началась подлинная вакханалия. Одно за другим следовали многолюдные пиршества, увеселительные вечера, свадьбы. Все это поглощало огромные средства. На одну только свадьбу дочери Абдул-Меджида Фатьмы с сыном великого визиря было истрачено более 40 млн. фр.³⁷ Для сопоставления укажем, что номинальная сумма займа 1854 г. составляла 75 млн. франков, а фактически Портой было получено лишь 60 млн. фр.³⁸

Напрашивается вывод, что к финансовому банкротству Османскую империю привели не только сами по себе иностранные займы и условия их предоставления, но и характер и структура расходования Портой заемных средств. Попадая в руки османского феодального государства, европейский ссудный капитал переставал

быть собственно капиталом, т. е. стоимостью, способной приносить прибавочную стоимость. Иностранные займы тратились вне зависимости от первоначально обусловленной их целевой направленности. Согласно подсчетам турецкого исследователя Р. Ш. Сувла, в период Танзимата лишь $\frac{1}{3}$ часть займов была истрачена производительно — на строительство железных дорог и ряда других инфраструктурных сооружений. Все остальное пошло на покрытие дефицита бюджета и дворцовые траты ³⁹.

Во времена Абдул-Меджида константинопольские банкиры с возмущением говорили, что «финансы великой империи могут быть разрушены сумасбродными желаниями глупца, который, обладая уже 50 дворцами, задумал построить еще столько же» ⁴⁰. Эти опасения были отнюдь не беспочвенны, так как на строительство только одного дворца Долмабахче было израсходовано 2 млн. 800 тыс. ф. ст. ⁴¹ Общая же сумма фактически полученных Портой в годы правления Абдул-Меджида иностранных займов составляла не многим более 11,2 млн. ф. ст. ⁴²

Восшедший на престол в 1861 г. Абдул-Азиз в отличие от своего предшественника был привержен идее создания османского броненосного флота и перевооружения армии. В результате произведенных закупок вооружения иностранная задолженность Османской империи с 1862 по 1874 г. увеличилась почти в 14 раз, поднявшись с 375 млн. до 5,3 млрд. фр. ⁴³

Расплачиваясь с долгами, Порта вынуждена была поступиться такими статьями своего дохода, как дань с Египта, поступления с сирийской, измирской и стамбульской таможен. В руки кредиторов перешли средства от налогов на табак, соль, доходы от сбора феодальной десятины (ашара) и налога на скот (агнама) в ряде провинций и др. ⁴⁴

Финансовая зависимость от Запада создавала, таким образом, механизм сцепления феодальной и капиталистической эксплуатации в единую систему, работавшую теперь «на вынос» национальных богатств за пределы страны. Наглядный пример тому — создание банковской системы в империи. Учреждение в 1863 г. Имперского оттоманского банка, принадлежавшего на паритетных началах английскому и французскому капиталу, должно было символизировать обращение Порты от средневековых к буржуазным нормам в организации и осуществлении ее финансовой политики. Однако финансовая несостоятельность османского правительства видоизменила роль этого учреждения: вместо функций посредника во внешнеэкономических связях страны банк приобрел функции контроля и реального распоряжения ее материальными и финансовыми ресурсами.

То же можно сказать и о практике составления государственных бюджетов в Османской империи начиная с 1863—1864 гг. Они составлялись и предавались гласности под давлением держав-кредиторов, заинтересованных в получении сведений о состоянии финансов страны ⁴⁵. Следовательно, государственный бюджет империи в условиях роста ее внешней задолженности становился не столько

организатором хозяйственной жизни страны, сколько показателем ее платежеспособности.

Параллельно с ограничением финансовой независимости Османской империи иностранный капитал стремился овладеть также и ее природными богатствами. В связи с этим западные державы были объективно заинтересованы в начавшейся после Крымской войны эволюции османского аграрного законодательства. В 1867 г. был издан закон, предоставивший иностранным подданным право владения недвижимостью в империи. Несмотря на оговоренные в нем значительные ограничения прав иностранцев на собственность в Турции, европейской дипломатии удалось пробить значительную брешь в одной из наиболее сильных османских цитаделей, сдерживавших до той поры стремление буржуазии Запада захватить в свои руки сырьевые ресурсы страны. Англичане уже к 1868 г. скупили, например, в окрестностях Измира около $\frac{1}{3}$ пригодной для обработки земли. Через 10 лет 41 английскому купцу в этом районе принадлежала уже половина всех земельных угодий ⁴⁶.

Важным препятствием, стоявшим на пути европейского капитала к природным богатствам Османской империи, было отсутствие в ней необходимой для их капиталовложений экономической инфраструктуры. Турция страдала от бездорожья, а без создания соответствующей потребностям торгово-промышленного капитала Запада сети транспортных артерий нечего было и думать о завоевании османского рынка и эксплуатации сырьевых ресурсов страны. Недаром в планах колонизации территории Османской империи, вынашиваемых, например, англичанами уже в 50-х годах, видное место занимали проекты строительства железнодорожных линий ⁴⁷.

Само турецкое правительство также отдавало себе отчет в необходимости улучшения путей сообщения. Об этом свидетельствуют и планы, и конкретные мероприятия Порты и ее представителей на местах в 60—70-х годах. Большое внимание дорожному строительству уделялось, в частности, в Дунайском вилайете во второй половине 60-х годов, когда губернатором там был Мидхат-паша. При нем в вилайете было проложено около 3 тыс. км дорог и построено 420 мостов ⁴⁸. Важную роль в улучшении условий торговли в этом вилайете после Крымской войны сыграло развитие водного транспорта: в конце 50-х—начале 60-х годов здесь было открыто пароходное движение по р. Марица, построена пристань в Варне, произошло урегулирование спорных вопросов судоходства по Дунаю ⁴⁹. В эти же годы новые пути сообщения прокладывались в других европейских владениях Турции — в Боснии и Герцеговине ⁵⁰. Самостоятельно Турция была не в состоянии справиться с задачей создания развитой дорожно-транспортной системы, поэтому железнодорожное и портовое строительство было отдано на откуп иностранному капиталу.

И эту сферу хозяйственной деятельности правительства западных держав стремились подчинить своим интересам. В строительстве железных дорог в Турции они были заинтересованы лишь постольку, поскольку это соответствовало их военно-стратегическим и

экономическим планам. Железные дороги должны были обеспечить вывоз из страны сельскохозяйственного и минерального сырья, а также содействовать сбыту европейской промышленной продукции в отдаленных и труднодоступных ее районах.

С 1856 г., когда была выдана первая железнодорожная концессия, и до середины 70-х годов иностранные компании построили в империи несколько железнодорожных линий. Две из них, сооруженные англичанами, — Черновода—Кюстендже (Констанца) и Русук (Русе)—Варна — располагались в европейской части империи⁵¹. К 1874 г. были закончены работы и на участках пути Стамбул—Эдирне (Адрианополь) — Дедеагач—София австрийским концессионером бароном Гиршем⁵².

Строительство железных и шоссейных дорог, развитие судоходства и общее улучшение условий торговли в стране позволили западноевропейской буржуазии расширить свою экспансию.

Внешняя торговля в условиях неэквивалентного обмена являлась первичной формой экономической эксплуатации Турции европейским капиталом. Юридической базой ее служил режим капитуляций, а также система торговых договоров, навязанных Порте европейскими державами в конце 30-х и начале 60-х годов XIX в. Если капитуляции, признававшие за иностранцами право селиться, передвигаться и торговать в пределах Османской империи, все же ограничивали права торговой буржуазии Запада на экспорт ряда товаров (в том числе зерна, скота, шерсти и другой сельскохозяйственной продукции, вывоз которой за пределы империи строго регламентировался государством), то названные внешнеторговые соглашения эти ограничения практически снимали. Так, на основании договоров, заключенных Турцией с Англией, Францией в 1838 г. и с Австрией в 1839 г., устанавливалась полная свобода торговли для иностранцев.

Следующая серия торговых договоров Османской Турции с западными державами, заключенных после Крымской войны в 1861—1862 гг., еще больше расширяла права европейской торговой буржуазии. Иностранцы могли на равных основаниях с османскими купцами торговать почти всеми видами сельскохозяйственной и промышленной продукции⁵³.

До минимума сводились возможности государства по защите своей экономики от конкуренции извне. Правда, в актив османской дипломатии можно занести увеличение размеров пошлин на ввозимые в страну товары (с 5 до 8% их стоимости) и право на периодическое введение эмбарго на экспорт тех или иных видов продукции. Османским государственным деятелям в 60—70-х годах удалось также добиться и частичного ограничения капитуляционного режима в стране. Но маневрировать Порте могла лишь в сравнительно узких рамках⁵⁴.

Баланс внешней торговли империи в рассматриваемое время был уже хронически дефицитен: в 1863—1872 гг. стоимость импорта превышала экспорт в среднем на 27 млн. фр. ежегодно. Отчасти дефицит внешней торговли был вызван в эти годы колебаниями

мировой конъюнктуры, но в целом слабость экономических позиций империи в мировом капиталистическом хозяйстве определялась общей структурой ее внешнеторгового обмена. Как до Крымской войны, так и после в страну ввозились в основном промышленные товары. Первое место в турецком импорте занимали хлопчатобумажные ткани и изделия из них. В среднем ежегодно в период с 1863 по 1872 г. этих товаров ввозилось на сумму 171 млн. фр., что по стоимости составляло примерно $\frac{1}{3}$ тогдашнего импорта страны⁵⁵. Османская империя импортировала большое количество модной одежды и обуви, сукно, посуду, а также сахар, лесоматериалы, изделия из стали и чугуна. Экспорт Турции в эти годы состоял преимущественно из сельскохозяйственных продуктов. Страна вывозила хлопок, кожи, зерновые, табак, шерсть, опиум, оливковое масло и т. д.⁵⁶

В 50–70-х годах Англия все еще абсолютно преобладала над другими странами по объему экспортно-импортных операций в Османской империи. За время с 1863 по 1872 г. размер английского экспорта в Турцию оценивался в среднем за год в 241 млн фр., тогда как для занимавшей второе место Франции этот показатель был равен 74 млн., для Германии — 37 млн., для Австро-Венгрии — 34 млн., для России — 32 млн., для Швейцарии — 20 млн. и для Голландии — 15 млн. фр.⁵⁷ Стоимость английского экспорта в Османскую империю в это время превышает суммарную стоимость экспорта шести других основных торговых партнеров Турции. В 70-х годах темпы роста торгового обмена между Великобританией и Османской империей замедляются. Монопольному положению на ее рынках Англии да и Франции начинает угрожать растущая торговая конкуренция Австрии, а затем и Пруссии (Германии), в частности на Балканах. Накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. австрийский экспорт промышленных товаров, например, в Дунайский вилайет составлял уже $\frac{2}{3}$ общего объема промышленного импорта этого края⁵⁸.

Используя географическую близость, удобства перевозок по Дунаю и монопольное положение своего торгового флота на реке, Австрии удалось приспособить внешнюю торговлю двух основных речных портов — Видина и Русе — к обслуживанию своих интересов⁵⁹. По мнению болгарской исследовательницы В. Паскалевой, «границы австрийского проникновения начинались от Дуная, переходили Балканы, достигали Эгейского моря и распространялись до македонских земель. В Салониках австрийская торговля уже сталкивалась с сильной английской и французской конкуренцией»⁶⁰.

После Крымской войны весомыми становятся торговые обороты Османской империи с США и Бельгией. Османская торговля с этими двумя странами по сравнению с 1840-ми годами выросла в 6–7 раз⁶¹. Расширяется и торговля Османской империи с Россией. Так, если перед Крымской войной общий товарооборот русско-турецкой торговли колебался в пределах 11–14 млн. руб.⁶², то к середине 1870-х годов он поднялся до 35–36 млн. руб.⁶³

В 60–70-х годах процесс передела сфер экономического влияния

в Османской империи набирает силу сперва в отдельных провинциях. Позднее в связи с усилением неравномерности развития стран капитализма, с выходом на мировую арену новых промышленных держав эта борьба распространяется на всю территорию империи и приобретает тот драматический характер, который в немалой степени способствовал зарождению острейших конфликтов эпохи империализма.

С вовлечением османской державы в европейский рынок ее экономическая жизнь во все большей степени начинает зависеть от развития мирового капиталистического цикла. Рыночная конъюнктура европейских провинций империи, отмечает болгарский историк Л. Беров, «начинает незаметно, исподволь пульсировать в такт с циклическими экономическими кризисами крупных европейских государств»⁶⁴.

Наплыв иностранных товаров на Балканы после Крымской войны привел к результатам двоякого рода. С одной стороны, в 60—70-х годах в Болгарии наблюдался острый кризис ряда традиционных отраслей ремесленного производства. Иностранная конкуренция разорила многих кустарей и торговцев обувью, одеждой и сукнами местной выработки⁶⁵. Но, с другой стороны, расширение внешне-торговых связей с европейскими странами повысило товарность болгарского сельского хозяйства, что позволило местным торговцам, накопив значительные капиталы, перейти от посреднической к самостоятельной торговле за пределами Болгарии в крупных торговых центрах Европы. Внешняя торговля становится в этот период главной отраслью экономики, где происходит накопление национального болгарского капитала. Идет этот процесс и в промышленности. Часть болгарских ремесленников приспособилась к новым условиям производства. К 1877 г. в Болгарии насчитывалось 25 промышленных предприятий капиталистического типа, среди которых были и довольно крупные для того времени текстильные и шелкопрядные фабрики⁶⁶.

Приспособление болгарской экономики к потребностям мирового капиталистического рынка деформировало ее структуру, но в то же время ускорило становление капиталистического уклада в стране, особенно в тех отраслях экономики, развитие которых не затруднялось, а, напротив, стимулировалось мировым рынком.

Типологически схожие сдвиги в социально-экономической жизни в это время наблюдаются также в Боснии и Герцеговине. Здесь расширение внешнеэкономических связей привело к ускорению разложения феодализма и формированию элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве и ремесле. Широкий ввоз иностранных товаров вызвал упадок многих ремесленных цехов, но вместе с тем активизация внешней торговли (главным образом с Австрией) способствовала численному росту и укреплению экономических позиций национальной торговой буржуазии. Местная, прежде всего сербская, буржуазия становится в этом вилайете Османской империи все более важным фактором экономического развития⁶⁷.

Подводя итоги воздействию мирового капиталистического хозяй-

ства на развитие Османской империи в 60—70-х годах XIX в., можно сказать, что внешнеэкономические связи страны в это время способствовали росту ее региональной, социально-экономической и политической дифференциации. В империи выделялись провинции, развитие буржуазных отношений в которых входило в непримиримое противоречие с османским общественно-политическим строем. Одновременно в этих провинциях формировались региональные рынки, тесно связанные с жизнедеятельностью мирового капиталистического хозяйства. В условиях постепенной утраты империей финансово-экономической самостоятельности это создавало дополнительные предпосылки и для экономической, а следовательно, и для политической ее дезинтеграции.

3

Национальный вопрос в политике правящих кругов и «новых османов» после Крымской войны

Эпоха подъема освободительного движения на Балканах совпала с пробуждением турецкого национализма. В Османской империи после Крымской войны происходило стносительное быстрое развитие общественной мысли, опережавшее развитие социально-экономической системы. Это обстоятельство было особенно характерно для взаимоотношений турецкого, мусульманского центра империи и инонациональной, немусульманской балканской периферии. Объяснение этому явлению кроется в известном положении К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что противоречие между общественными отношениями и производительными силами «обнаруживается не в данных национальных рамках, а между данным национальным сознанием и практикой других наций, то есть между национальным и всеобщим сознанием той или другой нации»⁶⁸. В Османской Турции и консервативные феодально-теократические силы, и передовые круги буржуазно-либерального направления соотносили свою культуру, образ жизни с таковыми же элементами жизни общества в Западной Европе. При этом и для тех и для других сил незыблемым принципом оставалось сохранение имперского единства османских земель. Это обстоятельство и определяло большое сходство в национальной политике правящих кругов и оппозиционных им передовых сил, представленных «новыми османами», объясняло враждебность последних освободительным движениям на Балканах, разрыв между растущей борьбой за независимый национальный путь развития и позицией буржуазно-патриотического движения «новых османов», становление которого проходило в условиях усиления полуколониального режима, навязанного Турции державами Запада.

Большинство балканских народов находилось на значительно более высоком формационном уровне, чем господствующая турецкая народность, к середине 70-х годов XIX в. у них завершалось формирование и консолидация буржуазных наций⁶⁹. В их борьбе за самоопределение и государственную независимость непримиримым

противником выступала османская держава. Исторически бесперспективному, обреченному в конечном итоге на провал делу сохранения целостности империи была подчинена, по существу, вся национальная политика Порты. Но наряду со ставкой на военную силу в подавлении освободительных движений балканских народов начиная с 20-х годов XIX в., с эпохи Греческой революции, в правительственных кругах Османской империи получает распространение новый подход к решению проблемы. Выразителем его был известный поэт и улем-богослов Кечиджизаде Иззет Молла, призывавший предоставить христианам определенный минимум экономических и политических прав, что способствовало бы единению всех подданных в «богоспасаемых пределах»⁷⁰.

Реформаторы первого этапа Танзимата (с 1839 г.) развили и конкретизировали эти идеи, считая, что предоставление христианским и мусульманским подданным равных гражданских прав влечет за собой равную ответственность за сохранение общей территории и единой власти Высокой Порты. По мнению лидеров первого этапа Танзимата во главе с Мустафой Решидом-пашой, декларативное равенство, провозглашенное в Гюльханейском хатт-и шерифе, налагало на христиан обязанность сохранять имперское единство, что должно было полностью исключить возможность развития освободительного движения балканских народов⁷¹. Восстания 1840—1860-х годов, прокатившиеся по всей территории Европейской Турции, убедительно свидетельствовали о провале планов реформаторов укрепить единство Османской империи на основе фактического привилегированного положения мусульман и теоретического равенства христиан.

В изучаемый период — на втором этапе Танзимата — видный государственный деятель Кечиджизаде Мехмед Фуад-паша, сын Иззета Моллы, развивая идеи своего отца и Решид-паши, сформулировал вместе с другим известным государственным деятелем, Мехмедом Эмином Али-пашой, новую политическую концепцию сохранения «османского единства». Суть этой доктрины, получившей название «османлык» — османизм, заключалась, по словам посла России в Турции Н. П. Игнатьева, в том, что будущее Османской империи, ее спасение виделось в «слиянии» мусульманских и христианских подданных, а не в их раздельном и параллельном сосуществовании⁷². Повторялись прежние идеи «полного равенства» всех жителей империи, право христиан занимать государственные должности, включая высшие посты в империи. Различие их с «османами» идеологи османизма видели лишь в «узкой сфере чисто религиозных вопросов»⁷³. При этом ограничение самоуправления христианских этнорелигиозных общин — миллетов — и искусственное насаждение османизированной системы народного образования для детей христианских подданных, закрепление за турецким языком исключительного статуса государственного языка, а также меры по созданию единой османской армии, рекрутируемой из мусульман и христиан с профессиональным офицерским корпусом из турок, — все это должно было по замыслу идеологов османизма Фуада-паши,

Умина Али-паши, Мидхата-паши сохранить Османскую империю и укрепить в ней господство нации турок — завоевателей⁷⁴. Во исполнение этих замыслов были изданы такие правительственные акты, как Закон об образовании Дунайского вилайета 1864 г., Закон о народном образовании 1869 г. и Закон об османском подданстве 1869 г. Два последних закона с наибольшей жестокостью стали проводиться именно в Дунайском вилайете, искусственно образованном в наиболее революционной в эти годы Болгарии. Геронизм болгарских борцов за свободу, как главная причина, и внутренняя несостоятельность османизма как политической концепции предопределили поражение государственных деятелей, пытавшихся стягивать рассыпавшуюся османскую государственность обручами панисламизма и паносманизма.

Оценивая этот период «османизации» Дунайского вилайета, турецкая историография (современная — Энвер Зия Карал и старая, придворная — Ахмед Лютфи) отмечала, что итогом деятельности Мидхата-паши в Болгарии был рост национально-освободительного движения⁷⁵. Следует также учитывать, что практика османизма была не в последнюю очередь направлена против нетурецкого мусульманского населения европейских территорий Османской империи и земель, сопредельных со свободолубивой Черногорией. Известно, что в конце 1850-х и начале 1860-х годов укреплялось сотрудничество черногорцев и омусульманенного местного населения в Герцеговине и Боснии в освободительном антитурецком движении. Ни во время турецкого вторжения в Черногорию в 1850—1852 гг., ни в период Крымской войны, ни в последующие годы, отмеченные восстанием в Герцеговине 1857—1858 гг. и турецко-черногорской войной 1862 г., Высокой Порте не удалось создать значительного мусульманского ополчения из местного, преимущественно албанского, населения. Это обстоятельство отмечал возглавивший в конце 1850-х годов Азиатский департамент российского МИД крупный ученый и путешественник генерал Е. П. Ковалевский, человек, близкий многим деятелям национально-освободительного движения в Албании, Черногории, Боснии и Герцеговине⁷⁶.

Следует отметить, что в своем стремлении любой ценой османизировать целиком и полностью балканские территории Высокая Порта прибегала к действиям двойного характера: как внутривнутриполитического свойства, так и внешнеполитического — к апелляции, к третейскому посредничеству Англии, Франции, Австрии. Так, потерпев поражение в 1861 г. в попытке вооруженного подавления самоуправления герцеговинцев, турецкое правительство обратилось за посредничеством к западноевропейским державам, обвинив Черногорию в подстрекательстве к восстанию османских подданных против «законного правительства — члена концерта европейских держав», обеспокоенного сохранением спокойствия и порядка во всех своих владениях. Одновременно был подготовлен турецкий проект внутреннего устройства пограничных районов Герцеговины, нацеленный на османизацию восставших территорий, правда, под благовидным прикрытием хатт-и хумаюна 1856 г., провозгласивше-

го мифическое гражданское равенство всех подданных Османской империи⁷⁷. Но все попытки Порты проводить в жизнь постановления хатт-и хумаюна 1856 г. в Герцеговине методами террора и апелляций к державам повлекли за собой лишь расширение освободительного движения, затем войну Турции и Черногории, вызвавшую волну антитурецких выступлений в других балканских провинциях Османской империи⁷⁸.

Правительственный курс на решение национального вопроса на Балканах в рамках доктрины османизма потерпел полный крах. Однако не только правящие феодальные верхи и компрадорская бюрократия Османской империи боролись за сохранение целостности страны. Как показали в своих исследованиях советские историки и ученые социалистических стран Юго-Восточной Европы, и молодая турецкая буржуазия стремилась в рамках обширной по территории, многонациональной и многонаселенной страны получить в наследство от османско-турецкой феодальной деспотии политическую власть над народами, оттеснить инонациональных конкурентов на местных и региональных рынках Османской империи⁷⁹.

Буржуазно-либеральное реформаторское движение «новых османов», развернувшее свою деятельность в начале 60-х годов XIX в., объективно отражало как интересы растущего класса турецкой национальной буржуазии, так и ее непоследовательность и тесную связь с идеологией и практикой феодально-бюрократической верхушки, особенно в национальном вопросе. «Новые османы» на страницах периодической печати и публицистических произведений, в своей практической деятельности как участники осознанного политического движения выражали патриотические настроения, пробуждавшееся национальное самосознание турецкого населения Османской империи. Однако между прогрессивным социальным движением и реакционным национализмом нет пропасти. Порой они сплетаются воедино, и это наглядно демонстрировали «новые османы». Они добивались преобразования страны в конституционную монархию и создания благоприятных социально-политических условий развития только для турецкой части населения Османской империи, которой приписывались, по словам турецкого историка Энвера Зия Карала, «преимущества, достоинства и качества, такие, как широкий умственный кругозор, природная выдержанность, выносливость и спокойствие»⁸⁰. Двойственность программных требований «новых османов» отчетливо проявилась в их отношении к освободительным движениям в Европейской Турции. Известный турецкий литератор, один из идейных руководителей «новых османов» — Абдул Хамид Зия-бей, например, резко обрушивался на злоупотребления властей при сборе налогов, проведении рекрутских наборов, привлекая в своих публицистических выступлениях материалы о положении в балканских провинциях. И он же категорически выступал против предоставления независимости Черногории и призывал к расправе с повстанцами в выражениях, которые могли бы быть уместны в устах карателя-янычара, но не переводчика на турецкий язык творений Мольера и Руссо⁸¹.

Значительно «правее» Высокой Порты оказались «новые османы» в таких вопросах, как предоставление независимости Дунайским княжествам и Сербии, создание независимой Румынии⁸².

И на Константинопольской конференции осенью 1855 г., и на Парижских мирных переговорах 1856 г., и в последующие годы Али-паша, известный реформатор, в определенной мере разделявший критическое отношение «новых османов» к внешнеполитическому курсу правительств, отвергал саму возможность объединения Молдовы и Валахии с горячностью, стоившей ему однажды министерского портфеля. Султанский режим признал объединение в 1861 г.; а семь лет спустя Зия-бей, Намык Кемаль и Али Суави на страницах новоосманской печати критиковали правительство за «уступчивость» державам. Тогда же они категорически высказались против передачи сербам крепостей, занятых турецкими гарнизонами. Взрыв негодования пронесся по страницам новоосманской печати, когда в 1867 г. Высокая Порта пообещала сербскому князю Михаилу Обреновичу после тридцати лет проволочек вернуть Сербии небольшой участок земли на правом берегу р. Дрины. Безрезультатные переговоры, продолжавшиеся и в 70-х годах, служили мишенью для нападок на Порту справа, с великодержавных позиций в прессе «новых османов»⁸³.

В 1868 г. газеты «новых османов» «Мухбир» («Корреспондент») и «Хюрриет» («Свобода») обрушились на Высокую Порту за уступки западным державам, прежде всего России, в политическом обособлении немусульманского населения Османской империи, рассценивая это как неспособность центральной власти ни расправиться с «бунтовщиками» — повстанцами Крита, ни противостоять давлению держав⁸⁴.

Ту же позицию занимал Зия-бей. Призывая к расправе над «извечными» нарушителями покоя в османском государстве — греками-киприотами, этот «убежденный противник насилия и угнетения» писал, что «урок» следует задать и другим христианским подданным, в первую очередь болгарам.

Естественно, что турецкие конституционалисты не могли обеспечить поддержку своему движению со стороны инонациональной буржуазии. Они заняли позицию, враждебную национально-освободительным движениям в Османской империи, во главе которых стояли представители местной немусульманской буржуазии. Ю. А. Петросян, А. Д. Желтяков, И. Е. Фадеева показали в своих трудах непоследовательность «новых османов» в критике внешней и внутренней политики Высокой Порты, их стремление соединить либеральный реформизм с догматами ислама. Нельзя было наладить сотрудничество с полнокровным национальным движением, отрицая само существование балканских национальностей. «В стране, называемой Турция, — писал Али Суави, — существует одна и только одна нация — османская». С общим подданством, единством «интересов», в том числе экономических, наличием некоей «общеосманской идеи»⁸⁵.

Национально-освободительные движения балканских народов.

рассматривались «новыми османами» не более как временное нарушение идейного единства внутри самой «османской нации». Возврат к чистоте первоначального ислама, конституционные преобразования, воспитание и обучение детей христиан под руководством прирожденных руководителей имперского единства — турок, которые, как писала газета «новых османов» «Мухбир», еще 300 лет назад были «идейными наставниками мира»⁸⁶, — вот что должно было полностью решить национальный вопрос в Османской империи. Таким образом, идеологи «новых османов» практически смыкались с правительственной программой османизации христианского населения, с которой выступали Фуад-паша и Али-паша, «осквернители шариа», как их называла новоосманская пресса.

Следует отметить, что взгляды лидеров «новых османов» на балканские проблемы были достаточно известны в Западной Европе по изданиям на европейских языках⁸⁷, цитировались в прессе, использовались политическими деятелями для обоснования более активного «воздействия» на Порту и в целях обработки европейского общественного мнения⁸⁸ в пользу или против Османской империи в соответствии с политической конъюнктурой в европейских кабинетах.

Первые турецкие конституционалисты доктрину османизма продолжали рассматривать как идейное оружие в борьбе против освободительного движения балканских народов. Неудачи османизации Болгарии и других европейских территорий наряду с кризисом конституционного движения в Турции показали народам Балкан ассимиляторскую сущность политики турецкой либеральной буржуазии. Пути освобождения балканских народов лежали не в сотрудничестве, а в борьбе с нею в пламени национально-революционных восстаний и войн за свободу и независимость.

¹ Христов Хр. Българските община врез Възрождането. С., 1973, с. 129—131; Конобеев В. Д., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Дипломатия России в борьбе за независимость Болгарии и образование болгарского национального государства. — Новая и новейшая история, 1978, № 1, с. 41; Новичев А. Д. История Турции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, т. 4, ч. 3, с. 74; Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. П. Очерки истории Турции. М., 1983, с. 113.

² Конобеев В. Д., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Указ. соч., с. 41.

³ Studien zum Verhältnis von Kriegführung, Politik und Friedensbewahrung. — In: Baumgart W. Der Friede von Paris 1856. München; Wien, 1972, S. 233—234.

⁴ Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 142, p. 33.

⁵ Текст в русском переводе см.: Юзефович Т. Договоры России с Востоком: Политические и торговые. Спб., 1869, с. 175—181.

⁶ Новичев А. Д. История Турции, с. 86.

⁷ Общий очерк отношения держав к Турции в период парижских переговоров см.: Baumgart W. Der Friede..., S. 15—88; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. с. V, 3 baskı. Ankara, 1970, s. 241—252.

⁸ Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 134—137.

⁹ Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'empire Ottoman. P., 1900, t. II, p. 420—422; Новичев А. Д. История Турции, с. 58—65.

¹⁰ Мотивацию позиции правящих кругов Турции см.: Ибрагим-бейли. Х. М., Шеремет В. И. Современная турецкая историография Крымской войны. — Вопр. истории, 1976, № 4.

- ¹¹ Семенов Л. С., Шеремет В. И. Внешнеэкономические связи Османской империи в эпоху Крымской войны.— Вестн. ЛГУ, 1972, вып. 14.
- ¹² Davison R. H. Ottoman Diplomacy at the Congress of Paris (1856) and the Question of Reform.— In: VII Türk tarih Kongresi. Ankara 25—29 eylül 1970, II cilt. Ankara, 1973, p. 581. В докладе известного американского османиста были использованы турецкие архивные документы.
- ¹³ Новичев А. Д. История Турции, с. 68: Karal E. Z. Osmanlı tarihi, s. 249.
- ¹⁴ Конабеев В. Д., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Указ. соч., с. 40—41.
- ¹⁵ Джемил-бей был сыном известного реформатора Решид-паши, кандидатура которого как турецкого делегата на переговорах в Париже была решительно отвергнута Францией в связи с его нескрываемыми англо-фильскими настроениями.
- ¹⁶ [Bedoulliere E., de.] Le congrès de Paris: Histoire de la guerre d'Orient. Neuvième série. P., 1856, p. 58—61; Davison R. H. Ottoman Diplomacy..., p. 583; АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1856 г., д. 276. л. 119—119 об. Протоколы и материалы конгресса.
- ¹⁷ Проект соответствующей статьи — в приложения к депеше А. Ф. Орлова К. В. Нессельроде от 1 апреля 1856 г. См.: Там же, л. 108.
- ¹⁸ Ф. И. Бруннов — К. В. Нессельроде, 7(19) 1856 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1856 г., д. 147, л. 25 об. — 26 об.
- ¹⁹ После завершения работы конгресса Кларендон принялся уверять Орлова, а Пальмерстон — Бруннова, что они не имели равным счетом никаких видов в отношении принадлежавшего России восточного побережья Черного моря. См.: Ф. И. Бруннов — А. М. Горчакову, 11(23) мая 1856 г. — Там же, д. 148, л. 410—411.
- ²⁰ Убичини А., де Куртейль П. Современное состояние Оттоманской империи. СПб., 1877, с. 10—61. Приводимый А. Убичини и П. де Куртейлем статистический материал следует расценивать как приблизительные оценочные данные. Приводимые данные не охватывают территорию и численность населения Египта, Туниса, а также Сербского и Румынского княжеств.
- ²¹ Понятие «просвещенный деспотизм» используется К. Марксом при характеристике испанской монархии конца XVIII в. См.: Маркс К. Революционная Испания.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 466.
- ²² Гасратян М. А., Орешникова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М.: Наука. 1983, с. 122.
- ²³ Убичини А., де Куртейль П. Указ. соч., с. 157.
- ²⁴ Там же, с. 161—162.
- ²⁵ Подробно об этом см.: Новичев А. Д. История Турции, т. IV, раздел «Танзимат в 1856 — начале 70-х годов XIX в., главы II, III.
- ²⁶ О конкретных проявлениях и формах освободительного движения различных народов см. последующие главы.
- ²⁷ См. § 3 гл. 2.
- ²⁸ Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. Н. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 313.
- ²⁹ Березин Н. Современная Турция. Б. м., Б. г., с. 406.
- ³⁰ Avcioğlu D. Türkiyenin duzeni: dün, bugün, yarın. C. 1, Ankara, 1971, s. 138.
- ³¹ Cem I. Türkiye'de geri kalmışlığın tarihi. İstanbul, 1973, s. 246.
- ³² Berkes N. 100 soruda Türkiye iktisat tarihi. İstanbul, 1975, s. 334—335.
- ³³ Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны. М.: Л., 1937, с. 303; Yeniay I. H. Yeni osmanlı borçlari tarihi. İstanbul, 1964, s. 51.
- ³⁴ Yeniay I. H. Yeni osmanlı borçlari tarihi, s. 54.
- ³⁵ Blaisdell D. C. European Financial Control in the Ottoman Empire. N. Y., 1929, p. 40, 48.
- ³⁶ Ibid., p. 38.
- ³⁷ Mears. Modern Turkey. N. Y. 1924, p. 389.
- ³⁸ Новичев А. Д. Очерки..., с. 303.
- ³⁹ Sulva R. S. Tanzimat Devrinde Istikrazlar.— In: Tanzimat. İstanbul, 1940, s. 713.
- ⁴⁰ Blaisdell D. C. European Financial Control..., p. 30

- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Подсчитано по: *Фадеева И. Л.* Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М., 1982, с. 118.
- ⁴³ *Новичев А. Д.* Очерки..., с. 303.
- ⁴⁴ *Karal E. Z. Osmanlı tarihi.* Ankara, с. VII, 1977, s. 233—238.
- ⁴⁵ Ibid., s. 232—233.
- ⁴⁶ *Owen R.* The Middle East in the World Economy, 1800—1914. L.; N. Y., 1981, p. 114.
- ⁴⁷ *Фадеева И. Л.* Указ. соч., с. 78—79.
- ⁴⁸ *Фадеева И. Е.* Мидхат-паша: Жизнь и деятельность. М., 1977, с. 25.
- ⁴⁹ *Косев Д.* Новая история Болгарии. М., 1952, с. 239.
- ⁵⁰ История Югославии. М., 1963, т. I, с. 603.
- ⁵¹ *Karal E. Z. Osmanlı tarihi,* с. VII, s. 268—269.
- ⁵² Ibid., s. 270.
- ⁵³ Ibid., s. 260—261.
- ⁵⁴ Немски извори на българската история (1875—1877)/Составители В. Паскалева, К. Косев, М. Донева. С., 1973, с. 192, 201.
- ⁵⁵ Там же, с. 192—193.
- ⁵⁶ Там же, с. 200—202.
- ⁵⁷ Там же, с. 192—193.
- ⁵⁸ *Паскалева В.* Икономическото проникване на Австрия (австро-Унгрия) в Българските земи от Крымската война до Освобождението.— Известия на института за Българска история. С., 1957, с. 117—118.
- ⁵⁹ Там же, с. 122, 124.
- ⁶⁰ Там же, с. 159.
- ⁶¹ *Kançal S.* La conquête du marché interne ottoman par le capitalisme industriel concurrentiel (1838—1881).— In: *Economie et sociétés dans l'Empire Ottoman.* P., 1983, p. 377.
- ⁶² *Журов Ф.* Влияние последней войны на внешнюю торговлю России.— Тр. имп. Вольного экон. об-ва. СПб., 1880, т. I, вып. I/II. с. 8—9.
- ⁶³ *Тодорова М. Н.* Англия, Россия и Танзимат. М., 1983, с. 118.
- ⁶⁴ *Беров Л.* История экономического развития Болгарии. София, 1980, с. 78.
- ⁶⁵ *Косев Д.* Указ. соч., с. 232—233; *Беров Л.* Указ. соч., с. 73.
- ⁶⁶ *Беров Д.* Указ. соч., с. 75.
- ⁶⁷ История Югославии, т. I, с. 599—603.
- ⁶⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 30.
- ⁶⁹ *Димитров Стр.* Борьба в правящих кругах Османской империи в период войны 1877—1878 гг.— В кн.: Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978, с. 208.
- ⁷⁰ Записку Иззета Моллы см.: *Tarih-i Lütfi,* с. 1, Istanbul, 1290 h (1873), 391—392; О нем см.: *Шережет В. И.* Турция и Андрианопольский мир 1829 г. М., 1975, с. 195.
- ⁷¹ *Новичев А. Д.* История Турции, т. 3, с. 194—195. *Миле Л. Н.* Освободительное движение албанского народа против турецкого ига в период Танзимата (30—70-е годы XIX в.). М., 1961, с. 15—23.
- ⁷² Н. П. Игнатъев — А. М. Горчакову, 25 апреля (7 мая) 1867 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1867 г., д. 31, л. 489.
- ⁷³ Изложение политического завещания Фуада-паши см. в книге его английского современника: *Farley J. L. Turks and Christians: A Solution of the Eastern Question.* L., 1876, p. 243. Русский перевод завещания Фуада-паши см.: Русская мысль, 1896, № 11, с. 191—197.
- ⁷⁴ Обобщенную оценку идеологии реформаторов второго этапа Танзимата см.: *Petrosyan Y.* On the Motive Forces of the Reform and Constitutional Movement in the Ottoman Empire.— In: *Economie et société dans l'Empire Ottoman,* p. 21—26.
- ⁷⁵ *Karal E. Z. Osmanlı tarihi,* с. VII, s. 95; *Фадеева И. Е.* Указ. соч., с. 43—44.
- ⁷⁶ *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. СПб., 1872, т. IV, с. 223, 229—239; см. также: *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979, с. 139—140.
- ⁷⁷ *Хитрова Н. И.* Указ. соч., с. 171—172, 175.
- ⁷⁸ *Павићевич Б.* Црна Гора у рату 1862 године. Београд, 1963, с. 280—376; *Хитрова Н. И.* Указ. соч., с. 125—201.

- ⁷⁹ См. подробнее: *Петросян Ю. А.* Младо-турецкое движение: (Вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971; *Фадеева И. Е.* Мидхат-паша...; *Димитров Стр.* За политиката на Турските либерални кръгове в навечерето на Априлското въстание.— В кн.: Априлско въстание, 1876—1966. С., 1966, с. 43—46; *Митев И.* Турската конституция от 1876 г. и българският въпрос.— В кн.: България и европейските страни през XIX—XX в. С., 1975. с. 117—134; *Гарсратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. М., 1983, с. 124—128.
- ⁸⁰ *Karal E. Z.* Osmanlı tarihi, с. VII. Ankara, 1956, с. 296; *Петросян Ю. А.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958, с. 56—58.
- ⁸¹ *Петросян Ю. А.* «Новые османы»..., с. 55.
- ⁸² *Milev N.* Rechid Pacha et la réforme Ottomane.— In: Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte. Bd. II, H. 3. B., 1912, S. 384—390.
- ⁸³ См.: *Поплыко Д. Ф.* Проблема освобождения Балканского полуострова в русско-сербских отношениях начала 70-х годов XIX в.— В кн.: Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. М., 1982, с. 183. О националистической позиции новоосманской прессы см.: *Желтяков А. Д.* Печать в общественно-политической культурной жизни Турции. М., 1972, с. 96—142.
- ⁸⁴ *Желтяков А. Д.* Указ. соч., с. 131.
- ⁸⁵ Цит. по: *Сафратян Р. А.* Доктрина османизма в политической жизни Османской империи (50—70-е годы XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1983, с. 18.
- ⁸⁶ *Желтяков А. Д.* Указ. соч., с. 110.
- ⁸⁷ *Ziya-bey.* Le droit de succession en Turquie. P., 1868; *Ali Suavi.* A propos de l'Herzegovine. P., 1875; *Midhat pacha.* La Turquie: Son passé, son avenir. P., 1878; etc.
- ⁸⁸ *Sandwith H.* Michael Obrenovich Prince of Servia.— Fortnightly Review, Apr. 1870, p. 394—413; The Treaties of 1866 and 1867.— Edinburgh Review, January 1871. p. 267—285; *FitzMorice, Lord E.* Speech Made in the House of Commons, July 31, 1876 on Mr. Bruce's Motion Relating to Eastern Affairs. L., 1876.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ. РОЖДЕНИЕ РУМЫНИИ

1

Объединение Дунайских княжеств

Новая, «послекрымская» расстановка сил держав проявилась в ходе борьбы за объединение Дунайских княжеств и слияние их в единое государство, Румынию, в 1856—1862 гг.

Не случайно почти одновременно с движением за объединение Германии и итальянским Рисорджименто развертывалась борьба за унию Молдавского княжества и Валахии. Не осуществленные в ходе неудавшейся революции 1848 г. буржуазные преобразования решались в новой исторической обстановке. В. И. Ленин подчеркивал, что благоприятные условия для развития производительных сил создаются в «больших, государственно-сплоченных и объединенных территориях, на которых только и может сплотиться, уничтожая все старые, средневековые, сословные, узкоместные, мелко-национальные, вероисповедные и прочие перегородки, класс буржуазии,— а вместе с ним и его неизбежный антипод — класс пролетариев»¹. В то же время объединение Дунайских княжеств явилось составной частью того великого движения за освобождение от османского ига и возрождение национальной государственности, под знаком которого проходил на Балканах XIX век.

В истории Румынии период 1856—1862 гг. характерен переплетением кардинальных, исторически масштабных внутри- и внешне-политических проблем. На то, как пойдет объединение, влияла не только расстановка классовых сил в княжествах, но и специфика развития буржуазии, ее теснейшая генетическая связь с крупным землевладением. Феодальные отношения пронизывали не только производственную сферу, но и весь государственный и политический строй Молдавского и Валахского княжеств. Земля находилась в собственности бояр различных категорий. Крестьянин, будучи формально свободным, за право пользования участком нес тяжелейшие повинности в натуре или трудом в пользу землевладельца — недаром К. Маркс назвал государственно-правовое урегулирование аграрных отношений в Дунайских княжествах «кодексом барщинных работ»². Фабричная промышленность находилась в зародышевом состоянии и жестоко страдала от распространявшейся на княжества османской таможенной системы, способствовавшей вторжению в империю иностранных товаров. Своя денежная система отсутствовала, и на рынке обращалось около семидесяти видов монет, курс которых постоянно менялся. Банков не существовало, а ростовщический процент составлял 30—40 и поднимался до 50. Телеграф

и железных дорог не было и в помине, проселочные и шоссеиные пребывали в ужасающем состоянии. Забитое, поголовно неграмотное и в большинстве своем полунищее крестьянство обладало ничтожной покупательной способностью. Вся власть находилась в руках князей, именовавшихся господами и назначавшихся пожизненно Портой с согласия Петербурга из числа крупных бояр, которых насчитывалось несколько десятков семей в каждом из княжеств. В государственных делах царил произвол, администрацию разьедали взяточничество и казнокрадство. Современники не жалели выражений, характеризующих положение у себя на родине, где «все перевернуто вверх дном»³.

Лозунг объединения княжеств в 50-х годах приобрел общенародный характер. Но при этом каждый класс, прослойка и общественная группировка вкладывали в требование унии определенное социальное содержание, мечтали осуществить ее в своих интересах. Крестьянство думало об освобождении от феодальных пут и наделении землей: в 1857 г. в валашском диване устами своих представителей крестьянство выдвинуло довольно стройную программу отмены барщины, замены поголовного налога подоходным, участия крестьянских депутатов в будущем общественном собрании страны.

Иными глазами смотрели на унию боярство и нарождавшаяся буржуазия. Объединение должно было не только укрепить государство, но и создать условия для прочного их господства. Одной из особенностей исторического развития Молдовы и Валахии являлась теснейшая генетическая связь местной буржуазии с землевладением, ее боярское в значительной части происхождение. Во главе революционного движения 1848 г. стояли в большинстве случаев выходцы из мелкого и среднего боярства, приобщившиеся в западных университетах к либеральным идеям и убедившиеся в непродуктивности и невыгодности старого феодального способа производства, но в то же время проявлявшие крайнюю умеренность в решении аграрного вопроса. Объединение «снизу», революционным путем, с проведением крупных экономических преобразований и широким наделением земель крестьян они отвергали. Видный сторонник этого пути революционный демократ Н. Бэлческу умер в 1852 г.

Отказ лидеров уннистского движения от опоры на массы и революционной борьбы создавал предпосылку сотрудничества с патристически насроенной частью крупного боярства, которое в плане социальном оказывало сдерживающее влияние на своих либеральных партнеров. В итоге кампания за объединение проводилась под национально-патристическими лозунгами; решение социальных вопросов откладывалось до более спокойных времен. Другим следствием сложившейся в уннистском руководстве расстановки сил являлось стремление заручиться поддержкой тех участников «европейского концерта», которые благожелательно относились к объединению. Внешнеполитический фактор, помощь или противодействие унии со стороны держав приобрели поэтому значение, которое трудно переоценить. Заветы Н. Бэлческу: «лишь евро-

пейская катастрофа может решить нашу судьбу и спасти нас... Пусть кабинеты смотрят на нас, как на анархистов»; «Напрасно вы будете вставать на колени у императорских ворот и у дверей их министров и взывать к ним... Будьте готовы отважно бороться, так как только трудами, жертвами и пролитой кровью народ добывается признания своих прав»⁴ — были забыты. Руководители унионистов принялись хлопотать в дипломатических канцеляриях, парламентских кулуарах, приемных министров Великобритании и Франции, в редакциях газет⁵. Ряд французских публицистов — П. Батаяр, Э. Тексье, Э. Реньо, А. Убичини — способствовали ознакомлению общественности своей страны с положением Дунайских княжеств; их труды были написаны в тоне глубокого сочувствия и нескрываемого желания оказать содействие национальному и социальному прогрессу княжеств. Эти люди олицетворяли живую связь между общественностью княжеств и Парижем. В Великобритании унии сочувствовали известный либерал В. Гладстон, парламентарии Р. Пиль-младший и Рёбек, лорды Элленборо и Броэм⁶.

Вопрос о дальнейшей судьбе Валахии и Молдовы вызвал глубокие разногласия между представителями держав на Парижском конгрессе. Существовали веские обстоятельства, побуждавшие дипломатию Наполеона III высказаться в пользу объединения, несмотря на то что принцип сохранения статус-кво на Балканах был положен в основу англо-франко-турецкого союза. Британо-французские разногласия прорывались уже во время войны и обозначались остро в дни мирных переговоров; одной из «горячих точек» стала проблема княжеств.

Францию после реставрации 1815 г. нельзя назвать последовательным поборником сохранения Османской империи. Она делала ставку на усиление своих позиций в Египте, поощряла сепаратизм могущественного паши Мехмеда Али, но потерпела дипломатическое поражение и должна была покинуть своего протеже. Побудительными мотивами ее вступления в Крымскую войну отнюдь не были заботы о сохранении Турецкой империи. Французы отдавали себе отчет в том, что трудно поколебать влияние британцев в Константинополе. Если в Крыму, на поле боя, им предоставлялась «честь» проливать больше всего крови, то в Стамбуле царил властный «великий элчи» («посол») Чарльз Стрэтфорд, лорд Редклифф, французские же представители держались в тени. Гораздо более благоприятные перспективы открывались перед французским капиталом для обоснования в какой-либо одной части владений Османской империи. По целому ряду причин Дунайские княжества являлись особо лакомой приманкой. Деятели молдавского и валашского освободительного движения уже в 30—40-е годы ориентировались на Францию. Здесь и во франкоязычном Брюсселе получало образование большинство обучавшейся за рубежом молодежи княжеств. Популярности Франции способствовала принадлежность ее населения к латинской группе народов, а также то обстоятельство, что «латинская сестра» еще в XVIII в. возглавила европейское Просвещение, что она явилась родиной идей «свободы, равенства и братства».

Поражение революции 1848 г. во Франции и возникновение Второй империи не поколебали профранцузской ориентации большинства участников молдо-валашского освободительного движения; это было вполне закономерно в свете их собственной стремительной эволюции вправо и перехода на позиции умеренного реформизма. Наполеону III была создана в Бухаресте и Яссах репутация поборника «принципа национальностей», ему составлялись приветственные адреса, направлялись меморандумы.

Правда, в годы эмиграции молдо-валашские либералы усвоили, что для получения помощи от Парижа, помимо оаций властелину, необходимо было указать на реальные экономические и политические выгоды. И. Брэтиану еще в 1853 г. представил Луи Наполеону меморандум, в котором уверял, что Франция будет иметь в объединенных княжествах «все преимущества колониальной державы без связанных с этим затрат»⁷. В 1855 г. в новой записке он красноречиво описывал богатство придунайских земель и преданность Франции их населения: «Вот нация, на которую Франция должна опереться для преобразования Востока и установления там своего солидного влияния»⁸.

Объединенное и выбравшееся из феодальной пучины государство на левом берегу Дуная в его низовьях представляло гораздо более солидный объект для приложения французского капитала, нежели два небольших княжества с крайне ограниченным рынком. Не последнюю роль в решении вопроса об их объединении играли внешнеполитические мотивы: новое государство представлялось как «барьер», разделявший Россию и южных славян, как надежный оплот в борьбе с ее влиянием на Балканах.

Веские соображения в пользу унии Молдовы и Валахии не означали, что наполеоновская дипломатия проводила в этом отношении последовательный курс. Ради укрепления непрочного трона «маленький Бонапарт» поспешно нуждался во внешнеполитических успехах; в умах императора и его министров рождались нереальные, если не сказать химерические, комбинации (см. § 3 гл. 1). Не раз на протяжении 1855—1866 гг. Луи Наполеон ради немедленной и более ощутимой выгоды был готов принести в жертву интересы Дунайских княжеств.

В марте 1855 г. французский посол Буркне в меморандуме, представленном Венской конференции, обсуждавшей условия мира с Россией, впервые на международной арене поставил вопрос об объединении княжеств⁹. Вскоре, однако, французы забыли о собственной инициативе: австрийские войска были нужны для пополнения таявшей в Крыму союзной армии, требовалось втянуть габсбургскую монархию в военные действия, а она являлась ярой противницей унии, и идея на время была оставлена. Нужда рождает изобретательность, и княжества были предложены Австрии в обмен на Ломбардию. Согласия достичь не удалось — австрийские войска оккупировали тогда Молдову и Валахию и уходили оттуда, по всем признакам, не собирались¹⁰.

В феврале 1856 г. на Константинопольской конференции союз-

ников французский посол Э. Тувенель, по словам американского историка Т. Райкера, «мудро» воздержался от постановки вопроса об унии¹¹. Тувенель принадлежал к той части французской знати, которая пуще огня боялась расхождений с Англией. Взору дипломата рисовалась страшная картина ссоры со всеми союзниками: «В глубине души я боюсь одного — изоляции, и не столько в сношениях между Парижем и Лондоном, сколько на почве Вены и особенно Константинополя. Я полагаю, что следует принять меры против этой опасности, что англичане не превратятся в сторонников унии, и этого достаточно, чтобы подорвать наш кредит у турок и австрийцев... Что же касается соглашения с русскими... то боже избави от этого»¹².

После окончания войны подобные аргументы не производили, однако, в Париже прежнего впечатления. Французская дипломатия вновь заняла проунионистскую позицию. 8 марта 1856 г. министр иностранных дел А. Колонна-Валевский поднял на конгрессе вопрос о создании единого румынского государства¹³. По словам свидетеля, это сразу встретило резкий отпор со стороны Али-паши и графа Буоля, представлявших на форуме Турцию и Австрию: «...бедный великий визирь покраснел как рак», а «австриец столь яростно возражал против объединения, что казалось, потерял рассудок»¹⁴.

Турция впервые после 1711 г. оказалась в роли победителя над Россией. Союзники в торжественных актах обязались не только сохранять территориальную целостность Османского государства, но и не умалять власти султана в ее пределах. Турецкие войска находились в княжествах. Вряд ли для Порты оставалось тайной, что британский премьер-министр Дж. Пальмерстон помышлял о возможности размещения турецких гарнизонов в Дунайских княжествах и Сербии и увеличении причитавшейся с них дани¹⁵. Заверениям некоторых унионистов, будто дело их страны «теснейшим образом связано с Турцией»¹⁶, сановники Порты не верили. Тот же Али-паша заявил одному из сладкоречивых унионистских ходатаев: «Как только объединение совершится, румыны вполне логично (и сам он, будь он румыном, поступал бы точно так же) немедленно начнут стремиться к независимости»¹⁷.

Точно так же рассуждали австрийцы: «Румыны сочтут тогда сюзеренитет Порты позором и несправедливостью; решат, что их страна слишком мала; станут мечтать о независимом государстве с включением Буковины, румынской части Трансильвании, Баната и границе по Балканам. Мало забот для Австрии! Хорош пример для Сербии! Неплохая оказия для России, на которую эти страны будут опираться в достижении своей цели»¹⁸. В этом письме австрийского интернунция А. Прокеша своему французскому коллеге Тувенелю карты выложены на стол: в монархии проживало два миллиона румын; создание единого румынского государства могло бы послужить толчком для роста настроений в пользу слияния с ним Трансильвании и представляло реальную угрозу целостности лоскутной Габсбургской империи. Не случайно в письме

упоминалось о Сербии и ее стремлении к независимости — это подавало «пагубный» пример многочисленным южнославянским подданным монархии. В интересах своей империи, писал русский дипломат К. М. Базили, Вена должна жертвовать будущим христианского населения Балкан. Освободительное движение народов полуострова ставило перед ней вопрос: «быть или не быть державой первого порядка?»¹⁹.

На Баллахуэпляц вынашивали планы установления своего господства в Дунайских княжествах, не прибегая к прямому их захвату (чего не допустили бы другие державы), и во многом уже преуспели, воспользовавшись тем, что еще с 1854 г. Молдова и Валахия были оккупированы австрийскими войсками. Шоссе связали Яссы и Бухарест с Веной. Правительство Габсбургов вступило в переговоры с банкирским домом Ротшильда о постройке железной дороги из Клузы в Брэилу. Австрийская пароходная компания установила контроль над судоходством по Дунаю²⁰.

В 1856 г. венские газеты напечатали серию статей профессора Лоренца фон Штейна, содержавших продуманный и взвешенный план превращения Дунайских княжеств в сельскохозяйственный придаток империи. Профессор предлагал распространить австрийское судоходство на все реки Молдовы и Валахии; взять в свои руки почту, телеграф и пути сообщения; вложить значительные капиталы в лесоразработки и обрабатывающую промышленность и т. д.²¹ Румынский современник печалился по поводу того, что «война, обошедшаяся в 3 млрд. фр. и 150 тысяч жизней храбрецов, велась на пользу и ради прекрасных глаз проститутки Австрии»²².

Для осуществления этих далеко идущих планов закабаления Австрии нужны были разъединенные, слабые и неполноправные княжества. «Самостоятельное и сильное государство... — писал русский журналист, — легко обрубил бы когти, запущенные Австрией на Дунайскую почву»²³.

По всем этим многообразным и разноплановым причинам габсбургская дипломатия выступила самым упорным и изощренным противником унии.

Не сразу определилась позиция Великобритании. Ознакомление с внутренней перепиской показывает наличие известных расхождений во взглядах, впрочем не носивших принципиального характера и длившихся недолго. Все британские лидеры смотрели на румынский вопрос сквозь призму англо-русских отношений. Заверения руководителей унионистов, в первую очередь Д. Брэттиана, который в 1848—1856 гг. несколько раз приезжал с пропагандистскими целями в Великобританию²⁴, насчет того, что вновь создаваемое государство явится барьером между Россией и южными славянами, не прошли в Лондоне незамеченными. Некоторые видные либералы во главе с Вильямом Гладстоном выражали поэтому сочувствие идее объединения княжеств; в стране состоялось несколько митингов; 6 октября 1856 г. собрание в Брайтоне приняло резолюцию о поддержке унии, которая приведет к созданию «свободной и сильной румынской нации, лучшего барьера против Австрии и Рос-

сии»²⁵. Колебания испытывал глава внешнеполитического ведомства лорд Кларендон. Так, 5 октября 1855 г. в письме в Париж к лорду Каули, британскому послу, он высказывался в пользу создания единого румынского королевства во главе с иностранным принцем и под сюзеренитетом Порты²⁶. Премьер-министр Пальмерстон придерживался иной точки зрения: «Сохранение двух сепаратных княжеств мне представляется лучшей комбинацией, нежели их объединение. Порта, исходя из принципа „разделяй и властвуй“, предпочитает сепарацию...»²⁷. Бесцветный Кларендон поспешил согласиться со своим шефом. Все же на заседании конгресса он не присоединился к Буолю и Али-паше и, «не высказываясь в пользу меры, которая, представляя определенные выгоды, чревата серьезными трудностями» (т. е. объединения княжеств), поддержал предложение выяснить пожелания самих молдаван и валахов. Британский историк Г. Темперлей в свете будущей позиции Англии характеризует поступок Кларендона на конгрессе самым нелестным образом: «Злосчастное высказывание повлекло за собой длинную цепь бедственных последствий» (как он именует сложные перипетии, связанные с борьбой за создание единой Румынии).

В августе 1856 г. Кларендон окончательно «прозрел»: «Я все больше и больше убеждаюсь, что уния будет иметь фатальные последствия для Турции, что мы совершили большую ошибку, согласившись на обсуждение вопроса в диванах... Народ теперь проникся идеей, что объединение связано с приглашением иностранного принца, а иностранный принц означает независимость от Турции»²⁸. Так после кратковременного виража британская дипломатия вышла на антиунионистскую прямую, с которой уже не сходилась. В сентябре консулу в Бухаресте Колкохуну было предписано «сопротивляться объединению всеми законными способами»²⁹. Влиятельная газета «Таймс» заявляла: «Верховная власть Порты должна быть для честных политиков всех стран (! — Авт.) целью»³⁰.

Сложный вопрос встал перед уполномоченным России на конгрессе А. Ф. Орловым, когда собравшиеся приступили к обсуждению связанных с Молдовой и Валахией дел. Выработка новых принципов политики на Востоке в условиях подрыва прежнего влияния и отказа от старых командных замашек давалась царизму нелегко. Еще труднее было воплощать их в жизнь. Само по себе объединение двух княжеств во главе с либерально и прозападно настроенными общественными кругами не вызывало в Петербурге сочувствия. Здесь знали, что французы, выдвинув в Вене в 1855 г. предложение об унии, предназначали новому государству роль естественного барьера против продвижения России на Балканы. То же место отводили румынам британские сторонники унии: «Кажется, само провидение поместило этот чуждый народ посреди славянской расы, чтобы Россия не смогла, объединив ее под одной властью, добиться могущества, фатального для цивилизации и свободы», — говорил в палате общин знаменитый археолог, открыватель Ниневии Г. Лэйрд³¹, в будущем британский посол в Стамбуле. Нельзя

не обратить внимания на то, что пресловутый «барьер» воздвигался отнюдь не только против царизма: разъединяя Россию и южных славян, боровшихся за национальное освобождение, он должен был лишить их помощи единственной державы, которая реально оказывала им поддержку. Видные унионисты без обиняков подражали в своего рода диверсантов против славянских соседей: румыны — «единственный элемент на Востоке, на который (западным державам.— Авт.) можно эффективно опереться в нынешней войне и который может явиться противовесом тому влиянию, которым, этого нельзя отрицать, пользуется Россия среди славянского и греческого населения Турции»³², — писал в 1854 г. Ион Брэтиану. Еще откровеннее изъяснялся архимандрит Неофит Скрибан, тоже видный поборник объединения княжеств: XIX век — век национальностей, рассуждал он, и не надо обольщать себя надеждой, что «молодые и воинственные славяне» не пойдут общим путем: «В этот страшный день кто сможет встать между славянами юга и севера, если на Дунае не будет существовать сильного, чуждого славянскому элементу государства?»³³. Так, еще не оперившись и не завоевав собственной независимости, румынская буржуазия готовилась уже выступить против освободительного движения соседей. Так в прогрессивном по сути своей и основе движении начали проявляться гегемонистские и шовинистические черты.

Явно профранцузская ориентация унионистов, их нескрываемый расчет на превращение Румынии в «заслон» между Россией и южными славянами внушали Петербургу глубокую тревогу.

Существовала, однако, целая серия факторов иного порядка. В огне Крымской войны сгорели надежды царизма на политическую гегемонию в Юго-Восточной Европе. Рухнула система покровительства христианским подданным султана; тактика нажима, тем более военного вмешательства изжила себя, и возобновление ее было просто невыносимо. В таких условиях у Петербурга оставался лишь один способ укрепления своих позиций — в той или иной степени способствовать осуществлению национальных чаяний балканских народов.

Самым опасным представлялось тогда непомерное усиление в Молдове и Валахии коварного друга Романовых, Австрии, которая, пользуясь слабостью и разъединением княжеств, хотела прибрать их к рукам экономически и подчинить политически. Поддерживать принцип сепарации значило способствовать этим планам, содействовать реставрации сюзеренных прав Порты, подорванных и почти разрушенных в итоге русско-турецких войн, и вознаграждать Габсбургов за «измену». Это было равносильно отказу от основного курса российской политики на Балканах, проводившегося еще со времен Петра I. Не забывали в Петербурге и о ближайшей цели — добиться распада антирусской коалиции и пересмотра Парижского трактата путем сближения с Францией. Расхождения по вопросу о судьбе Дунайских княжеств выявили слабое звено в союзнической цепи. «Здесь, — писал Горчаков, —

можно найти средство, чтобы разорвать остатки военного союза и приступить к совместным действиям с Францией»³⁴.

Взвесив все «за» и «против», А. Ф. Орлов выступил в поддержку ку французского предложения.

Принципиальное высказывание русского делегата в пользу унии имело, учитывая сложившуюся раскладку сил, большое и даже ключевое значение: Австрия и Турция — безоговорочно против; Великобритания — колебания с уклоном в поддержку сепарации; Франция — за унию. Представитель Сардинии граф К. Б. Кавур, заслуживший приглашение в Париж и включение в «европейский концерт» тем, что уложил под Севастополем тысячи солдат в совершенно чуждой итальянцам войне, держался смирно, и его голос особого веса не имел. Пруссию, не вступившую открыто в коалицию, морские державы тогда не жаловали; ее представитель появился на конгрессе под занавес и в дискуссии не участвовал. Сама интернационализация проблемы Дунайских княжеств, включение ее в официальные международные акты стала возможной благодаря франко-русскому совпадению взглядов и сотрудничеству в этом вопросе. Правда, противным сторонам пришлось пойти на компромисс: в актах конгресса говорилось только о создании особой комиссии из представителей семи держав для ознакомления с мнением населения по вопросу о будущем государственном устройстве княжеств, для чего в Яссах и Бухаресте надлежало созвать чрезвычайные собрания (диваны ад хок)³⁵. Поскольку настроения в княжествах в пользу унии преобладали, половинчатое формальное решение по сути своей благоприятствовало их объединению.

Вновь назначенному российским посланником в Константинополе А. П. Бутеневу и консулам было предписано строго придерживаться указанного решения конгресса³⁶: «нужды страны подлежат изучению»³⁷. К чести назначенного делегатом в комиссию К. М. Базили, «русского грека», однокашника Н. В. Гоголя по Нежинскому лицу, и консулов Е. Р. Щулепникова (Бухарест) и С. И. Попова (Яссы), они оказались людьми, способными объективно оценить настроения жителей и занять благоприятную унии позицию.

Сравнительно быстро была выработана и тактика поведения. В условиях «сосредоточения», по выражению А. М. Горчакова, невозможности проводить наступательную политику на Балканах, глубокой внешнеполитической обороны главной задачей было не допустить здесь усиления влияния соперников — Османской и Австрийской империй и стоявшей за их спинами Великобритании. С этой целью русская дипломатия использовала записанные в Парижском трактате положения об автономии княжеств, которые в обстановке непрекращавшегося освободительного движения балканских народов прогиворечили политике статус-кво на полуострове и соответствовали российскому курсу на постепенный подрыв османского владычества. Русские представители поэтому принялись настойчиво твердить о необходимости лояльного выполнения парижских постановлений.

С первых же заседаний международной комиссии австрийский и турецкий делегаты попытались превратить ее работу в чистую формальность: «Покамест есть причина предчувствовать, что австрийцы с турками желают продлить все операции комиссии в Стамбуле и все там решить да покончить, а в княжествах соблюсти лишь кое-какие формальности приличия ради»³⁸. В пылу полемики австрийский представитель Гюбнер назвал «пустым местом» положения Парижского трактата о княжествах, а унию характеризовал как «анархический и революционный акт»³⁹.

Вена предприняла попытку воздействовать на русскую сторону на самом высоком уровне: канцлер Буоль заявил поверенному в делах В. П. Балабину, что Россия, придерживающаяся консервативных принципов во внутренней политике, не должна изменять им и во внешней: «Граф Буоль с такой настойчивостью вновь заговорил о своем желании, чтобы наша политика снова, как это было раньше, шла дорогой принципов, что это показало мне, какой ужас внушает ему перспектива объединения княжеств». На «заботу» Буоля о консервативной чистоте российского внешнеполитического курса царь ответил насмешливым «мерси»⁴⁰.

В Константинополе австрийский уполномоченный предложил запретить созываемым в Бухаресте и Яссах диванам поднимать вопрос об объединении, а великий визирь Али-паша высказал мнение, что сама эта идея «привнесена извне». Лишь опираясь на поддержку представителей России и Пруссии, французам удалось отстоять право диванов обсуждать вопрос об унии⁴¹ (А. М. Горчаков высказался против какого-либо ограничения круга проблем, подлежащих обсуждению в диванах, и против составления для них программы работ, что намеревалась сделать Порта⁴²).

Вопреки обещанию, данному в Париже, австрийская монархия и Турция не торопились с выводом своих войск с территории Молдовы и Валахии. Из Бухареста и Ясс приходили тревожные сообщения: австрийские квартирмейстеры заключили контракт на наем помещений на зиму, закупили продовольствие и фураж. Были даже абонированы ложи на зимний сезон 1856—1857 гг. в Ясском театре 4(16) октября 1856 г. Горчаков отправил телеграмму Бутеневу, предварительно утвержденную Александром II. В ней говорилось, что свободное волеизъявление жителей Молдовы и Валахии возможно лишь после ухода иностранных войск⁴³. Французы оказались плохими союзниками в этом вопросе: «Что касается оккупации Молдавии и Валахии австрийскими войсками, — выражал свое мнение генеральный секретарь МИД Франции Бенедекти, — то надо сказать, что мы устали брать на себя инициативу во всех делах»⁴⁴. Вся тяжесть борьбы легла на плечи русской стороны. «Договор от 30 марта явился для нас горькой пилюлей, — заявил К. М. Базили своему французскому коллеге. — Однако мы ее проглотили. Так разве можем мы допустить, чтобы Австрия сама освободила себя от обязательств?»⁴⁵ Русскому комиссару было предписано не переступать валахской границы, пока последний австрийский солдат не покинет княжеств⁴⁶.

В феврале 1857 г. Буоль признал свое поражение: началась эвакуация австрийского оккупационного корпуса. Решающую роль в этом сыграл, по словам британского историка Р. В. Ситон-Уотсона, «категорический отказ России принимать какое-либо участие в европейской комиссии до тех пор, пока иностранные войска не покинут княжества»⁴⁷. Примеру Вены последовал Стамбул: турецкие части переправились (не без задержки) на правый берег Дуная. Покинула Черное море британская эскадра адмирала Э. Лайонса «Разрешите сказать Вам,— писал А. М. Горчакову один русский дипломат,— что никто в Европе не верил, что нам удастся вышибить австрийцев из княжеств и заставить английскую эскадру исчезнуть из Черного моря»⁴⁸.

К. М. Базили, прибыв в Валахию, сразу же почувствовал, как высоко там оценили усилия русской дипломатии по очищению княжеств от оккупантов: «Это сослужило России прекрасную службу в глазах общественности»⁴⁹. В портовом городе Джурджу его встретила депутация, в Бухаресте ему преподнесли хлеб-соль.

Однако, как показали дальнейшие события, торжествовать было рано. У Порты и ее защитников оставались и другие рычаги для воздействия на ход событий в нужном им направлении. Порта назначила наместниками преданных ей людей. Поставленный ею во главе молдавского правительства К. Вогоридес без обиняков заявил французскому консулу: Вена и Стамбул ни за что не согласятся с объединением княжеств и «мой долг — воспрепятствовать этому, каковы бы ни были средства, к которым придется прибегнуть... Порту интересует не выяснение пожеланий, не реорганизация, а только вопрос об объединении»⁵⁰.

Не одним лишь раболепием Вогоридеса и развязанными им против унioniстов гонениями следует объяснить особую остроту создавшегося в Молдавском княжестве положения. Здесь у сторонников раздельного существования княжеств позиции были прочнее. Многие из них опасались, что уния обернется присоединением Молдовы к более сильной соседке. Часть молдавского крупного боярства, опасавшегося, что в объединенном государстве она будет оттеснена валахами на второй план, купцов и яских горожан, полагавших, что с перенесением столицы в Бухарест их город захиреет, молдавской интеллигенции, не одобрявшей латинизаторских увлечений некоторых унioniстов, отстаивали самостоятельность Молдавского княжества.

Насилия и произвол, чинимые Вогоридесом, накаляли внутреннюю обстановку. Он провел чистку административного и судебного аппарата от лиц, симпатизировавших объединению или просто подозреваемых в этом. Затем наступила очередь избирательных списков. Над ними так основательно «потрудились», что, по подсчетам унioniстов, осталась едва десятая часть первоначально включенных людей. Все это происходило при личном участии австрийского консула, который произвел последнюю «проверку» списков в типографии⁵¹. В европейскую прессу (а оттуда в статьи К. Маркса) проникли сведения о творившихся в Молдове безобразиях. Брат К. Во-

горидеса, служивший в турецком посольстве в Лондоне, писал оттуда: Англия «никогда не допустит объединения, хотя бы все диваны высказались в его пользу». Но все же Великобритании, Турции и Австрии будет удобнее, если «сумасбродам» (как он именовал унионистов) не удастся в собрании одержать верх.

Комитет унионистов Ясс протестовал перед властями и консулами, но безрезультатно. Тогда он перешел к тактике бойкота выборов. Не улучшило положения и вмешательство комиссаров Франции, России, Пруссии и Сардинии, отстаивавших право жителей княжеств на свободное волеизъявление, а затем и послов этих держав в Стамбуле. Британский посол Ч. Стрэтфорд-Редклифф и австрийский интернунций А. Прокеш возражали против каких-либо уступок унионистам. Новый великий визирь, известный реформатор М. Решид-паша, втихомолку даже жаловался французам на «ярость и неистовство» двух дипломатов⁵². Стрэтфорд в свою очередь конфиденциально выражал недовольство «уступчивостью» турецкого министра: «Галльские угрозы до смерти перепугали моего маленького бедного друга Решида»⁵³.

В состоянии всеобщего возбуждения в княжестве и тревоги в дипломатическом корпусе инсценировка выборов в Молдове все же была проведена. Французский комиссар опасался восстания в стране. А этого или даже широкого народного движения протеста правительства Франции и России хотели избежать не в меньшей степени, нежели торжества Австрии, Турции и Великобритании.

В один день, 29 июля (10 августа) Э. Тувенель и А. П. Бутенев потребовали у Порты отмены выборов, угрожая разрывом дипломатических отношений. К ним присоединились представители Пруссии и Сардинии. Турки с подсказки Стрэтфорда дали отрицательный ответ. 5(17) августа дипломаты четырех держав затребовали свои паспорта. Решид-паша в панике подал в отставку.

Петербург не без удовольствия наблюдал за серьезной ссорой в стане своих недавних врагов. Горчаков без шифра направил Бутеневу телеграмму с указанием действовать решительно. «Мы хотим,— писал он в другом случае,— идти вместе с Францией; но не в обычае нашей политики заходить вперед для того, чтобы отступить»⁵⁴. При первом же намеке французского посла в Петербурге на возможность разрыва с Портой руководитель российского внешнеполитического ведомства выразил восхищение столь решительной акцией, обещал поддержать ее и привлечь к этому шагу Пруссию⁵⁵.

Из Парижа, однако, приходили вести, не позволявшие надеяться на твердость Бонапарта. Опытный государственный деятель граф П. Д. Киселев, назначенный туда послом, в депеше от 24 июня (6 июля) писал о ненадежном финансовом положении страны, тревожном состоянии бюджета, о недовольстве пролетариев и деятельности тайных организаций. Поэтому Наполеон больше всего на свете ценил союз с Англией, без которого мог бы подвергнуться всяким случайностям⁵⁶.

К. Маркс писал о Бонапарте: «Никто во всей Европе лучше его не знает, что его непрочная власть зависит от союза с Англией»⁵⁷.

В Париже перецугались собственной решительности. Тот самый Тувенель, который картинно, под звуки «Марсельезы» и гром пушек с фрегата «Аяччо», спустил флаг над зданием посольства в Константинополе, панически боялся ссоры с Лондоном. Опасался он и возрождения влияния России на Балканах. Все дело вокруг Дунайских княжеств следовало начинать, по его мнению, не с поддержки унионистов, а с достижения договоренности с Великобританией. В частном письме он выражал свое мнение так: «Единственно благоразумная форма объединения — это та, при которой Порте будет принадлежать выбор принца и право построить добрую турецкую крепость в Измаиле; не знаю, что мы выгадываем, подерживая иллюзии румын»⁵⁸.

Во Франции уже забыли отбой. Тувенелю предписано было не покидать Стамбула. Наполеон III попросил о свидании формально с королевой Викторией и ее супругом, принцем Альбертом, фактически с ее министрами Джоном Пальмерстоном и Джорджем Кларендоном. Встреча состоялась в маленьком городке Осборне на британском острове Уайт.

Стремление Бонапарта к договоренности вполне отвечало царившим в Лондоне настроениям: восстала Индия; ядро повстанческой армии составляли хорошо вооруженные и обученные сипайские полки; угроза нависла над самим существованием Британской империи. Ссора вокруг Дунайских княжеств отошла на второй план.

7—8 августа в Осборне была достигнута договоренность. Суть ее заключалась в том, что французы согласились с британским предложением о создании в княжествах одинаковых учреждений, но сохранении в них отдельных господарей и правительств. Это был значительный отход от принципа создания единой Румынии. Взамен англичане согласились «посоветовать» Порте аннулировать итоги выборов в Молдове и провесты их вновь⁵⁹. В частной переписке Кларендон предавался торжеству в связи с итогами встречи: «Черная туча висела над союзом, когда император прибыл сюда; солнечный свет сиял при его проводах. Он добивался мимолетного и формального триумфа и добился его; мы же, которые смотрим в корень, получили то, что хотели, а именно отказ императора от его проекта объединения княжеств под одним скипетром»⁶⁰. Чарльз Стрэтфорд получил что-то вроде выговора за упрямое стремление во всем противопоставить себя французам: «Складывается впечатление, что Вы создаете нам столько затруднений, сколько позволяют обстоятельства, ибо Порта делает совершенно то, что Вы ей советуете... Нынешнее положение вещей в Константинополе точно такое, какого Россия желает. Если бы она сама взялась устраивать дела, ситуация не могла бы больше отвечать ее задаче — посорить нас с Францией... Нам надо следить за событиями в других частях земного шара, и наш долг — не умножать числа наших врагов в момент, когда вся энергия страны должна быть напряжена в крайней степени и когда ужасающе сомнительно, принесут ли пользу все наши усилия в чудовищной борьбе, в которую мы вступили в Индии»⁶¹.

Порта мгновенно «вняла советам» из Лондона, выборы в Молдове были аннулированы, а на новых полный успех одержали унионисты. События показали, что в Уайт-холле слишком поспешно похоронили идею объединения, по привычке сбросив со счетов такой важный фактор, как широкое распространение унионистского движения, популярность идеи в массах населения, чем в полной мере воспользовались руководители движения. Правда, чрезвычайные собрания даже с большой натяжкой нельзя было назвать органами народного волеизъявления; прочное большинство в них принадлежало помещикам, высшему духовенству и богатому купечеству; крестьяне, составлявшие громадную массу населения, путем сложной трехступенчатой процедуры послали в диваны по одному представителю от уезда; их присутствие и должно было свидетельствовать об общенародном характере собраний.

Диваны почти единодушно высказались в пользу образования единого румынского государства. Принятые ими пожелания сводились к следующему: уважение прав княжеств, в первую очередь их самоуправления; объединение их в одно государство под именем Румынии и провозглашение ее нейтралитета; приглашение на престол иностранного принца, наследники которого должны были воспитываться в православии; создание в качестве законодательного органа народного собрания, представляющего «все интересы страны»⁶².

Пожелания отразили реформистский характер движения. Румынская буржуазия и примыкавшие к ней помещики расстались с былыми республиканскими увлечениями и жаждали спокойного господства под сенью наследственной монархии. Социальные вопросы в программе не затрагивались — чтобы решить их в более благоприятной обстановке. Попытка крестьянских представителей в молдавском диване поставить на обсуждение животрепещущую аграрную проблему была подавлена дружными усилиями всех прочих коллег. Виднейший руководитель унионистов М. Когэлничану говорил: «Мы должны показать Европе, что не желаем превратиться в Китай* и не мечтаем о социальной республике, а хотим создать европейское общество, обеспечивающее все условия для социального прогресса — свободу совести, равенство перед законом, уважение личности, жилища и собственности... Настоящее собрание, — подчеркивал он, — проникнуто стремлением успокоить, а не волновать умы»⁶³.

Собравшиеся вновь в 1858 г. в Париже представители держав должны были считаться с высказанными диванами пожеланиями, встретившими широкий отклик в Молдове и Валахии. В трудном положении оказались французы: они нигде гласно не признали сделанных в Осборне уступок, а теперь должны были оплачивать выданные англичанам политические векселя. Поэтому министру иностранных дел А. Валуевскому пришлось разыграть незамысловатую

* В Китае тогда бушевало восстание тайпнгов.

сцену с заранее известным в дипломатическом мире концом: открывая конференцию, он высказался за удовлетворение пожеланий; натолкнувшись на сопротивление, он уже на третьем заседании внес заранее подготовленный «рабочий проект», означавший, по сути дела, сохранение сепарации⁶⁴.

Россию в Париже представлял ее новый посол — бывший министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев. В дипломатическом мире он по праву считался большим знатоком балканских дел, ибо в 1829—1834 гг. возглавлял российскую администрацию в Дунайских княжествах и не растерял с ними связей. Горчаков и Киселев не только из официальных источников знали о французской капитуляции в Осборне и были заранее убеждены, что в пользу унии конференция не выскажется. Наибольшую тревогу у них вызывали непрекращавшиеся посягательства Турции и Австрии на государственные прерогативы Молдовы и Валахии. В этом смысле французский «рабочий проект» производил самое дурное впечатление. Он обходит молчанием, писал Киселев в Петербург, «акты, определяющие отношения княжеств с державой-союзником, не консолидирует в достаточной степени автономию этих провинций, за которые мы много раз проливали кровь своих солдат и которую необходимо в наших интересах сохранить; это тем более важно, что в тайные замыслы Турции и Австрии, пользующихся поддержкой Англии, входит превращение княжеств в пашалык...»⁶⁵. Горчаков вполне разделял точку зрения посла: надо добиться четкой фиксации привилегий, «вновь завоеванных и гарантированных Россией со времен Кючук-Кайнарджийского мира и подтвержденных Парижскими договорами»; «Мы не должны допускать ни малейшей двусмысленности в этом отношении»⁶⁶.

Киселев представил конференции два документа — «Мнение русского представителя относительно взаимных прав Порты и княжеств» и «Меморандум представителя России о привилегиях и иммунитетах Дунайских княжеств»⁶⁷. Благодаря его настойчивости преамбула во французском проекте подготавливаемой конвенции была выделена в особый раздел, формулировки уточнены, говорилось об автономии княжеств, которая была подтверждена несколькими султанскими хатт-и шерифами, упоминался султанский указ 1834 г., изданный после русско-турецкой войны 1828—1829 гг., в котором права княжеств определялись наиболее широко, давалась ссылка на статьи 22 и 23 Парижского трактата 1856 г. Отбил Киселев попытку британского посла лорда Каули предоставить Порте право вводить на территорию Молдовы и Валахии свои войска без предварительной санкции держав. Неудача постигла его в стремлении расширить права княжеств в области внешней торговли — он предложил, чтобы новые торговые договоры Порты распространялись на Молдову и Валахию только с согласия их правительств. Представители стран, ведших оживленную и по существу свободную торговлю с Османской империей, в том числе Вавельский, провалили этот проект. Не согласились они и на отмену консульской юрисдикции.

Четкое определение автономии княжеств, достигнутое усилиями Киселева, явилось едва ли не единственной положительной чертой Парижской конвенции 7(19) августа 1858 г. В целом ее постановления мало что давали: в Молдове и Валахии сохранялись свои правительства, законодательные собрания, госпoдари и вооруженные силы. Совместными стали лишь кассационный суд и центральная комиссия с местопребыванием на границе двух государств, в Фокшанах, которая должна была заниматься кодификацией существующих и выработкой новых, одинаковых для Молдовы и Валахии законов. Им было присвоено наименование «Соединенных княжеств» (что не соответствовало истинному положению вещей). Конвенция провозгласила отмену всяких общественных привилегий; на практике это свелось к отмене боярских рангов, к уравниванию буржуазии в правах с бывшими боярами и допущению ее к власти. Взамен прежней кастовой системы управления вводилась система выборов с высоким имущественным цензом: на пять миллионов жителей княжеств приходилось всего четыре тысячи избирателей. На смену привилегии сословия пришла привилегия богатства⁶⁸. Таковы были основные черты конвенции от 7(19) августа 1858 г., которая до 1862 г. являлась конституцией Молдовы и Валахии и до 1864 г. — Румынии.

Русская сторона отнеслась к детищу конференции весьма критически: ее объединительные положения, имевшие мало общего с ясно выраженным диваном пожеланием создания единого государства, давали лишь «тень удовлетворения» румынам, писал П. Д. Киселев⁶⁹.

Дальнейшее развитие событий показало, однако, что все отрицательные стороны конвенции перевешивались четким определением автономии: «Княжества осуществляют самоуправление свободно без всякого вмешательства Блистательной Порты в рамках, установленных по соглашению держав-гарантов с сюзеренным двором»⁷⁰. Недаром и бухарестский и ясский диваны выставили признание прав княжеств первым в числе своих пожеланий. Принцип автономии позволил униюнистам успешно противиться попыткам Стамбула вмешиваться во внутренние дела княжеств; раздоры же среди держав-гарантов, их неспособность прийти к единому мнению, сопротивление русской стороны всякому посягательству на привилегии Молдовы и Валахии сделали возможным проведение румынами политики свершившихся фактов. Фиксация автономии в международном акте 1858 г. явилась поэтому и этапом на пути к объединению княжеств, и отправной точкой для движения вперед.

Кампания по выборам госпoдарей сопровождалась и в Яссах и в Бухаресте ожесточенной борьбой. В молдавском собрании униюнистов насчитывалось 31 человек, сепаратистов — 25. Однако голоса последних были расколоты между двумя непримиримыми врагами — Михаилом и Григоре Стурдзой (кстати, отцом и сыном). Униюнистам же удалось объединиться вокруг полковника Александру Иона Кузы и отвести кандидатуру его основного соперника — Г. Стурдзы как не удовлетворявшую требованию десятилетней го-

сударственной службы, обязательно для господаря. Куза был избран на молдавский престол 5(17) января 1859 г.

В Валахии сложилась более трудная для унионистов обстановка. Предварительные подсчеты голосов в собрании по выборам князя давали прочное большинство их противникам. В этих условиях родилась идея выдвижения кандидатом уже избранного в Яссах А. И. Кузы. Сторонники объединения прибегли и к «внепарламентским действиям» в качестве средства давления на противников. Множество жителей Бухареста и крестьян окрестных сел собрались на холме Митрополии, где заседало собрание. Сепаратисты опасались и обвинения в антипатриотизме, и насильственных действий толпы. Никто не дерзнул выступить прогив Кузы, и он прошел в господари единогласно ⁷¹.

Иностранные дипломаты не имели к двойному избранию Кузы ни малейшего отношения. Его кандидатура даже в Молдове всплыла накануне выборов. Налицо было нарушение если не буквы, то духа Парижской конвенции. «Валашская ассамблея,—сообщал в Петербург новый консул в Бухаресте Н. К. Гирс,—решительно идет по пути, означающему отклонение одного из важнейших пунктов конвенции» ⁷². Однако он и его коллега в Яссах С. И. Попов советовали закрыть глаза на обход принятых в Париже решений и признать совершившийся факт. Н. К. Гирс писал о «глубоких корнях» идеи объединения: «Надо развеять иллюзии тех, кто думает, что достаточно прибегнуть к запугиванию или высылке нескольких экзальтированных лиц, чтобы восстановить спокойствие в стране. Помимо того, после торжественных обещаний Европы было бы постыдным актом вызвать сейчас турецкую или австрийскую оккупацию...» ⁷³. Стремясь представить «своеволие» валахов в приемлемом для корреспондентов виде, Гирс и Попов трактовали двойное избрание Кузы как шаг, способствующий успокоению умов: «Выборы князя в Валахии произошли в обстановке больших народных волнений, общественный порядок мог быть нарушен с минуты на минуту. Куза явился якорем спасения для валашского общества» ⁷⁴. Оба дипломата связывали достигнутый унионистами успех с укреплением автономии княжеств и отмечали возросший авторитет России в глазах населения: «Нас с французами возвышают до небес, возлагая на нас в особенности все надежды. Возвращаясь вчера вечером из общего собрания после господарского выбора, я едва мог ехать сквозь толпу, которая с факелами меня долго преследовала с криками ура за Россию...» ⁷⁵. В росте авторитета своей страны Гирс видел возможность ее усиления на Балканах и подрыва влияния соперников: «Нам действительно следовало бы, если возможно, поддерживать выбор Кузы—уже только потому, что этим разрушаются все турко-австрийские козни. Если, как я полагаю, французы горячо выскажутся за это дело, то нам не следовало бы от них отставать, ибо в противном случае им одним будет честь и слава от румынов, над которыми нам по соседству и для непредвиденных обстоятельств надо иметь доброе влияние» ⁷⁶.

Доводы консулов благожелательно были восприняты Горчаковым

и самим царем, не желавшими превращаться в помощников габсбургской монархии по удушению балканских народов в то время, когда сама эта монархия была бессильна что-либо предпринять. Австрийскую политику на Балканах глава российского министерства иностранных дел расценивал как «вызов и провокацию»: «Австрия поняла, что между нею и нами в дальнейшем будет лежать непроходимая пропасть: славянский вопрос»⁷⁷. Петербург, правда не без колебаний,— как-никак румыны самовольничали, да и уверенности в твердости Франции не было — решил поддержать избрание Кузы.

По понятным причинам такую же позицию заняла наполеоновская дипломатия. Правда, расчеты унионистов и самого Кузы на то, что Париж поддержит быстрые шаги к полному объединению, не оправдались. Наполеон III находился на грани военного конфликта с Австрией и больше, чем когда-либо, нуждался в добрых отношениях с Великобританией. В тронной речи при открытии законодательного собрания союз с британской короной объявлялся основой внешнеполитического курса империи⁷⁸. Раздражать Лондон открытым нарушением оборонной сделки Наполеон не собирался.

«Покажите мне две строчки от вашего правительства,— просил Куза французского консула В. Пласа,— и по прибытии в Бухарест я провозглашу полное объединение»⁷⁹. Вместо этого Валевский преподал румынскому избраннику советы совсем иного рода: «Желательно, чтобы г-н Куза вел себя крайне осмотрительно, воздерживаясь от всяких поспешных мер»⁸⁰. Ничего так не должно опасаться, как нарушения августовской конвенции; это скомпрометирует унионистов в глазах держав⁸¹. Получив подобные наставления, Куза отказался от своего дерзкого замысла, но готовил силы армий двух княжеств к отпору турецкому вторжению, которого не исключал, создав под Плоештами военный лагерь.

И вновь в Париже собрались послы семи держав, чтобы решить, что делать со строптивыми румынами. Турецкий представитель выдвинул против них настоящий обвинительный акт: «Бедным румынам досталось порядком,— иронизировал журнал „Отечественные записки“,— и революционеры они, и зловерные люди, и исполнены всяких мерзостей. Их следует держать в страхе, а не то на Дунае будет очаг всяких революций»⁸².

Международная обстановка не способствовала, однако, планам расправы с унионистами: трое «покровителей» Дунайских княжеств интенсивно готовились к войне (Франция и Сардиния против Австрии). Лавируя, турецкая дипломатия согласилась признать личную унию двух княжеств под скипетром Кузы на время его правления, да и то при условии предоставления Порте права на единоличную интервенцию в случае нового нарушения достигнутых в Париже в 1858 г. договоренностей⁸³. С этой целью она предложила изменить статью 27 Парижского трактата 1856 г., который давал Турции право вводить свои войска в княжества по предварительному соглашению с державами. Поскольку румыны стремились к полному объединению Молдовы и Валахии, неизбежность дальнейших нарушений

ни для кого не составляла тайны; изыскать повод для вторжения было нетрудно. В российском МИД взволновались: вновь появилась угроза вовлечения княжеств в австро-турецкую орбиту. Угроза казалась тем значительней, что французы, поглощенные подготовкой войны, со старательностью, изумлявшей Киселева, стремились избежать на Востоке осложнений, которые могли бы вызвать вмешательство Великобритании⁸⁴. Это выразилось, в частности, в том, что французы и в Лондоне и в Стамбуле дали согласие на изменения статьи 27 Парижского договора, хотя и не столь далеко идущие, как предусматривали турецкие предложения⁸⁵.

Внимательно следили за разворачиванием событий на берегах Дуная в Лондоне. Министр иностранных дел пришедшего к власти консервативного кабинета лорд Малмсбери пришел к выводу, что навязать сепарацию румынам и преодолеть сопротивление поддерживавших унию держав не удастся, и считал нужным укреплять влияние султана иным путем. Он соглашался в порядке исключения признать избрание Кузы на два престола, а в качестве гарантии — предусмотреть возможность ввода в княжества иностранных войск по решению большинства (а не единодушному) держав-гарантов⁸⁶. Уже с явно провокационными целями британский посол в Петербурге говорил Горчакову, что речь может идти и о русских войсках (что поссорило бы Россию и с Францией, и с Австрией и с Турцией и возмутило бы все балканские народы). Все эти предложения были отвергнуты в Петербурге⁸⁷. Киселеву было предписано решительно возражать против всякого изменения статьи 27 Парижского трактата, подтвержденной конвенцией 1858 г. В качестве крайней мере давления на Кузу он мог соглашаться на коллективный демарш консулов. Тем самым вопрос о турецкой интервенции был снят с повестки дня, и унионисты, без опаски крутых мер со стороны раздражаемого противоречиями европейского ареопага, могли продолжать свои «нарушения», тем более что габсбургская держава, поглощенная военными приготовлениями, снизила свою активность на Балканах.

Новая конференция «покровителей» Румынии собралась в Париже в апреле 1859 г. Разразившаяся в том же месяце австро-франко-итальянская война прервала ее работу. Разгром Австрии сказался на соотношении сил в румынском вопросе. Порта вынуждена была смириться. В сентябре она приняла рекомендации конференции: султан утвердил избрание Кузы, но отдельными фирманами для Молдовы и Валахии и с обязательством впредь не отклоняться от буквы и духа конвенции 1858 г. Куза постарался свести к минимуму процедуру, связанную с его инвеститурой: в Бухаресте он принял турецкого посланца в зале, где присутствовали лишь консулы и несколько должностных лиц; он не поцеловал султанской грамоты, как то было в обычае; вся церемония длилась четверть часа. В Яссах на нее «забыли» пригласить даже консулов держав⁸⁸.

Не было никакой возможности удержать процесс объединения на полпути, на стадии личной и пожизненной унии. «Развитие и укрепление румынской нации явится целью наших усилий, душой

всех наших дел, ибо мы не только желаем, но и добиваемся осуществления освободительного принципа — унии», — говорил видный деятель той эпохи М. Когэлничану⁸⁹. Следующие три года являлись собой цепь сплошных «нарушений» и «огкклонений», которые осуществляли Куза и его министры при поддержке общественности формально двух, а фактически одной страны⁹⁰. Куза сетовал дипломатам, что не может управлять при наличии трех законодательных органов, двух столиц и двух правительств. Половину своего времени он тратил на дорогу. Князь бомбардировал Порту и «покровителей» меморандумами, настаивая на создании единого парламента и правительства. В сентябре 1860 г. он по совету дипломатов совершил поездку в Стамбул, допустив накануне очередное «нарушение» конвенции, объединив командование армий Молдовы и Валахии⁹¹. В турецкой столице Кузу приняли с почетом: султан наградил его орденом Меджидие и подарил усыпанную драгоценными камнями саблю. Эти знаки внимания свидетельствовали о серьезном укреплении международных позиций Соединенных княжеств. Но реальных результатов поездка не дала. Попытки зондажа в посольствах насчет возможности продвижения по пути унии тоже не увенчались успехом.

Разочарованный Куза, не прекращая демаршей перед державами, проводил акции, подготавливавшие полную унию. Молодая румынская дипломатия после длительных переговоров добилась признания и Портой и Веной паспортов с грифом Соединенных княжеств. Началась борьба за отмену консульской юрисдикции на румынской территории (в чем на уступки шла одна лишь Россия)⁹². В 1860 г. было заключено русско-румынское соглашение об установлении между двумя странами телеграфной связи, что являлось несомненным свидетельством признания суверенных прав молодого государства со стороны России⁹³. «Эта русско-румынская договоренность является важным дипломатическим документом, первым соглашением, заключенным между Соединенными княжествами и великой иностранной державой», — пишет румынский историк Д. Бериндей⁹⁴. Были вотированы значительные кредиты на армию. Без санкции «гарантов» несколько расширен круг избирателей. Два законодательных собрания решили начать совместные заседания в Бухаресте для обсуждения наболевшего аграрного вопроса. На протесты консулов Куза ответил, что «был избран с целью окончательного объединения княжеств». 11(23) июля 1861 г. в Бухаресте по инициативе радикалов прошел митинг, посвященный революции 1848 г. Ораторы требовали завершения унии и проведения демократических реформ. Консулы, встревоженные напоминанием о мятежном годе, дружно заявили протест, и Куза даже уволил в отставку радикальное министерство. Но и державы, видя неодолимость движения, шли на уступки. 15 декабря с их санкции Куза открыл сессию единого народного собрания Румынии, вслед за чем было образовано единое правительство. Князь при этом «забыл» упомянуть о соответствующем султанском фирмане⁹⁵. Длительная борьба за объединение княжеств завершилась победой румынского народа.

Укрепление румынской государственности

Но предстояло еще многое: надо было укрепить государственность, добиться расширения автономных прав, идти к обретению независимости. И это в сложных условиях соперничества держав, их ожесточенной конкурентной борьбы за господствующие позиции в стране. Знамением новой капиталистической эпохи явилось проникновение на Балканы иностранного капитала⁹⁶. В Соединенных княжествах верх в получении концессий на строительство железных дорог одержала Пруссия (Германия)⁹⁷. В области судоходства вперед вышли австрийские и английские судовладельцы⁹⁸. В банковских кредитных учреждениях первенство принадлежало английским и французским капиталистам⁹⁹. Лидирующее положение во внешней торговле Румынии заняла Австро-Венгрия, потеснившая Турцию, за ней следовали Англия, Франция и Германия.

Россия ввиду однотипности хозяйства и отсутствия свободных капиталов не имела значительных экономических интересов в Румынии.

Экономические факторы накладывались на политические и стратегические соображения, определявшие курс держав на Балканах в целом и в Румынии в частности. С объединением княжеств он не претерпел существенных изменений.

Румынские правящие круги, уже накопившие определенный опыт маневрирования, стремились и впредь использовать конкурентную борьбу держав для укрепления и расширения автономии страны и в конечном итоге — обретения независимости. Значительное влияние на активизацию внешней политики Соединенных княжеств оказало возросшее в конце 50-х годов XIX в. национально-освободительное движение в Сербии, восстание 1857—1858 гг. в Герцеговине, разразившаяся в 1862 г. война Черногории с Турцией¹⁰⁰.

Окрыленный достигнутыми успехами, Куза помышлял о сотрудничестве с революционными силами Центральной Европы. Он поощрял венгерскую эмиграцию, рассматривая ее как союзника против австрийской монархии. В марте 1859 г., мечтая об ударе с тыла по Габсбургской империи в условиях начавшейся франко-итало-австрийской войны, он разрешил одному из руководителей венгерских эмигрантов, генералу Д. Клапке, создание тайных складов оружия и снаряжения на территории княжеств. Неожиданное заключение в июле 1859 г. Наполеоном III без ведома своих сардинских союзников Виллафранкского перемирия перечеркнуло планы Кузы. Убедившись, что Наполеон III, опасаясь международных осложнений и оппозиции внутри страны, не намерен поддерживать венгерских эмигрантов, Куза к ним охладел. Хотя им и разрешили остаться в княжестве, их деятельность была взята под строгий контроль¹⁰¹. «Мы симпатизируем всем национальным устремлениям, но не настолько, чтобы жертвовать своими интересами ради венгров,»¹⁰² — заявил Куза австрийскому генеральному консулу Эдеру.

Между тем обстановка на Балканах пакала. В 1861—1862 гг.

вспыхнуло восстание в Герцеговине; Черногория пришла на помощь восставшим; началась черногорско-турецкая война 1862 г. Летом того же года произошел вооруженный сербо-турецкий конфликт в Белграде, с трудом улаженный с помощью России и Франции¹⁰³.

Между румынским и сербским правительствами велись переговоры о совместных действиях против Османской империи. В Бухарест прибыли сербские посланцы К. Магазинович и Патек. В Сербии под предлогом осмотра нового сербского пушечного завода выехал румынский майор Херкт. Князь Михаил Обренович обещал поставить Румынии восемь артиллерийских батарей, так как «обе страны имеют одинаковые интересы»¹⁰⁴.

В связи с бомбардировкой Белграда турецким гарнизоном летом 1862 г. к сербской границе были стянуты румынский пехотный полк, два кавалерийских дивизиона, артиллерийская бригада, вспомогательные части. Куза сообщил русскому генеральному консулу в княжествах Оффенбергу, что он готов к вооруженной борьбе против Порты¹⁰⁵.

Сербско-турецкий конфликт был улажен дипломатическим путем; в Белграде считали урегулирование временным и продолжали подготовку к борьбе. В России была закуплена большая партия оружия. Перевезти этот груз по Дунаю не представлялось возможным — турецкая флотилия контролировала реку. Обратились с просьбой к Кузе разрешить тайный провоз оружия по Румынии.

В ноябре 1862 г. длинная вереница повозок с оружием попыталась скрытно проехать через румынскую территорию. Австрийский и английский консулы быстро узнали об этом и заявили протест. Порта потребовала секвестровать груз. Куза под разными предлогами уклонился от этого и даже направил к Дунаю войска для отпора возможному нападению трехтысячного отряда турецких войск, приближавшегося к Видину.

Решительные действия румынского князя способствовали упрочению румыно-сербских отношений, укреплению позиций самого Кузы на международной арене и предотвращению попытки вмешательства во внутренние дела Румынии.

Таким образом, в первые годы своего правления Куза и его правительство вели активную внешнюю политику, направленную на расширение автономии, и были готовы участвовать в вооруженной борьбе с целью обретения независимости страны.

Резкое изменение в соотношении сил в Европе после Польского восстания 1863 г., образование двух противоборствующих коалиций — Англии, Франции и Австрии, с одной стороны, и России и Пруссии — с другой, принципиально изменили ориентацию внешней и внутренней политики Румынии. Лишившись в результате связей с польскими революционерами поддержки России, стремясь прекратить нарастание волны крестьянского движения (земля по-прежнему принадлежала помещикам и церкви), румынское правительство сконцентрировало усилия на решении внутренних проблем, в особенности на проведении буржуазных реформ, способствовавших завершению процесса формирования румынского национального государства.

Одной из таких реформ была секуляризация монастырских земель, занимавших свыше четверти пахотной площади страны и являвшихся оплотом феодального способа ведения хозяйства в земледелии. Осложнялось решение этого вопроса тем, что значительная часть земель принадлежала так называемым преклоненным монастырям, которые находились в ведении греческого духовенства и управлялись Константинопольской патриархией, не желавшей расставаться с монастырскими угодьями хотя бы и за компенсацию. Все попытки княжества разрешить вопрос полюбовно наткнулись на упорное сопротивление греческих патриархов. Тогда правительство М. Когэлничану провело 13 (25) декабря 1863 г. через национальное собрание закон о секуляризации монастырских земель. Греческому духовенству румынское правительство предложило 82 млн. лей. Из этой суммы вычитывался 31 млн. лей — долг монастырей румынскому государству.

Российская дипломатия оказалась в трудном положении, поскольку греческое духовенство являлось одним из проводников политики Петербурга на Балканах. 9 марта 1864 г. в Константинополе открылась конференция держав, на которой было принято решение образовать комиссию для определения суммы возмещения за земли преклоненных монастырей. Но поскольку греческое духовенство и слышать не желало о принципе вознаграждения, дело закончилось тем, что румынское правительство сохранило за собой земли монастырей без всякой компенсации¹⁰⁶. Секуляризация имущества монастырей позволила вернуть Румынии 27% ее земель¹⁰⁷, доходы от которых способствовали осуществлению процесса первоначального накопления в стране. Этот решительный акт усилил позиции Румынии на международной арене.

Нарастание крестьянского движения в стране в начале 60-х годов толкало румынское правительство на проведение аграрной реформы «сверху» для того, чтобы она не была проведена «снизу» народными массами. Поскольку крупные землевладельцы, имевшие большинство в собрании, не допускали разрешения крестьянского вопроса и проведения буржуазных реформ на очень умеренных условиях, предложенных Кузой и Когэлничану, князь решился 2 (14) мая 1864 г. на государственный переворот. Он распустил собрание и издал декрет о проведении плебисцита по новому избирательному закону, который снизил избирательный ценз и расширил избирательные права средней и мелкой буржуазии¹⁰⁸. Куза издал статут о государственном устройстве, который значительно усиливал prerogatives княжеской власти (исключительное право законодательной инициативы, право вето на все принятые собранием законы, назначение сенаторов). Исполнительная власть стала полностью принадлежать господарю и его министрам. Все служащие без исключения должны были присягать князю и конституции¹⁰⁹. Куза явно подражал Наполеону III в утверждении авторитарного монархического принципа.

Державы дружно протестовали против «самоуправства» Кузы. Прусский канцлер Бисмарк, русский, английский и австрийский

послы в Константинополе заявили, что Куза не имел права самовольно изменять статут страны, провозглашенный Парижской конференцией 1858 г. Французский министр иностранных дел Друэн де Люис на словах также осудил поступок Кузы.

Великий визирь Порты направил румынскому правительству формальный протест против нарушения конвенции 1858 г.¹¹⁰, министр иностранных дел Али-паша собирался поднять на собравшейся в мае 1864 г. Константинопольской конференции вопрос о незаконности государственного переворота 2 (14) мая.

Однако «единодушие» в «концерте» было показным. Куза осуществлял открыто профранцузский курс — ворота страны распахивались перед французским капиталом, армия преобразовывалась по французскому образцу, идеологическое и политическое влияние Парижа было преобладающим, интеллигенция княжества преклонялась перед французской культурой, письменность спешно переводилась со славянской кириллицы на латинский алфавит. Посол в Константинополе Мустье, конечно не без ведома своего правительства, оправдывал государственный переворот¹¹¹ и, угрожая покинуть конференцию, заставил турок отказаться от их намерения¹¹².

Проведенный Кузой плебисцит доказал, что он пользуется поддержкой в стране. Единственное, что могло заставить Кузу уступить, — это оккупация, чего русская дипломатия никак не могла допустить. «Единый фронт держав» — в очередной раз — рассыпался.

С целью урегулирования конфликта Куза по совету французских дипломатов поехал в Константинополь. Ему был оказан лестный прием и сановниками Порты, и послами держав в Константинополе. В ходе переговоров князю пришлось кое в чем уступить. Название «Румыния» было в тексте статута заменено прежним — «Соединенные княжества»¹¹³. Была несколько ограничена законодательная инициатива господаря и расширены контрольные функции собрания.

16 (28) июля 1864 г. державы в форме дополнительного акта к Парижской конвенции от 7 (19) августа 1858 г. утвердили с изменениями выработанный Кузой статут. Конвенция тем самым перестала быть конституцией страны, сохранив значения акта, определявшего ее международный статус¹¹⁴.

Воспользовавшись этим, румынское правительство провело и другие буржуазные преобразования: были введены уголовный, гражданский и торговый кодексы, защищавшие частную собственность и устанавливавшие институты, характерные для капиталистического строя, унифицировано законодательство, расширявшее кредит и упорядочивавшее финансовую деятельность государства. Были приняты законы о школьном образовании и новый военный закон.

Английские, австрийские и турецкие дипломаты открыто выражали недовольство этими изменениями, высказывались за свержение Кузы и сепарацию княжеств¹¹⁵. Вскоре нашелся и повод для вмешательства: в Бухаресте произошли волнения мелких торговцев и ремесленников, вызванные введением новых, повышенных нало-

тов на право торговли на рынке. Великий визирь направил Кузе письмо, в котором в оскорбительных тонах требовал от князя принять меры для предотвращения «подобных беспорядков»¹¹⁶.

Куза дал отпор Фуаду-паше, напомнив ему, что, согласно дополнительному акту к конвенции 1858 г., Порта не имела права вмешиваться во внутренние дела княжеств, и предупреждал, что подобные действия чреваты «осложнениями, последствия которых даже трудно предвидеть»¹¹⁷.

Австрийские и английские дипломаты были возмущены этим ответом. Британский посол в Константинополе Э. Лайонс заявил своему русскому коллеге Н. П. Игнатьеву, что архивы не сохранили более наглой депеши, и выразил сожаление, что державы допустили объединение княжеств. Министр иностранных дел Дж. Рассел выдвинул план передачи княжеств Австрии с условием, что последняя уступит Италии Венецию¹¹⁸, возродив, таким образом, старый наполеоновский план. Даже во Франции появились сомнения в отношении Кузы. В Париже учитывали непрочность его положения внутри страны: консерваторы считали его взгляды на аграрный вопрос экстремистскими; страна находилась в разгаре «битвы» вокруг земельной реформы; радикалы выражали недовольство бонапартистскими замашками князя; основой внешней политики Франции по-прежнему оставался союз с Великобританией (см. § 3 гл. 1). Подвергать его опасности ради Кузы здесь не собирались.

Мустье стремился ослабить у турецких министров отрицательное впечатление, произведенное ответом Кузы. Но влиятельные круги во главе с военным министром Рандоном подумывали о замене «скомпрометировавшего себя» во внутренней политике и навлекшего на себя недовольство держав господаря князем И. Бибеску, длительное время проживавшим во Франции¹¹⁹. Министр иностранных дел Друэн де Люис признавался русскому поверенному в делах, что Франция «мало заинтересована в сохранении на троне Соединенных княжеств столь слабого клиента, каким являлся Куза»¹²⁰. Наполеон III под разными предлогами оттягивал прием румынского посланца И. Александри, которому было поручено передать письмо Кузы с просьбой о помощи. Стало ясно, что французское правительство покинуло господаря¹²¹.

В сложившейся обстановке русские дипломаты пытались сблизиться с Кузой, господарь отвечал взаимностью, однако было уже поздно и дальше зондирования дело не зашло. Дни правления Кузы были сочны. Внутри страны он не сумел создать себе прочной социальной опоры. Пореформенные годы выдались засушливыми, деревня голодала. Радикальные группировки были недовольны жесткими методами единоличного правления князя, арестами, закрытием газет. Распухавший государственный аппарат поглощал массу денег, налогоплательщик роптал. Помещики не простили Кузе умеренной аграрной реформы 1864 г., представлявшейся им недопустимым посягательством на «их» земли. «Чудовищная коалиция» помещиков-консерваторов и отстраненных от власти либералов и радикалов набирала силу. 11 (23) февраля 1866 г. заговорщики

проникли во дворец и под угрозой оружия заставили князя отречься от престола.

В Турции государственный переворот 1866 г. вызвал тревогу. Порта обратилась к «концерту» с протестом, опасаясь, что намерение «чудовищной коалиции» призвать к власти иностранного принца облегчит путь Румынии к независимости и послужит заразительным примером для других народов Балканского полуострова¹²². Против избрания иностранного принца на румынский престол выступили австрийский посол в Константинополе А. Прокеш и его русский коллега Н. П. Игнатьев — царизм всегда осуждал свержение признанных монархов; в последние месяцы своего правления Куза, потеряв поддержку Наполеона III, подчеркивал свое стремление к дружбе с Россией, да и пугала перспектива роста влияния державы — родины нового избранника.

Итальянцы попытались воспользоваться сложившейся ситуацией для возрождения плана передачи княжеств Австрийской империи в обмен на Венецию, которая должна была перейти к Сардинскому королевству. Они обратились с соответствующим предложением к французскому императору. Наполеон III охотно одобрил эту идею, мгновенно забыв о роли «благодетеля» румынского народа и «основателя» румынского государства, которую впоследствии ему приписывали румынские и французские историки Н. Йорга, П. Анри, Ф. Даме и др.¹²³

Однако австрийское правительство не собиралось уступать богатую Венецию. К тому же в Вене считали, что «австрийская ладья и без того перегружена чужеземными национальностями, чтобы добавлять еще молдаван и валахов»¹²⁴. Бисмарк, готовивший войну с Австрией и вербовавший себе в союзники Сардинию, опасался, что, получив Венецию, в Турине остынут к сотрудничеству с Пруссией, и тоже выступил против франко-итальянской комбинации. Вместе с тем прусские дипломаты были не прочь использовать сложившуюся ситуацию для собственной экспансии: 28 февраля 1866 г. на коронном совете в Берлине обсуждался вопрос о передаче Валахии Австрии, Молдовы — России, Венеции — Италии, Генуи — Франции, Пруссия получала бы взамен Прибалтику¹²⁵.

В Петербурге и слышать не хотели о передаче княжеств Австрии. Горчаков поручил русским послам сообщить правительствам, при которых они аккредитованы, что Россия категорически против этой комбинации¹²⁶. На телеграмме, сообщающей об этом плане, царь написал: «Недопустимо вплоть до войны». Репитительная позиция России, сопротивление Пруссии, Австрии и Турции помешали осуществить франко-итальянский план «обмена» княжеств на Венецию и способствовали сохранению румынской государственности.

После этого наполеоновская дипломатия вернулась к старому варианту — превращению Румынии в оплот Франции у границы России. По предложению Друэна де Люиса 26 февраля (10 марта) 1866 г. в Париже открылась новая конференция. На ней выявились возрастные противоречия между державами по румынскому вопро-

су — французский, итальянский и с некоторыми оговорками английский представители допускали избрание иностранного князя. Остальные были против этого. Первые пять заседаний прошли в безрезультатных спорах ¹²⁷.

Почувствовав разногласия между державами, румынское временное правительство стало действовать решительно. Было распущено собрание и объявлено об избрании нового с правом принятия конституции страны, что являлось нарушением международных соглашений. 3 (15) апреля 1866 г. Яссах присланные из Валахии войска расстреляли демонстрацию сторонников самостоятельного государственного существования Молдавского княжества ¹²⁸.

Убедившись в отсутствии единства среди держав, временное правительство инсценировало плебисцит, в результате которого на престол был «избран» Карл Гогенцоллерн — ставленник правящей прусской династии и племянник Наполеона III. Его кандидатура была выдвинута в явном расчете на то, что родственные связи «избранника нации» повлияют на позицию Берлина и Парижа. Первая реакция конференции была негативной — на избрание иностранного князя был наложен запрет ¹²⁹. Однако державы больше сторожили друг друга, чем боролись со «своеволием» румын. Попытка Порты поднять вопрос об отправке комиссаров в Румынию — единственное, что могло вынудить Бухарест пойти на уступки, — была отвергнута не только Россией, но и Францией и Англией.

В этих условиях Карл Гогенцоллерн по совету Бисмарка решил испытать фортуны. Он тайком, под чужим именем, на дунайском пароходе прибыл в Румынию и 10 (22) мая 1866 г. был провозглашен князем ¹³⁰. Порта в ответ сконцентрировала на границе с Румынией войска численностью в 20 тыс. человек. Однако Франция и Россия вновь выступили против оккупации княжеств. Не получив поддержки ни в Англии, ни в Австрии, Порта не решилась ввести войска в Румынию.

В июне—октябре 1866 г. последовали длительные переговоры румынского премьера И. Гики с Портой о новом статусе Румынии. В фирмане об инвеституре Карла Румыния именовалась «привилегированной провинцией и составной частью Османской империи»; ее армия ограничивалась 30 тыс. человек; право на чеканку монеты обуславливалось наличием на ней символа Османской империи; действие договоров Порты с другими державами распространялось и на территорию «Молдо-Валахии», как по-прежнему называли Румынию в Константинополе; ее правительство могло заключать не международные трактаты, а лишь соглашения с соответствующими административными ведомствами соседних стран; запрещалось вводить национальные награды. Единственной уступкой, которую сделала Порта, было предоставление наследственных прав потомкам Карла! ¹³¹

Усиление национально-освободительных процессов на Балканах, Критское восстание, встретившее сочувственный отклик в стране (на Крит отправилось 150 добровольцев) ¹³², усилия Сербского княжества по сколачиванию Балканского союза (см. гл. 5, 7), спад

активности Габсбургов после поражения 1866 г.— все это способствовало развитию румынского движения за независимость. Его проводниками являлись радикалы, отражавшие интересы промышленной и мелкой буржуазии, стремившейся использовать противоречия между державами, чтобы порвать все узы зависимости от Порты и усилить собственные позиции на национальном рынке. Эти требования поддерживали городские низы и некоторые слои крестьянства.

Напротив, консерваторы, представлявшие крупную торговую и финансовую буржуазию, помещиков, заинтересованных в экспорте зерна в западные страны и Турцию, вполне удовлетворялись внутренней автономией страны.

Принадлежавший к боковой ветви прусской династии Гогенцоллернов новый румынский князь Карл опасался широкого национально-освободительного движения балканских народов и рассчитывал добиться освобождения страны от власти Турции дипломатическими маневрами с помощью западных держав. В конце 1866 г. Карл поведал Наполеону III о своем убеждении, что голько «интимное соглашение Англии, Франции и Пруссии по Восточному вопросу могло бы гарантировать национальную независимость Румынии»¹³³. В этом духе действовали консервативные правительства. Получив в середине января 1867 г. письмо греческого короля Георга, в котором тот призывал к совместным действиям против Османской империи, Карл Гогенцоллерн направил в Афины И. Бэлэчану с задачей отговорить греков от активной борьбы против Порты. Дважды в Бухарест, в феврале и апреле 1867 г., приезжал греческий представитель. Он с разочарованием сообщил в Афины, что в Румынии нет людей, с которыми можно было бы договориться о союзе¹³⁴, имея в виду Карла и его окружение.

В феврале 1867 г. сербский премьер И. Гарашанин убеждал румынского агента в Белграде И. Кантакузино в необходимости «установления тесных связей между христианскими народами Востока» и твердил о «долге Румынии не отделять свои интересы от интересов других христианских народов Балкан». Он предложил направить в Константинополь соответствующее совместное заявление¹³⁵. Однако Кантакузино в соответствии с полученными в Бухаресте инструкциями ответил, что «движение на Востоке преждевременно» и румыны «к нему не готовы». Он заявил, что его задача ограничивается подготовкой «более тесных связей между балканскими странами»¹³⁶.

Попытки Сербии сблизиться со своим соседом продолжались. 1 (13) апреля 1867 г. в Бухарест прибыл собственной персоной князь Михаил Обренович с предложением заключить союз. Карл ответил, что, пока не будет закончена реорганизация армии и страна не укрепитя, он намерен поддерживать хорошие отношения с Турцией. Михаил был глубоко разочарован.

Следовательно, Карл Гогенцоллерн в это время ограничивался выяснением положения в соседних странах и вовсе не склонялся к созданию конфедерации балканских государств, как это утверждал видный румынский буржуазный историк Н. Йорга, и это объясня-

лось не только внутренними факторами, но и давлением английских и австрийских дипломатов ¹³⁷.

1 (13) февраля 1867 г. королева Англии Виктория направила Карлу письмо, выражая пожелание, чтобы тот и в дальнейшем был верен «принципам умеренности и мудрости, которым следовал до сих пор». Через неделю французский посол в Константинополе Буре и его английский коллега Э. Лайонс в беседе с румынским посланцем И. Болэчану осудили планы Греции и Сербии и заявили, что «дружба с Россией дорого обойдется этим странам, и те румыны, которые примкнули к панславистским козням, будут названы предателями».

Усиление национально-освободительного движения на Балканах, постепенное изменение соотношения сил в палате депутатов в пользу либералов, их обещание поддержать требование Бисмарка о передаче концессии на строительство железных дорог прусскому капиталисту Б. Штрусбергу побудили Карла согласиться на приход либералов к власти. 1 (13) марта 1867 г. было сформировано правительство во главе с К. А. Круцелеску, в котором главную роль играл министр внутренних дел И. К. Брэтиану ¹³⁸.

Либералы стали искать пути сближения с усилившейся Пруссией и Россией. В отношении первой им была обеспечена поддержка князя Карла, до конца дней своих остававшегося, по его собственным словам, «добрым пруссаком». В Румынию были приглашены взамен французских прусские инструкторы для реорганизации армии ¹³⁹, что было расценено в Париже как враждебный акт ¹⁴⁰.

Но Румыния была лишь пешкой в балканской игре Бисмарка. Австро-Венгрия занимала в его планах куда более значительное место, служа противовесом Франции и России: он стремился направить ее активность на Восток, чтобы отвлечь ее от реваншистских устремлений в Германии. Франция добивалась того же самого, рассчитывая, что Габсбургская империя явится противовесом России и Пруссии (см. § 2, 3 гл. 1). Дипломаты Берлина и Парижа оказывали нажим и на Бухарест, добиваясь румыно-австрийского сближения. В связи с этим 15 (27) февраля 1867 г. начались австро-румынские переговоры с целью заключения торговой конвенции и соглашения о выдаче преступников, о соединении австрийских и румынских железных дорог, урегулировании консульской юрисдикции и открытии румынского представительства в Вене.

Но переговоры закончились неудачей: создание в 1867 г. единой австро-венгерской монархии, вхождение в Венгерское королевство Трансильвании с ее румынским по преимуществу населением положили конец надеждам на предоставление автономии этой области и ухудшили отношения между Румынией и державой Габсбургов. Стремясь воспользоваться этой неудачей, энергичный русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, сторонник активной политики на Балканах, настаивал на переговорах с румынским правительством для заключения консульской конвенции — в Румынии проживало сравнительно немного русских подданных, и царское правительство было готово пойти на уступки в том, что касалось

консульской юрисдикции. В Петербурге проявлялся интерес к планам брака Карла с великой княжной Марией Николаевной¹⁴¹; это показалось Бисмарку чрезмерным, о чем он дал понять румынам¹⁴².

Сближение Румынии с Пруссией и в какой-то степени с Россией вызвало недовольство в Париже и Лондоне. Наполеон III во время встречи с Францем Иосифом в Зальцбурге 18–21 августа 1867 г. предложил австрийскому императору занять Румынию (см. § 3 гл. 1). Попытки И. К. Брэттиану оправдаться в Париже, а его брата Д. Брэттиану — в Вене, Париже и Риме в ноябре 1867 г.¹⁴³ закончились неудачей. Это побудило румынское правительство, продолжая опираться на Пруссию, пойти на некоторое сближение с Россией¹⁴⁴ и занять более решительную позицию в освободительном движении на Балканах.

12 (24) декабря 1867 г. румынский агент в Константинополе А. Г. Голеску в беседе с Н. П. Игнатьевым утверждал, будто Османская империя и Австро-Венгрия намерены оккупировать Румынию, в связи с чем последняя готова заключить договор о взаимопомощи с Сербией. Он выразил надежду на поддержку со стороны русских дипломатов. Голеску обрисовал планы полной автономии Румынии; в то же время он пытался разведать отношение России к территориальному расширению Румынии за счет Австро-Венгрии либо Болгарии¹⁴⁵.

Русское правительство отнеслось благожелательно к стремлению Румынии расширить автономию и согласилось начать с Румынией переговоры о дальнейшем ограничении консульской юрисдикции. В январе—марте 1868 г. румынская делегация вела в Петербурге переговоры, в результате которых была ограничена юрисдикция русских консулов и уменьшены права русских подданных¹⁴⁶. Так Россия способствовала расширению автономии княжества.

Переговоры вызвали тревогу и недовольство Турции и западных стран. Оно еще больше усугубилось в связи с заключением в январе 1868 г. румыно-сербского договора о дружбе и сотрудничестве (см. гл. 5)¹⁴⁷. Французский генеральный консул в Бухаресте Авриль заявил И. Брэттиану, что в Париже этот договор рассматривают как «возбуждение Восточного вопроса». Французский и английский послы в Константинополе выступили против будто бы «наступательного и агрессивного характера румыно-сербского договора»¹⁴⁸.

Что же в действительности произошло?

Выше было отмечено, что в апреле 1867 г. Карл Гогенцоллерн отверг предложенный Сербией союз. Спустя полгода положение и в стране, и в Юго-Восточной Европе изменилось. Критское восстание, вспыхнувшее летом 1866 г., дало толчок национально-освободительному движению. Россия активизировала свою политику. Пришедшие к власти в Бухаресте либералы, представители промышленной и мелкой буржуазии, решили деятельно включиться в национально-освободительное движение. 20 октября 1867 г. в Белград прибыл румынский агент Р. Ионеску с проектом договора. Ру-

мыния и Сербия должны были выставить по 60 тыс. воинов. В случае успеха в военных действиях против Турции Румыния присоединяла к себе острова в дельте Дуная и Добруджу до линии Рушук (Русе)—Варна; Сербия — остальную часть Болгарии, Боснию и Герцеговину. Эти требования, означавшие раздел болгарских земель, отражали великодержавные шовинистические тенденции румынской и сербской буржуазии. Но 14 ноября 1867 г. сербский премьер И. Гарашанин был уволен в отставку и переговоры прекратились ¹⁴⁹ (см. гл. 5).

10 января 1868 г. румынское правительство представило новый проект договора. Первая статья его говорила об установлении дружбы и союза между двумя странами, о защите взаимных интересов и их стремлении «устранить все то, что могло нарушить этот союз или причинить ущерб автономии их стран».

Вторая статья ставила целью «содействовать прогрессу и процветанию обеих стран в соответствии с их законными правами и их автономией». Третья статья договора говорила о развитии торговых отношений между Румынией и Сербией ¹⁵⁰.

Неопределенность и нечеткость формулировок договора объяснялись стремлением завуалировать его подлинное значение и опасением протестов со стороны Порты и держав. Действительно, известие о его заключении вызвало возмущение в дипломатических кругах Турции, Англии, Австрии и Франции.

Стремясь выгородить Сербию и Румынию, русский поверенный в делах в Константинополе Стааль подчеркивал, что в дипломатических кругах постоянно шла речь о перекройке карты Европы, затрагивался вопрос о будущей судьбе Румынии. Естественно поэтому, рассуждал дипломат, что страна стала думать о своей защите ¹⁵¹. В Румынии появились прокламации, призывавшие христиан Востока к объединению в борьбе с Турцией. Прошли собрания с участием официальных лиц. С нетерпением ожидали 11 февраля (день объединения), когда предполагалось провозглашение независимости ¹⁵². Даже Карл пытался узнать мнение Бисмарка по поводу давно вынашиваемой идеи отказа от сюзеренитета Турции ¹⁵³; 10 мая 1868 г., в день второй годовщины его вступления на престол, перед дворцом собралась толпа в 800 человек, скандировавших «Да здравствует единая и независимая Румыния!».

Слухи о намерении румынского правительства провозгласить независимость встревожили Париж, Лондон и Вену. Бисмарк советовал Карлу не собирать «незрелые плоды», а превратить Румынию в «Бельгию Юго-Восточной Европы», иными словами, придерживаться нейтралитета в освободительном движении. Под давлением держав румынское правительство не только отказалось от своих планов, но и положило конец митингам и демонстрациям ¹⁵⁴.

Особое недовольство на Западе вызывала деятельность в Румынии болгарских национально-освободительных организаций, пользовавшихся поддержкой населения. Либеральное правительство закрывало глаза на формирование на территории страны вооруженных отрядов болгарских эмигрантов.

Это вызвало протесты Порты и западных держав. Турецкие министры неоднократно запрашивали Карла насчет болгарских повстанцев и складов оружия. Министр иностранных дел Франции Мустье, именуя Румынию «элементом беспорядка», характеризую ее политику как авантюристическую, предлагал направить румынскому правительству коллективную ноту протеста, потребовав разоружения «болгарских банд». Аналогичное заявление сделал министр иностранных дел Великобритании Э. Стенли¹⁵⁵. 22 марта 1868 г. французский посол в Константинополе Буре вновь выступил с протестом против формирования болгарских отрядов¹⁵⁶.

Получив определенные гарантии поддержки со стороны России и Пруссии, Карл заявил, что не боится махинаций западной дипломатии¹⁵⁷. Стремясь предотвратить коллективный демарш западных стран, румынское правительство еще 15 (28) февраля направило агентам держав ноту, в которой опровергались сведения об организации на территории Румынии болгарских отрядов и утверждалось, что принимаются все меры, чтобы не допустить выпадов против Турции¹⁵⁸. Однако это не соответствовало истине.

Весной 1868 г. болгарское национально-освободительное движение вновь оживилось. Болгарский Тайный центральный революционный комитет создавал в Румынии отряды добровольцев для переправки на родину. В апреле и мае 1868 г. четы под руководством Хаджи Димитра и Стефана Караджи с помощью соотечественников, проживавших в Румынии, перешли Дунай и с боями ворвались в Болгарию¹⁵⁹ (см. гл. 4).

9 (21) июля великий визирь Фуад-паша обратился к Карлу с требованием принять «срочные меры для восстановления порядка»¹⁶⁰. Убедившись, что дело принимает серьезный оборот, Карл дал приказ усилить охрану границы, а премьер-министр И. К. Брэтиану немедленно выехал в пограничные районы. Были приняты меры по расформированию отрядов болгар¹⁶¹. 18 (30) июля правительственный вестник «Мониторул официал» сообщил, что впредь перехода болгар на правый берег Дуная не будет допущено. Державам была послана оправдательная нота, в которой правительство писало, что целые селения в Румынии по Дунаю населены болгарами, отсюда и затруднения властей в предотвращении переправы болгар через реку¹⁶².

Но все это не помогло. В середине июля Фуад-паша на конференции послов в Константинополе потребовал создания специальной комиссии держав для расследования положения в Румынии. Его немедленно поддержали французские и английские дипломаты. Турецкие войска стали стягиваться к Дунаю. Лишь противодействие русских и прусских представителей сорвало планы вторжения¹⁶³.

Схватки дипломатов происходили в условиях наметившегося спада национально-освободительного движения и переориентации Сербии на Австро-Венгрию (см. гл. 5). Это и заставило Петербург сдерживать антиосманские выступления балканских стран. 16 августа 1868 г. в конфиденциальной записке русскому генеральному консулу Г. Оффенбергу Горчаков предостерегал румынское прави-

тельство против «разрозненных выступлений, которые могут привести лишь к излишнему пролитию крови»¹⁶⁴. Берлин также призывал к «умеренному поведению»¹⁶⁵. Карл внял им. Заодно он дал отставку И. К. Брэтиану¹⁶⁶, которому дипломаты всех без исключения государств не могли простить его «красного» прошлого, участия в революции 1848 г.

Свержение правительства либералов-радикалов и приход к власти кабинета умеренных либералов и консерваторов во главе с Д. Гикой и М. Когэлничану сопровождались обещаниями отказаться от поддержки национально-освободительного движения народов Юго-Восточной Европы¹⁶⁷.

В целом деятельность молодой румынской дипломатии в первые десять лет после объединения княжеств принесла немалые плоды: опираясь на поддержку широкой общественности в стране, умело используя разногласия в «европейском концерте», взаимную подозрительность и соперничество его участников, опираясь по отдельным вопросам на поддержку Франции и России, прикрываясь, как щитом, нежеланием Петербурга допустить даже мысли о возможности вступления османских войск на территорию Румынии, борцам за объединение удалось превратить персональную унию на время правления А. И. Кузы в полное слияние Молдовы и Валахии в единое государство, дать отпор попыткам восстановления османской власти, значительно расширить автономные права, обеспечить полную самостоятельность государства в решении внутренних дел. Но то же десятилетие выявило и границы возможностей дипломатического лавирования: как только речь заходила о провозглашении полной независимости — представители Румынии наталкивались на стену молчания. Путь к независимости лежал не через дипломатические маневры, а через активное участие в освободительном движении других народов Юго-Восточной Европы, в своей борьбе находивших поддержку у России.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 143—144.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 249.

³ Strat I. Un coup d'oeil sur la question roumain. P., 1856, p. 12.

⁴ Bălcescu N. Opere. Buc., 1964, v. 4, p. 312, 336.

⁵ Bodea C. Lupta pentru unire a revoluționarilor exiliați de la 1848.— In: Studii privind unirea principatelor. Buc., 1960.

⁶ Vitcu D. Diplomații unirii. Buc., 1979, p. 26, 172, 175.

⁷ Studii, 1959, N 1, p. 30.

⁸ Brătianu I. C. Memoire sur l'empire d'Autriche dans la question d'Orient. P., 1855; Acte și documente relative la istoria renașterii României. Buc., 1889, v. II, p. 884—885.

⁹ Ubicini A. La question des Principautés devant l'Europe. P., 1858, p. 6—10.

¹⁰ Studii, 1959, N 1, p. 196—197.

¹¹ Riker T. W. The Concert of Europe and Moldavia in 1857.— The English Historical Review, Apr. 1927, p. 229.

¹² Thouvenel E. Trois années de la question d'Orient. P., 1897, p. 31.

¹³ Le Nord. Supplement au numero du 1 mai 1856.

¹⁴ Acte și documente..., v. 4. Buc., 1889, p. 1056.

¹⁵ East W. G. The Union of Moldavia and Wallachia: An Episode in Diplomatic History. Cambridge, 1929, p. 30—31.

¹⁶ Acte și documente..., v. 9. Buc., 1901, p. 576.

- ¹⁷ *Fotino G.* Din vremea renașterii a Țării Românești. Boierii Golești. Buc., 1939, v. 4, p. 139.
- ¹⁸ *Thouvenel E.* Trois années..., p. 7.
- ¹⁹ К. М. Базили — А. М. Горчакову, 1(13) марта 1857 г. — АВПР, ф. ГА V—A₂, 1857 г., д. 179, л. 49.
- ²⁰ *Seton-Watson R. W.* A History of the Rumanians. Cambridge, 1934, p. 235—236; *Riker T. W.* The Making of Roumania. L., 1929, p. 27, 47.
- ²¹ *Xenopol A. D.* Istoria românilor din Dacia Traiana, 3 ed., v. XII, p. 215—217.
- ²² *Fotino G.* Din vremea..., v. 4, p. 140. Из предшествующего матернала ясно, что в войне были заинтересованы и французские и британские правящие круги.
- ²³ Одесский вестник, 1859, 12(24) февр.
- ²⁴ *Vitcu D.* Diplomații unirii..., p. 163—174.
- ²⁵ *East W. G.* The Union..., p. 29.
- ²⁶ *Temperley H.* The Union of Roumania in the Private Letters of Palmerston, Clarendon and Cowley.—Revue historique du Sud-Est Europeen, 1937, N 7—9, p. 220.
- ²⁷ Ibid., p. 221—222.
- ²⁸ Дж. Кларендон — Г. Каули 19 августа 1856 г. — Ibid., p. 226.
- ²⁹ *Riker T. W.* The Concert of Europe and Moldavia in 1857, p. 235.
- ³⁰ The Times, 1856, 3 Dec.
- ³¹ Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 129, p. 1478.
- ³² *Brătianu I. C.* Le rôle des roumains des principautés dans la guerre actuelle. Paris, 1854.—Acte și documente..., v. IX, p. 577.
- ³³ Acte și documente..., v. 3, Buc., 1889, p. 6—13.
- ³⁴ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., л. 10.
- ³⁵ Протокол № 9 Парижского конгресса.—Le Nord. Supplement au N 9 du 1 mai 1856; Статьи XXII—XXVII Парижского трактата.—Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М., 1952, с. 30—31.
- ³⁶ Инструкция А. П. Бутеневу от 14(26) июля 1856 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1856 г., д. 43, л. 128—129.
- ³⁷ К. М. Базили — С. И. Попову, 8(20) августа 1856 г. — АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1856 г., д. 609, л. 9.
- ³⁸ К. М. Базили — Е. П. Ковалевскому, август 1856 г. — АВПР, ф. ГА V—A₂, 1856 г., д. 176, л. 31.
- ³⁹ К. М. Базили — Ф. И. Бруннову, 12(24) сентября 1856 г. — АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, 1856—1857 гг., д. 979, л. 8.
- ⁴⁰ В. П. Балабин — А. М. Горчакову, 30 августа (11 сентября) 1856 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1856 г., д. 374, л. 378.
- ⁴¹ Э. Тувенель — А. Валевскому, 6, 21 июля 1856 г. — Acte și documente..., v. 3, p. 687, 605.
- ⁴² Э. Тувенель — А. Валевскому, 18 сентября 1856 г. — Ibid., p. 831.
- ⁴³ А. М. Горчаков — А. П. Бутеневу, 4(16) октября 1856 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1856 г., д. 43, л. 270.
- ⁴⁴ *Thouvenel E.* Trois années..., p. 40.
- ⁴⁵ Талейран — А. Валевскому, 18 сентября 1856 г. — Acte și documente..., v. 3, p. 829.
- ⁴⁶ АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1857 г., д. 616, л. 2; ф. Консульство в Бухаресте, 1856—1858 гг., д. 977, л. 44.
- ⁴⁷ *Seton-Watson R. W.* A History of the Roumanians, p. 248.
- ⁴⁸ Ф. И. Бруннов — А. М. Горчакову, 24 марта (5 апреля) 1857 г. — ЦГАДА, ф. 828 (А. М. Горчакова), д. 377, л. 6.
- ⁴⁹ К. М. Базили — А. П. Бутеневу, 26 марта (7 апреля) 1857 г. — АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, 1856—1858 гг., д. 979, л. 84—85.
- ⁵⁰ В. Плас — А. Валевскому, 25 июня 1856 г. — Acte și documente..., v. 5, Buc., 1890, p. 255.
- ⁵¹ В. Плас — А. Валевскому, 4 июля 1857 г. — Ibid., p. 36; общая характеристика внутривосточной обстановки в Молдавском княжестве дана в книге: *Виноградов В. Н.* Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961.

- ⁵² Acte și documente..., v. 5, p. 207.
- ⁵³ East W. G. The Union..., p. 105.
- ⁵⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1857 г., д. 181, л. 186.
- ⁵⁵ Charles-Roux F. Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III. P., 1913, p. 184.
- ⁵⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1857 г., д. 143, л. 544—550.
- ⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 432.
- ⁵⁸ Thouvenel E. Trois années..., p. 180.
- ⁵⁹ Riker T. W. The Pact of Osborn — a Controversial Episode in the Making of Rumania.— The American Historical Review, 1929, N 2.
- ⁶⁰ Дж. Кларендон — лорду Норманби, 17 августа 1857 г.— Maxwell H. The Life and Letters of Clarendon. L., 1913, v. 2., p. 148.
- ⁶¹ Дж. Кларендон — Ч. Стрэтфорду, 20 августа 1857 г.— Ibid., p. 147.
- ⁶² Acte și documente..., v. 6. Buc., 1896, pt. 1, p. 72; pt. 2, p. 28—34.
- ⁶³ Ibid., pt. 2, p. 96—126.
- ⁶⁴ Supplement extraordinaire au journal du Saint-Petersburg 4(16) X 1858. Protocole N 3.
- ⁶⁵ П. Д. Киселев — А. М. Горчакову, 9(21) декабря 1857 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1857 г., д. 144, л. 243.
- ⁶⁶ А. М. Горчаков — П. Д. Киселеву, 9(21) декабря 1857 г., 4(16) декабря 1857 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1857 г., д. 144, л. 250; д. 146, л. 437.
- ⁶⁷ АВПР, ф. Канцелярия. 1858 г., д. 116, л. 272—273, 401—410.
- ⁶⁸ Конвенцию об организации княжеств Молдавии и Валахии см.: Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1909, т. 15.
- ⁶⁹ П. Д. Киселев — А. М. Горчакову, 2(14) июля 1858 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1859 г., д. 116, л. 390.
- ⁷⁰ Ст. 2 указанной конвенции.
- ⁷¹ Orășeanu N. T. O pagina a vieții mele sau 22, 23 și 24 ianuarie 1859.— In: Marturii despre unire. Buc., 1959.
- ⁷² Н. К. Гирс — А. Б. Лобанову, 28 января (9 февраля) 1858 г.— АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1858 г., д. 1529, л. 90.
- ⁷³ Н. К. Гирс — А. Б. Лобанову, 2(14) февраля 1858 г.— Там же, л. 126.
- ⁷⁴ С. И. Попов — А. М. Горчакову, 30 января (11 февраля) 1859 г.— АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1859 г., д. 630, л. 37—38.
- ⁷⁵ Н. К. Гирс — А. Б. Лобанову-Ростовскому, 25 января (6 февраля) 1858 г.— АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1529, л. 125.
- ⁷⁶ Н. К. Гирс — А. Б. Лобанову-Ростовскому, 25 января (6 февраля) 1858 г.— Там же, л. 683.
- ⁷⁷ АВПР, ф. Отчеты МИД. 1858 г., д. 36, л. 12, 13.
- ⁷⁸ Discours prononcé par S. M. L'Empereur a l'ouverture de la session législative de 1859. P., 1859.
- ⁷⁹ В. Плас — А. Валевскому. 15 февраля 1859 г.— Acte și documente..., v. 9, p. 288.
- ⁸⁰ А. Валевский — В. Пласу. 19 февраля 1859 г.— Ibid., p. 29.
- ⁸¹ А. Валевский — В. Пласу. 26 февраля 1859 г.— Ibid., p. 292.
- ⁸² Отечественные записки, 1859, № 5, с. 27.
- ⁸³ Чертан Е. Е. Русско-румынские отношения в 1859—1862 гг. Кишинев, 1968, с. 82.
- ⁸⁴ П. Д. Киселев — А. М. Горчакову, 15(27) марта 1859 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1859 г., д. 139, л. 310.
- ⁸⁵ Чертан Е. Е. Указ. соч., с. 92.
- ⁸⁶ Там же, с. 91.
- ⁸⁷ Там же, с. 93.
- ⁸⁸ Mihalache M. Cuza Voda. Buc. (s. a.), p. 104.
- ⁸⁹ Diplomații ilustrii. Buc., 1964, p. 269.
- ⁹⁰ Berindei D. Lupta diplomatica a principatelor unite pentru desăvîrșirea Unirii.— In: Studii privind unirea principatelor. Buc., 1960.
- ⁹¹ Vitcu D. Diplomații unirii..., p. 109—110.
- ⁹² Чертан Е. Е. Указ. соч., с. 112, 130.
- ⁹³ Там же, с. 140.
- ⁹⁴ Diplomații ilustrii, p. 261.

- ⁹⁵ Черган Е. Е. Указ. соч., с. 150.
- ⁹⁶ Туполев Б. М. Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX—начале XX в. М., 1970, с. 151—164; Савин Т. Иностранный капитал в Румынии: Пер. с рум. М., 1950.
- ⁹⁷ Cioriceanu G. D. La Roumanie économique et ses rapports avec l'étranger de 1860 à 1915. P., 1928, p. 133—134; Die Disconto Gesellschaft 1851 bis 1901. B., 1901, S. 60.
- ⁹⁸ Archives Nationales de la République Française, f. 12, 7167, f. 571; Canja Gh., Glaser E. Contribuții la studiul regimului internațional de navigație pe Dunare. Buc., 1957, p. 127—157.
- ⁹⁹ Dobrovici Gh. M. Istoricul datoriei publice a României. Buc., 1913, p. 93.
- ¹⁰⁰ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, с. 157—160; Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979, с. 125—140.
- ¹⁰¹ Berindei D. Mihail Kogălniceanu, prim-ministru al Moldovei și emigratia maghiara (1860—1861) — In.: Studii și documente de istorie moderna. Buc., 1960, v. 2, p. 223.
- ¹⁰² Riker T. W. Cum s'a infaptuit România, p. 268.
- ¹⁰³ См. гл. 5.
- ¹⁰⁴ Arhiva Cuza, v. X, f. 267—269; Liv f. 50—53.
- ¹⁰⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 19, л. 3—7, 160—161, 173.
- ¹⁰⁶ Балканский исторический сборник. Кишинев, 1973. т. 3, с. 120—125.
- ¹⁰⁷ Giurescu C. C. Suprafața moșiilor secularizate la 1862.— Studii, 1959, N 2, p. 149—157.
- ¹⁰⁸ Istoria României. Buc., 1964, v. 4, p. 369—370.
- ¹⁰⁹ Dezvoltarea constituțională a statului Român. Buc., 1957.
- ¹¹⁰ Arhiva Cuza, v. III, p. 278—280.
- ¹¹¹ Bossy R. L'Autriche et les Principautés Unies. Buc., 1938, p. 370; ЦГАОР, ф. 828 (А. М. Горчакова), оп. 1, д. 1432, л. 201.
- ¹¹² Archiva Cuza, v. III, p. 278—280.
- ¹¹³ ЦГАОР, ф. 828 (А. М. Горчакова), оп. 1, д. 1432. л. 155, 246—248; АВПР, ф. Канцелярия, 1864 г., д. 31, л. 86—88.
- ¹¹⁴ Vintu I. și Florescu G. G. Unirea Principatelor în lumina actelor fundamentale și constituționale. Buc., 1965, p. 273—285.
- ¹¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1864 г., д. 145, л. 543—544; Arhiva Cuza, v. VI, t. 96—104.
- ¹¹⁶ Xenopol A. D. Istoria..., v. II, p. 425—426.
- ¹¹⁷ Archives diplomatiques, 1866, t. 26, f. 334—350.
- ¹¹⁸ Riker T. W. Cum s'a infaptuit România, p. 590.
- ¹¹⁹ AMAEF, C. P. C., Turquie, 1865, t. 27, f. 150.
- ¹²⁰ Rossy R. L'Autriche..., p. 396.
- ¹²¹ Agenția Paris, p. 379—386.
- ¹²² АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 188, л. 161.
- ¹²³ Iorga N. Politica externă a regelui Carol I. Buc., 1923, p. 38; Henry P. L'abdication du Cuza et l'avènement de la dynastie de Hohenzollern au trône de la Roumanie. P., 1930, p. 197; Dame F. Histoire de la Roumanie contemporaine d'après l'avènement des princes indigènes jusqu'à nos jours. P., 1900.
- ¹²⁴ Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974, с. 46.
- ¹²⁵ Auswärtige Politik Preußens, Bd. VI, S. 577.
- ¹²⁶ Подробнее см.: Черган Е. Е. Великие державы и государственный переворот 1866 г. в Румынии.— В кн.: Вопросы истории и историографии Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1977, с. 48—58.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Istoria României, v. IV, p. 526—528.
- ¹²⁹ Archives diplomatiques, 1867, t. II, p. 647—648.
- ¹³⁰ Шла подготовка австро-прусской войны, и Карл, как прусский офицер и как лицо, явно неприемлемое для Вены в качестве румынского монарха, боялся появляться в австрийских пределах.— Memoriile regelui Carol I al României. Buc., S. a., v. I, p. 74.

- ¹³¹ Domnia regelui Carol I: Fapte—cuvintări—documente. Buc., 1906, t. I. p. 346—351.
- ¹³² АВПР, ф. ГА V—A₂, 1868 г., л. 6—7; AMAEF, C. P. C., Turquie, 1867, Buc., dos. 29, p. 304; Memoriile..., v. III, p. 21.
- ¹³³ Domnia..., p. 376.
- ¹³⁴ Memoriile..., v. VIII, p. 34.
- ¹³⁵ АВПР, ф. ГА V—A₂, 1868 г.; л. 6—7; Correspondance diplomatique roumaine sous le roi Charles I (1866—1880). Buc., 1923, p. 17.
- ¹³⁶ Iorga N. Istoria statelor balcanice în epoca moderna. Valenii de Munte, 1963, p. 286.
- ¹³⁷ Iorga N. Politica externă a regelui Carol I, p. 56—57.
- ¹³⁸ Ibid.
- ¹³⁹ Memoriile..., v. II, p. 78; Georgescu-Tistu N. Ion Ghica scriitorul. Buc., 1935, p. 130.
- ¹⁴⁰ Memoriile..., v. III, p. 30. 43.
- ¹⁴¹ AMAEF, C. P. C., Turquie, 1866—1867, Buc., t. 29, f. 291, 292; Archives nationales de la Republique Française, f. 4588, f. 100—102; АВПР, ф. ГА V—A₂, 1867 г., д. 189. л. 133—134; ф. Канцелярия, 1867 г., д. 165, л. 411.
- ¹⁴² Archivale Statului Bucuresti, f. Casa regala, dos. 39—1867, f. 1—2.
- ¹⁴³ AMAEF, C. P. C., Turquie, 1867, Buc., f. 232—233, 302—306; АВПР, ф. Канцелярия, 1868 г., д. 14, л. 12—19; д. 20, л. 326—328; Din archiva lui Dumitru Brătianu, v. II, p. 262—268, 276—277.
- ¹⁴⁴ АВПР, ф. ГА V—A₂, 1867 г., д. 1164, л. 32—33.
- ¹⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1867 г., д. 33, л. 612—614; Јакшић F., Вучковић B. Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михајла (Први Балкански савез). Београд, 1963, с. 409.
- ¹⁴⁶ Подробнее см.: Черган Е. Е. Из истории заключения русско-румынской конвенции 1869 г.—Изв. МФ АН СССР, 1960, № 2(80), с. 44—45.
- ¹⁴⁷ Domnia..., p. 429; Ciachir N., Buse C. Cu privire la tratatul de alianța româno-sîrb din 1868 — Revista arhivelor, an. X, 1966, N 1, p. 190—194.
- ¹⁴⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1868 г., д. 14, л. 30—31.
- ¹⁴⁹ Јакшић Gr., Вучковић B. Спољна политика..., с. 408—411.
- ¹⁵⁰ Domnia, p. 429; Chiachir N., Buse C. Cu privire...
- ¹⁵¹ АВПР, ф. ГА V—A₂, 1868 г., д. 190, л. 104—105.
- ¹⁵² Там же, д. 1163, л. 6—7.
- ¹⁵³ Memoriile..., v. IX, p. 36—38.
- ¹⁵⁴ Ibid., p. 41.
- ¹⁵⁵ APP, Bd. IX, S. 681—682.
- ¹⁵⁶ ЦГАОР, ф. 828, оп. 1, д. 1446, л. 142.
- ¹⁵⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1868 г., д. 14, л. 46—48.
- ¹⁵⁸ APP, Bd. IV, S. 724—726.
- ¹⁵⁹ История на България. С.. 1961, т. I, с. 416—417.
- ¹⁶⁰ Memoriile..., v. IV, p. 66.
- ¹⁶¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1868 г., д. 14, л. 72—73.
- ¹⁶² Arh. Stat. Buc., f. Casa regala, 53—1868, f. 1—6; Domnia, p. 457—458.
- ¹⁶³ АВПР, ф. Канцелярия, 1868 г., д. 24, л. 308—310, 319—314; д. 23. л. 324—325.
- ¹⁶⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1868 г., д. 14, л. 236—239.
- ¹⁶⁵ Там же, д. 18, л. 82—85.
- ¹⁶⁶ APP, Bd. X, S. 274, 288—292, 296.
- ¹⁶⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1868 г., д. 14, л. 150—155, 311—312; Domnia..., p. 476, 485—486; APP, Bd. X, S. 326—327; Les origines diplomatiques de la guerre de 1870—1871, t. 22, p. 318—320.

БОЛГАРИЯ: ОТ ДВИЖЕНИЯ ЗА ЦЕРКОВНО-НАЦИОНАЛЬНУЮ АВТОНОМИЮ ДО ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ

Поражение России в Крымской войне поколебало надежды болгарского народа на скорое освобождение от османского ига. Итоги войны повлекли за собой рост экономической и политической зависимости Османской империи от своих недавних союзников. В султанские владения устремилось множество предпринимателей, которые при поддержке своих правительств добивались от Порты концессий на строительство железных и шоссейных дорог, сооружение каналов, на разработку рудных и других месторождений. Проникновение иностранного капитала сказалось и на социально-экономическом развитии Болгарии: в 60—70-х годах XIX в. в местном ремесленном и мануфактурном производстве наступает кризис. Не выдерживая конкуренции с дешевыми фабричными товарами европейских стран, многие мастерские и мануфактуры приходили в упадок¹, ремесленники беднели, разорялись и пролетаризировались, пополняя ряды наемных рабочих: в то же время часть крупных торговцев, владельцев мастерских и мануфактур, сумевших технически усовершенствовать методы производства и устоять против иностранной конкуренции, обогащалась и расширяла свое производство. Появились предприятия фабричного типа, прежде всего в текстильной промышленности (Сливен, Тырново, Котел, Габрово, Пловдив и др.), а также в других отраслях, связанных главным образом с легкой и пищевой промышленностью. Некоторые из них были созданы с участием иностранного капитала (например, шелковые фабрики в Старой Загоре, Тырнове; спирто-водочный завод в Софии, паровозовагоноремонтная мастерская в Русе и др.), вошли в строй паровые и водяные мельницы. Однако в условиях турецкого феодального режима многие предприятия просуществовали недолго: османские власти всячески препятствовали развитию предпринимательской деятельности и открытию фабрик. Накануне освобождения наиболее распространенной формой производства в Болгарии оставалась рассеянная мануфактура².

Господство османского феодально-деспотического режима и национальный гнет тормозили развитие капиталистических отношений в болгарских землях. «...турецкое, как и любое другое восточное господство, несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость,— писал Ф. Энгельс,— ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности»³.

Капиталистические отношения в сельском хозяйстве развивались

медленными темпами. После Крымской войны шло разложение турецкого феодально-помещичьего (чифликчийского) землевладения и переход земли в руки болгарских крестьян. В чифликчийском хозяйстве, производившем в основном продукты на рынок, наряду с господствовавшими феодальными формами эксплуатации (барщина, испольщина) использовался и наемный труд. Непроизводительность принудительного труда, примитивность техники в помещичьих хозяйствах делали их нерентабельными и неконкурентоспособными на внутреннем и внешнем рынках. В результате многие чифликчий разорялись и продавали свои земли, покупателями которых чаще всего являлись зажиточные болгары. К середине 70-х годов XIX в. большая часть обрабатываемой земли находилась в руках болгарских крестьян⁴.

Турецкое феодально-деспотическое государство, являвшееся верховным собственником земли, взимало с крестьян многочисленные налоги и обязывало их выполнять различные повинности. Особенно тягостной была система откупа налогов, из которых самой разорительной являлась десятина. Тяжелое экономическое положение сельского населения углублялось произволом и насилиями османских властей.

Ростовщичество, принявшее широкие размеры в болгарских землях, также являлось одной из причин разорения крестьян, ремесленников и мелких торговцев.

На пути дальнейшего развития болгарского и других южнославянских народов, которые, по словам Ф. Энгельса, являлись «единственными носителями цивилизации во внутренних частях страны»⁵, стояло османское феодально-деспотическое государство. Все более обострялись противоречия между прогрессивными силами болгарского общества и османской феодальной системой, назревали условия для буржуазно-национальной революции⁶.

Положение усугублялось духовным и экономическим гнетом со стороны греческого, так называемого, фанариотского духовенства. В болгарских землях отсутствовала национальная церковная организация; они входили в ведение Константинопольской патриархии. Высшими иерархами здесь традиционно являлись выходцы из богатых греческих семей, населявших стамбульский квартал Фанар. Фанариоты, и светские, и духовные, давно и прочно связали себя с системой османского владычества, занимали высокие должности в турецкой администрации и дипломатии, им принадлежало видное место в торговле и мореплавании, а греческая церковь являлась одной из опор османского режима в христианских районах. В условиях, сложившихся после Крымской войны, когда обстановка не благоприятствовала открытым, а тем более вооруженным антиосманским выступлениям, болгарская буржуазия, опираясь на провозглашенный Портой в феврале 1856 г. хатт-и хумаюн, развернула легальную борьбу за самостоятельную болгарскую церковь, смысл которой по существу заключался в требовании признания болгарской национальности⁷.

Раскрывая социально-экономический, классовый характер этого

движения, болгарские историки⁸ отмечают, что оно возникло в результате конфликта между молодой поднимавшейся болгарской буржуазией и греческой, захватившей важные позиции в экономической и культурной жизни Болгарии. Константинопольская патриархия, тесно сотрудничавшая с турецкой феодальной бюрократией, разделяла в то же время панэллинские устремления греческой буржуазии, чинила препятствия развитию болгарского просвещения: открытию школ, печатанию книг и введению богослужения на родном языке.

Болгарская буржуазия вовлекла в борьбу со своей греческой соперницей широкие массы народа, выдвинув лозунг культурно-национального самоопределения в пределах Османской империи, «Церковная борьба,— писал Д. Благоев,— была национальной политической борьбой не только потому, что имела целью признание болгарской национальности в Турции, но и потому, что в нее была вовлечена вся нация, вся болгарская народность»⁹.

В движении обозначились два направления: умеренное и радикальное. Во главе первого стояла торгово-чорбаджийская буржуазия, разделявшаяся по своей ориентации на туркофильскую и русофильскую. Она ограничивалась требованием назначения в епархии с болгарским населением местных священников, архипереев и введения богослужения на родном языке. Радикальное течение, возглавляемое мелкой торгово-промышленной буржуазией, открыто поставило в своей программе вопрос о создании самостоятельной болгарской церкви¹⁰.

Руководители радикального крыла болгарской Константинопольской общины, ссылаясь на султанский хатт-и хумаюн, обещавший пересмотр «духовных привилегий и иммунитета христианских общин с целью их реформирования», весной 1856 г. подали султану петицию от имени болгарского народа. Они требовали: 1) предоставить право болгарскому народу выбирать главу церкви, в дела которой не мог бы вмешиваться ни мусульманин, ни христианин иной национальности; 2) право выбирать верховного гражданского начальника, болгарина, который мог бы рекомендовать султану достойных соотечественников в качестве управителей, судей и чиновников. Программа, таким образом, предусматривала не только церковную, но и административную автономию¹¹. Петиция была встречена с недоверием и подозрительностью и Портой, и западными державами, и Россией. Порту настаивала любая инициатива болгар, западные державы в требовании болгарам независимой церкви увидели происки России, а она — козни западных держав¹². Но в полной мере «болгарский вопрос» приковывает к себе внимание России и западных держав после событий 3 апреля 1860 г. В этот день лидеры болгарской общины в Константинополе во главе с Пиларионом Макариопольским объявили о разрыве с греческой патриархией. Движение за независимую церковь охватывает все части внутренней Болгарии, приобретает массовый всенародный характер и становится значительным явлением в политической жизни Османской империи.

Болгарский церковный вопрос создавал европейским державам благоприятную почву для антирусских политических комбинаций. Русская дипломатия попала в затруднительное положение: представляя страну — покровительницу православия, она должна была определить свою позицию в конфликте между двумя православными народами¹³. Католические миссионеры, за спиной которых стояли правительства Франции и Австрии¹⁴, пропагандировали среди болгар унию их церкви с католической под эгидой римского папы как единственное средство для получения полной независимости от Константинопольской патриархии. По свидетельству русского дипломата А. Муравьева, посетившего в 1856 г. балканские провинции Османской империи, они были наводнены множеством миссионеров¹⁵. Активизировались протестантские проповедники, покровительствуемые Лондоном¹⁶. Порта поощряла деятельность части болгарской буржуазии и интеллигенции во главе с Драганом Цанковым, которые в унии с Римом видели решение Болгарского вопроса. Как отмечал русский консул в Варне, Франция с помощью католических священников, а Англия посредством протестантских миссионеров, не жалея «ни денег, ни интриг», стремились внушить болгарам недоверие к России¹⁷.

Петербургский кабинет сознавал политическую подоплеку развивавшегося церковного конфликта. А. М. Горчаков указывал на то, что турецкое правительство поощряло неуступчивость константинопольского патриарха, чтобы «продлить раздор между православными племенами и устранить возможность учреждения в Болгарии народной иерархии, которая неминуемо содействовала бы и гражданскому развитию этого народа». Он подчеркивал, что такой политикой Порта надеялась достигнуть одновременно двух целей: перехода части болгар в унию и ослабления тем самым влияния России на них и подчинения другой части болгарского народа греческой патриархии, «которая всегда служила верным проводником турецкой власти среди славян»¹⁸.

Деятели болгарского церковно-национального движения со своей стороны стремились использовать противоречия между западными державами и Россией, опереться на ту или другую сторону в борьбе за признание болгарской независимой церкви. В этом плане особую активность проявила группировка Д. Цанкова, которая использовала покровительство французского посла в Константинополе и материальную помощь католических миссионеров. Идея о возможности быстрого разрешения болгарского церковно-национального вопроса путем заключения унии широко распространялась газетой Д. Цанкова «Болгария». Она нашла своих приверженцев не только в Константинополе, где Цанкову удалось увлечь часть ремесленников и мелких торговцев, но и в некоторых болгарских городах.

18 декабря 1860 г. большая группа болгар во главе с Цанковым направилась к католическому архиепископу в Константинополе Брунии и вручила ему прошение на имя папы. В нем они обращались с просьбой о восстановлении древней болгарской автономной церкви под верховной властью римского папы, но при условии со-

хранения православных обрядов и канонов¹⁹. Успех униатов оказался кратковременным и непрочным. Примкнувшие к ним ремесленники и мелкие торговцы рассматривали унию как политический маневр, с помощью которого надеялись добиться уступок со стороны греческой патриархии и повлиять на отношение русской дипломатии к болгарскому церковно-национальному движению. Убедившись же, что уния не только усложнила церковный вопрос, но и грозила более серьезными последствиями болгарскому народу, а именно расколом его, они стали отходить от униатского движения.

Противником унии выступил и болгарский патриот-революционер Г. С. Раковский. Разоблачая деятельность Д. Цанкова и других сторонников унии, вносивших раскол в церковно-национальную борьбу, он призывал не идти ни на какие компромиссы ни с патриархией, ни с Римом, не рассчитывать вообще на помощь извне, а добиться собственными силами осуществления своего права на самостоятельную, национальную церковь²⁰.

Поражению униатского движения немало способствовала и русская дипломатия, считавшая его орудием в руках своих противников²¹. А. Б. Лобанов-Ростовский содействовал возвращению в православие болгарской общины г. Кукуша, заключившей унию с католической церковью осенью 1859 г.²² При его же содействии быстро распалось униатское движение в Константинополе. Иосиф Сокольский (игумен Габровского монастыря), рукоположенный папой Пием IX весной 1861 г. в сан униатского «архиепископа всей Болгарии», не только отрекся от унии, но летом того же года бежал в Россию, увозя с собой папскую грамоту и берат, которым Порты признавала его в этом сане²³. Сравнительная легкость, с которой был достигнут успех в борьбе с униатским движением, объясняется тем, что, не имея прочной социальной опоры под собой, оно начало разлагаться изнутри.

Активное противодействие царской дипломатии «проискам Запада» в лице католических и протестантских миссионеров диктовалось безусловно политическими интересами правящих кругов России, стремившихся укрепить свое влияние на Балканах, и в частности на болгарский народ, который после Крымской войны являлся самым многочисленным среди народов, оставшихся под неограниченной властью Порты. В единстве православных народов, находившихся под властью Порты, оно видело перспективу для их общей борьбы за освобождение от османского владычества, опору для упрочения своего влияния, залог успеха в противоборстве с влиянием западных держав. И петербургский кабинет начиная с 1860 г. все настойчивее стремится воздействовать на Константинопольскую патриархию и убедить ее в необходимости пойти на уступки законным требованиям болгар.

К началу 1861 г. в правительственных сферах России существовали две различные точки зрения на борьбу болгарского народа за независимую церковь. Александр II, А. М. Горчаков, митрополит Филарет и влиятельная группа российских дипломатов не были против образования самостоятельной болгарской церкви²⁴. Сущест-

вовало и прогреческое направление, представленное некоторыми членами синода во главе с его обер-прокурором А. П. Толстым и частью русских дипломатов греческого происхождения, таких, как Аристархи, Аргиропуло, Кумани и др.²⁵ Исходя из незыблемости традиционной политики России на Балканах, выражавшейся в поддержке православия, грекофилы опору этой политики видели в сохранении власти и единства Константинопольской патриархии.

Признавая за болгарам право на автономную церковь, понимая политический характер этого движения, оказывая существенную материальную и моральную поддержку национальному самоутверждению болгарского народа, правительство России требовало от своих дипломатов неуклонно проводить политику примирения в греко-болгарском конфликте. С одной стороны, склонять греческое духовенство во главе с константинопольским патриархом к удовлетворению требований болгар, с другой — убеждать последних признать хотя бы номинальную власть патриарха.

А. Б. Лобанов-Ростовский, убеждая константинопольского патриарха Иоакима II в необходимости пойти на уступки болгарам, подчеркивал, что своим упорством он облегчает Порте использование болгаро-греческого конфликта для укрепления своей власти «в ущерб союзу христианских народов» и что Порте прекрасно понимает, «что может случиться... когда все народы объединятся»²⁶.

Все действия российского посланника в Константинополе в указанном направлении разбивались о неуступчивость патриарха. Сторонники радикального крыла болгарского движения, за которым шли народные массы, также не желали отступать от своего основного требования — полной независимости болгарской церкви от греческой патриархии.

Попытка проводить «средний курс», примирить непримиримое создавала благоприятную почву для активизации западной дипломатии, прежде всего британской, самой последовательной противницы России на Балканах.

После болгарской акции 3 апреля 1860 г. интерес к болгаро-греческому церковно-национальному конфликту у английской дипломатии резко возрос. Посол Англии в Константинополе Генри Булвер принялся укреплять контакты с лидерами болгарской общины в столице Османской империи. Он завязал связи с деятелями туркофильской ориентации (Ст. Чомаковым, Чалыковым из Пловдива и др.). По распоряжению Форин оффис Г. Булвер направил своих агентов Лонгварта и Блонда со специальным заданием ознакомиться с ходом развития церковно-национального движения в болгарских провинциях²⁷.

Отмечая массовый характер движения за независимую церковь, Лонгварт в своих подробных донесениях Булверу выражал тревогу по поводу опасной, с его точки зрения, политической окраски движения, угрожавшего существованию Османской империи²⁸. Лондонский кабинет, озабоченный прежде всего сохранением статус-кво в Юго-Восточной Европе, пришел к выводу, что стремление болгар к политическому освобождению может быть нейтрализовано удовле-

творением их требования о предоставлении независимости болгарской церкви. Такое решение, исходящее от султанского правительства, по мнению английской дипломатии, вырвало бы болгар из-под влияния России, и она стала оказывать давление на Порту, убеждая, что в ее интересах признать самостоятельность болгарской церкви²⁹. К ней присоединились представители Австрии, рассчитывая, что решение церковного вопроса снимет с повестки дня вопрос о завоевании болгарам политической независимости³⁰.

Подозрительная активность английских и австрийских коллег не ускользнула от внимания российской стороны. Консул в Адрианопле И. А. Иванов в отчете о положении дел в округе призывал «остановить действие враждебной нам политики англо-турецкой, для которой поднимать греков на болгар и болгар на греков было настоящею целью»³¹.

С назначением в 1864 г. Н. П. Игнатьева главой российской миссии в Турции петербургский кабинет обрел сторонника более решительных действий в Болгарском вопросе. Не отступая от основной линии политики примирения в болгаро-греческом церковно-национальном конфликте, новый посланник (с 1867 г. — посол) принял сторону болгар и начал оказывать все более настойчивое воздействие как на патриарха, пытаясь добиться от него согласия на удовлетворение болгарских требований, так и на Порту. «Участие, которое мы принимали в переговорах по церковно-болгарскому вопросу, — писал Игнатьев консулу в Рущуке А. С. Сученкову 9(24) марта 1870 г., — сочувствие, постоянно выражаемое нами к болгарам пред Портою о скорейшем разрешении вопроса, имели, без сомнения, большое влияние на решение Порты признать права болгарского народа»³². Произошло уникальное явление: руководствуясь противоположными интересами своих правительств, российская и английская дипломатии стали добиваться от Порты признания самостоятельной болгарской церкви. Но решающее значение имел подъем болгарского национально-освободительного движения в 1867—1868 гг. Тревога, вызванная в правящих кругах Турции и западных держав в связи с появлением в Болгарии вооруженной четы во главе с Хаджи Димитром и Стефаном Караджей, опасения, что революционная борьба болгарского народа за политическую свободу примет еще более широкий размах, заставили Порту не медлить больше, и 28 февраля 1870 г. был издан фирман о создании самостоятельной «Болгарской экзархии».

Результаты церковно-национальной борьбы, выразившиеся в накоплении политического опыта, объединении национальных сил, развитии национального самосознания, консолидации болгарской нации, имели революционизирующее значение. Решение церковного вопроса являлось важным этапом болгарского национально-освободительного движения, хотя и не было направлено против главного противника и не достигало основной цели — политического освобождения³³. После Крымской войны эта задача была поставлена в повестку дня революционным крылом национально-освободительного движения, идеологом которого являлся Г. С. Раковский. С его

именем связано начало организованного национально-революционного движения болгарского народа против османского господства. В 1858 г., будучи в Одессе, он составил первый план освобождения Болгарии («Позив към родолюбци българи за освобождени Българии»), в котором подчеркивал, что высшим благом для каждого человека является национальная и политическая независимость Родины. Предполагалось создать руководящий центр, собрать необходимые средства и переправить оружие в Болгарию. Предусматривал он и отправку болгарских представителей в Россию и Францию с целью заручиться поддержкой правительств этих стран, а также заключить союз с сербами, греками, черногорцами³⁴. Этот документ сыграл важную роль в развитии болгарской революционной мысли³⁵.

Дальнейшее развитие стратегия и тактика болгарской национальной революции получили во втором плане Г. С. Раковского в 1861 г. Он появился в период подъема освободительного движения на Балканах. Непрекращавшиеся волнения в Герцеговине, Боснии, Болгарии, военные столкновения Черногории с Турцией, назревание сербо-турецкого конфликта, вести из Италии о знаменитом походе «тысячи» Гарибальди — все это воодушевляло болгарских революционеров. Раковский рассчитывал на союз и помощь Сербии. Убежденный, что болгарский народ по первому зову поднимется на борьбу, Раковский по примеру Гарибальди собирался создать хорошо вооруженный полк, который должен был перейти сербскую границу и поднять восстание в Болгарии³⁶. В плане предусматривалась и организация тайных комитетов в самой Болгарии, которые должны были пропагандировать идею восстания³⁷.

При содействии сербского правительства Раковский в середине 1861 г. приступил к формированию Первой болгарской легии из патриотов, собравшихся в Белграде, среди которых находились Васил Левский и известные воеводы Ильо Марков, Филипп Тотю, Хаджи Димитр и др. В 1862 г. болгарская легия во главе с Раковским участвовала вместе с сербскими войсками в сражениях с турецким гарнизоном в Белграде. В это же время Г. Раковский приступил к созданию единого болгарского центра для руководства восстанием («Временное болгарское начальство»)³⁸.

Однако, в связи с тем что сербо-турецкий конфликт при содействии великих держав разрешился дипломатическим путем, планы Раковского не осуществились. Осенью 1862 г. Первая болгарская легия была распущена. Несмотря на это, организация легии и ее участие в военных действиях имели положительное значение для накопления боевого опыта, подготовки военных кадров для будущего болгарского восстания. Немалую роль Первая болгарская легия сыграла в сближении и укреплении связей между болгарским и другими балканскими народами. Раковский оставался убежденным сторонником идеи союза и взаимодействия балканцев в общей борьбе против османского ига. Он охотно принял предложение сербского правительства весной 1863 г. отправиться в Афины для переговоров с греческим правительством об общих действиях на Балканах. По

пути он остановился в Цетинье, где вел переговоры с государственными деятелями и князем об установлении более тесных связей Черногории с Сербией.

Русская дипломатия была в курсе миссии Раковского. Посланник в Афинах А. Д. Блудов не раз с ним встречался и в своих донесениях отмечал его высокую образованность и ум. Хорошо знавший сложную в тот период политическую обстановку в Греции, Блудов охарактеризовал ее Раковскому как неблагоприятную для ведения переговоров о совместных действиях против Порты³⁹.

Г. С. Раковский и сам быстро пришел к подобному выводу. Уже в апреле он сообщал в Белград об острой борьбе между различными политическими группировками, об усилившемся влиянии в Греции британской дипломатии, об антиславянской направленности ее деятельности, о давлении на правящие круги Греческого королевства с целью помешать сближению греков с южными славянами⁴⁰.

Тесные контакты болгарский патриот установил со своими соотечественниками и греческими беженцами из областей, находившихся под властью султана, которые готовы были поднять восстание в расчете на поддержку Сербии. Встречался Раковский в Афинах и с итальянским революционером Марко Антонио Канини⁴¹.

Миссия Раковского не увенчалась успехом. Он убедился, что правящие круги Сербии и Греции, преследуя собственные цели, не считались с интересами болгарского народа. Разочаровавшись в политике сербского правительства, Раковский уезжает в Румынию, где устанавливает связи с болгарской эмиграцией, с румынскими демократическими и либеральными деятелями. Раковский принимал деятельное участие в подготовке чет Хаджи Димитра и Христо Македонского в 1864 г. На страницах издававшихся им газет («Бъдущност», «Бранител») он продолжает пропагандировать идею союза балканских народов против Османской империи.

Восстание на Крите в 1866 г. поставило на повестку дня вопрос об общем антитурецком восстании. Оно способствовало единению сил в борьбе против османского владычества и активизации деятельности правительств балканских стран по созданию Балканского союза⁴² (см. гл. 5). Любен Каравелов и Христо Ботев подчеркивали большее революционизирующее воздействие Критского восстания на деятелей болгарского освободительного движения⁴³.

В боевых действиях приняли участие патриоты под командованием Петко Кирякова (Петко-войводы). Будучи в Италии в 1866 г., Петко встречался с Дж. Гарибальди и обсуждал с ним перспективы национально-освободительной борьбы на Балканах. Гарибальди содействовал организации большого отряда, участвовавшего в Критском восстании и успешно сражавшегося против османских войск. Предполагается, что отряд был сформирован из итальянских и болгарских добровольцев⁴⁴.

О прибытии на Корфу большого числа гарибальдийцев для участия в восстании на Крите и о влиянии их на освободительную борьбу южных славян сообщал А. М. Горчакову посол в Вене

Э. Г. Штапельберг 16(28) октября 1866 г.⁴⁵ Идеи и планы итальянских революционеров получили распространение в передовых кругах болгарской эмиграции. О намерениях Дж. Гарibaldi вместе с сыном приехать на Балканы весной 1867 г. было известно и Л. Каравелову⁴⁶.

В этот период активизируется деятельность болгарской эмиграции в Румынии, Сербии, России, разнородной в социальном и политическом отношении⁴⁷. Крупные буржуа из константинопольских болгар, связанные с турецким феодальным государством и общим имперским рынком, в своей политической программе ограничивались требованием автономии болгарских земель под властью султана. Они были противниками не только вооруженной борьбы, но и всяких буржуазно-либеральных свобод⁴⁸. Эти круги болгарской буржуазии принимали активное участие в легальной борьбе против греческой патриархии, за самостоятельную болгарскую церковь.

Другая часть болгарской крупной буржуазии, ориентировавшаяся на Россию (Добродетельная дружина), согласовывала свои планы и действия с ее политикой на Балканах.

Интересы средней, мелкой буржуазии, а также сельской и городской бедноты выражала политическая группировка («молодых»), в которой обозначались два течения: либеральное, представленное Тайным центральным болгарским комитетом (ТЦБК), и революционное во главе с Г. С. Раковским⁴⁹.

Общим в деятельности различных направлений национально-освободительного движения (от консервативного до революционного) являлся учет и использование в их программах как соотношения сил на международной арене (позиции России и западных держав), так и политики соседних балканских государств и борьбы поработенных народов Османской империи. Исходя из опыта других балканских народов, они отдавали себе отчет в том, что собственными силами невозможно одолеть все еще мощную Османскую империю. В зависимости от конкретных условий и позиции отдельных европейских государств относительно важнейших вопросов болгарского национально-освободительного движения претерпевали изменения ориентация и планы болгарских комитетов и организаций⁵⁰.

Русофильская часть болгарской эмиграции в Румынии, возглавляемая Добродетельной дружиной, освобождение Болгарии от османского ига связывала с политикой России. Продолжая по-прежнему отводить Сербии роль объединительного центра на Балканах, правительство России первоочередной задачей в 1866—1868 гг. считало собирание сил балканских государств против Османской империи: оно рекомендовало Добродетельной дружине согласовывать свои планы и стремления с Сербией⁵¹.

Деятели дружины вступили в переговоры о создании объединенного болгаро-сербского государства во главе с князем Михаилом Обреновичем, рассчитывая путем участия в союзе балканских государств решить главную задачу национально-освободительного движения болгарского народа. Эта идея нашла выражение в «Программе» (январь 1867 г.), а затем в «Протоколе», принятом на расширен-

ном собрании представителей болгарской эмиграции в Румынии и ряда болгарских городов 5 апреля 1867 г. В нем предусматривалось объединение болгар и сербов в Югославянское царство во главе с князем Михаилом Обреновичем на принципах полного равенства⁵².

Однако переговоры представителей Добродетельной дружины с сербским правительством не увенчались успехом. Соглашение не было подписано сербской стороной, предложившей отложить решение этого вопроса до успешного завершения освободительной борьбы.

Либеральное крыло «молодых» представлял Тайный центральный болгарский комитет, образовавшийся в Бухаресте в 1866 г. в результате соглашения румынских либералов с представителями болгарской эмиграции. В связи со свержением князя А. И. Кузы (см. гл. 3) и обострением отношений между Румынией и Портой румынские либералы намеревались использовать болгарскую эмиграцию в случае вторжения в Румынию османских войск⁵³. Комитет должен был развернуть деятельность по подготовке восстания в Болгарии и формированию вооруженных чет. После того как опасность миновала, местные либералы устранились от участия в комитете. Программные положения ТЦБК были изложены в двух документах: брошюре П. Кисимова «Болгария перед Европой» (декабрь 1866 г.) и меморандуме султану (весна 1867 г.). В брошюре содержалось обращение ко всем великим державам, подписавшим Парижский договор, с просьбой о предоставлении Болгарии автономии; доказывалось, что болгарский народ заслужил право на свободу и независимость⁵⁴.

В Уставе ТЦБК, принятом в феврале 1867 г., предусматривались разные варианты освобождения отечества — возрождение самостоятельного болгарского царства, зависимого от Порты, либо создание конфедерации с соседними народами⁵⁵. Не отвергали деятели ТЦБК и идею турецко-болгарского дуализма. В меморандуме султану его авторы, отмечая критическое состояние Османской империи, тяжелое положение болгарского народа, предлагали создание болгарского царства под верховной властью султана, управлявшегося наместником из христиан, избираемым Народным собранием. В меморандуме предусматривалось создание национальной армии, независимой болгарской церкви и гарантия полной гражданской и политической свободы. Хотя в меморандуме и говорилось о готовности в случае неудачи мирного пути прибегнуть к «даже самым крайним жертвам»⁵⁶, деятели ТЦБК склонны были использовать угрозу восстанием лишь как средство воздействия на европейские державы⁵⁷. Возлагая надежды на поддержку как России, так и западных держав в решении задачи освобождения Болгарии, комитет направил меморандум правительствам великих держав с сопроводительными письмами, в которых обращался с просьбой оказать содействие в осуществлении этих требований. В обращении к Александру II, приложенном к меморандуму, деятели ТЦБК, выражая надежду на поддержку Россией единоверного и единоплеменного ей болгарского народа, просили оказать не только дипломатическую,

по военную и денежную помощь, чтобы в случае необходимости добиваться от Порты удовлетворения своих требований «силою оружия». Обращение к Наполеону III содержало ссылку на провозглашенный им «принцип национальностей»; в письмах прусскому королю и Бисмарку обращалось внимание на родственные связи Вильгельма с румынским князем Карлом и дружественные отношения между румынами и болгарами⁵⁸.

Кроме того, ТЦБК разослал текст меморандума в редакции известных европейских газет с просьбой опубликовать его и таким образом сделать доступным для широкой общественности.

Резко отрицательное отношение Порты было выражено через официозные и полуофициозные органы печати («Тюрки», «Дунав», «Турция») ⁵⁹, в которых документы комитета рассматривались как дело рук России. Такое мнение разделяли и кабинеты западных держав. Так, французский консул в Бухаресте д'Аврил приписывал появление меморандума деятельности русских агентов. В то же время он рассматривал его как важный симптом, свидетельствующий о подготовке болгар к борьбе⁶⁰. Что касается России, то информация русских консулов о связях ТЦБК с польской эмиграцией и румынскими радикалами вызывала недоверие к нему в правительственных кругах⁶¹. После того как одесский генерал-губернатор П. Е. Коцебу в мае 1867 г. сообщил А. М. Горчакову о связях ТЦБК с одесскими болгарскими, вице-канцлер в конфиденциальном письме уведомил Коцебу, что правительство России «не имеет вовсе никаких видов относительно деятельности означенного комитета и не имеет с ним никаких сношений, даже косвенных», и рекомендовал «уклоняться от всякого участия как в деятельности комитета, так и в сношениях с ним лиц, в России проживающих»⁶².

Несмотря на то что дуалистическая программа ТЦБК, его ориентация на поддержку всех великих держав была явно неосуществимой, что «политические идеи в мемуаре султану и правительствам великих держав выражали все еще незрелость, наивность и нереальную оценку обстановки и возможностей», выработанный ТЦБК документ обратил внимание Европы на положение болгарского народа и способствовал активизации национальных сил⁶³.

В конце 1868 — начале 1869 г. Добродетельная дружина также выдвинула идею дуализма с Турцией в прошении, обращенном к международной конференции по греко-турецкому вопросу в Париже. Однако на конференции оно не рассматривалось⁶⁴.

В противоположность компромиссным проектам болгарской буржуазии, дуалистическим иллюзиям Добродетельной дружины и ТЦБК революционное крыло болгарского движения разработало программу радикального решения освобождения страны путем всеобщего вооруженного восстания. «Для нас преобразования в Турции, обещания, дуализм, — писал Христо Ботев, — слова без всякого смысла, призраки и утопии...» Выход — в народной революции, радикальном перевороте⁶⁵. Приложив немалые усилия для реализации планов совместных действий балканских народов в предшествующие годы, возлагая надежды на поддержку Сербии, Греции и

Румынии, Г. С. Раковский на опыте убедился, что правительственные круги этих стран не были склонны считаться с интересами освободительной борьбы болгарского народа. Пережив колебания и сомнения в поисках средств достижения цели, он пришел к выводу, что болгары должны рассчитывать прежде всего на собственные силы⁶⁶. Раковский был убежден, что освобождение родины возможно путем вторжения вооруженных отрядов (чет) из Румынии и Сербии в Болгарию, которые поднимут там восстание и поведут народные массы на решительную борьбу⁶⁷. Созданное в конце 1866 г. «Верховное народное болгарское тайное гражданское начальство» объединило приверженцев революционной борьбы (П. Хитова, Ф. Тотю, Ст. Караджу, Х. Димитра и др.) и стало готовить четы для отправки их в Болгарию весной—летом 1867 г. Основные положения о целях, задачах организации и управлении четами были изложены в составленном Раковским «Временном законе о народных лесных четах летом 1867 г.»⁶⁸. В поисках средств на вооружение соратники Раковского обратились к руководителям Добродетельной дружины. В соответствии с позицией России в данный момент и планами совместных действий с Сербией она приняла участие в финансировании отрядов, предоставив средства, но лишь для двух чет — П. Хитова и Ф. Тотю⁶⁹. Ради общих интересов освобождения родины революционеры временно пошли на общую акцию с Добродетельной дружиной и одесскими болгарам, что не снимало глубоких идейных противоречий между ними, зиждившихся на противоположности классовых интересов⁷⁰.

Другой выдающийся деятель национально-революционного движения, Любен Каравелов, возглавил Болгарский комитет в Белграде в мае 1867 г. Комитет организовал большую добровольческую чету под руководством Ивана Кулина и Еремии Петрова, которая должна была соединиться с четами П. Хитова и Ф. Тотю.

Тесные связи поддерживали Л. Каравелов и Болгарский комитет с Объединенной сербской Омладиной; были установлены контакты с деятелями освободительного движения в Воеводине, Хорватии, Боснии, Герцеговине, Черногории, Чехии. Народы этих стран с симпатией и сочувствием относились к борьбе болгар. Омладинцы оказали моральную и материальную поддержку болгарским добровольцам в Сербии во время формирования четы. Многие представители сербской, хорватской, черногорской, чешской молодежи выражали желание и готовность принять непосредственное участие в вооруженной борьбе болгарского народа. Солидарность с болгарам проявило и «Славянское общество» в Цюрихе летом 1867 г., намереваясь собрать средства и организовать добровольческие отряды из славянской молодежи⁷¹.

Так же как и Г. С. Раковский, Л. Каравелов в тех конкретно-исторических условиях, считая необходимым объединение сил и союз болгарского народа с южнославянскими и балканскими народами в борьбе против общего врага, отводил определяющую роль развитию массового революционного движения болгарского народа.

После полного освобождения мыслилось создание федерации или

конфедерации балканских государств, основанной на принципах национального равенства и независимости⁷².

Значительный отклик в болгарском революционном движении нашла борьба итальянского народа за национальную свободу. Сам Каравелов считал, что для успеха освободительной борьбы на Балканах нужен «славянский Гарибальди». Как полагают болгарские исследователи, Л. Каравелов был осведомлен о намерениях Гарибальди поддержать борьбу южных славян и вместе с сыном появиться на Балканах весной 1867 г. В начале года он ездил в Далмацию, чтобы встретиться с Гарибальди и познакомиться с планами итальянских революционеров⁷³.

В период подготовки общего восстания на Балканах Л. Каравелов принимал участие в деятельности Омладины и ее общества «Сербская община» в Петербурге. Известны сведения также о связях его с русскими революционерами (М. А. Бакуниным, И. И. Бочкаревым, С. Г. Нечаевым, И. Г. Прижовым и др.)⁷⁴.

Делая ставку на собственные силы болгарского народа, на союз с южнославянскими и балканскими народами, болгарские революционеры вместе с тем, несмотря на отрицательное отношение к царизму, понимали объективную необходимость поддержки и помощи России, видя в ней потенциального союзника в борьбе за освобождение от османского владычества⁷⁵. Революционер-демократ Хр. Ботев писал: «...христианские народности Балканского полуострова найдут сочувствие только в России»⁷⁶.

Царское правительство, разумеется, стремилось использовать национально-освободительное движение на Балканах в своих целях, рассчитывая с его помощью добиться решения стоявших перед ним внешнеполитических задач. Петербург осуществлял дипломатическими средствами поддержку освободительных устремлений болгарского и других подвластных султану народов; это являлось основой его балканской политики на протяжении двадцати межвоенных лет (1856—1876 гг.). Расширяя сеть консульских учреждений, правительство России оказывало моральную и материальную помощь культурно-национальному развитию болгарского народа (помощь школам, церквям, подготовка кадров болгарской интеллигенции в русских учебных заведениях и др.). Трезво оценивая все еще значительную мощь Османской империи, недостаточность сил болгарского и других балканских народов, их разобщенность, отсутствие должных ресурсов и свою собственную неготовность, царское правительство пыталось удержать эти народы от «разрозненных и непоследовательных выступлений», которые, по словам А. М. Горчакова, приводили лишь к бесполезному кровопролитию и ухудшению их положения⁷⁷.

Вместе с тем, по мере того как национально-освободительная борьба приобретала все больший размах на Балканах, самодержавие, боясь потерять здесь свое влияние, вынуждено было в отдельные периоды прибегать и к более действенным, материальным средствам поддержки южных славян. Так, в начале 60-х годов, когда складывалась благоприятная ситуация для общего антиосманского

выступления, правительство России предоставило крупный заем Сербии. Оно рассматривало это полунезависимое княжество в качестве ядра намечавшегося союза балканских государств, в котором должны были участвовать и болгары. Были приложены дипломатические усилия для укрепления политического статуса Сербии и оказана помощь в организации и развитии ее военных сил. В 1862 г. из России было переправлено оружие для вооружения сербской армии и болгар. Русские дипломаты, сообщая о возникновении в 1860—1861 гг. патриотических обществ в Адрианополе и Тырнове, ставили перед российским МИД вопрос об оказании материальной помощи болгарским патриотам. Известно, что с согласия Александра II они пытались вступить в контакт с болгарским воеводой Илией, который действовал с отрядом в Болгарии, а затем вместе с Г. С. Раковским принимал участие в формировании болгарского отряда в Сербии⁷⁸.

Естественно, не могло быть и речи о последовательном проведении политики поддержки национально-освободительного движения поработенных народов со стороны официальной России. Петербургский кабинет отдавал безусловное предпочтение постепенному ненасильственному решению балканских проблем, рассматривая участвовавшие восстания как своего рода средство давления на Порту и кабинеты Запада. В выработанной МИД России в 1866—1867 гг. программе предусматривалось прежде всего удовлетворение требований Сербии и Крита, положение в которых особенно обострилось. Важное место в этой программе отводилось вопросу об общем улучшении положения всех христианских подданных Порты путем реформ⁷⁹.

Призывая западные столицы, прежде всего Париж, к совместным акциям перед Портой в защиту христианского населения европейских провинций Османской империи, петербургский кабинет настаивал, чтобы вопрос о Крите и Сербии решался в неразрывной связи с вопросом о положении болгарского и других народов империи. А. М. Горчаков подчеркивал, что русское правительство считает необходимым, чтобы «серьезная и гарантированная автономия внутренней администрации была обеспечена одновременно всем христианским народам, находившимся под господством султана. Обсуждение этих двух вопросов,— писал он,— не должно проходить раздельно, чтобы не выдать на милость Порты судьбу наших славянских единоверцев»⁸⁰.

В ноябре 1866 г. А. М. Горчаков вновь поднял вопрос о предоставлении автономии всем христианским провинциям Европейской Турции⁸¹. Наиболее оживленные переговоры завязались с Францией, на поддержку которой Петербург надеялся. Тюльрийский кабинет, уповая на содействие своим планам на Западе со стороны России, создавал видимость согласия с ней в решении вопроса об улучшении положения балканских христиан. Он выдвинул свой проект реформ, опиравшийся на хатт-и хумаюн 1856 г. (февраль 1867 г.)⁸². Этот план (см. § 1 гл. 2) исходил из идеи слияния христиан и мусульман Османской империи в новую нацию⁸³, что

исключало саму идею национальной автономии. Французский проект был направлен на сохранение целостности империи, укрепление османского господства над покоренными народами и против влияния России в этом регионе. Русское правительство и его дипломатия в апреле 1867 г. разработали свой проект реформ для христианского населения Европейской Турции, за влияние на которое Россия вела борьбу с западными державами. Проект МИД России предусматривал систему «раздельного», «параллельного» развития христиан и мусульман на началах местного самоуправления. В нем подчеркивалось, что принцип автономии должен быть коренной основой административного устройства областей Европейской Турции⁸⁴.

Однако усилия царского правительства добиться от западных держав принятия проекта реформ не увенчались успехом. Против автономного развития болгарского и других подвластных султану народов выступили и Порты, и западные державы.

Петербургский кабинет оказался перед необходимостью искать выход из создавшегося положения, когда его дипломатические акции в пользу подвластных султану народов встречали противодействие Порты и западных держав, с одной стороны, а с другой — нарастающее антиосманское движение этих народов делало невозможным продолжение политики сдерживания их от решительных действий. «...Мы не имели ни права, ни выгоды останавливать движение христианских народов,— писал А. М. Горчаков в докладе царю 23 декабря 1867 г.,— в противном случае мы рисковали бы оттолкнуть их от себя и бросить тем самым в объятия враждебных влияний Запада»⁸⁵.

Активная деятельность русской дипломатии в условиях нараставшего национально-освободительного движения балканских народов возбуждала у них определенные надежды на то, что Россия не оставит их в критический момент; царским консулам пришлось доводить до сознания руководителей движения, что Россия в силу внутренних и внешних причин не готова к военному конфликту с западными державами и Портой. Петербург обещал обеспечить невмешательство великих держав в случае возникновения антиосманского восстания. В октябре 1867 г. петербургский кабинет выступил с декларацией в этом смысле⁸⁶. В западных столицах трактовали невмешательство иначе, а именно как обязательство Сербии, Греции, Черногории не вмешиваться во внутриосманские дела. «Требовать спокойствия Сербии... или Черногории... означало бы отдать герцеговинцев, жителей Эпира и Фессалии или болгар на избиение туркам,— писал Горчаков,— ибо тогда они оказались бы лишенными поддержки своих единоверцев, находящихся под одним и тем же господством. Давая такое широкое толкование принципу невмешательства, мы станем палачами наших единоверцев». А. М. Горчаков подчеркивал, что может возникнуть такая ситуация, которая заставит петербургский кабинет отступить от провозглашенного им же принципа, а именно: «в случае полного поражения христиан Россия неизбежно должна будет выступить на их защиту»⁸⁷.

К концу 1867 г. международные события приняли оборот, неблагоприятный как для общей акции балканских народов, так и для балканской политики России. В августе 1867 г. на свидании в Зальцбурге Наполеон III и Франц Иосиф подтвердили обоюдное стремление к поддержанию принципа сохранения статус-кво на Балканах и целостности Османской империи (см. § 2, 3 гл. 1). Появилась угроза создания антирусской коалиции. Изменение политического курса Сербского княжества после вывода турецких гарнизонов из сербских крепостей (см. гл. 5), внутривосточная борьба и усиление австрийского влияния в правящих кругах Сербии сказались и на состоянии сербо-болгарских отношений. Была распущена Вторая болгарская легия — военное училище, открытое в Белграде в 1867 г. для подготовки руководителей планировавшегося на весну 1868 г. восстания в Болгарии⁸⁸. 28 января 1868 г. Горчаков писал посланнику в Вене Э. Г. Штапельбергу: «Нынешние политические обстоятельства не благоприятствуют восстанию христиан»⁸⁹.

Это не означало «умиротворения» Балкан, и Болгарии в частности. Русские консулы из Варны, Рушук (Русе), Бухареста и других городов отмечали готовность болгарского народа продолжать борьбу. Г. Г. Оффенберг писал А. М. Горчакову из румынской столицы: «Режим террора отнюдь не способствует даже видимому спокойствию в задунайских провинциях. Он вызывает отправку многочисленных подкреплений гайдукам Балкан и должен придать их сопротивлению характер отчаянной борьбы»⁹⁰.

Наиболее значительным проявлением национально-революционной борьбы болгарского народа были героические действия четы Хаджи Димитра и Стефана Караджи, перешедшей в Болгарию летом 1868 г. Она была подготовлена сторонниками Г. С. Раковско-го⁹¹. Ядро ее составили участники Второй болгарской легии. Чета совершила героический поход от румынского села Петрушан до вершины Бузлуджи, вступая не раз в неравный бой с частями турецкой армии. В ходе этих сражений сложило головы большинство болгарских патриотов⁹².

Подвиг четы «глубоко взволновал болгарский народ, вызвал большую тревогу в правящих кругах Османской империи, напел широкий отклик во всех европейских странах, привел в движение дипломатические ведомства заинтересованных держав»⁹³.

Представители Англии, Франции, Австро-Венгрии с тревогой передавали из Бухареста, Белграда, Константинополя, Варны, Русе, Адрианополя и других городов о нараставшем возбуждении среди болгарского населения, о переходе в Болгарию вооруженных чет из Румынии и Сербии. Подробно информируя свои правительства о различных проявлениях болгарского освободительного движения, возникновения комитетов, деятельности Добродетельной дружины и других организаций болгарской буржуазии, о четах, они приписывали все это интригам и подстрекательству русских агентов⁹⁴.

Французский консул в Русе Шефер предлагал рекомендовать Порте направить войска во главе с Мидхатом-пашой на усмирение непокорных болгар⁹⁵. Венский кабинет, опасавшийся, с одной сто-

роны, того, что освободительное движение южных славян перебростится и на славянское население Австрийской империи, с другой — распространения влияния России на Балканах, создал широкую сеть агентов в Болгарии, Боснии, Герцеговине. Английская дипломатия оказывала нажим на Порту и правительства Сербии и Румынии, требуя от первой принятия срочных мер против любых попыток восстания в болгарских землях, а от последних — прекращения помощи болгарам⁹⁶. В 1867 г. английский консул в Белграде Лонгварт (так же как и его австрийский и французский коллеги) развернул энергичную кампанию против сербского правительства, требуя не оказывать никакого содействия болгарским повстанцам. В результате сербские власти воспрепятствовали переходу в Болгарию сформированной в Сербии добровольческой четы⁹⁷.

И среди дипломатов западных держав встречались люди добросовестные, объективно оценивавшие жизнь болгарского народа, критически относившиеся к возможности сохранения статус-кво на Балканах. Французский консул в Белграде Эд. Энгельгардт, автор фундаментального исследования об истории реформ в Османской империи⁹⁸, ставил в известность тюильрийский кабинет о нарушении обещаний, зафиксированных в хатт-и хумаюне 1856 г.⁹⁹

Посетивший эти провинции в начале 60-х годов англичанин М. А. Дентон был поражен контрастом между публиковавшимися у него на родине сообщениями о ситуации на Балканах и подлинным состоянием дел¹⁰⁰.

Внешняя политика Пруссии, которую с 1862 г. осуществлял Отто фон Бисмарк, была подчинена решению основной задачи — объединению Германии. Ею же определялся и курс относительно национально-освободительного движения болгарского и других балканских народов. Бисмарк использовал противоречия на Балканах между западными державами и Россией. Зантересованная в поддержке России, Пруссия стремилась к более тесному сближению с ней. В связи с этим прусская дипломатия в ряде случаев оказывала поддержку петербургскому кабинету в его дипломатических акциях на Балканах перед Портой и западными державами в пользу национальных требований балканских народов, находившихся под османским владычеством (предложения по Криту, о сербских крепостях). В инструкции Бисмарка посланнику в Константинополе от 25 октября 1867 г. предписывалось присоединиться при обсуждении «восточных» вопросов к мнению русского и французского коллег¹⁰¹. Вместе с тем Пруссия, как и другие западные державы, выступала против усиления влияния России в данном регионе, ловко направляя экспансионистские устремления Австро-Венгрии на Балканы¹⁰².

Наибольшую активность дипломатии западных держав относительно Болгарского вопроса вызвали события, связанные с переходом четы Хаджи Димитра и Стефана Караджи, превратившие Болгарский вопрос «почти в общеевропейскую политическую проблему»¹⁰³.

Порта обратилась к представителям держав с предложением кол-

лективного демарша перед правительством Румынии в связи с пропуском чет. Ее поддерживали правительства Англии, Франции и Австро-Венгрии. Петербург категорически выступал против «произвольного вмешательства во внутренние дела Румынии»¹⁰⁴. Пруссия, политические интересы которой в данный момент совпадали с династическими (напомним, что князем Румынии был Карл Гогенцоллерн), выступила с тех же позиций.

Таким образом удалось предотвратить угрозу вмешательства западных держав в назревавший конфликт между Турцией и Румынией. Вместе с тем царское правительство через своего дипломатического представителя в Бухаресте Г. Г. Оффенберга выразило неодобрение действиям румынских властей, допустивших переход в Болгарию вооруженных отрядов. Оно усматривало в этом предосудительные связи правящей румынской либеральной партии с деятелями болгарской эмиграции¹⁰⁵. И тут же, противореча сам себе, А. М. Горчаков писал: «Мы не можем возложить на болгар ответственность за движение, главная причина которого заключается в ненормальном состоянии страны»¹⁰⁶.

Болгарское четническое движение вызвало широкий отклик и горячее сочувствие в России и соседних балканских странах. Журнал «Отечественные записки» писал о «важности восстания христиан и желательности его более широкого развития без давления и вмешательства держав», рекомендовал развернуть «большую активность русской дипломатии, энергичные действия которой необходимы, чтобы помешать отстранить Россию от решения Восточного вопроса и изолировать ее от Востока»¹⁰⁷. Славянофилы в газете «Москва» значительное место отводили сообщениям из Болгарии. Действия болгарских чет расценивались И. С. Аксаковым как начало восстания¹⁰⁸.

Южнославянские народы (боснийцы и герцеговинцы, сербы и черногорцы) с негодованием восприняли весть о расправе Мидхата-пашы с болгарским населением и с нетерпением ожидали сигнала из Сербии о начале военных действий против Османской империи. Горячее сочувствие вызвали события 1867 г. в Болгарии в прогрессивных кругах Сербии и Румынии. Омладинцы требовали от правительства немедленных акций против Порты и содействия революционно-освободительной борьбе в Боснии, Герцеговине и Болгарии¹⁰⁹.

Переход чет П. Хитова и Ф. Тотю вызвал волну симпатии среди румынской общественности. В то время как органы печати консервативного направления перепечатывали известия из австрийских и французских газет, в которых содержались подчас вымышленные и клеветнические сведения, радикальная «Ромынул» заявляла о поддержке болгарского движения¹¹⁰.

Боями Хаджи Димитра и Стефана Караджа завершается четнический период борьбы в болгарском национально-освободительном движении, сыгравший важную роль в развитии болгарской национальной революции. Вместе с тем опыт этой борьбы показал, что без подготовки восстания в самой Болгарии, без организационного

центра, способного осуществить ее, невозможно добиться успеха в деле освобождения страны. Перед болгарскими революционерами встал вопрос о необходимости изменения тактики и создания внутренней революционной организации для подготовки народной революции внутри Болгарии. Идеологом такой организации стал выдающийся болгарский революционер Васил Левский. На рубеже 60—70-х годов XIX в. болгарское национально-революционное движение вступило в новый, более высокий этап развития.

- ¹ Косев Д. Новая история Болгарии: Курс лекций. М., 1952, с. 232—233.
- ² Косев К. За капиталистическото развитие на българските земи през 60-те и 70-те години на XIX век. С., 1968, с. 120—122; Гринберг С. С. Болгарские фабрики в период национального возрождения.— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974, с. 36—39; Икономиката на България до социалистическата революция/Под ред. на Жак Натан, В. Хаджиниколов, Л. Беров. С., 1969, т. I, с. 245—248.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 33.
- ⁴ Косев Д. Новая история..., с. 244—245; Левинтов Н. Г. Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 гг.— В кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953, с. 164—180; Конобеев В. Д. Българското националноосвободително движение: Идеология, програма, развитие. С., 1972, с. 25—28, 372.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 34.
- ⁶ Кратка история на България. С., 1969, с. 131.
- ⁷ Благовев Д. Принос към историята на социализма в България. С., 1956, с. 28—29.
- ⁸ Косев Д. Новая история...; Маркова З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. С., 1976 и др.
- ⁹ Благовев Д. Принос..., с. 30.
- ¹⁰ Косев Д. Новая история..., с. 251.
- ¹¹ Ников П. Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. С., 1971, с. 119; Маркова З. Русия и българският църковно-национален въпрос 1856—1864 гг.— В кн.: Годишник на Софийския университет: Исторически факултет. С., 1980, т. 70, с. 176.
- ¹² Косев Д. Новая история..., с. 252.
- ¹³ Пантев А. Англия и българският църковен въпрос (1860—1870).— В кн.: В чест на акад. Димитър Косев: Изследвания по случай 70 години от рождението му. С., 1974, с. 143.
- ¹⁴ Генчев Н. Франция в българското духовно възраждане. С., 1979, с. 210 и далее.
- ¹⁵ Записка о нынешнем значении нашей миссии в Царьграде от 14(26) апреля 1856 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1856 г., д. 43, л. 367.
- ¹⁶ Ников П. Възраждане..., с. 157—158; Пантев А. Англия..., с. 145, 147.
- ¹⁷ Записка А. А. Ольхина «О способах противодействия пропагандам западных держав в Болгарии».— АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1864 г., д. 428, л. 429 об.
- ¹⁸ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1860 г., л. 248—249 об.
- ¹⁹ Ников П. Възраждане..., с. 162—167.
- ²⁰ Подробнее см.: Там же с. 164; Жечев Т. Българският Великден или страстите български. С., 1975, с. 135—149.
- ²¹ Маркова З. Русия и българският..., с. 219—221.
- ²² АВПР, ф. Отчеты МИД, 1859 г., л. 159 об.
- ²³ Ников П. Възраждане..., с. 165; АВПР, ф. Отчеты МИД, 1861 г., л. 128 об.
- ²⁴ Записка А. П. Толстого. См. помету царя.— ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, д. 426, ч. II, л. 131—135; АВПР, ф. Отчеты МИД, 1860 г., л. 236—237; А. М. Горчаков—А. Б. Лобанову-Ростовскому, 12(24) января 1861 г.— Там же, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 39, л. 23; Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1866, с. 199—200.

- ²⁵ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в., М., 1970, с. 166.
- ²⁶ А. Б. Лобанов-Ростовский — А. М. Горчакову 3(15) июня 1861 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 35, л. 100 об. — 101.
- ²⁷ Пантев А. Англия..., с. 146.
- ²⁸ Там же, с. 146—148.
- ²⁹ Генчев Н. Българско възраждане. С., 1978, с. 196.
- ³⁰ Дамьянов С., Паскалева В., Пантев А. Западните държави и балканските славяни от началото на XIX в. до Берлинския конгрес (1878). — В кн.: Славянска филология. С., 1973, т. XIV, с. 89—90.
- ³¹ И. А. Иванов — Н. П. Игнатеву, 18(30) януаря 1871 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1871 г., д. 1017, л. 9 об.
- ³² АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2186, л. 207 и об.
- ³³ Шарова Кр. За «Българският Великден» на Тончо Жечев и за църковно-националната борба на българите. — Исторически преглед, 1976, кн. I, с. 120.
- ³⁴ Архив на Г. С. Раковски. С. 1952, т. I, с. 360—363.
- ³⁵ Трайков В. Георги Стойков Раковски: Биография, С., 1974, с. 156.
- ³⁶ Маждракова-Чавдарова О. Национално-освободителното и революционното движение в Европа през погледа на Г. С. Раковски според «Дунавски лебед» (1860—1861 г.). — Исторически преглед, 1970, кн. 3, с. 72—88; Митев Й. Гарибалди и българското националноосвободително движение през 60—70-те години на XIX век. — В кн.: Освобождението на България. С., 1970, с. 30—34; Трайков В. Идеологически течения и програми в национално-освободителните движения на Балканите до 1878 година. С., 1978, с. 275; Христов Хр. Към въпроса за ролята на външните сили в стратегията на националната революция — В кн.: Проблеми на Българското възраждане. С., 1981, с. 48—49.
- ³⁷ По-подробнее см.: Архив на Г. С. Раковски, т. I, с. 377—379.
- ³⁸ Трайков В. Георги Стойков Раковски, с. 248—249; Он же. Идеологически течения..., с. 276.
- ³⁹ А. Д. Блудов — Е. П. Новикову, 5(17) юния 1863 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1174, л. 13—15 об.
- ⁴⁰ Архив на Г. С. Раковски, т. I, с. 404—408.
- ⁴¹ Там же, с. 404—405; Трайков В. Георги Стойков Раковски, с. 269—270.
- ⁴² Тодоров Н. Освободителните движения на Балканите и ролята на българите в тях. — В кн.: В памет на академик Михаил Димитров: Изследвания върху Българското възраждане. С., 1974, с. 130—132; Данова Н. Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век. С., 1980, с. 218—219, 221.
- ⁴³ Шарова Кр. Любен Каравелов и българското освободително движение, 1860—1867. С., 1970, с. 116; Данова Н. Националният въпрос..., с. 224.
- ⁴⁴ Петко-войвода (1844—1900). С., 1953, с. 36—37; Митев Й. Гарибалди..., с. 19—20.
- ⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1866 г., д. 220, л. 5.
- ⁴⁶ Шарова Кр. Любен Каравелов..., с. 107; Тодоров Н. Освободителните движения..., с. 131.
- ⁴⁷ Бурмов А. Българското национално-революционно движение и българската емиграционна буржоазия през 1867—1869 г. — Избрани произведения. С., 1974, т. II, с. 141.
- ⁴⁸ Трайков В. Идеологически течения..., с. 268.
- ⁴⁹ По-подробнее о политических организациях см.: Димитров М. Комитетът на «Старите» — Добродетелната дружина. — В кн.: България 1000 години, 927—1927. С., 1930; Шарова Кр. Любен Каравелов..., с. 145—190; Бурмов А. Таен централен български комитет. — Избрани произведения, т. II, с. 58—106; Трайков В. Идеологически течения...; Забунов И. Д. Болгары юга России и национальное болгарское возрождение в 50—70-е годы XIX в. Кишинев, 1981, с. 59—71; Червенков Н. Н. Политические организации болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50-х — 60-е годы XIX в. Кишинев, 1982; и др.
- ⁵⁰ Шарова Кр. Проблеми на Българското възраждане. — В кн.: Проблеми на

- Българското възрождане, с. 30—35. Христов Хр. Към въпроса за ролята на външните сили в стратегията на националната революция, с. 46—47.
- ⁵¹ Улунян А. А. Из истории национально-освободительного движения в Болгарии 60—70-х годов XIX в.: (По донесениям русских дипломатов).— Известия на Института за история, С., 1968, т. 20, с. 284.
- ⁵² Димитров М. Комитетът..., с. 761—767; Якишић Г., Вучковић В. Ј. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила: (Први балкански савез). Београд, 1963, с. 365—368, 383—386, 505—506.
- ⁵³ Подробнее см.: Бурмов А. Таен централен български комитет, с. 58—81.
- ⁵⁴ Кисимов П. Исторически работи: Монте спомени. С., 1901, ч. III, с. 3—20.
- ⁵⁵ Бурмов А. Таен централен български комитет, с. 85.
- ⁵⁶ Кисимов П. Исторически работи, с. 47—60; Бурмов А. Таен централен български комитет, с. 85—87; Трайков В. Идеологически течения..., с. 279—280.
- ⁵⁷ Трайков В. Идеологически течения... с. 279.
- ⁵⁸ Орешков П. Н. Руска државна преписка по нашето освободително движение (1866—1868).— Списание на Българската академия на науките. Кн. 52. Клон историко-филологичен и философскообществен. 25, С., 1935, с. 275—278, 315—319; Бурмов А. Таен централен български комитет, с. 88; Червенков Н. Н. Политическите организации..., с. 81—82.
- ⁵⁹ Бурмов А. Таен централен български комитет, с. 88—89.
- ⁶⁰ Косев Д. Русия, Франция и българското освободително движение, 1860—1869. С., 1978, с. 79—80.
- ⁶¹ Документи за българска история. Т. I. Архив на Найдено Геров, ч. 1. С., 1931, с. 436; Бурмов А. Таен централен български комитет, с. 98—99; Шарова Кр. Любен Каравелов..., с. 151; Косев Д. Русия..., с. 37.
- ⁶² АВРР, ф. ГА Политотдел, 1866—1868 гг., д. 6, л. 17 и об.; Орешков П. Н. Руска државна преписка..., с. 280.
- ⁶³ Шарова Кр. Проблеми..., с. 28; Червенков Н. Н. Политическите организации..., с. 87.
- ⁶⁴ Димитров М. Комитетът..., с. 774—775; Трайков В. Идеологически течения..., с. 328.
- ⁶⁵ Ботев Хр. Събр. съч. С., 1976, т. 2, с. 16—17.
- ⁶⁶ Трайков В. Георги Стойков Раковски, с. 332—334, 378; Христов Хр. Към въпроса за ролята..., с. 49.
- ⁶⁷ Трайков В. Георги Стойков Раковски. с. 332, 342.
- ⁶⁸ Архив на Г. С. Раковски. С., 1952, т. I, с. 429—432.
- ⁶⁹ Подробнее см.: Бурмов А. Таен централен български комитет, с. 116—120; Шарова Кр. Любен Каравелов..., с. 194—197; Трайков В. Георги Стойков Раковски, с. 342—348.
- ⁷⁰ Косев Д. Русия..., с. 42, 108—109; Шарова Кр. Научни резултати от дискусията за ролята на буржоазията в българското освободително движение и предстоящи изследвателски задачи.— Исторически преглед. 1978, кн. I, с. 98—99; Трайков В. Идеологически течения..., с. 286.
- ⁷¹ Шарова Кр. Любен Каравелов..., с. 167—169, 181—185, 295—369.
- ⁷² Там же, с. 294, 408.
- ⁷³ Там же, с. 103—107.
- ⁷⁴ См.: Карисев В. Г., Конобеев В. Д. О связях русских, сербских и болгарских революционеров в 60—70-х годах XIX в. М., 1966; Поглубко К. А. Очерки истории болгаро-русских связей (60—70-е годы XIX в.). Кишинев, 1972; Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874). Кишинев, 1973, с. 288, 292, 366—367, 387—388 и др.
- ⁷⁵ Шарова Кр. Любен Каравелов..., с. 109.
- ⁷⁶ Ботев Хр. Събр. съч. С., 1971, т. 2, с. 440.
- ⁷⁷ Никитин С. А. Очерки..., с. 146—151, 156, 158, 169; Степанова Л. И. Учреждение представительства России в Болгарии в 50—60-х годах XIX в. и их задачи в области русско-болгарских культурных связей.— В кн.: Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев, 1977, с. 34—41; Она же: Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-е годы XIX в. Кишинев, 1981; Зуева Н. В., Шагожина Е. М. Из истории бал-

- канской политики России, 1856—1867 гг.— В кн.: Балканские исследования. Вып. 8. М., 1982, с. 163—168.
- ⁷⁸ Н. Д. Ступин — Е. П. Ковалевскому, 9, 23 ноября (21 ноября, 5 декабря) 1860 г.— АВПР, ф. ГА IV₂, 1856—1872 гг., д. 13, ч. I, л. 54—60; А. Б. Лобанов-Ростовский — Н. Д. Ступину, 16(28) января 1861 г.— АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1861 г., д. 1007а, л. 436—438; Архив на Найденов, ч. I, с. 236—238, 311, 393.
- ⁷⁹ Очерк истории Министерства иностранных дел, 1802—1902. СПб., 1902. с. 144—145.
- ⁸⁰ А. М. Горчаков — Ф. И. Бруннову, 11(23) февраля 1867 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1867 г., д. 98, л. 147—148.
- ⁸¹ Московские ведомости, 1867, 23 февр.
- ⁸² *Дамьянов С.* Франция и българската национална революция. С., 1968, с. 96—99; *Косев Д.* Русия..., с. 64—65.
- ⁸³ *Morel E.* La Turquie et ses réformes. P., 1866, p. 3—5.
- ⁸⁴ Санкт-Петербургские ведомости, 1867, 9(21) дек. Очерк истории Министерства иностранных дел, с. 146.
- ⁸⁵ *Зуева Н. В., Шаголина Е. М.* Из истории..., с. 164, 169.
- ⁸⁶ Русский инвалид, 1867, 9 дек.
- ⁸⁷ А. М. Горчаков — А. Ф. Будбергу, 11(23) декабря 1866 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1866 г., д. 174, л. 301—302.
- ⁸⁸ Подробнее см.: *Шарова Кр.* Втората българска легия в Белград (1867—1868).— В кн.: В памет на академик Михаил Димитров: Изследвания върху Българското възраждане. С., 1974, с. 445—503.
- ⁸⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1868 г., д. 151, л. 393 об.
- ⁹⁰ Г. Г. Оффенберг — А. М. Горчакову, 24 июня (6 июля) 1867 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1867 г., д. 16, л. 42 об.; А. Е. Сученков. — Н. П. Игнатьеву, июнь 1867 г.— АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1867 г., д. 4327, л. 31—43 об.
- ⁹¹ *Маркова З.* Четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа. С., 1967; *Косев Д.* Русия..., с. 111—112; *Он же.* Някои проблеми около четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа.— Исторически преглед, 1979, кн. 2; *Червенков Н. Н.* Политическите организации..., с. 96—97.
- ⁹² Подробнее см.: *Маркова З.* Четата на Хаджи Димитър...
- ⁹³ *Косев Д.* Някои проблеми..., с. 42.
- ⁹⁴ Документи за българската история. Т. V. Документи за новата история на българския народ из военските държавни архиви, 1830—1877. С., 1948, с. 68—102, 188—228; *Монеджикова А.* Четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа в английски дипломатически документи.— Известия на Института Ботев-Левски, 1956, кн. II, с. 145—148, 152—154; *Паскалева В.* Политиката на Австрия (Австро-Унгария) и българското националноосвободително движение от Кримската война до Освобождението.— Известия на Института Ботев-Левски, 1959, кн. III, с. 93—138; *Цветкова Б. А.* Френски дипломатически документи за българското национално-революционно движение през 1867—1868 г. и четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа.— Известия на държавните архиви, 1966, кн. II, с. 150—155; *Дамьянов С.* Франция и българската национална революция, с. 112—115; *Косев Д.* Русия..., с. 66—95.
- ⁹⁵ *Цветкова Б. А.* Френски дипломатически документи..., с. 155; *Дамьянов С.* Франция..., с. 115.
- ⁹⁶ *Дамьянов С., Паскалева В., Пантев А.* Западните държави..., с. 89—90.
- ⁹⁷ Там же, с. 89; *Шарова Кр.* Любен Каравелов..., с. 275.
- ⁹⁸ *l'Empire Ottoman depuis 1826 jusqu'à nos jours.* P., 1882—1884. V. I-II.
- ⁹⁹ *Engelhardt Ed.* La Turquie et le Tanzimat ou Histoire des réformes dans...
Косев Д. Русия..., с. 74—75.
- ¹⁰⁰ *Denton M. A.* Die Christen in der Türkei: (Aus dem Englischen). L., 1863, S. 6.
- ¹⁰¹ *Паскалева В.* Политиката на Пруссия спрямо българското революционно движение през 1867—1868 г.— В кн.: В чест на академик Димитър Косев: Изследвания по случай 70 години от рождението му. С., 1974, с. 161; *Косев Д.* Бисмарк, Източният въпрос и българското освобождение, 1856—1878 гг. С., 1978, с. 143—160.

- ¹⁰² *Паскалева В.* Политиката..., с. 170; см. также гл. 1 настоящего исследования.
- ¹⁰³ *Паскалева В.* Политиката..., с. 164.
- ¹⁰⁴ А. М. Горчаков — В. Н. Чичерину, 8(20) августа 1868 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1868 г., д. 115, л. 192—193; А. М. Горчаков — К. П. Иксулю, 15(27) августа 1868 г.— Там же, д. 151, л. 460—463.
- ¹⁰⁵ *Косев Д.* Русия..., с. 95—96.
- ¹⁰⁶ А. М. Горчаков — К. П. Иксулю, 10(22) сентября 1868 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1868 г., д. 151, л. 474—475.
- ¹⁰⁷ *Буссе Н. В.* Русские газеты о чете Хаджи Димитра и Стефана Караджа.— Известия на Народна библиотека «Кирил и Методий». С., 1969, т. IX(XV), с. 72—82; *Никитин С. А.* Очерки..., с. 239.
- ¹⁰⁸ *Никитин С. А.* Очерки..., с. 228, 242.
- ¹⁰⁹ *Шарова Кр.* Любен Каравелов..., с. 263.
- ¹¹⁰ *Цветкова Б. А.* Австрийският ежедневен печат от 1868 г. за четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа.— Известия на Народна библиотека «Кирил и Методий», т. IX (XV); *Възвезова-Каратеодорова К.* Сведения за четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа в парижките ежедневници от 1868 г.— Там же; *Велики К. Н.* Четата на Хаджи Димитър и румънското обществено мнение.— В кн.: В памет на академик Михаил Димитров, с. 344—352, 369—370.

СЕРБИЯ И БАЛКАНСКИЙ СОЮЗ

В 50—70-х годах XIX в. экономика небольшого Сербского княжества (38 тыс. км² территории, 1,2—1,4 млн. жителей) носила ярко выраженный аграрный характер. В стране имелось лишь несколько промышленных предприятий, наиболее крупным из них был государственный завод по производству стрелкового и артиллерийского вооружения в Крагуеваце. Главную роль в хозяйственной жизни княжества играла торговая и ростовщическая буржуазия. Перестройка сельского хозяйства на буржуазный лад происходила медленно. В 70-х годах развитие капиталистических отношений вело к усилению процесса обезземеливания крестьян, к росту их задолженности, распаду большой патриархальной семьи — задруги.

К этому времени социально-экономическое и политическое развитие Сербии достигло необходимой степени зрелости для того, чтобы могли появиться и оформиться основные буржуазные общественно-политические течения — непосредственные предшественники политических партий, отражавшие классовую структуру сербского общества. Помимо консерваторов — идеологов крупных земельных собственников, торговцев и ростовщиков, появились либералы — представители нового течения чисто буржуазного толка. Консервативно-либеральному лагерю с конца 60-х — начала 70-х годов противостояли революционные демократы, выражавшие интересы трудового крестьянства Сербии. Противоборство этих трех течений стало главным содержанием общественно-политической борьбы в Сербии рассматриваемого периода ¹.

Парижский мирный договор 1856 г., юридически оформивший результаты Крымской войны, внес существенные изменения в международно-правовой статус Сербского княжества. Согласно ст. 28 договора оно оставалось, «как прежде, под верховной властью Блистательной Порты, согласно с императорскими хатт-и шерифами, утверждающими и определяющими права и преимущества оно», но не при российском только, как раньше, а «общем ручательстве договаривающихся держав» ², т. е. Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии, Сардинии и России. Порта сохраняла право иметь свои гарнизоны в крепостях на территории Сербии. По ст. 29 без предварительного соглашения между державами-гарантами не могло быть «допущено никакое вооруженное вмешательство в Сербию» ³. Этот пункт договора имел важное значение для княжества, поскольку существенно затруднял осуществление вооруженной интервенции извне. По мысли творцов Парижского трактата коллективные гарантии держав должны были положить конец преобладающему влия-

нию России в княжестве; сторожа друг друга, державы стремились не допустить в дальнейшем установления здесь единоличной гегемонии. На практике же оказалось, что австрийское влияние в Сербии вскоре после окончания Крымской войны стало господствующим. Используя свое географическое положение и ослабление позиций России, Австрия, опираясь на князя Александра Карагеоргиевича, стремилась подчинить страну себе. Англия, заинтересованная в первую очередь в ослаблении царизма на Балканах, не препятствовала австрийским притязаниям.

После войны внутриполитическая ситуация в Сербии становилась все более напряженной, преобретая порой взрывоопасный характер. Ширилась оппозиция князю. Ясно обозначился и глубокий политический кризис олигархического режима так называемых уставобранителей — мнимых защитников конституции. А. Карагеоргиевич, не имея опоры внутри страны, стремился найти поддержку вовне и, по словам прусского консула в Белграде, «ничего не решал без согласования с Т. Радосавлевичем»⁴ (австрийским консулом). И во внешней политике он во всем следовал советам австрийской дипломатии. Среди деятелей правящей группировки не было, да и не могло быть единства взглядов по вопросам внешнеполитической ориентации. Наиболее дальновидный представитель уставобранительского режима И. Гарашанин считал Австрию непримиримым врагом Сербии и предлагал опираться на Францию. Часть уставобранительских лидеров симпатизировала России, большинство же в борьбе с князем за власть опиралось на Турцию. «Там, где надо было проявить силу и решительность по отношению к Турции и Австрии, — характеризует их деятельность югославский историк А. Раденич, — они проявляли слабость, сговорчивость и уступчивость»⁵.

Наиболее последовательными борцами против режима уставобранителей были сербские либералы Е. Груйич, М. Янкович, Р. Алимпич и др., стремившиеся перенести идеи буржуазной государственности, заимствованные ими в Западной Европе, на сербскую почву.

Ростом недовольства политикой Александра Карагеоргиевича воспользовались сторонники свергнутой династии Обреновичей, активизировавшие свою деятельность. Против князя объединились представители различных политических группировок, в том числе многие видные деятели уставобранительского режима — И. Гарашанин, Т. Вучич и др. После ряда неудавшихся попыток избавиться от Александра Карагеоргиевича широкая оппозиция его правлению по совету министра внутренних дел И. Гарашанина решила использовать в качестве средства свержения князя Народную скупщину, которая за все время пребывания у власти уставобранителей (т. е. с 1842 г.) созывалась лишь один раз — в 1848 г.

Свято-Андреевская скупщина 1858—1859 гг. явилась крупнейшим событием внутриполитического развития Сербии до 1878 г. Александр Карагеоргиевич был низложен, и на сербский престол вновь возшел престарелый Милош Обренович, вождь Второго серб-

ского восстания 1815 г. Покончила скупщина и с олигархическим режимом уставобранителей.

Идея созыва скупщины вызвала недовольство у Порты. Она заявила державам, что для управления страной вполне достаточно предусмотренных конституцией 1838 г. органов государственной власти — князя и Совета. В поддержку созыва выступили Франция и Россия⁶. Порта была вынуждена уступить. Турецкое правительство направило в Сербию своего специального представителя, Кабули-эффенди, для наблюдения за ходом заседаний.

Еще большее недовольство у Османской империи и Австрии вызвало решение Свято-Андреевской скупщины избрать князем Сербии Милоша Обреновича. Турецкие государственные деятели хорошо знали упорство Милоша в борьбе за автономию Сербского княжества и не без оснований опасались обострения сербско-турецких отношений после его избрания. Порта заявила, что никогда не согласится с этим решением⁷. Австрийская дипломатия, видя полную неспособность князя Александра противостоять своим противникам, отказалась от его поддержки и отозвала консула Радосавлевича⁸. Усмотрев в избрании Милоша угрозу своим интересам, габсбургское правительство пригрозило оккупацией Белградской крепости, расположенной у самой границы, если сербы попытаются вытеснить оттуда турецкий гарнизон и занять ее своими войсками⁹. Угроза Австрии вызвала решительный отпор России и Франции. Обе державы считали австрийский план прямым нарушением 29-й статьи Парижского мирного договора, предусматривавшей согласие всех держав-гарантов в случае необходимости военного вмешательства в сербские дела. Русский посланник в Константинополе А. Б. Лобанов-Ростовский заявил, что если скупщина уже выбрала князя, то никто не имеет права этому противиться. В то же время Россия призывала сербских политиков к спокойствию и умеренности¹⁰. Французская дипломатия была солидарна с Россией, добиваясь от Порты признания Милоша Обреновича князем Сербии¹¹. В этих условиях Турция была вынуждена согласиться с кандидатурой Милоша, а Австрия — отказаться от своих планов военной оккупации Белградской крепости. Александр Карагеоргиевич, находившийся под защитой турецких войск, подписал акт об отречении¹².

Российская дипломатия и в Сербии использовала накалившиеся в конце 50-х годов франко-австрийские противоречия. стремление Наполеона III ослабить позиции соперника на Балканах, чем и объяснялась поддержка Францией Сербии в 1858—1859 гг. Однако серьезного ослабления Порты и тем более усиления российского влияния на Балканах Вторая империя не желала¹³.

Вернувшийся на сербский престол Милош Обренович оправдал худшие опасения турецких дипломатов: он отказался признавать конституцию 1838 г., потребовал выполнения постановлений прежних хатт-и шерифов о выселении турецкого населения, проживавшего за пределами крепостных укреплений в Сербии, добивался признания Портой наследственных прав своей династии¹⁴. Англия и Австрия выступали против сербских притязаний, а Россия и

Франция, наоборот, поддерживали их. Порта заняла позицию лавирования, избегая удовлетворять наиболее опасные для нее требования Обреновича. Смерть князя Милоша (1860 г.) на время оборвала эти маневры.

Порта, стремясь избежать новых осложнений в Сербии, была вынуждена согласиться с кандидатурой его сына Михаила (1860—1868 гг.), стремившегося осуществить довольно широкую программу внутри- и внешнеполитического развития Сербии. Приблизив к себе самого способного представителя консервативной сербской буржуазии — И. Гарашанина, Михаил вскоре назначил его министром иностранных дел, а затем премьер-министром. Князь принял великосербскую внешнеполитическую программу, составленную И. Гарашаниным еще в 1844 г. и известную под названием «Начертание». Суть внешнеполитических планов Михаила—Гарашанина сводилась к тому, чтобы автономное Сербское княжество во главе с династией Обреновичей возглавило борьбу сербского и других народов Балканского полуострова против Османской империи с целью создания «великой Сербии», в состав которой должны были войти Босния и Герцеговина, Черногория, Хорватия (в случае распада Австрии) и некоторые другие области. Князь Михаил и И. Гарашанин понимали, что без объединения сил балканских народов и использования благоприятной международной обстановки, без поддержки одной из великих держав Сербия не сможет одолеть своего противника — Османскую империю. Так появился план создания Балканского союза, главной силой которого по мысли его создателей и идеологов должна была стать Сербия. Князь и его премьер-министр разработали и осуществили программу реформ, которые призваны были подготовить Сербию к предстоящей войне с Османской империей. Необходимым условием подготовки княжества к ведению активной внешней политики Михаил прежде всего считал укрепление своего личного режима, чему препятствовала конституция 1838 г., согласно которой страной правил олигархический Государственный совет. Михаил Обренович предпринял попытку выяснить мнение европейских правительств относительно возможности отмены старой и принятия новой конституции. Сербский зондаж встретил благоприятный отклик лишь во Франции и России¹⁵. В Петербурге сербскому князю был дан совет, не отменяя формально действующей конституции, свести ее на нет принятием ряда новых законов¹⁶. В соответствии с полученным советом в первой половине 60-х годов в Сербии были изданы законы, обеспечившие перестройку государственного аппарата сверху донизу и установление авторитарного режима князя Михаила. Согласно новым законам, Государственный совет был полностью поставлен под контроль князя; был создан совет министров, члены которого назначались князем и были ответственны только перед ним; князь получил право определять своего престолонаследника; народная скупщина была превращена в бесправный совещательный орган, собиравшийся один раз в три года. Особое место среди реформ сербского правительства занимал закон о создании народного войска, введении всеобщей воин-

ской повинности для мужчин в возрасте от 20 до 50 лет¹⁷. Создание массовой армии, общая численность которой при мобилизации достигала 90 тыс. чел.¹⁸, сербский князь и его премьер-министр считали одним из важнейших мероприятий в подготовке освободительной войны против Турции.

Новые законы, и прежде всего закон о народном войске, были восприняты Портой и поддерживающими ее Англией и Австрией как покушение на сюзеренные права Османской империи. Они потребовали отмены «незаконных мероприятий». Русское правительство, заинтересованное в стабилизации внутривосточного положения княжества, оказывало Сербии значительную дипломатическую поддержку¹⁹.

Активная деятельность сербского правительства в области внешней и внутренней политики привела в начале 60-х годов к резкому обострению сербо-турецких отношений. Ухудшению обстановки в значительной степени способствовало наличие на сербской территории 6 крепостей с турецкими гарнизонами (Белград, Кладово, Смедерево, Шабац, Сокол и Ужице). Пользуясь защитой гарнизонов крепостей, турки не признавали сербской юрисдикции и постоянно организовывали разного рода провокации. Начиная с мая 1862 г. участились случаи столкновений между турками и сербами не только на периферии, но и в столице княжества. Об обстановке в Белграде в это время русский консул Влангали в донесении А. М. Горчакову писал следующее: «Раздражение с обеих сторон растет день ото дня, и я не удивлюсь, если в один из ближайших дней мне придется сообщить Вашей светлости о подробностях кровавого столкновения, которое может произойти в результате малейшего инцидента»²⁰.

Белград состоял из трех частей: турецкой крепости (Калемегдан), внутреннего города, прилегавшего к крепости, где проживало смешанное сербо-турецкое население, и внешнего, где жили только сербы. В условиях нараставшей напряженности любой инцидент мог стать поводом для столкновения. 3 (15) июня 1862 г. турками был убит сербский мальчик. Это вызвало небывалое возмущение сербов, переросшее в открытое столкновение с турками. Лишь благодаря вмешательству консулов держав-гарантов на следующий день в городе удалось восстановить спокойствие. Утром 5 (17) июня по приказу коменданта турецкой крепости был открыт огонь по сербской части города из орудий. Бомбардировка Белграда длилась 4,5 часа. Имелись человеческие жертвы, городу был нанесен серьезный материальный ущерб²¹. Аккредитованные в Белграде иностранные консулы заявили, что «возлагают на белградского пашу ответственность за действия, столь противоречащие принципам международного права»²².

Однако представители держав были далеки от единодушия. Австрийский консул не присоединился к коллективному протесту своих коллег. Британское правительство выдвинуло проект послышки австрийских войск в Белград «для наведения порядка». «Г. Булвер и А. Прокеш утверждают,— писал посланник в Константинополе

А. Б. Лобанов-Ростовский о своих британском и австрийском коллегам князю Горчакову, — что сербы были зачинщиками, и что белградский паша только отбил нападение на крепость. Порта теперь высказывается в том же смысле. Эта версия совершенно противоположна сведениям, которыми располагают Мустье, Вертер (посол Франции и прусский посланник в Константинополе. — *Авт.*) и я, и нам кажется, что она выдвинута задним числом, чтобы обосновать австрийское вмешательство, которого турки горячо желают»²³. Русская дипломатия решительно выступила против англо-австрийского плана. Ее предложение о немедленном расследовании обстоятельств обстрела и жалоб сербского правительства, требовавшего удаления турок из Белграда и распространения на проживавших в княжестве турок сербской юрисдикции, было поддержано Францией.

После разного рода перипетий Англия и Австрия вынуждены были присоединиться к русско-французскому предложению о расследовании конфликта между Портой и Сербией на специальной конференции послов в Константинополе. Чтобы заручиться поддержкой Франции на конференции, в Париж был послан с неофициальным визитом российский посланник в Берлине А. Ф. Будберг. 20 июня (2 июля) 1862 г. в донесении Горчакову он сообщал, что «господин Тувенель в принципе весьма благосклонно относится к идее коллективного соглашения относительно позиции обеих держав на конференции»²⁴. 26 июня (8 июля) 1862 г. между Россией и Францией был подписан протокол о совместных действиях на предстоящей конференции. «Если идеи, выраженные в проекте протокола, — писал Будберг накануне его подписания, — возобладают на конференции, то независимость Сербии станет полной, и ее будущее будет зависеть лишь от внутреннего развития, которое она сама пожелает придать своим институтам»²⁵. Стороны договорились о единстве действий по следующим пяти позициям:

- 1) паружные укрепления Белградской крепости должны быть скрыты;
- 2) турецкие военные посты в городе должны быть сняты;
- 3) турецкие крепости внутри Сербии должны быть ликвидированы;
- 4) турецкие подданные в Сербии должны подчиняться сербской юрисдикции. Князь гарантирует им полное соблюдение законов, действующих в княжестве;
- 5) нельзя принуждать сербского князя в обмен на эти уступки брать на себя обязательство ограничить свои вооруженные силы размерами, необходимыми для поддержания порядка и безопасности в стране²⁶.

«Мы идем на константинопольские переговоры с самыми примирительными намерениями», — заявил глава российского дипломатического ведомства Горчаков²⁷. В ответ на обращение сербского князя Михаила Обреновича к главам великих держав с просьбой о поддержке сербских требований Горчаков от имени царя обещал

такую, но одновременно настоятельно рекомендовал избегать осложнений в отношениях с Портой, могущих привести к войне. «При нынешнем положении в Европе и на Востоке,— писал он,— император считал бы невыгодным для интересов Сербии борьбу, пределы которой невозможно установить и исход которой нельзя предвидеть»²⁸.

Конференция представителей держав-гарантов и Турции открылась 11 (23) июля 1862 г. в местечке Канлиджа близ Константинополя.

На предварительной общей дискуссии выяснилось, что русско-французские предложения встречают противодействие Англии и Австрии. Турецкий министр иностранных дел заявил, что его правительство не намерено уступать сербам крепости. После долгих препирательств 19 (31) июля турецкие представители заявили, что «последний предел их уступок — срытие Ужице и Сокола, но они не соглашаются на отказ от трех других крепостей, дополняющих систему обороны Белграда»²⁹. Поддерживаемая Англией и Австрией, Порта потребовала возмещения убытков выселяемым мусульманам и сокращения сербских вооруженных сил до 12 тыс. человек. Тогда русский и французский представители в свою очередь потребовали возмещения убытков Сербии, причиненных обстрелом, настаивали на ограничении периметра гласиса Белградской крепости и требовали гарантий, исключающих возможность повторения артиллерийского обстрела³⁰. 19 (31) августа 1862 г. французский посол в Константинополе Мустье предложил проект протокола, поддержанный Россией. Английский посол Г. Булвер выдвинул контрпроект, согласованный с Портой и австрийским интернунцием. 21 августа (2 сентября) 1862 г., в результате компромисса был подписан окончательный текст протокола. Турецкое ограждение вокруг Белградской крепости подлежало сносу, а посты у ворот — ликвидации. Таким образом, Порта уступала внутренний город, прилегавший к Белградской крепости, Сербии и соглашалась на установление сербской юрисдикции на этой территории. Теперь сербское правительство становилось хозяином всего города, кроме крепости. Чтобы добиться этой уступки, доносил русский посланник в Константинополе А. Б. Лобанов-Ростовский, «не оставалось ничего иного, как прибегнуть к давлению, которое можно было оказать на Порту после последних событий»³¹. Важным итогом Канлиджской конференции было решение о ликвидации двух турецких крепостей из шести на территории Сербского княжества — Сокола и Ужице. Благодаря усилиям представителей России и Франции вопрос о вооруженных силах Сербии был решен в пользу последней, т. е. никаких ограничений установлено не было.

Результаты Канлиджской конференции не могли удовлетворить сербов. Это прекрасно понимали в России. На донесении Лобанова-Ростовского об итогах конференции Александр II сделал такую помету: «Опасаясь, что непрочное примирение совсем не удовлетворит чаяния сербов»³². И сербам и русским было ясно, что примирение носило чисто внешний характер.

Помимо дипломатического содействия, Россия оказала Сербии во время белградского кризиса 1862—1863 гг. крупную материальную помощь, предоставив ей заем и снабдив сербскую армию оружием. Соглашение о первом сербском займе на сумму 300 тыс. австрийских червонцев из 6% годовых было подписано 17 (29) марта 1862 г.³³ в Петербурге. В связи с этим русский консул А. Е. Влангали сообщал из Белграда, что «князь Михаил и Гарашанин удивляются быстроте, легкости, с которой был решен вопрос о займе»³⁴. Сербское правительство не реализовало предоставленный ему Россией заем, так как угроза вооруженного столкновения с Портой отпала. Тем не менее соглашение о займе «оставалось в силе на будущее время»³⁵.

Принятое на Преображенской скупщине решение о создании народного войска побудило сербское правительство принять меры по его вооружению. Вопрос о приобретении оружия в России был впервые поставлен доверенным лицом князя Михаила Миланом Петрониевичем, посланным в Петербург для ведения переговоров о займе, в беседе с Горчаковым весной 1862 г. В благодарственном письме на имя царя князь Михаил писал: «Я счастлив, государь, узнать от Петрониевича, что не только его миссия увенчалась успехом, но что Вы в Вашей благожелательности к нам сообразовали исполнить желание, которое я не осмелился ясно выразить у подножия Вашего трона. Я черпаю новые доказательства Вашей заботы в том, что Ваше величество не прекращает считаться с интересами Сербии, а также в новых фактах нашей признательности России»³⁶. Сербии было уступлено³⁷ 39 200 ружей и 3000 сабель³⁸.

С согласия румынского князя А. И. Кузы оружие в конце 1862 г. было доставлено в Сербию, несмотря на протесты Англии, Австрии и Порты. В своей телеграмме султану и главам держав-гарантов князь Михаил заявил, что оружие предназначено для поддержания общественного порядка в стране. Благодаря твердой и в то же время гибкой позиции князя Кузы, стойкости и упорству князя Михаила и всемерной поддержке России, а затем и Франции вопрос об оружии был положительно решен для Сербии и Румынии на конференции держав-гарантов в январе 1863 г.³⁹

В ходе белградского кризиса 1862—1863 гг. сербское правительство убедилось лишний раз в необходимости объединения усилий угнетенных народов Балканского полуострова для успешной борьбы с Портой. Оно выступило инициатором создания Балканского союза. «Со времени князя Михаила Обреновича,— говорил в 1878 г. видный сербский государственный и политический деятель, историк по образованию Й. Ристич,— политика Сербии была направлена на то, чтобы в союзе с восточными государствами — Грецией, Румынией и Черногорией — добиться освобождения и объединения соответствующих народов. Этот союз был символом веры для сербского правительства»⁴⁰.

В начале 60-х годов XIX в. сербское правительство, возглавляемое И. Гарашаниным, сделало первые шаги на пути создания

Балканского союза. Сербская дипломатия приступила к переговорам с Черногорией и Грецией⁴¹. Вскоре после вступления на престол князь Михаил направил в Цетинье В. С. Караджича с целью ознакомить князя Николая с внешнеполитическими планами Сербии⁴². Из-за соперничества двух князей за преобладающее влияние в Герцеговине переговоры не получили развития, тем более что нейтралитет Сербии в черногорско-турецкой войне 1862 г. вызвал крайнее недовольство в Цетинье (см. гл. 6)⁴³. Однако в 1863—1864 гг. наметилось сближение Сербии с Черногорией, всячески поддерживаемое русской дипломатией, считавшей, что следование советам князя Михаила принесет Черногории «более полезные плоды, чем слепое и безотчетное внушение западных держав»⁴⁴. Но до заключения соглашения было еще далеко. Не имели последствий и переговоры о заключении союза с Грецией. В конце 1862 г. они практически прекратились⁴⁵.

Таким образом, попытки руководства Сербского княжества осуществить свои планы по созданию союза балканских народов в 1861—1865 гг. принесли весьма скромные результаты. В значительной мере это было обусловлено противоречиями между самими балканскими государствами, усугублявшимися вмешательством великих держав.

Австро-прусская война 1866 г. и поражение Австрии, непримиримого врага национально-освободительных движений балканских народов, возродили у князя Михаила и Гарашанина надежды на возможность создания Балканского союза. Какое-то время австрийская империя (с 1867 г. — Австро-Венгрия) не могла проводить активную внешнюю политику. 1866 г. был отмечен ростом напряженности и в европейских владениях Османской империи. Вспыхнуло восстание на Крите, усилились волнения среди албанского населения. На заседании совета министров Сербии 16 (28) июля 1866 г. было принято решение ускорить военную подготовку страны, активизируя одновременно переговоры по созданию Балканского союза⁴⁶.

Правительство князя Михаила Обреновича рассматривало создание Балканского союза в качестве важнейшего условия для начала вооруженной борьбы с Османской империей. Руководители Сербского княжества хорошо понимали, что единение — залог успеха. С помощью двухсторонних договоров с Балканскими странами и руководителями освободительного движения сербское правительство рассчитывало избежать противоречий (или, по крайней мере, смягчить их) по территориальным вопросам, обнаружившихся уже на начальной стадии переговоров в первой половине 60-х годов.

Союз с Черногорией рассматривался И. Гарашаниным как краеугольный камень сколачиваемого Балканского блока. С мая 1866 г. начались интенсивные сербо-черногорские переговоры. Несмотря на взаимное недоверие (и сербский и черногорский князья домогались руководящей роли в национально-освободительной и объединительной борьбе), они ощущали настоятельную необходимость сотрудничества. Руководители Сербии и Черногории разработали свои

проекты союзного договора. Переговоры проходили в напряженной обстановке: князь Николай никак не хотел примириться с ведущим положением Сербии в союзе. Но желание черногорцев объединить усилия двух стран для общего освобождения было столь сильным, что князю Николаю пришлось пойти на определенные уступки. 23 сентября (5 октября) 1866 г. договор был подписан в Цетинье. Обмен ратификационными экземплярами состоялся в Белграде 14(26) октября 1866 г. Договор состоял из 12 статей⁴⁷. Целью сербо-черногорского союзного договора провозглашалась совместная деятельность княжеств «по скорейшей подготовке восстания против Османской империи для освобождения всего сербского народа Турции от турецкого ига и соединения его в едином сербском государстве» (ст. 1). В случае успеха князь Николай Пётрович Негош обещал присоединить Черногорию к новому государству во главе с Михаилом Обреновичем (ст. 2). Со своей стороны князь Михаил брал на себя обязательство обеспечить в новом государстве князю Николаю ранг принца правящей династии и ежегодное содержание в размере 20 тыс. дукатов. Весь черногорский народ получал права и свободы, которыми пользовался сербский народ (ст. 5). Ряд статей (8—11) был посвящен конкретизации обязательств сторон по подготовке к войне с Портой. Черногорский князь обязывался начать войну с Портой вместе с Сербией всеми наличными силами.

Заклучение союзного договора между Сербией и Черногорией было первым шагом на пути претворения в жизнь планов сербского правительства по созданию Балканского союза. Сербо-черногорский договор по праву можно считать становой хребтом Союза. Он отражал объективно назревшую необходимость сплочения сил княжеств для решения стоявшей перед ними главной исторической задачи. Договор закреплял главенствующую роль Сербии в национально-освободительной борьбе сербского народа. Черногорский князь вынужден был согласиться с гегемонией Сербии, позиции которой были усилены поддержкой России. Однако взаимное соперничество и недоверие династий Пётровичей и Обреновичей не исчезло и после подписания договора 1866 г. Это показало дальнейшее развитие сербо-черногорских отношений, когда руководители сербского княжества делали все возможное, чтобы удержать Черногорию в фарватере внешней политики Сербии, в то время как князь Николай стремился всячески укрепить авторитет и влияние Черногории в Герцеговине, часто действуя вопреки принятым на себя обязательствам.

Греция как единственное независимое государство на Балканах занимала важное место в планах сербского правительства по созданию Балканского союза. Географическое положение Греции делало эту страну важнейшим союзником Сербии в борьбе с Портой. Руководители Сербского княжества понимали, что без заключения политического и военного соглашения с Грецией они не могут начать войну с Османской империей. В конце 1865 г. сербский представитель в Константинополе Й. Ристич по указанию И. Гарашанина возобновил контакты с греческими политическими деятелями.

Его постигло большое разочарование: король Греции Георг (1863—1913) заявил, что все его усилия направлены на решение внутриполитических проблем страны и он не может уделить внимание другим вопросам⁴⁸. Однако сторонники сербо-греческого соглашения полагали, что изменения политической ситуации на Балканах или требования греческого народа могут поставить короля в такое положение, когда ему придется выбирать между войной с Портой и отречением⁴⁹. Последующие события подтвердили их правоту.

Развязанная Пруссией война против Австрии поколебала систему европейского равновесия, не оставались в стороне и Балканы: началось восстание на Крите, волнениями были охвачены Македония и Албания. В этих условиях инициатором возобновления переговоров выступила Греция.

В декабре 1866 г. к власти в Афинах пришла группа Кумундурса, высказывавшаяся за соглашение с Сербией. В январе 1867 г. был выработан новый проект договора, текст которого был передан сербскому представителю в Константинополе Й. Ристичу. Проект предусматривал совместное использование вооруженных сил Сербии и Греции в случае нападения Турции на обе страны или на одну из них⁵⁰.

Греческий вариант договора имел оборонительный характер. Сербское правительство выработало свой собственный проект соглашения (февраль 1867 г.), отправленный Й. Ристичу вместе с полномочиями на его подписание⁵¹.

Важным обстоятельством, ускорившим заключение сербо-греческого соглашения, было пребывание греческого короля Георга в мае 1867 г. в Петербурге, где он обручился с дочерью великого князя Константина. Советы российской стороны, заинтересованной в скорейшем завершении переговоров с Сербией, сыграли свою роль. Греки стали покладистее.

Сербо-греческий договор был подписан 14 (26) августа 1867 г.⁵² Согласно договору, к сентябрю 1868 г. Сербия должна была иметь в полной боевой готовности 60 тыс. солдат, а Греция — 30 тыс. и флот (ст. 2). После объявления войны Османской империи обе стороны обязывались вести ее до полного освобождения всех христианских народов в Европейской Турции и на островах Архипелага. В случае невозможности осуществления этой конечной цели союзники давали друг другу обязательство обеспечить присоединение следующих территорий: к Греции — Эпира и Фессалии, к Сербии — Боснии и Герцеговины (ст. 9). Союзники брали на себя обязательство привлечь к борьбе против Порты соседние народы и вооружить их (ст. 9—10). Общими усилиями они должны были привлечь к союзу Румынию. Присоединение к союзу Черногории поручалось Сербии (ст. 11). Договор о союзе дополнялся специальной военной конвенцией (ст. 14), подписанной 16 (28) февраля 1868 г.⁵³ Обе стороны обязывались всеми средствами добиваться признания дружественными государствами права балканских народов самим решать свою судьбу.

Ход сербо-греческих переговоров и сам союзный договор вместе

с военной конвенцией выявили серьезные противоречия между двумя странами, прежде всего по вопросу о разделе подлежащих освобождению областей Европейской Турции. Столкнулись две великодержавные внешнеполитические программы национальной буржуазии — великосербская и панэллинская. Противоборство двух буржуазно-националистических внешнеполитических концепций явилось главным препятствием на пути объединения усилий Сербии и Греции в борьбе за освобождение балканских народов от османского ига. Сербо-греческое соглашение представляло собой компромисс, не дававший сколько-нибудь значительных преимуществ ни одной из сторон, но оно имело важное значение в становлении Балканского союза 60-х годов XIX в.

Переговоры сербского правительства с Румынией о заключении союзного договора о совместной борьбе с Османской империей были прерваны, когда 10 февраля 1866 г. князь Куза был свергнут «чудовищной коалицией», и на румынский престол вступил Карл Гогенцоллерн. Хотя сербское правительство и считало, что это событие может отдалить Румынию от балканских народов, оно тем не менее признало Карла Гогенцоллерна. И. Гарашанин в письме к своему другу и политическому единомышленнику председателю Государственного совета Сербии Й. Мариновичу писал: «Сербии ничего не остается, как признать Карла, так как Румыния очень важна для связи Сербии с Россией»⁵⁴.

Князь Михаил в апреле 1867 г. посетил Бухарест. Во время встречи с Карлом он доказывал необходимость тесного союза между Сербией и Румынией для полного освобождения от турецкого господства. Однако сербские предложения не вызвали энтузиазма у румынского монарха. Он заявил, что, пока не будет произведена реорганизация армии и не стабилизируется внутреннее положение в стране, Румыния вынуждена поддерживать хорошие отношения с Портой⁵⁵. Огорченный, сербский князь не решился даже на переговоры о транспортировке русского оружия в Сербию по территории Румынии.

Ситуация изменилась в лучшую для Сербии сторону с приходом в Румынию к власти коалиционного кабинета К. А. Крецулеску, в котором большинство составляли либералы.

20 января (1 февраля) 1868 г. в Бухаресте был подписан договор, состоявший из 4 статей. Согласно ст. 2, целью его было содействие прогрессу обеих стран «в соответствии с их законными и автономными правами»⁵⁶. Третья статья посвящалась вопросу о развитии торговых отношений между договаривающимися сторонами.

Неопределенность и неясность формулировок — такова главная отличительная особенность румыно-сербского договора. Его реальное значение состояло в том, что он обеспечивал коммуникации Сербии с Россией, приобретавшие особое значение в случае войны с Османской империей. Румыно-сербский договор 1868 г. в отличие от договоров Сербии с Черногорией и Грецией не имел ярко выраженной антитурецкой направленности, но и в таком виде он являл-

ся одним из инструментов Балканского союза, способствовал освободительной борьбе народов региона.

Наряду с заключением договоров и соглашений с независимыми и полунезависимыми балканскими государствами большое значение в подготовке войны с Портой сербское правительство придавало вовлечению в борьбу балканских народов, лишенных своей государственности. Сербские политики стремились опереться на политические организации, готовые на сотрудничество с княжеством в деле освобождения от иноземного ига. Это относилось к хорватам и болгарам. Что же касается Боснии и Герцеговины, Старой Сербии и Албании, то в этих областях, где отсутствовали политические организации, Белград делал ставку на сеть своих тайных агентов, создававшуюся под руководством И. Гарашанина. С их помощью сербское правительство рассчитывало поднять восстание в нужный момент в пограничных со своей страной областях Османской империи и обеспечить свой контроль над его развитием.

И. Гарашанин имел контакты с главой Хорватской народной партии (народняков) епископом Й. Штросмайером. Осенью 1866 г., когда стала вырисовываться перспектива оформления австро-венгерского дуализма, лидеры народняков активизировались⁵⁷. В сентябре 1866 г. Й. Штросмайер сообщил И. Гарашанину о согласии его партии сотрудничать с Сербией во имя создания единого югославянского государства. Освобождение Боснии и Герцеговины признавалось первым шагом к достижению великой цели⁵⁸.

Участие болгар в общем антитурецком выступлении было чрезвычайно важным, так как позволило бы блокировать дороги из Константинополя к границам с Сербией и дальше в глубь Балканского полуострова. Еще в самом начале 1862 г. при содействии русской дипломатии были установлены связи между сербским правительством и Добродетельной дружиной, объединявшей представителей крупной болгарской эмигрантской буржуазии. Сербское правительство при этом стремилось установить контроль над действиями болгарского освободительного движения, рассчитывая использовать восстание болгар прежде всего для реализации собственной внешнеполитической программы⁵⁹.

Важнейшим мероприятием Добродетельной дружины было создание в 1867 г. в Белграде Второй болгарской легии, в которой выходцы из Болгарии проходили военное обучение, из них готовили руководителей чет в предстоявшем восстании⁶⁰. Переговоры сербского правительства с болгарскими о совместных действиях ярче всего показали наличие непреодолимых противоречий между внешне прогрессивной формой реализации внешнеполитического курса Сербии (всеобщее восстание балканских народов) и его весьма консервативным великосербским внутренним содержанием. Поэтому формально соглашение между сербским правительством и Добродетельной дружиной подписано не было, несмотря на то что болгарская сторона предлагала два проекта болгаро-сербского соглашения⁶¹. Для И. Гарашанина и его соратников подготовка восстания в Европейской Турции всегда была вспомога-

тельным средством. Сербия хотела организовать такое антитурецкое движение, которое было бы ограничено строгими рамками и не выходило бы из-под ее контроля. Это заранее обрекало подобную акцию на неудачу.

К маю 1868 г. сербскому правительству удалось добиться максимальных результатов в деле создания Балканского союза. Было достигнуто соглашение с Черногорией, заключен союзный договор и подписана военная конвенция с Грецией, был заключен договор о дружбе с Румынией. Была даже намечена дата совместного выступления против Порты — 1 октября 1868 г. С большим или меньшим успехом сербское правительство вело переговоры о сотрудничестве и взаимодействии с болгарами, хорватами, австрийскими сербами, граничарами и албанцами.

Казалось, что дело идет к концу, что Балканский союз должен перейти к решительным действиям. Но этого не случилось. В литературе существуют самые различные объяснения причин неудачи союза. Одни считают главной причиной смерть сербского князя Михаила Обреновича, убитого заговорщиками 29 мая 1868 г., другие — устранение с политической арены Сербии теоретика и творца внешнеполитического курса Сербии 60-х годов XIX в. и вместе с тем главного организатора Балканского союза Илии Гарашанина, неожиданно для всех уволенного князем Михаилом в отставку в ноябре 1867 г., третьи наряду с упомянутыми причинами ссылаются на отказ России оказывать помощь Сербии и поддерживать Балканский союз⁶². Первые два обстоятельства, хотя и не объясняют причины неудачи союза, тем не менее являются бесспорными факторами, повлиявшими на его судьбу, что же касается роли России и русской дипломатии в создании и деятельности Балканского союза 60-х годов прошлого столетия, то этот вопрос не получил еще всестороннего освещения в литературе. Поэтому мы остановимся на нем подробнее.

Руководители Сербского княжества отдавали себе отчет в том, что не только собственно сербскими, но даже объединенными балканскими силами без поддержки одной или нескольких великих держав, занимавших доброжелательную позицию по отношению к Сербии, обеспечить необходимые условия для победы над Османской империей было невозможно*. Выбор сербского правительства пал на Россию не только по причине этнической и религиозной близости ее к Сербии, но прежде всего благодаря тому, что цели русской политики на Балканах в тот момент во многом совпадали с интересами Сербского княжества. Россия была заинтересована в ослаблении Османской империи и ликвидации османского господства в Европе. Но, будучи трезвым и расчетливым политиком, И. Гарашанин старался избежать преимущественной ориентации на одну державу, стремясь использовать любую возможность для приобретения дове-

* На данном этапе речь шла о политической и экономической поддержке. Дальнейшие события показали, что этого недостаточно, что Балканы для своего освобождения нуждаются в военной поддержке.

рия западных держав. Сербское правительство возлагало определенные надежды на Францию, которая оказывала дипломатическую поддержку княжеству в начале 60-х годов XIX в. Опора на две великие державы давала более надежные гарантии невмешательства в балканские дела иностранных государств в случае начала военных действий против Порты и, помимо всего прочего, открывало перед сербской дипломатией возможности для лавирования⁶³.

Однако зондаж в Англии и Франции, предпринятый сербским правительством в 1866 г., показал, что ни одна из этих двух держав не намерена оказывать Сербии сколько-нибудь действительную поддержку⁶⁴. «Для чего же... нужна Европе Турецкая империя? — писал сербский демократ Живоин Жуёвич в русской либеральной газете «Санкт-Петербургские ведомости» в начале 1866 г. «Для того, — отвечает европейская политика, — чтобы не нарушалось политическое равновесие». Это общеевропейский ответ. Есть еще и ответы частные. «Для того, — говорят англичане, — чтобы мы не лишились сбыта продуктов нашей промышленности на турецких рынках, с одной стороны, и вывоза дешевых сырых материалов из Турции в Англию — с другой». То же самое в свою очередь говорит и французское правительство. «Для того, — говорит Австрия, — чтобы с падением Турецкой империи не пошатнулись основы Австрийской, чтобы за счет Турции не простерлось в теперешних ее владениях владычество русское и чтобы Австрия не лишилась выгоднейшего сбыта продуктов своей промышленности на соседственных ей рынках Придунайских княжеств и крайних северо-западных конечностей Турецкой империи». Далее Австрия считает себя соперницей русских в деле завладения прилегающими к ней областями Турецкой империи, ибо, полагает Австрия, чем более будет сохраняться «европейское равновесие», тем более будет усиливаться ее влияние в южнославянских землях и тем более шансов при удобном случае овладеть хоть некоторыми южнославянскими землями. Но усиление Австрии невыгодно Италии и Пруссии, как неприятно, с другой стороны, для всей Европы усиление России за счет Турции. Вот та, поистине адская сеть, в которую запуталась по отношению к Турецкой империи европейская политика! Вот что главным образом обуславливает рабство более десяти миллионов народа на европейском юго-востоке! Европейский мир с благородным негодованием отзывается о рабстве негров, но в то же время держит в оковах рабства, в Европе же, более десяти миллионов белых»⁶⁵.

Единственной державой, заинтересованной в уничтожении власти Османской империи в Европе и создании на ее развалинах национальных государств, на которые она в дальнейшем рассчитывала опираться в своей политике, была Россия. Однако и международная обстановка, и напряженная ситуация внутри страны диктовали проведение весьма осторожной политики на Балканах. В новой программе, разработанной А. М. Горчаковым в это время и одобренной царем, упор в действиях российской дипломатии в этом регионе делался на предупреждение или ограничение возможных конфликтов и «насильственных столкновений». Россия должна была взять

на себя «моральное руководство» движениями балканских народов, не втягиваясь при этом в нежелательные «осложнения»⁶⁶ и добиваясь невмешательства других держав (см. § 6 гл. 1).

Однако эту умеренную программу восточной политики поддерживали далеко не все русские правительственные деятели⁶⁷. Военный министр Д. А. Милютин, посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, председатель комитета министров князь Н. П. Гагарин ратовали за более активные действия на Балканах⁶⁸.

Планы сербского правительства по созданию Балканского союза получили одобрение Игнатьева, которого Й. Ристич держал в курсе всех дел⁶⁹. Летом и осенью 1866 г. между директором Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоуховым, А. М. Горчаковым и Н. П. Игнатьевым завязалась переписка по вопросу о политике России на Балканах в новой обстановке. При этом центральное место занимала проблема отношения России к возможному совместному выступлению балканских народов против Османской империи и о его сроках. Игнатьев и консул в Янине А. С. Ионин полагали, что для того, чтобы балканские народы опирались на Россию, у них должна быть уверенность в том, что она придет на помощь в нужный момент. Следует иметь в виду, что согласие между балканскими народами может нарушиться. Поэтому надо спешить действовать, чтобы эти народы «не истолковали бы нейтралитет России как следствие слабости, а не расчета»⁷⁰. Стремоухов, напротив, считал, что «с укреплением политического положения России она имеет больше возможностей быть им (балканским народам.— Авт.) полезной»⁷¹. Поэтому отсрочка выступления против Турции не повредит делу. Несмотря на отдельные тактические разногласия, русские дипломаты в целом были едины в вопросе о необходимости оказывать содействие объединению усилий Балканских стран для борьбы с Османской империей. Й. Ристич, который знал о переговорах между Игнатьевым, Стремоуховым и Горчаковым, пришел к убеждению, что Россия окажет Сербии поддержку в объединении балканских народов, материальную помощь и обеспечит невмешательство великих держав. По его собственному признанию, это отвечало интересам балканских народов, прежде всего Сербии, в тот период⁷².

Такая позиция России способствовала активизации сербского правительства. В октябре 1866 г. было решено послать в Петербург члена Государственного совета И. Мариновича. И. Гарашинич считал необходимым непосредственно изложить царю и Горчакову желания Сербии. В Петербурге Маринович вел переговоры с Горчаковым и был принят царем. Сербский уполномоченный откровенно изложил планы княжества: сербское правительство считало возможным начать войну с Портой только после заключения союза с Грецией, во всяком случае, Сербия не выступит до весны 1867 г.; оно не отказывалось и от переговоров с греческими этериями. Александр II и Горчаков одобрили эти намерения, однако советовали Сербии соблюдать осторожность и осмотрительность. Они обещали оказать Сербии поддержку, но в качестве ответного условия

требовали искренности в отношениях с Россией и сохранения русской помощи в тайне. Особое значение для сербского правительства имела позиция России относительно предоставления Сербии займа в 1 млн. дукатов и посылки в Сербию русских офицеров. Сербское правительство хотело, чтобы Россия выступила с заявлением о том, что она не будет вмешиваться в балканские дела и будет добиваться принятия этого принципа остальными великими державами⁷³. Горчаков в принципе дал согласие предоставить займ, но не назвал сумму. Что же касается посылки русских офицеров в Сербию, то глава русского внешнеполитического ведомства полагал, что в данный момент это может поставить Россию в затруднительное положение. Против применения принципа невмешательства русский министр не возражал, но заметил, что Сербия должна тщательно готовиться к войне с Портой, ибо Россия в этом случае не может выступить в ее защиту⁷⁴.

Сербское правительство осталось чрезвычайно довольно результатами миссии Й. Мариновича в Петербург.

В конце 1866 г. после переговоров с Мариновичем русская дипломатия окончательно определилась в вопросе о поддержке Балканского союза во главе с Сербией. Сербское княжество становится главной опорой политики России на Балканах в 1866—1867 гг.

Критское восстание 1866—1869 гг. Турции удалось подавить. Но одновременно с ним был создан Балканский союз и стала вырисовываться реальная угроза совместного выступления Сербии, Черногории и Греции, поддержанного общим восстанием балканских народов. Такой поворот дела реально угрожал владычеству Османской империи на полуострове, а значит, грозил похоронить статус-кво султанских владений, освященный Парижским трактатом. Подобная ситуация, наконец, благоприятствовала постановке вопроса о пересмотре ограничительных статей Парижского мира, касавшихся России. А коренное изменение стратегической и политической обстановки в Юго-Восточной Европе в пользу балканских народов способствовало бы росту влияния России и укрепило бы ее позиции в регионе. Однако русские дипломаты, реально оценивавшие силы балканских народов и возможность организации всеобщего восстания, взвешивали не только возможные выгоды, как бы соблазнительны они ни были, но и предвидели возможность неудачи. Они отдавали себе отчет в том, что в случае поражения балканских народов или если не удастся обеспечить невмешательство держав в балканские дела, Россия будет вынуждена от дипломатических действий перейти к угрозе применения силы или даже прибегнуть к вооруженному вмешательству. Этого царское правительство всеми силами стремилось избежать.

Тем не менее уже само создание союза балканских народов и активная подготовка их ко всеобщему выступлению служили инструментом давления на западные державы и Турцию с целью вынудить их пойти на уступки славянам и России. В отчете МИД за 1866 г. А. М. Горчаков отмечал, что факт сближения Сербии с другими балканскими народами, несмотря на проявленную при этом

осторожность, не мог остаться незамеченным Портой и ее западными покровителями. «Судя лишь по сближению и не имея положительных сведений о том, состоялось ли окончательное соглашение,— писал российский министр,— Порта и западные державы естественно желали бы во что бы то ни стало отвлечь общее восстание при таких условиях, тем более что единодушное действие всех христиан на Балканском полуострове неминуемо ограничивало бы деятельность своекорыстных интриг и происков западных держав и в то же время служило бы залогом разрешения Восточного вопроса в смысле, благоприятном для России»⁷⁵.

Таким образом, русская дипломатия, с одной стороны, активно поддерживала идею Балканского союза, а с другой — настойчиво советовала Сербии умеренность и сдержанность. В этом выражалась двойственность балканской политики самодержавия во второй половине 60-х годов XIX в. В ней отражались существовавшие во внешнеполитическом ведомстве расхождения: в то время как Горчаков выступал проводником осторожного курса, Игнатьев был за активное участие России в освободительной борьбе балканских народов.

Царское правительство оказывало разнообразную материальную и дипломатическую помощь Сербии в период создания Балканского союза⁷⁶. Несмотря на сложное финансовое положение России, княжеству был предоставлен займ в 300 тыс. дукатов на весьма выгодных условиях — 6% годовых⁷⁷. Полученные средства использовались Михаилом Обреновичем для подготовки к войне. В 1867 г. в ответ на настойчивые просьбы сербского правительства в княжество была послана русская военная миссия для оценки состояния сербской армии и оказания помощи в подготовке к войне с Турцией. Русские офицеры были единодушны в том, что необходима длительная и энергичная подготовка сербской армии к боевым действиям⁷⁸. Особенно остро ощущался недостаток стрелкового оружия. Русское правительство удовлетворило просьбу Белграда и безвозмездно передало княжеству 100 000 ружей. Было много сделано для организации перевозки оружия. В 1867 г. сербы сумели вывезти около 20 000 ружей⁷⁹.

Так Россия деятельно помогала Сербии, являвшейся ядром Балканского союза, перевооружать свою армию. Все просьбы ее правительства в 1866—1867 гг. удовлетворялись русским военным министерством с максимальной предусмотрительностью и в кратчайшие сроки.

Подготовка Сербского княжества к войне с Турцией осложнялась еще одним обстоятельством. На его территории оставались четыре крепости с турецким гарнизоном: Белград, Кладово (Фетислам), Смедерево и Шабац. В случае войны с Османской империей осада одной только хорошо укрепленной Белградской цитадели потребовала бы значительных сил и эвакуации населения столицы. Тем самым Сербия была бы вынуждена вести войну на два фронта. Михаил Обренович принял решение обратиться к Порте с просьбой передать крепости Сербии и вывести из них турецкие гарнизоны, обе-

чая взять на себя расходы по содержанию крепостей и обороне границ империи. Туркам И. Гараганин заявил, что «нельзя рассматривать передачу Сербии крепостей как потерю их для Турции до тех пор, пока сохраняется турецкий сюзеренитет над Сербией»⁸⁰.

Несмотря на конфиденциальный характер сербской просьбы (княжеское письмо султану было передано Ристичем 29 октября (10 ноября) 1866 г. великому визирю Мехмеду-паше), Порта немедленно сообщила об этом великим державам. Акция Сербии, принятая в весьма сложной для Турции обстановке, не могла не привлечь внимания Европы.

Н. П. Игнатьев в беседе с великим визирем поддержал сербские предложения⁸¹. Положение на международной арене складывалось благоприятно для осуществления сербского требования. После австро-прусской войны 1866 г. Наполеон III отходит от провозглашенного им же «принципа национальностей» и начинает сближаться со своим бывшим противником — Австрией (см. § 2, 3 гл. 1). Французские дипломаты не хотели допустить выступления христиан против Порты, так как полагали, что за Сербией стояла Россия. Поэтому министерство иностранных дел Франции решило «умиротворить» Сербию с помощью частичных уступок, поддержав ее просьбу о крепостях⁸².

Министр иностранных дел разгромленной Австрии граф Ф. Бойст перешел на Балканах к тактике маневрирования (см. § 3 гл. 1) и признал необходимость сделать некоторые уступки балканским народам, чтобы удержать их от общего выступления. «Для нас в данный момент, — утверждал Бойст, — нежелательно любое радикальное решение Восточного вопроса, и нашим главным желанием является избежать постановки перед Европой опасной проблемы распада Османской империи»⁸³. Бойст быстро договорился с Францией относительно возможности путем частичных уступок Сербии несколько разрядить обстановку. В конце 1866 г. Австрия и Франция узнали о проведении сербо-черногорских переговоров и заключении между ними союзного договора⁸⁴. Это известие послужило дополнительным стимулом для австрийской и французской дипломатии: их представители в Константинополе настойчиво советовали Порте уступить Сербии. Английское правительство присоединилось к ним⁸⁵.

Оказавшись перед фактом единодушного мнения всех великих держав относительно необходимости передачи крепостей Сербии, султан вынужден был уступить⁸⁶. 7 (19) февраля 1867 г. Порта официально сообщила о своем согласии передать все крепости сербскому князю Михаилу. Крепости передавались вместе с вооружением и боеприпасами без каких-либо компенсаций.

Русская дипломатия не питала иллюзий относительно подлиных причин успеха сербов. «Действительная причина уступчивости врагов Сербии, — писал А. М. Горчаков, — заключается в том, что они в затруднительную для Порты и Европы минуту узнали или, по крайней мере, стали подозревать, что Сербия и вообще христианские племена Балканского полуострова уразумели свое положение

ние и поняли, что могут достигнуть желаемого лишь дружным совместным действием»⁸⁷.

Вывод турецких гарнизонов из крепостей на территории Сербии и передача самих крепостей княжеству явились крупнейшим успехом сербской дипломатии в период создания Балканского союза.

В момент решения вопроса о крепостях сербское правительство не собиралось удовлетвориться этой уступкой Порты. И. Гарашанин и князь Михаил были полны решимости продолжать подготовку к боевым действиям против Османской империи. Однако после встречи Наполеона III с Францем Иосифом в Зальцбурге в августе 1867 г.⁸⁸ и последовавших за ней конфиденциальных переговоров князя Михаила Обреновича с Д. Андраши, премьер-министром венгерского правительства, сербский князь, убоявшись непредсказуемых последствий войны с Портой, решил попытаться получить Боснию и Герцеговину с помощью Австро-Венгрии мирным путем. 2 (14) ноября 1867 г. он уволил в отставку главного противника сближения с двуединой монархией своего премьер-министра и министра иностранных дел И. Гарашанина, больше всего сделавшего для создания Балканского союза.

Отставка Гарашанина вызвала явное разочарование русской дипломатии. Она была истолкована как отход от ориентации Сербского княжества на Россию. Россия в конце декабря 1867 г. приостановила выплату займа Сербии, который предназначался для подготовки княжества к войне. Несмотря на протесты со стороны царских дипломатов, Михаил Обренович отказался вернуть И. Гарашанина на пост главы правительства. Тем не менее А. М. Горчаков ратовал за сдержанность и выдержку в русско-сербских отношениях. «Мы не имеем намерения управлять Сербией и вмешиваться в ее внутренние дела», — писал он в конце января 1868 г.⁸⁹

Оказавшись на распутье, князь Михаил предпринял попытку нормализовать сербо-русские отношения, направив в мае 1868 г. Й. Ристича в Петербург с целью восстановить доверие России. На переговорах Ристич заявил, что Сербия не отказывается от Балканского союза и войны с Портой, по-прежнему рассчитывает на поддержку России и надеется, что русская дипломатия обеспечит невмешательство великих держав в случае возникновения вооруженного конфликта между участниками Балканского союза и Османской империей⁹⁰. Несмотря на оказанный ему в Петербурге сдержанный прием, сербский дипломат считал свою миссию успешной. Однако, вернувшись на родину, Ристич уже не застал князя Михаила в живых. После его смерти в 1868—1869 гг. Балканский союз практически прекратил свое существование.

Среди многих причин, обусловивших неудачу союза главным и определяющим был внутренний фактор — военная и экономическая слабость союзников и отсутствие единства между ними. На внутренние противоречия накладывались противоречия внешние — столкновение интересов великих держав на Балканах.

Успех освободительного движения балканских народов, их буржуазно-национальных революций, как показала история, в конечном

счете зависел от взаимоотношений сил внутренних и внешних. В 60-х годах XIX в. буржуазно-национальное движение народов Балканского полуострова, поддерживаемое Россией, столкнулось с более сильной враждебной ему коалицией великих держав Европы. Поэтому в тот период Балканский союз не смог проявить себя в действии.

Создание первого Балканского союза в тех конкретно-исторических условиях было важным шагом вперед на пути решения главной исторической задачи, стоявшей перед народами Балканского полуострова. В этом и состоит прогрессивное историческое значение Балканского союза 60-х годов XIX в. Фактический его распад после смерти князя Михаила Обреновича не означал дискредитации самой идеи союза в глазах балканских народов.

¹ Историја српског народа. Београд, 1981. т. V, књ. I. с. 305.

² Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917 гг. М., 1952, с. 31.

³ Там же, с. 32.

⁴ *Јовановић С.* Уставобранитељи и њихова влада, Београд, 1933, с. 243, 244; *Ристић Ј.* Спољашњи одношаји Србије новијег времена. Београд, 1887, књ. I, с. 239—240.

⁵ *Раденић А.* Светоандрејска скупштина.— Споменик. Београд, № 15, с. 40.

⁶ *Јовановић С.* Уставобранитељи..., с. 367. На скупштини впервые выступили либералы как влиятельное общественно-политическое течение Сербии.

⁷ *Ристић Ј.* Спољашњи одношаји..., књ. I, с. 285—288.

⁸ Там же, с. 283, 284.

⁹ Там же, с. 285.

¹⁰ Там же с. 288.

¹¹ *Алексић Љ.* Став Француске према Србији за време друге владе кнеза Милоша и Михаила (1858—1868). Београд, 1957, с. 34—35.

¹² *Ристић Ј.* Спољашњи одношаји..., књ. I, с. 234—235.

¹³ Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII — начало XX века. М.: Наука, 1978, с. 154, 159.

¹⁴ *Чубриловић В., Ђоровић В.* Србија од 1858 до 1903.— В кн.: Српски народ у XIX в. Београд, б. г., с. 8.

¹⁵ *Никитин С. А.* Европейская дипломатия и Сербия в начале 60-х годов XIX в.— *Вопр. истории*, 1962, № 9, с. 76; *Алексић Љ.* Став Француске према Србији..., с. 45.

¹⁶ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1860 г., л. 229, 229 об.

¹⁷ *Јовановић С.* Друга влада Милоша и Михаила. Београд, 1933, с. 279.

¹⁸ Там же, с. 287; *История Югославии*. М., 1969, т. I, с. 483.

¹⁹ *Никитин С. А.* Очерки по истории южных и западных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М.: Наука, 1970, с. 164.

²⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе. 1862 г., д. 1343, л. 129.

²¹ *Ристић Ј.* Бомбардање Београда [1862]. Београд, 1872, с. 30.

²² *Никитин С. А.* Европейская дипломатия и Сербия в начале 60-х годов XIX в., с. 85.

²³ АВПР, ГА V—A₂, 1863 г., д. 248, л. 176.

²⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 114, л. 103.

²⁵ Там же, л. 104.

²⁶ Там же, л. 264, 265.

²⁷ *Никитин С. А.* Европейская дипломатия и Сербия..., с. 91.

²⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 114, л. 101.

²⁹ Там же, д. 29, л. 551.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 190.

- ³² Там же, л. 195.
- ³³ АВПР, ф. ГА Политотдел, 1861—1864 гг., д. 5, л. 32.
- ³⁴ АВПР, ф. ГА V—A₂, 1862 г., д. 246, л. 6.
- ³⁵ АВПР, ф. ГА Политотдел, 1861—1864 гг., д. 5, л. 57.
- ³⁶ АВПР, ф. ГА V—A₂, 1862 г., д. 246, л. 20.
- ³⁷ «За уступленное Сербии оружие предполагается определить, применяясь к наименьшей цене старого оружия, всего 70 000 рублей. Стоит же оружие, в действительности, казне 328 000 рублей. Сведения эти Вам передаются не для требования от сербского правительства уплаты, а для сообщения ему этих цифр, когда спросит о стоимости. Мы теперь не желаем возбуждать вопроса об уплате и согласны отсрочить» (см.: АВПР, ф. ГА Политотдел, 1862—1863 гг. д. 4, л. 104). В деле нет никаких свидетельств, что сербское правительство уплатило России означенную выше сумму за оружие. Скорее всего, долг был прощен. Этой точки зрения придерживаются и сербские историки. См.: *Перовић Р.* Дипломатски спор о преносу српског оружја 1862. преко Румуније.— *Годишњица Николе Чупића*. XLVIII (1939), с. 190.
- ³⁸ АВПР, ф. ГА Политотдел, 1862—1863 гг. д. 4, л. 63—64; *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије, за време друге владе кнеза Михаила: (Први балкански савез). Београд, 1863, с. 139.
- ³⁹ АВПР, ф. ГА Политотдел, 1862—1863 гг. д. 4, л. 93; *Никитин С. А.* Европейска дипломатија и Србија...; *Перовић Р.* Дипломатски спор...
- ⁴⁰ *Ристић Ј.* Дипломатска историја Србије. Друга књига. Београд, 1898. Фотографско издање. Прилог, с. 34.
- ⁴¹ *Јовановић Р.* Политички односи Црне Горе и Србије 1866—1878. Цетинье, 1977, с. 44—52; *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика..., с. 65, 71—80; *Lascaris S. Th.* La premiere alliance entre la Grèce et la Serbie. Le traité d'alliance du 14—26 août 1867.— *Le monde slave*. P., 1926.
- ⁴² *Алексић Љ.* О мисији Вука Караџића на Цетинју у 1860—1861 гг.— *Историјски гласник*. 1858, N 1—2.
- ⁴³ *Павићевић Б.* Црна Гора у рату 1862. Београд, 1963.
- ⁴⁴ АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 251, л. 327.
- ⁴⁵ *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика..., с. 156—157.
- ⁴⁶ *Шкерковић Н. П.* Записници седница Министарског Савета Србије, 1862—1898. Београд, 1952, с. 37—38.
- ⁴⁷ Текст договора см.: *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика..., Прилог. № 5, с. 486—489.
- ⁴⁸ *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика..., с. 247.
- ⁴⁹ Там же, с. 249.
- ⁵⁰ *Lascaris S. Th.* La premiere alliance..., p. 17.
- ⁵¹ *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика..., с. 321.
- ⁵² Там же, Прилог № 14, с. 510—514.
- ⁵³ Там же, Прилог № 15, с. 518—519; *Lascaris S. Th.* La premiere alliance...
- ⁵⁴ Писма И. Гарашанина Ј. Мариновићу. Средио Ст. Ловчевић. Београд, 1931, књ. 2, док. 225.
- ⁵⁵ *Чертан Е. Е.* Великие державы и формирование румынского независимого государства. Кишинев, 1980, с. 125; См. § 2 гл. 3.
- ⁵⁶ *Јакшић Р., Вучковић В.* Спољна политика..., с. 519—521.
- ⁵⁷ Освободительное движение народов Австрийской империи. М., 1981, с. 159—160.
- ⁵⁸ *Вучковић В.* Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабзбуршке монархије, 1859—1874. Београд, 1965, док. 144; *Фрејдзон В. И.* Борба хорватског народа за националну свободу. М., 1970, с. 302—303; АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 252, л. 59—60.
- ⁵⁹ *Госев Д.* Русија, Франција и бугарското освободително движење, 1860—1869 г. С., 1978. с. 35—48; *Зуева Н. В., Шагохина Е. М.* Из историје балканской политики России 1856—1867: (Отношение русской дипломатии к болгарскому национально-освободительному движению).— В кн.: Балканские исследования. Вып. 8. М., 1982.
- ⁶⁰ *Шарова К.* Любен Каравелов и бугарското освободително движење, 1867—1868. С., 1980. Втората бугарска легия в Белград (1867—1868).—

- В кн.: В памет на академик Михаил Димитров: Изследования върху Българското възраждане. С., 1974.
- ⁶¹ Косев Д. Русия., док. 28, с. 183—184; Јакшић Г., Вучковић В. Спољна политика..., Прилог № 11, с. 505—506.
- ⁶² Пирочанац М. Кнез Михаил и заједничка радња балканских народа. Београд, 1895; Ристић Ј. Спољашни одношаји..., књ. I, књ. II; Јакшић Г., Вучковић В. Спољна политика..., с. 432.
- ⁶³ Писма И. Гарашанина Ј. Мариновићу..., књ. 2, с. 145.
- ⁶⁴ АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 252, л. 136—139; Ристић Ј. Спољашни одношаји..., књ. II, с. 412—413.
- ⁶⁵ Санкт-Петербургские ведомости, 1866, 24 янв. (5 февр.).
- ⁶⁶ См.: Никитин С. А. Очерки..., с. 167.
- ⁶⁷ Восточный вопрос..., с. 167.
- ⁶⁸ Там же, с. 167—168.
- ⁶⁹ И. Ристић — И. Гарашанину, 27 јуња (9 јула) и 25 јула (6 августа) 1866 г.—Државни архив Србије, ф. МИД, 1866—1868 гг.
- ⁷⁰ АВПР, ф. ГА—VA₂, д. 533, л. 89 об.
- ⁷¹ Там же, л. 24 об.
- ⁷² Ристић Ј. Спољашни одношаји... књ. II, с. 494—495.
- ⁷³ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. № 1092. Интересно отметить, что в одном из своих донесений И. Гарашанину П. Ристић высказывал следующую мысль по вопросу о невмешательстве: лучшим средством обеспечить невмешательство держав в балканские дела в случае восстания балканских народов против Турции, по его мнению, была бы 100-тысячная русская армия на границе с Османской империей. Ј. Ристић — И. Гарашанину, 30 мая (11 јуња) 1866 г.—Државни архив Србије, ф. МИД 1866—1868. Таким образом, сербы предлагали русской дипломатии взять реванш за крымскую неблагодарность Австрии и отплатить ей той же монетой.
- ⁷⁴ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1. д. № 1092; Вучковић В. Политичка акција Србије..., с. 237—238.
- ⁷⁵ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1866 г., л. 239.
- ⁷⁶ См.: Карсев А. В. Из истории русско-сербских отношений в 60-х годах XIX в.—Сов. славяноведение, 1978, № 2, с. 44—57.
- ⁷⁷ Недељковић М. Историја српских државних дугова. Београд, 1909.
- ⁷⁸ Никитин С. А. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в.—В кн.: Славянский сборник, М., 1947, с. 289.
- ⁷⁹ АВПР, ф. ГА Политотдел, 1867 г. д. 1, 4.
- ⁸⁰ Писма И. Гарашанина Ј. Мариновићу, књ. 2, с. 198.
- ⁸¹ Ристић Ј. Спољашни одношаји..., књ. II, с. 495.
- ⁸² Алексић Љ. Став Француске према Србији..., с. 124.
- ⁸³ Там же, с. 125.
- ⁸⁴ Јакшић Г., Вучковић В. Спољна политика..., с. 332—333.
- ⁸⁵ Ристић Ј. Спољашни одношаји..., књ. II, с. 490.
- ⁸⁶ Петровић Н. Аустро-Угарска нагодба, градови и источно питање.—В кн.: Ослобођење градова у Србији од турака, 1862—1867. Београд, 1970; Ристић Ј. Спољашни одношаји Србије..., књ. II, с. 461—600. Алексић Љ. Став Француске према Србији..., с. 116—129.
- ⁸⁷ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1866 г., л. 236 об.
- ⁸⁸ Петровић Н. Аустро-Угарска нагодба, градови..., с. 265—278; Крестић В. Хрватско-угарска нагодба, 1868, Београд, 1969, с. 368—369; См. § 2, 3, гл. 1.
- ⁸⁹ АВПР, ф. Канцелария, 1868 г. д. 151, л. 384.
- ⁹⁰ АВПР, ф. ГА Политотдел, 1868 г., д. 3, л. 2—5.

ЧЕРНОГОРИЯ И ВОССТАНИЯ 50-X — НАЧАЛА 60-X ГОДОВ XIX В. В ГЕРЦЕГОВИНЕ И БОСНИИ

Черногории еще в 1796 г. в тяжелых сражениях удалось отстоять свою независимость. К середине XIX в. в стране были преодолены племенная раздробленность и сепаратизм и укреплена централизованная власть. Маленькое государство (5 тыс. км² земли, 100 тысяч жителей) ¹ было зажато между австрийскими и османскими владениями, отрезавшими его от моря. Страна задыхалась в своих тесных пределах. Порта продолжала удерживать под своей властью пограничные плодородные земли (в составе Боснийского и Шкодерского санджаков), где проживало этнически родственное черногорцам население. Черногория по-прежнему не могла обеспечить свой народ хлебом. В неурожайные годы, нередко выпадавшие, тысячи семей голодали ². В 1852 г. при поддержке России Черногория была провозглашена княжеством; прежняя власть архиепископа-владыки сменилась светским правлением. Однако Порта по-прежнему считала черногорское государство частью Османской империи и не прекращала попыток вернуть ее под свою власть. Из великих держав одна только Россия признавала фактическую независимость Черногории. Во время Крымской войны к этой позиции стала склоняться и Франция.

В середине столетия даже среди балканских стран Черногория выделялась крайней отсталостью общественного и экономического развития. Преобладало мелкое крестьянское натуральное хозяйство. Процесс перехода от феодализма к капитализму начался поздно, протекал медленно и мучительно для основной массы населения. Укрепление элементов капиталистических отношений началось только после 1878 г.

Важнейшей внешнеполитической задачей Черногории в 50—70-х годах XIX в. являлось международное признание ее независимости и расширение территории, в первую очередь приобретение выхода к морю.

Экономические связи Черногории с Герцеговиной и православным населением Северной Албании и их заинтересованность в освобождении от османского гнета создавали предпосылки для совместной борьбы против Турции.

Соседство с Черногорией, которая успешно противостояла натиску Османской империи, оказывало большое воздействие на развитие национально-освободительной борьбы в Герцеговине и Боснии; черногорцы постоянно приходили на помощь восставшим, прежде всего герцеговинцам; в Черногории находили убежище семьи повстанцев и раненые. В конце 50-х годов XIX в. маленькая Черногория становится центром антиосманского сопротивления на Балканах.

В середине XIX в. в южных областях Герцеговины началось антифеодальное крестьянское движение, переросшее в национально-освободительное восстание. В нем приняли участие не только православные и католики, но и мусульмане-славяне — крестьяне, торговцы, мелкие предприниматели, ремесленники, интеллигенция, низшее духовенство. Движение возглавил капитан области Зубцы Лука Вукалович. В начале 50-х годов XIX в. на герцеговинской территории, охваченной волнениями, были ликвидированы органы османской власти и создано местное самоуправление³.

В 1857—1858 гг. центром антитурецких выступлений стало Грахово, черногорский князь Данила запретил крестьянам этой местности платить подати феодалам. Движение перебралось на пограничные области Зубцы, Баняны и Пиву, Шкодринский санджак и на Боснию. Антифеодальные выступления боснийского крестьянства с особой силой развернулись летом и осенью 1858 г. в Боснийской Крайне и Посавине⁴.

В первых числах сентября 1857 г. православное население Нижних Васоевичей (Северная Албания), этнически родственное черногорцам, заявило о своем отказе признавать власть султана и провозгласило объединение с Черногорией. Их примеру последовали Кучи и Дрекаловичи. На помощь восставшим прибыло 6 тыс. черногорцев. По донесениям русских консулов, число восставших в одной только Герцеговине составило 5400 человек⁵. Крестьянские волнения приобретали все более радикальный характер; повстанцы занимали пустующие земли, юридическим собственником которых являлось османское государство. Черногорские власти одобряли их действия и оказывали вооруженную помощь.

Активизация Черногории вызвала не только беспокойство Порты, но и встретила решительное противодействие представителей Англии и Австрии. По их настоянию князь Данила официально провозгласил нейтралитет; тайно он продолжал оказывать помощь восставшим, стремясь укрепить в Герцеговине влияние Черногории и добиться расширения ее территории. Способом достижения этой цели являлся переход пограничного православного населения в черногорское подданство, к чему его побуждали княжеские представители.

С 1858 г. герцеговинцы перестали платить налоги Порте, они изгнали со своей территории османских солдат и чиновников и осуществили самоуправление. Судебно-административные функции в восставших областях стал осуществлять черногорский сенат. Князь Данила присвоил Луке Вукаловичу и еще некоторым старейшинам титулы воевод⁶.

Все это дало повод герцеговинскому губернатору Васифу-паше приписать все антитурецкие выступления проискам Черногории⁷. Английский вице-консул в Мостаре потребовал от князя Данилы отозвать из Герцеговины черногорцев⁸.

Сложнее была позиция австрийской дипломатии. В надежде, что Герцеговина примет покровительство габсбургской монархии, австрийские власти первоначально сами побуждали население к анти-

турецкому выступлению, снабжая восставших оружием и боеприпасами. Вместе с тем Вена усилила натиск на Черногорию, в которой она видела соперницу на пути проникновения в Герцеговину. Был наложен запрет на продажу черногорцам оружия, боеприпасов и их транзита через австрийскую территорию. Венский кабинет подхватил турецкую версию о виновности черногорцев в возникновении волнений в Герцеговине. Продолжая рассматривать Черногорию, подобно Герцеговине, Боснии и Албании, в качестве турецкой провинции, он потребовал от нее сохранения спокойствия⁹.

Иным было отношение России, которая на протяжении длительного времени оказывала Черногории материальную и дипломатическую помощь. Именно от нее ожидали черногорцы поддержки в борьбе за осуществление своих внешнеполитических задач, в том числе освобождения Герцеговины.

Русское правительство придавало большое значение Черногории, которая благодаря ее мужественной борьбе и моральному воздействию, оказываемому на поработанные Портой народы, занимала важное место в балканских планах Петербурга. Поэтому вице-канцлер А. М. Горчаков добился от Франции согласия на совместный демарш в Константинополе. Воодушевленный этой поддержкой, князь Данила мечтал добиться хотя бы частичного удовлетворения черногорских требований — провести разграничение с Османской империей и присоединить восставшие герцеговинские области в качестве компенсации за невмешательство Черногории в восстание. По его словам, без морского порта Черногория — тело без души.

Французский посол в Константинополе Э. Тувепель совместно с А. П. Бутеневым выступил перед Портой в поддержку Черногории и Герцеговины. Однако дипломатического нажима на Порту оказалось недостаточно: завязавшиеся было турецко-черногорские переговоры оборвались — условием их Порты поставила признание верховной власти султана, что было, естественно, отвергнуто¹⁰.

В апреле 1858 г. турецкие войска вступили в Грахово. 1(13) мая произошло сражение, во время которого черногорское войско под командованием Мирко Петровича и герцеговинские повстанцы одержали полную победу над турецкой армией¹¹.

В начале мая 1858 г. Россия и Франция произвели второй дипломатический демарш в Константинополе. Неожиданно к ним присоединился британский кабинет, обеспокоенный русско-французским сближением. Стремясь как можно скорее ликвидировать черногорско-османский конфликт, Уайт-холл выступил с предложением создать международную комиссию с участием представителей Черногории и Османской империи для проведения демаркационной линии между этими двумя государствами. Требование британского кабинета воздержаться от военных действий против Черногории произвело «ошеломляющее впечатление на Порту», привыкшую к британской поддержке¹².

Поражение под Граховым сделало Порту более уступчивой. Военные операции были прекращены; Турция пошла на перемирие с герцеговинскими повстанцами и согласилась начать рассмотрение

вопроса об урегулировании положения и разграничении с Черногорией. Притязания Порты на сюзеренитет над Черногорией встретили резкий отпор со стороны России. Горчаков проявил инициативу в проведении совместной русско-французской военно-морской демонстрации в Адриатическом море. Вместе с тем он позаботился о том, чтобы с формальным предложением о посылке кораблей выступил парижский кабинет — это налагало на Францию обязанность и в дальнейшем поддерживать Черногорию¹³.

Появление у берегов Адриатики судов под флагами России и Франции возымело тот эффект, на который рассчитывал Петербург.

Комиссия по демаркации турецко-черногорской границы, состоявшая из консулов великих держав, приступила к работе (хотя турки и австрийцы продолжали утверждать, будто Черногория является составной частью Османской империи). Российский и французский комиссары А. Е. Влангали и Геккар отстаивали черногорские интересы. Они добились участия в работе комиссии представителя княжества и сумели возложить на Турцию расходы по проведению разграничения¹⁴. Посланцы Британии и Пруссии занимали промежуточную позицию. В октябре 1858 г. комиссия составила карту, на которой была определена в общих чертах граница Черногории с Османской империей — результат споров и компромисса. 27 октября (8 ноября) 1858 г. в Константинополе на конференции послов держав и Порты была подписана конвенция о разграничении (окончательный протокол утвержден 5 (17) апреля 1860 г.).

Территория Черногории расширялась в сторону Герцеговины и Шкодринского санджака. К ней были присоединены Грахово, Рудине, Никшичская жупа и некоторые другие места. Установление международно признанной границы с Турцией способствовало упрочению положения и авторитета Черногории на Балканах, а земельные приращения несколько укрепили ее экономику. Однако большая часть восставших герцеговинских областей — Зубцы, Крушевица, Баняны, Пива, Дробняк, Нижние Васоевичи, Кучи и Дрекаловичи — была оставлена Османской империи. В ноябре 1858 г. на должность главнокомандующего турецкими войсками в Герцеговине был назначен Дервиш-паша, который приступил к ликвидации местного самоуправления.

Порта предприняла репрессивные меры и в отношении пограничных областей Северной Албании, куда также были направлены войска. Вместе с тем Турция была вынуждена пойти и на некоторые уступки восставшим. Шкодринский губернатор Абди-паша обещал прекратить взимание дополнительных налогов и сохранить самоуправление. Таким путем османские власти добились покорности со стороны населения Кучей и Дрекаловичей. Жители Нижних Васоевичей продолжали оказывать сопротивление.

В октябре 1858 г. под сильным натиском турецких войск восставшие в Боснийской Посавине были вынуждены сложить оружие. Такая же участь постигла еще раньше и повстанцев Боснийской Краины.

Крестьянские выступления в Герцеговине и различных районах Боснии заставили Порту заняться решением острого аграрного вопроса. В конце 1858 г. в Константинополь была направлена боснийская делегация из 42 человек (по шесть от каждого санджака) для переговоров с Портой. В результате семимесячных ожесточенных споров появился крайне ограниченный аграрный закон для Боснии и Герцеговины — Саферска наредба (1859 г.).

В начале 60-х годов положение в Боснии и Герцеговине вновь начало обостряться. Подготовка восстания в Герцеговине под руководством Л. Вукаловича содействовала Черногория. В разгар военных приготовлений черногорский князь Данила был убит, как предполагали, не без ведома австрийского внешнеполитического ведомства. На престол вступил его племянник Николай Петрович (1860—1918), неискушенный в политических делах юноша. Решающую роль в управлении страной стал играть воевода Мирко Петрович — отец Николая, сторонник активной внешней политики, автор плана освобождения Герцеговины и объединения ее с Черногорией. Он был убежден, что переживавшая глубокий кризис Османская империя не в состоянии вести активную военную кампанию против Черногории.

В начале 1861 г. Порта вновь предприняла попытки ликвидировать самоуправление в пограничных герцеговинских областях и уничтожить там черногорское влияние. Вспыхнувшее в Зубцах восстание охватило округа Баняны, Рудину, Пиву, Дробняк и Шарапцы. На первом его этапе (до конца июня 1861 г.) повстанцы выступали только за ликвидацию злоупотреблений османской системы и претворение в жизнь хатт-и хумаюна 1856 г., настаивая на сохранении местного самоуправления, выводе турецких войск, в первую очередь нерегулярных частей башибузуков, «славившихся» своим произволом и зверствами, создании местной полиции и предоставлении населению права ношения оружия. Под давлением держав, особенно настойчивым со стороны Великобритании и Австрии, князь Николай официально объявил о нейтралитете и должен был тщательно маскировать помощь герцеговинцам. Вместе с тем с целью расширения восстания в Цетинье было решено организовать поход в Боснию. В январе 1861 г. двухтысячный отряд переодетых герцеговинцами (чтобы замаскировать вмешательство) черногорских воинов под командованием воеводы Новицы Церовича двинулся в направлении Сьеницы¹⁵. Распространить в Боснии восстание дальше этого пункта не удалось. В Герцеговине повстанцы держали в осаде гарнизон Никшича, препятствуя доставке туда продовольствия и боеприпасов. Международная обстановка им не благоприятствовала. Венский кабинет опасался, что черногорцы в союзе с Гарибальди (стало известно о подготовке высадки десанта на Балканах) начнут наступательные действия в Приморье. Поэтому австрийские власти в Далмации внимательно следили за военными приготовлениями Черногории и укрепляли далматинское побережье со стороны моря и на суше. Они настаивали на выводе из Суторини поставленной там Вукаловичем батареи.

Петербургский кабинет по-прежнему опасался большого конфликта в Юго-Восточной Европе, полагая, что его вмешательство приведет к повторению «крымской ситуации», и выступал за мирное урегулирование Герцеговинского вопроса. У черногорцев — 12 тыс. бойцов; повстанцы не обладают ни должной организацией, ни возможностями: «Позволить им вовлечься в подобное предприятие — значит обречь их на бессмысленную бойню»¹⁶. И русский МИД стал предпринимать энергичные усилия для урегулирования вопроса дипломатическими средствами. Он отклонил очередную попытку Порты приписать Черногории разжигание восстания. 10 марта 1861 г. по инициативе князя А. Б. Лобанова-Ростовского в Константинополе состоялась конференция послов для рассмотрения положения в Герцеговине. Было решено потребовать от Порты совместно с европейскими державами изыскивать способ умиротворения восставших областей¹⁷.

В апреле 1861 г. Порта согласилась на образование так называемой международной комиссии для урегулирования положения в Герцеговине. Председателем ее был назначен сераскир Омер-паша, верховный главнокомандующий всеми военными силами Румелии. Справиться с положением сераскир не сумел. Он пытался насадить угодных ему старейшин и тем самым восстановить полную зависимость пограничных областей от Порты и ликвидировать их контакты с Черногорией. В ответ руководители повстанцев на встрече в Косиерове выдвинули требование присоединения к Черногории. Национально-освободительное движение вступило в высший этап — борьбу за независимость. Сопротивление герцеговинцев производило большое впечатление на Балканах и во всей Европе. «... Знаменательное зрелище, когда горстка повстанцев в течение 6 месяцев сопротивляется регулярной армии в 30 тыс. человек. Конечно, если подобное положение вещей будет продолжаться, это явится признаком упадка, если не окончательного падения Османской империи», — говорилось в отчете российского МИД за 1861 г.¹⁸

Не сумев сломить сопротивление повстанцев, Омер-паша решил начать переговоры с князем Николаем, чтобы при его содействии добиться умиротворения Герцеговины. Посредником в этом деле выступил французский консул, надеявшийся таким путем укрепить влияние в Черногории. Консул Геккар проявил инициативу в организации встречи между князем Николаем и Омером-пашой¹⁹.

Представитель России в Дубровнике К. Д. Петкович усиленно отговаривал князя от свидания, полагая, что при неопределенности международного статуса Черногории такая встреча может обернуться ущербом для ее суверенитета. Николай колебался и был склонен пренебречь советами Петковича, надеясь продвинуть решение вопроса о признании независимости Черногории и расширении ее территории²⁰. Но переговоры так и не состоялись из-за желания Омера-паши принять черногорского князя в турецкой крепости Жабляк. Не удалось сераскиру встретиться и с вождем герцеговинских повстанцев Лукой Вукаловичем. Очередная попытка европей-

ской дипломатии уладить дело миром окончилась крахом. 28 июля 1861 г. Омер-паша объявил блокаду Черногории.

В ответ черногорцы направили в восставшие районы свои отряды, при поддержке которых повстанцы перешли в наступление и нанесли ряд чувствительных ударов турецкой армии. Успешное развитие восстания было сорвано ссорой Луки Вукаловича с черногорским воеводой Мирко Петровичем. Князь Николай поставил во главе восставших своего человека, иеромонаха монастыря Дужи Никифора Дучича, пожаловав ему звание воеводы. Тем самым он афишировал свое вмешательство в герцеговинские дела. Этот недальновидный поступок затруднил маневрирование российской дипломатии, упорно «не замечавшей» причастности черногорцев к герцеговинским делам; среди самих повстанцев возникло две группировки: сторонники Вукаловича и Дучича. Конфликт между официальной Черногорией и Вукаловичем был ликвидирован энергичным вмешательством русского консула Петковича, сознававшего его пагубные последствия для дела национального освобождения Герцеговины, который направил письма князю Николаю и Луке Вукаловичу, настаивая на их примирении.

В феврале 1862 г. в Герцеговину отправился сенатор Иво Раков Радонич, который по поручению князя восстановил Вукаловича в звании воеводы. Повстанцы совместно с черногорцами возобновили успешную борьбу против османских войск.

Весной 1862 г. в Константинополе снова усилились воинственные настроения. Рейс-эффенди Али-паша заявил дипломатам в Константинополе, что без войны с Черногорией восстановить спокойствие в Герцеговине нельзя²¹. Используя заем, полученный от Великобритании, Османская империя начала военные приготовления. В апреле 1862 г. Порты вручила представителям держав циркулярную ноту, в которой она сообщала о принятом решении начать военные действия против Черногории²².

По свидетельству русского консула Петковича, черногорцам пришлось бороться с тремя врагами: Турцией, которая направила против них свои отборные регулярные войска и башибузуков, набранных с территории всей европейской части империи; Англией, предоставившей Порте миллионы и поставлявшей с Корфу оружие и боеприпасы; Австрией, открывшей для турок свои гавани и запретившей поставки снаряжения и продовольствия для Черногории²³.

Несмотря на мужество и героизм своих сынов, Черногория потерпела поражение в этой войне и заключила крайне невыгодный мирный договор, предоставивший туркам право разрезать страну военной дорогой, которая должна была соединить турецкие крепости — Спуж (в Албании) и Никшич (в Герцеговине). Вдоль дороги размещались османские гарнизоны. Выполнение такого условия ставило под угрозу черногорскую независимость, поэтому МИД России немедленно заявил свой протест. Позднее при поддержке Франции российской дипломатии удалось добиться ликвидации этого крайне тяжелого условия мирного договора²⁴. Война стоила огромных жертв черногорскому народу. Во время военных действий погибло

2 тыс. человек, раненые составили почти половину войска. Почти все население, проживавшее на территории, явившейся театром военных действий, осталось без крова.

Турецкие потери убитыми, ранеными и умершими от болезней доходили до 22 тыс. человек; казна затратила на войну миллионы. По справедливому замечанию К. Д. Петковича, «едва заметная на карте Черногория сделала последнюю войною большой пролом в дряхлом здании Турции»²⁵. Героическое сопротивление черногорского народа способствовало росту его популярности во всей Юго-Восточной Европе. В самой войне участвовали многие добровольцы из разных стран Юго-Восточной Европы. Только из Австрии прибыло 3 тыс. славян. Движение оказания помощи сражающимся черногорцам охватило Боку Которскую, Далмацию, Хорватию, Воеводину, Чехию, Сербию, Болгарию и др. В этих странах были созданы комитеты по сбору денежных средств, которые направлялись в Черногорию. В России денежная помощь собиралась по всем губерниям. До конца октября 1862 г. из России поступило 20 тыс. гульденов, Чехии — 1700 форинтов²⁶.

В то же время отмечалось ухудшение черногоро-сербских отношений, что было обусловлено пассивной позицией официальной Сербии в период войны Черногории с Турцией в 1862 г.: Белград тогда делал ставку на получение уступок от Турции с помощью дипломатических маневров (см. гл. 5), что не мешало ему ревниво следить за активностью Цетинье, усматривая в Черногории соперника в объединении южных славян. Вместе с тем тяжелое положение княжества после неудачной для нее войны заставило князя Николая и воеводу Мирко Петровича добиваться договоренности с Сербией и получения от нее помощи.

Осенью 1862 г. российский консул А. Е. Влангали сообщил в Министерство иностранных дел, что со своей стороны сербское правительство решило «сделать еще шаг к примирению» и послать в Вену чиновника МИД Сербии Милое Лешанина для того, чтобы «объясниться с Миркою по всем предметам несогласия между обеими княжествами»²⁷.

Урегулированию сербо-черногорских отношений способствовал и русский посланник в Вене В. П. Балабин, но произошло это не сразу. В правящих кругах Черногории возникла идея объявить князя Николая наследником бездетного сербского князя Михаила. В Вене воевода Мирко Петрович поставил перед Лешанином вопрос о будущем главе объединенного югославянского государства; последний уклончиво ответил, что сначала необходимо добиться освобождения от общего врага²⁸. Династический момент несколько замедлил, но не мог сорвать процесс сербо-черногорского сближения, столь важного для объединения славянских сил.

Критское восстание 1866—1869 гг. усилило стремление к борьбе за независимость в Боснии, Герцеговине, Болгарии и Албании и побудило Белград и Цетинье предпринять шаги для объединения своих сил.

23 сентября 1866 г. между Сербией и Черногорией был подпи-

сан договор о союзе в борьбе против Турции, положивший начало созданию Балканского союза. Этому важному событию предшествовала поездка в Белград Никифора Дучича, исполнявшего в то время обязанности секретаря князя Николая. После переговоров, прошедших в Белграде, князь Михаил выдал полномочия на подписание союзнического договора М. Лешанину, который выехал с Дучичем в Черногорию.

Правящие круги Черногории продолжали питать надежду, что им удастся обеспечить гегемонию в сербо-черногорском союзе, добившись объявления князя Николая наследником сербского престола. Черногорский проект союзнического договора предусматривал признание существования двух независимых государств и полного их равноправия; неприкосновенность их территорий и раздел освобожденных югославянских земель (включение Боснии и половины Старой Сербии в состав Сербского княжества, а Герцеговины и остальной территории Старой Сербии — в состав Черногорского; установление в них единообразного законодательства, суда и администрации; объединение Сербии и Черногории в единое государство в случае пресечения одной из правящих династий ²⁹.

Князь Михаил и глава сербского правительства И. Гараганин отвергли черногорский проект и настояли на своем варианте союзнического договора, предусматривавшего создание «Великой Сербии» с поглощением Черногории (подробнее см. гл. 5). Заключение союза не уничтожало противоречий между династиями Обреновичей и Петровичей. Князь Николай продолжал лелеять мечту о приоритете в югославянском национально-освободительном движении и обеспечении за собой решающей роли в будущем объединенном государстве. Вместе с тем официальные круги Черногории постоянно испытывали опасение, что усиление Сербии создаст им дополнительные трудности на Балканах ³⁰. В поисках поддержки они начинают обращаться к Франции.

В середине 60-х годов дипломатия Наполеона III активизируется на Балканах. Резкое ухудшение франко-русских отношений, связанное с Польским восстанием 1863 г., распространяется и на Юго-Восток Европы ³¹. Наряду с Дунайскими княжествами, традиционным опорным пунктом на Балканах, Наполеон III снова предпринимает попытку утвердить свое влияние в Черногории ³², рассматривая ее как центр противодействия Сербии, ориентировавшейся на Россию.

В надежде на поддержку Франции князь Николай и воевода Мирко Петрович по совету французского консула Вьета решили, без предварительной договоренности с Сербией, вновь предъявить Турции территориальные требования — об уступке Герцеговины и других местностей ³³. В июле 1867 г. Николай выехал в Париж, по-видимому, для ознакомления со всемирной выставкой и надеясь лично попытаться договориться о содействии с Наполеоном III.

Реальных оснований для подобных надежд не существовало, поскольку Наполеон III, вынашивая планы войны с Пруссией, выступал за укрепление финансов и армии Османской империи и за-

игрывал тогда с Габсбургами (см. § 3 гл. 1). Франция не поддержала проект реформ для христианских народов, представленный Порте русским правительством в 1867 г., и отказалась помочь восставшим критянам, полагая, что они «тяготееют» к России³⁴. Боязнь развития национально-освободительного движения балканских народов и укрепления среди них влияния России подталкивала Наполеона III к все большему сближению с Францем Иосифом, результатом которого стало подписание в Зальцбурге соглашения о сохранении целостности Османской империи (август 1867 г.).

Добиваясь ликвидации Балканского союза, Наполеон III отнюдь не намеревался содействовать удовлетворению черногорских требований; не думал он и протестовать против притязаний Турции на сюзеренные права относительно Черногории.

Попытка Николая переориентироваться на Францию была воспринята югославянским общественным мнением как отказ от опоры на Россию и от союза с Сербией. Недовольство политикой князя усугублялось тяжелым экономическим положением в стране, где свирепствовала эпидемия холеры, унесшая 2 тыс. человеческих жизней, а неурожайный год снова предвещал голод. Потерпев крах в своих расчетах, князь Николай поспешил восстановить дружеские отношения с Сербией и ориентацию на Россию. «Освободившись от влияния французского консула и убедившись в том, что в трудную минуту он может рассчитывать только на Россию, князь Николай направил все свои усилия, чтобы своими действиями как по внутреннему управлению, так и по внешней политике снискать расположение русского правительства, желая доказать свою искреннюю преданность России», — говорилось в отчете российского МИД за 1868 г.³⁵

Правда, отношения между двумя славянскими княжествами складывались не гладко, и яблоком раздора служила Герцеговина³⁶, где сербские агенты стремились распространить свое влияние.

После гибели в 1868 г. Михаила Обреновича Николай черногорский снова стал претендовать на лидерство в антитурецком движении. Русская дипломатия старалась сгладить постоянно возникавшие сербо-черногорские разногласия. В начале 1868 г. Николай впервые посетил Россию. Петербургский кабинет продлил еще на 5 лет субсидию Черногории и даровал в качестве единовременного пособия 100 тыс. рублей. Князю был дан совет поддерживать дружеские отношения с Сербией.

Внешнеполитические маневры сербского регентства³⁷ (см. гл. 8) и его сближение с Австро-Венгрией вызвали отрицательную реакцию в Хорватии, Далмации и Воеводине. Политика Черногории, ориентировавшейся на Россию, напротив, вновь встречалась с одобрением в югославянском мире, в том числе в Сербии. В 1869 г. руководство сербской Омладины предприняло практические шаги к установлению связей с правительственными кругами Черногории³⁸. В переговоры вступило также руководство Народной (либеральной) партии Хорватии (так называемые народняки), лидером

которой являлся епископ Иосип Юрай Штросмайер³⁹. Симпатии югославянской общественности к Черногории подкрепляли честолоубивые настроения князя Николая.

Русское правительство, однако, по-прежнему продолжало считать гораздо более многолюдную и экономически более развитую Сербию «единственно надежной опорой для славянства», способной возглавить борьбу за их освобождение⁴⁰. В ответ на предложение консула А. С. Ионина (6(18) мая 1869 г.) перенести центр тяжести деятельности на Балканах на Черногорию и Национальную партию Хорватии, директор Азиатского департамента МИД Стремоухов ответил: «Как бы мы ни сочувствовали нашим восточным братьям», без Сербии нельзя думать «о решительных действиях и об обширных планах». Он выражал уверенность в изменении в будущем внешнеполитической линии сербского правительства⁴¹.

По совету русского правительства князь Николай в апреле 1869 г. предпринял шаги для нормализации отношений с Сербией⁴². В свою очередь, сербское регенство, убедившись в том, что сближение с Австро-Венгрией привело лишь к падению его престижа среди южных славян, стало стремиться к сближению с Россией и Черногорией. Правда, первая попытка восстановить с последней союз провалилась. В основу сербского проекта военной конвенции было положено соглашение 1866 г., предусматривавшее отречение от престола династии Петровичей в пользу Обреновичей.

Проектом определялись общая численность войска и подчинение черногорской армии сербскому командованию, но при этом Герцеговина исключалась из театра военных действий Черногории, что выдавало замысел сербской монархии присоединить в дальнейшем эту область. Все это внушало недоверие, поэтому князь Николай не подписал военную конвенцию. С этим согласилось и русское правительство, которое считало, что «следовало бы ограничиться взаимным обязательством действовать совокупно всеми силами»⁴³. Сознание всю опасность разрыва отношений между Сербией и Черногорией, оно способствовало налаживанию отношений между обоими княжествами. Черногорцы отвергли предъявленные им условия. Переговоры возобновились в январе 1871 г. на основе равноправия сторон⁴⁴. Сербские регенты отказались от прежнего требования о приоритете династии Обреновичей и от претензий на Герцеговину⁴⁵. Эти две уступки означали шаг вперед на пути преодоления великодержавных устремлений Сербии и создавали реальную основу для возобновления сербо-черногорского соглашения⁴⁶.

¹ Караџић В. Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1953, с. 72.

² Јовановић Р. Разграничење Црне Горе и Турске 1858 године.— Историјски записи, Титоград, 1966, св. 2.

³ Ђоровић В. Лука Вукаловић и херцеговачки устанци од 1852—1862 године. Београд, 1923, с. 13; Богићевић В. Почетак устанка Луке Вукаловића.— Годишњак Историјског друштва Босне и Херцеговине. Сарајево, 1952, с. 20.

⁴ Караџић В. Вукова преписка. Београд, 1913, књ. VII, с. 317.

⁵ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1857 г., л. 212 об.

- ⁶ К. Д. Петкович — Е. П. Ковалевскому, 17(29) марта 1861 г.— АВПР, ф. ГА V—A₂ д. 723, л. 62—63.
- ⁷ А. С. Ионин — Е. П. Ковалевскому, 1(13) января 1858 г.— АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 608, л. 4—4 об.; А. Ф. Гильфердинг — Е. П. Ковалевскому, 7(19) января 1858 г.— Там же, д. 800, л. 4—5.
- ⁸ К. Д. Петкович — Е. П. Ковалевскому, 21 января (2 февраля) 1858 г.— Там же, д. 717, л. 9.
- ⁹ К. Д. Петкович — Е. П. Ковалевскому, 3(15) июня 1858 г.— Там же, д. 717, л. 102 об.; То же, 30 марта (11 апреля) 1858 г.— Там же, д. 718, л. 53—53 об.
- ¹⁰ Рыжова Р. И. Из истории русско-черногорских отношений: (Дипломатическая борьба 1857—1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории).— Ист. зап., 1858, № 63, с. 141—142.
- ¹¹ Јаиновић А. Победа на Граховцу 1858 године у списима савременика. Цетиње, 1858, с. 115.
- ¹² Рыжова Р. И. Из истории..., с. 142—144.
- ¹³ См. подробнее: Јовановић Р. Разграничење Црне Горе... с. 227—242.
- ¹⁴ К. Д. Петкович — Е. П. Ковалевскому, 6(18) апреля 1859 г.— АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 719, л. 86—87 об.
- ¹⁵ Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX века. М., 1979, с. 167—168.
- ¹⁶ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1862 г., л. 13.
- ¹⁷ Павићевић Б. Црна Гора у рату 1862 године. Београд, 1963, с. 126—127.
- ¹⁸ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1861 г., л. 35.
- ¹⁹ Павићевић Б. Црна Гора..., с. 159—167; Вујовић Д. Црна Гора и Француска, 1860—1914. Цетиње, 1971, с. 54—61.
- ²⁰ В. В. Безобразов — А. Б. Лобанову-Ростовскому, 23 июля (4 августа) 1861 г.— АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 174; К. Д. Петкович — Е. П. Ковалевскому, 13 июля 1861 г.— Там же, ф. ГА V—A₂, д. 723, л. 153—157.
- ²¹ Павићевић Б. Црна Гора..., с. 281.
- ²² Там же, с. 282.
- ²³ К. Д. Петкович — Н. П. Игнатьеву, 12(24) ноября 1862 г.— АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 724, л. 398 об.
- ²⁴ Подробнее см.: Павићевић Б. Црна Гора...
- ²⁵ К. Д. Петкович — Н. П. Игнатьеву, 2(13) декабря 1862 г.— АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 724, л. 414 об.—416.
- ²⁶ Павићевић Б. Црна Гора..., с. 399—405.
- ²⁷ А. Е. Влангали — Н. П. Игнатьеву, 25 ноября 1862 г.— АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 246, л. 80 об.
- ²⁸ А. Е. Влангали — Н. П. Игнатьеву, 25 ноября и 28 декабря 1862 г. (9 января 1863 г.).— АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 246, л. 80, 101.
- ²⁹ К. Д. Петкович — П. Н. Стремоухову, 20 июля (1 августа) 1866 г.— АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2130, л. 144—145.
- ³⁰ Јовановић Р. Црна Гора и предаја градова.— В кн.: Ослобођење градова у Србији од Турака. Београд, 1970, с. 252—253.
- ³¹ Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974, с. 50—51.
- ³² Вујовић Д. Борба Русије и Француске за утицај на спољну политику Црне Горе и кампања против књаза Николе 1867 год.— Историјски записи, 1964, св. 4.
- ³³ Јовановић Р. Црна Гора и предаја градова, с. 253—265; К. Д. Петкович — П. Н. Стремоухову, 1(13) апреля 1867 г.— АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 730, л. 49 об.—50.
- ³⁴ Киняпина Н. С. Внешняя политика России..., с. 60—61, 72—73.
- ³⁵ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1868 г., л. 188 об.
- ³⁶ К. Д. Петкович — П. Н. Стремоухову, 17(29) ноября 1868 г.— АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 732, л. 76—76 об.
- ³⁷ Јовановић Р. Политички односи Црне Горе и Србије, 1860—1878. Цетиње, 1977.

- ³⁸ *Кондратьева В. Н.* Новые архивные материалы по истории Объединенной Омладины сербской.— УЗИС, 1958, т. XX, с. 313.
- ³⁹ *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу: Подъем освободительного движения в 1859—1873 гг. История, идеология и политические партии. М., 1970.
- ⁴⁰ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1868 г., л. 188 об.
- ⁴¹ Цит. по: *Фрейдзон В. И.* Указ. соч., с. 339—340.
- ⁴² АВПР, Отчеты МИД, 1868 г., л. 177 об.
- ⁴³ МИД — А. С. Ионину и Н. П. Шишкину, 7 и 8 (19 и 20) октября 1870 г.— АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 257, л. 213, 258.
- ⁴⁴ А. С. Ионин — Е. П. Новикову 23 января (4 февраля) 1871 г.— Там же, д. 737, л. 248. Князь в письме выражал регентам дружеские чувства и предлагал сгладить «шероховатости», возникшие в связи с вопросом о заключении конвенции. Николай — регентам, 18(30) января 1871 г.— Записи, 1936, св. 1, с. 42—43.
- ⁴⁵ Регенты — Николаю, 1(13) марта 1871 г.— Записи, 1936, св. 1, с. 44—45; Н. П. Шишкин — П. Н. Стремоухову, 25 февраля (9 марта) и 26 марта (7 апреля) 1871 г.— АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 258, л. 22, 38 об.— 39.
- ⁴⁶ См. гл. 8.

ГРЕЦИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ

1

Свержение баварской династии

В середине XIX в. Греция была единственным формально независимым государством на Балканах. Правда, независимость ее была ограничена из-за постоянного вмешательства «держав-покровительниц», особенно Англии и Франции, в ее внутренние дела. Греки завоевали свою свободу ценой огромных жертв в результате героической войны за независимость (1821—1829). Большую помощь им оказала Россия. Отпадение страны от Османской империи было зафиксировано в Адрианопольском мирном договоре, завершившем русско-турецкую войну 1828—1829 гг.¹ Однако освободиться от иноземного ига удалось тогда лишь небольшой части греческого народа. Под властью султана остались Эпир, Фессалия, Крит, многие острова Эгейского моря. Англия продолжала удерживать Ионические острова. Много греков проживало в Македонии и Фракии. Сложные исторические пути греческого этноса определили наличие значительного греческого населения и в некоторых крупных городских центрах Османской империи, зачастую весьма отдаленных от самой Греции,— Константинополе (Стамбуле), Адрианополе (Эдирне), Филиппополе (Пловдиве), Смирне (Измире), Варне, Трапезунде (Трабзоне). Такие условия благоприятствовали появлению и распространению в 40-х годах XIX в. греческой великодержавной доктрины мегали идея (великая идея). «Отцом» ее считается один из виднейших политиков эпохи войны за независимость и последующего периода правления короля Оттона I, баварского принца по происхождению,— Иоаннис Колеттис. Выступая 15(27) января 1844 г. в Национальном собрании, он заявил, что греческий парламент призван решать «не только судьбы Греции, но и всей греческой нации», в которую входят и греки Европейской Турции и Азии. В речи подчеркивалась особая «историческая миссия» греков: в течение многих лет они боролись за «освобождение всех единоверных христиан»; Греции «предназначено своим возрождением просветить Восток, так же как своим падением она просветила Запад»².

Высказанные Колеттисом мысли определили суть буржуазно-национальной мегали идея³. Возникновение греческой великодержавной доктрины было связано с характерным и для других Балканских стран отказом местных имущих классов от национально-освободительной идеологии и переходом на шовинистические позиции. В дальнейшем эта политическая философия наряду с провозглаше-

нием права греческого народа на свободное национальное развитие пришла к отрицанию подобного же права для других балканских народов. С конца XIX в. мегали идея стала использоваться для оправдания захватнических притязаний греческой буржуазии и планов создания «великой Греции». Однако в конкретных условиях 40—70-х годов XIX в., когда греческое государство было еще очень слабым в экономическом и военном отношении, речь могла идти прежде всего о воссоединении с Грецией таких исконно греческих областей, как Эпир, Фессалия, Крит. В этот период мегали идея, несмотря на ее шовинистические и реакционные оттенки, в определенной мере объективно служила идеологическим обоснованием справедливой борьбы за освобождение оставшихся еще под османским игом греческих областей.

Борьба эта была очень популярной среди греческого народа. В Греции находили радушный прием беженцы с Крита, из Фессалии и Эпира — участники постоянно вспыхивавших там восстаний. Мощные восстания охватили Эпир и Фессалию и в первые месяцы 1854 г. в связи с начавшейся новой русско-турецкой войной. Подавляющее большинство греков, надеявшихся, что война поможет осуществлению их национальных чаяний, было тогда на стороне России. На помощь восставшим отправились отряды добровольцев во главе с кадровыми греческими офицерами. Через границу тайно перевозилось оружие и военное снаряжение. В пограничные районы из глубины страны выдвигались части греческой армии. Турецко-греческие отношения были разорваны. В этот критический момент Англия и Франция решительно вмешались в события, поддержав своего союзника — Турцию. В мае 1854 г. к берегам Греции подошла англо-французская эскадра, высадившая в Пирее шеститысячный десант. Оттон I принял ультиматум Англии и Франции о сохранении нейтралитета. Под дулами пушек союзной эскадры было сформировано новое правительство во главе с лидером «английской» партии А. Маврокордатосом, прозванное народом «министерством оккупации». Повстанческие движения в Эпире и Фессалии, оставшись без какой-либо помощи со стороны греческого правительства, были разгромлены.

После подписания Парижского мира 30 марта 1856 г. Англия и Франция не спешили вывести свои войска с греческой территории. В ответ на настояния греческого правительства о прекращении оккупации представители этих держав требовали от него гарантий поддержания «нормального порядка вещей», отказа от притязаний на соседние «турецкие провинции».

Требования Греции были энергично поддержаны Россией еще в ходе работы Парижского конгресса. В сентябре же 1856 г. А. М. Горчаков в циркуляре, направленном российским дипломатическим представителям за рубежом, выражал сожаление по поводу «давления, которое западные державы продолжают оказывать на Грецию». «Как-никак, — не без иронии заметил министр, — они воевали против России под лозунгом уважения права правительств на независимость»⁴.

В конце концов Париж и Лондон вынуждены были отступить: 16 (28) февраля 1857 г. последний иностранный солдат покинул Пирей. Однако союзники постарались закрепить в Греции при помощи международной финансовой комиссии. Формально в задачи комиссии входило изучение возможностей погашения Грецией займа в 60 млн. фр., который предоставили ей в 1832 г. Англия, Франция и Россия. Фактически же по замыслам англо-французской дипломатии ей должен был принадлежать контроль над греческими финансами, экономикой, администрацией.

Эти планы не одобрялись Россией. А. М. Горчаков называл комиссию «гнусной» и участие в ней русского представителя рассматривал как уловку с целью избавить Грецию от прямой иностранной оккупации. Русский министр иностранных дел стремился сократить срок деятельности комиссии, ограничить ее компетенцию и возможности вмешательства во внутренние дела страны⁵. Общие установки российской дипломатии относительно Греции сильно отличались от соответствующих установок внешнеполитических ведомств Англии и Франции. 1 (13) марта 1857 г. в Афины прибыл чрезвычайный посланник России А. П. Озеров. «Дадим Греции жить ее собственной жизнью» — такое напутствие получил он от А. М. Горчакова перед отъездом из Петербурга⁶. И впоследствии русский посланник неоднократно получал от своего правительства указание: воздерживаться от какого-либо вмешательства во внутренние дела Греции. Так, ознакомившись с одним из донесений Озерова, в котором посланник сообщал о своем намерении поговорить с королем о недостатках греческой административной системы, Александр II сделал на нем помету: «Я не одобряю его вмешательство во внутренние дела, о котором сообщается в его депеше. Я не желаю, чтобы мой посланник следовал примеру французоз и англичан»⁷. Бесцеремонное вмешательство «держав-покровительниц» в дела молодого государства вызывало возмущение самых широких слоев греческого народа. Петербург отмежеввался от наиболее неприкрытых проявлений этой политики и таким образом намеревался усилить свое влияние в Греции. Кроме того, русских и греков издавна связывали чувства взаимной симпатии и уважения, они были союзниками на протяжении всех русско-турецких войн XVIII—XIX вв. и с этим не мог не считаться и царский двор.

Столь резко критикуемая Горчаковым комиссия стала проявлением прямого и неприкрытого иностранного вмешательства во внутренние дела Греции. За два с лишним года (февраль 1857 г. — май 1859 г.) она провела более 40 заседаний, действуя как верховный контрольный орган. Она вызывала, через головы министров, греческих чиновников на свои заседания, давала указания различным ведомствам о составлении многочисленных справок и таблиц. Работа комиссии, писал в одном из своих донесений А. П. Озеров, состоит «в разборке по косточкам всей административной системы Греции, в анализе, по меньшей мере, неделикатном, ценности действующих законов, в подготовке новых законов. Одним словом, это обширное поле вмешательства во внутренние дела страны...»⁸.

Попытки русского посланника как-то сузить рамки этого вмешательства были безрезультатны: против него всегда выступали оба его коллеги — англичанин Уайз и француз де Монтеро. Итоговый документ международной финансовой комиссии звучал как обвинительный акт. В нем говорилось об отсутствии элементарного порядка в греческой администрации, о небрежности и некомпетентности министров. Комиссия потребовала выделения ежегодно из бюджета 900 тыс. драхм для погашения займа 1832 г. Греческое правительство вынуждено было принять требование держав, хотя эта сумма в 3 раза превышала ту, которую оно первоначально предполагало выделить для погашения займа⁹.

В 1858 г. Оттон пышно отпраздновал двадцатипятилетие своего царствования. Это дало повод для обсуждения в дипломатических кругах вопроса о наследовании престола после смерти бездетного короля. Согласно 40-й статье греческой конституции 1844 г., наследник короля-католика должен был принять религию подавляющего большинства населения страны — православие. Однако баварские принцы — братья Оттона, воспитанные в духе воинствующего католицизма, решительно отвергали возможность перехода кого-либо из их детей в иное вероисповедание. Пока в европейских дипломатических канцеляриях с привычной неторопливостью обсуждались различные варианты решения династического вопроса в Греции, наступил 1862 год, ознаменовавшийся революцией. Почву для нее подготовили социально-экономические сдвиги, происшедшие в стране после освобождения от османского ига.

В первые десятилетия после освобождения экономическое развитие Греции шло крайне медленно. Сказывались большие разрушения и тяжелые жертвы, которые понесла Греция в ходе войны за независимость. Территория государства была небольшой, сырьевые ресурсы — ограниченными. Развитие капиталистических отношений тормозила нерешенность аграрного вопроса. Принадлежавшая ранее турецким феодалам земельная собственность перешла в руки государства. Эти «национальные земли» составляли более 1/3 всей обрабатываемой площади. Греческое крестьянство, вынесшее на своих плечах всю тяжесть борьбы за национальное освобождение, осталось безземельным. Из 120 тыс. семей, составлявших аграрное население в послевоенные годы, лишь 20 тыс. были собственниками обрабатываемой ими земли. Остальные должны были обрабатывать «национальные земли» на кабальных условиях. Арендная плата составляла от 30 до 45% урожая¹⁰. В целом в этот период греческое общество оставалось обществом аграрным с полуфеодалными чертами. Черты эти проявлялись и в политической жизни. Власть короля Оттона, правившего в Греции с 1833 г., мало чем отличалась от власти феодального самодержца. Правда, в результате революции 1843 г. Оттон из короля «божьей милостью» вынужден был стать конституционным монархом. Однако конституция 1844 г. сохранила за королем обширные prerogatives: он имел право абсолютного законодательного вето, мог назначать и смещать министров, назначать пожизненно половину членов верховной палаты — сената, распу-

скать палату депутатов. Но и это не удовлетворяло Оттона. Все его помыслы были направлены на то, чтобы полностью избавиться от ограничений, налагаемых конституцией. В 50-х годах XIX в. королевский двор фактически бесконтрольно управлял страной. Но трон баварского короля уже шатался.

Процесс социальной и политической трансформации общества, хотя медленно и подспудно, шел после 1843 г. Некоторые его проявления дали знать о себе после Крымской войны. Население Греции с 740 тыс. (1833 г.) увеличилось до 1 млн. 97 тыс. (1861 г.). Изменилась и его социальная структура. В деревне сформировался слой состоятельных землевладельцев, тесно связанных с рынком. Особенно заметны были изменения в городах. Их население значительно выросло. К 1861 г. Афины насчитывали 41 тыс. жителей, Патры — 18 тыс., Эрмуполис (о-в Сипрос) — 18 тыс.¹¹ В городах растет прослойка интеллигенции, «поставщиком» которой стал основанный в 1837 г. Афинский университет. В год основания в нем обучалось всего 52 студента, в 1863 г. — уже около тысячи¹². Усиливается прослойка дельцов и предпринимателей капиталистического склада. В одном из своих первых донесений русский посланник в Греции А. П. Озеров отметил, что «дух компаний... начинает распространяться среди торговых классов»¹³. В 1855 г. на о-ве Сипрос возникла первая в Греции пароходная компания, а в Афинах несколько позже — Общество по газовому освещению города и компания по строительству железной дороги между Афинами и Пиреем с участием греческого и иностранного капитала. В этот же период возникли и первые греческие промышленные предприятия: в 1855 г. шелкопрядильная фабрика в Афинах, на которой работало около 300 рабочих, в 1860 г. — механический завод в Пирее¹⁴.

Изменения происходят и в сфере политической и общественной жизни. Со сцены постепенно сходят старые политики — опора королевской тирании. Вместе с ними исчезают «английская», «французская» и «русская» партии — политические группировки, возникшие в период войны за независимость и служившие с тех пор орудием вмешательства «держав-покровительниц» в греческие дела.

Появляются новые формы выражения и формирования общественного мнения. В Афинах — «Париже Леванта» — по примеру их «старшего брата» возникают литературные и политические кафе. Получает большое развитие столь существенный атрибут буржуазного общества, как пресса. В 1860 г. в Афинах выходило 22 газеты и 4 журнала¹⁵. В большинстве своем издания эти представляли антиправительственный лагерь. Оппозиционные настроения различных общественных слоев находили отражение и в выступлениях учащейся молодежи. Растущий протест в стране вызывало постоянное нарушение королем и его кликой конституции, неспособность режима разрешить глужие национальные проблемы.

Подъему революционных настроений в Греции способствовали и события в соседней Италии. Успехи итальянского объединительного движения, победы Гарибальди вызвали большой энтузиазм у греков. Официальная позиция строгого нейтралитета по отношению к

австро-итальянской войне 1859 г. рассматривалась греческим общественным мнением как проавстрийская. Завершение в 1860 г. в основном объединения Италии при отсутствии малейшего прогресса в деле воссоединения греческих земель еще более усиливало непопулярность баварского короля и вызывало дальнейший рост оппозиции.

Оттон пытался, используя аппарат насилия, сохранить власть. В октябре 1859 г. была распущена палата депутатов, где все громче звучали голоса противников режима. Оппозиционеров высылали на острова, заключали в крепость. Были закрыты некоторые газеты. Но жестокие репрессии не смогли приостановить роста оппозиционного движения, распространившегося и на армию. С февраля 1862 г. вспыхивают восстания в различных гарнизонах. Массовое народное восстание в Афинах 10(22) октября 1862 г., поддержанное войсками, привело к падению монархии Оттона.

Революция 1862 г. была буржуазно-демократической революцией, победу которой обеспечили широкие народные выступления. Однако сплоченное республиканское и последовательно демократическое течение в ней отсутствовало. Руководство движением захватили в свои руки умеренные политики, близкие к торгово-финансовым кругам. В их обращении к нации после победы восстания говорилось о свержении королевской власти Оттона, создании временного правительства и немедленном созыве Национального собрания «для организации государства и выбора государя»¹⁶.

Пока страна была охвачена революционными событиями, Оттон и королева Амалия путешествовали по провинции. На следующий день после восстания в Афинах корабль с королевской четой появился на рейде Пирея. Тысячи собравшихся на пристани вооруженных жителей Афин и Пирея встретили его возгласами: «Да здравствует нация!», «Да здравствует свобода!», «Долой тиранов!». Еще до появления королевского фрегата в виду восставших Афин посланники «держав-покровительниц» собрались на совещание. О его результатах французский посланник Буре сообщал в своем донесении: «Мы сразу же пришли к согласию, без какого-либо расхождения во мнениях, без колебания и, так сказать, единогласно, что *революция совершилась и царствование короля Оттона закончено*»¹⁷. Посланники посетили свергнутого короля и высказали убеждение, что ему следует покинуть страну. Экс-монарху не оставалось ничего другого, как согласиться. Привезенный в свое время в Грецию на английском фрегате «Мадагаскар» Оттон 12(24) октября 1862 г. отбыл из нее на английском паровом корвете «Сцилла» — за годы его правления пар сильно потеснил паруса. Так завершился тридцатилетний период баварского правления в Греции.

Кабинеты Лондона, Парижа и Петербурга одобрили позицию своих представителей в Афинах в отношении свершившегося в Греции переворота. Если «державы-покровительницы» весьма спокойно и единодушно реагировали на свержение Оттона — свою роль несомненно сыграло здесь явное стремление новых властей сохранить монархический строй, — то относительно выбора нового грече-

ского короля между ними возникли серьезные разногласия. Несмотря на то что Лондонский договор 1830 г. между Англией, Россией и Францией исключал выбор правителя Греции из членов их царствующих фамилий, Англия и Россия поощряли выдвижение кандидатами на греческий трон соответственно принца Альфреда, сына королевы Виктории, и герцога Лейхтенбергского, племянника Александра II. Начавшийся по этому поводу диалог между Лондоном и Петербургом шел на высоких нотах¹⁸. В конце концов после многочисленных и острых дипломатических контактов Петербург и Лондон оказались не в силах настоять на своих кандидатурах и отказались от них, что и удостоверили обменом нотами 22 ноября (4 декабря) 1862 г.¹⁹ Когда 22 января (3 февраля) 1863 г. Национальное собрание Греции избрало принца Альфреда королем Греции, сент-джеймский кабинет, ссылаясь на «дипломатические обязательства и другие важные соображения», отклонил это избрание²⁰. Но Англия не отказалась от намерения провести удобного ей кандидата на греческий трон. В руках у нее был важный козырь — Ионические острова. Эти острова в Ионическом море были переданы под протекторат Великобритании в 1815 г., в процессе политического урегулирования после завершения наполеоновских войн. Английские власти установили на островах полуколониальный режим; население их подвергалось нещадной экономической эксплуатации, грубо ущемлялись его национальные права. «...пример Ионических островов,— писал К. Маркс,— подобно Индии и Ирландии, доказывает лишь, что ради того, чтобы быть свободным у себя дома, Джон Буль должен поработать народы за пределами своего государства»²¹.

На островах ширилось движение против британского господства и за воссоединение с Грецией. Попытки английских наместников посредством частичных реформ сбить накал национально-освободительной борьбы оказались безрезультатными. Примечателен в этом отношении провал такого мастера реформистской тактики, как В. Гладстон. Назначенный в 1859 г. чрезвычайным верховным комиссаром Ионических островов, он безуспешно пытался убедить ионийцев в обмен на обещание провести новые реформы отказаться от требования воссоединения с Грецией. Национально-освободительные, наряду с антифеодальными, стремления определяли характер многочисленных крестьянских восстаний на островах, жестоко подавлявшихся британскими властями. Кровавые расправы над ионическими греками сильно портили в глазах Европы лик «либеральной» и «просвещенной» Британии. Стратегическая же ценность Ионических островов после создания мощной военно-морской базы на Мальте значительно уменьшилась. Одним словом, острова стали для английского правительства «неудобной собственностью», с которой оно было готово расстаться в подходящий момент. И такую возможность предоставили события 1862 г. в Греции. В декабре 1862 г. британский кабинет сообщил временному греческому правительству о своем намерении отказаться от протектората над Ионическими островами и передать их Греции. Но чтобы получить этот «дар», Греции при выборе короля следовало сообразовываться с желаниями

британского кабинета. «Последний рассмотрит мысль о немедленной уступке островов только в случае выбора короля, приятного Англии», — писал тогда же из Лондона греческий посланник С. Трикупис²². И Пальмерстон нашел такого короля — 17-летнего датского принца Христиана Вильгельма Фердинанда Адольфа Георга Глюксбурга. 18(30) марта 1863 г. Национальное собрание избрало его «королем эллинов» под именем Георга I. Как и в отношении его предшественника, условия вступления датского принца на греческий престол были определены специальным договором между «державами-покровительницами» и Данией, подписанным в Лондоне 13 июля 1863 г.²³ В частности, Англия, Франция и Россия назначали королю личную ежегодную дотацию в 12 тыс. ф. ст. — сверх гражданского листа, который определит ему греческий парламент. Георг именовался государем «монархического независимого конституционного государства». Наследники короля-лютеранина должны были принять православие. Объявлялось также о предстоящем расширении границ Греции в результате передачи ей Ионических островов после получения на то согласия ионического парламента, а также Австрии, Франции, Пруссии и России²⁴. Договор свидетельствовал о том, что в 1863 г. «державы-покровительницы» в большей мере вынуждены были считаться со стремлениями греков, чем ранее.

Революция 1862 г. явилась значительной вехой в политическом развитии Греции: произошел важный для утверждения господства буржуазии поворот к парламентарной монархии. Новая греческая конституция, принятая в октябре 1864 г., на бумаге являлась одной из самых демократических в Европе. Она провозглашала принцип суверенитета народа: «Вся власть исходит от нации». Учреждался однопалатный парламент, которому принадлежала законодательная инициатива. Депутаты избирались всеобщим, прямым и тайным голосованием. Конституция содержала также положения о неприкосновенности личности и жилища, праве собраний и ассоциаций, свободе печати. Однако эти и другие положения конституции 1864 г., действовавшей с небольшими изменениями почти 100 лет, неоднократно нарушались Георгом I и его наследниками. Важным результатом революции 1862 г. явилось и воссоединение с Грецией Ионических островов. После данного Англией согласия на уступку островов прошло полтора года, прежде чем над цитаделью Корфу взвился греческий флаг. В ходе предшествовавших дипломатических переговоров сопротивление установлению греческого суверенитета над островами оказала Австрия. Венский кабинет, утверждая, будто это создаст угрозу австрийским владениям на Адриатике и соседним провинциям Османской империи, добивался их полной демилитаризации. Конечный текст договора, подписанного 29 марта 1864 г. Францией, Великобританией, Россией и Грецией, предусматривал, что «на положении постоянного нейтралитета» будут находиться острова Корфу и Паксос²⁵. 21 мая (2 июня) 1864 г. последний отряд британских войск покинул острова. Перед этим англичане взорвали несколько фортов на Корфу и демонтировали военные сооружения на других островах.

Воссоединение Ионических островов с Грецией было после создания греческого государства первым шагом на пути освобождения и объединения греческих земель. В результате население Греции увеличилось на 236 тыс. человек, составив в целом около 1 млн. 400 тыс.²⁶ Но сотни тысяч фессалийцев, критян, эпиротов и других греков по-прежнему оставались под тяжким игом Османской империи и боролись против него.

2

Критское восстание

В августе 1866 г. на борьбу за освобождение поднялось население о-ва Крит. Долгая и упорная борьба греков Крита за воссоединение с Грецией имела свои исторические особенности. Этот самый большой греческий остров был отвоеван Османской империей у Венеции в 1669 г. До этого он был важнейшим очагом греческой культуры, давшим значительные и оригинальные школы театра, литературы и живописи. Но и после завоевания критяне не смирились со своей участью. Они приняли самое активное участие в греческой войне за независимость. В 1824 г. критские повстанцы первыми приняли на себя удар египетской армии Ибрагима-паши. В ходе этой борьбы многие критяне погибли в боях, стали жертвами варварских репрессий. Остров был оставлен державами под властью Порты, хотя большая часть его находилась в руках повстанцев.

В последующие десятилетия на Крите произошли значительные экономические перемены. Оживилась торговля и ремесло. Значительная часть земли в сельской местности перешла в руки греческих землевладельцев. Прежние мусульманские хозяева земли переселились в города или совсем оставили остров. Сильно возрос удельный вес греческого элемента в населении Крита: в 1866 г. оно составляло примерно 260 тыс. человек — 200 тыс. христиан и 60 тыс. мусульман. Многие из этих мусульман были греки, вынужденные принять официальную религию османского государства, но сохранившие родной язык и самобытность.

Греческое население Крита болезненно ощущало свое гражданское бесправие, дискриминационный характер налогообложения, произвол турецких чиновников. На острове неоднократно вспыхивали восстания. После одного из них — в 1858 г. — султан Абдул-Меджид издал фирман, обещающий снижение налогов, создание органов местного самоуправления, проведение работ по благоустройству. Однако обещания эти остались на бумаге. Конфликт между турецкими правителями и греческим населением острова обострился.

Помыслы критян были направлены не только на улучшение своего повседневного положения. Свободолюбие и непокорный дух, критский и общегреческий патриотизм были свойственны подавляющему большинству жителей острова. Побывавший там русский путешественник писал: «Не покидающий никогда подъем духа есть постоянное состояние критянина. Ненависть к туркам и личная гордость составляют выдающиеся качества его... Элладу они чтят,

как свое отечество, и сила чувства, одушевляющего их идеи, подвигавший на всевозможные жертвы, вызывает изумление в каждом, знающем и видящем критянина»²⁷.

Особенности исторического развития Крита, его географическая изолированность от остальной Греции, сравнительно большие материальные и людские ресурсы острова определили самостоятельность и большой размах национально-освободительных выступлений критского населения во второй половине XIX в. Критская проблема в этот период становится существенным фактором Восточного вопроса. В 60-х годах XIX в. подъему движения за воссоединение Крита с Грецией способствовал и пример Ионических островов, и влияние событий в Италии.

В мае 1866 г. представители различных областей Крита, собравшиеся в окрестностях Ханьи, направили султану Абдул-Азизу меморандум. В нем содержались жалобы на неслыханное налогообложение, на отсутствие школ и больниц на острове. Указывалось также, что принцип веротерпимости, провозглашенный хатт-и хумаюном 1856 г., постоянно нарушается турецкой администрацией острова²⁸. Однако мирная петиция критян была отвергнута, против ее составителей были приняты репрессивные меры. Ответом Порты на петицию была также отправка на Крит дополнительных воинских контингентов.

Действия Порты и ее наместников вызвали ответную реакцию. В труднодоступных горных районах острова начали формироваться вооруженные отряды из местных жителей. В середине августа 1866 г. на западе Крита произошли первые столкновения между повстанцами и турецкими войсками. В горном районе Сфакья собрались уполномоченные различных областей, объявившие себя Критским Национальным собранием (или Генеральной Ассамблеей Крита). 21 августа (2 сентября) 1866 г. Критская Ассамблея специальным декретом провозгласила «уничтожение навсегда на острове Крит и в зависящих от него областях власти османского правительства» и «нераздельное и навечное присоединение Крита и зависящих от него областей к матери Греции»²⁹. Было создано Временное правительство Крита. Известие о восстании на Крите вызвало большой энтузиазм в Греции. В некоторых городах возникли комитеты, занимавшиеся сбором средств для критян. Деятельность их координировал Центральный критский комитет в Афинах, в который вошли видные политические деятели. На средства комитета греческие суда, прорывая кольцо блокады, установленное вокруг острова турецким флотом, начали доставлять на Крит военное снаряжение, продовольствие и добровольцев, в числе которых было много кадровых греческих офицеров. Делалось это с молчаливого согласия греческого правительства. В августе 1866 г. МИД Греции вручил посланникам Англии, Франции и России записку с изложением позиции афинского правительства в связи с восстанием на Крите. В записке подчеркивалось, что Греция не может безучастно относиться к судьбе населения Крита, так же как и всего греческого населения Османской империи. «Благодаря своему географическому

положению, общности религии и расы, совпадению языка и общим традициям Греция прежде всего ощущает трудности греческого населения Оттоманской империи. Она также прежде всего испытывает в связи с ними страдания из-за своих самых законных привязанностей. Следовательно, это было бы нарушением обязанностей, которые налагают подобные узы, невыполнением миссии первого христианского государства на Востоке, если бы мы не подняли голос в защиту наших братьев на Крите». Греческое правительство выражало в заключение надежду, что «державы-покровительницы» примут согласованные действия для того, чтобы избавить критян от новых жестоких испытаний и обеспечить им «существование более соответствующее их истории и требованиям цивилизации и справедливости»³⁰.

На этот патетический призыв откликнулась только Россия. С начала волнений на Крите усилия русской дипломатии были направлены на то, чтобы помешать их разрастанию. Это вытекало из общего курса русской политики на Балканах после Крымской войны. Не оправившись от последствий крымского поражения, обремененная серьезными внутренними и внешними проблемами, царская Россия стремилась предотвратить или по меньшей мере отсрочить новый Восточный кризис. В то же время официальная политика была направлена на сохранение и упрочение традиционных связей России с православными балканскими народами. Если национально-освободительное выступление где-то на Балканах предотвратить не удавалось, то петербургский двор не отказывал ему в моральной и дипломатической поддержке. Так произошло и с Критским восстанием.

Получив обращение Греции о вмешательстве держав для урегулирования конфликта на Крите, А. М. Горчаков во второй половине августа 1866 г. предложил совместные действия Англии и Франции, чтобы побудить Порту принять требования критян. Однако западные партнеры отклонили предложение России. Британский министр иностранных дел Э. Стенли заявил, в частности, что не следует предпринимать каких-либо шагов, которые могли бы быть восприняты как «выражение симпатии восстанию». Французский же посол в Константинополе Л. Мустье (уже назначенный в это время министром иностранных дел) сказал греческому посланнику в Константинополе П. Делияннису, что если Греция не прекратит оказание помощи повстанцам Крита, то он будет вынужден рекомендовать Порте увеличить число ее крейсеров в критских водах³¹.

Между тем к концу сентября 1866 г. восстание охватило весь Крит. Турки удерживали только северные его районы с крепостями Ханья, Ретимнон и Ираклион. Порта срочно начала перебрасывать подкрепления на остров. К ноябрю 1866 г. численность турецких войск была доведена до 45 тыс. Командующий ими Мустафа-паша Киритли пытался уничтожить оплоты повстанцев в западной и центральной частях острова. Карательные операции велись с крайней жестокостью. Турецкие войска оставляли на своем пути разрушенные селения, сожженные посевы, зверски убитых женщин, детей, стариков.

Повстанцы всюду оказывали героическое сопротивление намного превосходящим силам врага. 6 (18) ноября 1866 г. 12-тысячный турецкий корпус подошел к монастырю Аркади (округ Ретимнон). За стенами его укрылось около 900 беженцев — в большинстве раненые, больные, женщины и дети. Лишь несколько десятков человек из них могли по-настоящему владеть оружием. Тем не менее защитники монастыря отказались открыть ворота туркам. Осажденные, исчерпав после трех дней борьбы все возможности сопротивления, взорвали пороховой склад. Вместе с защитниками монастыря погибли сотни осаждавших его врагов. Драма Аркадского монастыря имела огромный отклик не только в Греции, но и во всей Европе. В некоторых странах начало возрождаться филэллинское движение. На помощь критянам устремились добровольцы из Европы и Америки. В их числе были гарибальдийцы, видный французский ученый и революционер Г. Флуранс. Критское Национальное собрание удостоило будущего героя Парижской коммуны званием почетного гражданина Крита³². Большой сочувственный отклик Критское восстание нашло в России. Видные деятели русской культуры: художник И. К. Айвазовский, поэт Ф. И. Тютчев, публицист И. С. Аксаков и многие другие — высказывали горячее сочувствие борющемуся Криту. В поддержку Критского восстания решительно высказался орган революционно-демократических кругов журнал «Колокол», издававшийся А. И. Герценом: «Мы вполне безусловно за греков, хотящих слиться с греками; за славян, стремящихся освободиться от чужого ярма». На стороне критских повстанцев были и русские газеты различных направлений.

С настроениями общенности не мог не считаться и царский двор. В январе 1867 г. в России был официально объявлен сбор средств «в пользу страждущих христиан Востока», т. е. в пользу критян. Активное участие в этой кампании приняла русская интеллигенция, ставшая организатором различных выставок, вечеров, лотерей, сбор от которых шел на помощь населению Крита. Так, в феврале 1867 г. в Феодосии открылась выставка работ И. К. Айвазовского, весь сбор от которой пошел в фонд помощи критянам. Собранные деньги, а также купленный на них хлеб посылались на остров. Сочувственное отношение русской общественности к национально-освободительному восстанию на Крите нашло выражение и в вывозе русскими судами мирных жителей с острова. Вывоз этот начал на свой страх и риск в декабре 1866 г. командир находившегося в средиземноморских водах русского военного судна «Генерал-адмирал» капитан первого ранга (позднее адмирал) И. И. Бутаков. Позже эта акция получила одобрение правительства, и в ней приняли участие другие русские суда, посланные к берегам Крита. Всего русская эскадра перевезла с Крита в Пирей более 24 тыс. раненых, женщин, детей и стариков³³.

Вести о восстании на греческом острове дошли до самых отдаленных уголков Балкан, всюду вызывая сочувственный отклик и подъем освободительных настроений. Среди иностранных добровольцев, принявших участие в вооруженной борьбе на острове, были и

болгары (несмотря на напряженность болгаро-греческих отношений, вызванных церковным конфликтом); в числе волонтеров находились будущие герои национально-освободительной борьбы Димитр Общи и Петко Воевода³⁴. Под влиянием событий на Крите активизировалось революционное крыло в болгарском движении во главе с Георгием Раковским. Весной 1867 г. в горах Болгарии начали действовать вооруженные четы.

В 1866—1867 гг. вооруженные выступления против турецкой власти произошли также в северных и центральных районах Албании. Чтобы помешать разрастанию этих выступлений, Порта пошла на значительные уступки албанцам: выплачивалась денежная компенсация за убытки, причиненные турецкими войсками, был прекращен сбор налогов, всем участникам восстания дарована амнистия. Уступки эти достигли своей цели; вскоре произошел спад повстанческих выступлений³⁵. Большой отклик события на Крите нашли и среди греческого населения Европейской Турции. В первой половине 1867 г. вспыхнули восстания в Эпире и Фессалии. Но в целом вооруженные выступления в Европейской Турции, небольшие по своим масштабам и разрозненные, не могли сколько-нибудь существенно облегчить положение критских повстанцев. Серьезную помощь восставшему Криту могла бы оказать общая военная акция балканских государств. И предпосылка для такой акции имелась: в августе 1867 г., в разгар Критского восстания, был заключен военный союз между Сербией и Грецией. В силу ряда причин (см. гл. 5) сербо-греческий союз так и остался на бумаге. Безрезультатной оказалась и предпринятая параллельно в начале 1867 г. королем Георгом попытка договориться с румынским князем Карлом об «общей и немедленной акции» против Порты. Карл назвал ее «сколь неуместной, столь и опасной» и предложил взамен лишь «договориться о соглашениях на будущее»³⁶. Между тем бои на Крите продолжались с неослабевающей силой. Все попытки турок разгромить повстанцев и овладеть их опорными пунктами терпели неудачу. Турецкие войска в ходе боевых действий понесли существенный урон. Насчитывавшие к началу борьбы 45—50 тыс. человек, они к весне 1867 г. потеряли около половины своего состава³⁷. Вынужденным признанием постигших Порту военных неудач явился отзыв с острова в марте 1867 г. Мустафы-паши Киритли и замена его Омером-пашой. Новый главнокомандующий, один из самых способных и жестоких турецких военачальников, провел ряд крупных экспедиций против основных баз повстанцев в труднодоступных горных районах. В июле 1867 г. турецкие войска после упорных боев захватили горную область Сфакья на западе острова. Но закрепиться там надолго не смогли.

С конца 1867 г. турецкие генералы применили новую тактику в борьбе с повстанцами. В захваченных районах строились небольшие укрепления, прокладывались военные дороги. В результате контролируемые повстанцами районы были расчленены на отдельные, изолированные очаги. Была значительно усилена морская блокада острова. Греческим торговым судам, осуществлявшим снабжение

повстанцев, было все труднее прорываться через этот кордон. Наряду с карательными мерами Порты предприняла и политические маневры. Прибывший на Крит великий визирь Али-паша в феврале 1868 г. ввел в действие так называемый Органический устав, предусматривавший определенное участие населения в управлении островом. Политика «кнута и пряника» не осталась без результата: некоторые равнинные районы откололись от повстанческого лагеря и заявили о своей покорности султану. Но и среди тех, кто продолжал сражаться, появились настроения безысходности, бесперспективности борьбы, чему способствовала и позиция держав, все более неблагоприятная для восставшего Крита и Греции.

На первом этапе восстания Россия активно выступала за благоприятное для Греции решение Критского вопроса. В декабре 1866 г. А. М. Горчаков дал указание послу в Париже Л. Ф. Будбергу добиваться участия Франции в дипломатических акциях в Стамбуле с целью присоединения Крита к Греции или, по крайней мере, предоставления острову широкой автономии. Через полгода Горчаков, находясь с визитом в Париже, лично подтвердил своему французскому коллеге Мустье точку зрения правительства России, согласно которой конечной целью дипломатических акций держав в Критском вопросе должно стать освобождение острова из-под османского ига и воссоединение его с Грецией³⁸.

Тюльрийский кабинет, нуждаясь в поддержке России в европейских делах, проявлял тогда определенную заинтересованность в совместных с Петербургом действиях на Балканах и Ближнем Востоке. Французский посол в Стамбуле М. Буре 16 (28) марта 1867 г. заявил турецкому министру иностранных дел Фуад-паше, что критяне имеют право определить свою судьбу, для чего на острове следует провести плебисцит. Предварительно должно быть прекращены все военные действия на Крите. Через два дня послы Австрии, Италии, Пруссии и России, каждый отдельно, заявили о поддержке демарша своего французского коллеги. В апреле—июне этого года по настоянию русской дипломатии демарши держав перед Портой в том же духе были продолжены. Но в них с самого начала не участвовала Англия, а Австрия присоединилась к ним с определенными оговорками. Отсутствие согласия в «европейском концерте», разумеется, не было секретом для Порты, и она решительно отклонила требования держав, заявив, что нет никакой надобности проводить плебисцит на острове, так как пожелания критян ей хорошо известны и она собирается предоставить им новые административные права³⁹.

В последующие месяцы западные державы вовсе отказались от каких-либо дипломатических шагов в пользу населения Крита. На первый план в их политике выступили традиционные симпатии к Османской империи. Турецкому султану Абдул-Азизу, совершившему летом 1867 г. турне по европейским странам, был оказан пышный прием в Париже, Вене и Лондоне. На встрече Наполеона III и Франца Иосифа в Зальцбурге два императора договорились о поддержании статус-кво на Балканах (см. § 2, 3 гл. 1). Франция

окончательно отказалась от требования присоединения Крита к Греции и выступала теперь только за автономию⁴⁰. Этим требованием вынуждены были ограничиться теперь Россия и сами критские повстанцы.

Последним коллективным демаршем держав по Критскому вопросу была врученная 19 (31) октября 1867 г. Порте по инициативе России нота, к которой присоединились Франция, Италия и Пруссия. Нота констатировала, что турецкое правительство противопоставило советам, увещаниям и требованиям кабинетов силу инерции, которую ничто не могло поколебать. Кабинеты считают своим долгом объявить, что отныне Порты «напрасно будет добиваться их моральной поддержки посреди тех затруднений, которые возникли бы для Турции из-за пренебрежительного отношения к их советам»⁴¹.

Содержавшаяся в ноте угроза отказать Османской империи в любой «моральной и материальной поддержке» в устах России (не оказывавшей и до этого никакой поддержки) имела, разумеется, иной смысл, чем в устах ее западных партнеров. Однако декларация о невмешательстве, как была названа в правительственных кругах Европы нота А. М. Горчакова, являлась и признанием невозможности путем коллективных действий держав заставить Порту решить Критский вопрос благоприятно для греков. Нота эта вызвала критику со стороны некоторых русских дипломатов (Е. П. Новикова — в Афинах, Н. П. Игнатьева — в Константинополе) и органов печати в России, расценивших ее как «отступничество» и отказ от поддержки «христиан Востока»⁴². Однако и после декларации о невмешательстве суда адмирала И. И. Бутакова продолжали вывозить с Крита мирных жителей, а из России по-прежнему поступал хлеб для населения острова⁴³.

Избавившись от давления держав и получив поддержку со стороны Австро-Венгрии, Англии и Франции, Порты сама усилила нажим на Грецию, чтобы заставить ее отказаться от поддержки критских повстанцев. Ультиматум, врученный 29 ноября (11 декабря) 1868 г. турецким посланником в Афинах Фотиадисом-беем, требовал немедленного роспуска отрядов добровольцев, сформированных в различных районах королевства для помощи восставшему Криту; разоружения греческих судов «Энозис», «Крит» и «Панэллинион», снабжавших критских повстанцев продовольствием и военным снаряжением, и закрытия для них доступа в греческие порты; наказания всех виновных во враждебных действиях против военнослужащих и иных османских подданных. В случае невыполнения этих требований Порты грозила разрывом дипломатических отношений и высылкой всех греческих подданных с территории Османской империи⁴⁴. Греция отклонила ультиматум и дипломатические отношения между двумя государствами были разорваны.

Возможность возникновения нового Восточного кризиса встревожила европейские дипломатические канцелярии. В течение более чем двух лет не спеша и без какого-либо ощутимого результата занимавшиеся составлением нот и депеш по Критскому вопросу, они

проявили теперь завидную оперативность. Уже в начале января 1869 г. в Париже собралась конференция шести держав — участниц Парижского договора 1856 г. Греция была приглашена на нее лишь с правом совещательного голоса. 20 января 1869 г. конференция единодушно одобрила декларацию, которая требовала от Греции принятия основных пунктов турецкого ультиматума от 29 ноября (11 декабря) 1868 г. Греция, оказавшаяся в полной внешнеполитической изоляции, была вынуждена капитулировать. После этого греко-турецкие отношения были восстановлены.

Между тем в январе 1869 г. последние еще сражавшиеся на Крите отряды повстанцев, истощенные неравной борьбой, изолированные и лишенные какой-либо поддержки извне, сложили оружие. Несмотря на неудачный исход, продолжавшаяся два с половиной года героическая борьба критского населения показала его непреклонную решимость добиться освобождения и воссоединения с Грецией.

Критский кризис показал экономическую и военную слабость Греции, шаткость ее внешнеполитических позиций. После 1869 г. были приняты определенные шаги для модернизации греческой экономики. Важное значение имела аграрная реформа А. Кумундурса (1871 г.). В ходе ее осуществления 2650 тыс. стремм (1 стремма равняется 1/10 гектара) «национальных земель», являвшихся со времени революции 1821—1829 гг. собственностью государства, были проданы крестьянам. В результате в деревне образовался многочисленный класс мелких собственников. Однако реформа оставила в неприкосновенности крупные земельные поместья, которые, в частности в Аттике, занимали около 40% обрабатываемой площади. Некоторые протекционистские меры, проведенные тогда же в законодательном порядке, дали определенный стимул развитию греческой промышленности, главным образом пищевой и текстильной. В 1875 г. в Греции действовало уже 95 промышленных предприятий, использовавших паровые двигатели, с общим числом рабочих свыше 7300. В греческом торговом судоходстве продолжается процесс вытеснения парусников пароходами. Расширилась внешняя торговля, хотя баланс ее оставался неизменно пассивным для Греции. Значительная часть торгового оборота страны сосредоточивается в Пирее, ставшем в 70-х годах ее первым портом⁴⁵.

Процесс капиталистического преобразования греческой экономики не зашел еще достаточно далеко. Выросшая греческая буржуазия по-прежнему действовала главным образом в сфере торговли и судоходства. Ее влияние в политической жизни было ограниченным. Система буржуазного парламентаризма в Греции только начала формироваться. Политических партий, в точном значении этого понятия, в Греции тогда еще не существовало. На посту премьера сменяли друг друга, как правило, несколько профессиональных политиков. В парламентской борьбе личные амбиции и интересы отдельных группировок часто оттесняли на задний план общенациональные задачи, что мешало проведению эффективного внешнеполитического курса.

- ¹ Международные отношения на Балканах, 1815—1830 гг. М., 1983.
- ² Κορδάτου Γ. Ιστορία τῆς νεώτερης Ἑλλάδας. Ἀθήνα, 1957, τ. III, σ. 303—305.
Термин «Восток» часто употреблялся тогда для обозначения балканского и восточносредиземноморского регионов.
- ³ Глубокий анализ сущности и эволюции мегали идея дан в работе: Данова Н. Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век. С., 1980.
- ⁴ Driault E., Lhéritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1925, v. 2, p. 414.
- ⁵ Ibid., p. 418.
- ⁶ А. П. Озеров — А. М. Горчакову, 7(19) февраля 1857 г. (частное письмо).— АВПР, ф. Канцелярия, 1857 г., д. 6, л. 434.
- ⁷ А. М. Горчаков — А. П. Озерову, 7(19) июня 1857 г. (частное секретное письмо).— Там же, л. 524.
- ⁸ А. П. Озеров — А. М. Горчакову, 14(26) ноября 1857 г.— Там же, л. 344.
- ⁹ Driault E., Lhéritier M. Histoire..., v. 2, p. 420.
- ¹⁰ Vasilopoulos A. Histoire de la Grèce moderne. S. l., 1975, p. 143; Vergopoulos K. Le capitalisme difforme et la nouvelle question agraire: L'exemple de la Grèce moderne. P., 1977, p. 80—81.
- ¹¹ Ζεύγον Γ. Σύντομη μελέτη τῆς νεοελληνικῆς ιστορίας. Ἀθήνα, 1946, τ. 2, σ. 52; Ιστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Ἀθήναι, 1977, τ. IΓ', σ. 94, 185.
- ¹² Dakin D. The unification of Greece, 1770—1923. L., 1972, p. 94, 96.
- ¹³ А. П. Озеров — А. М. Горчакову, 4(16) мая 1857 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1857 г., д. 6, л. 187.
- ¹⁴ Ιστορία..., τ. IΓ', σ. 180.
- ¹⁵ Campbell J., Sherrard Ch. Modern Greece. L., 1968, p. 93.
- ¹⁶ Κορδάτου Γ. Ιστορία τῆς Νεώτερης Ἑλλάδας. Ἀθήνα, 1958, τ. IV, σ. 90—91.
- ¹⁷ Driault E., Lhéritier M. Histoire..., v. 3, p. 8.
- ¹⁸ Ibid., p. 17—19.
- ¹⁹ Ibid., p. 26—27.
- ²⁰ Ibid., p. 45—47.
- ²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 685.
- ²² Driault E., Lhéritier M. Histoire..., v. 3, p. 29—30.
- ²³ Текст договора см.: Strupp Ch. La situation internationale de la Grèce (1821—1917). Zurich, S. a., p. 180—182.
- ²⁴ Эти державы были участниками Парижского договора 1815 г., по которому Ионические острова были переданы под протекторат Великобритании.
- ²⁵ Strupp Ch. La situation internationale..., p. 190—193.
- ²⁶ Dakin D. The unification of Greece, p. 100.
- ²⁷ Баранцевич Е. М. Остров Крит и события на нем. М., 1897, с. 74—75.
- ²⁸ Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М., 1970, с. 32.
- ²⁹ Там же, с. 37.
- ³⁰ Driault E., Lhéritier M. Histoire..., v. 3, p. 182—183.
- ³¹ Сенкевич И. Г. Россия..., с. 52.
- ³² Κορδάτου Γ. Ιστορία..., τ. IV, σ. 292.
- ³³ Сенкевич И. Г. Россия..., с. 58—61, 66, 84—89, 196.
- ³⁴ Данова Н. Критского восстание през 1866—1869 г. и българската общест-веност.— Исторически преглед, 1971, № 6, с. 43—44.
- ³⁵ Сенкевич И. Г. Россия..., с. 111—112.
- ³⁶ Velichi C. Les relations roumano-grecques durant la période 1866—1879.— In: Actes du II Congrès Internationale des Etudes du Sud-Est Europeen. Athènes, 1978, t. 3, p. 495—497.
- ³⁷ Ιστορία..., τ. IΓ', σ. 265.
- ³⁸ Сенкевич И. Г. Россия..., с. 62, 132.
- ³⁹ Там же, с. 130—133; Driault E., Lhéritier M. Histoire..., t. 3, p. 208—211.
- ⁴⁰ Driault E., Lhéritier M. Histoire..., t. 3, p. 214.
- ⁴¹ Ibid., p. 219—220.
- ⁴² Сенкевич И. Г. Россия..., с. 140—142.
- ⁴³ Там же, с. 166—168.
- ⁴⁴ Driault E., Lhéritier M. Histoire..., t. 3, p. 266—268.
- ⁴⁵ Κωφός Εὐ. Ὁ Ἑλληνισμὸς στὴν περίοδο 1869—1881. Ἀθήνα, 1981, σ. 40—44.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ НА РУБЕЖЕ 70-Х ГОДОВ XIX В.

1

А. М. Горчаков и отмена нейтрализации Черного моря

Осенью 1870 г. создалась ситуация, позволившая покончить с самым тягостным для России условием Парижского мира — запретом держать флот на Черном море. В начавшейся войне с Пруссией Франция потерпела поражение; сентябрь стал траурным месяцем в календаре страны; сдалась крепость Седан вместе со всем гарнизоном и императором Наполеоном III; Париж оказался в осаде; капитулировал Страсбург. 27 октября маршал Базен сдал Мец и армию в 173 тыс. человек. Самый могучий участник антирусской коалиции в Крымской войне — Вторая империя была сокрушена.

В тот же день 15(27) октября на совещании с участием Александра II было решено, что пришло время освободиться от самого тяжелого для России пункта Парижского мира.

19(31) октября А. М. Горчаков циркулярной нотой известил державы, что Россия не считает себя более связанной условиями трактата 1856 г., запрещавшего ей держать эскадру в Черном море¹. Канцлер ссылался при этом на недопустимость сложившегося положения, когда условия, «нарушенные во многих существенных и общих статьях своих» (намек на образование Румынии), оставались обязательными для России, ставя ее безопасность «в зависимость от теории, не устоявшей перед духом времени, и чтобы эта безопасность могла подвергнуться нарушению вследствие уважения к обязательствам, которые не были соблюдены во всей их целостности»².

Горчаков не входил с прошением в европейский ареопаг, а отметал тяготившее Россию условие, как несовместимое с ее государственными интересами. Это признается не только в отечественной, но и в зарубежной историографии: «Не пролив ни капли крови, не двинув ни одного солдата, не затратив ни рубля, она (Россия.— *Авт.*) стерла на скрижалях международного права Европы последние следы своего крымского поражения. Она взяла реванш за Севастополь и без сопротивления вернула себе положение державы первого ранга»³. Это — свидетельство с французской стороны. А по словам англичанина Дж. Клейтона, русская дипломатия «в одно мгновение уничтожила главный британский успех, достигнутый в итоге Крымской войны»⁴.

Горчаков действовал во всеоружии своего громадного опыта. Циркуляр он сопроводил депешами российским послам и посланни-

кам при дворах держав — участниц Парижского конгресса. Каждой он представлял аргументы, для нее наиболее весомые, стремясь использовать уязвимые места своих противников. Особое значение придавалось, естественно, Великобритании. В депеше Ф. И. Бруннову от 20 октября (1 ноября) указывалось, что никто иной, как Джон Рассел, не оспаривал в 1866 г. необходимости исправления договора, заключенного за десять лет до того. Горчаков умалчивал при этом, что разговор, действительно имевший место, носил общий характер, ни к чему конкретному Британию не обязывал и велся накануне австро-прусской войны, предотвратить которую Лондон хотел с помощью России. Бруннову предписывалось далее сослаться на то, что сама Великобритания никогда не допускала посягательства на безопасность своих берегов. Свой демарш в Форин оффис посол должен был заключить заверением в неизменности политики Петербурга на Востоке и его заинтересованности в продолжении существования Порты⁵.

В гораздо более жестких тонах было составлено обращение к Вене. Начиналось оно с осуждения австрийской политики, которая, «не подорвав могущества России, укоренила в великой нации чувство постоянной тревоги и раздражения»; это состояние, продолжал канцлер, «не отвечает интересам Европы, и в особенности Австрии». Габсбургам предлагалось освободиться от этого неудобства, признав свершившийся факт⁶.

Горчаков знал, в чем слабость австрийской позиции: в годы Крымской войны Вена, заслужив ненависть Петербурга, в то же время обманула ожидания Парижа и Лондона, добивавшихся участия австрийской армии в военных действиях. Отношения между союзниками сложились неприязненные. Наполеон III собирался расширить свои владения на юге за счет Ниццы и Савойи и поддерживать объединительные стремления Сардинского королевства. Неудивительно, что уже в 1859 г. австрийский представитель барон Вертер устремился к российскому порогу, предлагая поднять вопрос об отмене положений 1856 г., особенно стеснявших Петербург. В 1866—1867 гг. предложение было повторено, на сей раз канцлером Бойстом, — и снова в тяжелое для Австрии время поражения в войне с Пруссией, когда правящие круги габсбургской монархии остро чувствовали пагубность изоляции на международной арене. Горчаков не только напомнил обо всем этом Бойсту, но и направил ему, для освежения памяти, копии посланий министра иностранных дел в 1859 г. графа Рехберга и его собственных. Ныне, добавлял российский канцлер, Вене не нужно брать на себя инициативу, Петербург взял на себя эту миссию. «Граф Бойст, конечно, понимает, — заканчивал он депешу от 20 октября (1 ноября), — что данный вопрос столь важен для России, что она должна рассматривать отношение к нему в данных обстоятельствах держав как пробный камень их позиций...»⁷

В послании во Флоренцию Горчаков указывал, что отмена нейтрализации Черного моря нисколько не затрагивает интересов Италии. Эта страна «столь преисполнена сознания собственного до-

стоинства, чтобы не понимать обязательства, которые на нас налагает подобное чувство», выражал надежду министр⁸.

В депеше, направленной в Константинополь, звучали иные ноты. Договор 1856 г., доказывал Горчаков, создал ненормальные отношения между Россией и Турцией, наложив на права этих стран «болезненные ограничения». Он породил надежды их недоброжелателей на разрыв и борьбу между ними и вызвал непрекращающиеся волнения на Востоке, хотя, заверял канцлер, императорский кабинет не прекращал усилий по его умиротворению⁹.

В хлопотливый день 20 октября Горчаков не обошел вниманием и разгромленную Францию. Временному правительству в Туре была направлена депеша с прозрачным намеком на то, что ему придется пожинать плоды порочной системы международных отношений, созданной договором 1856 г., который привел к ряду потрясений, принявших катастрофический характер в 1870 г. Долг любого французского правительства, писал Горчаков, содействовать исправлению зла, причиненного «фатальной системой» 1856 г. Что же касается его страны, то она лишь стремится «вернуть России неотъемлемое право обеспечивать собственную безопасность»¹⁰.

Депеши в Берлин Горчаков не сочинял. Царь Александр II в письме короля Вильгельму просил его оказать поддержку, обещанную еще в 1866 г. Именно тогда Александр в беседе с генерал-адъютантом короля Мантейфелем выразил свою «сокровенную мысль» о желании освободиться от унижительного и ущемлявшего интересы страны «черноморского» условия. Поскольку Пруссия была крайне заинтересована в благожелательной позиции Петербурга во время своего конфликта с Австрией, соответствующие заверения были немедленно даны. Сам Бисмарк совсем недавно от имени Вильгельма признавал справедливость российских претензий. Телеграмма была послана 9 (21) сентября, т. е. после Седана, но до капитуляции французских армий под Страсбургом и Мецем, когда судьбы войны еще далеко не были решены¹¹.

Самый резкий прием горчаковский циркуляр встретил, как и ожидалось, в Лондоне. Жесткое объяснение произошло между канцлером и британским послом Э. Бьюкененом. Последний, даже не проконсультировавшись с правительством, объявил, что намерен затребовать свои паспорта. Ф. И. Бруннов после нелицеприятного разговора с главой внешнеполитического ведомства лордом Грэнвиллом спросил, не пора ли ему собирать чемоданы. Его собеседнику пришлось намекнуть на то, что вряд ли события зайдут столь далеко.

Затем из Лондона последовали более успокоительные сигналы: Грэнвилл заметил, что предпочел бы оставить двери для переговоров открытыми. Бруннов, правда, опасался, как бы премьер-министр В. Ю. Гладстон не отступил перед шовинистами: «Министерство Гладстона значительно упало в общественном мнении; в управлении внутренними делами его политику находят слишком радикальной, а его внешнюю политику — трусливой. Министрам недостает, по общему мнению, нахальства. Для англичанина такое суждение очень обидно»¹².

Перед британским кабинетом встал вечный вопрос: на кого опереться, чьими руками давать отпор стремлению России восстановить свои поправленные права?

Правда, реакция на русский циркуляр была повсеместно отрицательной. Французское правительство в демарше Горчакова усмотрело возможность растворения франко-прусской войны в общеевропейском конфликте, однако выступило против одностороннего акта российского правительства. У британского посла лорда Лайонса сложилось впечатление, что в Туре питают надежды на «европейские осложнения, которые остановят Пруссию». А. Тьер предложил ему: пусть «Англия, Австрия, Италия и Испания объединятся с Францией, чтобы остановить агрессию Пруссии и России»¹³. Вклад самой Франции в подобную комбинацию мог быть минимален, и на Уайт-холле не обратили внимания на заигрывания обанкротившихся турецких политиков. Здесь мечтали о воссоздании «крымского фронта» в ограниченном варианте с участием Австрии и Турции.

Объяснения российского канцлера были холодно встречены и в Вене. В беседе с посланником Новиковым Ф. Бойст настаивал, что договор 1856 г. может быть изменен с согласия всех его участников, как то и предусматривалось его прежними предложениями. Оставив привычно гладкие обороты дипломатического языка, он заявил: «Мы предлагали раскрыть перед вами двери; вы же ломитесь в окно, а это совсем не то же самое»¹⁴. Ответная австрийская депеша от 16 ноября была составлена в резких тонах: русская акция, пугал Горчакова Бойст, «нанесет сильный ущерб делу мира в Леванте... Пылкое воображение христианских народов этих стран усмотрит в ней действенный стимул. Разительный пример, поданный государством, чей престиж так высок среди них, боюсь, впрямь оправдает в их глазах волнения и насилия». В предпринятых Горчаковым шагах Бойст усматривал «не только прямую опасность для Европы, но и источник неприятных потрясений, угрожающих ее спокойствию и безопасности»¹⁵.

Первая реакция с австрийской стороны вполне объяснима: ранее расточаемые обещания давались скорее в расчете на разногласия, а не на согласие в европейском ареопаге (предварительные беседы на эту тему, по свидетельству самого же Бойста, натолкнулись на холодный отказ в Лондоне и Париже¹⁶) и в обмен на ощутимые изменения в австро-русских отношениях. Они сводились к внешне благоприятному для России, но на самом деле пустому жесту. Горчаков же нарушил одно из важнейших условий 1856 г. односторонним актом, объявляя его незаконным с самого начала; он не давал Австрии никаких авансов.

Но что было делать? В самой монархии не существовало согласия в отношении предпринимаемых действий. «Дворцовая партия» опасалась, как бы упорство в противодействии Горчакову не привело к значительной размолвке с Пруссией¹⁷. Венгерские правящие круги занимали традиционно антирусскую позицию; общественность славянских областей, особенно чешских, не скрывала со-

чувствия действиям Горчакова. Чешские парламентарии во главе с доктором Ригером уведомили об этом канцлера Ф. Бойста. Вельможа в ответ советовал «чешской нации понять, что ей не следовало бы заниматься делами России, особенно в момент, когда между этой державой и нами существуют разногласия»¹⁸.

Вена хотела бы договориться с Великобританией, но так, чтобы последняя выступала в авангарде конфликта с Россией; Лондон же не торопился с решительными шагами. Правда, английский посол в Стамбуле Генри Эллиот преждевременно заверил кабинет, что турки настроены воинственно: «Они скорее будут драться сейчас за сохранение той нейтрализации, которую считают своим лучшим союзником, нежели пассивно ожидать опасности». Действительно, в Стамбуле депеша русского канцлера была встречена без энтузиазма. Имея флот в Средиземном и Мраморном морях, Порта отнюдь не чувствовала себя ущемленной ограничениями на море Черном. «Вы нам приносите войну», — заявил великий визирь Али-паша вернувшемуся в Турцию послу Н. П. Игнатьеву¹⁹. Все же втягиваться в одиночку в конфликт османские сановники не собирались. Официального ответа на свой циркуляр Горчаков от них так и не получил — Порта полагала, что начнется дуэль между Англией и Россией, и предпочитала роль секунданта на британской стороне²⁰. Однако зондажи в Лондоне и Вене относительно вступления в действие союза от 15 апреля 1856 г. ничего положительного не дали. Турецкий посол в Австрии жаловался Бойсту: «Порта находит мало утешения в том, что каждый из ее союзников заверяет в готовности помочь ей, но при условии, что другие подадут пример»²¹.

Турецким сановникам и самому султану пришлось изменить тон. Абдул-Хамид в беседе с Н. П. Игнатьевым клялся: «Я воодушевлен самыми мирными побуждениями и искренним желанием сближения с моим могущественным соседом». Но тут же следовали намеки на «эквивалент» в обмен на турецкое согласие, очень встревожившие посла: уж не хотят ли получить у России обязательство отказаться впредь от поддержки восстаний христиан? «Такое требование поставило бы нас в очень затруднительное положение», — делился своими опасениями Игнатьев²².

Британская дипломатическая разведка была произведена и в прусской главной квартире, располагавшейся в Версале. 11 ноября туда прибыл статс-секретарь по иностранным делам лорд Одо Рассел. Бисмарк не торопился вступать с ним в контакт — десять дней пришлось ждать посланцу приема.

Германский канцлер не скрывал от близких ему лиц своего раздражения акцией Горчакова. Он хотел расправиться с Францией с глазу на глаз; для этого ему нужен был нейтралитет России, и отсюда проистекали его заверения о поддержке русских требований. Однако Горчаков избрал для своего демарша момент, выгодный России, а не Пруссии: возможное появление нового очага конфликта, в обсуждении которого французы по необходимости приняли бы участие, в какой-то степени выводило их из изоляции и

увеличивало возможность крайне нежелательных для прусского канцлера контактов. С другой стороны, он не хотел обострять отношений с Лондоном и, боже упаси, давать повод для вмешательства во франко-прусские дела. Он настаивал перед застрявшими под Парижем, готовившимися к длительной осаде города генералами на быстрейшем окончании войны, «если мы не хотим допустить вмешательства нейтральных держав и созыва ими конгресса». Подозрительную активность в этом направлении проявляли австрийцы и итальянцы, да и Лондон казался «ненадежным». «Поползновения итальянского короля и графа Бойста, загложившие в результате наших первых блестящих побед, могли, при застойности положения под Парижем, возродиться вновь с тем большей легкостью, что в руководящих кругах столь важного фактора, как Англия, мы не располагали сколько-нибудь надежными симпатиями...»²³ Действительно, 13 октября Бойст направил в Берлин послание, в котором, будучи внезапно охвачен человеколюбивыми чувствами, писал: «Я не могу подавить в себе чувства, что придет день, когда история предъявит счет нейтралам за безразличие, которое они проявили перед лицом неслыханных несчастий»²⁴.

Хотя Петербургу было дано обещание поддержать его требование, подразумевалось, что вопрос будет поставлен после окончания войны под официальным предлогом (который не внушал доверия даже не слишком проникательному российскому послу в Берлине Убри), будто тогда Пруссия сможет оказать более эффективную помощь России²⁵. Ф. Бойст, упоминая об этом в своих мемуарах, тут же ссылается на цену подобных посулов: не кто иной, как Бисмарк, перед войной с Австрией в 1866 г. намекнул французам на возможность «исправления» границы в районе Саарбрюкена; когда же после ее окончания французский посол Бенедетти явился получать обещанное, ему ответили, что в дипломатии, как и в музыке, действительно лишь то, что положено на бумагу²⁶. Опытный Горчаков не стал искупать судьбу и ждать окончания расправы над Францией: «Пока идет война, мы с большей уверенностью могли рассчитывать на благожелательность Пруссии и осторожность держав», — полагал руководитель российской внешней политики²⁷. Его инициатива оказалась для пруссаков как нельзя более несвоевременной. Отсюда недовольство и короля Вильгельма, и Бисмарка. Досада канцлера проявилась в беседе с Одо Расселом, в которой он назвал русскую дипломатию «наивной»: «Если бы она была смысленнее, то совершенно разорвала бы Парижский трактат»²⁸, и тогда отмену нейтрализации Черного моря можно было бы преподнести как уступку настоящим держав; последним пришлось бы еще благодарить и кланяться.

Конечно, не такие уж простаки сидели в Петербурге, чтобы не взвесить все возможные варианты выдвигаемых требований. Первоначально Александр II и Горчаков считали целесообразным заявить о возврате отторгнутой в 1856 г. Южной Бессарабии. Но на совещании в Царском Селе 15(27) октября 1870 г. против поднятия территориальных вопросов высказался военный министр Д. А. Милю-

тин: а что предпринимать в случае отказа? Начинать военные действия? Милютин хотел избежать осложнений, могущих перерасти в вооруженное столкновение, а тем более в европейский конфликт. Царь и все участники заседания согласились с его доводами²⁹.

Разумеется, Одо Рассел приехал в Версаль не затем, чтобы слушать рассуждения прусского канцлера. Превысив данные ему полномочия, британец объявил, что его страна, «с союзниками или без них», пойдет на войну с Россией³⁰. Бисмарку оставалось лишь развести руками.

Опытнейший политик Вильям Юарт Гладстон, возглавлявший тогда правительство, раньше своих коллег осознал бессилие английской дипломатии в создавшихся условиях и не позволил им пойти на разрыв с Россией. Его переписка с главой Форин оффис лордом Грэнвиллом позволяет бросить взгляд на мотивы, которыми руководствовался премьер-министр. Он решил выступать с позиций морали и международного права: изменить договор можно лишь с общего согласия держав, его подписавших³¹.

В соответствии с полученным из Лондона указанием посол Э. Бьюкенен «прочел Горчакову лекцию о нерушимости трактатов»³². Официальный ответ Грэнвилла на ставший уже знаменитым циркуляр, хотя и был составлен в резких тонах, ультиматумом не являлся: «Правительство е. в. не находит возможным санкционировать... линию поведения, избранную князем Горчаковым», — говорилось в его депеше. Со своей стороны австриец Бойст, посетовав про себя на то, что Лондон отправил к Бисмарку уступчивого Одо Рассела, а не «подлинного сына Альбиона»³³, решил не закрывать пути к отступлению и закончил свою беседу с Новиковым заявлением: «Он сохраняет убеждение, что условия 1856 г. поставили Россию на Черном море в положение, недостойное великой державы, и уменьшили роль, которую она призвана играть в водах, омывающих ее земли»³⁴.

Между строк этих деклараций явно читался намек на возможность уступок со стороны держав по существу, но только намек — согласия прямо и гласно нигде не выражалось, и авансы поэтому могли быть взяты обратно. Все это учитывал Горчаков при составлении своего «примирительного» ответа Грэнвиллу от 8(20) ноября, являющегося образцом высокого дипломатического искусства. Он констатировал, что британцы «отнюдь не отказываются от рассмотрения изменений» договора 1856 г. «Правовые» рассуждения Грэнвилла Горчаков отгел, как не относящиеся к делу: совершен акт долга по отношению к России, не затрагивающий интересов других держав. Способ действий им, Горчаковым, не был избран добровольно; всегда предпочтительно прийти к подобному результату в добром согласии; однако все предшествовавшие попытки достичь его провалились. События во Франции еще более отдаляют возможность его достижения. Положение в Европе кардинально отличается от существовавшего в 1856 г.; Россия не может оставаться единственным государством, «связанным на неопределенное время сделкой, тягостной для него с момента заключения и теряющей со дня на

день свою действительность». Далее Горчаков давал понять, что Петербург не собирался немедленно приступать к сооружению флота на Черном море: «Мы не допускаем, чтобы теоретическую отмену принципа, без немедленного практического осуществления, что одно лишь возвращение России права, которого нельзя лишать ни одну из великих держав, можно рассматривать как угрозу миру». Ничто не мешает Лондону начать совещание с участниками договора 1856 г. Россия со своей стороны готова принять «участие в любых заседаниях с целью выработки общих гарантий для упрочения мира на Востоке»³⁵.

Привлекают внимание два положения этого тщательно обдуманного и отредактированного послания. Отказ в обозримом будущем от возрождения Черноморского флота должен был если не успокоить Лондон, Вену и Стамбул, то хотя бы смягчить их тревогу. В правительственных российских кругах вопрос о строительстве на юге страны броненосцев и крейсеров даже не ставился: казна, по обыкновению, была пуста. Газета «Голос» предложила начать сбор средств среди населения, не жалея для этого последней рубашки, чем вызвала насмешливую реплику «Вестника Европы»: «Мы представим чудесное зрелище народа, который сидит на кораблях без рубах, но с листами „Голоса“ для прикрытия своей наготы»³⁶.

Многозначительной была общая формулировка целей России на возможной встрече держав. О своем циркуляре от 19 (31) октября Горчаков не молвил ни слова в явном стремлении не мешать созыву конференции. Но он и не отзывал циркуляр, стало быть, решение об аннулировании тяжелых условий оставалось.

Действительно, по свидетельству самого Горчакова, «не может быть и речи об отказе от нашего циркуляра, до сих пор никто не осмелился нам это предложить, не сомневаясь в нашем категорическом противодействии... Возможно, что на конференции будет много сказано о неправильной форме, о принципах и т. д. Все это нам совершенно безразлично. Мы не имели другого средства заставить Европу заняться этим делом. Главное, что по существу вопрос будет решен в нашем духе»³⁷. Государственные мужи могли заседать сколько угодно, но при этом подразумевалось, что в главном, существенном, они уступят — циркуляр уже вступил в силу, и Россия освобождала себя от пут 1856 г. без их санкций.

Миссия Одо Рассела в Версаль плодов не принесла. Бисмарк предложил собрать участников договора 1856 г. в Петербурге; натолкнувшись на отказ, он переменял адрес и назвал Лондон; в российской столице не возражали.

На Уайт-холле принялись сочинять формулу созыва, да так, чтобы сделанной уступки не было заметно. 28 ноября Э. Бьюкенену было отправлено письмо с весьма вольным (если не сказать произвольным) толкованием послания Горчакова: Россия будто бы «сформулировала и выразила мнение насчет своих прав, но не намерена действовать в этом духе без совета с другими державами»³⁸. У Бруннова удалось получить заверение, что он не станет упоминать о знаменитом циркуляре. Бисмарку направили еще более

свободное толкование достигнутой договоренности насчет конференции: «...подразумевается, что она соберется без заранее сформулированных выводов относительно результатов»³⁹. В то же время Горчаков потребовал — и получил — у Бьюкенена заверение, что никто не заикнется об отмене циркуляра.

Оставался еще один камень преткновения, смущавший британских политиков: как-никак существовал англо-франко-австрийский договор от 15 апреля 1856 г., обязывавший три двора «совместно и порознь» прийти на помощь Порте в случаях, аналогичных сложившейся ситуации. «Трехсторонний договор стоит у меня поперек горла, — жаловался Грэнвилл в записке Гладстону от 10 декабря 1870 г. — Какую глупость мы совершили, состряпав его! И вот он существует, с обязательствами столь же связывающими, как при подписании»⁴⁰. Однако Гладстон недаром слыл хитроумнейшим из британских политиков, умевшим толковать международные акты «по потребности». В данном случае он считал договор недействительным, поскольку «Турция свидетельствует, что может сражаться фактически лишь на наши деньги. Гарантии подобного рода, как мне представляется, предполагают способность гарантируемого государства постоять за себя; и тогда ему придаются вспомогательные силы». Нечего и говорить, что «подразумеваемые условия» являлись чистойшей отсебятиной; обойдя таким путем вполне ясные, но неудобные в данный момент положения договора, премьер добавлял: «И еще я посоветовал бы турку поразмыслить, посасывая трубку, и дать нам знать, что он думает насчет компенсаций...»⁴¹.

Прошло еще два месяца, пока в Лондоне послы держав 17 января 1871 г. собрались на совещание с лордом Грэнвиллом. Русская сторона не спешила. Престарелый Ф. И. Бруннов, давно оторвавшийся от России, жестоко трусил и предлагал созвать конференцию после войны. Горчакову пришлось неоднократно подправлять его слишком робкие, а то и прямо ошибочные шаги⁴². Не торопился и Бисмарк. Он не давал пропуска из Парижа Жюлю Фавру, который собирался воззвать к «Европе» от имени Франции. «Сказать по правде, — писал Ф. И. Бруннов 9 (21) января, — здесь свыкаются с идеей, что граф Бисмарк выдвинул проект совещаний в Лондоне просто с задней мыслью выиграть время, отвлечь внимание общественности и получить самому возможность закончить войну между Францией и Германией без всякого иностранного вмешательства» (на полях помета царя: «Не исключено»). Бруннов гнал от себя мысль о нелояльности прусской политики («надо отказаться от любой политической деятельности, если ставить под сомнение добрую волю наших старейших и преданнейших друзей»), но она возникала вновь и вновь. Александр II вздыхал: «Это правда»⁴³. И действительно, Бисмарк в Версале сказал Одо Расселу, что предпочел бы традиционному сотрудничеству с царизмом союз с Австрией и Англией, но не видит пока путей его достижения⁴⁴.

Переговоры в Лондоне шли туго. Османский посол Мусурус «говорит, что статус-кво, установленный Парижским миром, более всего соответствует интересам Турции... Короче, султан предпочел

бы, чтобы заседания прекратились и конференция закрылась бы без дальнейших затруднений»⁴⁵. «Представители Запада,— жаловался Бруннов,— стремятся вставить в каждую редакцию фразу о независимости и целостности Османской империи. Я воздерживаюсь (от поддержки.— Авт.) этой банальности, потому что она придется не по вкусу нашей общественности и вообще выглядит несерьезно в глазах всего мира»⁴⁶. Австрийцы хотели в качестве компенсации предоставить туркам право открытия Проливов и ввести в Черное море эскадру держав, пропорциональную русским силам⁴⁷. Они выдвинули предложение создать базу держав в Синопе; турки сочли это посягательством на свой суверенитет и согласия не дали. Тогда венская дипломатия предложила увеличить число судов держав в устье Дуная. «Бойст стремится запутать все и помешать успеху наших переговоров». Бруннов сравнивал его усилия по срыву конференции с ухищрениями Пенелопы, отваживавшей назойливых женихов обещанием отдать руку одному из них по завершении работы над покрывалом:

Целый я день за тканьем проводила; а ночью, зажегши
Факел, сама все, натканное днем, распускала. Три года
Длилася хитрость удачно, и я убеждать их умела...⁴⁸

Бруннову пришлось напомнить, что не Россия выступила с инициативой собрания, что «следует считаться с национальными чувствами, ярко проявившимися в России, и необходимостью пересмотреть, в духе справедливости и согласия, положения Парижского договора, вписанные под влиянием событий недавней войны и не соответствующие нынешней ситуации, создавшейся в итоге мира, счастливо установленного на Востоке...»⁴⁹.

1 (13) марта был, наконец, подписан акт, отменявший статьи 11, 13 и 14 Парижского мира 1856 г.⁵⁰ Был снят запрет на существование в Черном море русского и турецкого флота. Статья 2 конвенции подтверждала принцип закрытия Проливов в мирное время с утешительной для Порты оговоркой: султан получал право пропускать в Дарданеллы и Босфор военные корабли союзных и дружественных стран, если считал это нужным для осуществления положений Парижского трактата⁵¹. Последний пункт родился после длительного сопротивления Мусуруса-паши, настаивавшего на «компенсациях» Турции за ущерб, причиненный ее безопасности, и рассмотрения формулировок, предложенных делегатами Великобритании, Австрии и Италии⁵².

Конвенция 1871 г. подтверждала принцип открытия Черного моря для торгового судоходства всех стран, продлевала и регламентировала деятельность Дунайской комиссии, сохраняла все прочие не рухнувшие под давлением времени положения трактата 1856 г.

Британское правительство, отнюдь не выглядевшее триумфатором, сумело избежать широкого обсуждения итогов конференции в парламенте. О реакции в печати дают представления высказывания газеты «Морнинг пост»: «Мартовского договора 1856 г. больше не существует, во всяком случае в его первоначальной форме». Дер-

жавы предложили конференцию; Россия на нее согласилась, но «нота Горчакова не была взята обратно ни формально, ни по существу. Бесспорный исторический факт, что Россия участвовала в недавней конференции, сопровождая это декларацией, что не будет больше соблюдать определенную статью Парижского договора, и не дав заверения, что, в случае если собравшиеся уполномоченные или большинство их выскажутся в пользу сохранения статьи, она склонится перед их решением». Учитывая все это, «было бы заблуждением полагать, что конференция собралась не для того, чтобы зарегистрировать ранее принятое решение». Газета упрекала дворы и правительства за то, что они не заставили Горчакова отменить свой циркуляр: «Европейские державы с мечом, подвешенным над их головами, согласились пойти на уступки России»; последняя с помощью пера добилась всего, чего желала: «Одна она, и только она может поздравить себя с результатами беспрецедентно дерзкой акции»⁵³.

Действительно, достигнутый итог был значителен. От договора 1856 г. остались осколки (хотя и очень ценные для России в виде отторгнутой от нее Южной Бессарабии). При этом удалось избежать военного столкновения с ревнителями «Крымской системы», чего опасались и правительство и общественность (характерна запись в дневнике фрейлины А. Ф. Тютчевой, дочери поэта: «Смелая выходка русского правительства льстит русскому, столь пострадавшему политическому самолюбию, с другой стороны, все страшатся войны»⁵⁴). И все же, конечно, в Лондоне не хлопотали бы так упорно о созыве конференции, чтобы просто смириться с тем, что суждено, и выставить всему миру напоказ кризис «Парижской системы» и бессилие европейского ареопага. Существовала цель, заставлявшая Форин оффис глотать обиды и «обнаруживать» в дешесах Горчакова то, чего в них не содержалось. Этой целью являлось сохранение принципа интернационализации всех вопросов, связанных с Османской империей, ради этого было разыграно представление с международной санкцией нейтрализации Черного моря. 17 января при открытии совещания уполномоченные подписали акт, в котором говорилось: «Существенным принципом права является положение, по которому любое государство может освободиться от договора или изменить его лишь с согласия участвующих в нем сторон путем дружеской договоренности»⁵⁵.

«Без сомнения,— писал Горчаков,— этот протокол придуман английскими министрами для удовлетворения своего самолюбия и для самозащиты против нападков в парламенте»⁵⁶. С точки зрения момента и политической тактики русский министр был несомненно прав. Но протокол имел и стратегическую нагрузку. Британская дипломатия создала прецедент, подтвердивший оставшиеся положения 1856 г.; все дела, касающиеся Османской империи, рассматривались как общеевропейские и подлежали решению «концерта», в котором Англия продолжала играть роль ведущего по отношению к России оппонента. Прошло немного лет, и после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., ссылаясь на Лондонскую конвенцию и, что гораздо

важнее, опираясь на свою морскую мощь и используя внешнеполитическую изоляцию России, Великобритания добилась созыва Берлинского конгресса и пересмотра ряда положений Сан-Стефанского мирного договора.

Современные английские историки склонны преуменьшать значение горчаковской акции 1870 г. Сквозь призму десятилетий наложенные на Россию после Крымской войны ограничения выглядят нежизненными. Вспоминают, что британские государственные мужи, включая Пальмерстона, в частных высказываниях выражали опасения, что ограничения продержатся десяток лет, не больше. «Россия одержала дипломатическую победу, престиж и репутация Горчакова достигли вершины,— замечает М. С. Андерсон.— Но это была пустая победа, достигнутая путем влывания в уже открытую или по меньшей мере в полуоткрытую дверь». Однако Андерсон сам же себя опровергает: «Задолго до 1870 г. стало ясно, что, будь подобное (требование.— Авт.) об отмене правильно сформулировано и с умом претворено в жизнь, оно не вызвало бы возражений, по крайней мере, некоторых великих держав»⁵⁷. В этой оговорке — «некоторых» — суть вопроса. Да, случилось, что тот или иной участник договора 1856 г. в трудную для себя минуту и нуждаясь в поддержке Петербурга намекал на возможность отмены «черноморских статей». Но делалось это в общей форме, ни к чему не обязывающей и с неременной ссылкой на необходимость «европейского решения». Достичь его путем доброго согласия семи держав практически было невозможно. По справедливому замечанию С. М. Горяинова, «мы могли натолкнуться на единичные обещания, которые затерялись бы в недоброжелательстве всей совокупности держав»⁵⁸. Для того чтобы разрубить этот гордиев узел, нужна была смелая и в то же время тщательно взвешенная акция. И Горчаков ее осуществил.

2

Перемещение центра австрийской политики на Балканы. Румыния и Греция перед Восточным кризисом

Во второй половине 60-х—начале 70-х годов внимание европейской дипломатии было приковано к центру и западу континента; войны — австро-прусская 1866 г. и франко-прусская 1870—1871 гг. — привели к коренным переменам в расстановке сил. Пруссия превратилась в могущественную Германскую империю, претендовавшую на общеевропейскую гегемонию, Австрия была отстранена от германских дел и превратилась в дуалистическую австро-венгерскую монархию. Круг ее внешнеполитических интересов еще больше сузился после объединения Италии; обрисовалась их по преимуществу балканская направленность, что неизбежно приводило к завязыванию новых узлов противоречий с Россией.

Казалось бы, после разгрома 1866 г. габсбургская монархия вынуждена будет надолго отказаться от активной политики в Юго-Восточной Европе. Этого не случилось. За Веной ухаживали с двух сторон. Берлин и Париж, готовясь к схватке, были кровно заинтере-

ресованы в благоприятной позиции Дунайской империи и выдавал ей соблазнительные авансы, разумеется, за счет Балкан. После поражения в войне 1870—1871 гг. Франция перешла здесь на вторые роли. Покровителем Вены стал Отто фон Бисмарк. Дальновидный немецкий канцлер нуждался в долговременном и сравнительно сильном партнере для установления европейской гегемонии Германии. Не только наиболее подходящей, но и практически единственной кандидатурой являлась Австро-Венгрия. Требовалось, однако, учесть ее балканские интересы. Отсюда согласованные австро-германские акции по ряду экономических и политических вопросов на Балканах.

Поражение Франции в 1870 г. было встречено российскими правящими кругами с озабоченностью и тревогой. Горчаков не лицемерил, желая посланцу временного французского правительства Жюлю Фавру, чтобы мирный договор был как можно менее тягостным для его страны. Возникновение на границе с Россией могущественной империи рождало многочисленные опасения; стремление Бисмарка вновь обрушиться на Францию встретило в Петербурге отпор и так и не было осуществлено.

Но действовали и факторы противоположного порядка. Соперничество с Великобританией в Средней Азии, обострившееся в начале 70-х годов, заставляло царизм принимать меры для обеспечения себя союзником на случай военного столкновения с Британией и для стабилизации положения на балканском фланге своей внешней политики. Нарастание революционного движения внутри страны порождало ностальгию по Священному союзу монархов против народов. В 1872—1873 гг. возникла комбинация, известная в дипломатической истории под именем Союза трех императоров — германского, русского и австро-венгерского. Это громкое название не отвечало сущности серии соглашений, предусматривающих взаимные консультации с целью достижения совместных решений в кризисных ситуациях.

На этом общеевропейском фоне разворачивались международные отношения на Балканах.

Вытеснение Австрии из Германии и кардинальная реорганизация ее внутреннего устройства, результатом которых явилось существенное ослабление ее активности на Западе, совпали по времени с очередным обострением Восточного вопроса. Восстание на Крите 1866—1869 гг., образование Балканского союза, волнения в Эпире, Фессалии и Албании свидетельствовали об этом. Все отмеченные события укрепляли австрийские правящие круги в мысли о настоятельной необходимости переключения внимания с запада на восток. Причем безотлагательно. Они не могли пассивно взирать на то, как их русские соперники постепенно завоевывают новые позиции на Балканах. Волнения в населенных греками областях могли оказаться заразительным примером для славян полуострова, а затем и монархии. Поэтому, считал канцлер Ф. Бойст, Порту нужно спасать, но при этом не выглядеть в глазах славян, как находившихся под османским господством, так и «австрийских», пособником угнетателей и

врагом освободительных движений. Вступив в соревнование с Россией и Францией в борьбе за умы и сердца балканских народов, Австрия решила содействовать реформам в пользу христианских подданных султана. В интересах монархии было, по мнению Бойста, хотя бы временно успокоить их частными уступками настолько, чтобы не доводить дело до войн и восстаний. Преследуя эту цель, в январе 1867 г. Австрия предложила державам план умиротворения Балкан путем удовлетворения законных претензий восставших критян.

Поддерживая некоторые требования Черногории перед Портой, Бойст в 1869—1870 гг. несколько усилил австрийское влияние в этой стране, одновременно противодействуя стремлению черногорцев получить порт на Адриатике и желанию князя Николая стать монархом-объединителем двух соседних славянских стран — Сербии и Черногории.

Не забывал Ф. Бойст в своих расчетах и Сербию, стремясь максимально ограничить военно-дипломатическую активность княжества на Балканах, прежде всего в Боснии и Герцеговине. В марте-апреле 1867 г. в соответствии с «новым курсом» Бойст снял возражения против вывода гарнизонов 5 османских крепостей из Сербии. После того как и Англия дала свое согласие, Порте пришлось уступить (см. гл. 5). Австро-Венгрия пошла навстречу Белграду в ликвидации консульской юрисдикции, пытаясь этими уступками создать в Сербии благоприятный для своей политики климат, а заодно и убедить ее правителей в бесполезности и бесперспективности попыток достичь своих целей путем вооруженной борьбы против Османской империи. Как отмечает советский историк В. И. Фрейдзон, политика Бойста имела определенные результаты, о чем свидетельствовала отставка в 1867 г. главы правительства И. Гарашанина, организатора Балканского союза, и более благоприятный для Вены внешнеполитический курс Михаила Обреновича⁵⁹.

Сербские правители, воодушевленные неожиданной поддержкой Габсбургов, решили воспользоваться благоприятной, как им представлялось, ситуацией для осуществления собственных планов. Князь Михаил излагал их так: он при помощи соседней монархии получает в управление от имени султана обе беспокойные провинции — Боснию и Герцеговину, сохраняя там османский суверенитет и султанские доходы; тем самым достигаются цели Австро-Венгрии, так как Белград не только перестает сеять в Боснии и Герцеговине смуту, но и становится гарантом их умиротворения⁶⁰.

Все это далеко выходило за рамки скромных уступок, на которые была готова идти Вена. На Баллау-плац меморандум Михаила вызвал подлинный переполох. Бойст, посчитав этот план первым шагом Сербии к присоединению провинций, дал консулу в Белграде Б. Каллау строжайшие указания всеми средствами помешать его осуществлению.

В мае 1868 г. князь Михаил был убит, власть перешла в руки регентов, продолжавших и усиливших проавстрийский курс поли-

тики Сербии. Эти события несколько сняли напряженность в австро-сербских отношениях, но сербо-боснийская проблема осталась на повестке дня.

В самой монархии она осложнялась наличием разногласий между австрийскими и венгерскими политиками. Из переписки Каллая с венгерским премьером Д. Андраши, обнаруженной югославским историком Н. Петровичем, вытекает, что обоих венгров не пугали планы князя Михаила⁶¹. Они полагали, что их осуществление подорвет русское влияние в Белграде и превратит Сербию в надежного союзника Австро-Венгрии; удовлетворенная благодаря присоединению Боснии и Герцеговины и послушная воле дуалистической империи, Сербия, считали они, перестанет представляться своего рода Пьемонтом в глазах югославян монархии и станет сдерживать распространение среди них антивенгерских настроений. Наконец, это было бы лучшим способом безнадежно испортить сербо-хорватские отношения, поскольку на Боснию претендовала и Хорватия.

Переубедить канцлера венграм не удалось; Бойст, сидевший, по словам Андраши, «за фортепиано», не захотел играть по нотам, которые венгерский премьер ему подсовывал⁶². Ни Бойст, ни тем более австрийские генералы и слышать не хотели об «уступке» провинций кому бы то ни было, тем более Сербии⁶³. Однако разговоры Андраши с сербами не прошли безрезультатно; породив определенные надежды в правительственных кругах княжества, они способствовали подрыву дееспособности Балканского союза.

Поиски «новых путей» укрепления австрийского влияния в Юго-Восточной Европе вызвали глубокую тревогу в Петербурге. Взаимоотношения двух стран осложняло и существование фантома панславизма. Страх перед панславизмом, приписываемым официальной политике русского правительства, был особенно велик в среде правящих кругов и общественности Венгрии. Между тем граф А. Ф. Орлов, назначенный в конце 1869 г. послом в Вене, имел ясные и категоричные инструкции, не оставляющие сомнений в однозначности позиции царской России в этом вопросе. Правительство, говорилось в них, не будет склоняться к утопической панславистской идее, которая часто содержит подрывные концепции. Иными словами, сам русский царизм видел в панславизме социально опасное течение, которого следовало скорее опасаться, нежели поддерживать. Страхи венгров были совершенно необоснованны.

Между двумя странами росло взаимное недоверие. В России с беспокойством отнеслись к австрийским планам железнодорожного строительства (Вена—Стамбул, Вена—Салоники). В Австро-Венгрии тревогу вызвала публикация в 1870 г. брошюры генерала Р. А. Фадеева о Восточном вопросе, в которой автор призывал к освобождению славян монархии и которая содержала наделавшую немало шуму фразу: «Главная препона и главный наш противник в восточном вопросе не Франция и Англия, но Австрия... пока стоит Австрия, она всегда будет щитом для Турции... и не допустит создания на другом берегу Савы свободного славянского государства»⁶⁴.

Ввиду очевидной неосуществимости широкомасштабной политики территориальных приобретений на Балканах без содействия достаточно могущественных союзников и благожелательного нейтралитета одной или двух непосредственно заинтересованных в балканских делах великих держав австрийские усилия стали постепенно сосредоточиваться преимущественно на одном объекте — Боснии и Герцеговине.

С точки зрения великодержавных стратегических интересов Австро-Венгрии Босния и Герцеговина, прикрывавшие с востока и юго-востока австрийскую провинцию Далмацию, имели не только важное оборонительное значение, но и представляли собой превосходный плацдарм для активных наступательных операций в самом сердце полуострова. Об этой стороне дела нередко забывают некоторые современные авторы публикуемых на Западе работ, отстаивающие тезис о чисто оборонительном значении провинций, в сущности повторяя известное положение австрийской (позднее и австро-венгерской) дипломатии о Боснии и Герцеговине как о «естественном хинтерлянде» Далмации. Историки Болгарии и Югославии, опубликовавшие ряд интересных трудов об экономической экспансии Дунайской монархии в Юго-Восточной Европе, доказали, что набиравшая силу и в политической сфере, хотя все еще отстраненная от участия в принятии решений по вопросам внешней политики, австрийская промышленная буржуазия рассматривала соседние земли, входившие в Османскую империю, богатые лесом и рудными ископаемыми, как возможную внутреннюю колонию⁶⁵. Не следует, наконец, забывать и о том, что обладание провинциями давало в руки правителям монархии мощное средство давления на Черногорию и Сербию.

Завершение процесса объединения Германии и Италии на рубеже 70-х годов и происходившая одновременно дуалистическая перестройка самой империи Габсбургов потребовали соответствующей переориентации внешней политики монархии. Основной ее исторический смысл заключался в приспособлении внешнеполитического курса к новой внутренней и международной обстановке. Конкретно это означало, что отныне Вена каждый свой шаг в области внешней политики должна была согласовывать с Венгрией внутри и с Германией Бисмарка во вне.

Бойст считал аннексию Боснии и Герцеговины первостепенной важности целью австро-венгерской дипломатии на Балканах: «Поскольку расширение Австрии в будущем, по всей видимости, возможно только на Востоке, то таковое было бы желательно именно в этом направлении, с тем чтобы упрочить наше обладание Далмацией (приобретением. — *Авт.*) соответствующего хинтерлянда»⁶⁶. Желая убедить в своей правоте противников аннексии в Австрии и Венгрии, видевших в увеличении славянского населения монархии угрозу дуализму, Бойст приводит в этом документе два новых аргумента: оказывается, в противном случае народы Боснии и Герцеговины будут обмануты в своих надеждах, будто бы возлагаемых ими на Австрию, и, кроме того, эти народы, «отворачивающиеся в

последние годы все больше и больше от России», оказались бы вновь в ее объятиях⁶⁷.

Бойст рекомендовал принять к сведению появление в «концерте» европейских держав новой сильной объединенной Германии и стремиться с ее помощью договориться с Россией. В августе 1871 г., во время встречи Бойста с Бисмарком в Гаштейне, последний выразил полную поддержку восточной политике Австро-Венгрии, подчеркнув, что «способность к экспансии» является условием жизни «великой державы»⁶⁸. Германский канцлер упорно и настойчиво стремился переключить австрийские интересы с Запада на Восток.

Смена караула на Баллауэ-плац в октябре того же 1871 г. и водворение в кресле министра иностранных дел графа Д. Андраши означали окончательный отказ от соперничества с Пруссией. Именно в «эру Андраши» внешнюю политику империи Габсбургов стали определять буржуазно-капиталистические интересы и цели, связанные с перестройкой внутренней структуры государства. На первый план выдвинулись антирусские тенденции. Враждебная Россия и славянскому миру вообще направленность австро-венгерской политики стимулировалась в первую очередь правящей мадьярской олигархией. План предоставления Сербии права на управление Боснией и Герцеговиной, выдвинутый Д. Андраши в 1867 г., оказался кратковременным зигзагом, не оставившим следов в его политической биографии. «У венгров (т. е. у венгерских правящих кругов. — Авт.), как известно, враждебность к России была исходной позицией, от которой зависело все остальное», — пишет крупный знаток внешнеполитической истории дуалистической монархии проф. И. Дносеги⁶⁹.

Еще будучи венгерским премьером, Андраши предложил Бисмарку заключить союз против России, но получил отказ. Едва приступив к своим обязанностям в качестве хозяина на Баллауэ-плац, он поручил своему предшественнику, назначенному послом в Лондон, добиваться английских гарантий на случай конфликта с Россией из-за ближневосточных дел, обещав взамен поддержать британского партнера в случае возникновения угрозы Индии со стороны России⁷⁰.

Поскольку опасные замыслы Андраши встретили на берегах Темзы такой же холодный прием, как и на Шпрее, то круг возможных союзников сузился до минимума. Более реальным все же казалось сотрудничество с Германией, хотя оно было несовместимо с воинственными намерениями австро-венгерского министра в отношении восточного соседа. Несмотря на то что Вена вынуждена была идти на сближение с Берлином на условиях, удобных Бисмарку, Андраши никогда не оставлял попыток отбросить Россию за ее «естественные границы». «Протянуть руку Германии и показать кулак России!» — так формулировал суть своей внешнеполитической концепции венгерский аристократ.

В феврале 1872 г. в Вене под председательством императора-короля Франца Иосифа проходили важные совещания австро-венгерских министров, на которых были определены основные направления

внешней политики монархии. (Протоколы этих совещаний опубликованы австрийским историком Х. Лутцем в 1974 г.⁷¹) Излагая стратегические цели и военно-политические задачи империи в свете новой международной обстановки, сложившейся в результате объединения Германии и Италии, министр иностранных дел в центре своего экспозе поставил вопрос о России. Суть изложенной им концепции сводилась к идее создания благоприятных внутривнутриполитических условий и внешнеполитических предпосылок для войны против России, прежде чем та попытается использовать к своей выгоде «принцип национальностей на Востоке». По расчетам Андраши, австро-русский вооруженный конфликт мог произойти в течение ближайших двух лет: за это время, полагал министр, следовало заручиться благожелательным нейтралитетом Германской империи, завлечь русских в ловушку, предложив им занять Румынию, и втянуть их таким образом в войну с Османской империей. Сама же Австро-Венгрия должна была выступить против России лишь после начала военных действий последней с Турцией.

Коснувшись проблемы Боснии и Герцеговины, Андраши в принципе высказался за их аннексию, но подчеркнул при этом, что «способ, которым до сих пор хотели их приобрести, никогда не был правильным». Прямое вторжение в провинции он отклонил как средство негодное, могущее повлечь за собой совместное выступление против монархии Сербии, Черногории, Турции, а также и России. В случае участия Сербии в предполагаемой русско-турецкой войне на стороне России Андраши предлагал немедленно оккупировать ее, используя в этой операции турецкую армию.

План войны против России не вызвал восторга у военных, отлично понимавших ее бесперспективность без участия Германии, на что можно было рассчитывать лишь в том случае, если бы монархия согласилась гарантировать аннексию Эльзаса и Лотарингии. Но это было бы слишком большой уступкой, несоразмерность которой понимал и сам император. Тем не менее Франц Иосиф высказался за то, чтобы впредь военные приготовления и крупные маневры планировались и проводились с прицелом на предстоящее столкновение с Россией.

Ввиду полной бесперспективности немедленного осуществления своих антирусских замыслов Андраши пошел на заключение Союза трех императоров, в котором более или менее уютно себя чувствовал лишь сам его творец — князь Бисмарк. Каким бы искусственным этот союз ни был, он все же на некоторое время снял напряженность между венским и петербургским дворами. Андраши вновь воспрянул духом и заговорил о заключении антирусского союза с Берлином лишь после военной тревоги в 1875 г., когда Горчаков решительно воспротивился планам Бисмарка «добить» Францию и между двумя министрами наступило явное охлаждение. Но германский канцлер и на этот раз не поддавался уговорам своего австро-венгерского партнера. Австро-Венгрия не обошла своим вниманием и Румынию. Воцарение в княжестве в 1866 г. отпрыска династии Гогенцоллернов способствовало усилению в стране прусского влия-

ния. А обострившиеся противоречия между Францией и Пруссией приводили к тому, что обе державы подталкивали Румынию к сближению с Австро-Венгрией⁷², в благожелательной позиции которой были заинтересованы и Париж и Берлин.

По сближение с габсбургской монархией шло туго и растянулось на несколько лет. Жертвами дуалистического соглашения 1867 г. стали немадьярские народы Венгерского королевства, включая многочисленных румын, чьи национальные и экономические интересы попирались венгерскими правителями. Развернувшаяся в Трансильвании борьба за национальные права встречала сочувствие и поддержку общественности Румынии. Это служило камнем преткновения в отношениях между двумя государствами. Румынские правители качнулись в сторону России. Осенью 1869 г. Карл Гогенцоллерн вел в Ливадии переговоры с Александром II, имевшие целью прозондировать почву о возможности обретения независимости страны дипломатическим путем⁷³. Встревоженный признаками сближения Румынии с Россией, Д. Андраши выдвинул план образования антирусской Дунайской федерации, в которую вошли бы Австро-Венгрия и Румыния⁷⁴.

Поражение французской армии во франко-прусской войне 1870—1871 гг. привело к постепенной внешнеполитической переориентации Румынии. Война вызвала в стране живейший отклик. «Латинская сестра» — Франция — традиционно пользовалась популярностью среди интеллигенции, учащейся молодежи, радикально настроенной мелкой и средней буржуазии. Связанные с французским капиталом, банкиры и предприниматели выражали недовольство австро-немецким экономическим наступлением. Пруссия ассоциировалась в стране с местным Гогенцоллерном, не скрывавшим своих самодержавных замыслов. В печати и на собраниях Франции выражались сочувствие и поддержка. В Бухаресте и Плоешти произошли республиканские выступления, впрочем без труда подавленные властями. В марте 1871 г. князь Карл поставил перед правящими кругами вопрос: либо будет положен конец «беспорядкам» и антидинастическим выступлениям, либо он уйдет с престола. Перепуганная известием о провозглашении Парижской коммуны и волнениями в Бухаресте и Плоешти, буржуазия пошла на попятную. Было образовано правительство консерваторов во главе с Л. Катарджку, выражавшее интересы помещичьих кругов. Во внешней политике оно придерживалось нейтралитета, стремясь сохранить хорошие взаимоотношения со всеми державами, и перестало поддерживать национально-освободительное движение балканских стран. Сохранявшиеся вассальные отношения с Турцией интересов помещиков не затрагивали⁷⁵. Немецкая дипломатия спешила воспользоваться своим возросшим весом в Европе, пребыванием «пруссак» на престоле в Бухаресте и падением престижа Франции, для того чтобы укрепиться в Румынии и приманить ее к намечавшемуся союзу с Австро-Венгрией. Во внутренней переписке российского МИД стали попадаться жалобы на немецкие интриги в Бухаресте⁷⁶. Стремясь упрочить здесь свои позиции, австрийские дипломаты не обошли

авансами и правителей этой страны. Они предложили державам созвать международную конференцию с целью изменения статуса Румынии, для того чтобы избежать ее превращения «в перманентный очаг беспорядка и, следовательно, в объект постоянных забот Европы» и укрепить позиции Карла⁷⁷. Встревоженная перспективой укрепления немецкого и в особенности австрийского влияния в Румынии, российская дипломатия выступила против этого предложения⁷⁸.

Проникновение австро-германского капитала в Румынию происходило не без трудностей и конфликтов. Еще в 1868 г. прусский предприниматель Б. Штрусберг с помощью князя Карла получил чрезвычайно выгодную концессию на строительство пересекающей всю страну железной дороги Роман—Бухарест—Вырчорова. Штрусберг оказался аферистом, полученные деньги присвоил, а дороги соорудил, по образному выражению Ф. Энгельса, «восхитительно непрочные»⁷⁹. В июле 1871 г. румынская нижняя палата проголосовала за расторжение контракта со Штрусбергом. Немецкие концессионеры бурно протестовали против этого решения. Защищая их интересы, Бисмарк не остановился перед грубым давлением на румынское правительство и даже предлагал Порте применить санкции к Румынии⁸⁰. Германский канцлер встретил поддержку с австрийской и итальянской сторон; напротив, английская, французская и русская дипломатии, заинтересованные в вытеснении германского капитала из Румынии, выступили против оказания давления на правительство Л. Катарджиу. В результате в начале 1872 г. контракт со Штрусбергом был расторгнут, но большинство акций перешло в руки германо-австрийских банкирских домов⁸¹.

Австро-германская экономическая экспансия шла по нарастающей и увенчалась заключением в 1875 г. румыно-австрийской таможенной конвенции. В то время благодаря прогрессу судоходства, массовому внедрению паровых кораблей в торговом флоте в Европу в большом количестве стала поступать дешевая американская пшеница; в сбыте зерна начались перебои; румынское правительство, помогая помещикам выбраться из беды, пошло на заключение конвенции с Австро-Венгрией, по которой в обмен на снижение пошлин на ввоз в габсбургскую монархию продовольствия были значительно сокращены румынские импортные тарифы на промышленные товары. Это сильно ударило по молодой национальной индустрии.

Экономический кризис 70-х годов, обостривший борьбу между державами за рынки сбыта и источники сырья, глубокий упадок Османской империи, усиление национально-освободительного движения на Балканах, периодические попытки Порты усилить в княжестве свое влияние, а также стремление отвлечь массы от неразрешенных внутренних проблем побудили Карла и министра иностранных дел В. Боереску начать переговоры с державами с целью добиться провозглашения независимости страны взамен единовременной выплаты Турции капитализированной дани. Но переговоры в Вене, Эмсе и Бухаресте, а также дипломатический зондаж в Берлине, Лондоне, Париже и Риме совершенно ясно показали, что

почва для этого не подготовлена — все правительства высказались против.

До Греции длинная рука Вены не доходила. Во внешней политике этой страны после Критского восстания наметилась линия на сближение с Турцией и отказ от сотрудничества с другими балканскими странами. Правящие круги Афин были недовольны пассивной, с их точки зрения, позицией Румынии и Сербии в период Критского восстания. Отношения с албанцами ухудшились в результате выдвигавшихся греческими политиками претензий на территорию с албанским населением. Вынашивались также планы присоединения всей Албании к Греции посредством создания дуалистической греко-албанской монархии⁸².

Греко-болгарский церковный конфликт резко ухудшил отношения между греческим государством и болгарам. Формально проблема создания независимой от Константинопольской патриархии болгарской церкви как будто не имела отношения к внешней политике Греции. Фактически же она сразу приобрела политическую окраску, так как возник вопрос о границах созданного в 1870 г. болгарского экзархата, которые в значительной мере предопределяли границы будущего болгарского государства.

Такое разграничение было особенно сложным в областях со смешанным населением — Македонии и Фракии. Со своей стороны Порта была заинтересована в том, чтобы разжечь распрю между жителями этих областей, славянами и греками, и отвлечь их таким образом от совместной освободительной борьбы. В фирман о создании болгарского экзархата, где были определены вошедшие в него епархии, Порта включила пункт о том, что если не менее $\frac{2}{3}$ православных жителей других епархий выскажутся за присоединение к экзархату, то это будет осуществлено решением турецких властей. В результате греко-болгарская борьба за духовное влияние на население смешанных областей обострилась.

К этой борьбе, которая велась пока на ниве школьного дела и просвещения, греки были лучше подготовлены. В отличие от болгар они уже имели свой национальный очаг и тесные политические и экономические связи с правящей верхушкой Османской империи. Под эгидой и при финансовой поддержке созданного в Афинах «Общества по распространению греческой культуры» и константинопольского «Греческого литературного общества» в 1870—1875 гг. в Македонии, Фракии и других областях Османской империи были созданы десятки силлогов — культурно-просветительных обществ, которые наряду с созданием школ и другой просветительской деятельностью вели пропаганду идей греческого национализма среди населения. На почве великодержавного греческого национализма и антиболгарской борьбы в этот период укрепляется сотрудничество между Афинами и греческими кругами Константинополя.

Константинопольская патриархия, богатые греческие банкиры турецкой столицы, державшие в значительной степени в своих руках финансы османского государства, влиятельные сановники-гре-

ки, добившиеся видного положения при султанском дворе и на государственной службе, выступали против освободительной борьбы и за сотрудничество с Портой. В этой среде в 70-х годах XIX в. муссировались планы осуществления мегалии идея посредством греко-турецкого соглашения. Так, согласно проекту, разработанному одним из богатейших греков Константинополя — личным банкиром султана Зарифи, предполагалось объединить Грецию и Турцию в одну империю по образцу Австро-Венгрии. Греция вместе с присоединенными к ней Эпиром, Фессалией и Македонией должна была образовать расширенное «Греческое королевство» под скипетром султана. «Королевство» это имело бы собственные правительственные учреждения и участвовало бы в решении общих дел управления империей. Зарифи рассчитывал, что греческий король Георг, исходя из «широко понятых интересов эллинизма», отречется от престола и тем самым откроет путь к осуществлению этого плана, к которому положительно отнеслись и турки из правящих кругов империи⁸³.

В политике Греции курс на сближение с Турцией особенно проявился в период пребывания у власти правительства Э. Делигиоргиса (июль 1872—февраль 1874 г.). Новый премьер из соображений «экономики» закрыл все греческие миссии в зарубежных столицах, сохранив их лишь в Вене и Константинополе.

Попытки сближения с Турцией привели к укреплению связей Греции с Англией и отдалению ее от России. Между тем Петербург продолжал проявлять заинтересованность в поддержании дружественных отношений с Афинами. Характерно, что назначенному в 1870 г. новому посланнику П. А. Сабурову было дано категорическое указание не вмешиваться во внутренние дела Греции и не давать никаких советов, если его только об этом прямо не попросит король⁸⁴.

Авансы афинского кабинета встретили прохладный прием со стороны Порты, считавшей, что это тактический прием, а не кардинальное изменение внешнеполитического курса. В самой Греции противниками сближения с Турцией были А. Кумундорос, А. Рангавис и некоторые другие видные политики и дипломаты. Оппозиционная Делигиоргису афинская пресса резко критиковала его политику. Недовольство греческой общественности проявилось и в студенческих волнениях, вспыхнувших в Афинах в конце 1873—начале 1874 г. Против турецкой политики, за продолжение сотрудничества с балканскими народами в совместной освободительной борьбе выступало и население греческих провинций Османской империи.

3

Сербия в 1868—1875 гг. Поиски путей к независимости

Погибший в 1868 г. князь Михаил внес немалый вклад в дело собирания сил и поиска союзников для совместной борьбы югославян за их окончательное освобождение от османского ига и нацио-

нальное объединение. Сербский правитель пытался, однако, решить исторически назревшие внешнеполитические задачи, опираясь на самые консервативные социальные силы, причем в то время, когда в стране уже сильны были позиции либеральной буржуазии, формировались радикальное и революционное течения. Абсолютистский режим, им установленный, отстранявший от участия в политической жизни прогрессивные круги, не мог рассчитывать на их поддержку и в области внешней политики. Следует учитывать и международную ситуацию — соперничество держав, националистические тенденции, проявившиеся в отношениях между балканскими государствами, наконец, разрешение в пользу Сербии вопроса о турецких крепостях, что на время ослабило острогу сербо-османских противоречий (см. гл. 5).

Смерть Михаила открыла период нестабильности в политической жизни княжества. Переходные процессы в экономике порождали острейшие социальные противоречия, проявлявшиеся в политических коллизиях, которые потрясали страну, вынужденную решать задачи не только внутреннего, но и внешнеполитического плана. Сербия вступала в решающую фазу своей борьбы за независимость.

Михаил не оставил прямых потомков; и пока члены правительства и Государственного совета размышляли, не вернуться ли к древнему обычаю — выбору князя, военный министр, зять Михаила Обреновича Миланович П. Блазнавац, за которым стояла армия, взял дело в свои руки. Он потребовал удаления самого маститого из государственных мужей — И. Гарашанина, немедленного определения наследника, а встретив сопротивление, прочел заранее заготовленный текст прокламации о возведении на престол племянника Михаила, 14-летнего Милана, обучавшегося тогда в Париже. Демонстративным ударом по собственной сабле Блазнавац заставил замолчать протестующих⁸⁵.

Народная скупщина, открывшаяся 20 июня (2 июля) 1868 г. в Топчидере, утвердила кандидатуру князя и избрала постоянное наместничество для управления страной до совершеннолетия князя (до августа 1872 г.). Первым регентом был избран М. Блазнавац, вторым — Йован Ристич, третьим — член Государственного совета Йован Гаврилович. Акт избрания происходил при поддержке белградского гарнизона; естественно, хозяином положения при этом оставался Блазнавац⁸⁶. Но вместе с тем скупщина не оставила в руководстве ни одного из признанных лидеров прежнего правления (таких, как Гарашанин, Ристич, Маринович). В первом правительстве при наместниках, за одним исключением, все министры были либералами. В этом акте сказалось осуждение правления Михаила.

В декабре 1868 г. на так называемом Никольском комитете было принято решение о подготовке проекта новой конституции. Работа над ним шла шесть месяцев. 29 июня (11 июля) 1869 г. конституция была принята Народной скупщиной и просуществовала 27 лет⁸⁷.

Конституция 1869 г., значительно расширявшая по сравнению с прежними законами права Народной скупщины, регулярно со-

зываемой и ограничивавшей власть князя, безусловно, являлась шагом вперед в развитии сербской буржуазной государственности⁸⁸. Однако народной ее назвать нельзя. Широкие prerogative князя, отсутствие полной ответственности министров перед скупщиной, урезанные гражданские права, ограниченное избирательное право, при котором четверть депутатов назначалась князем, — все это свидетельствовало об умеренном характере конституции⁸⁹, за что она подвергалась критике со стороны левых сил. С позиций интересов трудящихся масс с ее анализом выступил идеолог революционной демократии Св. Маркович. В статье, не случайно названной «Сербские обманы», он показал несовместимость принципа монархизма — основы новой конституции — и свободы народа и выдвигал подлинно демократические лозунги (республика, народный суверенитет и общинное самоуправление)⁹⁰.

Другие реформы наместничества также не выходили за рамки умеренного либерализма. Они не посягнули даже на прежний состав Государственного совета, оставшийся оплотом консерваторов. В бюрократических, военных, церковных кругах не произошло серьезных изменений. Экономические и политические мероприятия правительства проводились в интересах торговой буржуазии, крепких сельских хозяев и чиновничества. Политический строй опирался на сильный полицейский аппарат. Министр внутренних дел при наместниках Р. Милойкович обрел печальную славу «железной руки».

Классовый характер власти и острота политических противоречий в стране проявилась на первой же скупщине, избранной на основе новой конституции. Она приняла репрессивный закон «о политических смутьянах», развязавший преследования социалистов. Признанным лидером правых либералов являлся второй наместник Й. Ристич. Он разработал и новый сербский внешнеполитический курс.

Буржуазно-демократическая новосадская газета «Застава» («Знамя»), веря в близкое, как казалось ее издателю Св. Милетичу, разрешение национального вопроса на Балканах (особенно с началом франко-прусской войны), атаковала регентов по всем вопросам внешней политики. Они подвергались критике за то, что не пытались восстановить союзнические отношения с Грецией, Румынией, болгарскими организациями, упустили хорватов, албанцев, не выступали как руководящая сила в Балканском союзе.

Русский генеральный консул в Белграде Н. П. Шишкин и его высокое начальство в Петербурге сходились в негативной оценке внешнеполитической деятельности наместников.

Ристич как мемуарист и ученый-историк позднее обобщил опыт собственной политической деятельности. Он считал направление «партии» Гарашанина, особенно во внешней политике, губительным для сербского будущего. В своей «Дипломатической истории Сербии» он проводил тезис о том, что Сербия не в состоянии вести наступательную войну за освобождение своих угнетенных братьев; но она может бороться за свою независимость, что принесет ей и

другим южным славянам реальную пользу. Конечной целью этой борьбы Ристич считал провозглашение Сербии независимым королевством. Только после этого, по его мнению, можно приступить к общему делу, т. е. к делу объединения всех частей сербского народа. Он не верил в силу и реальность союзов с балканскими государствами, считая дело их освобождения и объединения крайне трудным и медленным. Осуществления своей программы он намеревался добиться путем ряда «комбинаций»⁹¹.

Таким образом, Ристич полностью отвергал концепцию, которая начиная с 1844 г. несколько десятилетий господствовала в официальных кругах Сербского княжества⁹². Суть его взглядов сводилась к необходимости добиться прежде всего внутренней консолидации и укрепления Сербии. Национальный вопрос не снимался с повестки дня, но наполнялся новым содержанием. Лозунгом либералов 1869 г. стало требование «свободы внутренней и независимости внешней»⁹³. Наконец, совершенно менялась тактика: вместо войн главным методом достижения цели избиралась дипломатия. В этом смысле система взглядов Ристича была сродни идеологии буржуазии других балканских стран (Румынии, Греции, Черногории, болгарских эмигрантских буржуазных организаций).

Концепция отражала изменение обстановки в Западной Европе и на Балканах. Пришедшая к власти либеральная буржуазия видела, что консервативным кругам Сербии не удалось использовать в 1848—1868 гг. революционный настрой масс и благоприятные международные условия для достижения поставленных задач. Ее разочарование в методах вооруженной борьбы обуславливалось и затуханием национально-освободительного движения на Западе после объединения Италии. Активное наступление на Сербию австро-венгерского капитала в условиях ее вассальной зависимости от Порты и покровительства со стороны держав-гарантов в крайней степени затрудняло решение национального вопроса в прежнем объеме (сербского и югославянского). Более того, создавалась угроза самой самостоятельности Сербии⁹⁴.

Ристич был не только теоретиком, но и главным руководителем всех «комбинаций» по осуществлению национальных устремлений тогдашнего сербского руководства. Он исходил из того, что наместничество — слабая форма власти, и ей следует лишь использовать обстоятельства для укрепления «достоинства страны». Эту политику он начал проводить с первых дней пребывания у власти. Так, он добился того, что в традиционном сулганском берате о признании нового князя были опущены традиционные же, по унижительные для главы сербского государства выражения.

В 1869 г. наместникам удалось настоять на том, чтобы дань княжества сюзерену получал в Белграде высланный туда турецкий чиновник, т. к. посылку ее в Стамбул наместники считали оскорбительным для достоинства народа и страны.

Более серьезным вопросом было своевременное принятие Сербией новой конституции. Наместники были уверены в том, что европей-

ские державы воспримут этот акт спокойно. Оставалось урегулировать вопрос с Портой. Было решено, что министр иностранных дел Сербии передаст представителям всех европейских держав по одному экземпляру новой конституции — «для сведения» — и то же сделает сербский представитель в Стамбуле Е. Грунич в отношении Порты.

Принимая экземпляр конституции в сербском оригинале без сопроводительного письма, великий визирь Али-паша поинтересовался французским переводом, на что получил ответ, что такового не существует. Таким образом, не только принятие конституции, но и форма информации об этом Порты стали определенными внешнеполитическими актами, моральной победой Сербии, аннулировавшей фактически хатт 1838 г. В то же время паша стремились поддерживать корректные отношения со Стамбулом.

Что касается европейских держав, то для Сербии главными оставались ее отношения с Австро-Венгрией и Россией. Начиная с 1867 г. Сербия, в значительной мере усилиями М. Блазнаваца, ориентировалась на Австро-Венгрию. Наместничество продолжало этот курс⁹⁵; особенно явным было сближение с венгерским правительством. Основой служило воспринятое всерьез обещание Д. Андраши помочь Сербии добиться дипломатическим путем присоединения Боснии (см. § 2 наст. главы).

В начале 1869 г., будучи вынуждены под давлением общественности высказаться по вопросам внешней политики, наместники в полуофициальной газете «Единство» опубликовали статью, в которой выступили в пользу крайней осторожности во внешней политике и попытались обосновать выгоды сближения с Австро-Венгрией. Нормализовать отношения с Черногорией они не сумели⁹⁶. Исполнители они продолжали агитацию в Боснии и Герцеговине. Сербская казна не жалела средств на содержание своих агентов, строительство школ, пробуждение в провинциях славянского национального сознания. По требованию правительства регентов Н. Окан выработал в 1868 г. план восстания на территории провинции с участием в нем сербской армии⁹⁷. В 1870 г. план был дополнен и уточнен в надежде (оказавшейся призрачной) на содействие Вены. Умудренный опытом А. М. Горчаков характеризовал наместников, резко отстранившихся от России, как людей, пытавшихся достигнуть «воображаемых крупных успехов тайными сношениями с австрийским агентом и с самим графом Андраши»⁹⁸.

Однако скоро наместникам пришлось разочароваться в своем союзнике. Первое открытое столкновение их интересов произошло после отказа России от ограничений в Черном море. Австро-Венгрия решила воспользоваться обстоятельствами и добиться права регулировать судоходство по Дунаю в районе Железных ворот (теснины), где река омывала сербские берега, отстранив от этого саму Сербию. Эта идея вызвала энергичные протесты сербского правительства, которое считало Дунай международным водным путем и настаивало на своем участии в регулировании судоходства на участке между городами Голубац и Кладово, островами Адакале и

Сипом, севернее Неготина⁹⁹. Австро-Венгрии пришлось отказаться от своих претензий*.

Ориентация на Австро-Венгрию не находила поддержки у сербской общественности и грозила поколебать власть наместников. От них не могло укрыться недовольство соседей и бывших союзников Сербии, особенно Черногории, ориентация которой на Россию делала ее притягательным центром для югославян. В период роста национально-освободительного движения в славянских областях Османской империи черногорский князь Николай стал считать себя его главой. Самым крупным политическим выигрышем тогдашнего черногорского руководства была переориентация революционных сил сербской Омладины с Сербии на Черногорию и ее правителя¹⁰⁰.

Все эти процессы вели к тому, что наместники с лета 1871 г. начали поворачивать Сербию к России. Ее дипломатическому агенту в Белграде Н. П. Шишкину было заявлено, что отныне сербское правительство «не предпримет ничего без согласия и содействия своей всегдашней покровительницы — России»¹⁰¹. Регенты обратились к царю с просьбой дать аудиенцию князю Милану, которого должен был сопровождать Блазнавац. Это предложение поставило русское правительство в затруднительное положение. Но княжеству в балканской политике России отводилась значительная роль как самому большому славянскому государству полуострова с православным населением, развитой государственностью, регулярной армией, к тому же стратегически выгодно расположенному. Его считали естественным центром объединения югославянских земель. Сохранение и укрепление здесь российского влияния являлось долговременной целью балканской политики самодержавия. Сербия объективно являлась союзницей России в борьбе против Порты. Симпатии к России в широких слоях сербского народа опирались на вековые традиции, и когда возникла необходимость укрепить свое положение, поднять авторитет правительства, регенты вняли советчикам, указывавшим, что самым действенным средством является «торжественное сближение с Россией»¹⁰².

Дорожа добрыми отношениями с Сербией, Россия в годы проавстрийского курса наместников проявляла сдержанность. Царское правительство не выступило против новой конституции в 1869 г., хотя вначале отрицательно отнеслось и к идее ее создания, и к создателям: либералы казались ему слишком радикальной партией¹⁰³. Теперь, несмотря на одиозную для русского двора фигуру первого регента, последовало согласие Петербурга на поездку сербского князя¹⁰⁴.

Милан с Блазнавацем были приняты Александром II в Ливадии 10—11 (22—23) октября 1871 г. В беседе с царем князь получил заверения в том, что русское правительство не будет вмешиваться во внутренние дела Сербского княжества.

Впечатление в Сербии от поездки князя в Крым было в высшей

* Вернее, огложить до Берлинского конгресса.

степени положительным. Со стороны же западных дипломатических агентов в Белграде (Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, Франции и Италии) этот шаг правительства вызвал отрицательную реакцию¹⁰⁵.

Почувствовав себя увереннее после улучшения сербско-русских отношений, регенты заметно активизировали свою внешнюю политику в расчете теперь уже на поддержку России. При этом они остались верны себе в отрицании революционных методов борьбы: Блзнавац отказался сотрудничать с левыми оmlадинцами, которые готовили восстание в югославянских областях Османской империи (намеченное на весну 1872 г.) и через посредничество сербского митрополита Миканла связались с наместниками в надежде получить помощь деньгами, оружием и дипломатическими акциями¹⁰⁶.

В конце 1871 г. наместники довели до сведения Н. П. Шишкина свой план действия¹⁰⁷. По их убеждению, докладывал Шишкин в Петербург, значение и влияние Сербии «было бы несравненно сильнее, если бы она сама могла усилиться, особенно в своем численном составе». Зная, что Россия по-прежнему являлась противницей «частных попыток к низвержению турецкого владычества», могущих повести за собой военное выступление Турции и вмешательство Европы, наместники просили поддержать их мирный план присоединения к княжеству Боснии, Герцеговины, Косова, передав эти области под управление сербского князя, который «не пресечет до времени вассальных уз, связывающих его с Турецкою империею». Сознывая, насколько трудно добиться этого, регенты предлагали путь постепенных договоренностей: сначала убедить Порту подчинить сербские епархии вне границ княжества духовному главенству белградского митрополита; церковное или духовное влияние, по их мнению, должно открыть путь политическому влиянию сербского правительства (на школы, общины и местное управление). Наместники рассчитывали, что внутренние затруднения Порты и ее неудачи в проведении реформ, а также давление некоторых великих держав побудят султана и его министров согласиться на предложенную меру, «могущую продлить на некоторое время настоящий порядок вещей».

Главную ставку в этом вопросе регенты делали на Россию, поэтому их крайне волновало отношение к проекту царского правительства. Последнее высказало свое мнение в предписании А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву от 22 января (3 февраля) 1872 г. и через Н. П. Шишкина довело его до сведения наместников. Их предложения о возможности усилить Сербию Петербург оценил как несостоятельные, поскольку «от Турции домогались дипломатическим путем уступок, на которые она могла бы согласиться только после несчастного для нее окончания войны»¹⁰⁸.

Реалистичность такой оценки подтвердил вопрос о Малом Зворнике. Небольшой городок на правом берегу р. Дрины Порта обещала вернуть Сербии в 30-е годы и вторично в 1867 г. Однако выдвинутое в начале 1872 г. требование Белграда, не вызвавшее ни одного протеста со стороны консулов западных держав, натолк-

нулось на высокомерный отказ султана: «Требования сербов насчет очищения Зворника никогда не будут исполнены»¹⁰⁹. По этому поводу левые оmlадинцы писали в своем меморандуме наместникам 18 (30) марта 1872 г.: Порты «упорно защищает всякую пядь земли, и если вопрос о Малом Зворнике порождает такие трудности, можно ли помыслить, чтобы она уступила Боснию и Герцеговину без капли крови»¹¹⁰.

Российское правительство делало различие между частными и общими вопросами, поставленными регентами. К числу первых А. М. Горчаков относил вопрос о Малом Зворнике. «По нашему мнению,— писал он в секретном предписании Шишкину от 5 (17) апреля 1872 г.,— вопрос о Малом Зворнике возбужден несвоевременно, но, с другой стороны, это дело имеет точкою опоры прежние обещания Порты», т. е. решение его возможно. «Что же касается до других, более обширных предположений регентов,— продолжал Горчаков,— то мы глубоко убеждены, что осуществление их не только не допускает ни малейшей возможности успеха, но неминуемо подвергнет Сербию великим бедствиям»¹¹¹.

Постепенно и сами наместники осознали трудности, стоявшие на пути осуществления выдвинутой ими программы, отступили от нее и в марте 1872 г. сформулировали новый план действий. Он сводился к осуществлению заветной идеи Ристича — провозглашению независимости Сербского княжества при вступлении Милана в самостоятельное управление страной¹¹².

Блазнавац не был согласен со своим коллегой и убеждал Ристича в том, что провозглашение независимости нереально, оно только осложнило бы положение князя: Сербию обвинили бы в нарушении Парижского трактата, что лишило бы ее гарантий великих держав, поставило бы вне международного права. Председатель Государственного совета консерватор Й. Маринич полагал безрассудным предпринимать в сложившихся политических обстоятельствах и при недостаточной военной организации княжества столь смелый шаг¹¹³.

А. М. Горчаков составил специальный доклад Александру II по вопросу о политике наместников и направил Н. П. Шишкину ряд предписаний, из которых следует, что русское правительство видело ее опасные для Сербии последствия и стремилось их предотвратить. Оно обращало внимание правителей Сербии на то, что они не учитывали военную силу Османской империи, вероятную отрицательную реакцию европейских кабинетов. «Осуществление их намерения при совершеннолетию князя торжественно порвать вассальные отношения с Портой и провозгласить независимость сперва княжества, а потом королевства Сербского,— писал Горчаков,— имело бы первым последствием укрепление интересов Турции и Австро-Венгрии, затем кровопролитие, в итоге которого Сербия могла бы лишиться и нынешних преимуществ. Это поставило бы и Россию в очень тяжелое положение»¹¹⁴.

Директор Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухов, развивая идеи канцлера, добавлял: предположим, что великие дер-

жавы спокойно будут взирать на нарушение трактатов, на разрушение целостности Турции, допустим даже, что удастся удержать Австрию от прямого вмешательства, хотя она будет вправе принять на своей границе самые строгие меры к изоляции Сербии, — но кто помешает Порте самой управиться с бунтующими вассалами, какова будет эта управа и какие будут ее последствия? Регенты втягивали в войну с Турцией Россию, что не входило в планы последней¹¹⁵.

Русские дипломаты советовали сербскому правительству вернуться на путь князя Михаила — собирать силы, крепить связи с союзниками, ждать удобного момента для общего выступления.

Секретная телеграмма МИД России от 24 апреля (6 мая) 1871 г. ставила последнюю точку в затянувшемся диалоге русского двора с наместниками. В ней предписывалось «повторить регентам, что преследование сообщенных нам планов будет лежать на полной личной их ответственности»¹¹⁶.

Убедившись в том, что вовлечь Россию в осуществление их замыслов не удастся, наместники не решились выступить без ее поддержки. Отложив свои планы до лучшего будущего, они в последние полгода перед передачей власти князю не проявляли внешнеполитической активности.

Таким образом, правление наместников стало поворотным этапом в дипломатической истории Сербии. Отбросив прежнюю внешнеполитическую концепцию как устаревшую и нереалистическую, наместники (Ристич) сосредоточили свое внимание на защите, укреплении и территориальном расширении собственно Сербии. Постановка во главу угла их внешнеполитической доктрины исторически назревшего вопроса о независимости Сербии соотсталась в их программе с великосербскими претензиями на Боснию и Герцеговину. Они широко использовали дипломатические, опирающиеся на буржуазно-конституционную основу методы борьбы, но в силу своей классовой сущности переоценили их возможности. Добившись некоторых успехов по частным вопросам, наместничество не смогло выполнить свою программу в целом. Причины неудач наместников следует искать как в том, что они пытались мирными средствами решить вопросы, которые были «историей и действительным политическим положением вещей поставлены революционно»¹¹⁷, так и в том, что ни реально сложившуюся в Османской империи обстановку, ни общеевропейскую ситуацию они не сумели оценить объективно.

В августе 1872 г. Милану исполнилось 18 лет и он приступил к управлению страной. Молодой князь оказался человеком крайне недоверчивым и подозрительным, безвольным и в то же время ловким. Превыше всего он ставил интересы династии, свои политические симпатии безраздельно отдавал консерваторам, которых поддерживал против либералов, опиравшихся на скупщину. Все это вело к частой смене кабинетов. В поябре 1873 г. Милан добился отстранения от власти либералов, правивших страной пять лет (1868—1873). По меткому замечанию Ж. Живановича, либеральный

кабинет пал буквально «на ровном месте», сохраняя большинство в скупщине¹¹⁸. Таков был сербский «парламентаризм» в действии.

Новый консервативный кабинет Й. Мариновича князь оценил высоко: в нем собрались люди, сказал он, преданность которых династии Обреновичей и ему лично «вне всяких сомнений»¹¹⁹.

В период правления консерваторов скупщина стала не только ареной, но и центром ожесточенной политической борьбы. В ее составе появилась группа радикалов во главе с А. Богосавлевицем, выражавшая интересы мелкой и средней буржуазии, в том числе крестьянства. Радикальных преобразований в стране в интересах трудовых слоев города и деревни требовали от скупщины революционеры-демократы, вождем которых оставался С. Маркович. Эти левые силы вместе с либералами, по-прежнему сохранявшими крепкие позиции в скупщине, составляли большинство в сербском парламенте и активно выступали против консерваторов. Требования общественности облекались в форму адресов князю. Консервативные кабинеты сбрасывала скупщина, а либеральные — князь. Почти четыре года в Сербии шла «министерская чехарда». В результате Восточный кризис Сербия встречала в состоянии не только министерского, но и конституционного кризиса, когда политические деятели неохотно брали на себя бремя власти. В острых ситуациях консервативные элементы апеллировали к князю, либеральные — к народу. Толпы людей собирались зачастую перед дворцом, в ожидании решения вопроса о правительстве. В сложившейся ситуации трудно было ожидать проведения целенаправленной внутренней политики. Радикалы требовали осуществления провозглашенных конституцией буржуазно-демократических прав и свобод. Под давлением растущего радикального движения леволиберальное правительство Л. Калевича (октябрь 1875—апрель 1876 г.) приняло ряд законопроектов, расширявших права органов самоуправления. Общей чертой всех буржуазных правительств в силу их классовой сущности являлась борьба против революционно-демократического, тогдашнего социалистического движения в Сербии, выступавшего с программой подлинной демократизации страны¹²⁰. Центром движения стал г. Крагуевац, где в 1873 г. при открывшейся здесь типографии образовалось Общество печатников. Здесь сильны были позиции Св. Марковича, вставшего во главе его органа — газеты «Явност» («Гласность»). Здесь, в Крагуеваце, состоялась первая демонстрация с Красным знаменем (1876 г.).

И на внешнюю политику Сербии накладывала печать частая смена кабинетов; за неполных четыре года сменилось семь «разнопартийных» министров иностранных дел. Говорить о единой внешнеполитической линии государства не приходится. До начала Восточного кризиса удалось осуществить лишь отдельные дипломатические акции.

После долгих переговоров (летом 1873 г.) тогдашний министр иностранных дел И. Ристич добился очищения Австро-Венгрией небольшой спорной территории по Дунаю. Добиться у турок возвращения Малого Зворника не удалось. Будучи главой правительства,

консерватор И. Маринович с этой целью подготовил визит князя Милана султану. Однако и эта демонстрация лояльности политических итогов не принесла. Султан ограничился тем, что преподнес дар Милану.

Можно сказать, что в первые годы правления Милана сербская дипломатия топталась на месте, с помощью переговоров не удавалось решить даже частных вопросов.

4

Болгария, Босния и Герцеговина перед грозой

70-е годы ознаменовались новым углублением кризиса Османской империи, ее ослаблением и одновременно нарастанием национально-освободительного движения, в первую очередь в Болгарии, Боснии и Герцеговине.

В Болгарии отмена военно-ленной системы (растянувшаяся после фирмана 1834 г. более чем на два десятилетия) была проведена за счет крестьян. Большинство сельского населения, став наследственными держателями государственных земель, выполняли тяжелые повинности (постройка мостов, дорог, военных укреплений) и выплачивали многочисленные налоги в пользу государства. Сбор налогов производился с помощью откупщиков, которые увеличивали причитающуюся с урожая десятину в 3—4 раза¹²¹.

И все же в Османской империи Болгария являлась одной из самых развитых в экономическом отношении провинцией. Зажиточная часть деревни поставляла зерно, скот, шерсть, кожу, табак не только на внутренний, но и на имперский рынок. С 1830 по 1878 г. было построено двадцать сравнительно крупных предприятий не только мануфактурного, но и фабричного типа. Прочные позиции завоевала торгово-ростовщическая буржуазия.

На положении всех слоев населения (за исключением численно ничтожной прослойки связанной с турецким государством крупной буржуазии) тяжело сказывался османский гнет. После Крымской войны общий кризис Османской империи, рост ее задолженности Западу, попытки проведения реформ вели к непрерывному росту налогового бремени; это сопровождалось вторжением западноевропейских товаров и разделением местного ремесла¹²².

Босния и Герцеговина значительно отставали от Болгарии в своем социально-экономическом развитии. Нерешенность аграрного вопроса являлась здесь одной из основных причин возникновения крестьянских движений, тесно переплетавшихся с борьбой за национальное освобождение. В 50—70-х годах XIX в. в Боснии и Герцеговине ускорился процесс разложения феодализма и формирования элементов капиталистических отношений. Наиболее ощутимо это проявлялось в боснийско-герцеговинских городах.

Молодая буржуазия этих земель, преимущественно сербская, по своему характеру была торговой. К 70-м годам она экономически окрепла, ее численность возросла. В этот период наряду с усилением

ем внешнеэкономических связей, в первую очередь с Австро-Венгрией, получает дальнейшее развитие и внутренний рынок.

Появление новых тенденций в общественно-экономической сфере побуждало боснийских феодалов — в абсолютном большинстве мусульман — все более приспосабливать свои хозяйства к растущим рыночным потребностям, что неизбежно влекло за собой усиление эксплуатации зависимого крестьянства — преимущественно христианского вероисповедания — и разорение основной массы деревенского населения. Феодално зависимое крестьянство было вынуждено платить целый ряд податей в пользу своего помещика, главное место среди которых занимала «третина», порой доходившая до «половины» (урожая), причем помещики все чаще требовали уплаты третины деньгами. Усиливая эксплуатацию, феодалы использовали и барщину (беглукенье), которая, несмотря на официальную отмену в 1858 г., просуществовала вплоть до 1878 г.

Помимо повинностей в пользу феодалов, крестьяне здесь, как и в других частях империи, должны были платить много государственных налогов и податей, которые также в первую очередь ложились на плечи христиан (крестьяне-мусульмане были освобождены от многих из них)¹²³.

Настоящим бичом для раины являлась откупная система взимания налогов и десятины. В 1874 г. десятина фактически была превращена в осьмину. Тяжело сказывались на положении крестьянства злоупотребления турецкой администрации и чиновников в Боснийском вилайете. Кроме того, крестьяне-христиане были не в состоянии избавиться от малоземелья, поскольку их права были ограничены преимущественным правом мусульман на приобретение земли. Ход общественно-экономического развития и угроза крестьянских волнений побуждали Порту предпринимать попытки смягчить национальные противоречия и решить аграрный вопрос, не затрагивая основ существовавшего положения. В ноябрьском законе (Саферска наредба) 1859 г., принятом под давлением крестьянских движений в Герцеговине, Боснийской Крайне, Посавине, регулировались повинности крестьян и узаконивалась третьина в пользу феодала за использование его земли. Ограниченные положения Саферской наредбы, как и предшествующих законов, на практике зачастую нарушались или просто не осуществлялись¹²⁴.

Экономическое и политическое бесправие христианского населения Боснии и Герцеговины усугублялось тяжелым национальным гнетом османского государства, ущемлением национальных прав сербов и хорватов, проживавших в этой провинции.

В таких условиях шло вызревание революционной ситуации в болгарских, боснийских и герцеговинских землях. Изданием фирмана от 29 февраля 1870 г. об учреждении самостоятельной Болгарской экзархии, которая охватывала почти все болгарские земли (см. гл. 4), завершилась многолетняя и трудная борьба болгар за независимость национальной церкви. Она стала одним из этапов на пути постепенного освобождения Болгарии. Болгары были признаны этнической общностью¹²⁵. Тогда же национально-освободительное

движение перешло в новый, высший этап. Предыдущий опыт показал, что отсутствие единого организующего центра революционной борьбы пагубно сказывалось на действиях отдельных лиц и объединении типа легий, даже тогда, когда ими руководили такие выдающиеся деятели, как Георгий Раковский, Любен Каравелов и Васил Левский.

Идея создания единого центра возникла еще в конце 60-х годов у Любена Каравелова. Воспитанник Московского университета, корреспондент многих русских газет, связанный со славянофильскими кругами, Любен Каравелов воспринял, однако, не их монархические, а революционные идеи А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, к великому неудовольствию своих друзей из Славянского комитета в Москве. В 1866 г. он покинул Россию, долго путешествовал по балканским странам; после неудачной попытки совместных действий с Сербией он приезжает в 1869 г. в Бухарест и становится во главе группы болгарских эмигрантов, которые в 1870 г. создают Болгарский революционный центральный комитет (БРЦК)¹²⁶. Почти одновременно в самой Болгарии возникает по инициативе Васила Левского другой, Ловечский Болгарский революционный центральный комитет, который был даже назван Временным правительством (Привременно правителство). Программа БРЦК в Бухаресте была разработана Л. Каравеловым и ставила главной задачей политическую борьбу за освобождение в союзе с поработленными народами Балканского полуострова. Она предусматривала создание демократического правительства, осуществляющего волю народа. В мае 1872 г. эта программа была принята на заседании, в котором принимал участие и прибывший в Бухарест В. Левский, который выступал за совместные действия двух центров. Он получил полномочия действовать как «апостол» комитета в Болгарии. В июле 1872 г. Левский вернулся на родину и развернул широкую деятельность по созданию местных революционных организаций. За короткий срок он создал свыше 1000 комитетов; готовящуюся революцию Левский представлял как всеобщее народное восстание, целью которого станет преобразование существующей деспотически-тиранической системы в демократическую республику, где все народности будут равноправны с болгарями. Она должна была бы управляться «Хартией прав человека и гражданина». Внутренняя революционная организация, созданная Левским, охватила сеть своих комитетов почти всю страну. Назревал революционный подъем. Но тут роковую роль сыграла торопливость и интриги помощника Левского — Димитра Общего. Турецкие власти, встревоженные авантюристическими действиями последнего по захвату турецкой почты с деньгами, начали аресты. Левский, понимая сложность обстановки, был против немедленного начала восстания, как на том настаивал Каравелов, считая, что еще не проведена нужная подготовка. В декабре 1872 г. он был схвачен турецкими властями и 6 (19) февраля 1873 г. казнен в Софии¹²⁷.

Гибель Левского пагубно отразилась на революционном движении в Болгарии. Известие о трагической участи Левского оказало

деморализующее воздействие и на БРЦК в Бухаресте. Проявились разногласия внутри комитета. Л. Каравелов постепенно все больше отходит от руководства болгарской эмиграцией в Румынии.

Знамя революционной борьбы подхватил Христо Ботев — поэт, публицист, республиканец. Недолгое пребывание Хр. Ботева в России сделало его последователем идей Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена¹²⁸. Он горячо приветствовал Парижскую коммуну. В своем «Символе веры болгарской коммуны» он писал: «Жду пробуждения народов и будущего коммунистического строя на всем свете». Пропагандируя идею народной революции, Ботев страстно выступал за уничтожение не только османского гнета, но и власти богатых. Его попытка воссоздать БРЦК в Бухаресте не удалась из-за партийных распрей. События Восточного кризиса, Боснийско-Герцеговинского восстания застали его полным решимости действовать для окончательного избавления Родины от угнетателей¹²⁹.

В Боснии и Герцеговине в 60—70-х годах все большую роль в развертывании национально-освободительной борьбы начинает играть формирующаяся сербская и хорватская буржуазия, требовавшая создания реальных условий свободного экономического развития, обеспечения равных с мусульманами национальных прав и гражданских свобод, гарантии неприкосновенности личности и имущества и т. д.

Значительное воздействие на пробуждение и развитие национального сербского и хорватского самосознания оказывала формирующаяся местная интеллигенция, большинство которой составляли учителя. Определенное положительное значение на этом этапе имела деятельность православной церкви, которая, с одной стороны, помогала развитию просвещения и образования, а с другой — содействовала организации антиосманской борьбы. И не случайно, что среди руководителей восстаний 1875—1878 гг. в Боснии и Герцеговине было много православных священников.

Большую роль в подготовке почвы для национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине играла политика Сербского и Черногорского княжеств (см. гл. 5, 6).

Сербское правительство стремилось привлечь Народную партию Хорватии, входившей тогда в Австро-Венгрию, к своим планам организации восстания в Боснии. В 1867 г. в результате соглашения между лидером этой партии И. Штросмайером и И. Гарашанином в Загребе был создан Главный комитет для подготовки восстания в Боснии¹³⁰. Помимо народняков, И. Гарашанин и князь Михаил планировали привлечь и сербов-границар* с австрийской Военной границы, используя для этого А. Орешковича и Д. Ковачевича, бывших границарских офицеров, бежавших в Сербию. В 1867 г. А. Орешкович разработал план организации восстания в Боснии¹³¹. Эта деятельность сербского правительства оказала определенное влияние на политическую ориентацию в годы восстаний

* Границары — полукрестьянское, полувоенное население, несшее пограничную службу.

1875—1878 гг. формирующейся сербской буржуазии и интеллигенции Боснии.

Повысила свою активность в Боснии и Герцеговине организация «Объединение сербской молодежи» — Омладина, представители левого крыла которой придавали важное значение решению аграрного вопроса, требовали ликвидации чифтликеров и откупной системы. Деятельность Омладины имела практические результаты в развитии сербского национального самосознания и вовлечения в национально-освободительную борьбу новых участников¹³².

Усиление национально-освободительных устремлений балканских народов оказывало значительное воздействие на формирование национального самосознания населения Боснии и Герцеговины. Так, большую роль сыграли восстание на Криве 1866—1869 гг., а затем в Боке Которской в 1869 г., направленные против власти австро-венгерской монархии.

Бесспорно большое значение имела в 70-х годах агитационно-пропагандистская деятельность сербских социалистов и революционеров-демократов, и в первую очередь С. Марковича, а затем В. Пелагича и его сторонников М. Хрвачакина, К. Угриновича, З. Бостанчича, хотя они не имели своей повстанческой организации в Боснии.

¹ Подробный анализ борьбы русской дипломатии за отмену ограничений Парижского мира 1856 г. см.: *Горьянов С. М.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978.

² Сборник, изданный в память 25-летия управления Министерством иностранных дел А. М. Горчаковым. СПб., 1881, с. 98—102; *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. 2-е изд. СПб., 1914, т. 2, с. 68—69.

³ *Cahuet A.* La question d'Orient. P., 1905, p. 364.

⁴ *Clayton G. D.* Britain and the Eastern Question. L., 1971, p. 126.

⁵ Сборник, изданный в память..., с. 102—104.

⁶ Дележа А. М. Горчакова Е. П. Новикову, 20 октября (2 ноября) 1870 г.— Там же, с. 105, 106.

⁷ Там же, с. 107.

⁸ Там же, с. 108.

⁹ Там же, с. 109—110. Пропавший Н. П. Игнатьев заранее, в начале августа 1870 г., провел «академическую и неофициальную беседу» с великим визирем Али-пашой на предмет изменения некоторых условий мира. См.: *Горьянов С. М.* Босфор..., с. 130—132.

¹⁰ Сборник, изданный в память..., с. 111.

¹¹ *Татищев С. С.* Император Александр II..., т. 2, с. 70; *Горьянов С. С.* Босфор..., с. 128—135.

¹² *Горьянов С. М.* Босфор..., с. 153.

¹³ The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge, 1923, v. 3, p. 49.

¹⁴ *Татищев С. С.* Император Александр II..., т. 2, с. 72.

¹⁵ Ф. Бойст — Хотеку, 16 января (н. ст.) 1870 г.— *Beust [F. F.] Memoires*. P., 1888, t. 2, p. 420.

¹⁶ *Ibid.*, p. 418.

¹⁷ *Шнейерсон Л. М.* Франко-прусская война и Россия. Минск, 1976, с. 201.

¹⁸ *Beust [F. F.] Memoires*, t. 2, p. 424—426.

¹⁹ Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 181. Данная книга содержит аргументированный анализ предыстории Лондонской конференции.

- ²⁰ Там же, с. 184.
- ²¹ The Cambridge History..., v. 3, p. 48.
- ²² Горяинов С. М. Босфор..., с. 172.
- ²³ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940, т. 2, с. 98—99.
- ²⁴ Beust [F. F.] Memoires, t. 2, p. 397.
- ²⁵ Горяинов С. С. Босфор..., с. 177.
- ²⁶ Beust [F. F.] Memoires, p. 422.
- ²⁷ Шнейерсон Л. М. Франко-прусская война..., с. 196.
- ²⁸ Татищев С. С. Император Александр II..., т. 2, с. 73
- ²⁹ Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 177; Шнейерсон Л. М. Франко-прусская война..., с. 193.
- ³⁰ The Cambridge History..., v. 3, p. 50.
- ³¹ Temperley H., Penson L. M. Foundations of British Foreign Policy. Cambridge, 1939, p. 332—333.
- ³² Татищев С. С. Император Александр II..., т. 2, с. 72. Сам Горчаков назвал ее диссертацией по международному праву. См.: Горяинов С. М. Босфор..., с. 155.
- ³³ Beust [F. F.] Memoires, t. 2, p. 422.
- ³⁴ Сборник, изданный в память..., с. 121.
- ³⁵ Там же, с. 112—113.
- ³⁶ Никитин С. А. Нота А. М. Горчакова об отмене условий Парижского мира и русская общественность.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 413.
- ³⁷ Шнейерсон Л. М. Франко-прусская война..., с. 206.
- ³⁸ The Cambridge History..., v. 3, p. 51.
- ³⁹ Temperley H., Penson L. M. Foundations..., p. 330.
- ⁴⁰ Горяинов С. М. Босфор..., с. 181.
- ⁴¹ Temperley H., Penson L. M. Foundations..., p. 334—335.
- ⁴² Горяинов С. М. Босфор..., с. 181, 185—187.
- ⁴³ АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 68, л. 6, 10.
- ⁴⁴ The Cambridge History..., v. 3, p. 51.
- ⁴⁵ Ф. И. Бруннов — А. М. Горчакову. 27 января (8 февраля) 1871 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 68, л. 27.
- ⁴⁶ Там же, л. 29.
- ⁴⁷ Шнейерсон Л. М. Франко-прусская война..., с. 203.
- ⁴⁸ Одиссея Гомера. Песнь 19. Перевод В. А. Жуковского.
- ⁴⁹ Ф. И. Бруннов — А. М. Горчакову, 18(30) марта 1871 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 68, л. 55.
- ⁵⁰ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1909, т. XV, с. 501—505.
- ⁵¹ Подробно о спорах вокруг этой статьи см.: Горяинов С. М. Босфор..., с. 221 и дальше. Горчаков был уверен, что султан не станет злоупотреблять этим правом, не желая «видеть иностранный флот дефилирующим перед окнами сераля» (Шнейерсон Л. М. Франко-прусская война..., с. 206).
- ⁵² Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 188—189.
- ⁵³ Дано по: АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 68, л. 40—41.
- ⁵⁴ Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран, с. 412.
- ⁵⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 68, л. 48. Бруннов подписал его с оговоркой, что протокол обратной силы не имеет. См.: Горяинов С. М. Босфор..., с. 212.
- ⁵⁶ Горяинов С. М. Босфор..., с. 215.
- ⁵⁷ Anderson M. S. The Eastern Question. L., 1970, p. 173, 172.
- ⁵⁸ Горяинов С. М. Босфор..., с. 137.
- ⁵⁹ Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу: Подъем освободительного движения в 1859—1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970, с. 317.
- ⁶⁰ Wertheimer E. Graf Julius Andrassy, sein Leben, seine Zeit. Stuttgart, 1910, Bd. I, S. 460; Sosnosky Th. V. Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866. Stuttgart; Berlin, 1913, Bd. I, S. 138; Petrović N. Der österreichisch-ungarisch und die Orientalisch Frage.— In: Der österreichisch-ungarische

- Ausgleich 1867/Hrsg. A. Vantuch, L. Holotik. Br., 1971. S. 195; Radenica A. Die Balkanländer in der Strategie Österreich-Ungarns, 1867—1878.—Balkanica, Beograd, 1970. N 1. S. 147—163.
- ⁶¹ Petrović N. Der österreichisch-ungarisch Ausgleich..., S. 210.
- ⁶² Austrian History Yearbook, v. III, 1967, p. 285.
- ⁶³ Diószegi I. Die Anfänge der Orientalpolitik Andrassy's.—In: Der Berliner Kongress von 1878/Hrsg. R. Melville, R.-J. Schröder. Wiesbaden, 1982. S. 252.
- ⁶⁴ Падеев П. А. Мнение о восточном вопросе.—Собр. соч. СПб., 1889, т. II, ч. 2. с. 255, 257.
- ⁶⁵ Lkmečić M. Ustanak u Bosni, 1875—1878. Sarajevo, 1960, s. 119—138; Извори за българската история, т. XVIII. Немски извори за българската история С., 1973. Т. I/под ред. В. Паскалева и К. Косев; В. Паскалева. За икономическото влияние на Австро-Унгария в българските земи по време на Руско-турската война (1877—1878).—Известия на Института за история, 1960, кн. 8. О проникновении австро-венгерского капитала в румынскую экономику см. монографию советского историка Е. Е. Чертана «Великие державы и формирование Румынского независимого государства» (Кишинев, 1980, с. 50—54).
- ⁶⁶ Ф. Бойст — Францу Иосифу, Гапштейн, 18 мая 1871 г.—Vortrag. Haus-Hof- und Staatsarchiv Wien, Min. des Ausser. Polit. Archiv XL. Interna, Fasc. 54.—In: Diószegi I. Österreich-Ungarn und der französisch-preussisch Krieg 1870—1871. Br., 1974. S. 276.
- ⁶⁷ Ibid.
- ⁶⁸ Beust [F. E.] Aus drei Viertel-Jahrhunderten. Stuttgart, 1887, S. 488.
- ⁶⁹ Diószegi I. Österreich-Ungarn..., S. 283.
- ⁷⁰ Wolter H. Die Anfänge des Dreikaiserverhältnisses.—In: Die gross preussisch-militärische Reichsgründung 1871—Voraussetzungen und Folgen. B., 1971. Bd. 2, S. 29—37.
- ⁷¹ Lut: H. Politik und militärische Planung in Österreich-Ungarn zu Beginn der Ara Andrassy: Das Protokoll der Wiener Geheimkonferenzen von 17. bis 19. Febr. 1872.—In: Geschichte und Gesellschaft: Festschrift für Karl R. Stadler. Wien, 1974, S. 29—37.
- ⁷² Arh. Stat. Buc. f. Casa regală, dos. 26, 1869, f. 1—5; dos. 36. 1869, f. 1.
- ⁷³ АВПР, ф. Канцелярия, 1869 г., д. 20, л. 109, 137, 143—145; Arh. Stat. Buc., f. Casa regală, dos. 52—1869, f. 3—4; dos. 70—1869, f. 1; Correspondance diplomatique roumaine sous le roi Charles I (1866—1880). Buc., 1923, p. 35; Jorga N. Politica externa a regelui Carol I. Buc., 1923. p. 82.
- ⁷⁴ Memoriile regelui Carol I. Buc., S. a., v. V.
- ⁷⁵ Correspondance..., p. 78; Maiorescu T. Istoria contemporana a României (1866—1900). Buc., 1925, p. 34.
- ⁷⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 16, л. 76—79.
- ⁷⁷ Correspondance..., p. 77, 80—81.
- ⁷⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 16, л. 117.
- ⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 241.
- ⁸⁰ АМАЕФ, С. Р. С., Turquie, 1871, Buc., t. 35, f. 99, 153—154; DDI. t. VIII, p. 57.
- ⁸¹ Ibid., f. 144—145, 147—152; АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 67, л. 262.
- ⁸² Kojos E. Greece and the Eastern Crisis, 1875—1878. Thessaloniki, 1975. p. 24—25.
- ⁸³ Κωφόδης Ε. Ο Έλληνο-αγγλικός πόλεμος 1869—1881. Αθήνα, 1981, σ. 56.
- ⁸⁴ О. π., σ. 50.
- ⁸⁵ Фактический материал см.: Живановић Ж. Политичка историја Србије. Београд, 1923. Књ. I; Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Београд, 1934. Књ. I; Продановић Ј. Историја политичких странака и струја у Србији. Београд, 1947; Јанковић Др. О политичким странкама у Србији XIX века. Београд, 1961; Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958, с. 208; Историја српског народа: Од првог устанка до Берлинског конгреса, 1804—1878. Београд, 1981. Књ. V. Т. 1.
- ⁸⁶ Подробнее см.: Живановић Ж. Политичка историја..., с. 206—210, 271.
- ⁸⁷ Текст Конституции см.: Продановић Ј. Уставни развитак и уставне борбе у Србији. Београд, 1936, с. 185—203.
- ⁸⁸ См.: Чубриловић В. Историја..., с. 322—328.

- ⁸⁹ См.: История Югославии. Т. I. М., 1963, с. 487; Историја српског народа...; Данченко С. И., Карасев А. В. Основные этапы развития сербской буржуазной государственности и Россия (1858—1903 гг.).— В кн.: Балканские исследования. Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984, с. 126—128.
- ⁹⁰ Марковић С. Избр. соч. М., 1956, с. 87—116.
- ⁹¹ См.: Ристић Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност, 1875—1878. Београд, 1896, књ. III, с. 333 и др.; Живановић Ж. Политичка историја..., с. 264—266, 275 и др.
- ⁹² «Концепция И. Гарашанина,— писал В. Чубрилович,— это — сербская консервативно-монархическая, реакционная государственная концепция» (см.: Чубриловић В. Историја..., с. 204).
- ⁹³ См.: Јанковић Др. О политичким странкама..., с. 182.
- ⁹⁴ См.: Чубриловић В. Историја..., с. 332—334.
- ⁹⁵ Поплыко Д. Ф. Проблемы освобождения народов Балканского полуострова в русско-сербских отношениях начала 70-х годов XIX в.— В кн.: Балканские исследования. Вып. 8. Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. М., 1982, с. 174—175.
- ⁹⁶ Наместники делали попытки нормализовать отношения между княжествами в 1870 и 1871 гг. Но претензии сербского правительства на Герцеговину, затем на единоличное военное командование союзной армией являлись причинами неуспехов переговоров. См.: Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979, с. 270—279; Јовановић Р. Политички односи Црне Горе и Србије, 1860—1878. Цетиње, 1977, с. 175—230.
- ⁹⁷ См.: Екмечић М. Национална политика Србије према Босни и Херцеговини и аграрно питање (1844—1875).— Годишњак историског друштва БиХ, 1959, књ. 10, с. 207—210; Екмечић М. Ustanak u Bosni, s. 37—51.
- ⁹⁸ Поплыко Д. Ф. Проблема освобождения..., с. 186.
- ⁹⁹ Дипломатическую переписку по этому вопросу см.: Ристић Ј. Дипломатска историја..., књ. III, с. 152—158.
- ¹⁰⁰ Поплыко Д. Ф. Проблема освобождения..., с. 177.
- ¹⁰¹ Там же, с. 175.
- ¹⁰² Там же, с. 178; Подробнее о русско-сербских отношениях в период правления наместников см. АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 258, 259; ф. Посольство в Константинополе, д. 1358; документы публикации «Уједињена омладина српска и њено доба, 1860—1875. Грађа из совјетских архива» (Нови Сад, 1977).
- ¹⁰³ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1868 г.; ф. ГА V—A₂, д. 255. Использовано в работе: Данченко С. И., Карасев А. В. Основные этапы..., с. 128.
- ¹⁰⁴ Поплыко Д. Ф. Проблема освобождения..., с. 187.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 178—179.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 179—180.
- ¹⁰⁷ Суть этого плана изложена в донесении Н. П. Шишкина Н. П. Игнатьеву от 17(29) декабря 1871 г. См.: АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 258, л. 198—200; Поплыко Д. Ф. Проблема освобождения..., с. 180—181.
- ¹⁰⁸ Поплыко Д. Ф. Проблема освобождения..., с. 182.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 183.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Там же, с. 191.
- ¹¹² Ристић Ј. Дипломатска историја..., књ. III, с. 333; Живановић Ж. Политичка историја..., с. 266.
- ¹¹³ См.: Поплыко Д. Ф. Проблема освобождения..., с. 181.
- ¹¹⁴ Там же, с. 187—188.
- ¹¹⁵ Там же, с. 189.
- ¹¹⁶ Там же, с. 191.
- ¹¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 285.
- ¹¹⁸ Живановић Ж. Политичка историја..., с. 275—280.
- ¹¹⁹ Там же, с. 282.
- ¹²⁰ Программу деятельности в скупщине Св. Марковича 1873 г. под названием «Набросок проекта программы радикальной партии» см.: Маркович С. Избр. соч., с. 789—790.

- ¹²¹ *Конобеев В. Д.* Българското националноосвободително движение, идеология, програма, развитие. С., 1972, с. 372—402.
- ¹²² *Натан Ж.* Болгарское возрождение. М., 1949, с. 134.
- ¹²³ *Кондрачева В. Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70-е годы XIX в.). М., 1971, с. 41—88.
- ¹²⁴ История Югославии, т. I, с. 600—602.
- ¹²⁵ Кратка история на България. С., 1981, с. 178, 194—208.
- ¹²⁶ *Натан Ж.* Болгарское возрождение, с. 228.
- ¹²⁷ Там же, с. 230.
- ¹²⁸ Н. Г. Чернышевский в общественной мысли народов зарубежных стран. М., 1981, с. 53—54.
- ¹²⁹ См.: *Унджиев Н.* Христо Ботев: великий болгарский революционер и поэт: Жизнь, идеи и творчество. С., 1958.
- ¹³⁰ *Николић А.* Опис радне по предмету општег споразумљенја за устанак и уједињење: Мешовита грађа. Београд, 1979, књ. 7, с. 192.
- ¹³¹ *Вучковић В.* Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије, 1859—1874. Београд, 1965, док. № 142.
- ¹³² Јединена омладина српска и њена доба, 1860—1875: Грађа из совјетских архива. Нови Сад, 1977.

НАЧАЛО ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА

1

Восстание в Боснии и Герцеговине и великие державы в 1875—1876 гг.

‘Вспыхнувшие летом 1875 г. в Боснии и Герцеговине волнения положили начало новому Восточному кризису, одному из крупнейших международных конфликтов второй половины XIX в.

Восстание началось 23 июня (5 июля) 1875 г. в юго-восточной части Герцеговины и к началу августа охватило почти всю ее территорию. Непосредственным сигналом послужило нападение отряда И. Тунгуза на турецкий караван, направлявшийся из Мостара в Невесинье. Черногорское княжество, которое традиционно поддерживало национальное движение в Герцеговине, так как эта провинция находилась в сфере его непосредственных интересов (см. гл. 6), не осталось в стороне и на этот раз. Ловченская скупщина 8 августа приняла решение об оказании помощи герцеговинскому восстанию. Князь Николай, стремясь полностью взять его под свой контроль, направил в область воеводу И. Вукотича, который стал фактическим руководителем восстания*. В свою очередь, среди герцеговинских вождей большинство придерживались черногорской ориентации и видели в объединении с Черногорией главную свою задачу.

Весть о выступлении Герцеговины быстро распространилась в Боснии, где уже была подготовлена почва для антитурецкой борьбы. В августе-сентябре и здесь вспыхнуло восстание.

В его ходе выявились два основных течения — буржуазное и революционно-демократическое. Особое место занимала группировка Петра Мркоича (Карагеоргиевича). Потомок знаменитого Карагеоргия, возглавивший отряд добровольцев, явно преследовал свои династические цели. Его повстанческая деятельность должна была создать ему популярность в Сербском княжестве. Руководители буржуазного крыла — Главный комитет восстания в Боснии (Нова Градишка) — основную цель видели в присоединении Боснии к Сербии и недооценивали аграрные требования крестьянства. Сербские правящие круги, в свою очередь стремясь осуществить свою заветную мечту — овладеть Боснией, оказывали помощь боснийскому восстанию**, используя при этом Сербско-Боснийский комитет в

* Подробно о политике Черногории см. § 3 настоящей главы.

** Подробно о политике Сербии см. § 3 настоящей главы.

Белграде, возникший еще в 1862 г. с целью развертывания сербской пропаганды за пределами княжества¹. Комитет претендовал на руководство движением в Боснии, занимался отправкой добровольцев, пересылкой денег и оружия, планированием операций.

В сентябре 1875 г. сербская скупщина проголосовала за оказание помощи восстанию в Боснии и предоставление займа в 1 млн дукатов для этой цели; княжество приступило к военным приготовлениям².

Революционно-демократический лагерь повстанцев, возглавляемый Васо Пелагичем, наиболее сильные позиции имел в Северной Боснии (Костайницкий комитет). Главным пунктом своей программы В. Пелагич и его сторонники — К. Угринич, З. Бостанчич, М. Хрвачанин — считали социальную революцию при уничтожении власти османов и обретении фактической самостоятельности Боснии и Герцеговины, хотя и определяли ее термином «автономия». В. Пелагич решительно выступал против присоединения Боснии к Сербии и Герцеговины к Черногории, поскольку там существовали антидемократические, монархические режимы.

С первых дней движение в Боснии и Герцеговине привлекло внимание европейских держав, в первую очередь Австро-Венгрии и России.

При всех колебаниях балканской политики габсбургской монархии неизменно оставался принцип — не допустить образования объединенного или федеративного югославянского государства, которое могло бы оказывать «притягивающее и разлагающее действие на провинции Трансильвании»³.

Внешнеполитический курс габсбургской монархии в 70-е годы XIX в. сформировался в результате столкновения ряда политических сил и факторов (см. § 2 гл. 8).

Вставший у руководства австро-венгерской дипломатии в 1871 г. Д. Андраши пытался согласовать антиславянские настроения венгерских магнатов с интересами правящих кругов монархии в целом, удовлетворить экономические домогательства австрийских промышленников и коммерсантов и не противопоставлять себя сильной придворной группировке. Накануне Восточного кризиса Андраши пошел на компромисс с военными кругами, ратовавшими за расширение границ габсбургской империи. Присоединение Боснии и Герцеговины к Сербии или Черногории и в особенности возникновение «Великой Сербии» могло создать угрозу для едва стабилизировавшейся после 1867 г. дуалистической монархии. Вопрос о необходимости территориальных приобретений на Балканах был решен в ходе сверхсекретного заседания Коронного совета с участием Франца Иосифа, Андраши, эрцгерцога Альбрехта и некоторых высших военных чинов 29 января 1875 г., т. е. еще за полгода до начала Восточного кризиса⁴. Тогда была определена конкретная цель — присоединение Боснии и Герцеговины и предотвращение создания крупного славянского государства. Правда, Андраши был против немедленной реализации поставленной задачи и соотносил ее с распадом Османской империи. Точные границы желаемых при-

обретений Австро-Венгрии не были определены, так как «пока не имело смысла делить шкуру неубитого медведя»⁵.

Важно в этой связи отметить, что главным для Андраши в течение всего наступившего в этом же 1875 г. кризиса было осуществление все той же антирусской и антиславянской политики — борьба против создания на Балканах крупного или крупных славянских государств под покровительством России. Оккупация Боснии и Герцеговины и введение войск в стратегически важный Новопазарский Санджак вовсе не являлись лишь «превентивной мерой» или «предохранительным мероприятием», предпринятым исключительно в целях обеспечения собственной безопасности, как полагают некоторые исследователи⁶. В подтверждение приведем отрывок из письма Андраши герцогу Вюртембергскому, в котором достаточно откровенно изложены истинные цели и намерения монархии, а также мотивы, которыми она руководствовалась в 1875—1878 гг.: «Одной из главных целей этой акции с австро-венгерской точки зрения было открытие для нас Востока в политическом и материальном отношениях...»⁷.

Российские правящие сферы в 1875 г. не были готовы к решительному повороту своей балканской политики.

Поддержка освободительных устремлений как фактора, облегчавшего России борьбу с Османской империей, продолжалась. Вместе с тем официальная Россия по-прежнему опасалась всеобщего революционного взрыва на Балканах, который мог бы сыграть определенную роль в усилении революционных настроений внутри страны. Не проходил и страх перед возможностью большого международного конфликта и возрождения в новом варианте антирусской коалиции. Достижение договоренности о предоставлении независимости или автономии подвластными народам Османской империи, т. е. освобождение «сверху», казалось, могло стать средством предотвращения революционного пожара⁸ и повторения «крымской ситуации». Развитие балканского направления во внешней политике России проходило в условиях острого противоборства со своим «союзником» (по Союзу трех императоров) — дуалистической монархией. Вопрос о судьбе Боснии и Герцеговины в 1875—1876 гг. занимал важное место в отношениях между венским и петербургским дворами. С самого начала боснийско-герцеговинских событий Россия высказывалась за решение вопроса путем удовлетворения требований восставших и предоставления широкой политической автономии провинциям по образцу Румынии или Сербии («на манер Румынии», как выразился канцлер А. М. Горчаков⁹, т. е. с возрождением их государственности, предоставлением им полной самостоятельности во внутренних делах и определенными внешнеполитическими функциями).

Уже в конце июля 1875 г. А. М. Горчаков начал переговоры с Веной о выступлении «не коллективном, но однообразном»¹⁰ перед Портой и повстанцами. Тогда же между петербургским и венским кабинетами была достигнута договоренность придерживаться принципа невмешательства, которая по требованию австро-венгерского

министра иностранных дел Андраши должна была сохраняться в тайне. Горчаков рассматривал вмешательство как крайнюю меру, но в случае, если «христиане Боснии и Герцеговины потерпели поражение и оказались во власти произвола турок», канцлер «не считал бы возможным придерживаться принципа невмешательства... Без сомнения, в подобном случае Россия не может быть последней в исполнении этого долга гуманности»¹¹.

В августе 1875 г. в Вене был создан «центр соглашения» трех дворов, в задачи которого входила выработка мер для умиротворения на Балканском полуострове. По его инициативе в Герцеговину была направлена международная комиссия, состоявшая из консулов шести европейских держав и снабженная инструкциями венского «центра». В задачи консульской комиссии входило выяснить требования восставших и обеспечить прямые переговоры между турецкими эмиссарами и повстанцами¹². Миссия консулов в Герцеговине закончилась безрезультатно, поскольку они не имели полномочий выполнить одно из основных условий повстанцев — гарантировать от имени великих держав проведение обещанных Портой реформ.

Размах повстанческого движения заставил Андраши признать необходимость оказать давление на Порту, что первоначально казалось ему неприемлемым. К этому его также толкало опасение, что инициатива может полностью оказаться в руках Горчакова¹³. 18(30) декабря 1875 г. появилась нота Андраши, представленная в конце января 1876 г. Порте от имени России, Австро-Венгрии и Германии. Ранее содержание ноты было сообщено Англии, Франции и Италии. Две последние сразу ответили согласием поддержать ее перед Портой. Англия присоединилась к демаршу с явной неохотой. Ее посол в Константинополе Г. Эллиот получил предписание поддерживать «в общем» пункты ноты. Державы предлагали: ввести полную свободу вероисповедания для христиан Боснии и Герцеговины, ликвидировать откупную систему взимания податей, улучшить положение сельского населения, расходовать взимаемые с населения Боснии и Герцеговины прямые налоги только на нужды этих областей, создать специальную комиссию из христиан и мусульман для наблюдения за ходом реформ¹⁴. С программой полной политической автономии, которой в принципе придерживался Петербург, «нота Андраши» имела мало общего. Ограниченные предложения вызвали негативную реакцию в среде повстанцев и предопределили провал этой дипломатической акции.

В феврале 1876 г. Порта издала ирадэ, провозглашавшее ряд реформ в духе ноты от 30 декабря, и затем сообщила европейским кабинетам, что принимает четыре пункта ноты. Отвергая пятый, об использовании взимаемых налогов, турецкое правительство заявило, что он не соответствует существующей системе финансовой политики в Османской империи. Но попытки Порты прекратить восстание в Боснии и Герцеговине путем провозглашения ограниченных реформ оказались бесплодными. Опыт, накопленный восставшими в ходе их борьбы за свободу, подсказывал им, что обеща-

ния султана останутся, скорее всего, только на бумаге. Восставшие выдвигали главным условием прекращения борьбы обеспечения гарантий проведения в жизнь реформ.

Весной 1876 г. активизировались боевые действия повстанцев. В марте в Вене были предприняты попытки договориться с черногорским князем Николаем и с его помощью нормализовать положение в Герцеговине. Следствием черногорско-турецких и черногорско-австрийских переговоров стала встреча руководителей восстания с наместником Далмации генералом Родичем в Суторине, на которой последний огласил предложения Андраши об условиях прекращения восстания. В ответ на зачитанный Родичем проект реформы, практически повторявший пункты ноты Андраши¹⁵, герцеговинские вожди передали Родичу меморандум с изложением своих требований.

Примеру герцеговинцев последовали и представители боснийских повстанцев¹⁶. В повстанческих документах, выработанных на этом этапе восстаний, выдвигалось требование введения местной автономии в Боснии и Герцеговине. Важное место занимал аграрный вопрос. Так, например, герцеговинцы требовали, «чтобы народ герцеговинский владел по крайней мере третьей частью земли как своею собственностью»¹⁷. Ограниченная австро-венгерская программа, в которой отсутствовал пункт о гарантии осуществления предполагаемых реформ, была отрицательно встречена восставшими.

Встреча в Суторине повлекла за собой усиление дипломатической борьбы, новый виток которой характеризовался в первую очередь обострением русско-австрийских отношений. Весной 1876 г. в Петербурге ясно осознали, что в русско-австрийских отношениях много уязвимых мест. Хотя Горчаков и сомневался в искренности своего венского партнера, но отклониться от взятого курса на совместные действия с Австро-Венгрией он не хотел и, более того, не видел иного способа решения поставленного на повестку дня боснийско-герцеговинского вопроса. В определении позиции главы российского внешнеполитического ведомства в отношении Австро-Венгрии играли, с одной стороны, уже выработанный с момента создания Союза трех императоров стереотип решения внешнеполитических балканских проблем совместно с Австро-Венгрией и Германией, а с другой — вполне обоснованное опасение, что изолированные действия российской дипломатии чреваты серьезными последствиями.

В этих условиях в ответ на предложение Горчакова о встрече министров иностранных дел России, Австро-Венгрии и Германии 1(13) апреля в Петербург поступило сообщение от Андраши, что он принимает приглашение встретиться в Берлине¹⁸. В конце марта 1876 г. в Петербурге после неудачного европейского демарша (ноты Андраши) вновь возобладала точка зрения, что единственно возможным и наиболее эффективным средством решения вопроса было бы предоставление широких автономных прав двум восставшим провинциям Османской империи¹⁹. Но Андраши решительно

воспротивился этому. В отношении требований, выдвинутых повстанцами в Суторине, он заявил, «что венский кабинет считает ... их недопустимыми»²⁰.

Разногласия с Россией, возникновение вновь идеи автономии Боснии и Герцеговины, активным противником которой был Андраши, ставили последнего в трудное положение. Он рассматривал даже административную автономию (местное самоуправление) для этих провинций как неосуществимую, ссылаясь на «недостаточную зрелость (политическую.— Авт.) населения и религиозную разнь»²¹. Однако на разрыв с Россией австро-венгерский канцлер пойти не мог. Он предпринял попытку исправить тяжелое впечатление, которое произвел в Петербурге его отказ согласиться с требованиями восставших, и выразил готовность поддержать некоторые из них²².

Позиция же Горчакова накануне встречи в Берлине заключалась в следующем: российской дипломатии необходимо добиться принятия требований восставших в качестве основы для соглашения с Портой. Важным условием, по его мнению, являлось обеспечение гарантий осуществления достигнутой договоренности²³.

Следует отметить, что весной 1876 г. в Петербурге считали возможным предоставление балканским народам не только автономии, но и независимости. В одной из записок МИД России говорилось: «Если Порта должна пасть под грузом своих собственных ошибок, тогда необходимо способствовать и помогать свободному развитию христианских национальностей по пути к политической независимости,— каждая в своих географических пределах и в соответствии со своими естественными свойствами»²⁴.

На берлинскую встречу²⁵ российский канцлер привез проект меморандума, главной идеей которого было обеспечение гарантий умиротворения на базе требований восставших и введение автономного устройства. Непримируемая позиция Андраши, угроза разрыва с Австро-Венгрией и распада Союза трех императоров заставили Горчакова отступить²⁶.

Сообщая в Вену об итогах первых встреч с Бисмарком и Горчаковым, Андраши особо подчеркнул, что в разговоре с последним о будущих планах он заставил его согласиться на аннексию Австро-Венгрией Турецкой Хорватии (Боснийской Крайны) в случае распада Османской империи. Характерна последняя фраза в донесении Андраши, отражающая экспансионистские настроения австро-венгерского министра: «Вполне достаточно *для начала*» (курсив наш.— Авт.)²⁷.

С момента возникновения волнений на Балканском полуострове вопреки заявлению О. Бисмарка, будто его страна не имеет прямых интересов на Балканах, серьезную тревогу как в Петербурге, так и в Вене вызывала позиция Германии, которая являлась одним из определяющих факторов в расстановке политических сил на международной арене.

Восстание в Герцеговине и Боснии, осложнения на Балканском полуострове играли на руку Бисмарку, создавая почву для обостре-

ния англо-русских отношений и, следовательно, политической изоляции Франции.

Германская дипломатия в ходе кризиса 1875—1877 гг. играла, по сути дела, провокационную роль. Она подталкивала Россию к вооруженному выступлению против Турции, настраивала Англию против России и одновременно поощряла ее к захвату Египта, надеясь надолго посорить Лондон и Париж²⁸.

Однако Восточный кризис таил в себе и серьезную опасность для Бисмарка: он мог привести к австро-русской войне. Канцлер очень хотел русско-турецкой и еще больше — англо-русской войны. Вместе с тем он весьма опасался разрыва и открытого столкновения между двумя партнерами по Союзу трех императоров. Германия могла присоединяться ко всем совместным решениям России и Австро-Венгрии, но трудности для нее начинались там, где между «союзниками» не было единства.

Горчаков пытался выяснить точку зрения германского канцлера по этому кардинальной важности вопросу. Ответ гласил: в случае русско-австрийских расхождений по Восточному вопросу Германия встает на сторону России. «Пруссия — должница России за оказанную ей поддержку в 1866 и 1870 годах; в уплате этого долга она связана честью!»²⁹ Насколько неискренни были заявления Бисмарка и оправданны опасения Горчакова, стало очевидным позже.

В январе 1876 г. Бисмарк имел длительную беседу с английским послом в Берлине Одо Расселом, посвященную «позиции держав по турецкому вопросу». Канцлер дал понять собеседнику, что приветствовал бы более тесный контакт между Англией и Германией. В качестве возможного выхода из Восточного кризиса рассматривался вопрос об оккупации или аннексии Австрией восставших турецких провинций. Рассел не возражал в принципе против такого решения, однако оба государственных деятеля пришли к выводу, что Россия должна получить компенсацию за усиление Австро-Венгрии, возможно возвратив себе часть Бессарабии, которую она уступила Румынии в 1856 г.³⁰

Вскоре после беседы с английским послом Бисмарк имел обстоятельный разговор по турецкой проблеме с российским послом П. П. Убри. Выразив сомнение в успешном проведении Турцией реформ на Балканах, он поставил перед Убри вопрос о вероятной аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, взамен чего предложил России южную часть Бессарабии. В случае согласия Бисмарк обещал добиться одобрения такого решения со стороны Англии.

В своем ответе от 10 января 1876 г. на депешу Убри Горчаков, сознавая, что его исподволь пытаются втянуть в войну, отказался обсуждать предложение Бисмарка, иронически отметив стремление «железного канцлера» играть роль посредника³¹, а царь заявил, что не даст завлечь себя планами завоевания Константинополя.

Весной того же года в Берлине по инициативе российского императора Александра II была проведена встреча Бисмарка, Горчакова и Андрaши, во время которой был подписан Берлинский ме-

меморандум от 13 мая 1876 г., по сути своей представляющий модификацию ноты Андраши от 18(30) декабря 1875 г. с дополнениями, не имевшими принципиального значения. Однако благодаря усилиям Горчакова во вводной части документа, хотя и в общей форме, была проведена мысль о необходимости гарантий исполнения Портой своих обещаний, а также о целесообразности давления на правительство султана, «чтобы побудить его серьезно приступить к выполнению принятых на себя по отношению к Европе обязательств»³². Надежда Горчакова на то, что удастся побудить партнеров предпринять решительные шаги, не сбылась. В меморандуме содержалось требование к султану заключить двухмесячное перемирие с повстанцами и достигнуть за это время приемлемого соглашения с ними. В противном случае три державы «в интересах всеобщего мира» угрожали дополнить свой дипломатический демарш более действенными мерами.

В ходе же встречи в Берлине при рассмотрении требований восставших Бисмарк высказал мнение, что их необходимо принять во внимание, и поставил перед Андраши вопрос о возможности вмешательства как совместно с Россией, так и отдельно Австро-Венгрии. Но эти предложения, как и выдвинутый им вариант итальянской оккупации провинций, не нашли понимания у Андраши. Бисмарк имел в запасе еще одно предложение — возможный раздел некоторых европейских владений Османской империи между Австро-Венгрией и Россией. При этом предлагалась следующая комбинация: Австро-Венгрия получает часть Турецкой империи (предположительно Боснию), Россия возвращает себе Южную Бессарабию. Андраши, не отвергая полностью этого проекта, уклонился от прямого ответа³³.

Встреча министров иностранных дел России, Австро-Венгрии и Германии, с одной стороны, с еще большей отчетливостью выявила русско-австрийские противоречия по балканскому вопросу, с другой — на некоторое время уменьшила напряженность между венским и петербургским дворами. Малосодержательные предложения берлинского документа, по сути дела повторявшие «ноту Андраши», не вызвали воодушевления и у восставших.

Меморандум был поддержан Францией и Италией. Английский представитель Одо Рассел отнесся весьма сдержанно, заявив, что не имеет инструкций на этот счет.

Традиционная британская политика статус-кво Османской империи трещала по всем швам под натиском освободительного движения народов и в результате дипломатических акций России³⁴. На страницах английских газет и отчетов о парламентских дебатах появлялось немало правдивых картин отчаянного положения христианских подданных султана. Авторы и ораторы, как правило, не ограничивались выражением чувств, а в той или иной форме излагали свою точку зрения на будущее Юго-Восточной Европы. Османское правительство, по словам герцога Аргайльского, «злоупотребляло властью и было проклятием для населения, которым управляло; будет позором для Европы, если ее мощь и влияние

станут использоваться для спасения этого одиозного явления»³⁵. Он призывал: «Так не будем пытаться подпереть призрак Турецкой империи; займемся лучше выработкой схемы справедливого управления подвластными ей народами»³⁶. Подобными же мыслями делился в доверительной переписке министр по делам Индии маркиз Р. Солсбери: что османская «машина продержится долго, я не верю. Даже если Россия не нападет, она развалится сама по себе»³⁷.

Но можно ли, ссылаясь на отдельные критические голоса, утверждать, что в Лондоне созрели условия для пересмотра политики статус-кво, а силы и влияние ее противников и сторонников по крайней мере уравнились?

На эти вопросы приходится ответить отрицательно.

Принцип целостности и неприкосновенности Османской империи опирался на прочные традиции, экономические интересы, политические расчеты и не мог растерять сторонников в одночасье и рухнуть без следа. Нужно было длительное воздействие внешних факторов, чтобы подточить его устои.

В соответствии с требованиями обсановки в 60—70-х годах старая доктрина была подлатана в духе времени: стали усиленно подчеркивать значение Турции как стража британских морских коммуникаций и владений³⁸. Этот тезис приобрел особый вес в связи с продвижением России в Среднюю Азию, начавшимся строительством Черноморского флота, вводом в строй, а затем и переходом в британские руки Суэцкого канала, перемещением потока грузов в Индию и из этой страны в Средиземное море. Толкование доктрины было несколько видоизменено. Можно сказать, что в нее вдохнули новую жизнь. Модернизированную таким образом точку зрения консерваторов Хэнбери выражал в следующих словах: «Турция — ныне единственная держава, которой мы готовы доверить ключи Азии; нельзя вручить их государству, которое может воспользоваться ими в своих интересах, в том числе и для того, чтобы вломиться в дом»³⁹. Самой Великобритании охрана неприкосновенности султанских владений, как показал эпизод с покупкой в 1875 г. Суэцкого канала, в дом «вломиться» не мешала.

Британская дипломатия ни в коей мере не была готова к «смене вех» в Восточном вопросе. Начавшееся в Боснии и Герцеговине восстание застало ее врасплох. В Лондоне не скрывали надежд на то, что османские карагели быстро расправятся с повстанцами и закроют «балканский вопрос».

Правда, «ноту Андраши» Великобритания поддержала. Зондаж в Стамбуле убедил графа Дерби, что там приветствовали бы участие сент-джеймского кабинета в общей акции, явно рассчитывая на его тормозящее влияние. В пространной ноте от 25 января 1876 г. лорд Дерби в общей форме поддержал «пункты» Андраши, но выразил сомнения по поводу каждого и выдвинул свои оговорки, а также заявил, что не может еще сформулировать окончательно свои суждения.

: В британской печати шаг кабинета вызвал сдержанные и не-

однозначные отклики. Если «Таймс» оценила его как «здравый и умеренный», то правомерно-консервативная «Морнинг пост» осудила «вмешательство» в турецкие дела, да еще «в хвосте у Священного союза». Стоило бы правительству отклонить ноту, рассуждала газета, Франция и Италия последовали бы английскому примеру, и «сочинители этой хитро продуманной торпеды взорвались бы от собственной петарды»⁴⁰.

Между тем кровопролитие в восставших провинциях продолжалось. Уайт-холл сохранял олимпийское спокойствие. Посол П. А. Шувалов жаловался Горчакову: «В то время как вся Европа, и более всего три северных двора, занята осложнениями в Боснии и Герцеговине, создается впечатление, что Англия игнорирует ситуацию, чреватую столь большой опасностью, и не проявляет интереса к дальнейшему развитию Восточного кризиса»⁴¹. Когда же из всего состава кабинета с чисто протокольной миссией — сопровождать королеву Викторию на воды в Баден-Баден на целые две недели — отправили именно графа Дерби, даже многотерпеливый Шувалов был озадачен.

В середине апреля появилась официальная «Синяя книга», посвященная событиям в Боснии и Герцеговине. Ознакомившись с ней, Шувалов усмотрел «видимые следы работы, проделанной в бюро Форин оффис, чтобы избежать всякого уточнения позиции, которую британское правительство займет, и его намерений, будь то в отношении христин Востока, будь то Порты»⁴². Затем последовали пасхальные парламентские каникулы. Отдохнув, министры ее величества, по словам Шувалова, устремили всю свою энергию на улаживание дела с новым титулом королевы⁴³ — горячо обсуждался вопрос, отвечает ли звание «императрицы Индии» духу британских традиций. Лорд Дерби проводил время у одра умиравшей матери, его заместитель наотрез отказывался от бесед по интересовавшим российского посла проблемам.

Шувалов был хорошо осведомленным дипломатом. Но, конечно, знал он не все. Неведомы ему были доверительные мысли, которыми Дизраэли делился со своей приятельницей леди Честерфилд: «Это ужасное герцеговинское дело можно было бы уладить в неделю... обладай турки должной энергией». Любезный собеседник Шувалова, граф Дерби, именовал повстанцев «варварским маленьким народом», недостойным автономии⁴⁴. Это было в духе британских тори, отмечавших гомруль (автономию) для Ирландии. Стоило ли поддерживать этот принцип в отношении далеких балканских областей?

Кабинет явно вел дело к тому, чтобы вернуть провинции под власть Порты на базе микроскопических и чисто декларативных реформ. Шувалов писал о позиции Дерби следующее: «Ждать, пока гурки справятся с восстанием»⁴⁵. Намек посла на возможность временного занятия Боснии и Герцеговины австрийскими и Болгарии русскими войсками, чтобы побудить Порту на действительные уступки, встретил категорический отказ⁴⁶. Британское правительство считало возможным ограничиться жонглированием бумагами.

Поэтому в Лондоне отвергли даже скромный Берлинский меморандум, интерпретировав его таким образом, будто он позволяет державам вмешиваться в турецкие дела: Дизраэли утверждал об ультиматуме, о том, что Англию-де третируют, предъявляя выработанный без ее участия документ⁴⁷. Дерби заявил, что бесплодие программы, изложенной в ноте Андраши, можно было предвидеть. Лишь из уважения к державам, не желая нарушить их гармонию, Англия пошла за ними. У нового проекта реформ нет больше шансов на успех⁴⁸.

Такова была формальная аргументация британского саботажа. В частном письме Дизраэли высказывался откровенней, выражая опасения, что кабинет будет «шаг за шагом втянут в участие в схеме, которая скоро завершится распадом Турции»⁴⁹. Шувалову он сказал, что босняки и герцеговинцы стремятся не к реформам, а к независимости⁵⁰. Это соответствовало истине, но английское правительство и слышать не желало о таком варианте.

Консервативная и отчасти либеральная пресса приветствовала «независимый» курс кабинета, наконец-то «оторвавшегося» от трех дворов. «Дейли телеграф» 10 июня писала о его обструкционистской позиции: «История, возможно, усмотрит в этом спокойном и бесстрашном акте один из поворотных пунктов современной цивилизации, восстанавливающих справедливую и честную игру в Восточном вопросе» (!!). Антирусская пропаганда в стране резко усилилась. В турецкие воды была спешно направлена британская эскадра — десять броненосцев с сильным десантом. На континенте этот шаг единодушно расценили как поощрение Порты на сопротивление, как призыв отклонить меморандум. Шувалов высказывал и несколько иные соображения: он полагал, что кабинет перешел к «жесткому курсу», предвидя крушение Османской империи и не желая связывать себе на этот случай руки консультациями, а тем более договоренностью с другими державами. Он заканчивал письмо Горчакову 11 (23) мая знаменательной фразой: более чем вероятно, что в этом случае взоры Дизраэли устремятся к Египту. Берлинский меморандум содержал намеки на меры воздействия на Порту и «угрозу» существовавшему в Юго-Восточной Европе равновесию. Это не соответствовало английской тактике — ограничиваться «советами», вполне безопасными для султана и даже помогавшими ему выиграть время для расправы над восставшими южными славянами. Поэтому даже отдаленная перспектива перехода от бесплодных разговоров к «принуждению» подняла британскую дипломатию на ноги. «Своим отказом принять Берлинский меморандум,— писал В. М. Хвостов,— Дизраэли завоевал господствующее влияние в турецкой столице, сделал новый шаг к превращению Турции в орудие английской политики, еще более ослабил Союз трех императоров и поощрил Турцию на сопротивление их требованиям»⁵¹.

Но тут события на Балканах властно вмешались в неторопливые беседы между послами и министрами: в столицы поступили сведения об Апрельском восстании в Болгарии. Берлинский меморандум оказался мертворожденным — он даже не был вручен в Стамбуле.

Апрельское восстание в Болгарии, его значение и международный резонанс ⁵²

Значительнейшим событием Восточного кризиса явилось Апрельское восстание в Болгарии 1876 г.

Оно стало ярким проявлением национально-освободительной борьбы болгарского народа против османского гнета; вместе с тем оно явилось символом уже совершенно нового явления — революции социальной, антифеодальной и буржуазной по своему содержанию и направленности.

Географическая близость Болгарии к Константинополю и Проливам, а также к бассейну Эгейского моря делала ее объектом пристального внимания английских и австро-венгерских политиков, которые во всех действиях России в пользу болгар видели опасность упрочения русского влияния на подступах к зонам их повышенных интересов. Отсюда — враждебность по отношению к Болгарии, особенно к возможности воссоздания единого болгарского государства, да еще пользующегося поддержкой русского правительства. Германия, при всей внешней незаинтересованности в Восточном вопросе, неизменно поддерживала Австро-Венгрию в ее стремлении к Эгейскому побережью.

События первого года Восточного кризиса застали Болгарию в период все нараставшего углубления революционной ситуации, когда народному терпению уже наступил предел, а турецкие власти, нагнетая налоговую политику, доводя христианское население до крайней степени истощения, не могли уже репрессиями и казнями подавить стремление болгар к свободе, к уничтожению ига османских поработителей.

Эта готовность народа к свержению чужеземного ига была очевидна для руководителей болгарского национально-освободительного движения. Боснийско-герцеговинское восстание произвело на них сильнейшее впечатление. В то же время 1875 год застал в состоянии кризиса и Болгарский революционный центральный комитет, и революционные комитеты внутри страны (после гибели Василя Левского). Происходила постепенная поляризация двух направлений — левого, чьим руководителем стал Христо Ботев, и более умеренного, чьи представители делали ставку на помощь извне.

Трагизм положения усугублялся тем, что от руководства национальным движением отходят основатели БРЦК во главе с Любеном Каравеловым, а его левое крыло еще не окрепло должным образом.

Христо Ботев откликнулся на боснийско-герцеговинское восстание статьей в газете «Знамя» от 27 июля (8 августа) 1875 г., в которой призывал болгар последовать примеру босняков и герцеговинцев. 12 (24) августа БРЦК на собрании, провозгласившем себя Народным Собором, принял решение поднять «всеобщее восстание в Болгарии» ⁵³. Решено было переправить в Болгарию четы из пограничных районов Сербии и Румынии. Срочно занялись сбором денег для закупки оружия, Хр. Ботев отправился в Россию, надеясь

получить средства у болгарской эмиграции на юге⁵⁴. В августе было распространено воззвание Комитета к мусульманам-беднякам, которых призывали восстать против общего врага — турецких феодалов. Но оно не получило отклика у фанатизированных местными властями и духовенством мусульман⁵⁵.

Многие члены Комитета переправились в Болгарию, оживилась деятельность местных комитетов, но действовали они разрозненно, без должной связи.

Активнее других готовил восстание Старозагорский комитет под руководством Стефана Стамболова; здесь особенно сильны были традиции В. Левского. Но Стамболов увлекся идеей поджога Константинополя для отвлечения внимания турецких властей от Болгарии. В среде Старозагорского комитета к началу сентября возникли сомнения в целесообразности выступления, поскольку подготовка не была завершена. Русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, хорошо знавший обстановку в разных районах страны, советовал проявлять осторожность; возможно, он передавал подобного рода предупреждения через Найдена Герова, болгарина по происхождению, русского консула в Пловдиве⁵⁶.

Стамболов же настаивал на немедленном выступлении, надеясь на присоединение соседних округов, где население под влиянием арестов за неуплату налогов было крайне возбуждено.

Восстание в Старой Загоре произошло 16—17 (28—29) сентября, однако было поддержано лишь немногочисленными отрядами крестьян. Волнения, произошедшие в соседних уездах, носили стихийный характер. Движение было жестоко подавлено, Стамболов скрылся⁵⁷. Лишь вмешательство Н. П. Игнатьева несколько уредило размах карательных акций⁵⁸. Попытки восстания в районах Русе, Шумена были быстро пресечены турецкими властями.

И все же Старозагорское восстание сыграло свою роль. Его неудача не только не сломила дух народа, но вызвала желание отомстить за понесенные жертвы и добиться свободы. Уже в ноябре местные революционные комитеты стали готовить новое выступление.

Интенсивная подготовка велась на юге страны, особенно в районах Копривницы, Панагюриште, где активную работу вел Тодор Каблешков. Возобновилась и агитация революционных комитетов в Тырново, Сливене, Враце.

Хуже обстояли дела в эмигрантских центрах. БРЦК в Бухаресте распался. Идейные разногласия между его членами — старыми и «молодыми» — обострились до предела. Вышел из состава комитета Христо Ботев. Он отправился в Белград собирать средства для закупки оружия.

Под влиянием известий с родины группа болгарских эмигрантов в Румынии, собравшись в конце ноября 1875 г. в г. Джурджу (Гюргево), создала новый комитет. Было принято решение о подготовке восстания. Болгария была поделена на несколько округов, во главе которых были поставлены члены Гюргевского комитета — или «апостолы», как их тогда называли.

В конце декабря 1875 г. члены Гюргевского комитета стали разными путями переправляться в Болгарию. Прибыв туда, они главное внимание обращали на укрепление прежних и создание новых центров. Шла агитация среди населения, сбор оружия и закупка его в России, Румынии и даже в Константинополе.

Самая активная работа проводилась в Панагюрском (Пловдивском) округе и среди крестьян, и среди беднейшего населения городов. Здесь проявился со всей силой организаторский талант Георгия Бенковского, последователя республиканских идей Христо Ботева.

Население вооружалось; готовилась даже торжественная одежда — украшенные национальными узорами мундиры для ратников, женщины вышивали знамена. Именно в Панагюриште была создана первая военная организация восстания.

В Тырновском округе под руководством Ст. Стамболова подготовка шла медленнее. Видимо, под влиянием старозагорского поражения Стефан Стамболов и его товарищи заняли выжидательную позицию, возлагая надежды на выступление Сербии.

Во Врачанский и Сливенский округа поступало оружие из России с помощью Петербургского Славянского комитета. Два его члена — Н. А. Киреев и В. С. Ионин — горячо взялись помогать болгарам в этом деле и организовали закупку оружия в Одессе. Оно частично, правда с большой задержкой, дошло до Румынии, а там было переправлено в Болгарию⁵⁹.

Никогда еще подготовка к восстанию не достигала такого всеболгарского размаха, никогда еще крестьяне, ремесленники, городская беднота, народная интеллигенция не занимались вооружением столь активно и дружно, как это было перед Апрельским восстанием, никогда еще революционный дух народа не был столь возвышен, как в эти знаменательные времена. Это-то и пугало чорбаджиев, торговую буржуазию, духовенство, которые понимали, что речь идет о свержении не только османского ига, но и о борьбе против всех эксплуататоров народа. Отсюда — шпионаж и доносы властям предрержащим.

15 (27) апреля 1876 г. состоялось знаменитое, первое в истории Болгарии Великое Народное Собрание в лесной местности Обориште, недалеко от Панагюриште. В нем участвовало около 75 человек от 60 селений Южной Болгарии: крестьяне, горожане, ремесленники и духовенство, даже некоторые чорбаджии. Собрание утвердило полномочия апостолов на руководство восстанием. Был определен срок — 17 мая — и принято воззвание к населению.

Однако, несмотря на меры, принятые в целях конспирации, тайна была разглашена предателем, пробравшимся в ряды собравшихся, — неким Ненко Стояновым. Он известил турецкие власти, и в Пловдивский округ стали подтягиваться полиция и войска.

Это стало известно руководителям Копривштинского комитета — Тодору Каблешкову и другим: решено было поднять народ ранее назначенного срока — 20 апреля (2 мая). В Копривштице при огромном стечении народа был дан первый залп восстания из знаме-

нитой «черешневой пушки», зазвонили колокола, произошло первое столкновение с полицией. «Летучие отряды» с «письмами-предупреждениями» рассыпались по окрестностям. В Панагюриште Георгий Бенковский, прочитав письмо, немедленно провозгласил: «Бунт, восстание, к оружию, братья!».

Панагюриште стало вторым центром восстания. Было освящено главное знамя округа и провозглашена республика. Бенковский со своими соратниками начал ожесточенные бои с подошедшими отрядами башибузуков. Вслед за Панагюриште и Копривштицей восстали Клисуре, Мечка, Еледжик. Начались сражения; повстанцы, плохо вооруженные, давали отпор подтянутым регулярным войскам. Против 80 тыс. башибузуков и турецких солдат бой вели всего 10 тыс. повстанцев. Несмотря на их героизм, к 1 (13) мая восстание было жесточайшим образом подавлено. «Летучая чета» Бенковского скрылась в горы. Страшные репрессии обрушились на жителей Панагюрского округа — были стерты с лица земли Перуштица, Батак, Клисура; население было истреблено, дома сожжены, оставшиеся в живых участники восстания казнены, женщин и детей вывозили на невольничьи рынки в Малой Азии. Погибло, по самым приблизительным подсчетам, около 30 тыс. человек.

В Тырновском округе центром восстания стал Дряновский монастырь, подвергшийся подлинному штурму турецких войск.

Во Врачанском округе ждали Христо Ботева. 17 (29) мая он вместе со своими товарищами захватил в Джурджу австрийский пароход «Радецкий» и заставил капитана высадить повстанцев на болгарском берегу около Козлодую. Отряд пошел в глубь страны, к Враце, однако под натиском турок стал отходить в горы, к Балканам. 20 мая (1 июня) Христо Ботев погиб, сраженный вражеской пулей. Его чета героически сражалась до конца июня. Выступление четы Ботева стало трагическим эпилогом Апрельского восстания.

Апрельское восстание 1876 г. явилось высшей точкой борьбы болгарского народа за свое освобождение. Никогда еще столь обширная территория страны не была охвачена волнениями. Никогда еще не было столь очевидно, что основной движущей силой народно-освободительной борьбы являются крестьяне, ремесленники, мелкая городская буржуазия и народная интеллигенция. В Апрельском восстании с особой остротой проявилась и социальная поляризация — чорбаджии, крупная торговая буржуазия оказались в стане врагов. Восстание стало по существу антифеодальной революцией не только против ига османского государства, но и против болгарского чорбаджийства во всех его проявлениях. Оно сыграло роль национально-демократической буржуазной революции. В нем с особой силой проявился свободолюбивый дух болгарского народа. Повстанцы шли в бой против своих поработителей с верой в победу, в то, что рано или поздно их родина станет свободной.

В «Политическом обзоре за 1855—1879 гг.» А. М. Горчаков писал, что подавление восстания в Болгарии показало русскому правительству опасность нейтральной позиции: «Невмешательство в эти осложнения может оказаться удобным для западных держав. Их

мало касалось то обстоятельство, что христиане в Турции будут раздавлены, особенно если это славяне, о которых шла речь. Но Россия не могла остаться равнодушной. Помимо своих чувств и традиций, которые не позволили ей присутствовать при истреблении своих собратьев по вере на Востоке, тут были непосредственно затронуты ее политические интересы»⁶⁰.

Восстание не явилось неожиданностью не только для низшего русского дипломатического звена, но и для руководства МИД и правительства. Непосредственно об апрельских событиях сведения поступали от Найдена Герова, консула в Пловдиве, и его коллег. Делегации посла в Константинополе Н. П. Игнатьева как бы аккумулировали все сведения, полученные из разных источников. Для них характерно несомненное сочувствие к восставшим, нескрываемая тревога и, насколько возможно было в подобного рода сообщениях, совет действовать в пользу болгар, и возможно скорее⁶¹. Петербург выступил с более решительными, чем раньше, представлениями Порте, предупреждениями против излишних жестокостей и обострения обстановки⁶².

Тем временем молодой русский дипломат А. Н. Церетелев, прекрасно знавший балканские страны, владевший их языками, был послан в составе Международной комиссии по расследованию событий в Болгарию. Его сопровождали прогрессивные дипломаты и журналисты из западных стран — американцы Юджин Скайлер и Макгахан, немецкий журналист Шнейдер. Комиссия установила факты жесточайшей расправы над болгарами и истребления мирного населения городов и сел. Церетелев тщательнейшим образом составил списки уничтоженных селений, жертв карательных экспедиций. Они были опубликованы в «Правительственном вестнике» в августе 1876 г. Летом, несомненно, с одобрения своего начальства Церетелев предложил создать в Пловдиве «Международное общество пособия болгарам», в котором приняли участие дипломаты разных стран, а его председателем стал французский консул д'Истрия. В Константинополе при русском посольстве был образован комитет помощи болгарам; сам Н. П. Игнатьев и его жена оказывают помощь болгарским детям-сиротам, помогают некоторым болгарам уехать в Россию, в том числе и знаменитой Райне Георгиевой, участнице Апрельского восстания⁶³. Во всем этом проявлялось резкое различие позиций официальной России и западных правительств, особенно английского. Но вместе с тем позиция по болгарскому вопросу находилась еще в стадии выработки в правящих кругах России.

Но им приходилось спешить, и прежде всего из-за давления российской общественности, которая сразу же реагировала на сам факт восстания, на героическую борьбу болгарского народа за свою свободу, а не только на жестокие репрессии турецких властей, как это произошло в странах Западной Европы.

Болгария как древняя славянская страна была известна довольно широкому кругу лиц. Русская болгаристика уже много сделала для изучения прошлого этой страны. За событиями здесь внимательно

но следили консулы. Их донесения послу в Константинополе становились известны славянским комитетам⁶⁴. Сведения о происходящем шли в Россию от самих болгар через Румынию и болгарскую эмиграцию в Одессе⁶⁵. Петербургские, московские, одесские газеты не скрывали своего сочувствия восставшим. Они призывали правительство выступить в защиту болгар и всех балканских народов⁶⁶, собирали средства для помощи жертвам расправ. Реакция русской общественности на болгарские события была широкой и искренней. Движение в пользу славян в России приобретает поистине всероссийский размах именно со времени Апрельского восстания. Славянские комитеты проводили сбор средств. Член Петербургского комитета дипломат Владимир Ионин еще до восстания попытался возродить Болгарский революционный комитет в Бухаресте под названием Болгарского Центрального Благотворительного Общества. Политическая программа Болгарского Народного Собора, состоявшегося в ноябре 1876 г., была подписана и В. С. Иониным. В зале Собрания наряду с портретами Г. Раковского и Хр. Ботева были и портреты Н. А. Киреева и В. С. Ионина в знак уважения к тем, кто с такой энергией старался помочь болгарам⁶⁷.

Движение помощи болгарам распространилось на губернские и даже небольшие города. Пожертвования шли от крестьян, рабочих, разночинцев. Передовая русская интеллигенция выступила в защиту болгар энергично и ярко. И. С. Тургенев написал памфлет-стихотворение «Крокет в Виндзоре», осуждавший действия английской королевы и премьер-министра Дизраэли, покровителей турецких карателей⁶⁸. Горячо в защиту болгар выступил Ф. М. Достоевский: «Десятки, сотни тысяч христиан избиваются как вредная паршь, сводятся с лица земли с корнем, дотла. В глазах умирающих братьев бесчестятся их сестры, в глазах матерей бросают вверх их детей-младенцев и подхватывают на ружейный штык; селения истребляются, разбиваются в щепы, все сводится поголовно...». С уничтожающим сарказмом нарисовал Достоевский портрет премьер-министра Великобритании Б. Дизраэли — заступника Порты⁶⁹.

На события в Болгарии сочувственно откликнулись поэт Я. О. Полонский, писатель М. Гаршин, художники В. С. Polenov и Н. А. Каразин. Константин Маковский выставил свою знаменитую картину «Болгарские мученицы», которая с поразительным трагизмом рисовала один из моментов расправы башибузуков и вызвала о помощи и возмездии⁷⁰.

Движение за посылку добровольцев на Балканы принимало столь широкие размеры, что правительство с опасением наблюдало, как проводы превращались в демонстрации сочувствия восставшим народам. Нарастали требования о принятии решительных мер против произвола турок. Председатель Московского Славянского комитета И. С. Аксаков писал товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу в начале сентября, указывая, что русское общество не было утешено до сих пор никаким сочувственным заявлением о мыслях и намерениях своего правительства⁷¹.

Летом и осенью 1876 г. иные политические ветры повеяли над

Британскими островами, и в Петербурге стали надеяться на изменение позиции лордов Б. Биконсфилда (Дизраэли) и Э. Дерби.

Волна сочувствия жертвам османских расправ в Болгарии охватила Англию, стеснив свободу маневра кабинета и вынудив его, по крайней мере для видимости, отказаться от безоговорочной поддержки Порты.

Поначалу ничто не предвещало столь тревожного для Уайт-холла оборота событий. От посла в Константинополе сэра Генри Эллиота с опозданием поступали сообщения, которые иначе как дезинформацией не назовешь. В мае он поставил Форин оффис в известность об «активности революционных агентов среди болгар»; затем передал ложь о «зверствах» болгарских повстанцев; появившиеся в прессе материалы о расправах османских карателей он характеризовал как «чудовищно преувеличенные»⁷². Солидаризируясь с палачами, Эллиот призывал «не жалеть усилий» ради «быстрейшего подавления движения»⁷³.

Но перекрыть каналы, связывающие Стамбул с редакциями лондонских газет, министры не могли. Хотя и с опозданием, пресса подробно передавала читателям сведения об ужасах расправ. В «усмиренные» районы выехали корреспондент «Дейли ньюс» Э. Пирс, американцы Дж. А. Макгахан и Ю. Скайлер. Последний вместе с А. Н. Церетелевым произвел обследование в местностях, прилегавших к городу. Их отчет уже в августе вышел в Одессе в виде брошюры⁷⁴. Не желая верить «газетчикам», британское правительство направило в Болгарию секретаря посольства в Константинополе В. Бэринга. Болгарского языка тот не знал, пробыл в Пловдиве всего два дня, черпал информацию главным образом у турецких властей — и все же, даже по его мнению, число жертв карателей превышало 12 тыс.

Британская общественность реагировала на сообщения об этих ужасах быстрее законодателей. В начале июля в стране собрались первые митинги; движение не утихало несколько месяцев. Английский исследователь Р. Т. Шэннон, посвятивший этой кампании специальную книгу, насчитал не менее 500 собраний, заседаний, митингов. Солидарность с движением выразили Ч. Дарвин, философ Г. Спенсер, поэты У. Моррис и Р. Браунинг. Кампания увенчалась «Национальной конвенцией по Восточному вопросу»⁷⁵.

Форин оффис получил в сентябре—декабре 6 тыс. меморандумов, прошений, заявлений. Около 44 тыс. женщин направили протест непосредственно королеве. На защиту попранной справедливости встал английский пролетариат. 18 августа в «Дейли ньюс» появилось сообщение о созыве митинга трудящихся в Гайд-парке⁷⁶.

К глубокой досаде членов кабинета, «джин вырвался из бутылки». Последовали запросы в палате общин⁷⁷.

Дизраэли пытался бросить тень на достоверность поступавших сообщений об османских зверствах, толковал о «неизбежности насилий на Балканах по причине отсталости населения»⁷⁸. И лишь 31 июля, будучи прижат к стене, премьер-министр сказал: «Признаю, что все зверства в Болгарии, о которых говорили в палате,

действительно имели место. Признаю, что все они совершены одной стороной»⁷⁹. Но правительству повезло: приближались парламентские каникулы, депутаты спешили по домам. «Счастье для нас, что сессия на последнем издыхании», — доверительно писал Дизраэли⁸⁰. Кабинет получил передышку.

Правда, митинги и собрания не прекращались. Под их воздействием взялся за перо Вильям Гладстон. В своей загородной резиденции он сочинил памфлет «Ужасы в Болгарии и Восточный вопрос», разошедшийся во многих тысячах экземпляров⁸¹.

Произведение Гладстона — образец изобличительной публицистики, давно культивируемой в Великобритании. Автор разил не только обветшалое османское государство в Юго-Восточной Европе, но и его покровителей на берегах Темзы. В течение месяцев, писал Гладстон, общественность питалась отрывочными сведениями о том, что творилось в Болгарии. В итоге «Великобритания оказалась морально ответственной за самые низкие и черные преступления, совершенные в нашем столетии»⁸².

Гладстон доказывал, что постоянное противодействие Великобритании развитию балканских народов противоречит ее же (империалистическим. — Авт.) интересам: если среди них укоренится убеждение, что «Россия — их опора, а Англия — враг, тогда Россия — хозяин будущего Восточной Европы. В течение последних шести месяцев мы сделали все возможное», чтобы случилось именно так⁸³. Политику правительства Гладстон считал «в высшей степени неразумной игрой». Рогатки, расставленные на пути русских предложений, туманные запугивания и угрозы — все это, по мнению маститого либерала, играло на руку Петербургу. Принцип неприкосновенности Османской империи скомпрометирован даже в глазах англичан. Общественность начинает «опасаться, что интегритет Турции означает возможность безнаказанно творить безмерные дикости и удовлетворять разнузданные и бесовские страсти»⁸⁴. Заканчивался памфлет энергично и резко: пусть османские власти «со всеми своими пожитками» уберутся из провинции, которую они опустошили и над которой надругались⁸⁵.

Не следует, однако, думать, что негодование подтолкнуло автора на крутые меры для пресечения зла. Гладстон не считал нужным отказываться от принципа целостности Османской империи, однако в толкование самого принципа вносил поправку. Он писал о территориальной целостности, совместимой с предоставлением той или иной области самоуправления⁸⁶.

Но в тот момент реальная обстановка не способствовала претворению в жизнь скромных замыслов Гладстона. Неудача двух болгарских восстаний — Старозагорского и Апрельского, поражения, которые почти сразу стали терпеть сербы, вступившие в июне 1876 г. в войну с Турцией, тяжелое положение боснийско-герцеговинских повстанцев показывали, что внутрибалканских сил недостаточно для успеха. И главное — балканские народы не собирались укладываться в прокрустово ложе ограниченного самоуправления «от сих до сих», без права выхода из Османской империи. При открыто враж-

дебном отношении габсбургского двора и британских консерваторов к автономии, подчеркнутым равнодушием Бисмарка и пассивной позиции Франции, при том, что даже скромные действия царской дипломатии были скованы ее участием в «европейском концерте», шансы на осуществление даже куцевого, «лимитированного» «освобождения» южных славян равнялись нулю.

А ведь старый руководитель либералов слыл в их среде чуть ли не экстремистом. Официальные лидеры партии лорды Хартингтон и Грэнвилл критиковали Дизраэли и Дерби больше по обязанности⁸⁷. Правительство не обращало внимания на булавоочные уколы оппозиции. Ее ахиллесовой пятой являлось отсутствие реалистичной, имевшей шансы на поддержку прогрессивных сил Юго-Восточной Европы программы решения Восточного вопроса.

Не сложили оружия и откровенные защитники Порты. 4 мая, разобитый и, как он считал, преданный кабинетом, Г. Эллиот отправил в Лондон очередной отчет. Этот документ, написанный с чиновничьим усердием, является классическим в своей откровенности выражением традиционного курса британской политики и заслуживает того, чтобы привести из него выдержки: «На обвинения в слепой приверженности к туркам я отвечаю, что мое поведение определялось всегда не сентиментальной склонностью к ним, а твердой решимостью в меру своих сил отстаивать интересы Великобритании», — свидетельствовал посол. Он продолжал: «Я разделяю убеждения выдающихся государственных деятелей, определявших нашу внешнюю политику, что эти интересы настоятельно требуют предотвратить распад Турецкой империи. Создается впечатление, что ныне ему изменили мелкие политики и лица, позволяющие себе, под воздействием чувства возмущенной гуманности, забыть о фундаментальных вопросах. Мы можем и даже должны негодовать в связи с ненужной чудовищной жестокостью, с которой было подавлено недавнее болгарское восстание; но для Англии существует настоятельная необходимость предупредить пагубные для нее события, независимо от того, 10 или 20 тыс. людей погибли в ходе подавления»⁸⁸.

Однако кабинет не мог пренебрегать и бурным возмущением общественности. На Даунинг-стрит учитывали, что в движение протеста оказались вовлеченными влиятельные капиталистические круги; мнение Сити здесь никогда не игнорировали. А в финансовом центре империи, в промышленном Мидленде внимательно и настойчиво следили за маневрами правительства и, похоже, не всегда их одобряли. 27 сентября, после собрания в Гильдхолле, депутация во главе с лордом-мэром Лондона встретила Дерби и вручила ему адрес, порицавший «прежнюю внешнюю политику Англии в отношении Турции и Востока»⁸⁹.

Еще в июле главу Форин оффис посетили 40 парламентариев во главе с Джоном Брайтом, представлявших крупные промышленные центры. Они принесли петицию, под которой стояло 470 подписей с требованием отказа даже от моральной, не говоря уже о вооруженной, поддержки османских властей.

Искушенные в политике, британские министры понимали, что проявление сочувствия к пострадавшим болгарам являлось для дельцов подходящей и удобной формой выражения настроений совсем иного рода — их тревоги за судьбы выгодной торговли с Россией. Отказ Османской империи от платежей по долгам подействовал на Сити отрезвляюще, заставил задуматься над сравнительно ограниченными перспективами коммерческих сношений с находившимся в застое государством. Так в ходе кампании против зверств в Болгарии на поверхность всплыли интересы, к которым в Уайтхолле привыкли внимательно прислушиваться. Надо было возвращаться в «концерт».

Явное миролюбие официального Петербурга, его стремление решить Восточный вопрос на базе реформ делали эту операцию легкой и не затрагивающей самолюбия.

Дерби известил Шувалова, что обратился с «дружеской угрозой» к Порте: если она будет и впредь терпеть акты варварства, благожелатели ее покинут, а враги вступят в действие. «Мы будем выпущены, под влиянием негодования английской общественности, лишить Турцию своего покровительства, и в этом случае, если какая-либо держава, руководимая своими славянскими симпатиями, возьмется за оружие и вмешается во имя прекращения этих жестокостей, мы не воспротивимся»⁹⁰. Вскоре Эллиот получит телеграмму следующего содержания: «Сочувствие, ранее питаемое в Англии по отношению к Турции, полностью уничтожено достойными сожаления событиями в Болгарии. Негодование во всех классах английской общественности достигло такого предела, что... в том крайнем случае, если Россия объявит Турции войну, правительству ее величества будет практически невозможно вмешаться с целью защиты Османской империи»⁹¹.

События в Болгарии нашли отзвук и во Франции.

Французские консулы в Болгарии в отличие от английских не скрывали фактов. Общественность и прогрессивная печать с возмущением осудили репрессии турецких властей и истребление болгарского населения. Виктор Гюго выступил 29 августа во французском парламенте с речью, в которой гневно обрушился на пассивность европейских правительств. В связи с происшедшим он обращался к народам и правительствам: «Сметем фанатизм и деспотизм. Уберем с лица земли прислужников предрассудков и догм. Долой войны, убийства и грабеж. Да здравствует свободная мысль, свободное общение, братство!»⁹².

Видный журналист Эмиль Жиарден в брошюре «Позор Европы» требовал покончить с деспотизмом Османской империи⁹³.

Французское правительство не могло остаться безучастным и, правда в весьма умеренном тоне, высказалось в пользу автономии для восставших провинций⁹⁴.

В Италии, лишь недавно освободившейся от австрийского ига, где еще силен был боевой дух сражавшейся за свою свободу итальянской нации, известие об Апрельском восстании было воспринято с энтузиазмом. Консулы в Болгарии Вито Позитано и Де Губерна-

тис в своих донесениях из Софии и Русе (Рушука) давали правдивую картину событий. Джузеппе Гарибальди гневно осудил равнодушные правительства Европы к трагической участи Болгарии⁹⁵. В стране прошли митинги протеста против османского варварства. Горячо в поддержку выступил пролетариат Италии, рабочая печать. Итальянское правительство высказалось за предоставление автономии восставшим областям.

В Австро-Венгрии Апрельское восстание вызвало разноречивый отклик: правящие австрийские и особенно венгерские круги горой стояли за Порту; чешская, сербская, хорватская, румынская общественность выражали сочувствие поднявшимся на борьбу славянам. Выражение симпатий болгарам в Чехии вылилось в антиавстрийские демонстрации.

Громадным было воздействие болгарских событий на соседние Балканские страны. Решение сербского и черногорского правительств объявить войну Турции в значительной степени было сделано под их влиянием.

Самый дружественный отклик Апрельское восстание нашло в Румынии, где уже давно получила приют и создавала свои организации болгарская революционная эмиграция. Румынское правительство направило ноту протеста против преступлений, совершенных в Болгарии. Румынский парламент проголосовал за предоставление кредита для оказания помощи болгарским беженцам. Общественность Румынии бурно выражала свои симпатии болгарам⁹⁶.

Горячее сочувствие европейской общественности к болгарам, ее требования принять меры против произвола Порты, отрешиться от нейтральной позиции заставили правительства в известной мере считаться с этим новым для них явлением.

С лета 1876 г. болгарская проблема становится одной из наиболее острых в международных отношениях.

3

Война Сербии и Черногории против Турции

С началом Восточного кризиса основным внешнеполитическим вопросом для Сербии становится вопрос о ее месте и роли в событиях на Балканах, конкретно — об ее отношении к боснийско-герцеговинскому восстанию⁹⁷.

Для официальной Сербии, прекратившей после 1872 г. связи с национально-освободительным движением в Боснии и Герцеговине, начало восстания явилось полной неожиданностью. Ни князь, ни правительство на первых порах не оценили масштабов событий. Консервативная газета «Видовдан» писала об обычных неурядицах в Османской империи⁹⁸. В июне 1875 г. Милан отправился в Вену — устраивать свои матримониальные дела.

Быстрой и искренней была реакция на восстание сербского народа. Глубокие симпатии к «единоплеменникам и единоверцам» проявились с первых дней. Уже в середине июля 1875 г. находившиеся в Сербии эмигранты из Боснии и Герцеговины, спасавшиеся здесь

от преследований и произвола османских властей и землевладельцев, организованные в небольшие отряды (четы), стали присоединяться к восставшим.

Создавались и вооруженные группы добровольцев-сербов. Возвращавшегося из Вены князя Милана встретил на Саве отряд волонтеров под сербским знаменем. Стихийно возникали комитеты помощи повстанцам. Скоро их сеть покрыла почти все города Сербии. С санкции правительства в Белграде действовал Главный комитет во главе с митрополитом Михаилом. Добровольцы вооружались из государственных складов. Некоторые купцы обязывались снабжать уходявших на помощь повстанцам оружием и одеждой⁹⁹. Активную помощь повстанцам вплоть до вооруженной поддержки призывали оказывать либералы через газету «Исток» (Восток), редактировавшуюся Ристичем. Но, на наш взгляд, эти призывы нельзя принимать за чистую монету; они, скорее, преследовали цели предвыборной борьбы за власть, с тем чтобы, получив ее, приступить в удобный момент к выполнению своей внешнеполитической программы: присоединить к Сербии Боснию и провозгласить княжество независимым государством.

В свою очередь, повстанцы с надеждой взирали на Сербию, ожидая от нее реальной помощи. В связи с подготовкой восстания в Болгарии в Белград за оружием приезжал П. Хитов, позднее с той же целью — босниец В. Пелагич. Болгары заручились негласным обещанием правительства Сербии (и Румынии) не препятствовать переходу их чет с территорий княжеств на болгарскую землю.

Сербские буржуазные круги в Боснии, забиравшие руководство восстанием в свои руки, используя свои давние связи с буржуазией Сербии, готовы были присоединиться к княжеству¹⁰⁰.

По мере развития восстания в Боснии и Герцеговине на Сербию (как и на Черногорию) все большее внимание обращали Порты и европейские державы. Порты принимала меры к тому, чтобы подавить восстание до вовлечения в борьбу двух княжеств.

Дипломатическую поддержку Порте оказывала Великобритания. Ее посол Г. Эллиот советовал султану энергично подавить восстание; в беседе с сербским поверенным К. Магазиновичем он угрожал вторжением 150-тысячного турецкого войска в пределы Сербии¹⁰¹. К границам княжества в районе Ниша подтягивались турецкие войска.

Правительства держав-гарантов по разным причинам настаивали на невмешательстве Сербии в события в Боснии и Герцеговине.

Еще во время визита князя Милана в Вену в июле 1875 г. Д. Андраши и, как предполагали русские дипломаты, лично Франц Иосиф добились от него обещания сохранять нейтралитет¹⁰². Консул князь Вреде заявил 6 августа 1875 г. сербскому правительству: «Венский кабинет никогда не допустит создания у своих границ славянского независимого государства и еще менее — территориального расширения княжества»¹⁰³. Таким образом, Австро-Венгрия первая и единственная из великих европейских держав в самом на-

чале Восточного кризиса выступила против основных пунктов внешнеполитической программы правящих кругов Сербии, прежде всего либералов: независимости страны и расширения ее территории на запад. К. Л. Струкова справедливо отмечала, что уже на ранней стадии кризиса сербскому правительству было указано, что со стороны Австро-Венгрии «оно встретит решительное противодействие во всех своих планируемых акциях»¹⁰⁴.

Россия высказалась тогда против выступления Сербии на стороне восставших, исходя из соображений иного плана. Петербург считал княжество «естественным центром организованной борьбы против турецкого ига» на Балканах¹⁰⁵. Однако, не желая быть втянутой в военный конфликт с Османской империей, Россия стремилась избежать и столкновения с Портой балканских народов, поскольку они могли «на каком-то этапе потребовать вооруженной поддержки с ее стороны»¹⁰⁶. Хорошо осведомленные о военной и финансовой неподготовленности Сербии к войне, о внутренних трудностях, раздиравших ее, о превосходстве вооруженных сил Порты, русские дипломаты опасались «преждевременного и губительного» сербо-турецкого столкновения; Н. П. Игнатьев полагал, что Турция достаточно короткой военной кампании для полного разгрома княжества, а это поставит Россию в затруднительное положение¹⁰⁷. В сложившихся обстоятельствах Петербург высказывался за проведение реформ в восставших областях¹⁰⁸.

Одновременно русская дипломатия защищала сербские интересы в вопросе обеспечения безопасности границ княжества. Располагая сведениями о концентрации турецких войск у Ниша и участвовавших грабительских набегах башибузуков на сербскую территорию, Н. П. Игнатьев в конце августа 1875 г. сделал представление великому визирю Махмуду Надиму-паше, указав на нарушение Портой 27-й статьи Парижского договора, по которому турки могли вступать в Сербию только с единодушного согласия держав-гарантов. Посол считал необходимым выступить по этому поводу с коллективным протестом европейских держав, и его намерение было одобрено царем. Игнатьев энергично поддерживал обращения сербского правительства к державам с просьбой оказать давление на Порту с целью отвода турецких войск от сербской границы. Демарши посольства не остались безрезультатными: в конце октября—начале ноября 1875 г. Порта отвела войска от сербской границы¹⁰⁹.

В свою очередь князь Милан, вернувшись из Вены, объявил о нейтралитете Сербии, а правительство запретило формирование добровольческих отрядов из подданных княжества, не распространив этот запрет на османских подданных, и ограничило помощь повстанцам.

Но удерживать Сербию на позиции нейтралитета оказалось очень трудно, и Милан это быстро осознал. В подчеркнuto откровенных беседах с консулом А. Н. Карцовым он говорил, что поставлен перед выбором: или расправиться с движением солидарности, или отречься от престола, или возглавить это движение. Делая скидку на определенное позерство князя, все-таки можно согласить-

ся с ним, когда он называл свое положение «ужасным», ибо подавить движение было делом «абсолютно невозможным», а нейтралитет, которого требовала Европа, являлся, по его убеждению, для сербов «политическим самоубийством»¹¹⁰.

Правитель Сербии, оказавшийся в столь сложной ситуации, пытался, сколько мог, вести двойственную политику. Открывая осенью 1875 г. скупщину, он отмечал сложное положение, в которое была поставлена Сербия в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине¹¹¹. Восстал «наш народ»¹¹², говорил князь, принужденный к этому злоупотреблениями, коим не видно конца. Сама эта формулировка была несовместима с нейтралитетом. Не определив ни цели Сербии, ни средства для ее достижения, Милан вместе с тем заявил ее право на участие в решении судьбы восставших провинций империи и просил патриотической поддержки скупщины. Решения скупщины 1875—1876 гг. стали поворотным моментом в отношении Сербии к боснийско-герцеговинскому восстанию. Ристич, незадолго перед открытием скупщины вошедший в коалиционное правительство, играл в нем главную роль. Выступая 4(16) сентября, Ристич отмечал, что в данный момент все великие державы против вооруженного вмешательства Сербии в конфликт. Последняя может полагаться только на Черногорию, использовать силы болгар и лишь надеяться на изменение сдержанной позиции Греции и Румынии. Однако он рассчитывал, что Россия, много сделавшая для создания Сербского княжества, воспрепятствует вооруженному вмешательству в войну Австро-Венгрии.

7(19) сентября 1875 г. скупщина в адресе князю отмечала, что сербский народ, который кровью завоевал свою свободу, готов защищать отечество; борьба в Боснии и Герцеговине за права народа и человека находит сочувствие в Сербии и не может оставить ее равнодушной¹¹³. Принятые одновременно секретные постановления разрешали правительству разместить заем на 3 млн. дукатов (36 млн. динар), из которых 1 млн. предназначался на вооружение сербской армии, 1 млн. — на помощь повстанцам и 1 млн. — оставался резервным на случай войны¹¹⁴.

Постановления скупщины фактически означали активную поддержку восстания в Боснии и Герцеговине. Правительство усилило тайную помощь восставшим и развернуло скрытую подготовку к войне с Портой, ориентируясь на весну 1876 г.

Внешняя реакция на эти мероприятия, которые не удалось сохранить в тайне, была самой недвусмысленной. 25 сентября (7 октября) консулы держав передали Министерству иностранных дел заявление, гласившее: «Представители Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии и России, держав, подписавших Парижский трактат, гарантов автономии Сербии, уполномочены настойчиво рекомендовать княжескому правительству воздержаться в интересах страны от всех мер, которые могли бы дать Порте предлог объявить, что она атакована; им также поручено заявить, что если сербское правительство допустит агрессивные действия против Порты, они не

смогут использовать трактат 1856 г. в целях предохранения княжества от турецкой оккупации»¹¹⁵.

Коллективное заявление европейских дипломатов было оглашено на скупщине; после его чтения 90 голосами депутатов против 14 Сербия подтвердила политику нейтралитета¹¹⁶.

Однако позиция официальной Сербии не встретила понимания и поддержки общественности ни в стране, ни в южнославянских областях за границей. Либералы (газета «Исток»), революционно-демократические круги («Панчевец»), Народная партия в Воеводине («Застава») выступили против нее.

Поток событий на Балканах продолжал вовлекать Сербию в свое русло. Новое правительство Калеевича—Бошковича (октябрь 1875—апрель 1876 г.), правда, уменьшило сумму займа с 3 млн. до 2 млн. дукатов (с 36 млн. до 24 млн. динар)¹¹⁷, продолжало негласную поддержку повстанцев оружием, амуницией и деньгами, прилагало усилия по заключению союзнических договоров с Черногорией, Грецией и Румынией, проводило реорганизацию армии и ее вооружения, готовило санитарные отряды и госпитали, разрабатывало план военной кампании¹¹⁸.

Еще во время работы скупщины Милан тайно завязал переговоры с черногорским князем Николаем. Тот ответил, что в случае войны он «с Сербией будет заодно»¹¹⁹, однако настаивал на сохранении за ним верховного командования черногорской армией и отказался подписать военную конвенцию. Была достигнута лишь договоренность о разработке общего плана военных операций¹²⁰.

В ходе дальнейших переговоров обе стороны согласились не начинать военных действий до конца зимы 1875/76 г., но оказывать до тех пор помощь восстанию. Относительно будущего устройства освобожденной территории было решено, что Герцеговина отойдет к Черногории, а Босния и Старая Сербия (Косово) присоединятся к Сербии. На таких условиях князь Николай соглашался подписать с Сербией политический договор и военную конвенцию о взаимопомощи, по которой армия каждого из государств сохраняла свое командование¹²¹. Следовательно, Сербии пришлось отказаться от своих претензий на Герцеговину в пользу Черногории. В конце декабря 1875 г. воинственные настроения сербских и черногорских правящих кругов выразились в подготовке ими коллективного представления великим европейским державам, но от этого шага они были удержаны русским консулом в Белграде¹²².

Таким образом, переговоры между Сербией и Черногорией шли на иных, чем в 60-е годы, принципах. Существо их сводилось к паритетности, черногорский правитель не соглашался, как ранее, на подчинение Сербии. В основе сербско-черногорских переговоров и будущего союза лежали экономические и политические интересы буржуазии, ее великодержавные претензии на соседние земли и династические интересы князей.

Не достигла успеха инициатива сербского правительства в деле возобновления союза 1867 г. с Грецией и Румынией (см. § 5 наст. главы).

С лета 1875 г. Белград предпринимал попытки достичь договоренности о взаимной помощи и с болгарскими освободительными организациями. Сербское правительство собиралось подготовить военные отряды из проживавших в столице княжества болгар на средства, полученные от их состоятельных соотечественников. Зимой 1875—1876 гг. военный министр Т. Николич пытался наладить связь с БРЦК в Бухаресте, но лишь весной 1876 г. между Николичем и представителем Гюргевского комитета Г. Живковым было заключено соглашение о координации действий болгар и сербов на случай войны с Портой. Сербия обязывалась отправить в Болгарию 4 вооруженные четы по 1 тыс. чел., помочь оружием и боеприпасами восстанию в Болгарии. Но и этим планам не суждено было осуществиться. В начале марта 1876 г. для переговоров в Бухарест был послан майор сербской армии Драгашевич. Эта поездка увенчалась частичным успехом, в пользу сотрудничества с сербами высказались лишь Л. Каравелов и его сторонники. Представители крупной буржуазии (Евл. Георгиев) дать средства отказались, революционные эмигранты, занятые подготовкой восстания в Болгарии, не участвовали в переговорах. Договоренность была достигнута с правым крылом болгарского национально-освободительного движения (К. Цанков) о подготовке болгарских добровольцев на сербской территории¹²³.

Приходится констатировать, что переговоры с балканскими соседями Сербии шли крайне трудно и на данном этапе не достигли желаемых результатов.

Зато в конце 1875 г. стали приходить ободряющие вести из России. Вернувшийся из Петербурга А. Н. Карцов советовал князю Милану лично заняться своей армией и организацией милиции, вступить в переговоры с Румынией, болгарам, албанцами и особенно с Черногорией, с которой желательно обменяться дипломатическими агентами. В своем донесении А. М. Горчакову Карцов давал обстоятельную картину состояния сербских вооруженных сил, отмечая их слабые стороны (недостаток офицеров, вооружения, денег и др.)¹²⁴.

По-видимому, негласное одобрение военных усилий Сербии было связано с возвращением в Петербург в конце ноября 1875 г. А. М. Горчакова. До тех пор он находился на длительном лечении в Швейцарии, царь пребывал в Ливадии, а временно управлявший министерством А. Г. Жомини, чиновник, не имевший политического веса, занимал крайне осторожную и нерешительную позицию. И хотя Горчаков ничем не обнаружил отход от прежнего общего курса и крайне осмотрительно вел себя по отношению к Вене¹²⁵, видимо, он быстрее всех русских сановников сумел оценить ситуацию и перспективы развития Восточного кризиса. Наиболее дальновидные дипломаты (А. С. Ионин, Н. П. Игнатьев) доносили, что если восстание в Боснии и Герцеговине продолжится до марта 1876 г., то удержать от выступления Сербию и Черногорию будет невозможно. Горчакову было ясно, что в подобных обстоятельствах его долгом является дать понять сербам о необходимости тщательной подготовки к войне.

Но если новые моменты в позиции России оставались скрытыми от ее партнеров, то военные приготовления Сербии нельзя было утаить ни от Порты, ни от Западной Европы. В конце февраля 1876 г. последовал новый протест со стороны великих держав, инициатором которого выступила Франция. На тревожный запрос с австро-венгерской стороны князь Милан ответил, что Сербия вооружается, чтобы быть готовой к любой критической ситуации в Турции (тогда как ранее он говорил лишь об охране границ страны)¹²⁶. Все свидетельствовало о том, что в Сербии произошла переориентация на вооруженный путь борьбы за независимость.

Национальный подъем в стране, выразившийся в движении солидарности с повстанцами, втягивал Сербию в активную борьбу с Портой. Но это движение не было однородным ура-патриотическим явлением. В нем нашла отражение вся сложность и противоречивость общественно-политической ситуации в стране.

Революционно-демократические элементы поддерживали восстание как единственное реальное средство в борьбе за свободу. Возлагая особые надежды на революционную ситуацию на полуострове, они верили, что она создаст условия для кардинальных преобразований внутри страны — провозглашения республики и решения социального вопроса в интересах трудящихся масс как в Сербии, так и в восставших османских провинциях.

Либеральная буржуазия использовала движение солидарности передовой сербской общественности в своей борьбе за власть. Подняв на щит идею мессианства Сербии в отношении Боснии и Герцеговины, она стремилась оказать влияние на национально-освободительное движение в этой провинции, подчинить его своему руководству и добиться присоединения ее к княжеству, ориентируясь на буржуазно-монархические его круги. Стремясь решить свои внешнеполитические задачи, избежать упадка влияния Сербии среди южных славян, остановить рост радикальных настроений в стране, либералы готовы были на крайнее средство — войну против Порты.

Консервативные круги сербской буржуазии являлись противниками поддержки восстания из страха перед реакцией Порты и великих держав, а также перед радикальным движением и либералами, позиции которых упрочивало это движение солидарности. Война казалась им безумием.

Династические интересы князя совпадали в определенной мере с внешнеполитическими задачами сербской буржуазии. Его колеблющаяся позиция объяснялась прежде всего династическими интересами: стремлением сохранить добрые отношения с Европой и Портой, но не допустить усиления влияния соперничавшей черногорской династии Петровичей на южных славян и потери своего авторитета внутри страны.

Таким образом, национальный подъем в Сербии, вызванный Восточным кризисом, с классовой точки зрения был явлением сложным. Господствовавшей идеологией движения солидарности стала буржуазная идеология, целью — консолидация нации при верхоуен-

стве буржуазии. Апеллируя к народу, она пыталась внушить ему, что он «любит свободу, но ненавидит анархию», т. е. революцию¹²⁷. Эта идеология охватила значительные слои сербской общественности, но не оказала значительного воздействия на сербское крестьянство. В данном случае речь не шла об изгнании иноземных завоевателей с собственно сербской земли; крестьянина более всего интересовали не лозунги, какими бы прекрасными они ни были, а острые социально-экономические проблемы. Не лишнее сочувствия к борющимся с османами боснийцам и герцеговинцам, крестьянство, однако, не доводило это чувство до готовности принять личное участие в войне против Порты.

Эволюция Черногории от поддержки боснийско-герцеговинского восстания к вооруженной борьбе с Портой, произошедшая в первый год Восточного кризиса, весьма напоминает «сербский путь». Разрыв перед восстанием связей черногорских правящих кругов с герцеговинским национально-освободительным движением привел к тому, что князь Николай едва ли не последним узнал о начале восстания¹²⁸. Подобно Милану, он сразу осознал всю сложность ситуации, в которую попадала Черногория. Его желанию не противоречить европейским державам-покровителям противостояло опасение утратить авторитет у своего народа и соседних восставших областей, а в конечном счете — престиж Черногории, что для нее означало бы «полную сдачу на милость туркам»¹²⁹.

Следуя рекомендациям европейских держав, Черногория решением Государственного совета в конце июля 1875 г. объявила о сохранении нейтралитета. Населению было запрещено оказывать помощь герцеговинским повстанцам. Князь призвал последних избегать кровопролития, ждать прибытия османского комиссара, умирить свои требования.

Князь лично был против обострения конфликта, так как, с одной стороны, боялся обычного в подобных обстоятельствах массового притока герцеговинцев в Черногорию, а с другой — он ждал выгод от переговоров с Портой об урегулировании границ, которые тогда вел. Князь надеялся дипломатическим путем добиться от Порты признания независимости Черногории, получить выход к Адриатическому морю, право свободного плавания ее судов по р. Бояне и присоединения правого берега р. Морачи. К переговорам склоняла Черногорию и Австро-Венгрия, чтобы при ее содействии заставить повстанцев принять проект «реформ» Д. Андраши. С этой целью в Цетинье прибыл наместник Далмации барон Родич¹³⁰ (см. § 1 наст. главы).

Однако и черногорцы и повстанцы пренебрегли княжеским запретом и нарушили его планы. Черногорцы целыми отрядами отправлялись в Герцеговину, и первые добровольческие четы возглавляли известные воеводы герцеговинцев Б. Зимонич и черногорец А. Петрович. По сообщениям русской печати, к середине августа 1875 г. в Герцеговине сражалось уже до 2 тыс. черногорцев. Тайком переправлялись в районы восстания и ближайшие военачальники князя, который стал опасаться, что может остаться без армии¹³¹.

Герцеговинцы традиционно использовали Черногорию как свободную территорию, куда бежали после неудачных стычек с турками, отправляли свои семьи, скот и имущество. Попытки Порты подавить восстание до вступления в конфликт Черногории провалились. В августе 1875 г. лозунгом повстанцев становится «свобода под эгидой князя Николая»¹³². К соединению с Черногорией стремились герцеговинские буржуазные круги, забиравшие движение в свои руки.

По мере развития восстания в Герцеговине, выявившейся неспособности османского правительства справиться с ним и активизации участия черногорцев в борьбе соседей положение правителя Черногории становилось все более сложным. А. С. Ионин доносил из Рагузы (Дубровника), что князь «находится в величайшем замешательстве», «почти теряет голову» и «почва ускользает из-под его ног»¹³³. К внешним и внутренним трудностям прибавились заботы о содержании тысяч беженцев. В середине августа 1875 г. в Цетинье был создан благотворительный комитет для помощи пострадавшим от восстания. Вскоре Черногория стала центром по передаче беженцам и раненым собранных для них пожертвований (главным образом из России, затем из Австро-Венгрии).

Черногорские верхи должны были считаться с растущим недовольством правителем со стороны народа. Безрезультатные переговоры о границе с Турцией, использование последней нейтралитета Черногории в ущерб герцеговинцам, в частности при осаде Никшича, ухудшение материального положения народа, реальная угроза голода в стране — все это вело к падению авторитета князя. Ситуация осложнялась соперничеством династий двух княжеств, активизацией Сербии в Боснии. Князь все отчетливее осознавал, что ему не удастся удержать Черногорию на позиции нейтралитета. Об этом он поставил в известность три императорских двора через председателя черногорского Сената Б. Петровича во время его проезда через Рагузу (Дубровник)¹³⁴.

Надежды князя решить дипломатическим путем национальные задачи страны окончились полным провалом. Безрезультатными оказались и черногорско-турецкие и черногорско-австрийские переговоры.

Скупщина в Ловчене 8(20) августа 1875 г. явилась поворотным пунктом в оказании Черногорией открытой помощи восстанию в Герцеговине. Решения ее принимались в присутствии герцеговинских руководителей. Для организации борьбы в Герцеговину были направлены видные черногорские воеводы, прежде всего Петр Вукотич. По указанию князя к повстанцам примкнуло население пограничных горных областей Герцеговины, находившееся в сфере влияния черногорского правителя. Осложнившаяся обстановка вынудила князя Николая пойти на установление союзнических отношений с Сербией, необходимых в преддверии возможной войны с Портой.

24 апреля (6 мая) 1876 г. к власти в Сербии пришло новое коалиционное правительство Стевчи Михайловича—Й. Ристича,

названное вторым «правительством действия», которое не менялось до конца Восточного кризиса. В него вошли видные либералы. И в самой Сербии, и на Балканах, и в Европе не сомневались, что это событие означает войну. Апрельское восстание в Болгарии произвело в стране громадное впечатление. Несмотря на поражение, оно было воспринято как признак глубочайшего кризиса османской власти на Балканах. В мае-июне спешно завершались военные приготовления. Шла срочная реорганизация армии, началась вербовка волонтеров, размещался внутренний заем, проводился сбор пожертвований на патриотические цели, войска перебрасывались к сербо-турецкой границе, проводилась реквизиция продуктов питания, общины обязывались содержать семьи бедных солдат и добровольцев, все сербские граждане, в первую очередь студенты, вызывались из-за границы. Правительство, стремясь избежать «войны на два фронта», нейтрализовать влияние на общество революционных элементов, наложило мораторий на закон о печати, установив над нею надзор властей.

Отмечался решительный поворот общественного мнения в пользу войны. Идею войны поддержал офицерский корпус, городские низы и крестьянство пограничных районов. Для правящих кругов Сербии, как и Черногории, невступление в национально-освободительную борьбу, которую вело славянское население Балканского полуострова, грозило падением престижа княжеств и на неопределенное время отодвигало вопрос о независимости¹³⁵. Против нее по-прежнему выступали лишь консерваторы, мотивируя свою позицию слабостью и неподготовленностью Сербии.

В мае из Белграда в Россию поступали сведения: «в сербской столице все ждут объявления войны Турции», «общее мнение таково, что если войны не будет, то произойдет восстание против Милана» (в последнем, правда, русский консул сомневался)¹³⁶.

Апрель-май 1876 г. являлся знаменательным этапом и для Черногории. Порга не только игнорировала все попытки князя Николая дипломатическим путем добиться удовлетворения его требований, но и принимала экстренные меры для расправы с непокорным княжеством. Не в силах подавить герцеговинское восстание без изоляции Черногории, Порта на конец апреля готовила против последней карательный поход. Можно сказать, что Порта навязывала Черногории военные средства защиты ее интересов. В последний момент нависшая над княжеством опасность была отведена нотой протеста со стороны России, которую 10(22) апреля вручил Порте Н. П. Игнатьев.

Убедившись в полной бесперспективности переговоров с Портой и потеряв надежду на возможность договориться с Австро-Венгрией, князь Николай сделал попытку обратиться к «европейскому концерту». В мае 1876 г. он направил в Берлин, где собрались Бисмарк, Андраши и Горчаков, Б. Петровича. Княжеский уполномоченный опоздал, и Николай счел, что мирные средства защиты интересов Черногории исчерпаны¹³⁷.

Сербские либералы дольше оставались в плену дипломатических

плюзий. И. Ристич предложил Порте согласиться на отдачу Боснии в управление Сербии, а Герцеговины — под власть Черногории с условием, что княжества будут платить за эти области дань султану и дадут ручательство быстрого водворения в них порядка «без всякой обиды для мусульманского населения». А. Н. Карцов в донесении Н. П. Игнатьеву справедливо назвал этот план «фантастической просьбой Ристича»¹³⁸. Черногорский князь, не веря в успех мероприятия, отказался последовать сербскому примеру. По мнению А. Н. Карцова, сербы зря тратили драгоценное время. Переговоры, сообщил он в Петербург, «с каждым днем утрачивают шансы на успех по мере того, как Порта собирается с силами»¹³⁹. Официально Россия вплоть до войны стремилась удержать Сербию, как и Черногорию, на позиции нейтралитета. В конце мая А. Н. Карцов был вызван в Эмс, где находился на водах Александр II, и еще раз получил строгое предписание отговаривать сербов от войны. Но при дворе и в среде дипломатов не существовало единства мнений насчет путей решения Восточного вопроса. Значительное влияние на позицию официальной России оказало общественное сочувствие к борьбе славян; представители на Балканах А. С. Ионин, А. Н. Карцов, Н. П. Игнатьев видели, что войны не избежать; к этому мнению начинал склоняться А. М. Горчаков¹⁴⁰.

Приближение войны поставило перед Сербией и Черногорией во всей остроте вопрос о союзниках. 25—29 мая 1876 г. Милан принял Св. Милетича, издателя газеты «Застава» (Воеводина), прибывшего в Белград с целью договориться о возможной помощи Сербии со стороны сербов, проживавших в империи Габсбургов. Он агитировал за размещение внутреннего займа среди воеводинских сербов и вербовку среди них добровольцев¹⁴¹. Однако Милетич вскоре по возвращении в Австро-Венгрию был арестован властями и не смог реализовать свои планы.

Правительство Ристича предприняло определенные шаги, чтобы поколебать нейтралитет Румынии и Греции, на поддержку которых делало ставку в своих внешнеполитических планах. В Румынии в то время развертывалась борьба между консерваторами и либералами за власть (см. § 5 наст. главы)¹⁴². Последние использовали сочувствие общественности движению южных славян в своей предвыборной борьбе. Однако сформированное 24 апреля правительство либералов (М. К. Епуряну и И. Брэтиану) в области внешней политики держалось осторожно и связывать себя союзом с Сербией не собиралось. После разгрома Апрельского восстания антиосманские настроения в Румынии заметно усилились; министр иностранных дел М. Когэлничану конфиденциально сообщил князю Милану через румынского представителя в Белграде, что не будет препятствовать осторожному сбору пожертвований и вербовке волонтеров. Но в то же время Румыния дважды отклонила сербские предложения о совместном выступлении против Порты.

В конце мая 1876 г. Ристич попытался заключить союз с Грецией, но безуспешно. Греческая правящая верхушка, король и бур-

жуазия не связывали решения своего национального вопроса с борьбой славян (см. § 5 наст. главы).

Тем ценнее и необходимее становилось военно-политическое сотрудничество с Черногорией. Белград выступил с инициативой возобновления переговоров с Цетинье. Князь Николай под давлением обстановки в стране и в связи с осознанием бесперспективности дипломатического пути пошел навстречу Сербии, и 4(16) июня в Венеции сербским уполномоченным Д. Матичем и черногорским сенатором С. Радоничем были подписаны секретные сербо-черногорский договор и военная конвенция. Не было речи об объединении княжеств в единое государство и отречения от престола династии Петровичей в пользу Обреновичей. Оба государства сохраняли самостоятельность, каждая армия имела свое командование, однако была достигнута договоренность об одновременном, через 10 дней, объявлении войны султану и взаимных консультациях в случае необходимости вступления в переговоры о мире. В военной конвенции были определены территориальные приращения каждого из государств¹⁴³.

Фактическими и естественными союзниками Сербии и Черногории были восставшие против Порты Босния и Герцеговина. Национально-освободительное движение здесь не являлось монолитным с классовой точки зрения. Вопрос о присоединении Боснии к Сербии, а Герцеговины к Черногории, не раз возникавший в ходе восстания, представителями разных общественно-политических сил в руководстве решался неоднозначно. Наряду со сторонниками немедленного объединения были руководители, считавшие объединение актом преждевременным. Левые, революционно-демократические элементы, акцентируя внимание на освобождении от османского ига, полагали, что объединение возможно лишь в будущем при условии смены в княжествах антинародных правителей. С этим мнением не посчиталось большинство руководителей движения, представлявшее буржуазные группировки. В день начала военных действий, 20 июня (2 июля) 1876 г., было провозглашено объединение Боснии и Сербии. Прокламацию народа боснийского подписало более 70 руководителей повстанческих чет. Руководство военными силами повстанцев перешло в руки сербского командования. Герцеговинцы еще до этого объявили об объединении с Черногорией, князь Николай был провозглашен общим правителем, герцеговинские отряды, преобразованные в народное войско, приняли участие в войне.

Таким образом, Сербия и Черногория, исчерпав все возможности дипломатии, после длительных колебаний, испытывая сильное давление общественного мнения своих стран, с надеждой на единство действий с Боснией и Герцеговиной и на помощь России вступали в открытую борьбу со своим многовековым угнетателем. С этого момента начался новый этап в развитии Восточного кризиса.

Популярность сербо-черногорской войны среди славян, прогрессивный характер борьбы за ликвидацию османского ига привлекали к участию в ней сотни и тысячи добровольцев из разных стран. Сербь, хорваты, словенцы из австрийских владений, болгары, ру-

мыны, итальянцы оказывали посильную помощь и участвовали в боях против османских войск. Но самым массовым было участие в добровольческом движении представителей народов России, в первую очередь русского народа. Движение охватило многие губернии страны. Пик его пришелся на конец июля—август 1876 г. Общее число добровольцев — солдат, офицеров, студентов, разночинцев, рабочих — доходило в июле—сентябре до 5 тыс. чел., в сербской армии служило около 3 тыс., из них 600 офицеров. Историки насчитали более 100 представителей революционной молодежи. Командующим сербской армии был назначен генерал-майор в отставке М. Г. Черняев, принявший сербское подданство и произведенный в генералы сербской армии. Много русских офицеров возглавили сербские части и служили в штабах. Русские добровольцы, особенно военные, цементировали слабую сербскую милиционную армию и внесли заметный вклад в борьбу сербского народа.

В тылу, в Белграде и других городах Сербии, в Цетинье и ряде пунктов Черногории, в устройстве и работе госпиталей участвовали врачи, сестры милосердия (всего свыше 300 чел.). Многие города России направили на Балканы санитарные отряды, укомплектованные оборудованием и медперсоналом.

Значительной была и материальная помощь со стороны России. Помимо средств, выделяемых правительством на вооружение, обмундирование и содержание сербской и черногорской армий, на хлеб для черногорцев и боснийско-герцеговинских беженцев, значительные денежные суммы, собранные главным образом через пожертвования, направлялись в княжества на покупку оружия, продовольствия, одежды, лекарств, оборудования для госпиталей. Широкий сбор средств проводился в городах и деревнях по подписным листам, всего их в июле—августе было разослано свыше 100 тыс. Две трети пожертвований внес трудовой народ. Особенно большую роль в организации помощи сыграли Славянские комитеты. Они собирали пожертвования, через открытые ими «вербовочные присутствия» снаряжали добровольцев, проводили закупки и переправляли через Красный Крест в Сербию и Черногорию все собранное по назначению.

Стихийно возникшее движение помощи стало общенародным. Вся передовая Россия участвовала в нем, правительство должно было негласно ему покровительствовать. Разумеется, это движение не было социально однородным. Революционные круги пытались связать его с осуществлением революционных задач на родине. Представители дворянско-буржуазного лагеря, стоявшие у руководства, этому препятствовали. Но истинно демократический характер движения, его гуманные цели позволяют говорить, как отмечал академик Е. М. Жуков, о феномене русского общества того времени, о том, что освободительному движению балканских славян помогала вся Россия¹⁴⁴.

Непосредственно военные действия начались 20 июня (2 июля) 1876 г., через два дня после объявления войны Сербией, у г. Ниша, а затем вдоль всей сербо-турецкой границы. Силы сербской армии

исчислялись в 100 тыс. чел. В основном это была милиция, близкая к народному ополчению; слабо обученная, она ощущала нехватку вооружения и командного состава.

Дринская, Яворская, Тимокская и Моравская армии вступили в бой на всем протяжении фронта. На главном направлении, в долине р. Моравы, наступали силы под непосредственным командованием генерала Черняева с главной квартирой в Делиграде. Кровопролитные бои длились 4 месяца. В Моравской долине сербской армии противостояло до 80 тыс. турецких войск. Регулярная, хорошо обученная и вооруженная современным, закупаемым на Западе стрелковым и артиллерийским оружием, турецкая армия значительно превосходила сербскую. Вначале сербы, успешно продвигаясь, заняли важную стратегическую позицию — Бабину главу; турки отступили к Ак-Паланке и Пироту. Получив значительные подкрепления, турецкие войска перешли в наступление и заняли Заечар, Княжевац, Алексинац. Затем они с боями начали продвигаться вдоль возвышенности Джунис, которая доминировала над укрепленным Делиградом.

В августе 1876 г. в связи с военными неудачами Сербии А. М. Горчаков через английского посла в Петербурге О. Лофтуса предлагал Англии стать инициатором созыва конференции по Восточному вопросу на уровне министров иностранных дел. Тогда его не поддержало ни одно из правительств. Британская сторона согласилась лишь выступить с предложением о перемирии сроком на 1 месяц и начале переговоров о мире. Порта пошла на перемирие: что касается мира — то она выставила 2(14) сентября жесточайшие условия: приезд сербского князя на поклон султану в Стамбул, передачу Турции 4 пограничных крепостей (т. е. возврат к положению до 1867 г.), роспуск народного войска, ограничение вооруженных сил княжества до 10 тыс. человек, разрушение вновь возведенных укреплений, увеличение дани, предоставление Порте права строить и эксплуатировать железную дорогу Белград—Ниш и, кроме того, сохранение прежнего статуса для Черногории.

Россия, которую на этот раз поддержал «европейский концерт», не допустила дипломатической расправы с Сербией и Черногорией. Под его давлением Порта сняла свои унижительные для достоинства сербского народа условия, но зато ограничила перемирие 10 днями — с 4(16) по 15(27) сентября 1876 г.

В среде сербских правящих кругов не было единодушия по поводу дальнейших действий. Й. Ристич и некоторые министры стояли за прекращение тяжелой для Сербии войны, Черняев и другая часть членов правительства — за ее продолжение. Князь Милан поддержал последних, и война была продолжена.

В октябре турецкая сторона навязала уже истощенной сербской армии тяжелые бои. Когда пал Джунис, Сербия была поставлена перед угрозой полного разгрома и оккупации страны. Черняев телеграфировал князю из ставки 17(29) октября, что положение с военной точки зрения критическое, надежда лишь на срочное перемирие, и рекомендовал обратиться к Александру II с просьбой о пе-

ремнии в 24 часа. Ристич 18(30) октября телеграфировал в Петербург: «Отечество в величайшей опасности. Черняев телеграфирует, что если перемирие не последует в течение 24 часов, турки, опустошив все, в десять дней возьмут и сам Белград... Дервиш-паша, покинув Черногорию, подошел к границе сербской. Необходимо... остановить неприятельские действия, иначе катастрофа неизбежна. Не теряйте ни минуты времени»¹⁴⁵. 18(30) октября Н. П. Игнатьев предъявил Порте ультиматум: если в течение 48 часов турецким войскам не будет отдан приказ о прекращении наступления и заключении перемирия, он порывает отношения с Портой и весь персонал посольства покидает Стамбул. Перед угрозой войны с Россией Порта отступила и согласилась на перемирие. Войска были остановлены, перемирие заключено на 2 месяца — с 20 октября (1 ноября) до 20 декабря 1876 г. (1 января 1877 г.). Высоко оценивая вмешательство России для предотвращения полного разгрома Сербии, видный сербский историк В. Чубрилович пишет: «Сербия спаслась осенью 1876 г. благодаря быстрому и энергичному посредничеству русского правительства»¹⁴⁶.

Историки в числе причин поражения указывали на неподготовленность Сербии в экономических, военных, финансовом отношениях, на неспособность Черняева командовать крупными военными единицами, на то, что сербское крестьянство осталось равнодушным к войне, и многое другое. На наш взгляд, главная причина неудачи состояла в том, что тогдашняя Сербия, принявшая на себя главный удар турецких войск, не могла своими силами справиться с Османской империей. Нельзя все же не оценить стойкости и патриотизма сербских солдат и офицеров, русских волонтеров, в течение четырех месяцев сдерживавших натиск османских орд.

Иная ситуация сложилась на черногорском фронте. Черногорская армия начала военные действия в составе 29 батальонов (19 тыс. чел.). Она также испытывала недостаток в вооружении (из 14 тыс. ружей 11 тыс. заряжалась с дула). Первоначальный план ее командования, состоявший в том, чтобы наступать на Сьеницу (Нови-Пазар) для соединения с сербской армией, был сорван значительными силами Мухтара-паши, дислоцированными в Герцеговине. Князь Николай перешел к обороне; действия на двух фронтах — герцеговинском и албанском — велись в духе традиционной тактики черногорских воевод, а именно с помощью коротких активных налетов. 16(28) июля черногорцы одержали победу при Вучьем доле и преследовали Мухтара-пашу до Билечи.

На албанском фронте черногорцы противостояли турецкой армии, насчитывавшей более 40 тыс. чел.; к ним присоединилось население области Кучи, и в осадных боях у крепости Медун они успешно изматывали силы противника, который потерял здесь более 5 тыс. чел. убитыми и ранеными. Турки сменили главнокомандующего, но и Дервишу-паше не удалось разбить противника. 25 августа (6 сентября) турки потерпели поражение при Рогами (3 тыс. черногорцев во главе с Б. Петровичем против 11 тыс. турок),

8(20) октября гарнизон крепости сдался черногорцам. В ходе войны зарождался антиосманский черногорско-албанский союз¹⁴⁷.

Но победы давались дорогой ценой. Страна была обескровлена, продовольственные запасы истощены, войско нуждалось в боеприпасах и амуниции. Еще в более тяжелом положении оказалась Сербия. Уход на фронт рабочей силы из деревни, изыскивание средств для ведения столь неравной борьбы, тяжелые реквизиции, павшие на крестьян, — все это привело в упадок сельское хозяйство и вызывало рост недовольства основного, деревенского населения страны.

Сербские либералы попытались в ходе войны осуществить свою мечту — провозгласить Сербию независимым королевством. 4 (16) сентября в Делиграде, в ставке М. Г. Черняева, князь Милан был объявлен королем Сербии. Но этот шаг был отрицательно воспринят великими державами, что не позволило Милану принять титул.

В правящих кругах Сербии продолжались колебания по вопросу о войне и мире. Потери достигали 15 тыс. чел., из них 5 тыс. убитыми, военный долг составлял 27 млн. динар¹⁴⁸; все это говорило в пользу мира; но в то же время возросли надежды на близкую русско-турецкую войну. Белград и Петербург вели деловые переговоры о военно-политическом сотрудничестве. С предложением совместных действий и с просьбой помочь укреплению вооруженных сил Сербии в русскую столицу в ноябре 1876 г. был направлен Й. Маринович. В меморандуме, переданном им русскому двору, с благодарностью упоминалась «драгоценная помощь русских добровольцев». 16(28) ноября в Царском Селе состоялось совещание, которое поставило помочь Сербии субсидией в 1 млн руб. (на реорганизацию армии), послать туда компетентного высшего офицера (генерала А. П. Никитина) для помощи в деле укрепления командного состава. Тогда же было решено послать в Черногорию хлеб и вооружение на 1 млн руб.¹⁴⁹ Все эти шаги предпринимались в расчете на сотрудничество в предстоявшей войне с Турцией.

К «большой войне» готовились и в Стамбуле и спешили обеспечить себе тыл. 17(29) января 1877 г. великий визирь Мидхат-паша предложил сербскому князю вступить в переговоры на основе статус-кво анте беллум. Через 5 дней Милан ответил согласием, попытавшись при этом добиться некоторых «исправлений» границы на р. Дрине, т. е. вновь поставить вопрос о Малом Зворнике. Одержавшая верх в войне Порты отвергла эти притязания. В итоге 16(28) февраля 1877 г. в Стамбуле был подписан мирный протокол: обе стороны согласились на возврат к довоенному положению. Так Сербия сумела, опираясь на помощь России, подписать мир, который в сложившихся условиях в стране расценили как почетный.

Вслед за Сербией в переговоры о мире с Портой вступила Черногория. 8(20) февраля 1877 г. для этой цели в Стамбул выехали ее уполномоченные. Черногорцы потребовали присоединения Никшича с прилегающей к нему равщиной, правого берега р. Морачи и Спужа, выхода к Адриатическому морю (порт Спич). Диван категорически отклонил возможность каких-либо территориальных усту-

пок в пользу Черногории. Тогда князь Николай 4(16) апреля отозвал своих уполномоченных из Константинополя; состояние войны с Портой продолжалось, хотя для ведения наступательных операций у Турции, в условиях войны с Россией, не было сил.

Так завершились события, вошедшие в историю под названием первой сербо-черногорско-турецкой войны. Ни Сербия, ни Черногория не достигли поставленных перед собой целей; они, однако, отвлекли на себя значительные силы Османской империи и тем самым оказали реальную помощь восстанию в Боснии и Герцеговине. Сербо-черногорско-турецкая война для Балкан имела прогрессивный, освободительный характер; она углубила Восточный кризис, приблизив его переход к завершающей стадии — русско-турецкой войне.

4

Рейхштадтское свидание и Константинопольская конференция

Летом 1876 г. стало очевидно, что Дизраэли не «взорвал» «европейский концерт», отказавшись присоединиться к Берлинскому меморандуму. Широкое движение сочувствия в связи с подавлением Апрельского восстания не позволяло кабинету оставаться на прежней негативной позиции в отношении реформ в Османской империи.

Действовал и другой, можно сказать традиционный, фактор: опасение, как бы Россия не приступила к решению Восточного вопроса единолично. Со времен Джорджа Каннинга и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. правилом британской политики являлось вмешательство в русско-османский конфликт, с тем чтобы направить ход дел в протурецкое русло и заставить российскую сторону согласиться на далеко идущий компромисс.

В то время как в Болгарии башибузуки жгли села и вырезали население, в Стамбуле произошел государственный переворот. Подготовили его «новые османы», которых субсидировали британский посол Г. Эллиот и оказавшийся в столице член парламента М. Батлер-Джонстон. В ночь с 29 на 30 мая султан Абдул-Азиз, которого обвиняли в недостаточной решительности, был свергнут с престола, а через несколько дней убит при таинственных обстоятельствах во дворце Чераган. Диван принял решение жестоко наказать болгар. Одновременно Порта объявила о скором проведении реформ в стране.

Лондон ухватился за это заявление, усмотрев в нем возможность не просто настаивать на старом тезисе — сохранении Османской империи, а дополнить его формулой: в реформированном виде. Уайтхолл одобрил поэтому произошедшую при его негласном участии в турецкой столице «революцию». Возникла надежда, что «новые османы», лютые враги освобождения балканских народов, обещаниями реформ подорвут их боевой дух, а штыком и ятаганом подавят открытые выступления. Дерби, еще недавно мрачно оценивавший перспективы преобразований в Турции, вдруг проникся оптимизмом.

Он поведал Шувалову, что верит в добрые намерения нового султана: тот даст стране конституцию. Г. Эллиот настоял на введении в турецкие воды сильной британской эскадры, и это послужило материальным залогом сохранения влияния Лондона на новые османские власти.

Не оборвалась и нить австро-русских переговоров. Замышляемый повстанцами в Боснии и Герцеговине и вынашиваемый в Белграде и Цетинье план присоединения одной провинции к Сербии, а другой — к Черногории угрожал не только экспансионистским замыслам Габсбургов, но, будучи осуществлен, явился бы серьезным, если не смертельным, ударом по всей структуре Дунайской монархии. Вена стремилась к тому, чтобы свести к минимуму приобретения для балканских народов и, используя постоянный страх Петербурга перед повторением «крымской ситуации», добиться заранее максимального удовлетворения территориальных претензий австро-венгерского капитала и военщины.

Петербург, опасавшийся британской враждебности и австрийского удара во фланг, продолжал курс на мирное решение Восточного вопроса.

В июне 1876 г. Горчаков еще раз выдвинул свое предложение: «автономия вассальная и трибутарная» по образцу Сербии и Румынии для Боснии и Герцеговины¹⁵⁰. Оценивая предшествовавшие действия держав, Горчаков писал Новикову в Вену 12 июня: «Мы всегда рассматривали декабрьские и берлинские предложения как минимум уступок, которые предстоит сделать Боснии и Герцеговине. Мы согласились с этими основами, предложенными Андраши, с тем, чтобы констатировать в глазах трех остальных держав наше полное согласие в малейших нюансах. Мы не сомневаемся в том, что они будут отвергнуты Портой и восставшими, последними ввиду перспектив скорого вступления в борьбу Сербии и Черногории: Портой — ввиду позиции Англии и поощрений Эллиота... Достоинство пяти великих держав не позволяет им в случае отказа (Порты. — Авт.) хранить молчание и сидеть сложа руки». Горчаков считал, что «автономия останется мертвой буквой, если она не будет полной»¹⁵¹.

Зондаж в Лондоне принес результаты, подбодрившие русского канцлера. Граф Дерби дал понять, что он не будет против автономии Боснии и Герцеговины, аналогичной критской, но окончательное решение вопроса относил на более поздний срок. Дерби заявил Шувалову, что «автономия не может предупредить борьбу ныне, но потом английский кабинет не будет противиться этой комбинации, если она не посягнет на суверенитет султана»¹⁵². В этой последней оговорке заключалась суть дела: политической автономии Уайт-холл противопоставлял административную, ограничивавшую компетенцию национальных властей чисто местными делами.

Обнаружились известные расхождения в британских и австрийских взглядах, что вызвало серьезное беспокойство в Вене. Австро-венгерскому послу в Лондоне Ф. Бойсту, бывшему канцлеру империи, было заявлено, что Англия не возражает против автономии

Боснии и Герцеговины, но не может допустить аннексии этих провинций какой-либо державой. Попытки Андраши убедить Бойста отказаться от своей позиции не увенчались успехом. Бойст, который был сторонником англо-австрийского сотрудничества и активным противником австро-русского союза, советовал Андраши начать прямые переговоры с Лондоном. Он считал, что все балканские противоречия может разрешить альянс Австро-Венгрии и Великобритании¹⁵³. Андраши, по сообщениям российского посла в Вене, весьма осторожно относился к советам Бойста, опасаясь, что создание англо-австрийского блока создаст почву для военного столкновения с Россией, вся тяжесть которого легла бы на плечи габсбургской монархии. Он заверял российского посла в искренности своего желания иметь договоренность с Россией¹⁵⁴. Но вместе с тем сбрасывать со счетов двуличие австро-венгерской политики было по меньшей мере опрометчиво. Втайне от Петербурга Андраши не прекращал сношений с Лондоном. Он обманывал и британский кабинет, отрицая намерение договориться, а потом и наличие соглашения с Россией. Наконец, третьей жертвой вконец изловившегося австро-венгерского министра был его предшественник на посту и в то же время личный враг граф Ф. Бойст, занимавший пост посла в Лондоне; от него Андраши скрывал итоги переговоров с Россией.

Апрельское восстание в Болгарии, вступление Сербии, а затем Черногории в конце июня—начале июля 1876 г. в войну против Турции способствовали дальнейшему углублению международного кризиса на Балканах. С этого момента Боснийско-герцеговинский вопрос становится одним из аспектов Восточного кризиса и рассматривается европейской дипломатией уже в совокупности с остальными.

В сложившейся ситуации лета 1876 г., когда Сербия и Черногория готовились к войне против Турции, а русское общество решительно требовало заступничества за народы Балкан, в обстановке, обострившейся в связи с болгарскими событиями, российское правительство, предвидя и военный исход Восточного кризиса, вынуждено было пойти на переговоры с Австро-Венгрией, чтобы как-то «обезвредить» ее на случай, если необходимость объявления войны Турции станет неизбежной. Желательно было добиться нейтралитета Австро-Венгрии, хотя было ясно, что последняя потребует за него значительной и даже территориальной компенсации. МИД России составил интереснейшую записку, в которой вновь проводил мысль о создании на Балканах «мелких независимых государств в территориальных пределах, отведенных каждому из них историей и объединенных на федеральных началах»¹⁵⁵. Следовало выяснить точку зрения австрийской стороны.

Горчаков полагал, что встреча императоров могла внести ясность в отношения двух дворов. Эта идея нашла положительный отклик и в Вене.

Встреча Франца Иосифа и Андраши с австрийской стороны и Александра II, А. М. Горчакова и Е. П. Новикова с русской состоялась 26 июня (8 июля) 1876 г. в замке Рейхштадт. Хорошо извест-

по, что переговоры в Рейхштадте не завершились подписанием соглашения. Была достигнута лишь устная договоренность. Но позднее каждая из сторон зафиксировала собственный вариант записи результатов встречи. В основу всех пунктов, обсуждавшихся в Рейхштадте, по настоянию Андраши лег все тот же принцип австро-венгерской внешней политики — не допустить образования большого славянского государства по соседству с монархией Габсбургов. Поэтому в обеих записях результатов переговоров отмечено, что договаривавшиеся державы не должны в случае победы христиан способствовать образованию большой государственной единицы славян. Вопрос о Боснии и Герцеговине в случае поражения турок предполагалось решить следующим образом: Черногория получала возможность присоединить Герцеговину (по австрийской версии — часть прилегающих к Черногории герцеговинских земель), а также порт на Адриатическом побережье. Сербия — некоторые части Старой Сербии и Боснии. По русской записи в этом же случае Австро-Венгрия получала право на аннексию Турецкой Хорватии (Боснийской Краины) и части Боснии, а по австрийской — частей Боснии и Герцеговины. В случае же победы османов договаривавшиеся стороны должны были потребовать от Порты введения устройства для Боснии и Герцеговины, предусматривавшегося нотой Андраши от 18(30) декабря 1875 г. и Берлинским меморандумом¹⁵⁶. Необходимо отметить, что каждый из вариантов оставался известен соответственно только русской или австрийской стороне вплоть до осени 1876 г., когда встал вопрос о заключении австро-русской конвенции. В ходе встречи Андраши пообещал Горчакову позднее представить подробную карту Боснии с указанием территорий, на которые претендует Австро-Венгрия¹⁵⁷. Но эта карта так и не была направлена в Петербург. «И с тех пор,— писал Горчаков Новикову,— в сообщениях, сделанных нам, мы обнаружили признаки желания сохранить некоторую неясность по этому пункту, за которой, по-видимому, скрывалось желание распространить австрийские притязания на более обширную часть Боснии»¹⁵⁸.

Так или иначе, в ходе встречи Андраши вновь официально поставил вопрос о желательных для Австро-Венгрии территориальных приобретениях на Балканском полуострове. Ответить однозначно на вопрос, получил ли Андраши согласие на аннексию и Боснии и Герцеговины в Рейхштадте, представляется затруднительным. Думается, что к моменту встречи у Андраши созрела мысль о необходимости присоединения обеих областей к Австро-Венгрии. На позицию министра повлияло развитие событий на Балканском полуострове в конце июня 1876 г., в частности известие о том, что герцеговинцы провозгласили объединение с Черногорией, а боснийцы заявили о своем присоединении к Сербии. Естественно, такое волеизъявление повстанцев вызвало крайнее раздражение у Андраши, который попытался использовать католическое духовенство в этих провинциях в антисербских целях¹⁵⁹.

Пункт о недопущении создания большого славянского государства, зафиксированный в обеих записях рейхштадтской беседы, тогда,

казалось, был направлен лишь против объединительных тенденций Черногории и Сербии; но на самом деле эта формула препятствовала и созданию Болгарии в ее географических пределах. Позднее Австро-Венгрия и Англия воспользовались ею, чтобы выступить против единства болгарского народа. Австрия, по словам канцлера, «не допускала образования большого славянского государства, так же как мы не допускали образования Великой Греции, но австрийский кабинет соглашался на образование маленьких независимых национальных государств и даже на преобразование Константинополя в вольный город при условии, что Австро-Венгрия присоединит Боснию и Герцеговину в целях установления баланса»¹⁶⁰. И Горчаков пошел на этот нежелательный компромисс.

Договоренность была сформулирована в общих выражениях, неопределенность которых оставляла место для вероломства, присущего австрийской политике.

Так, А. М. Горчаков, реально оценивая сложную международную обстановку, предвидя дальнейшее обострение балканского кризиса, возможность русско-турецкой войны и угрозу создания антирусской коалиции европейских держав, согласился с притязаниями Австро-Венгрии, как он считал, на Боснию.

В Вене ожидали поддержки своих планов в отношении Боснии и Герцеговины прежде всего Берлином. Уже в середине сентября Андраши довел до сведения германского посла секретные пункты рейхштадтской встречи¹⁶¹. «Железный канцлер» признал безоговорочное право Австро-Венгрии ввести свои войска в Боснию и Герцеговину. Одновременно Бисмарк сообщил в Петербург, что Россия совершит хорошую сделку, если купит нейтралитет Австро-Венгрии, уступив ей Боснию¹⁶². В то же время Бисмарк дал понять Мюнху, что не следует надеяться на военную поддержку Германии в случае войны Австро-Венгрии с Россией и заявил, что хотел бы сохранить обоих союзников¹⁶³. Подобный расклад ставил Андраши перед необходимостью заключения австро-русского соглашения. Осенью 1876 г. для петербургского кабинета все очевидней становилась неизбежность русско-турецкой войны. В этих условиях для России было необходимо заручиться нейтралитетом дуалистической монархии. Поэтому идея конвенции России и Австро-Венгрии находила все большую поддержку и в российских правящих кругах.

Параллельно с этой прикидкой расстановки сил на случай большой войны российское правительство — в который раз — пыталось пробить в европейских дипломатических кругах идею политической автономии восставших областей (иными словами, создания там национальных государств). Обмен письмами между Александром II и Францем Иосифом показал, что габсбургская монархия была категорически против этого¹⁶⁴. Андраши заявил графу Сумарокову-Эльстону, прибывшему с царским посланием, что любой министр Австро-Венгрии, согласившийся на образование новых славянских княжеств на границе империи, будет сметен в 24 часа¹⁶⁵. Австрийцы не шли дальше местного самоуправления, притом на условиях, которые Шувалов назвал «нечленораздельными». Их пол-

постью поддерживали англичане. Дерби решительно высказался за австрийский вариант урегулирования¹⁶⁶.

Выпнуv в суть контрпредложений Андpaши, Горчаков убедился, что никакой автономии они не предусматривали. В отношении Боснии и Герцеговины речь шла лишь об известном контроле над администрацией и некоторых гарантиях против произвола чиновников, что касается Болгарии — и того меньше. «В общем, это был просто возврат к телеграмме графа Андpaши от 30 декабря прошлого года. После всего происшедшего это было бы просто насмешкой». «Лорд Дерби,— сетовал Горчаков,— должен был бы, наконец, понять, что эти нерешительные дипломатические действия, которые раздражают турок, не пугая их, могут иметь лишь плачевные последствия»¹⁶⁷.

В конце сентября Петербург предложил ввести временно на Балканы русские и австрийские войска, а англо-австро-русским морским силам провести демонстрацию в Проливах, чтобы сломить упрямство Порты. По словам Шувалова, глава Форин оффис «оцепенел от ужаса», услышав об этих предполагаемых мерах. Он советовал не толкать султана в сторону «экстремистов» и «не парализовать его усилий, поднимая против него собственных подданных»¹⁶⁸. Нечего и говорить, что «усилия» эти существовали лишь на языке красноречивого лорда Дерби.

Демарш Петербурга не был поддержан: Вена, как и Лондон, отказалась послать свои войска. Между тем дела сербов на фронте шли все хуже, и разногласия в «европейском концерте», которым не было конца, играли на руку османским карателям.

Осенью 1876 г. настроения в российских правящих кругах изменились: бесплодные маневры в составе «концерта», широкое недовольство в стране бессильным топтанием отечественной дипломатии, тщетность надежд на то, что балканским повстанцам удастся добиться успеха один на один против Порты,— все это способствовало укреплению «партии действия». К ней примкнул влиятельный военный министр Д. А. Милютин: «Дипломатические отношения по Восточному вопросу принимают такое направление, которое может поставить Россию в необходимость взяться за оружие»,— писал он в середине сентября¹⁶⁹. Войскам трех южных округов — Одесского, Харьковского и Киевского — было предписано готовиться к мобилизации. На совещаниях в Ливадии (в последних числах сентября — начале октября) лишь министр финансов М. X. Рейтерн, ссылаясь на пустоту казны, безоговорочно выступил против войны. Александр II воспринял это как критику в свой адрес, за двадцать лет царствования он так и не привел в порядок финансы. Остальные сановники считались уже с вероятностью военных действий. Д. А. Милютин изложил возможные сроки мобилизации и переброски войск к границе¹⁷⁰.

Эти сдвиги в политике Петербурга вызвали глубокую тревогу на Даунинг-стрит: Россия грозила сбросить оковы европейского сотрудничества, выступить самостоятельно и, разумеется, не во имя

кущей программы, которую автономией для восставших провинции назвать было бы как-то неудобно.

Дизраэли в начале осени полагал, что русско-австрийского выступления против Турции и раздела ее европейских владений не избежать. А раз так, делился он своими планами с Дерби, «то благоразумно будет взять руководство этим делом в свои руки»¹⁷¹. Британский премьер замыслил установить британскую «опеку» над Константинополем и, стало быть, установить господство в Проливах. Пребывание сильной эскадры адмирала Драммонда в Бизикской бухте у входа в Дарданеллы обеспечивало успех операции.

Позднее выяснилось, что Габсбурги в бой не рвутся: нависла «угроза» изолированных действий России. 4 октября Дизраэли созвал министров на экстренное заседание. Обсуждался вопрос, что делать в случае появления русских войск на Балканах. Сведения о доверительном предложении царя занять Боснию, Герцеговину и Болгарию австрийскими и русскими войсками просочились в печать — Форин оффис, в случае нужды, умел создавать «утечку информации». Пресса принялась запугивать обывателя русским жуеолом. «Возбуждение против нас растет», — сообщил Шувалов 9 (21) октября. Слухи о мнимом вступлении русских войск на полуостров вытеснили на страницах печати сообщения о реальных расправах в Болгарии¹⁷².

Но в кабинете отсутствовало единство мнений. Дизраэли, подобно своему предшественнику на посту премьера лорду Дж. Пальмерстону, был склонен к решительным действиям с привкусом авантюризма. Лорд Дерби был настроен сдержаннее. Упрямый Дизраэли предпринял попытку откровенного шантажа, воспользовавшись для этого традиционной речью, которую премьер-министры произносят ежегодно в ноябре в Гилдхолле, резиденции лондонского лорд-мэра. Выступление Дизраэли облетело весь мир, заставив гадать, означает ли оно готовность не останавливаться перед войной: «Хотя политикой Англии является мир, — заявил премьер-министр, — не существует страны, более подготовленной к войне. Если она вступит в конфликт за правое дело... если встанет вопрос о ее свободе, независимости, империи, ее ресурсы, я верю, неиссякаемы. Англия не та страна, которая, вступая в кампанию, спрашивает себя, выдержит ли она вторую или третью»¹⁷³.

В Европе сразу же обратили внимание на еле прикрытую угрозу, обращенную к России. Перчатка была поднята. Через день, выступая в Москве, Александр II заявил, что миролюбие России не безгранично и она не остановится перед войной во имя прав южных славян. В действующую армию был назначен главнокомандующий.

Однако международные позиции Англии никак нельзя было назвать сильными. Похваляясь британской мощью, глава правительства ни разу не упомянул о благородных и верных союзниках короны, руками которых обычно велись и выигрывались «английские войны». Таковых просто не существовало, и британская дипломатия в лице лорда Э. Дерби даже не питала надежд на их приобретение. А без союзников, при расхождении во мнениях в кабинете и явном

стремлении влиятельных торгово-промышленных кругов сохранить выгодные связи с Россией, вступать с последней в далеко идущую ссору было опасно, тем более что Петербург предпринимал очередную попытку добиться реформ в славянских провинциях Турции, не желая рисковать «военной кампанией»¹⁷⁴.

Линия Горчакова и Дерби на использование всех возможных мирных средств разрешения конфликта на Балканах продолжалась при всем различии подхода двух государственных деятелей: если российский канцлер бился над созданием «группы давления» на Порту и стремился таким путем вырвать у последней весомые уступки, то глава Форин оффис, исключая всякие меры принуждения и ставя во главу угла сохранение целостности османских владений, сводил предполагаемые реформы к минимуму, малоощутимому для балканских народов, хотя и прикрываемому красивой формулой «административной автономии». Протест Дерби в связи с участием русских добровольцев в сербо-турецкой войне, которое он расценил как «равнозначное интервенции в национальном масштабе»¹⁷⁵, показывал, что Великобритания настойчиво отвергала любую попытку вмешательства в османские дела.

В начале ноября в беседах между Александром II, Горчаковым и британским послом лордом Огастесом Лофтусом была достигнута договоренность о проведении в Константинополе конференции по балканским делам. С формальным предложением о ее созыве выступил Э. Дерби. Выдвинутая им программа начиналась с традиционных для Британии пунктов: поддержание независимости и целостности Османской империи; заявление держав об отказе от территориальных и политических посягательств; довоенное положение для Сербии и Черногории; местное самоуправление в Боснии и Герцеговине; определенные гарантии болгарам против злоупотреблений¹⁷⁶.

Австрийская сторона уточняла свои экспансионистские планы, не обращая ни малейшего внимания на словесный отказ от всяких притязаний, территориальных и прочих, которым сопровождалось принятое ею английское приглашение.

В Вене в ноябре 1876 г. состоялось еще одно секретное совещание в правящих верхах, на котором план оккупации Боснии и Герцеговины обсуждался как «практически решаемое дело»¹⁷⁷. Альтернатива «оккупация или сохранение статус-кво» прекратила свое существование и свелась к однозначному решению. На совещании был поднят вопрос о сроках оккупации и затронуты военно-политические аспекты. Принималась во внимание возможность военного столкновения с Россией, и с этой точки зрения обсуждался вопрос о сокращении числа дивизий, которым поручалось проведение оккупации. В результате число дивизий было уменьшено с 5 до 3, а оставшиеся две были предназначены для возможной стратегической мобилизации против России.

Таким образом, судьба Боснии и Герцеговины австрийцами была решена и на случай австро-русского военного конфликта предусмотрены меры против союзника¹⁷⁸.

Осенью 1876 г. между Веной и Петербургом возобновилась активная дипломатическая переписка по вопросу о конвенции. В ее основу должны были быть положены, как считал Андраши, идеи, высказанные в Рейхштадте. В случае начала военных действий России против Турции Австро-Венгрия заняла бы Боснию и Герцеговину, заявлял Андраши Новикову, «чтобы уже не оставить их, но не провозгласив этого заранее и не объявив войны Турции. Она вмешается под предлогом предотвращения анархии в приграничных турецких владениях, администрация которых не способна восстановить порядок»¹⁷⁹. Он настаивал на оккупации Боснии и Герцеговины без указания срока, мотивируя это тем, что с выводом австро-венгерских войск удвоилась бы жестокость турок по отношению к христианам, а также «с явной целью оградить свои территории от анархического влияния»¹⁸⁰. Это, по мнению Андраши, «не будет войной... а лишь занятием залога с тайной мыслью более не возвращать его»¹⁸¹. Но австро-венгерский министр иностранных дел желал избежать всякой видимости действий в союзе с Россией; он, по его словам, мог вступить в борьбу лишь «под давлением внешних событий, как бы обратившись к крайнему, неизбежному средству»¹⁸².

2 ноября 1876 г. Горчаков направил инструкции российскому послу в Вене Е. П. Новикову начать предварительные переговоры с Андраши о заключении русско-австрийской конвенции¹⁸³ для обеспечения «благожелательного» нейтралитета Австро-Венгрии в случае эвентуального русско-турецкого военного конфликта. В ходе предварительных бесед Андраши и Новикова выяснилось, что Австро-Венгрия будет требовать включения Сербии и Черногории в нейтральную зону, права сделать Боснию и Герцеговину областью исключительно австрийского влияния, а также выступать против присоединения военных сил сербов и черногорцев к русским войскам в период военной кампании. Эти требования, по определению Новикова, являлись «предосторожностями против нас (России.— Авт.) и границами, поставленными нашему распространению»¹⁸⁴. Главной целью России в войне с Турцией, с точки зрения Андраши, должно быть «установление на Балканском полуострове порядка вещей, обусловленного в Рейхштадте, и главным образом создание болгарской автономии»¹⁸⁵. Притязания Андраши вызвали у Горчакова опасение, что австро-венгерский министр хотел бы придать «нейтралитету» своей страны тот же характер, что и в период Крымской войны; задача российской дипломатии заключалась в том, чтобы «Вена не приняла по отношению к другим державам обязательств, которые так или иначе могли бы нанести ущерб желаемой австро-русской конвенции»¹⁸⁶.

Непреклонность позиции Андраши объяснялась, сообщал Новиков в Петербург, во-первых, «уверенностью в том, что для вступления в Турцию нам необходимо прикрытие со стороны Австрии, и поэтому мы спешим заключить с ней соглашение». Другая причина крылась в надежде на снисходительность Европы в отношении возможного овладения Боснией и Герцеговиной австрийскими вой-

сками. Подтверждением этого являлась позиция Германии. Бисмарк уже фактически предоставил Австро-Венгрии свободу действий. Германия с удовольствием продолжала бы наблюдать за тем, как «центр тяжести монархии перемещается к Востоку». Андраши предполагал также, что кабинет Дизраэли, отрицавший идею вступления русских войск в Болгарию, в отношении австрийской оккупации провинций останется безразличным. Обнадеживали и слова турецкого посла в Вене, что «Порта смирится с потерей одной провинции при том условии, что сможет ценой этой жертвы спасти остальное»¹⁸⁷.

В переговорах с Новиковым Андраши категорически отверг предложение о включении Герцеговины в нейтральную зону, заявив, что «аннексия большей части этой провинции в пользу Австрии была оговорена в Рейхштадте»¹⁸⁸. На донесении Е. П. Новикова по этому вопросу сохранилась характерная помета Александра II: «Нет, речь шла только о части Боснии»¹⁸⁹. Однако царь не решился настаивать на своей трактовке рейхштадтской договоренности.

Правящие круги Австро-Венгрии в надежде на ослабление России подталкивали ее на войну с Турцией. В Вене все более крепло убеждение, что русско-турецкая война принесет немало выгод дуалистической монархии.

Поражение Сербии в войне против турок осенью 1876 г. чрезвычайно остро поставило перед русским правительством вопрос о подготовке к войне против Порты. Именно с осени 1876 г. болгарский вопрос становится главным в балканской политике петербургского кабинета и потому, что он до тех пор оставался в тени в ходе переговоров, и потому, что формула: «оградить население от злоупотреблений османских властей» — никак не устраивала русскую сторону, и, главное, потому, что военные действия предполагалось развернуть в Болгарии и надо было заранее заручиться согласием на возможно более радикальное решение ее судьбы. Общественность разных направлений, несмотря на цензурные рогатки, порицала медлительность дипломатии и настойчиво требовала прийти на помощь болгарам. На имя царя и министров поступали петиции болгарского населения, обращения болгарских эмигрантов из Румынии, из колонии константинопольских болгар, от болгар юга России. На ливадийских совещаниях осенью 1876 г. обсуждались вопросы подготовки войны, проведения операций на территории Болгарии. Была утверждена специальная записка Н. П. Игнатьева, в которой говорилось, что настало время для активных действий и что Болгария должна стать автономным княжеством с национальным государственным аппаратом и национальной армией¹⁹⁰. В Ливадии же обсуждался и вопрос о создании Временного русского гражданского управления на освобожденной территории, которое должно образовать временную администрацию, помочь созданию местного самоуправления, судостроительства и финансовых органов. Во главе временного управления решено было поставить В. А. Черкасского. Подчеркивалась необходимость широкого привлечения к управлению самих болгар как из местного населения, так и из числа эмигрантов.

Одновременно с этим на ливадийских совещаниях решался вопрос о создании Болгарского ополчения в составе русской армии. Это явилось результатом инициатив как с болгарской стороны, исходившей от И. С. Кишельского, офицера русской службы, видного деятеля болгарской эмиграции в России, так и болгар-добровольцев, принимавших участие в сербо-турецкой войне 1876 г. Многие из них переправились на юг России, преимущественно в Кишинев, и там образовали значительную группу людей, жаждавших дела. Эта идея разрабатывалась и внутри военного министерства и нашла поддержку военного министра Д. А. Милютина. Во главе ополчения решено было поставить генерала Н. Г. Столетова, участника Крымской войны.

Русское правительство не оставляло попыток разрешить Восточный кризис дипломатическим путем. Оно оставалось на позиции предоставления автономии Боснии и Герцеговине, в отношении Болгарии разрабатывались проекты ее широкой автономии в рамках расселения болгар на Балканском полуострове. Следует подчеркнуть, что проекты основывались на тех планах государственного устройства, которые представлялись в ожидании конференции держав самими болгарами. Еще в июне 1876 г. константинопольская колония болгар приняла решение отправить в Европу делегацию в составе Марко Балабанова и Драгана Цанкова, видных деятелей болгарского национально-освободительного движения. Они изложили свои взгляды в брошюре «Болгария», отпечатанной во множестве экземпляров на французском языке. Помимо освещения бедствий болгар, в ней были намечены и пути создания автономного княжества Болгарии. Эта брошюра была представлена правительствам Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии. Делегация посетила столицы всех этих государств, но благожелательный прием нашла только в России. В декабре 1876 г. делегация прибыла в Петербург, где была принята Александром II, который заявил болгарским представителям, что если Турция не примет решений Константинопольской конференции, то Россия исполнит свой долг. Они были приняты А. М. Горчаковым, Д. А. Милютиным, В. А. Черкасским и имели возможность изложить свои взгляды и на будущее устройство болгарского государства. Еще более теплый прием они встретили в Москве, где беседовали с И. С. Аксаковым и многими деятелями Московского Славянского комитета. Поездка болгарских делегатов подробно освещалась в «Московских ведомостях» и «Русских ведомостях»¹⁹¹.

Помимо уже упомянутой брошюры, представителям держав на конференции в Константинополе вручены были многочисленные петиции болгар, в которых содержались и планы государственного устройства Болгарии. Такова петиция под названием «*Les vœux des bulgares*». Был и болгарский вариант ее под названием «Желания на българите», подготовленный видным болгарским публицистом Тодором Бурмовым. В том и другом варианте болгары требовали национальной автономии в рамках Османской империи. Советский болгарист В. Д. Конобеев нашел еще один вариант на

русском языке, написанный рукой того же Т. Бурмова, с надписью «Bulgarie»¹⁹².

Авторы этих записок не ставили вопроса о полной независимости, видимо зная, что это неминуемо вызовет яростное сопротивление Австро-Венгрии и Англии, выступавших за целостность Османской империи. Это хорошо было известно через русских дипломатов и Тодору Бурмову, который был драгоманом русского посольства в Константинополе. Русский текст плана государственного устройства Болгарии им, вероятно, был подготовлен для А. Н. Церетелева, которому Н. П. Игнатев и поручил разработку плана устройства Болгарии для конференции.

А. Н. Церетелев осуществил эту задачу вместе с секретарем американской миссии Юджином Скайлером, о котором упоминалось выше (см. § 1 наст. главы). Игнатев писал, что, привлекая Скайлера, он имел в виду использовать его участие в «благоприятном для наших планов смысле» и через него оказать влияние на английских журналистов, особенно на корреспондентов газеты «Дейли Ньюс» Э. Пирса и Дж. А. Макгахана, и таким образом воздействовать благоприятно на англоязычное общественное мнение¹⁹³.

Было разработано два проекта — проект-максимум (Церетелев—Скайлер) и проект-минимум (Игнатев). Первый предусматривал для Болгарии административную автономию в границах Дунайского и Софийского вилайетов, Филиппопольского (Пловдивского) и Сливенского санджаков и некоторых районов Македонии. Болгария разделялась на санджаки, которые, в свою очередь, разбивались на самоуправляющиеся кантоны. Создавалась местная полиция. Во главе Болгарии был бы поставлен генерал-губернатор из христиан, назначаемый на пять лет по соглашению между Портой и державами-гарантами. Создавалось провинциальное собрание, при котором учреждалась специальная комиссия как административный совет при генерал-губернаторе. Проект содержал и параграф о судах гражданских и уголовных. Трибуналы должны были состояться из лиц, наполовину назначаемых генерал-губернатором и частично избранных провинциальным собранием из числа кандидатов, утвержденных генерал-губернатором. Официальным языком должен был стать болгарский, а в кантонах со смешанным болгаротурецким населением оба языка пользовались одинаковыми правами. Османские власти отстранялись от участия в сборе налогов.

Очень важен был параграф о вооруженных силах. Османские войска могли находиться лишь в крепостях и городах, определенных державами и Портой. Для спокойствия в стране должна была быть создана национальная гвардия. Контроль за проведением в жизнь этого проекта должен был осуществляться Международной комиссией¹⁹⁴.

В ходе самой Константинопольской конференции русская сторона опиралась на пожелания болгар и представила некоторые документы ее участникам. Очень интересна политическая программа, принятая 19 ноября 1876 г. на собрании БЦБО, которое провозгласило себя Болгарским Народным Собором. В пункте 2 говорилось,

что «Болгарское государство будет управляться самостоятельно и независимо согласно конституции законодательным корпусом, избранным народом»¹⁹⁵. 4 декабря МИД России переслал в адрес конференции обращение болгарского населения с приложением политических программ¹⁹⁶.

Не пужно было быть пророком, чтобы предвидеть сопротивление Великобритании, Австро-Венгрии и Турции требованиям болгар, отраженным в «программе-максимум» Церетелева и Скайлера. Учитывая слабые шансы на ее принятие державами, Н. П. Игнатьев заранее составил проект-минимум. Этот «Проект организации Болгарии» предусматривал деление Болгарии на две провинции — с центрами в Русуке и Софии во главе с генерал-губернаторами, избранными из христиан, создание двух провинциальных собраний, избираемых населением. Сохранялось деление на санджаки, но с губернаторами-христианами или мусульманами, смотря по большинству населения санджака. В плане говорилось об образовании местной полиции и милиции, урегулировании вопроса о взимании налогов, местном судопроизводстве¹⁹⁷.

По существу, этот проект-минимум для успокоения англичан и австрийцев вводил разделение Болгарии на две провинции, сохраняя прежнее административное деление, и не столь раздражал турок и их покровителей, так как не дразнил их единой и автономной Болгарией.

Горчаков в инструкции от 12 ноября 1876 г. предписывал Игнатьеву сначала представить проект-максимум, а в случае сильного сопротивления — минимум: «Это покажет, что мы не стремимся к диктатуре, в чем нас обвиняют». Если будут отвергнуты оба проекта, то Игнатьев должен был зафиксировать свое мнение в протоколе. Далее следовало очень важное заявление русского МИД: «Если только наш минимум пройдет, это будет крупным результатом, который избавит нас от военной кампании, всегда случайной как политически, так и материально, и в особенности тягостной своим влиянием на наше финансовое положение»¹⁹⁸.

В начале ноября было окончательно решено созвать в Константинополе конференцию держав. С официальной инициативой выступил лорд Дерби, не соизволив, правда, спросить согласия у Порты. В качестве главы британской делегации был назначен министр по делам Индии маркиз Роберт Солсбери, не высказывавшийся до того открыто в поддержку османского владычества на Балканах.

Маркиз с нелегким сердцем принял возложенную на него миссию: «Я сомневаюсь, чтобы сейчас Россию удовлетворили условия, на которые, рассуждая логически, может пойти Турция. Тем не менее нам надо сыграть свою роль столь прилежно, как если бы мы были уверены в успехе»¹⁹⁹. Смущало Солсбери и отсутствие четкой правительственной линии. Он зывал к премьер-министру: «Я сделаю все, что кабинет желает, но крайне важно прежде всего определить Вашу политику». Но — чего не было, того не было. Солсбери снабдили инструкцией, которая, по словам Р. В. Ситон-

Уотсона, могла поставить в тупик кого угодно. Она была явно написана «на публику» и должна была засвидетельствовать добрые намерения кабинета. Солсбери надлежало и Османскую империю сохранить, и прогрессу ее христианского населения способствовать, и вмешательства великих держав не допустить, и все это — неизвестно какими средствами. «Правительство ее величества не может согласиться с планами, какими бы благовидными и исполненными добрых намерений они ни были, но влекущими за собой появление иностранных армий на турецкой территории». В то же время Дерби заявлял, что Великобритания решительно отвергает «дурное правление и угнетение». Если же «упрямство или апатия Порты помешают предпринимаемым ныне усилиям с целью упрочить основы Османской империи, ответственность за возможные последствия ложится исключительно на султана и его советников»²⁰⁰.

В Константинополь Солсбери отправился кружным путем — через Париж, Берлин, Вену, Рим и, наконец, в Бриндизи сел на пароход, взявший курс на турецкую столицу. Свои впечатления от бесед с французским министром иностранных дел Деказом, Бисмарком, кайзером Вильгельмом и Андраши английский уполномоченный изложил в письмах графу Дерби. Первый и вполне определенный вывод Солсбери гласил: «Во время своего путешествия мне не удалось обнаружить ни единого друга Турции. Такого не существует. Большинство считает, что ее час настал. Некоторые полагают, что его можно отсрочить. Однако никто не высказал даже предположения, что ее можно сохранить сколько-нибудь длительное время. Я ни в какой степени не был подготовлен к такому согласию во мнениях»²⁰¹. Политика сохранения целостности Османской империи переживала кризис. Нечего было и рассчитывать на повторение Крымской войны.

Второе, в чем Солсбери убедился, — это в существовании глубоких противоречий между Россией, Германией и Австро-Венгрией, делавших Союз трех императоров эфемерным. В Берлине и Вене ему излагали планы, враждебные по отношению к Петербургу. Бисмарк занят мыслями о реванше, чтобы низвести Францию до уровня второстепенной державы. Для этого надо «устранить» Россию как активный политический фактор в Западной Европе и «занять» ее войной с Турцией. В России, по мнению немецкого канцлера, «сильно недооценивают трудности предстоящей задачи»; Бисмарк сомневался, чтобы русским войскам удалось пересечь Балканы. «Когда же она (Россия. — Авт.) почувствует истощение людских и денежных ресурсов, то станет сговорчивее в отношении разумных условий» урегулирования. Сам Бисмарк предпочитал оставаться в стороне и сводить счеты с Францией; поэтому добиваться «разумных условий» (иными словами, лишить Россию плодов побед) должна была, по его мысли, Англия. Последней не следовало спешить — «держава, не обладающая господством на море, удерживать Константинополь не сможет», поэтому надо подождать, пока Россия увязнет в войне, и тогда уже предъявить требования. Канцлер готов был щедро «расплатиться» за подобные услуги (разуме-

ется, османскими территориями): «Он поощрял нас взять Египет как свою часть добычи; если это не удастся, тогда, ко благу европейской цивилизации, мы должны занять Константинополь»²⁰².

Граф Андраши в Вене вел переговоры с Солсбери в глубокой тайне. На то были веские причины: ему надо было скрыть от собеседника наличие Рейхштадтского соглашения с Россией; от русского посла Новикова — что это соглашение нарушается; от австрийского представителя в Лондоне графа Бойста — и то и другое. Из многословных, но не очень связанных речей Андраши Солсбери вынес впечатление, что тот «в действительности не заинтересован в проведении реформ» в восставших областях. Он не возражал против занятия Стамбула британскими силами; что же касается вступления русских войск в османские владения, то австрийский канцлер отказался считать это *casus belli*, будучи «убежден в безнадежности войны с Россией на ее собственной территории»²⁰³.

В Риме Солсбери столь длительных бесед не вел. Однако и здесь ни друзей Турции, ни поборников освободительного движения народов он не обнаружил. При первых симптомах вспышки Восточного кризиса, в условиях оживленно обсуждавшейся в дипломатических сферах предполагаемой австрийской аннексии Боснии в Риме зародилась идея получения Италией в качестве компенсации за такое расширение Австро-Венгрии Триеста и Трентино (Южный Тироль). Инициатором этого плана стал посланник в Вене Николас ди Робилан.

Андраши поспешил предупредить Робилана, что решительно возражает против передачи Италии в качестве компенсации за территориальное расширение на Балканах Австрии населенных итальянцами земель, и пригрозил, что при первых признаках аннекционистской политики со стороны Италии Австрия не ограничится обороной, а перейдет в наступление. В качестве компенсации Италии он предлагал ей Тунис²⁰⁴.

В ответ в итальянской прессе появились явно инспирированные статьи, настойчиво повторявшие тезис о том, что за расширение владений Австрии на Балканах от нее следует потребовать Южный Тироль. Завязалась «газетная война», а австрийское правительство устроило демонстрацию, отозвав своего посла из Рима. Для прекращения полемики в прессе потребовалась специальная договоренность между двумя правительствами²⁰⁵.

Следует подчеркнуть наличие еще одного важного фактора, питающего в этот период австро-итальянский антагонизм, — усиление традиционного соперничества двух держав за влияние на Албанию, начало которого относится еще к середине XIX в. Причем если прежде это соперничество проявлялось в основном в религиозной, культурной и торговой областях, то теперь в условиях Восточного кризиса оно переместилось в политическую область. Итальянские дипломатические агенты поддерживали план готовившегося в Северной Албании антитурецкого восстания в условиях сербо-черногорско-турецкой войны. А в самой Италии активно действовал, особенно среди албанцев Южной Италии, созданный в сентябре

1876 г. Итало-албанский комитет освобождения восточных албанцев, призывавший поддержать морально и материально своих братьев в Албании²⁰⁶. Однако итальянское правительство в целом держалось осторожно, не имея прочных международных позиций и опасаясь, что его обойдут при грядущих территориальных изменениях на Балканах. В невозможности «обменять» Южный Тироль на Боснию и Герцеговину убедился сам автор плана Робилян²⁰⁷.

Подводя итоги своим впечатлениям, Солсбери писал графу Дерби, что Австро-Венгрия и Германия мечтают, «чтобы Россия в бесплодных попытках истощила свой запас сил, в надежде, что понадобятся много спокойных лет для восстановления этого запаса»²⁰⁸. Но на одном коварстве мнимых царских друзей британскую политику строить было нельзя; реальных же союзников Солсбери не обнаружил ни в Вене, ни в Берлине; Бисмарк, похоже, готовил Англии роль, которую эта страна обычно предоставляла другим державам. К отказу от официально провозглашенной политики сохранения целостности Османской империи британский кабинет не был готов. Оставалось одно — изыскивать временную комбинацию.

Ознакомившись с положением, Солсбери не пытался претворить в жизнь химерические планы премьер-министра: добиться (якобы против воли Лондона) «приглашения» от Турции занять английскими войсками Боснию, Герцеговину и Болгарию. Дизраэли был готов выделить для этого 40-тысячный корпус²⁰⁹.

В дипломатических кругах ожидали, что в Стамбуле Солсбери и Игнатъев скрестят мечи. Ожидания не оправдались. На самом деле, руководствуясь полученными инструкциями, Игнатъев проявил готовность к деловым переговорам²¹⁰. Правда, он и Солсбери преследовали разные цели: русские предложения исходили из стремления добиться максимума возможного для южных славян в условиях мирного разрешения Восточного кризиса, конкретно речь шла об автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии, а также некотором территориальном расширении Сербии и Черногории; британские — сохранить в возможно большей степени целостность Османской империи при минимальных уступках восставшим народам. В ходе их встреч, а затем на предварительных заседаниях конференции (без участия турецких уполномоченных) удалось договориться о предоставлении местной автономии трем южнославянским провинциям.

Как и следовало ожидать, англичане и австрийцы выступили против единой Болгарии, создание которой, по их словам, ущемило бы суверенитет султана. Они предложили разделить ее на две части. Н. П. Игнатъев выступил на заседании конференции 13 декабря 1876 г. с заявлением о том, что конституирование Болгарии в единую, автономную провинцию принесло бы больше пользы ее населению и вместе с тем было бы гораздо эффективнее и экономнее, так как наличие двух губернаторов, двух управительных советов, двух центров — Тырново и Софии — очень осложнит и удорожит управление.

В протоколе № 3 от 13 декабря о выступлении Игнатьева было записано: «Он настаивает на единстве Болгарии»²¹¹.

Заявление Игнатьева отражало позицию русского правительства и являлось его программой-максимум.

Оказавшись в одиночестве, Игнатьев выдвинул программу-минимум (см. выше)²¹².

Гибкая тактика Игнатьева, председательствовавшего на предварительных совещаниях, позволила все же достичь определенной договоренности: рекомендовать Порте предоставить автономии Боснии и Герцеговине (которые объединялись) и Болгарии. Территория последней подлежала разделу на 2 части: Восточную и Западную со столицами в Тырново и Софии. Им гарантировалась местная администрация и свобода вероисповедания²¹³. На заседании 30 декабря 1876 г. (11 января 1877 г.) Н. П. Игнатьев заявил, что принятые конференцией послов решения являются для его правительства минимумом, не подлежащим более урезыванию, и зачитал телеграмму Александра II о том, что державы не должны упускать из виду своей «серьезной ответственности перед историей и человечеством»²¹⁴.

Несмотря на значительность сделанных уступок, российский уполномоченный справедливо рассматривал достигнутую договоренность как успех; она знаменовала реальный сдвиг в положении южных славян. Согласие держав в противовес Турции давало России очень много в плане политическом. Оно позволяло оказывать реальное давление на Порту, и слышать не желавшую об автономии для Болгарии и считавшую слишком радикальными условия для Боснии и Герцеговины. В случае же срыва мирного урегулирования исчезали основания для вмешательства держав в русско-турецкий конфликт. Царизм мечтал о том, чтобы действовать тогда в качестве некоего мандатария Европы. В то же время был прав Солсбери, подчеркивавший, что достигнут предел уступок со стороны России²¹⁵.

Оставалось добиться согласия у Турции. И тут коса нашла на камень. 19 декабря глава «новых османов» Мидхат-паша стал великим визирем. 23 числа того же месяца в здании турецкого адмиралтейства открылась официальная конференция. Не успели уполномоченные рассесться по местам, как раздался пушечный салют, и Сафвет-паша радостно объявил, что султан только что благоде-
детельствовал верноподданных конституцией, а потому нет никакой нужды в особых гарантиях прав болгар, босняков и герцеговинцев. Конституция, действительно, обещала личную свободу, равенство прав, безопасность имущества, неприкосновенность жилища и т. д. Суть заключалась, однако, в том, что никто ни в самой Турции, ни за ее пределами не верил в возможность осуществления записанных на бумаге положений. В христианских областях она была встречена с недоверием и тревогой, в мусульманских — холодно и даже с негодованием, как «гяурская затея»²¹⁶; правоверные не желали признавать ровней бывшую райю. Как бы ни оценивать с юридической точки зрения принятый документ, в существовавших

условиях это был мертворожденный плод. Молва приписывала Эллиоту участие в инсценировке его провозглашения. Опытные политики, заседавшие на конференции, чувствовали себя глубоко уязвленными: им предлагали разойтись, несолоно хлебавши. В хор их протестов включился и Солсбери. Обнаружилось, однако, что он выражал мнение свое собственное, лорда Дерби и кое-кого из министров, настроенных в пользу достижения договоренности с Россией, но отнюдь не премьер-министра Дизраэли и значительной части консервативной партии²¹⁷.

22 декабря кабинет счел нужным еще раз напомнить, что Великобритания «не согласится и не будет принимать участия в принудительных мерах, военных или морских, направленных против Порты; с другой стороны, Порте следует дать понять, что ей нечего рассчитывать на помощь Англии в случае войны»²¹⁸.

26 декабря Солсбери получил аудиенцию у султана. В ходе беседы он настаивал на принятии предложений держав. Абдул-Хамид ответил, что как конституционный государь он не вправе этого сделать. Разгневанный и раздосадованный министр заявил, что Турции нечего уповать на помощь его страны в случае войны. И это не подействовало. Вернувшись в свою резиденцию, Солсбери отдал распоряжение адмиралу Драммонду отплыть с эскадрой из турецких вод²¹⁹.

В Лондоне его действия были расценены как превышение полномочий. Премьер-министр рвал и метал: «Солсбери во власти предрассудков и не понимает, что его послали в Константинополь для того, чтобы не пустить русских в Турцию, а вовсе не для того, чтобы создавать идеальные условия для турецких христиан»²²⁰. Консервативная пресса заняла резко антирусскую позицию.

Уступчивость царизма влияющие политические круги приписывали слабости России. Ноябрьская речь Александра II, писала газета «Морнинг пост», «не более чем фанфаронада», положение армии внушает тревогу; внутренний заем в 100 млн. руб. потерпел неудачу. «Несмотря на существование Союза трех императоров, царь изолирован и не получил поддержки в попытке добиться силой осуществления решений, принятых конференцией. Российская дипломатия, сознавая слабость своих позиций, постепенно отказывается от собственных требований»²²¹. На страницах печати, в речах политиков замелькало выражение «золотой мост», который будто бы искали российские верхи, чтобы под благовидным предлогом отступить от прежних демаршей в пользу южных славян. Р. Солсбери, не желая портить себе карьеру, включился в упряжку премьер-министра.

Порта, имевшая в Лондоне опытного политического наблюдателя в лице своего посла грека Константина Мусуруса, пришла к выводу, что поддержка Великобритании ей обеспечена. 18 января 1877 г. на заседании дивана с участием видных сановников, улемов, глав религиозных общин предложения держав были отклонены. Затем «конституционный монарх» Абдул-Хамид прогнал реформатора Мидхата с поста великого визиря.

На Даунинг-стрит пришли к выводу, что время играет на руку Англии. Россия с ноября 1876 г. держала под ружьем действующую армию; еще не вступив в войну, она испытывала финансовые трудности. Все это, полагали в Великобритании, побудит Петербург дойти до крайних пределов в уступках. В Лондоне были напуганы очередной «военной тревогой», спровоцированной Бисмарком в январе 1877 г. Разгрома Франции и установления германской гегемонии на континенте здесь боялись пуще огня. Лишь противодействие России предотвратило этот разгром в 1875 г., писал Р. Солсбери: «Если этот противовес исчезнет, политика запугивания, проводимая Бисмарком, может выйти из-под контроля... Если события пойдут по неправильному пути, не минет и двух лет, как нам придется сражаться за Голландию»²²².

В феврале Дизраэли начал беседу с Шуваловым с «сердечных излияний», от которых посол отвык. Премьер просил устранить ошибку, приписывающую ему «воинственные и враждебные по отношению к России чувства». «Это — чистейшая клевета, распространяемая моими врагами,— восклицал он,— я не только миролюбив, но я ваш друг и хочу действовать в согласии с вами». Он говорил, что ни Россия, ни Англия не заинтересованы в низведении Франции до уровня второразрядной державы. Об Османской империи премьер-министр выразился так: «Ее дни сочтены, но надо не ускорять ее падение, а серьезно думать насчет последствий и готовиться к ним». А пока — ждать. Глава правительства обещал построить «не просто золотой мост, о котором столько говорят в последнее время, а мост из бриллиантов и рубинов» к согласию с Петербургом. Шувалов заметил, что для России, держащей под ружьем 500 тыс. человек, предложение дать Турции время звучит иначе, чем для Великобритании. Премьеру надлежит решить, что лучше: «принудительные действия» Европы или изолированная русская акция (т. е. война)²²³.

Несколько ободренное сладкими речами Дизраэли, правительство России решило предпринять еще одну попытку добиться мирного урегулирования. Вокруг осторожного Горчакова и министра финансов М. Х. Рейтерна, с ужасом думавшего о том, где он наберет деньги на военную кампанию, объединились сторонники «мирной партии». Отрезвляюще действовали условия Будапештской конвенции (январь 1877 г.), подписанной с Австро-Венгрией (см. ниже). Последняя добилась непомерной цены за свой нейтралитет в виде согласия на оккупацию своими войсками Боснии и Герцеговины. Царское правительство знало, как остро и болезненно будет воспринята в стране эта уступка. Отказалось оно в ходе переговоров и от возможности создания большого славянского государства на Балканах. Результаты войны были заранее урезаны до минимума. Конвенция поэтому отнюдь не способствовала разжиганию воинственных настроений у немногих посвященных.

В феврале находившийся не у дел Игнатъев отправился в объезд европейских столиц с целью выработать общую позицию для давления на Порту. Вместе с Шуваловым он приступил к беседам с

Дерби, предложив проект протокола, который должны были подписать державы. В нем в самых общих выражениях, без упоминания об автономии славянских областей говорилось о реформах в Османской империи, переводе турецкой армии на положение мирного времени и совместных действиях держав в случае, если их ожидания не оправдаются²²⁴. «Во время чтения документа лорд Дерби слушал с видом недоверия, требуя разъяснений по каждой части и пытаясь найти либо намек на принуждение, либо посягательство на независимость и целостность Оттоманской империи»²²⁵. Затем он подверг проект «педантичной чистке»²²⁶, стремясь под видом редактирования лишить предпринимаемые шаги всякой эффективности. Констатацию необходимости реформ следовало, по его мнению, заменить декларацией об «общем интересе» к ним; слова о «действенном надзоре» — упоминанием о наблюдении; Дерби ни под каким видом не соглашался употребить выражение «действия», предлагая целый набор общих фраз (демарш, меры). Собеседники остановились на формуле «наиболее подходящие средства», которую должен был использовать «концерт»²²⁷. Всплыли два обстоятельства, грозившие завести переговоры в тупик: британский министр требовал записать в протокол обязательство демобилизовать русскую армию и считал целесообразным предоставить Порте годичный срок для проведения реформ²²⁸. И то и другое было совершенно неприемлемо для его собеседников. Шувалов «разъяснил» Дерби вещи, и без того хорошо ему известные, а именно: понесся тяжелые расходы по призыву полумиллионного войска, нельзя распускать его, «не имея уверенности в улучшении участи христиан»²²⁹. А содержать большую армию, царизм не мог позволить себе годичного ожидания.

31 марта в здании Форин оффис состоялась, наконец, церемония подписания документа, превращенного стараниями лорда Дерби в просьбу о реформах, адресованную Порте²³⁰. На свет появился мертворожденный акт, не удовлетворявший ни одну из сторон: Россию — потому, что не давал гарантии реального улучшения положения южных славян; Стамбул — потому, что там были в крайней степени раздражены вмешательством «европейского концерта» в дела Османской империи. Мусульманские ретрограды опасались подрыва средневековых феодальных устоев; «новые османы» видели в нем угрозу плану унификации всех подчиненных Порте земель на базе умеренных реформ. Крайности сошлись, воинствующее направление в турецких правящих кругах возобладало. Мусурус-паша, посол в Лондоне, заявил, что его повелитель скорее пойдет на потерю одной или двух провинций, нежели престижа и независимости²³¹.

Турция отвергла Лондонский протокол. Это означало окончательный провал попыток российской дипломатии добиться мирного урегулирования Восточного вопроса.

Лишены основания утверждения зарубежной историографии, прежде всего турецкой, будто вся эта многомесячная и утомительная деятельность являлась камуфляжем, придуманным коварными

москвитами для того, чтобы усыпить Порту и успокоить европейскую общественность. Нет, это были серьезные и искренние усилия осторожных политиков во главе с А. М. Горчаковым и П. А. Шуваловым, подогреваемые мыслями о неустойчивости финансового положения, опасениями революционного движения внутри страны и международной изоляции. Шувалов оставался сторонником мирного исхода до конца²³². Британская столица была наблюдательным постом, с которого слабости и уязвимые места международных позиций России были видны лучше всего. Послу надлежало пугать. Форин оффис сотрудничеством Петербурга, Берлина и Вены. Дерби вежливо слушал заявления насчет «полного согласия, царящего между тремя северными дворами»²³³, а затем сообщал факты, свидетельствовавшие о вероломстве царских союзников. Андраши вообще отрицал какую-либо договоренность с Россией. Австрийский и немецкий коллеги Шувалова, графы Мюнстер и Бойст, не оказывали ему ни малейшей поддержки. Какое значение может иметь сотрудничество, «окруженное глубокой и непроницаемой тайной»? — вопрошал дипломат²³⁴. Берлинский кабинет «дружески толкает нас на войну», обещая в то же время в Лондоне действовать по договоренности с Британией. К открытию парламентской сессии (февраль 1877 г.) появилась «Синяя книга», посвященная Константинопольской конференции. Были преданы огласке высказывания Андраши против вступления русских войск в Болгарию и выраженные им надежды, что Англия не допустит этого. С Бисмарком Форин оффис считался больше и не решился на раскрытие тайн переговоров. Дерби, однако, заявил в парламенте, что советы канцлера, сделанные Солсбери, будь они оглашены, «привели бы мир в изумление»²³⁵. «Может ли Великобритания верить в искренность и действенность согласия трех императорских дворов?» — задавал вопрос Шувалов²³⁶. «Мы покинуты остальными державами, — писал он, — против нас — общественное мнение Европы, его готовая к взрыву враждебность»²³⁷.

Основания для пессимизма у Шувалова были. И все же он сгущал краски. Человек консервативных воззрений, он не оценил глубинную суть народных движений на Балканах, «судороги» рождения нового капиталистического строя, широту и действенность солидарности русской общественности.

Ставя акцент на неблагоприятные факторы, Шувалов недооценивал плоды большой работы, проделанной российской дипломатией во главе с Горчаковым. Приведем свидетельства видных британских историков. «Хотя Россия обнажила меч одна, а не как мандатарий Европы, ее единичная акция развернулась в условиях, сильно отличных от 1853 г. и, как никогда, благоприятных, — пишет Б. Самнер. — Трижды державы приходили к согласию относительно реформ в Турции, дважды турки их отвергали, единожды дали согласие, но оказались неспособны претворить их в жизнь»²³⁸. Почти в тех же выражениях оценивает положение Р. В. Ситон-Уотсон: «Никогда Россия не начинала турецкой войны при более благоприятных обстоятельствах». «Серьезный вызов можно было ожидать только со

стороны Великобритании, но вряд ли Британия могла выступить одна, без союзника, а его не было»²³⁹.

В этой оценке — ключ к пониманию позиции английских правящих кругов в месяцы, предшествовавшие и последовавшие за объявлением войны. Статус-кво, обеспечивавший Великобритании уникальные позиции в Османской империи, сохранить не удалось. Тогда была поставлена цель, которую Шувалов сформулировал так: «Ни один вопрос, касающийся Востока, не может быть решен без прямого и преобладающего влияния Великобритании»²⁴⁰. «Если бы Англия не чувствовала себя столь изолированной и могла бы заручиться союзником, она не замедлила бы вступить в дело»²⁴¹.

Действительно, если говорить о британском способе ведения войны, недоставало важнейшего звена: антирусской коалиции (одни турки в счет не шли). Не было той «отличной пехоты»²⁴², которую поставляли европейские союзники. Как бы Дизраэли ни похвалялся британской мощью, и он и его коллеги признавали, что бескрайние просторы России неуязвимы для пушек флота ее величества²⁴³.

Слабость дипломатических позиций вынуждала британский кабинет вновь и вновь откладывать принятие кардинального решения. Правда, Дизраэли предложил в качестве «материальной гарантии» занять Дарданеллы. Но в кабинете премьер не встретил поддержки большинства. Дерби, Солсбери, лорд-канцлер Кэрнс²⁴⁴ считали его план слишком далеко идущим и открыто связывающим Великобританию с Турцией. Неизвестно было, когда и при каких обстоятельствах следовало выступить с претензией на главную роль при решении Восточного вопроса. Ясно вырисовывалось одно: шансы на успех будут прямо зависеть от степени измотанности России; отсюда вставала задача крепить турецкую оборону. Этим давно уже занимались британские военные инженеры. С октября 1876 г. они вели рекогносцировку окрестностей Стамбула на предмет строительства новых фортов, делали промеру глубин в Проливах. В списках высших офицеров османской армии значились лица с типичными англосаксонскими именами: генерал Бэйкер-паша, адмирал Хоббарт-паша. Британские эмиссары посещали Карс, Эрзурум, крепости по Дунаю, инспектировали железные дороги. Особенно интересовал их стратегически важный полуостров Галлиполи у входа в Дарданеллы²⁴⁵. Опыленные, по выражению Игнатьева, этими приготовлениями, турки считали, что англичане готовы оказать им военную поддержку, и широко распахивали перед инспекторами двери.

Преобладающее положение на Ближнем Востоке кабинет собирався закрепить захватом стратегических баз и территорий. Главнате́м этого курса теперь выступал Солсбери. По поручению министра группа офицеров во главе с полковником Хоумом обследовала острова Кипр, Лемнос, порты Искендерон у юго-восточного побережья Анатолии, Сен-Жан-д'Акр, Хайфа в Палестине в поисках наиболее выгодных стратегических баз²⁴⁶. Фигурировал также в качестве возможной добычи и остров Крит²⁴⁷. Взоры самого

премьер-министра устремлялись к Проливам, и даже дальше, к Черноморскому побережью. В ноябре 1876 г. он выражал пожелание купить Батум или Синоп. Дерби, слышавший самым умеренным из членов кабинета, мечтал о «нескольких гектарах земли» на полуострове Галлиполли, в Дарданелльском проливе²⁴⁸. «Мысль об утверждении там занимает британские умы с тех пор, как поднят Восточный вопрос. Этот новый Гибралтар, пренадвигающийся развитию морской мощи России, явится в глазах англичан лучшим обеспечением пути в Индию», — сообщал П. А. Шувалов²⁴⁹.

В Петербурге понимали, что, помимо двух фронтов — Балканского и Кавказского, откроется еще и третий, дипломатический, что самым опасным противником на нем является Великобритания, готовая в любой благоприятный момент, используя любые средства — политический нажим, финансовое давление, угрозу военных действий, вырвать у России плоды ее побед.

И готовясь к военным операциям, русская сторона стремилась прежде всего предотвратить вмешательство самого опасного из сухопутных соперников и потенциальных союзников Великобритании, Австро-Венгрии, идя на тяжелые уступки. Все попытки заручиться поддержкой Германии и тем самым сделать габсбургскую монархию стоворчивей провалились. Бисмарк не переставал расточать в Петербурге дружеские заверения, однако тщательно избегал конкретных обязательств. В сентябре 1876 г. он послал в Варшаву на маневры русской армии фельдмаршала Эдвина Мантейфеля с посланием Вильгельма I царю: «Воспоминание о Вашей позиции, столь полезной для меня и моей страны с 1864 до 1870/71 г., будет определять мою политику по отношению к России, что бы ни произошло»²⁵⁰. Однако, когда Александр II и Горчаков попытались воспользоваться этими заверениями, у них ничего не вышло. В конце октября царь прямо спросил военного уполномоченного Германии в Петербурге генерала Вертера: можно ли рассчитывать на немецкую поддержку, если дело дойдет до войны между Россией и Австрией?

Этот был как раз тот вопрос, которого стремился избежать Бисмарк. Пришлось объясниться. Смысл его ответа, переданного через посла Швейница, заключался в том, что в случае русско-австрийской войны Германия сохранит нейтралитет; ее интересам не отвечает поражение России; но — и это было главным — столь же важно для Германии сохранение Австро-Венгрии в качестве великой державы. Александр II и Горчаков поняли, что разгрома габсбургской монархии Берлин не допустит.

Итак, конфликт с Веной грозил бы перерастанием в общеевропейский: в него почти наверняка вступила бы Великобритания; это была война без права на выигрыш, стало быть, с самого начала безнадежная и бесперспективная. Отсюда — курс Петербурга на соглашение с Гапсбургами ценой тяжелых жертв за счет балканских народов.

Первоначальные варианты австро-русской секретной конвенции, составленные Д. Андранш и Е. П. Новиковым, значительно отли-

чались друг от друга, в первую очередь в пунктах, касавшихся Боснии и Герцеговины²⁵¹. Характерно, что, зная уже о серьезных претензиях Андраши не только на Боснию, но и на Герцеговину. Новиков не включил в свой проект конвенции упоминание о Герцеговине. В составленном им проекте говорилось: «Договаривающиеся стороны взаимно обязуются не распространять сферы своего влияния: е. в. император австрийский — на Румынию, Сербию, Черногорию, е. в. император всероссийский — на Боснию»²⁵²; Андраши «уточнял» этот пункт в соответствии с австрийскими экспансионистскими планами, «император всероссийский — на Боснию, Герцеговину, Сербию, Черногорию»²⁵³. Очевидно, что Новиков, принимая во внимание всю сложность международной обстановки и углубление русско-австрийских противоречий, в том числе и по вопросу о Боснии и Герцеговине, считал необходимым и возможным отстоять в спорах между Петербургом и Веной хотя бы Герцеговину, исключив ее из зоны австро-венгерской оккупации. Но сломить упорство Андраши ему не удалось. В окончательном варианте конвенции²⁵⁴ была официально закреплена плата за австро-венгерский нейтралитет в случае русско-турецкой войны: Австро-Венгрия оставила за собой право выбора момента и способа занятия своими войсками Боснии и Герцеговины²⁵⁵. Фигурировал и отказ от планов создания большого славянского государства. Австро-Венгрия обязывалась соблюдать по отношению к России позицию «благожелательного нейтралитета» и, насколько это будет от нее зависеть, «парализовать путем дипломатического воздействия попытки вмешательства или коллективного посредничества»²⁵⁶ западных держав, что имело важное значение для России. Конвенция была подписана 15 января 1877 г. в Будапеште. Уступить в дипломатической борьбе с Австро-Венгрией России заставил целый ряд причин. К этому ее побуждала реально существовавшая опасность политической изоляции, создания враждебной коалиции держав, а также стратегическая обстановка — «угроза, которую представляла для русских войск, проникших на Балканы, австро-венгерская армия, сосредоточенная на трансильванском плацдарме»²⁵⁷, что усугублялось невозможностью для России широко использовать черноморские коммуникации при отсутствии у нее здесь сколько-нибудь значительного флота.

5

Позиция Румынии и Греции

В начале Восточного кризиса середины 70-х годов XIX в. румынское консервативное правительство Л. Катарджиу объявило о сохранении нейтралитета. Это объяснялось тем, что экономические интересы помещичьих кругов, которые это правительство защищало, могли быть сравнительно полно удовлетворены в рамках широкой автономии, которой пользовалась страна. К тому же правительство опасалось развертывания национально-освободительного движения

на Балканах; в перспективе это должно было привести к появлению здесь новых государственных образований, «грозило» укреплением и расширением Сербии и Греции, которых в Бухаресте рассматривали как соперников. Наконец, немаловажное значение имело давление, которое оказывали на кабинет Л. Катарджиу западные державы, стремившиеся сохранить статус-кво в Османской империи и рассматривавшие вассальную от Порты Румынию в качестве барьера на пути России, если бы последняя решила оказать помощь балканским народам²⁵⁸. Политика нейтралитета, которой придерживались консерваторы, по существу вела к сохранению вассалитета и препятствовала обретению независимости Румынии, а это, в свою очередь, тормозило социально-экономическое развитие страны (дань Порте, стеснения в ведении внешней политики и торговли).

Промышленная и мелкая буржуазия и обуржуазившиеся помещики, зачастую владевшие промышленными предприятиями, стремясь устранить препятствия, которые турецкий сюзеренитет воздвигал на пути развития индустрии, требовали ведения более активной политики, чтобы добиться независимости. Надеясь на то, что обретение независимости поможет улучшению социально-экономического положения страны, городские низы и крестьянство сочувствовали и поддерживали борьбу балканских народов против Османской империи²⁵⁹.

На страницах румынских газет, в выступлениях политических деятелей в парламенте и на собраниях все чаще звучали призывы поддержать освободительное движение соседей. Хорошо вооруженный отряд под руководством офицера Бану переправился через Дунай в Боснию и Герцеговину²⁶⁰.

Выступления общественности и газет побудили правящие круги активизировать свою позицию. Не изменяя в целом политику нейтралитета, некоторые члены кабинета, в первую очередь военный министр генерал И. Флореску, стали ратовать за усиление армии и укрепление пограничной линии. На берегу Дуная и на о-ве Карга, расположенном напротив турецкой крепости Рушук (Русе), начали возводить укрепления. В Германии было закуплено оружие. Наконец, 4(16) января 1876 г. премьер Л. Катарджиу предложил румынским агентам в столицах держав прозондировать отношение к предоставлению Румынии полного государственного суверенитета²⁶¹. Карл лично вел переговоры с дипломатами на предмет провозглашения независимости страны²⁶².

Однако циркуляр Л. Катарджиу и акции румынских политических деятелей встретили холодный прием в столицах покровительствующих держав. Давление держав заставило румынское правительство вернуться на позиции строгого нейтралитета. Новый министр иностранных дел И. Балэчану упрекал сербского агента в Бухаресте Петровниевича за то, что Сербия «непродуманно пошла по пути катастрофы, не имея гарантий помощи извне»²⁶³. Под предлогом слабости собственной артиллерии румынский кабинет отказался продать оружие и лошадей Сербии²⁶⁴. Сербским офицерам Драгашеви-

чу и Живановичу, пытавшимся получить материальную помощь от Болгарского центрального революционного комитета в Бухаресте, предложили покинуть страну. Министерство внутренних дел дало распоряжение префектам придунайских уездов принять меры к недопущению перехода вооруженных болгар на правый берег Дуная²⁶⁵.

В апреле 1876 г. либералы, используя недовольство непопулярной внутренней и внешней политикой консерваторов, свалили кабинет Л. Катарджиу. С приходом к власти их пыл в борьбе за «священные интересы нации» заметно ослабел. Стремясь укрепить свои позиции в стране и заручиться поддержкой не только промышленной и мелкой, но и торгово-финансовой буржуазии и обуржуазившихся помещиков, ориентировавшихся на западные державы, правительство М. Костаки-Епуряну в разгар Апрельского восстания 1876 г. сделало официальное заявление о том, что его «внешняя политика будет мирной, полной уважения к международным трактатам, которые закрепляют политическое положение Румынии, обеспечивают независимость и гарантируют нейтралитет»²⁶⁶. Префектам и начальникам портов Дуная было приказано усилить пограничный надзор, чтобы не допустить переход повстанцев в Болгарию²⁶⁷. Аналогичные указания последовали из министерства внутренних дел²⁶⁸.

Справедливости ради надо сказать, что население Румынии с сочувствием относилось к повстанцам, освободительному движению соседей, а власти придунайских уездов закрывали глаза на подготовку болгар к восстанию. На румынской территории действовали болгарские комитеты, сколачивая отряды борцов. Революционным демократ Христо Ботев выпускал газету «Знамя», которая открыто призывала болгарский народ к оружию²⁶⁹.

16(28) мая чета во главе с Христо Ботевым переправилась на правый берег Дуная. Под давлением Турции и западноевропейских держав новый румынский министр иностранных дел М. Когэлничану потребовал от австрийской судоходной компании отправить пароход «Радецкий», который использовал Х. Ботев для переправы, в распоряжение следственной комиссии. Румынским властям было предписано вести строгий контроль за перевозкой через Дунай пассажиров и грузов, усилить пограничные посты и пикеты. Был секвестрирован транспорт с оружием для болгарских повстанцев, высланы из Румынии видные деятели болгарского освободительного движения Л. Каравелов и К. Цанков.

Строгости продолжались недолго. Летом 1876 г. развитие национально-освободительного движения на Балканах, более решительный курс русского правительства после подавления Апрельского восстания и вступление Сербии и Черногории в войну против Турции оказали влияние на кабинет либералов. Было разрешено производить сбор денежных средств в стране в пользу болгар, босняков и черногорцев; были освобождены 30 болгар и сербов, активных участников движения; в июле правительство разрешило русским добровольцам тайно переходить небольшими группами через румынскую территорию²⁷⁰.

Вместе с тем румынский кабинет стремился скрыть факты перевозок оружия от представителей западных держав, которые болезненно реагировали на малейшее нарушение нейтралитета Румынии. Не расстался он и с надеждой на то, чтобы добиться независимости дипломатическим путем. Отсюда — непоследовательность и постоянные колебания. В июне 1876 г. Сербии было отказано в перевозке через территорию Румынии транспорта с оружием, слишком значительного для того, чтобы провести его тайно. Бухарестский кабинет отверг просьбы сербского князя Милана Обреновича о вступлении Румынии в войну. Тщетны были попытки сербских дипломатов уговорить румынских коллег придерживаться хотя бы безусловно благожелательного нейтралитета. Им было сказано в ответ, что Румыния будет сохранять нейтралитет «во имя своих интересов»²⁷¹. Вновь на русско-румынской границе стали задерживать транспорты с оружием и добровольцами, направлявшимися в Сербию. Мало того, стремясь не быть втянутым в «войну славян, которая румын не касается» и обеспечить интересы торговли западных стран, румынское правительство добилось нейтрализации Дуная на участке границы между Румынией и Сербией. Правительство М. К. Енуриану обязалось «не допускать формирования отрядов в пользу Сербии», а также провоза в эту страну оружия и снаряжения²⁷².

М. Когэлничану рассчитывал, что политика нейтралитета Румынии, проводимая в условиях широкого национально-освободительного движения на правом берегу Дуная и неустойчивого внутреннего положения в самой Турции, роль «барьера, которую играла Румыния на пути волны нашествия России против Турции», будет оценена Портой²⁷³ и она признает — если не формально, то хотя бы фактически — независимость Румынии.

16(28) июня 1876 г. М. Когэлничану направил Порте меморандум с требованием признать «индивидуальность и неприкосновенность» Румынского государства, принять в дипломатический корпус в Константинополе румынского представителя, ликвидировать юрисдикцию турецких консулов над румынскими подданными, находившимися за рубежом, признать румынские паспорта, урегулировать спорные пограничные вопросы, заключить с Румынией торговую, почтовую, телеграфную конвенции²⁷⁴. По словам русского генерального консула в Бухаресте Зиновьева, целью меморандума М. Когэлничану было фактическое обретение Румынией прав суверенного государства²⁷⁵.

Порта и западные державы отрицательно отнеслись к этому демаршу²⁷⁶. Не желая осложнять положение на Балканах, русские дипломаты сочли выдвинутые в меморандуме требования Румынии «несвоевременными». Однако в отличие от своих западных коллег они признавали их справедливость и полагали, что в будущем Румыния сможет добиться выполнения положений циркуляра, за исключением пункта об установлении румыно-турецкой границы по фарватеру нижнего Дуная²⁷⁷.

20 июля (1 августа) Когэлничану сделал следующий решительный шаг. Он выразил протест против бесчинств османских полчищ

в Болгарии. Наконец, 24 июля (5 августа) он направил циркуляр румынским представителям за границей, в котором угрожал, что если Порты не удовлетворит выдвинутые в его меморандуме требования и ее войска не прекратят кровопролитие на балканских землях, румынский кабинет изменит внешнеполитический курс и откажется от политики нейтралитета²⁷⁸.

Указанные циркуляры явились последней внешнеполитической акцией М. Когэлничану. Он перепугал собственных коллег. Противоречия в среде либералов и давление западных государств вынудили кабинет М. К. Епуряну уйти в отставку.

Сменившее его либеральное правительство во главе с И. К. Брэтиану придерживалось тактики лавирования. Новый министр иностранных дел Н. Ионеску направил предписание румынским агентам за рубежом — не давать хода последнему циркуляру М. Когэлничану; он неоднократно подтверждал, что будет продолжать политику «абсолютного нейтралитета»²⁷⁹. В румынский порт Турну-Северин был допущен турецкий консул, игравший роль не столько торгового, сколько политического наблюдателя²⁸⁰.

Обострение Восточного кризиса в результате поражения Сербии, реальная возможность возникновения русско-турецкой войны, недовольство в стране, протесты в прессе и воздействие русской дипломатии заставили либеральный кабинет вновь изменить свой курс и пойти на сближение с Россией²⁸¹. В августе 1876 г. правительство, по настоянию русских дипломатов, заняло благожелательную к Сербии позицию. Русские волонтеры свободно пропускались через румынскую территорию, если румынские власти предупреждались об этом заранее. По настоянию лидера радикалов К. А. Росетти парламент принял решение оказать помощь болгарским и сербским беженцам. М. Когэлничану вернулся к руководству внешними делами.

Угроза русско-турецкой войны, особенно после разгрома сербских войск в сербо-черногорско-турецкой войне, побудила румынское правительство начать переговоры с Австро-Венгрией и Россией, чтобы определить свой внешнеполитический курс. В августе румынский премьер вступил в контакт с австрийцами, воспользовавшись визитом императора Франца Иосифа в г. Сибиу (Германиштадт) в Трансильвании. Венские дипломаты советовали ему разрешать проход по территории Румынии войск России, но не заключать с ней соглашения. Этот совет, будь он принят, мог превратить Румынию в театр военных действий без гарантии улучшения ее политического статуса.

В сентябре (октябре) 1876 г. делегация во главе с И. К. Брэтиану направилась в Крым, в Ливадию, на переговоры с Александром II и Горчаковым. Была достигнута принципиальная договоренность не только о прохождении русских войск через румынскую территорию, но и о предоставлении государственной независимости Румынии в случае политических и территориальных изменений в Османской империи. Горчаков не скрыл от И. К. Брэтиану и вероятность территориальных изменений в результате победоносной войны против Турции²⁸².

Ливадийские переговоры явились поворотным пунктом в русско-румынских отношениях и во внешней политике Румынии вообще, значительным шагом по пути отхода от политики нейтралитета.

Западные державы были чрезвычайно обеспокоены результатами поездки румынской делегации в Ливадию, воинственными заявлениями румынского премьера и радикальной прессы, склонявшейся к союзу с Россией, мобилизацией армии, маневрами войск. Нажим на Бухарест с целью возвращения к политике строгого нейтралитета усилился, однако на этот раз без видимых результатов ²⁸³.

Поражение сербских войск, мобилизация в России предвещали войну. В этих условиях необходимо было ускорить заключение русско-румынской конвенции о прохождении войск через территорию Румынии. В ноябре в Бухарест для переговоров был послан первый советник российского посольства в Константинополе Нелидов. Стороны составили проект политической конвенции и военного соглашения ²⁸⁴.

Однако давление со стороны западных держав и беспочвенные надежды части антирусски настроенных румынских консерваторов и умеренных либералов на то, что предстоящая Константинопольская конференция держав даст Румынии гарантии «индивидуального нейтралитета» на случай русско-турецкой войны и превратит ее в своеобразную «Бельгию Востока», заставили румынское правительство медлить с заключением русско-румынской конвенции и добиваться поддержки западных держав ²⁸⁵.

Отказ западных держав гарантировать положение Румынии и провозглашение новой турецкой конституции 1876 г., в которой Румыния объявлялась «привилегированной провинцией Османской империи», пограничные конфликты с Турцией и угроза оккупации, требования румынской общественности о проведении более активной политики с целью обретения независимости вынудили румынское правительство дать принципиальное согласие на подписание русско-румынской конвенции ²⁸⁶. Румынскому правительству по его просьбе был предоставлен русский займ и поставлено оружие.

4(16) апреля 1877 г. были подписаны две русско-румынских конвенции. В политической конвенции румынское правительство давало согласие на проход русских войск через румынскую территорию. Россия обязывалась уважать и соблюдать политические права румынского государства и защищать неприкосновенность Румынии. Военная конвенция детально предусматривала условия перехода русских войск по румынской территории.

Конвенция открывала путь для русско-румынского военного сотрудничества и участия Румынии в войне против Османской империи за завоевание своей государственной независимости ²⁸⁷. Значение ее исключительно велико: впервые молодое княжество заключало международный политический акт с великой державой на условиях полного равноправия. Де-факто подпись российского представителя означала признание независимости Румынии и предопределяла позицию России при окончательном мирном урегулировании.

С точки зрения России, конвенция положила конец колебаниям

и маневрам румынского правительства и открывала перед ее армией дорогу к Дунаю и дальше, к Балканским горам.

В Греции противоречия между осторожным официальным курсом греческого правительства и настроениями общественности, стремившейся к объединению населенных соотечественниками земель (см. гл. 7), обострились летом 1875 г., когда вспыхнуло национально-освободительное восстание в Боснии и Герцеговине. Тогдашний премьер-министр Х. Трикупис поспешил заверить представителей европейских держав, что Греция будет придерживаться строгого нейтралитета и что единственным путем для нее является политика дружбы и сотрудничества с Турцией²⁸⁸. Официальная греческая политика не изменилась и тогда, когда весной 1876 г. национально-освободительное восстание охватило Болгарию. Однако демократические силы Греции с большой симпатией отнеслись к освободительным выступлениям других балканских народов. В январе 1876 г. в Афинах образовался новый политический клуб «Ригас», названный в честь выдающегося греческого революционер-демократа XVIII в., поборника сотрудничества балканских народов в освободительной борьбе Ригаса Велестинлиса. Организация эта, объединявшая прогрессивно настроенную молодежь, выступала за создание федерации балканских народов на демократических принципах²⁸⁹. Клуб «Ригас» начал сбор средств в пользу боснийско-герцеговинских повстанцев. В его обращении к греческой общественности, опубликованном в афинских газетах, говорилось: «Когда наши отцы, без средств и без подготовки, подняли оружие против Турции, тогда еще столь могущественной, все нации встали на сторону нашей священной войны и предложили свой обол, дав таким образом доказательство своей симпатии к нам. Теперь народ, связанный с нами теми же клятвами и теми же надеждами, поднял оружие в защиту своих прав и своей победы. Можем ли мы остаться равнодушными к этой борьбе? Если наш обол и не является существенной помощью, то он, по крайней мере, станет большим утешением для наших братьев, так как покажет им, что здесь существуют еще сердца, которые бьются с ними в унисон!»²⁹⁰. Апрельское восстание, несмотря на разжигавшуюся шовинистическими кругами вражду к болгарам, нашло сочувственный отклик в прессе²⁹¹.

Национально-освободительная борьба балканских народов вызвала подъем освободительных настроений у греческого населения Европейской Турции. Особенно по-боевому были настроены жители Крита. В письме, которое «водители и капитаны» Крита 5(17) сентября 1875 г. направили повстанцам Боснии и Герцеговины, говорилось, что «критянин не останется холодным и безучастным перед лицом восстания героического и единоверного народа против нестерпимого оттоманского ига. Критянин никогда не забывал, что в последнем длительном и кровопролитном восстании этого многострадального острова много славянских братьев сражалось с ним рядом, перенося те же лишения и страдания, что и он... Продлите, насколько возможно, свое сопротивление туркам и отнеситесь с доверием к предстоящему нашему сотрудничеству»²⁹².

В дальнейшем успехи боснийско-герцеговинских повстанцев укрепили решимость критян также начать вооруженную борьбу. Консул России Г. К. Дубницкий сообщал с о-ва Сирос: «По мере того как бессилие Порты подавить оружием мятеж в восставших провинциях обнаруживается все более и более, надежды здешних кандиотов* на восстание с весенним временем в Кандии и шансы на успех все больше и больше возрастают и самоуверенность усиливается. По отзыву их, критяне-греки чувствуют себя достаточно могущественными для того, чтобы начать свой давно задуманный поход»²⁹³.

В первые месяцы 1876 г. в некоторых горных районах Крита начали собираться вооруженные группы. Приготовления к восстанию начались также в Эпире, Фессалии и Южной Македонии. Они велись при поддержке действовавших на территории свободной Греции тайных националистических организаций.

Афийское правительство в соответствии с проводимой им политикой нейтралитета принимало меры для «успокоения» греческого населения Европейской Турции. В мае-июне 1876 г. греческим консулам в султанских владениях были посланы секретные циркуляры, в которых давалось указание сделать все возможное для предупреждения освободительных выступлений.

Между тем балканские государства весьма рассчитывали на действие Греции. В первую очередь это относилось к Сербии, готовившейся к войне с Турцией. 5(17) февраля 1876 г. князь Милан в беседе с греческим генеральным консулом Доскосом заявил, что считает основой своей политики сербо-греческий союзный договор 1867 г. В случае раздела европейских владений султана области с сербским населением должны отойти к Сербии, с греческим — к Греции. Князь добавил, что главный фактор осуществления этих планов он видит в военно-политическом союзе Сербии и Греции, «так как наше географическое положение и наши вооруженные силы, соединенные вместе, сделают нас центром военного и политического движения против Турции, и мы станем освободителями поработанных христиан... Наш искренний союз и общие действия Греции и Сербии достаточны для достижения нашей цели». Князь сообщил греческому дипломату о предпринятых им шагах для подготовки вооруженных выступлений в различных районах Европейской Турции. С этой целью он вступил в тесный контакт с находившимся в Бухаресте Болгарским революционным центральным комитетом и тайно послал своего эмиссара в Албанию, чтобы и там подготовить почву. Греческое правительство дало отрицательный ответ на предложение князя Милана. В телеграмме министра иностранных дел Кондоставлоса Доскосу от 11(23) февраля 1876 г. говорилось: «Греческое правительство в настоящее время совершенно не подготовлено и не надеется завершить приготовления в обозримом будущем». Болезненную реакцию в Афинах вызвало сообщение князя Милана осылке им своего эмиссара в Албанию, которую греческие пра-

* Второе название о-ва Крит — Кандия.

влящие круги рассматривали как свою исключительную сферу влияния. В телеграмме Кондоставлоса подчеркивалось, что жители Албании «связаны с греческой расой многими и нерасторжимыми узами» и что «греческое правительство имеет все необходимые средства для того, чтобы действовать в Албании без посторонней помощи».

Несмотря на обескураживающий характер греческого ответа, правительство Сербии не теряло надежды на установление военнополитического сотрудничества с Грецией. 27 мая (8 июня) 1876 г. сербский министр иностранных дел Й. Ристич, информировав Доско-са о предстоящем военном выступлении Сербии и Черногории против Турции, выразил надежду, что Греция будет готовиться к военным действиям и что греки османских провинций присоединятся к общей борьбе²⁹⁴.

Но и после начала в июне 1876 г. сербо-черногорско-турецкой войны Греция продолжала придерживаться политики нейтралитета. Она определялась недостаточной военной подготовленностью страны, расчетами ее правящих кругов добиться территориальных приращений без риска, связанного с войной, а также нажимом великих держав, призывавших Грецию к «спокойствию» и «сдержанности». Следует заметить, что до середины 1876 г. линия поведения П. А. Сабурова не отличалась существенно от линии поведения его коллег. Сам посланник позднее характеризовал свои действия следующим образом: «Руководствуясь намерением императора избежать войны и ограничиться тем, чтобы добиться для христианских провинций Турции более человеческого режима, я действовал в Афинах в направлении поддержания мира и спокойствия в этой части Востока»²⁹⁵. После военного выступления славянских государств против Турции в правящих кругах России резко активизировались сторонники решительных действий на Балканах. И Сабуров изменил позицию.

После начала сербо-турецкой войны, по его собственным словам, он видел свою задачу в том, чтобы и не подталкивать греков, но и не мешать им оказывать поддержку сербам, если бы за несказалось общественное мнение. Проявленная же Грецией пассивность, считал русский дипломат, объяснялась расчетами греческих руководителей получить определенные выгоды от Восточного кризиса без какого-либо риска для себя²⁹⁶. В другом письме П. А. Сабуров приводил характерное высказывание одного из самых крупных политиков Греции — Харилаоса Трикуписа: «Наш интерес побуждает нас сохранять сейчас спокойствие. Турция рухнет и без нас; славяне с этим справятся, а нам нужно только подождать»²⁹⁷. Это высказывание отражало и настроения короля Георга I. Во время своего длительного турне по европейским столицам в апреле—ноябре 1876 г. он пытался извлечь определенный капитал из греческой политики нейтралитета. В беседах с государственными деятелями греческий монарх вменял в заслугу своему правительству то, что в греческих провинциях Европейской Турции в отличие от славянских царит спокойствие. Король выражал надежду, что Греция будет вознаграждена державами за свое «благоразумие». Хотя в

Лондоне, Париже, Вене, Берлине, где побывал Георг I, выразили «понимание» позиции Греции, но от каких-либо конкретных обещаний уклонились ²⁹⁸.

Летом 1876 г. греческий король посетил и русскую столицу. Тогда уже вовсю шла сербо-черногорско-турецкая война, но в Петербурге отнюдь не поощряли Георга нарушить нейтралитет, так как Россия не могла оказать какую-либо материальную помощь Греции. В то же время А. М. Горчаков предупреждал его о серьезных последствиях проявления какого-либо антагонизма, даже кажущегося, между греками и славянами ²⁹⁹.

Пассивная политика греческого правительства в условиях нараставшего подъема национально-освободительной борьбы на Балканах вызывала растущее недовольство в стране. Расхождения по поводу политического курса существовали и между королем и премьер-министром. Пост этот с октября 1875 г. занимал видный политический деятель А. Кумундорос, являвшийся сторонником совместных действий балканских народов в освободительной борьбе. После начала войны Сербии против Турции у него возникли планы оказания военной помощи сербам. Об этом сам греческий премьер весьма доверительно сообщил российскому посланнику в конце июля 1876 г. В беседе был затронут вопрос о перспективах войны Сербии против Турции. Греческий премьер интересовался мнением русского дипломата относительно того, смогут ли сербы продержаться до зимы. П. А. Сабуров выразил мнение, что в случае поражения сербов Россия придет им на помощь. «Но если сербы и продержатся до зимы,— продолжал Сабуров,— найдут ли они новых союзников будущей весной? Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто захочет им помочь?» — «Я, если буду еще министром»,— ответил Кумундорос. Он добавил, что сербам нужно продержаться до зимы, чтобы обеспечить благоприятный для них поворот в общественном мнении Греции. На замечание Сабурова, что сербам, учитывая явное неравенство сил сторон, придется пролить для этого реки крови, премьер ответил: «Если мы хотим быть свободными, то другого выхода нет. Никогда еще ни одно государство не умирало естественной смертью или от финансового расстройства. Нужно помочь Турции умереть». Премьер сообщил посланнику и о своих планах оказания военной помощи Сербии. Греческая регулярная армия насчитывала всего 8—9 тыс. человек. С призывом на военную службу резервистов и отставных солдат численность ее могла быть доведена до 15 тыс. Кроме того, он рассчитывал в течение осени и зимы сформировать милицию из 30 тыс. человек. «Этого будет достаточно для того, чтобы поднять на восстание Эпир и Фессалию и осуществить эффективную диверсию в пользу сербов. Придется пожертвовать несколькими греческими портами, которые будут разрушены или оккупированы турецким флотом. Но это неизбежно». Кумундорос просил Сабурова сохранить разговор в строжайшей тайне, так как преждевременное раскрытие планов неизбежно привело бы к отстранению его от власти ³⁰⁰. Расхождения между Георгом I и Кумундоросом не были простым расхождением во мнениях. Проводя вдохновля-

ему самым королем политику нейтралитета, премьер-министр имел в виду и иную альтернативу. Он поддерживал тайные политические связи с греческими провинциями Османской империи, с соседними балканскими странами. Одним из доверенных лиц премьера был Леонидас Вулгарис, отважный балканский революционер, участник всех греческих восстаний со времени Крымской войны. После начала войны Сербии и Черногории с Турцией Л. Вулгарис снарядил несколько отрядов в соседние провинции Османской империи. Греческие добровольцы сражались в сербских войсках, по всей Греции был организован сбор средств в пользу жертв войны в Сербии³⁰¹.

Русские дипломаты предпринимали в Афинах и Константинополе усилия для улучшения греко-болгарских отношений, обострившихся в результате церковного конфликта 60-х годов. П. А. Сабуров, в частности, в сентябре 1876 г. беседовал по этому поводу с видными политическими деятелями Греции А. Кумундоросом, Х. Трикунисом, М. Реньерисом и известным историком профессором К. Папарригопулосом — людьми, пользовавшимися большим влиянием в греческих кругах Константинополя. Посланник убеждал их, что Россия отнюдь не враждебна эллинизму и не собирается лишать его места под солнцем, что в ее интересах установление согласия между «христианскими расами» Балкан. По сообщению Сабурова, собеседники его проявили понимание³⁰².

Действия царских дипломатов по сглаживанию конфликтов между балканскими странами были продиктованы определенными политическими расчетами. В случае русско-турецкой войны, вероятность которой все возрастала, в интересах России было создание единого балканского фронта против Турции. В ближайшей перспективе была и международная конференция (Константинопольская; см. § 4 наст. главы), которая должна была обсудить положение в европейских провинциях Османской империи. В этих условиях неурегулированность вопроса о границах болгарского экзархата была только на руку западным державам и туркам. Однако посреднические усилия русской дипломатии оставались безрезультатными прежде всего из-за дальнейшего и быстрого обострения международных противоречий вокруг Восточного вопроса.

Как указывалось выше, Великобритания 21 сентября 1876 г. выступила с формальной инициативой созыва конференции в Константинополе. Отсутствие в британской ноте упоминания о греческих областях Европейской Турции вызвало раздражение афинского правительства, рассчитывавшего получить от держав награду за свое «хорошее поведение». В представлении, сделанном 18(30) сентября 1876 г. правительствам великих держав, оно настаивало на распространении на населенные греками провинции Османской империи привилегий, которые предполагалось предоставить Боснии, Герцеговине и Болгарии. Отказ от выполнения этого требования, говорилось в заявлении, может заставить поработенное греческое население прибегнуть к оружию, и «греческое правительство будет больше не в состоянии удержать его»³⁰³.

Одновременно по всей стране были организованы митинги, са-

мый большой из которых, с участием 8 тыс. человек, прошел в Афинах. Участники митингов осуждали державы за то, что они покинули на произвол судьбы греческое население Османской империи, требовали проведения военных приготовлений и немедленного возвращения загостившегося за рубежом короля в Грецию. К сторонникам решительных действий, которых раньше именовали «славянскими агентами», теперь примкнули и консервативные круги³⁰⁴. В связи с изменениями в настроении общественного мнения А. Кумундорос в октябре 1876 г. вступил в переговоры с П. А. Сабуровым. В ходе бесед с русским посланником греческий премьер стремился выяснить, на какие территориальные приобретения может рассчитывать его страна, если в случае русско-турецкой войны она станет на сторону России. Но позиция петербургского кабинета по этому вопросу еще не определилась. Переговоры Кумундорос—Сабуров продолжались до открытия Константинопольской конференции без каких-либо определенных результатов³⁰⁵. К участию в начавшейся 11(23) декабря 1876 г. в Константинополе конференции Греция, как и другие малые страны, привлечена не была. Греки европейских провинций Турции высказали свои пожелания в петициях, направленных в адрес конференции. В петициях эмигрантов из Эпира, Фессалии, Крита, проживавших в Греции, ставился вопрос об улучшении положения населения этих провинций. Тон их был неодинаков. По словам П. А. Сабурова, в петиции эпиротов «сильно проглядывает чувство зависти по отношению к славянскому населению». «В этом смысле петиция фессалийцев более умеренна в своих выражениях». Петиция же критян отличалась от двух вышеуказанных. Они не требовали представления им каких-либо новых прав, а соблюдения предоставленных им уже по Органическому статуту 1868 г.³⁰⁶ Со своей стороны греческий посланник в Константинополе А. Кундуриотис, действуя в кулуарах конференции, добивался включения греческих провинций Османской империи в сферу действия реформ, предложенных державами. В этом вопросе проявились значительные расхождения между Афинами и греческой верхушкой Константинополя.

Влиятельные греческие круги Константинополя — духовные и светское окружение патриарха, богатые банкиры, руководители просветительных и профессиональных обществ — вообще выступали против каких-либо реформ, особенно против предоставления автономии Болгарии, рассматривая их как угрозу их планам эллинизации православного населения Османской империи и преобразования ее в греко-турецкое государство, в котором они, уверенные в своем «культурном и экономическом превосходстве», рассчитывали со временем занять руководящее положение. В греческих общинах был повсеместно организован сбор подписей под петицией, выражавшей верноподданнические чувства султану и осуждавшей попытки держав провести реформы в славянских провинциях империи³⁰⁷. Эти действия греческой знати Константинополя укрепляли Порту в ее неуступчивой позиции по отношению к требованиям великих держав.

Интервал между Константинопольской конференцией и началом 12(24) апреля 1877 г. русско-турецкой войны был периодом интенсивной дипломатической активности Греции. В начале 1877 г. Румыния и Сербия предлагали ей союз и сотрудничество. За неделю до начала русско-турецкой войны А. М. Горчаков сообщил в Афины о большой заинтересованности России в вооруженном выступлении греков Эпира и Фессалии против Турции. В случае участия в войне самого греческого королевства Россия, заявил министр, не будет возражать против включения в его состав греческих провинций Европейской Турции³⁰⁸.

Однако все эти предложения не нашли какого-нибудь отклика у правящих кругов Греции. Объяснялось это в значительной степени тяжелым финансовым положением страны и ее военной слабостью. Государственный бюджет Греции в 1876 г. был сведен с дефицитом в 3 млн. драхм. К началу 1877 г. греческая армия, включая жандармерию, насчитывала около 12 200 человек, в том числе 754 офицера и 444 музыканта. Вооружение пехоты было весьма разношерстным: артиллерия располагала лишь ограниченным количеством старых полевых орудий небольшого калибра, заряжавшихся с дула. В плечевом состоянии находился и греческий флот. Имелся лишь один боеспособный военный корабль в точном смысле этого слова — броненосец «Василевс Георгийос». Числившиеся в строю несколько миноносцев представляли собой переоборудованные речные пароходы³⁰⁹. В конце октября 1876 г. Кумундорос внес в парламент ряд законопроектов, имевших целью усилить боеспособность греческих вооруженных сил и таким образом подготовиться к военному выступлению против Турции. Они предусматривали, в частности, введение всеобщей воинской повинности, обязательное военное обучение всех мужчин в возрасте от 20 до 30 лет, закупку новых кораблей для военного флота. Для финансирования этих мероприятий предполагалось ввести новые налоги и выпустить заем в 10 млн. драхм. Однако в афинских политических кругах имелась влиятельная группировка, выступавшая против совместных действий Греции с Россией и балканскими государствами. Выступая в парламенте при обсуждении законопроектов, лидер этой группировки Э. Делигоргис запугивал депутатов «славянской угрозой»: «Панславизм желает завоеваний, угрожает политическому равновесию и стремится получить преобладание над эллинизмом на Востоке». В ответном выступлении Кумундорос выразил свое убеждение в необходимости совместных действий всех балканских народов для достижения общей цели. «Я верю, — сказал премьер, — что Восток возродится и обретет свое бытие посредством Востока и что спасение для него может быть только в братстве восточных народов». Но Кумундорос проиграл тогда политическую битву. Большинство в один голос палата депутатов отвергла внесенные им законопроекты³¹⁰. Начался острый политический кризис, приведший к отставке А. Кумундороса и сформированию 26 февраля (10 марта) 1877 г. правительства во главе с Э. Делигоргисом. Это правительство и оказалось у политического руля Греции к моменту начала

русско-турецкой войны. Новый премьер был известен не только своей славянофобией, но и проанглийскими симпатиями. Он считал, что, подобно Сардинии Кавура, открывшей путь для объединения Италии участием в Крымской войне, Греция добьется величия, став также на сторону западных держав³¹¹. Но в основном, общественное мнение Греции было за Россию и за участие в войне на ее стороне³¹². Начало русско-турецких военных действий застало Грецию на распустье.

¹ *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време владе кнеза Михаила: Први Балкански савез. Београд, 1963, с. 130.

² *Чубриловић В.* Босански устанак 1875—1878. Београд, 1930, с. 193.

³ *Вучковић В.* Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабзбуршке монархије 1859—1874. Београд, 1963, док. № 142.

⁴ Протокол објављен М. Вукчевићем. см.: *Glasnik Istorijskog društva u Novom Sadu*, knj. VI, 1939; *Stojanović M.* The Great Powers and the Balkans, 1875—1878. Cambridge, 1939, p. 32—34.

⁵ Из протокола 29 јануара.—*Stojanović M.* The Great Powers..., p. 32—34.

⁶ *Mai A. J.* The Habsburg Monarchy, 1867—1914. N. Y., 1968, p. 113; *Jelavich B.* The Habsburg Empire in European Affairs, 1814—1918. Chicago, 1969, p. 117.

⁷ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs, Graz: Wien, 1962, Bd. II, S. 407—408; *Kosser K. D.* Bismarcks Orientpolitik und die Befreiung Bulgariens.—*Südosteurop. Mitteilungen*, 1978, N 1.

⁸ *Конобеев В. Д., Мазаев В. П.* Россия и национально-освободительное движение болгарского народа: (От Апрельского восстания 1876 г. до русско-турецкой войны 1877—1878 гг.).— В кн.: 100-летие освобождения Болгарии от османского ига, 1878—1978. М., 1978, с. 19—20.

⁹ *Попљико Д. Ф.* Боснийско-герцеговинско востание и русско-турецкај војна 1877—1878 гг.— В кн.: Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978, с. 95.

¹⁰ Цит. по: *Никитин С. А.* Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50—70-е годы XIX в.— В кн.: Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, с. 174.

¹¹ А. Г. Жомини — Е. П. Новикову, 9 августа 1875 г.— В кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига, 1875—1877. М., 1961, г. I, с. 63.

¹² Подробнее о деятельности консульской комиссии см.: *Madžar B.* Pokušaj pacifikacije hercegovačkog ustanka posredstvom posredovanja predstavnika evropskih država.— In: *Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama i istočnoj krizi 1875—1878. godini.* Sarajevo, 1977, t. 2, s. 303—312; *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине. М., 1971, с. 146—151.

¹³ Подробнее о русско-австрийских отношениях в 1875—первой половине 1876 г. см.: *Виноградов К. Б.* Русско-австрийские отношения в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине.— В кн.: *Međunarodni naučni skup...*, t. 1, s. 113—126.

¹⁴ *Жигарев С.* Русская политика в Восточном вопросе. М., 1896, т. II, с. 138.

¹⁵ *Вуковић Г.* Херцеговачки и Васојевићки устанак 1875 и 1876 гг. Сарајево, 1925, с. 181—182.

¹⁶ Требования, выдвинутые герцеговинскими и боснийскими руководителями восстания, см.: *Красић З.* Устанак у Босни од 1875 до 1878. Нови Сад, 1884, с. 44—49.

¹⁷ *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы..., с. 179.

¹⁸ *Милотин Д. А.* Дневник. М., 1940, т. 2, с. 40.

¹⁹ *Sumner B. H.* Russia and the Balkans, 1870—1880. Oxford, 1937, p. 163.

²⁰ Н. П. Игнатьев — А. М. Горчакову, 12(24) апреля 1876 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 28, л. 184 об.

- ²¹ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 16(28) июня 1876 г.— АВПР, ф. Канцелярия. 1876 г., л. 78, л. 92.
- ²² *Stojanović M.* The Great Powers..., p. 58.
- ²³ Записка МПД — АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 86, л. 19.
- ²⁴ Цит. по: *Коновалов В. Д., Мазеев В. И.* Россия и национально-освободительное движение..., с. 15.
- ²⁵ Подробнее см.: *Вяземская Е. К.* Вопрос об автономии Боснии и Герцеговины в 1876 г. и российская дипломатия.— Сов. славяноведение, 1984, № 1, с. 21—26.
- ²⁶ *Bridge F. R.* From Sadowa to Sarajevo: The Foreign Policy of Austria-Hungary 1866—1914. London; Boston, 1972, p. 394, doc. N 6.
- ²⁷ *Ibid.*, p. 395—396, doc. N 7.
- ²⁸ *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975, с. 114.
- ²⁹ Цит. по кн.: *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, с. 269.
- ³⁰ *Haselmayr F.* Diplomatische Geschichte des zweiten Reichs von 1871—1918: Die Ara des Friedenskanzlers (1871—1890). München, 1955. B. 1. Von russischer Freundschaft zu russischem Groll (1871—1878), S. 112.
- ³¹ *Ibid.*, S. 113.
- ³² Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М., 1952, с. 142.
- ³³ Донесение из Берлина Д. Андраши Францу Носифу 12 мая 1876 г. опублик. в кн.: *Harris D. A Diplomatic History of the Balkan Crisis of 1875—1878.* Stanford, 1936, p. 299. См. также: *Milmann R.* Britain and the Eastern Question, 1875—1876. Oxford, 1979, p. 629.
- ³⁴ *Haselmayr F.* Diplomatische Geschichte..., B. 1. с. 115—116.
- ³⁵ *Parliamentary Debates*, 3-rd ser., v. 237, p. 707.
- ³⁶ *Ibid.*, v. 231, p. 158.
- ³⁷ *Cecil G.* The Life of Robert Marquis of Salisbury. L., 1921, v. 2, p. 124.
- ³⁸ *Shannon R. T.* Gladstone and the Bulgarian Agitation 1876. L., 1963, p. 17.
- ³⁹ *Parliamentary Debates*, 3-rd ser., v. 232, p. 141—142.
- ⁴⁰ *Wirthwein W. G.* Britain and the Balkan Crisis, 1875—1878. N. Y., 1935, p. 35.
- ⁴¹ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 4(16) марта 1876 г.— АВПР, ф. Посольство в Лондоне, 1876 г., д. 495.
- ⁴² П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 7(19) апреля 1876 г.— АВПР, ф. Посольство в Лондоне, 1876 г., д. 425, л. 146.
- ⁴³ Донесение П. А. Шувалова от 15(27) апреля 1876 г.— Там же, л. 159.
- ⁴⁴ *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1935, p. 22.
- ⁴⁵ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 26 апреля (8 мая) 1876 г.— АВПР, ф. Посольство в Лондоне, 1876 г., д. 425, л. 191.
- ⁴⁶ Телеграмма П. А. Шувалова от 22 апреля (4 мая) 1876 г.— Там же, л. 177.
- ⁴⁷ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, 1876 г., д. 425, л. 198.
- ⁴⁸ Там же, л. 200.
- ⁴⁹ *Monypenny W. F., Buckle G.* The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. London; New York, 1920, v. 6. (1876—1881), p. 24—25.
- ⁵⁰ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, 1876 г., д. 425, л. 247—248.
- ⁵¹ История дипломатии. 2-е изд. М., 1963, т. 2, с. 92.
- ⁵² Апрельскому восстанию и его значению, а также откликам на него в западных странах посвящено немало работ болгарских и советских историков. Отметим вышедшие в последние годы: *Косев К., Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание, 1876. С., 1976; *Чорний В. П.* Героическая эпопея болгарского народа. Львов, 1976; 100-летие освобождения Болгарии от османского ига, 1878—1978; *Улунян А. А.* Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия. М., 1978; *Мельцер Д. Б., Тончев И.* Национальной свободе Болгарии 100 лет. Минск, 1978; *Гросул В. Я.* Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980; *Козьменко И. В.* Русская дипломатия и формирането на българската държавност след освобождението. С., 1982; Плевенската епопея. 1877. С., 1977; Априлското въстание и Източната криза, 1875—1878. С., 1977; Руско-турската освободителна война, 1877—1878. С., 1977; Българското Възраждане и Русия. С., 1981. Ценнейшие

- документы опубликованы в совместном советско-болгарском издании «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (М., 1931—1967. Т. I—III).
- ⁵³ Освобождение Болгарии..., т. I, док. № 18, с. 70—71.
- ⁵⁴ О поездке Хр. Ботева см.: *Унджиев Цв.* Христо Ботев и Русия.— В кн.: *Българското Възраждане...*, с. 494—497.
- ⁵⁵ Освобождение Болгарии..., т. I, док. № 27, с. 89—90.
- ⁵⁶ *Косев К., Жечев Е., Дойнов Д.* История на Априлското въстание..., с. 189—190.
- ⁵⁷ *Чорний В. П.* Героическая эпопея..., с. 27.
- ⁵⁸ *Косев К., Жечев Е., Дойнов Д.* История на Априлското въстание..., с. 197.
- ⁵⁹ Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. Киреевых, Дневник Н. А. Киреева, К. 7, л. 102.
- ⁶⁰ Политический обзор МИД за 1855—1879 гг.— АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., л. 46, л. 264.
- ⁶¹ Освобождение Болгарии..., т. I, док. № 97, с. 202—205; № 100, с. 211—214; № 103, с. 217—219.
- ⁶² Там же, док. № 105, с. 220—222.
- ⁶³ *Козьменко И. В.* Алексей Николаевич Церетелев и болгарский народ.— Исторически преглед, 1978, кн. 5, с. 112—124.
- ⁶⁴ Там же, с. 114; *Димитров Г. Г.* Вестник «Московские ведомости» за события в България по време и след Априлското въстание.— Исторически преглед, 1968, кн. 1.
- ⁶⁵ *Билунов Б. Н.* Български публицисти върху страниците на руски вестници (1876—1878 г.).— Исторически преглед, 1978, кн. 5, с. 93—96.
- ⁶⁶ *Козьменко И. В.* Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 г.— Вopr. истории, 1947, № 5; *Унджиева Цв.* Дописки за Априлското въстание 1876 и събития през 1876 в някои руски вестници.— В кн.: *Българско Възраждане...*, с. 93—120.
- ⁶⁷ *Улуян А. А.* Апрельское восстание..., с. 107—196; Освобождение Болгарии..., т. I, док. № 358, с. 520—521; док. № 376, с. 557; Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. Киреевых, Н 3611/15, л. 367.
- ⁶⁸ *Тургенев И. С.* Собр. соч. М., 1969, т. I. Письма, с. 349.
- ⁶⁹ *Достоевский Ф. М.* Собр. соч., т. 23. Дневник писателя за 1876 г. М., 1984, с. 61—62, 110—111.
- ⁷⁰ *Улуян А. А.* Апрельское восстание..., с. 172.
- ⁷¹ И. С. Аксаков—Н. К. Гирсу, 1(13) сентября 1876 г.— В кн.: Освобождение Болгарии..., т. I, док. № 246, с. 376.
- ⁷² Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 230, p. 1486, 1491—1993.
- ⁷³ *Wirthwein V. G.* Britain and the Balkan Crisis..., p. 39.
- ⁷⁴ *Petrovich M. B.* Eugene Schuyler in Bulgaria, p. 7, 15 (литографическое издание его выступления на II съезде Болгарского исторического общества, 1976 г.).
- ⁷⁵ В советской литературе об этой кампании см.: *Елисеева Е. К.* Из истории агрессивной политики Великобритании на Ближнем Востоке в 1875—1876 гг.— Учен. зап. моск. гор. пед. ин-та им. Потемкина, 1951, т. XIV. В Болгарии этот вопрос исследован: *Христов Х.* Освобождението на България и политиката на западните държави. С., 1968; *Мутев И.* Апрельское восстание и европейская общественность. С., 1976; См. также: *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question, p. 111.
- ⁷⁶ *Shannon R. T.* Gladstone and the Bulgarian Agitation, 1876, p. 149, 99, 159.
- ⁷⁷ Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 230, p. 1184—1186.
- ⁷⁸ Ibid., p. 1486—1493.
- ⁷⁹ Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 231, p. 208.
- ⁸⁰ *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question, p. 57.
- ⁸¹ *Gladstone W. E.* Bulgarian Horrors and the Question of the East. L., 1876. Pamфлет был переведен на русский язык К. П. Победоносцевым, который дал ему неудачный заголовок «Болгарские ужасы».
- ⁸² Ibid., p. 9.
- ⁸³ Ibid., p. 51.
- ⁸⁴ Ibid., p. 53.

- ⁸⁵ Ibid., p. 62.
- ⁸⁶ Ibid., p. 54—57.
- ⁸⁷ Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 231, p. 217.
- ⁸⁸ *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question, p. 63.
- ⁸⁹ The Times, 28.IX.1876.
- ⁹⁰ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову. 30 июля (11 августа) 1876 г. — АВПР, ф. Посольство в Лондоне. 1876 г., д. 426, л. 142.
- ⁹¹ Телеграмма от 22 августа 1876 г. — *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question, p. 62.
- ⁹² *Hugo Victor. Oeuvres complètes: Actes et paroles. Depuis l'exile, 1876—1880.* P. S. a., p. 4—7.
- ⁹³ *Дамьянов С.* Франция и българската национална революция. С., 1968, с. 153—158.
- ⁹⁴ Там же, с. 163.
- ⁹⁵ *Косев К., Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание..., с. 495—505.
- ⁹⁶ Там же, с. 505—511.
- ⁹⁷ При освещении перечисленных вопросов автор опирается на итоги исследований югославских и советских историков, на опубликованные и архивные документы, недавно введенные в научный оборот и широко использованные в работах советских авторов. См.: Освобождение Болгарии..., т. I; *Поплыко Д. Ф.* Боснийско-герцеговинское восстание 1875—1876 гг. и национально-освободительные движения на Балканах. — В кн.: Балканские исследования. Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978, с. 3—39; *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876—1878 гг.). — В кн.: Балканские исследования, вып. 4. с. 43—55; *Струкова К. Л.* К истории русско-сербских межгосударственных отношений в 1875 г. — В кн.: Балканские исследования. Вып. 8. Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX вв. М., 1982, с. 192—221; *Бочкарева С. И.* Сербско-русские отношения в начале Восточного кризиса 70-х годов XIX в. — Сов. славяноведение, 1977, № 4, с. 37—41.
- ⁹⁸ *Јовановић С.* Влада Милана Обреновића. Београд, 1934, књ. I, с. 423.
- ⁹⁹ Там же, књ. 2, с. 56.
- ¹⁰⁰ Освобождение Болгарии..., т. I, с. 93; *Поплыко Д. Ф.* Васа Пелагич и Россия: Из истории сербской революционной мысли. М., 1983, с. 92, 129, 132.
- ¹⁰¹ *Виноградов К. Б.* Позиция европейских держав в начале балканского кризиса 70-х годов XIX в. — В кн.: Балканские исследования. Вып. 2. Проблемы истории и культуры. М., 1976, с. 120.
- ¹⁰² *Чубриловић В.* Босански устанак, с. 188; Освобождение Болгарии..., т. I, с. 58.
- ¹⁰³ АВПР. ф. ГА V—V₂, д. 266, л. 19 и об.
- ¹⁰⁴ *Струкова К. Л.* К истории..., с. 197.
- ¹⁰⁵ *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, с. 172.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 170.
- ¹⁰⁷ Освобождение Болгарии..., т. I, с. 63; *Никитин С. А.* Очерки..., с. 174.
- ¹⁰⁸ История дипломатии, т. 2, с. 85—90; Освобождение Болгарии..., т. I, с. 59.
- ¹⁰⁹ Подробнее см.: *Струкова К. Л.* К истории..., с. 197—198, 200—201, 215—216.
- ¹¹⁰ См.: Освобождение Болгарии..., т. I, с. 55, 58 и др.; *Поплыко Д. Ф.* Боснийско-герцеговинское восстание..., с. 19—21; *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория..., с. 46.
- ¹¹¹ Текст этой речи см.: *Живановић Ж.* Политичка историја Србије. Београд, 1923, књ. I, с. 323.
- ¹¹² В этом определении нашло выражение бытовавшее тогда представление, что славяне Боснии, Черногории, Герцеговины и Сербии являются единой сербской нацией.
- ¹¹³ Текст адреса см.: *Живановић Ж.* Политичка историја..., с. 325.
- ¹¹⁴ Подробнее о работе скупщины см.: Записи Јеврема Грујића. Друга влада Обреновића и турски ратови. Београд, 1923, књ. 3, с. 114—125; *Продановић Ј.* Историја политичких странака и струја у Србији. Београд, 1947,

- с. 372—373; *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория..., с. 50—51.
- ¹¹⁵ Текст заявления см.: Освобождение Болгарии..., т. I. с. 121.
- ¹¹⁶ *Јовановић С.* Влада Милана..., књ. I, с. 450.
- ¹¹⁷ *Чубриловић В., Ђоровић В.* Србија од 1858 до 1903. Београд, 1938, с. 82; *Бочкарева С. И.* Сербско-русске одношенија..., с. 40.
- ¹¹⁸ *Струкова К. Л.* К историји..., с. 201, 203.
- ¹¹⁹ Освобождение Болгарии..., т. I, с. 92.
- ¹²⁰ Там же, с. 154.
- ¹²¹ Там же, с. 158.
- ¹²² Подробнее о сербо-черногорских переговорах этого периода см.: *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX в. М., 1979, с. 310—312; *Јовановић Р.* Политички односи Црне Горе и Србије. 1860—1878. Цетиње, 1977, с. 231—267.
- ¹²³ Освобождение Болгарии..., т. I, с. 188—192; *Шарова Кр.* Априлското востание и борбата за освобождение на другите јужнославјански народи.—В кн.: Априлското востание 1876—1966. С., 1966, с. 142—145; *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория..., с. 54—55.
- ¹²⁴ Освобождение Болгарии..., т. I, с. 163—168.
- ¹²⁵ *Виноградов К. В.* Позиција..., с. 119.
- ¹²⁶ *Струкова К. Л.* К историји..., с. 204; *Попов Ч.* Француска и Србија, 1871—1878. Београд, 1974, с. 283—285.
- ¹²⁷ Освобождение Болгарии..., т. I, с. 227; *Поплыко Д. Ф.* Боснийско-герцеговинское восстание..., с. 21—22.
- ¹²⁸ Документальные материалы о Черногории данного периода использованы в работах: *Поплыко Д. Ф.* Боснийско-герцеговинское восстание..., с. 14—19; *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория..., с. 46—50; *Хитрова Н. И.* Черногория..., с. 280—313.
- ¹²⁹ Освобождение Болгарии..., т. I, с. 32.
- ¹³⁰ *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория..., с. 47; *Хитрова Н. И.* Черногория..., с. 312—313.
- ¹³¹ *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория..., с. 48.
- ¹³² Освобождение Болгарии..., т. I, с. 68.
- ¹³³ Там же, с. 69.
- ¹³⁴ Там же, с. 77—81.
- ¹³⁵ См.: *Ристић Ј.* Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност. 1875—1888. Београд, 1896, књ. I, с. 85; *Чубриловић В.* Историја политичке мисли..., с. 342.
- ¹³⁶ См.: АВПР, ф. Канцеларија. 1876 г., д. 16, л. 88; *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория..., с. 56; Освобождение Болгарии..., т. I, с. 243.
- ¹³⁷ *Хитрова Н. И.* Черногория..., с. 313—314.
- ¹³⁸ Освобождение Болгарии..., т. I, с. 242.
- ¹³⁹ Там же, с. 241—242.
- ¹⁴⁰ *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория..., с. 57—58.
- ¹⁴¹ Освобождение Болгарии..., т. I, с. 242; *Поплыко Д. Ф.* Боснийско-герцеговинское восстание..., с. 13—14.
- ¹⁴² Подробнее см.: *Залышкин М. М.* Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения, 1875—1878. М., 1974, с. 51, 91—92, 94, 97, 102, 106, 109—116.
- ¹⁴³ Подробнее см.: *Ристић Ј.* Дипломатска историја..., с. 85—90; *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория..., с. 56—57; *Хитрова Н. И.* Черногория..., с. 314; Освобождение Болгарии..., т. I, с. 262—267 и др.
- ¹⁴⁴ О добровольческом движении и другой помощи из России см.: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960; *Он же.* Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг.—В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957, с. 64—66; *Снытко Т. Г.* Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875—1876 гг.—В кн.: Общественно-поли-

- тические и культурные связи...: *Хевролина В. М.* Революционное народничество и сербско-турецкая война в 1876 г.— В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальных движений в славянских странах. М., 1972; *Гросул В. Я.* Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980, с. 121—153; *Нарочницкая Л. И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах, 1875—1878. М., 1979; *Хитрова Н. И.* Черногория..., с. 313—316, 320, 323—327; 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979, с. 219—220; *Кузьмичева Л. В.* Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г.— В кн.: Россия и Восточный кризис 70-х гг. XIX в. М., 1981, с. 77—97, и мн. др.
- ¹⁴⁵ См.: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875—1878. М., 1978, с. 180—181.
- ¹⁴⁶ *Чубрилович В.* Историја..., с. 347.
- ¹⁴⁷ Подробнее см.: *Хитрова Н. И.* Черногория..., с. 314—320; *Опачић П.* Осврт на војне операције у српско-турском рату 1876 г.— В кн.: Србија у завршној фази велике Источне кризи (1877—1878). Београд, 1980, с. 9—17.
- ¹⁴⁸ *Опачић П.* Осврт..., с. 17.
- ¹⁴⁹ *Хитрова Н. И.* Черногория..., с. 318.
- ¹⁵⁰ А. М. Горчаков — Е. П. Новикову, 5(17) июня 1876 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 129, л. 139 об.—140.
- ¹⁵¹ А. М. Горчаков — Е. П. Новикову, 12(24) июня 1876 г., № 139.— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 129, л. 128—129.
- ¹⁵² П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 1(13) июля 1876 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 78, л. 110 об.
- ¹⁵³ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 2(14) июля 1876 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 128, л. 195 об.—196.
- ¹⁵⁴ Там же, л. 196—197.
- ¹⁵⁵ *Конобеев В. Д., Мазеев В. И.* Россия и национально-освободительное движение..., с. 15—16.
- ¹⁵⁶ Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М., 1951, с. 144—148.
- ¹⁵⁷ *Harris D. A Diplomatic History...*, p. 437.
- ¹⁵⁸ А. М. Горчаков — Е. П. Новикову, 21 декабря 1876 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 129, л. 207—210 об.
- ¹⁵⁹ *Ekmečić M.* Ustanak u Bosni, 1875—1878. Sarajevo, 1960, s. 243—251.
- ¹⁶⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 46, л. 273—274.
- ¹⁶¹ *Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914.* В., 1924, Bd. III, S. 45—46.
- ¹⁶² *Ibid.*, S. 71.
- ¹⁶³ *Díószegi I.* Az 1877. évi budapesti szerződés előtörténete.— Századok, 1979, 6. szám, 977 о.
- ¹⁶⁴ Письмо Александра II от 11(23) сентября и ответ Франца Иосифа от 20 сентября (2 октября) 1876 г. см.: *Gorainov S.* La question d'Orient à la veille du traité de Berlin (1870—1876). P., 1948, p. 123—134.
- ¹⁶⁵ *Ibid.*, p. 187.
- ¹⁶⁶ Беседа П. А. Шувалова с Э. Дерби, 9(22) сентября 1876 г.— АВПР, ф. Посольство в Лондоне, 1876 г., д. 426, л. 248.
- ¹⁶⁷ А. М. Горчаков — П. А. Шувалову, 21 сентября (3 октября) 1876 г.— В кн.: Освобождение Болгарии..., т. I, с. 415—418.
- ¹⁶⁸ П. А. Шувалов — Александру II, 15(27) сентября 1876 г.— АВПР, ф. Посольство в Лондоне, 1876 г., д. 426, л. 264. Тревога Дерби объяснялась тем, что в России началась подготовка к мобилизации войск некоторых округов. См.: Освобождение Болгарии..., т. I, с. 426.
- ¹⁶⁹ Освобождение Болгарии..., т. I, с. 396.
- ¹⁷⁰ Восточный вопрос во внешней политике России, Конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 209.
- ¹⁷¹ Записки Дизраэли от 4 сентября 1876 г.— В кн.: История дипломатии, т. 2, с. 98.
- ¹⁷² АВПР, ф. Посольство в Лондоне, 1876 г., д. 427, л. 34.
- ¹⁷³ *The Times*, 10.XI.1876.
- ¹⁷⁴ Инструкция А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву от 12 ноября (ст. ст.) 1876 г.— В кн.: Освобождение Болгарии..., т. I, с. 511.

- ¹⁷⁵ *Salih Munir Pacha*. La politique orientale de la Russie. Lausanne, 1918, p. 146.
- ¹⁷⁶ Ibid.
- ¹⁷⁷ *Díószegei I.* Az 1877. évi budapesti..., 979. o.
- ¹⁷⁸ Подробнее см.: Ibid., p. 977—979. o.
- ¹⁷⁹ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 11(23) октября 1876 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 128, л. 310 п об.; *Горьянов С.* Босфор и Дарданеллы, с. 298.
- ¹⁸⁰ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 18(30) октября 1876 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 128, л. 316 об.
- ¹⁸¹ Там же, л. 317.
- ¹⁸² Там же, л. 317 об.
- ¹⁸³ *Rupp G. H.* A Wavering Friendship: Russia and Austria, 1876—1878. Cambridge; Harvard, 1941, p. 275; *Горьянов С.* Босфор и Дарданеллы, с. 299—300.
- ¹⁸⁴ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 24 ноября (6 декабря) 1876 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 128, л. 361—362.
- ¹⁸⁵ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 16(28) ноября 1876 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 128, л. 346 об.—347.
- ¹⁸⁶ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 28 октября (9 ноября) 1876 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 128, л. 329 об.—330.
- ¹⁸⁷ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 24 ноября (6 декабря) 1876 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 128, л. 362—363; *Горьянов С.* Босфор и Дарданеллы, с. 304.
- ¹⁸⁸ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 16(28) ноября 1876 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 128, л. 345 и об.
- ¹⁸⁹ Там же.
- ¹⁹⁰ *Конобеев В. Д., Мазаев В. И.* Россия и национально-освободительное движение..., с. 17.
- ¹⁹¹ О деятельности этой миссии см. подробнее: *Шарова Кр.* Българската национална акция в Европа след Априлското Въстание.— В кн.: *Летопис на дружбата*. Т. 6. С., 1974, с. 197—220; *Ковачева М.* Драган Цанков — Общественик. Политик. Дипломат. С., 1982, с. 177—189; *Балабанов М.* Страница от политическо ни Възраждане. С., 1905.
- ¹⁹² *Конобеев В. Д.* Проекты на държавно устройство на България (1878).— В кн.: *Българското Възраждане...*, с. 121—140.
- ¹⁹³ Освобождение Болгарии..., т. I, с. 487.
- ¹⁹⁴ Там же, с. 489—491.
- ¹⁹⁵ Там же, № 376, Приложение, с. 557.
- ¹⁹⁶ Там же, № 379, с. 560.
- ¹⁹⁷ Там же, с. 553—554.
- ¹⁹⁸ Там же, с. 511.
- ¹⁹⁹ *Cecil G.* The Life of Robert Marquis of Salisbury. L., 1921, v. 2, p. 90.
- ²⁰⁰ *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question, p. 109.
- ²⁰¹ *Cecil G.* The Life of Robert Marquis of Salisbury, v. 2, p. 107.
- ²⁰² Ibid., p. 96.
- ²⁰³ Ibid., p. 100.
- ²⁰⁴ *Torre A.* La politica estera italiana dal 1870 al 1896. Bologna, 1959, p. 128—129; *Sandona A.* L'irredentismo nelle lotte e nelle contese diplomatiche italo-austriehe. Bologna, 1932, v. 1, p. 141—142.
- ²⁰⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 107, л. 259—260; Documents diplomatiques français. I ser. T. 2. P., 1930, N 116, p. 119.
- ²⁰⁶ Сенкевич И. Г. Албания в период Восточного кризиса: (1875—1881). М., 1965, с. 74—76.
- ²⁰⁷ *Chalod F.* Storia della politica estera italiana dal 1870 al 1896. Bari, 1951 v. 1, p. 690—691.
- ²⁰⁸ *Cecil G.* The Life of Robert Marquis of Salisbury, v. 2, p. 102.
- ²⁰⁹ *Елисеєва Е. К.* Из истории агрессивной политики..., с. 48.
- ²¹⁰ 20 декабря 1876 г. Горчаков еще раз подтвердил предпочтительность мирного решения балканских проблем. См.: Освобождение Болгарии..., т. I, с. 570.

- ²¹¹ Протоколы Константинопольской конференции 1876 г.— *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1877*. St.-Pet., S. a, p. 264, 273—274.
- ²¹² *Ibid.*, p. 315—322.
- ²¹³ Восточный вопрос во внешней политике России..., с 21—211.
- ²¹⁴ Протоколы Константинопольской конференции..., p. 302.
- ²¹⁵ *Cecil G. The Life of Robert Marquis of Salisbury*, v. 2, p. 115, 120, 123.
- ²¹⁶ *Истроян Ю. А.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958, с. 112—114.
- ²¹⁷ Подробное о существовавших в британском правительстве разногласиях, нашедших отражение в конфликте между Р. Солсбери и послом Г. Эллиотом. см.: *Виноградов В. Н.* Дизраэли, Гладстон и Сувалов в канун русско-турецкой войны 1877—1878 гг.— *Новая и новейшая история*. 1978, № 3, с. 113—116.
- ²¹⁸ *Wirthwein W. G.* Britain and the Balkan Crisis..., p. 153.
- ²¹⁹ *Ibid.*, p. 157.
- ²²⁰ *Monypenny W. F., Buckle G. E.* The Life of Denjamine Disraeli, v. 6, p. 111.
- ²²¹ *The Morning Post*, 16.I.1877.
- ²²² *Cecil G. The Life of Robert Marquis of Salisbury*, v. 2, p. 124.
- ²²³ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 9(21) февраля 1877 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 70, т. I, л. 123—124.
- ²²⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. I, л. 254.
- ²²⁵ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 28 февраля (12 марта) 1877 г.— Там же, л. 178.
- ²²⁶ Выражение Горчакова после ознакомления с плодами «редакционной работы» Дербн. См.: Там же, л. 209.
- ²²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. I, л. 202.
- ²²⁸ Там же, л. 182.
- ²²⁹ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 28 февраля (12 марта) 1877 г.— Там же, л. 168, 182—183.
- ²³⁰ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 19(31) марта 1877 г. Текст протокола.— Там же, л. 266—269.
- ²³¹ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 30 марта (11 апреля) 1877 г.— Там же, л. 286.
- ²³² *Salih Munir Pacha. La politique orientale...*, p. 166.
- ²³³ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 31 декабря 1876 г. (12 января 1877 г.).— АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. I, л. 8.
- ²³⁴ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 4(16) февраля 1877 г.— Там же, л. 27.
- ²³⁵ Андраши выразил сожаление в связи с разглашением содержания его бесед с Солсбери. См.: Там же, л. 93.
- ²³⁶ Донесение Сувалова от 30 января (11 февраля) и 1(13) февраля 1877 г.— Там же, л. 86—87, 91.
- ²³⁷ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 23 января (4 февраля) 1877 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. I, л. 83.
- ²³⁸ *Sumner B. H.* Russia and the Balkans. Oxford, 1937, p. 273.
- ²³⁹ *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question, p. 170.
- ²⁴⁰ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 8(20) апреля 1877 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. I, л. 303.
- ²⁴¹ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 13(25) марта 1877 г.— Там же, л. 318.
- ²⁴² Запись В. И. Ленина в «Тетрадах по империализму»: «Англия в войне употребляла европейские государства как „отличную пехоту“» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 76).
- ²⁴³ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 13(25) марта 1877 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. I, л. 322.
- ²⁴⁴ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 7(19) апреля 1877 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 70, т. I, л. 222; Там же, д. 71, т. I, л. 344.
- ²⁴⁵ *Елисеєва Е. К.* Из истории агрессивной политики..., с. 42—43.
- ²⁴⁶ *Шпаро О. Б.* Захват Кипра Англией. М., 1974, с. 174.
- ²⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. I, л. 32.
- ²⁴⁸ *Елисеєва Е. К.* Из истории агрессивной политики..., с. 44, 47.
- ²⁴⁹ П. А. Сувалов — А. М. Горчакову, 24 января (5 февраля) 1877 г. Помета царя: «Этого я всегда боялся».— АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 70, т. I, л. 31.

- 250 Die Große Politik..., Bd. II, S. 38.
- 251 Проект австро-русской конвенции, составленный Е. П. Новиковым, см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 127, л. 330—337; Проект конвенции, составленный Андраши, см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 127, л. 434—443.
- 252 АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 127, л. 336.
- 253 АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 127, л. 441 и об.
- 254 Австро-русская конвенция опубликована в кн: Сборник договоров России..., с. 149—153.
- 255 Там же, с. 152.
- 256 Там же, с. 150.
- 257 История дипломатии, т. 2, с. 112.
- 258 Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875—1878 гг. М., 1974, с. 49—67.
- 259 *Adaniloaie N. Cucerirea independentei de stat a României 1877—1878*. Buc., 1973, p. 28—29; *Măciu V. Condițiile interne ale proclamării independenței României*. Buc., 1955, p. 27—34.
- 260 Чубогару И. Борьба румынского народа за национальную независимость и румыно-русское военно-политическое сотрудничество: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1959, с. 23—24.
- 261 Documente privind istoria României. V. I. Buc., 1956, pt. 2, p. 64—67.
- 262 Documente..., V. II. Buc., 1952, p. 97—103.
- 263 Documente..., v. I, pt. 2, p. 133—134.
- 264 AMAEF, Corr. dipl., Turquie, t. 39, f. 415.
- 265 Documente..., v. I, pt. 2, p. 141.
- 266 Ibid., p. 144.
- 267 Ibid., p. 145—147.
- 268 Ibid., p. 150.
- 269 *Velichi E. Răscoala națională bulgară din aprilie 1876*.— *Revista de istorie*, 1976, N 4, p. 385—386.
- 270 AMAEF, Corr. dipl. Turquie, t. 39, f. 415; Documente..., v. I, p. 135; Освобождение Болгарии..., т. I, с. 188—192.
- 271 Documente..., v. I, pt. 2, p. 186—189, 210—211, 213—214; IRD, v. II, pt. 1, p. 138, 157—158.
- 272 Memoriile regelui Carol I, v. VIII, p. 63—64.
- 273 IRD, v. II, pt. 1, p. 138, 157—158.
- 274 Documente..., v. I, pt. 2, p. 198—208.
- 275 АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 15, л. 96.
- 276 Documente..., v. I, pt. 2, p. 331; IRD, v. II, pt. 1, p. 155; *Constantinescu-Iași P. Studii istorice româno-bulgare*. Buc., 1956, p. 148—152.
- 277 Documente..., v. I, pt. 2, p. 268, 274—276, 304—305.
- 278 Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии..., с. 120—121.
- 279 Там же, с. 123—126.
- 280 Documente..., v. I, pt. 2, p. 326.
- 281 Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии..., с. 124—128; Он же. Вопрос о независимости Румынии на страницах русских газет.— В кн.: Балканские исследования, вып. 4, с. 143—145.
- 282 Черган Е. Е. Великие державы и формирование Румынского независимого государства. Кишинев, 1980, с. 207—210.
- 283 Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии..., с. 135—137.
- 284 Гросул В. Я., Черган Е. Е. Россия и борьба Румынии за независимость. М., 1969, с. 197—203.
- 285 Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии..., с. 180—197.
- 286 Там же, с. 215—222.
- 287 Там же, с. 215—219.
- 288 *Kofos E. Greece and the Eastern Crisis, 1875—1878*. Thessaloniki, 1975, p. 43—44.
- 289 Данова Н. Национализмът въпрос в гръцките политически програми през XIX век. С., 1960, с. 241.
- 290 П. А. Сабуров — А. М. Горчакову, 17(29) января 1876 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 8, л. 23—24.

- ²⁹¹ См.: Тодоров Н. Априлското въстание и гръчката общественост.— В кн.: Априлското въстание 1876—1966, с. 151—152.
- ²⁹² Кондратьева В. Н. Из истории национально-освободительной борьбы на Крите.— УЗИС, 1966. т. XXX, с. 135.
- ²⁹³ Г. К. Дубницкий — П. А. Сабурову, 2(14) марта 1876 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 8, л. 82—83.
- ²⁹⁴ *Kofos E. Greece...*, p. 48—49, 60, 65—66.
- ²⁹⁵ *Sabouroff. Ma mission en Grèce.*— ЦГИА СССР, ф. 1044, оп. 1, д. 257, л. 214.
- ²⁹⁶ П. А. Сабуров — А. М. Горчакову, 22 июля (3 августа) 1876 г. (личное письмо).— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 8, л. 811—813.
- ²⁹⁷ П. А. Сабуров — А. М. Горчакову, 24 февраля (7 марта) 1876 г. (личное письмо).— Там же, л. 739.
- ²⁹⁸ *Kofos E. Greece...*, p. 70—75.
- ²⁹⁹ А. М. Горчаков — П. А. Сабурову, 9(21) августа 1876 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 8, л. 943.
- ³⁰⁰ П. А. Сабуров — А. М. Горчакову, 28 июля (9 августа) 1876 г. (частное письмо).— Там же, л. 815—819.
- ³⁰¹ *Kofos E. Greece...*, p. 66—68.
- ³⁰² АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 8, л. 831—832.
- ³⁰³ *Lascares S. La politique extérieure de la Grèce avant et après la Congrès de Berlin, 1875—1881. P., 1924, p. 44.*
- ³⁰⁴ *Kofos E. Greece...*, p. 79.
- ³⁰⁵ *Driault E., Lhéritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1925. t. III, p. 401—404.*
- ³⁰⁶ П. А. Сабуров — А. М. Горчакову, 7(19) декабря 1876 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 8, л. 556.
- ³⁰⁷ *Kofos E. Greece...*, p. 84—86.
- ³⁰⁸ Телеграмма А. М. Горчакова П. А. Сабурову от 5(17) апреля 1877 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 7, л. 301; *Driault E., Lhéritier M. Histoire...*, t. III, p. 415.
- ³⁰⁹ П. А. Сабуров — А. М. Горчакову, 28 июля (9 августа) 1876 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г. д. 8, л. 231; *Κωφός Ευ. 'Ο 'Ελληνοῦμός δὲ τὴν περίοδον 1869—1881. Ἀθήνα, 1981. σ. 79.*
- ³¹⁰ *Κωφός Ευ. 'Ο 'Ελληνοῦμός...*, σ. 68—69.
- ³¹¹ *Kofos E. Greece...*, p. 101.
- ³¹² *Κορζάτου Γ. Ἱστορία τῆς Νεώτερης Ἑλλάδος. Ἀθήνα, 1958, τ. IV, σ. 339.*

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 ГГ. И БАЛКАНЫ

1

От открытия военных действий до взятия Плевны

12(24) апреля 1877 г. Александр II подписал в Кишиневе манифест об объявлении войны: «Исчерпав до конца миролюбие наше, мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным», — говорилось в нем. Еще раньше, в циркулярном письме от 7(19) апреля, А. М. Горчаков известил державы, что отказ османского правительства выполнить требования держав поставил Россию перед выбором: «или допустить продолжения положения дел, признанного державами несовместимыми с их интересами и интересами Европы вообще, или же попытаться достигнуть путем понуждения того, чего единодушные усилия кабинетов не успели получить от Порты путем убеждения»¹.

От планов территориальных захватов на Балканах царизм отказался давно — еще перед войной 1828—1829 гг.² Это подтверждал Александр II: «Никаких присоединений земель Турции не входит в политику России»³.

Автор стратегического плана кампании 1877 г. генерал Н. Н. Обручев определял задачи России следующим образом: «Вывать из власти турок ту несчастную страну (Болгарию.— Авт.), в которой они совершили столько злодейств». «Цель войны,— писал он же,— безусловное уничтожение владычества турок на Балканском полуострове»⁴. Результатом в идеальном варианте — «рациональным исходом», — как указывалось в памятной записке министерства иностранных дел от 28 июня (10 июля) 1876 г., должно было стать создание «мелких независимых государств в территориальных пределах, отведенных каждому из них историей и объединенных на федеративных началах»⁵.

Это была безусловно прогрессивная для балканских народов программа. Опираясь на основополагающие высказывания В. И. Ленина, считавшего, что «основным объективным содержанием исторических явлений» во время войны 1877—1878 гг. явились буржуазно-национальные движения⁶, советская историография единодушна в высокой оценке роли этой войны в истории Балкан: поддержка освободительного движения стала на том этапе основой внешнеполитической программы России⁷.

В то же время отечественные историки, анализируя с классовых позиций политику царизма, отмечают ее негативные, субъективно своекорыстные, реакционные черты. Вступая в войну в 1877 г., правящие круги России хотели упрочить свои позиции на Балканах,

укрепить здесь свое консервативное идеологическое и политическое влияние; не последней их целью являлось желание использовать военный успех для роста авторитета самодержавия в стране и разгрома революционного движения.

К началу войны сколько-нибудь продуманной программы мирного урегулирования (кроме общей цели — освобождения Балкан) сформулировано не было: слишком много «но» стояло на пути его выработки, слишком много факторов в виде военного сопротивления османской стороны и противодействия держав следовало учесть.

Горчаков ориентировался на «малую войну», надеясь, что Порта пойдет на переговоры, не дожидаясь преодоления русскими войсками Балканского хребта, а державы сохранят нейтралитет. В середине мая он — с одобрения царя — так формулировал желательные итоги кампании: «Болгария до Балкан будет преобразована в вассальную автономную провинцию под гарантией Европы. Турецкие войска и чиновники будут отозваны, крепости разоружены и скрыты. Будет создано самоуправление, опирающееся на национальную милицию... Великие державы договорятся между собой, чтобы гарантировать части Болгарии, расположенной к югу от Балкан, так же как и другим христианским провинциям Турции, регулярную администрацию. Черногория и Сербия увеличат свои территории в соответствии с интересами общей стабильности. Размеры этих территорий будут определены совместно. В Боснии и Герцеговине создадут учреждения, которые по общей договоренности будут признаны подходящими к внутреннему положению и способными обеспечить хорошую администрацию на местах. Сербия, как и Болгария, останется под суверенитетом султана». Вопрос о статусе Румынии должен быть урегулирован «общим соглашением» держав; благоприятная позиция России предопределялась русско-румынской конвенцией.

Проект старого канцлера носил крайне умеренный характер и отражал его стремление не нарушать хрупкого международного равновесия, достигнутого в результате двухлетних маневров российской дипломатии, пошедшей на далеко идущие жертвы, но обеспечившей, по крайней мере на тех порах, отказ держав от открытого вмешательства в завязавшийся конфликт. Он был составлен с оглядкой на враждебность Великобритании и с учетом уступок, сделанных Австро-Венгрии в Рейхштадте и Будапеште. Вопрос о Протаргах, имевший общеевропейский характер, вообще не фигурировал в записке канцлера. Раздел Болгарии — на чем настояли участники Константинопольской конференции 1876 г. — признавался в записке. Тем самым царизм подтверждал свой отказ от планов создания большого славянского государства. Канцлер на том этапе отдавал предпочтение принципу автономии, а не независимости как пути изменения статус-кво на Балканах. Он применялся в отношении Северной Болгарии и Сербии. Даже в случае с Румынией, уже провозгласившей свою независимость (см. ниже), Горчаков явно стремился добиться согласия держав, не раз до того признававших совершенное румынами постфактум. В отношении Южной Болгарии,

Боснии и Герцеговины фигурировал придуманный Александром II термин «регулярная администрация», открывавший широкие возможности для толкования статуса провинций и договоренности с державами. Это были самые общие принципы урегулирования; в случае перерастания «малой войны» в «большую» и длительную условия мира, писал Горчаков, «зависели бы от обстановки и хода войны, и он был бы заключен по договоренности с державами, если они сохраняют нейтралитет»⁸. Неизменным оставалось стремление опытного и искушенного государственного деятеля уладить дело, не входя в конфликт с державами, избежать повторения «крымской ситуации». В остальном допускалась эволюция мирной программы в зависимости от хода военных действий, поведения Порты и позиции держав.

Надежды на уступчивость султанского правительства оказались необоснованными; державы держались настороженно и враждебно; развитие военных операций приносило то радость побед и успехов, то огорчение и беспокойство от испытанных неудач при осаде Плевны. Меняющееся положение на фронтах и постоянное опасение вмешательства Великобритании, а потом и Австро-Венгрии побуждали российскую дипломатию составлять множество проектов мирного урегулирования, так сказать, на все случаи жизни.

Сразу после объявления войны, 12(24) апреля 1877 г., русская армия в соответствии с заключенным соглашением вступила на территорию Румынии. Ввиду малой пропускной способности железной дороги Яссы—Бухарест основная масса войск шла походным порядком. Румынии была оказана помощь оружием, транспортными средствами и займов в размере 2 млн. руб. Население встречало русских в высшей степени дружелюбно. По свидетельству очевидцев, зачастую «при виде военных поездов румыны провожали их знаками сочувствия, махали шляпами, а женщины даже крестились в знак избавления от мусульманских угнетателей». Командир 29-го Донского казачьего полка докладывал: «Массы жителей Галаца восторженно, с криками „ура“ встречали и провожали нас далеко за город». Русский консул в Яссах Якобсон сообщал товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу о внимательном и предупредительном отношении горожан к проходившим войскам. Главнокомандующий русской армией телеграфировал через несколько дней после начала войны в Петербург: «По всем путям наши войска встречаются самым радужным образом»⁹. Даже по словам князя Карла и румынских властей, широкие слои населения Румынии с радостью приветствовали русские войска как своих освободителей¹⁰.

Вступление русских войск в Румынию, ратификация русско-румынского соглашения от 4(16) апреля 1877 г. вызвали в Стамбуле приступ ярости. Порта разорвала отношения с Румынией; начался артиллерийский обстрел — через Дунай — пограничных городов; отдельные османские отряды переправлялись через реку, совершая опустошительные набеги на деревни.

В ответ, под давлением широкой общественности, 9(21) мая 1877 г. румынский парламент констатировал состояние войны с

Турцией и провозгласил государственную независимость. Под гром аплодисментов министр иностранных дел Михаил Когалничану произнес с трибуны палаты депутатов: «Я без малейшего сомнения и страха заявляю представителям нации, что мы являемся свободным и независимым народом». Так свершился великий акт в жизни румынского народа, и связь его с начавшейся русско-турецкой войной несомненна ¹¹.

Переговоры о совместных военных действиях на той стадии, однако, не дали результатов, ибо по этому вопросу не было единства как среди русских, так и румынских правящих кругов. Штаб русской армии был за вовлечение румынских войск в борьбу против Османской империи; Горчаков, опасаясь международных осложнений, возражал, и ему удалось привлечь на свою сторону Александра II ¹². Раздосадованный великий князь Николай Николаевич заметил даже румынскому господарю Карлу, жаждавшему воинских лавров: «Дипломатия вообще мешается в дела, до нее не касающиеся» ¹³.

Дальнейшее развитие событий показало неправоту сверхосторожного канцлера, ориентировавшегося на «малую войну» и отметавшего союзников: если балканцы были не в силах в одиночку сломить османскую мощь, то Россия могла извлечь значительную пользу от поддержки их вооруженных формирований.

В Плоешти, где размещался штаб русской армии, прибыл и другой гость, сербский князь Милан. 5(17) июня он был принят царем. Й. Ристич имел беседы с А. М. Горчаковым и Н. П. Игнатьевым. Император и министр держались с сербами иначе, чем с румынами. Сербия уже воевала с Портой, ее судьба неоднократно обсуждалась на международных совещаниях. Поэтому русские, как писал позднее Ристич, во время этой встречи не настаивали, но выражали желание, чтобы сербы возобновили войну с Портой ¹⁴.

Тем не менее вступление Сербии в войну задержалось надолго. Неудачная кампания 1876 г. и связанные с ней тяготы, бремя которых пало на народ, обострили внутреннюю обстановку в княжестве. Поднять страну на вторую войну было действительно пелегко, патриотический подъем 1876 г. иссяк, хотя народ с живым интересом следил за ходом русско-турецкого противоборства. Разочарование в вооруженном способе решения национальных задач использовала консервативная оппозиция. Радикалы, отражая настроение разоренных масс, выступали против поспешных действий.

Сербия запросила значительную денежную помощь на завершение военных приготовлений (3 млн. руб.) и ежемесячную субсидию (в 1 млн руб.). Предоставляя эти средства, русское правительство и командование неоднократно просило Сербию выступить после форсирования русской армией Дуная, особенно во время неудач под Плевной в июле-августе: «Кооперация сербских войск была бы особенно полезна в настоящий момент» ¹⁵. При этом Россия обеспечивала Сербии нейтралитет Австро-Венгрии. В Белград были направлены дипломат А. Н. Церетелев и офицер Г. И. Бобриков для оказания денежной и военной помощи и разработки планов боевого

содружества. Русское командование очень рассчитывало, что 60-тысячная сербская армия, на вооружении которой находилось 178 артиллерийских орудий, сможет отвлечь на себя часть турецких сил.

В начале июля 1877 г., после перехода русской армии через Дунай, чтобы подтолкнуть сербов, им был передан от имени царя и Игнатьева через главнокомандующего совет — провозгласить независимость¹⁶. Но Белград медлил и выжидал, желая действовать наперняка.

В отличие от сербов черногорцы не совещались, а сражались. Порта спешила покончить с этой затянувшейся войной и подавить восстание в Боснии и Герцеговине, пока русская армия не вступила на Балканы. Она бросила 48 тыс. солдат против 17-тысячного черногорского войска, в том числе обстрелянные части с бывшего сербского фронта. Наступление от Крстаца до Никшича началось 21 мая (2 июня) 1877 г.

В результате ожесточеннейших боев на североалбанском фронте, вошедших в историю под названием «9 кровавых дней» (2(14) — 11(22) июня), турецкая армия вышла в долину р. Зеты, создавая угрозу столице Черногории. Лишь поражение турок в долине р. Морачи 16(28) июня и переправа русских через Дунай предотвратили катастрофу.

Порта тотчас сняла с черногорского фронта армию Сулеймана-паши; войска княжества перешли в наступление и освободили Никшич, Бар, Улцинь, большую часть Приморья от р. Бояны до Будвы¹⁷.

К середине июня развертывание русских войск (до 260 тыс.) вдоль Дуная завершилось. Им противостояло 206 тыс. солдат и офицеров турецкой армии, разбросанных от Кюстенджи (Констанцы) до Ниша. Общее соотношение сил складывалось в пользу русской стороны, хотя серьезной преградой являлось наличие на Дунае крупной, в 46 вымпелов, турецкой эскадры и крепостей по южному берегу реки. Спешно из Николаева и даже из Петербурга по железной дороге было доставлено 14 паровых минных катеров и 17 гребных судов. На северном берегу соорудили 31 артиллерийскую батарею. Значительным подспорьем являлась и румынская артиллерия у Калафата, не раз отвечавшая огнем на артналеты турок.

10(22) июня русские войска произвели демонстративную переправу у Галаца и Браилова (Брэилы) с целью отвлечения османских войск от направления главного удара. 15(27) июня началась переправа основной массы войск у Зимницы (Зимнич). Передовой дивизии генерала М. И. Драгомирова удалось застичь противника врасплох и создать в районе Систова (Свинтова) крепкий плацдарм, сосредоточив здесь к 1(13) июля кулак войск в 120 тыс. пштыков и сабель¹⁸.

История военного искусства не знала еще столь крупной и успешной операции по форсированию труднейшего водного рубежа. Русская армия захватила стратегическую инициативу. Все это давало основания для надежд на быстрое победоносное окончание войны, на чем и основывался новый проект мира, составленный Гор-

чаковым на случай, «если невмешательство Европы и быстрые и решительные успехи наших армий доставят, возможно, радикальное решение» (проект № 1). Он предусматривал создание единой Болгарии и предоставление ей, Сербии и Румынии государственной независимости; Горчаков писал о территориальном расширении Сербии, Черногории и Румынии, о присоединении Эпира, Фессалии и о-ва Крит к Греции¹⁹. Принципиальное различие данного плана от выработанного канцлером за месяц до того состояло в ориентации на создание независимых, а не автономных государственных образований на Балканах. В основе своей он отвечал интересам поднявшихся на борьбу южных славян, румын и греков.

Однако умудренный опытом Горчаков изменил бы сам себе, если бы ограничился составлением программы-максимум. Тревожное состояние отношений с Лондоном, не проходившее беспокойство в связи с позицией Вены не оставляли места для беспочвенного оптимизма. Поэтому в июне 1877 г. основное внимание он уделил составлению еще трех проектов с учетом активного противодействия держав: «ограниченное решение в том случае, если Порта запросила мир ранее перехода русскими войсками Балкан»; «если согласие с Турцией, разбитой и ослабленной, допускает более умеренное решение»; «если полное крушение Турции сделало бы невозможным заключение мира непосредственно с нею»²⁰. Однако и эти варианты предусматривали значительный выигрыш для балканских народов.

Еще 30 мая (11 июня) и 1(13) июня Горчаков направил Шувалову в Лондон телеграммы, содержавшие важные изменения русской программы по ключевому болгарскому вопросу. Контакты с представителями болгарской общественности, воодушевление, с которым болгары вступали в свое ополчение, вручение его дружинам Самарского знамени, невозможность оставления под османским игом той части страны, которая «больше всего пострадала от турецкой резни», где проживало «самое многочисленное, трудолюбивое и развитое население», — все это привело правительство России к мысли о недопустимости раздела Болгарии на две части: «она должна быть единой и автономной»²¹. Однако здесь и в выработанных канцлером 2-м и 4-м вариантах урегулирования (в отличие от 1-го варианта) предусматривалось создание автономной, а не независимой Болгарии. В проекте говорилось даже об административной автономии «в пределах и с гарантиями Константинопольской конференции». То же самое предусматривалось для Боснии. Во всех этих вариантах предполагалось территориальное расширение Сербии, Черногории и Румынии. Но вопрос о независимости поднимался лишь в отношении Румынии, уже ее провозгласившей. В Албании, Эпире, Фессалии и на о-ве Крит предлагалось осуществить реформы в духе, предусмотренном Константинопольской конференцией. Проблему присоединения Эпира и Фессалии к Греции Горчаков предоставлял на усмотрение держав.

Не мог обойти в своих размышлениях канцлер и вопроса о Провлах и Константинополе, внушавшего наибольшие опасения (впро-

чем, беспочвенные) державам. В письме от 18(30) мая П. А. Шувалову он высказался в том духе, что в «данный момент они... нам недоступны»²². Британскому правительству были даны вполне конкретные обещания, даже обязательства. О Константинополе в донесении от 18(30) мая 1877 г. говорилось: «Не имея возможности предпринять заранее развитие и ход войны, императорский кабинет все же повторяет, что захват этой столицы не входит в планы» России. Вопрос о Черноморских проливах «для сохранения мира и всеобщего спокойствия» должен быть «урегулирован с общего согласия на справедливых и действительно гарантированных началах»²³. Таким образом, важную, имевшую действительно общеевропейское значение проблему царское правительство заранее отдавало на суд арбанага держав, от которых не то что поддержки, но даже сочувствия самым скромным планам изменения режима судоходства в Босфоре и Дарданеллах ожидать не приходилось. А. М. Горчаков склонялся к тому, чтобы вообще не поднимать вопроса о Проливах на мирных переговорах (что и произошло в дальнейшем).

Рассуждения его, а впоследствии и других составителей проектов мирных договоров (Нелидова, Милютина и Игнатьева) насчет Проливов носили вполне умозрительный характер. Так, Горчаков в своих июньских проектах размышлял о плюсах и минусах возвращения к принципам Ункяр-Искелесийского договора 1833 г.; о возможности предоставления права свободного прохода через Проливы для всех военных кораблей или, напротив, запрещения боевым судам России и Англии входить в Проливы; фигурировала и расплывчатая формулировка насчет усиления позиций России и Англии в Проливах (без конкретизации). Канцлер сам расставил многочисленные вопросительные знаки по тексту, что дает основание считать эту часть его записки не проектом предложений, а размышлениями²⁴.

Между тем надежды на быстрое открытие мирных переговоров не сбывались. После форсирования Дуная передовой отряд (куда входили и дружины болгарского ополчения) под командованием генерала И. В. Гурко двинулся к городу Тырново, который и освободил 25 июня (7 июля), а затем захватил важнейший Шипкинский перевал. Успешно действовал Восточный отряд, двигавшийся вдоль по Дунаю. Но Западный отряд не смог сходу овладеть важной крепостью Плевна, где сосредоточились крупные турецкие силы во главе со способным полководцем Османом-пашой. Двигаться дальше, имея в тылу многотысячную группировку неприятеля, было опасно. Планы наступления на Константинополь пришлось отложить.

Под Плевной русские войска потерпели серьезную неудачу, но отнюдь не поражение. Это надо подчеркнуть, ибо с неблагоприятной целью бросить тень на отношения между народами России и Балкан, умалить славу и заслуги русской армии события под Плевной порой искаженно трактуются в зарубежной историографии. Подверглись фальсификации подлинные документы. Так, 19(31) июля великий князь Николай Николаевич, и до того выступавший за уча-

стие Румынии в войне, отправил телеграмму следующего содержания князю Карлу: «Поскольку турки собрали у Плевны большую массу войск, прошу вас предпринять сильную демонстрацию и, если возможно, переход Дуная, как Ты хочешь это сделать, между Джиу и Корабией. Эта демонстрация необходима, чтобы облегчить мои движения». После «обработки» телеграмма стала выглядеть как отчаянный призыв о помощи: «Переправляйся через Дунай где хочешь, как хочешь и на каких угодно условиях, но иди скорее нам на помощь. Турки нас уничтожают. Христианское дело погибло»²⁵.

Однако и подход под Плевну румынских войск (составивших около трети осадного корпуса) не привел к перелому. Командование предприняло поспешный, без достаточной подготовки, штурм 30 августа (11 сентября). Частям генерала М. Д. Скобелева, преодолев укрепления, удалось прорваться на южную окраину города. Румыны при поддержке русских полков овладели Гривицким редутом № 1. Но на других направлениях атакующие были отбиты. Пришлось обложить город со всех сторон и перейти к длительной осаде.

Тревожная обстановка сложилась в августовские дни на Шипке. Численность русских солдат и болгарских ополченцев на перевале не превышала 6 тыс. Против них двинулась армия Сулеймана-паши в 27 тыс. пехоты и сабель, с 48 орудиями. Пять дней, с 9 по 14 (21—26) августа, длились кровопролитные бои. Превосходство противника разбилось о мужество и стойкость русских солдат и болгарских ополченцев. Важнейший Шипкинский перевал удалось удержать.

Положение окруженного со всех сторон Османа-паши в Плевне в ноябре стало отчаянным: иссякли запасы продовольствия и боеприпасов. В ночь на 28 ноября (10 декабря) турецкий генерал предпринял попытку прорыва. Дальше первых двух линий укреплений осаждающих продвинуться ему не удалось. Вечером того же дня раненый Осман-паша вручил свою саблю генералу Ганецкому. Сдались в плен 43 тыс. турецких солдат и офицеров. Османские силы были серьезно ослаблены. Путь в Южную Болгарию для русской армии был открыт. Самый тяжелый период войны для нее кончился. Победа под Плевной подвигла Сербию к вступлению в битву: 2(14) декабря 1877 г. ее представитель в Стамбуле вручил Порте соответствующую ноту. В прокламации, с которой князь обратился к народу, говорилось, что святое дело может завершить и одна русская армия, но Сербия должна выполнить свой долг перед своим «племенем». Обращение кончалось призывом к борьбе вместе с русскими во имя освобождения угнетенных братьев и независимости отечества²⁶. Здесь в отличие от обращения к народу в 1876 г. впервые ясно и открыто говорилось о цели войны — завоевании независимости.

Военные действия на сербском фронте продолжались до 22 января (3 февраля) 1878 г., около 6 недель. Сербская армия, отвлекая на себя значительные силы Мехмеда-паши, взяла Пирот и повернула на запад к Нишу. Освобождение этого города отмечалось серба-

ми как большая военная и политическая победа — Нип 502 года находился под властью османов. После этого вся сербская армия двинулась на запад и юг — на Самоков, Косово и Лесковац. 18(30) января был взят г. Вране — последний пункт боевых действий сербов²⁷.

Но если судьбы кампании были решены, то для русской дипломатии наступило время тяжелых испытаний. Приложив много усилий, чтобы избежать вмешательства держав в конфликт, она полагала, что ценой тяжелых уступок обезопасила Россию от удара с фланга, со стороны Австро-Венгрии. Впечатление было таково, что до поры до времени Андраши притушил свою активность, а когда русская армия застряла под Плевной, даже успокоился: пора принятия решений отодвигалась. Бисмарк не без удовлетворения наблюдал, как Россия все глубже залезала в восточные дела, полагая, что теперь Петербургу будет уже не до защиты Франции. Еще 9 ноября 1876 г. он продиктовал записку, высказавшись в ней за благожелательный германский нейтралитет в случае русско-турецкого столкновения. Канцлер не собирался пока что согласовывать свой курс с другими державами: «Предоставим Англии, а быть может, и Австрии таскать каштаны из огня; не надо взваливать на себя заботы других держав — у нас хватает и собственных»²⁸. Перед русским послом в Берлине Убри канцлер произносил монологи о долге, чести и интересах России, выражая уверенность в ее победе: отступление перед Портой уронит ее престиж, нанесет ущерб чувствам гордости и достоинства народа. Пока он Бисмарк, занимает пост канцлера, повторение крымской коалиции невозможно.

Но в треугольнике Германская империя — царизм — Порта существовала не одна, официально дружественная немецко-русская сторона. Пупечный король Крупп при благосклонном попустительстве Бисмарка в 1873, 1874, 1875 годах поставил Турции значительное количество первоклассной по тому времени артиллерии. При турецкой главной квартире состоял на положении главного советника кайзеровский генерал Блюм. Под его руководством возводилась цепь укреплений в Дунайском вилайете. Он доносил, что Порта обладает большой и хорошо вооруженной армией фанатизированных солдат.

Почти всю русско-турецкую войну Бисмарк находился «в отпуске» и пребывал в своем поместье Варцин; выдавать политические векселя не входило в его намерения. Он опасался, как бы военные действия, как того желал Горчаков, не ограничились Северной Болгарией, а еще хуже — не стали бы легкой и победоносной для русской стороны кампанией: «Если русские быстро достигнут Константинополя, Англия и Австро-Венгрия не смогут сохранить нейтралитет. А это неизбежно затруднит нашу позицию», — заметил он в беседе с близкими²⁹. Замыслам канцлера отвечало другое — длительная и истощающая война, из которой Россия не смогла бы выбраться без его, канцлера, помощи, с ослабленными силами и подмоченным престижем. И он продолжал наблюдать.

А пока что царский дядя, кайзер Вильгельм, аккуратно подни-

мал бокал за успехи российского оружия, и ничто, казалось, не угрожало Петербургу со стороны Берлина. Сюрпризы начались позднее.

С самого дня открытия боевых действий российской дипломатии пришлось вести упорные оборонительные «бои» на главном, британском направлении, стремясь обеспечить невмешательство «владычицы морей» в конфликт.

6 мая 1877 г. лорд Дерби сочинил ноту с изложением английской позиции в связи с войной. Кабинет, говорилось в ней, не допустит территориальных изменений в Османской империи без совета с ним и его согласия. Интересы Англии, указывалось в ноте, будут затронуты и она не сможет сохранить нейтралитет, если военные действия станут угрожать Суэцкому каналу, Египту, Персидскому заливу, Черноморским проливам и Стамбулу. «Правительство ее величества не может остаться безразличным к переходу в другие руки... столицы, занимающей столь особое, доминирующее положение»³⁰.

Опытному дипломату Шувалову «опасения» лондонского кабинета за Египет и долину Евфрата показались столь надуманными и бессмысленными, что он запросил у Дерби объяснений. Тот заявил, что лично подобных страхов не разделяет, однако, поскольку у России две канонерские лодки в Индийском океане и восемь судов в Сан-Франциско, ей приписывается намерение перебросить их в Средиземное море и гипотетически они представляют угрозу³¹. Британская дипломатия с такой широтой обрисовала свои «интересы» с явным намерением иметь под рукой достаточно предлогов для вмешательства в конфликт.

В самой Англии нота Дерби дала обильную пищу для недоуменных вопросов и протестующих заявлений как в парламенте, так и вне его стен. Люди, сведущие в международном праве, никак не могли понять, почему одна из воюющих сторон, Россия, должна принимать на себя обязательство не угрожать значительным областям неприятельской территории³².

Обсуждение в парламенте документа вылилось в дискуссию по общим принципам британской политики на Балканах и Ближнем Востоке. Случалось это не раз в ходе русско-турецкой войны. Довольно большая группа членов парламента резко критиковала тезис насчет «русской угрозы», нависшей будто бы над Британской империей чуть ли не с самого начала военных действий. Герцог Рутленд назвал абсурдом приписываемые России планы завоевания Индии. С. Ленг советовал перепуганным (или делавшим вид) вновь пройти курс физической географии хотя бы в объеме средней школы. Тогда они обнаружили бы, что самый низкий перевал в Гималаях лежит выше альпийских вершин. Некоторые депутаты были смущены тем, что британские интересы ассоциируются с черным делом подавления балканских народов. «Следует признать, что Россия, объявив войну, действовала строго в рамках своего национального и публичного права,— говорил в палате общин П. Д. Смит.— Обрешивать на нее меч, исключая необходимую защиту грубо

попранных прав, было бы одним из самых черных преступлений в истории... Это была бы война против национальности, свободы и справедливости и в поддержку деспотизма, рабства и злодеяний»³³.

В разгар русско-турецкой войны В. Ю. Гладстон нашел в себе мужество сказать: «Если Россия потерпит неудачу, ее поражение превратится в несчастье для человечества; жизнь страдающих народов, которым, предположительно, мы должны помогать, станет еще хуже». Британский курс на противодействие давно назревшим преобразованиям на Балканах он характеризовал самым нелестным образом: «Мы фактически требуем для себя права вето на политические реформы во всех странах и омывающих их морях, лежащих на путях из Англии на Восток»³⁴.

Но в целом либералы не бросали вызова старому британскому курсу. Они хотели бы пойти чуть дальше консерваторов настречу пожеланиям поднявшихся балканских народов и требованиям выступившей им в поддержку России. В главном же — необходимости тем или иным способом добиться британского преобладания на юго-востоке континента — обе партии сходились. Различия в точках зрения носили не стратегический, а тактический характер. Нападки оппозиции премьер-министр Дизраэли всерьез не принимал. Вот его отзыв об одной из вылазок либералов: «Вчера вечером разведка гитгов окончилась провалом для устроителей этой стряпни»; «все, за исключением традиционных любителей скуки, ринулись на обед»³⁵.

П. А. Шувалов сам съездил в Петербург, чтобы обсудить реакцию на британскую ноту от 6 мая, и привез самый успокоительный ответ. О заверениях Горчакова насчет Константинополя и Проливов мы уже говорили. Канцлер старался рассеять и явно надуманные страхи британской стороны насчет «угрозы» Суэцу, Персидскому заливу, Египту, коммуникациям с Индией. Российское правительство, говорилось в инструкции канцлера П. А. Шувалову от 18(30) мая, «не хочет ни блокировать навигацию по Суэцкому каналу, ни прерывать ее, ни угрожать ей». Этот международный путь должен остаться «вне всяких посягательств»³⁶. Через две недели Шувалов получил разъяснения насчет Болгарии — русское правительство пришло к выводу о несправедливости раздела страны на две части и высказывалось за создание единого княжества (см. выше).

Шувалов начал трудные объяснения с лордом Дерби по поводу «горячих точек» — Константинополя, Проливов, Болгарии. Отказ от завоевания турецкой столицы, доказывал он, не означает отказа от права приблизиться или даже войти в город в ходе военных действий. Беспрецедентно, говорил он, чтобы воюющая сторона обязалась заранее прекратить операции у ворот вражеской столицы. Если турки узнают об этом, они сделают вывод, что могут продолжать войну без особого риска. От британских министров, знающих, что русские войска в любом случае будут из Стамбула выведены, зависит, чтобы они и не приближались к этому городу³⁷. Балканы

не являются этнографической границей. В высшей степени несправедливо поэтому членить Болгарию. После резни, учиненной османскими карателями при подавлении Апрельского восстания (1876 г.) в Батаке, Перушице и окрестностях Филиппополя (Пловдива), не логично ли утвердить автономию на Юге страны? ³⁸

Доводы посла России наталкивались на глухую стену неприятия. Даже в этом первом варианте мирная программа означала глубокое потрясение османской державы и подрыв ее господства на Балканах, что расходилось с полувековым постулатом британской политики. По словам Дерби, Порты, приняв эти условия, расписалась бы в собственной гибели. «Проект превращения Болгарии в единую автономную провинцию,— уточнял он,— в такой степени увеличил наши опасения, что бесполезно обсуждать мир» ³⁹.

А ведь Дерби слыл «голубем» среди своих коллег. Тогдашних «ястребов» в кабинете возглавлял премьер-министр Бенджамен Дизраэли, и ему рьяно помогала королева Виктория. Российскому послу сотрудничество носительницы верховной власти и главы правительства причиняло немало огорчений. Отбросив обычную сдержанность выражений, он жаловался на существование «некоего заговора полусумасшедшей бабы с министром, не лишенным дарований, но выродившимся в политического клоуна» ⁴⁰.

Еще не прозвучал первый выстрел, а Виктории уже мерещилось умаление достоинства Великобритании: «Если Англия дойдет до того, что будет целовать ноги России, она (королева.— *Авт.*) в подобном унижении участвовать не станет... и сложит с себя корону». Либеральную позицию она рассматривала как «врага внутреннего» и призывала правительство крепить «единый фронт против неприятеля в стране и за ее пределами» ⁴¹.

Премьер-министр, как мог, утешал свою «фею» (как он именовал грузную, близившуюся к шестому десятку лет Викторию). В его уме возник химерический план — добиться, чтобы Порты сама «пригласила» британский флот войти в Проливы, а заодно в качестве «материальной гарантии» позволила оккупировать важный в стратегическом отношении полуостров Галлиполи, контролирующий вход в Дарданеллы, для чего, по его мнению, было достаточно 20 тыс. солдат.

Пока что Дизраэли строил воздушные замки. Соглашения из Стамбула на фактически добровольное и полное подчинение Турции не приходило. И Дизраэли жаловался своей августейшей корреспондентке на трудности: общественность настроена в пользу нейтралитета, а раз так — как выманить у палаты общин деньги на экспедицию?

Успешное форсирование Дуная русской армией, а еще более — переход отряда Гурко через Балканы поверг правящий Лондон в панику: не упущен ли момент для того, чтобы остановить Россию? «Фея пишет ежедневно, телеграфирует ежечасно», — сообщал Дизраэли своей приятельнице леди Брадфорд ⁴².

7 июля часть средиземноморской английской эскадры (семь броненосцев и фрегат) получила приказ войти в Безикскую бухту не-

далеко от входа в Дарданеллы. Пресса связывала это с переходом русских войск через Дунай. Дерби дал Шувалову совершенно несуровое объяснение: передислокация кораблей вызвана-де настоящими адмирала, предпочитающего Бизик Пирейскому заливу по климатическим соображениям. В Стамбуле будто бы сложилась «взрывоопасная» ситуация и надо держать флот «под рукой», чтобы защитить жизнь и имущество подданных короны⁴¹.

12 июля Дизраэли писал королеве, что готовится нота самого решительного характера с требованием не занимать Стамбул. Фраза «казус белли» в ней не употребляется; ее решено зарезервировать для последующих шагов. Британским инженерам приказано произвести разведку подступов к турецкой столице. Он, премьер-министр, вполне согласен с точкой зрения королевы о целесообразности занятия британскими силами Стамбула и мечтает об ударе по русским с востока, чтобы «очистить Среднюю Азию от москвитов и загнать их в Каспий»⁴².

В нотах Дерби официальная позиция Великобритании выглядела мягче. 28 июля Шувалову был вручен меморандум без подписи. Англия вместе с другими державами, говорилось в нем, готова побудить Порту к прекращению войны на приемлемых для нее и почетных для России условиях. Выражалась надежда, что эвентуальное перемещение эскадры в Стамбул не будет сочтено нарушением британского нейтралитета⁴³.

Министр иностранных дел навлек на себя королевский выговор за недостаточную решительность⁴⁴. Неважно обстояли дела с союзниками, без которых Англия воевать не привыкла. Единственно австрийская монархия могла в случае расширения войны вцепиться в бок империи Романовых. Британское внешнеполитическое ведомство принялось усиленно заманивать графа Андраньи в свои тенета, но сделать это было весьма трудно. Шувалов своевременно и, хотя завязавшиеся переговоры Лондон—Вена были сверхсекретными, довольно полно информировал о них Петербург. Александр II, воспитанный в традициях монархической солидарности, поначалу не поверил изощренному двуличию союзника.

Реакция Андраньи на британские предложения о сотрудничестве сводилась к следующему. Две страны, Англия и Австрия, полагал он, должны решить, когда над их интересами нависнет реальная опасность. Для последней неприемлемо образование на ее балканских границах независимых государств. Вена не возражает против британской экспедиции в Стамбул и оккупации полуострова Галлиполи. Однако ее собственная позиция в отношении России в высшей степени деликатна. Великобритания и Россия, которых глава внешнеполитического ведомства Австро-Венгрии уподобил акуле и волку, могут показать друг другу зубы и удалиться каждый в свою стихию. Австрии же деваться некуда. Граф Дьюла Андраньи уповал на то, что русская армия увязнет на Балканах, и тогда демонстрации британского флота и габсбургских войск будет достаточно для того, чтобы заставить ее удалиться⁴⁵. Он обещал в дальнейшем вступить в переговоры с Уайт-холлом относительно совместных

акций, но соглашался лишь на устную договоренность, отказываясь связать себя письменными обязательствами⁴⁸.

Сношения двух столиц затруднялись полным недоверием друг к другу и обостренной подозрительностью. Британский посланник в Стамбуле Г. Лэйрд обвинял Андраши в «двойной и бесчестной игре»: «Я не могу скрыть своего убеждения, что он мечтает об аннексии Боснии и Герцеговины и по секрету договорился по этому поводу с русскими»⁴⁹. В свою очередь, австрийский министр опасался, как бы Лондон не сделал его орудием своей игры.

К началу августа 1877 г. обстановка в Лондоне несколько разрядилась. Этому поневоле способствовал неудачный штурм крепости Плевна. Война затягивалась. Страх, что вот-вот начнется марш на Стамбул, рассеялся. Неудача переговоров с Австро-Венгрией, внешнеполитическая изоляция действовали отрезвляюще на горячие головы. Члены парламента разошлись на каникулы, министры разъехались по поместьям.

«Под занавес», на одном из последних перед каникулами заседаний палаты лордов, премьер-министр впервые назвал британский нейтралитет условным. В Брайтоне, куда он поехал на отдых, русский посол несколько раз встречался с ним. Дизраэли высказал убеждение, что вторая кампания выведет Англию из состояния невмешательства⁵⁰.

Премьер-министр и королева Виктория прибегли к акции, которая никак не укладывалась в рамки парламентского правления и сильно отдавала тайной дипломатией в духе Людовика XV. В конце августа британский военный агент в России полковник Уэлсли, вернувшись из Лондона, сделал царю заявление, о котором Форин-оффис не знал. Ссылаясь на королеву и Дизраэли, он угрожал активным британским вмешательством в балканские дела: «Россия не должна поддаваться ложным впечатлениям насчет слабости и нерешительности» кабинета; если боевые действия продлятся и последует вторая кампания, нейтралитет Англии не может быть сохранен, и она станет воюющей стороной». Этот неуклюжий демарш произвел совсем обратное впечатление. Энергия, с которой велись военные операции осенью и зимой 1877—1878 гг., не без основания полагают английские авторы, «частично объяснялась пониманием того, что вторая кампания будет связана с очень большим риском»⁵¹.

9 ноября 1877 г. Дизраэли выступил на традиционном банкете в Гилдхолле по случаю избрания нового лорд-мэра Лондона. Слабость внешнеполитических позиций Великобритании выявилась в это время в полной мере. Шувалов и германский посол граф Мюнстер отклонили приглашение на прием. Узнав, что от имени дипломатического корпуса ответ Дизраэли должен произносить его дуайен, турецкий посол Мусурус, их примеру последовали представители Франции и Италии. В последний день австриец граф Бойст сообщил, что у него сломалась карета, и тоже не явился. Видимо, осторожности ради приглашение лорд-мэра игнорировали посланники Бельгии, Голландии, Испании, Португалии, Швеции, Дании⁵².

«Англия и Турция остались в одиночестве», — писала газета «Морнинг пост»⁵³.

Взятие Плевны произвело в Лондоне впечатление разорвавшейся бомбы. От посла Г. Лэйрда из Стамбула поступали панические сообщения о состоянии турецкой обороны. Он призывал не жертвовать имперскими позициями из-за того, что «какие-то башибузуки перебили сколько-то бесполезных и несчастных болгар». Грубо клеветая на балканские народы, он писал: «Шакалы — Румыния, Сербия, Греция и Черногория — ждут объедков. Англия выглядит безнадежно и беспомощно. У нас нет ни политики, ни определенных взглядов и, следовательно, ни влияния, ни силы»⁵⁴.

В правительстве разногласия продолжались. Дизраэли жаловался королеве, что 12 членов кабинета разбиты на семь «партий» — от сторонников мира любой ценой до интервенционистов⁵⁵. Споры завязались вокруг того, как реагировать на продвижение русских войск к Стамбулу. Премьер-министр предложил считать это «казус белли», о чем сообщить в Петербург. Дерби воспротивился столь опасному решению. Однако, заявил он Шувалову, русские условия мира, по всем данным, будут непримлемы для Лондона: создание единой Болгарии «означает падение султана»; если автономия распространится на Боснию, Герцеговину, греческие области, их население из подданных превратится во врагов Порты. Все это побуждает его обратиться в Петербург с новой нотой.

2(14) декабря в Петербург прибыл британский меморандум без подписи и без даты. Кабинет, говорилось в нем, считает «крайне желательным со всех точек зрения избежать занятия Константинополя русскими войсками, даже временного и исключительно в военных целях». Выражалась надежда, что этого не произойдет не только в отношении турецкой столицы, но и Дарданелл. В противном случае британское правительство оставляло за собой право принять необходимые, по его мнению, меры⁵⁶.

Ознакомившись с посланием Дерби, Александр II пришел к выводу: «Ответить будет нетрудно». Это был неоправданный оптимизм. Умеренные на Даунинг-стрит не отличались ни последовательностью убеждений, ни стойкостью. Они не расходились с премьером в программных установках, выступали против освобождения балканских народов, за сохранение Османской империи, настаивали на участии Лондона в мирном урегулировании и протестовали, употребляя выражение Дерби, против мира «через голову» Европы. Разногласия касались средств достижения цели.

Самому Дерби улыбалась мысль о коллективном посредничестве держав с целью прекращения войны. Желательное обращение поступило от султана 30 ноября (12 декабря), немедленно после сдачи Плевны. Однако попытка наладить в этом плане контакт с Венной провалилась. Д. Андраши, предупрежденный послом Е. П. Новиковым о бесполезности подобного демарша⁵⁷, «не обнаружил» в турецких нотах соответствующей просьбы⁵⁸. Дерби, несмотря на предупреждение Шувалова, что о посредничестве не может быть и речи и лучше «преподать мудрые советы» Порте

(т. е. побудить ее заключить мир), упорствовал. Горчакову пришлось самому отклонить настойчиво предлагаемые британским правительством услуги, напомнить, что для турецкого правительства открыт прямой путь обращения к русским главнокомандующим на Балканах и Кавказе ⁵⁹.

Предстоял новый тур дипломатической борьбы, еще более тяжелый для русской стороны, ибо предполагаемые условия мира вызвали протесты Вены и Петербургу приходилось считаться с не оформленным, но действовавшим на практике англо-австрийским альянсом.

2

Европейская дипломатия от Плевны до Сан-Стефано

Блистательные победы российского оружия, многочисленные просьбы и ходатайства представителей балканской общественности, прежде всего болгарской,— все это способствовало радикализации проектов мирного урегулирования. Горчаков утратил контроль над их выработкой. Осторожность и сдержанность канцлера стали приписывать свойственной старости робости. За глаза его обвиняли чуть ли не в том, что он лишает российскую армию заслуженных лавров, а балканские народы — плодов ее побед. Внешней политикой стала вершить небольшая группа в лице Д. А. Милютин и Н. П. Игнатьева; к ним в качестве составителя проектов примыкал А. И. Нелидов, ведавший дипломатической канцелярией командующего армией на Балканах.

Прежде всего, как правомерно отмечается в отечественной историографии ⁶⁰, произошел решительный переход от поддержки принципа автономии к принципу независимости для Сербии, Черногории и Румынии при их существующем территориальном расширении; Болгария фигурировала в качестве единого автономного княжества; пограничная линия намечалась так, чтобы в каждое из государств вошли важные экономические центры, транспортные узлы и порты. Высказывалась определенная точка зрения насчет системы управления (отнюдь не самодержавного), национальных вооруженных сил, принципов взаимоотношений с Портой.

В отношении Проливов русское правительство соглашалось на сохранение принципа их закрытия для военных иностранных судов и на то, что их режим регулируется султаном. Вполне определенно предусматривалось, что «великие державы договорятся между собой о линии действий в отношении постановлений, касающихся общих интересов» ⁶¹, иными словами, выражалась готовность договориться с державами о проблемах европейского характера. Текст условий был послан германскому и австрийскому императорам как приложение к письмам Александра II от 27 ноября (9 декабря) 1877 г. Царь просил при этом союзников не разглашать полученные ими сведения кому бы то ни было, особенно британскому правительству, и выражал надежду на их поддержку ⁶².

Ответ из Берлина поступил незамедлительно. Вильгельм I поздравил своего племянника с победой над Плевной и заверил его

в дружеских чувствах. Все это породило в Петербурге надежды, оказавшиеся, в свете последующих событий, ложными.

Австрийский ответ пришел лишь через несколько недель, в конце декабря, и был холодным по форме и отрицательным по существу. В нем, по словам Милютина, «явно проглядывается неудовольствие венского кабинета, которому прискорбно отказаться от той добычи, на которую он рассчитывал в случае распада Турецкой империи». Франц Иосиф выражал несогласие с размерами расширения Болгарии и Черногории и обвинял Россию в нарушении того пункта Будапештской конвенции, в котором предусматривалась австрийская оккупация Боснии и Герцеговины. В январе 1878 г. Дьюла Андраши начал выражать опасения по поводу подготовки якобы сепаратного и окончательного мира без его ведома⁶³. Он возражал против автономии и «протяженности» территории Болгарии, выражал несогласие со временным занятием ее русскими войсками⁶⁴. Тон канцлера становился все резче. В письме австрийскому послу в Берлине Карольи от 28 января 1878 г. он обвинил Россию в том, что слова у нее расходятся с делом, что она нарушила прежние соглашения, и Австро-Венгрия якобы встала перед альтернативой — конфликт с Россией или конференция⁶⁵. В телеграмме послу Австро-Венгрии в Петербурге Лангенау от того же числа министр иностранных дел угрожал поднять голос против «любого покушения» на интересы Австро-Венгрии⁶⁶. Горчаков выражал огорчение позицией Вены, заверял, что и мысли нет исключать Австрию из переговоров об окончательном мире, и заявил, что не будет возражать, если после подписания перемирия Андраши предложит европейскую конференцию. Но протесты из столицы Габсбургов продолжались: Россия-де решает судьбы австрийских соседей «наедине с Турцией»⁶⁷.

Андраши опирался на поддержку Бисмарка. 22 января (3 февраля) в беседе с П. П. Убри статс-секретарь Б. Бюлов выразил надежду, что русское правительство облегчит позицию Германии, достигнув соглашения с Австро-Венгрией. Много раз повторялся один и тот же совет: «Договаривайтесь с Австрией, и мы заранее подпишемся под всем, о чем вы согласитесь». «Очевидно. — писал Убри 31 января (12 февраля) 1878 г., — германский кабинет принимает на себя в этом отношении роль посредника...»⁶⁸ В записке Герберта Бисмарка Бюлову от 2 февраля 1878 г. от имени германского канцлера проводилась мысль о необходимости считаться с интересами Австро-Венгрии и поддерживать дружественного германскому правительству министра. В этой же записке прямо говорилось, что Горчаков не должен надеяться на то, что все его пожелания будут поддержаны Бисмарком. В адрес Горчакова был брошен упрек в несправедливом отношении к Германии (намек на 1875 год)⁶⁹.

Позиция Германии все отчетливее определялась как проавстрийская. Совершенно естественно, что это помогало Австро-Венгрии и Великобритании наращивать напряжение, не останавливаясь перед военными угрозами.

Стрелка барометра англо-русских отношений склонилась к «буре». Уайт-холл жаждал вмешаться в ход мирных переговоров, и понятно, на чьей стороне. Появился и предлог: 10 января султан Абдул-Хамид направил королеве Виктории телеграмму, прося ее посредничества в достижении перемирия и мира.

1 (13) января 1878 г., не дождавшись итогов своих обходных маневров, Абдул-Хамид известил царя о посылке турецких уполномоченных в ставку русского командования в Казанлык⁷⁰. Лондону пришлось действовать, не прибегая к турецкой ширме. Началось его систематическое дипломатическое наступление, сперва с целью затруднить военные операции, а затем — лишить Россию плодов победы и ограничить, насколько возможно, результат войны для балканских народов.

В этот же день английский посол в Петербурге лорд Огастес Лофтус от имени правительства Великобритании потребовал дать заверения, что военные действия не распространятся на Галлипольский полуостров, контролирующий вход в Дарданеллы⁷¹. Горчаков ответил, что это не входит в планы русского командования, если Турция не сконцентрирует там своих регулярных войск. Канцлер при этом выразил надежду: «Ставя этот вопрос, английский советник само не имеет намерения оккупировать этот полуостров, что не согласуется с его нейтралитетом и породит в Константинополе иллюзии, неблагоприятные для дела мира»⁷².

Британский нажим продолжался. В меморандуме от 3(15) января говорилось: «Любой договор между правительством России и Портой, затрагивающий договора 1856 и 1871 гг., должен носить европейский характер» и, по мнению Лондона, «не будет иметь силы без согласия держав» — участниц Парижского конгресса, завершившего Крымскую войну⁷³. Так начала обрисовываться английская стратегия в отношении мира. Приняв один раз участие в войне против России, Лондон хотел быть вечным победителем и поставить обсуждение условий мира под свой контроль.

На следующий день Горчаков в письме к Шувалову изложил свои соображения. Русская сторона, писал он, настаивает на непосредственных переговорах с Портой потому, что речь идет о «прелиминарном мире. Коллективное обсуждение вопросов, представляющих общий интерес, может прийти позднее»⁷⁴. Вмешательство Англии в их ход ободрило бы турецкую сторону и сорвало бы заключение перемирия. 12(24) января канцлер еще раз заверил Уайт-холл, что Россия не собирается решать изолированно общеевропейские вопросы. 19(31) января он подтвердил обязательство не занимать Галлиполи, если там не будут расположены регулярные турецкие войска⁷⁵. Исходя из информации, полученной от Шувалова, Горчаков полагал, что это обеспечит сохранение британского нейтралитета. Оба они ошибались. В Лондоне пытались создать конфликт из-за Галлиполи, чтобы беспрепятственно ввести флот в Дарданеллы...

Впечатление от успокоительных телеграмм Горчакова сводилось на нет быстрым продвижением русских войск. В последний день

1877 г. 70-тысячный отряд генерала И. В. Гурко завершил переход через Балканы. Спустя несколько дней была занята София. Затем генерал М. Д. Скобелев разгромил Весселя-пашу под Шипкой — Шейново. 5(17) января под Пловдивом потерпела поражение армия Сулеймана-паши. Через три дня пал Адрианополь. Это был полный разгром турецкой армии. Путь на Стамбул был открыт.

В таких условиях проходили мирные переговоры. На первых порах русская сторона с ними не спешила. Действовало вполне обоснованное соображение — добиться возможно большего стратегического преимущества; катившийся к неприятельской столице вал русских войск побуждал противника к уступкам эффективнее самого красноречивого дипломата. В Петербурге вынашивали и другую надежду — договориться тем временем с союзниками по основным условиям мира и противопоставить интригам Альбиона единство трех союзных дворов. «Главная цель проволочки, — записывал Д. А. Милютин в своем дневнике, — состоит в том, чтобы сперва сойтись с Австрией, которая уже начинает портить нам дело»⁷⁶.

Однако «сойтись» с Веной не удалось, несмотря на многомесячные усилия дипломатии России. По мере того как обнаруживались планы графа Дьюлы Андраши, становилось ясно, что он хотел бы, не участвуя в войне, обеспечить австро-венгерскую гегемонию на Балканах. Продвижение русских войск к Стамбулу оказалось обоюдоострым оружием. Уайт-холл, вместо того чтобы, употребляя выражение Шувалова, «преподать мудрые советы» Порте, воспользовался этим для крайнего обострения обстановки, нагнетания в Великобритании шовинистической истерии, введения флота в Проливы и подготовки к походу экспедиционного корпуса.

Лорд Локхус в Петербурге бомбардировал министерство иностранных дел запросами и требованиями. Г. Лэйрд в Стамбуле слал недостоверные сведения, не раз оказывавшиеся прямой фальсификацией⁷⁷. Кабинет в Лондоне заседал чуть ли не ежедневно и — невиданный случай — собрался даже в воскресенье. Дизраэли, по словам Милютина, «опять взбеленился»⁷⁸. Поступили чрезвычайно ободрявшие премьера вести: Андраши сам намекнул на желательность отправки британской эскадры в Стамбул, а султан, напуганный приближением русских войск, даже просил об этом, чтобы найти убежище на судах ее величества⁷⁹.

Решающие заседания кабинета происходили 21, 22, 23 января. Дизраэли предложил заключить оборонительный союз с Австро-Венгрией и предоставить ей денежную помощь, если она мобилизует армию на границе с Россией и согласится на идентичные с Англией шаги в Петербурге⁸⁰. Этот план сорвался: австрийский канцлер отказался подписать предложенную британским дипломатом Бьюкененом конвенцию, заявив, что Вена не просила, а только советовала (!) направить британские суда в турецкие воды. Андраши, телеграфировал Шувалов, не хочет брать на себя обязательства, пока Лондон не вступит в дело⁸¹.

Лондонским «ультра» пришлось действовать в одиночестве.

23 января адмирал Хорнби получил телеграмму: «Немедленно

отплывайте к Дарданеллам и следуйте дальше со всеми своими кораблями к Константинополю. Вы должны воздерживаться от участия в конфликте между Россией и Турцией, но водный путь через Проливы должен оставаться свободным»⁸².

Дерби и еще один министр подали в знак протеста в отставку. Она была немедленно принята королевой, которая тут же санкционировала назначение на пост министра иностранных дел Р. Солсбери, покинувшего бывших единомышленников и перешедшего на сторону Дизраэли.

Но тут обнаружилось, что британские «ястребы» зашли слишком далеко: в Адрианополе начались переговоры о перемирии. Поэтому эскадра Хорнби, вышедшая было в Дарданеллы, повернула назад и бросила якорь в Безикской бухте. Дерби вернулся в кабинет.

На Британских островах и за рубежом необъяснимый маневр английских броненосцев и провалившаяся попытка удалить из правительства министра, слывшего напбоолее умеренным, вызвали самые нелестные комментарии. Некие шутники в Стамбуле приклеили к стене британского посольства объявление: «Между Безикой и Константинополем утерян флот. Нашедшему будет выдано вознаграждение»⁸³.

Но напряженность в англо-русских отношениях не спала. Затягивание переговоров о перемирии объяснялось в английских правящих кругах двойной игрой России, войска которой быстро приближались к Стамбулу.

На самом деле Петербург был далек от приписываемых ему коварных и двуличных замыслов. Враждебность Великобритании, шантажистская тактика австрийского канцлера, холодность Берлина — все внушало глубокую тревогу. Здесь были уже не рады, что раньше решили не спешить с переговорами, и пребывали в «лихорадочном выжидании»⁸⁴. Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич с некоторой растерянностью сообщал своему брату: «Я употребил все усилия, чтобы действовать по твоим указаниям и предупредить разрушение Турецкой монархии, и если мне это не удалось, то положительно виноваты оба паши, которые не имели достаточно мужества взять на себя и подписать наши условия мира. Войска мои движутся безостановочно вперед. Ужасы, делаемые уходящими, бегущими в панике турками,— страшные»⁸⁵. Наконец, пришла долгожданная весть о прекращении военных действий.

19(31) января 1878 г. в Адрианополе главнокомандующий русской армией и турецкие уполномоченные подписали «Основания мира» и конвенцию о перемирии.

Это был первый официальный двусторонний акт, который определял создание Болгарского автономного княжества, в пределах не менее тех, что были очерчены на Константинопольской конференции, т. е. от Дуная до Эгейского моря. Обусловливалось признание независимости Сербии, Черногории и Румынии и их территориальное расширение. В телеграмме сербскому князю главнокомандующий сообщал, что «в перемирии учтены интересы Сербии»⁸⁶. Это

было первое соглашение, подводившее итоги войны, главным из которых было освобождение большей части Балканского полуострова от господства султана Турции. Турецкий уполномоченный Савфет-паша не случайно назвал условия мира «смертным приговором Османской империи»⁸⁷.

«Европа» встретила окончание войны не поздравлениями, а протестами. Британский кабинет сообщил, что «в той части, в которой эта договоренность рассчитана на изменение европейских договоров и затрагивает общие и британские интересы», он не признает ее «до достижения формального соглашения сторон — участников Парижского трактата»⁸⁸.

27 января (8 февраля) лорд Лофтус вручил Горчакову очередной меморандум, составленный на основе полученных от его стамбульского коллеги сведений. В нем утверждалось, что русское командование, пренебрегая турецкими протестами, якобы заняло Чатаджди, Константинополь остался без защиты⁸⁹. Канцлер немедленно телеграфировал Шувалову: «Нет ни слова правды в распускаемых в Англии слухах»⁹⁰. Тем не менее на следующий же день британский посол сообщил, что эскадра Хорнби вновь вступает в Дарданеллы⁹¹. На протест перепуганного султана в Лондоне не обратили внимания. Британские броненосцы в вопиющем противоречии с нормами международного права вошли в Мраморное море.

Дерби не преминул объяснить передвижение флота必要ностью защищать жизнь и имущество подданных короны, хотя в Константинополе, по сведениям иностранных дипломатов, царил спокойствие⁹². Через несколько дней он «дружески» повторил требование не занимать русскими войсками Галлиполи⁹³, чтобы не запырять эскадру в Проливах.

Новость была столь серьезной, что Александр II вызвал Горчакова в Царское Село телеграммой, написанной вопреки тогдашнему обыкновению двора по-русски: «Так важно, что я желал бы знать твое мнение, прежде чем отвечать»⁹⁴.

Ответ был дан решительный. Российское правительство сообщило, что в создавшемся положении оно будет вынуждено временно ввести свои войска в турецкую столицу; в случае необходимости они будут защищать все христианское население независимо от его государственной принадлежности⁹⁵. В телеграмме Шувалову канцлер указывал: «Поскольку английская эскадра вопреки протестам Порты форсировала Дарданеллы, временное вступление части наших войск (в Стамбул. — *Авт.*) неизбежно». Позднее министр уточнил: русские останутся в Константинополе, пока британский флот не покинет Дарданеллы; «история учит нас, что слабость континента подстегивает наглость Англии»⁹⁶.

Но 8(20) февраля Шувалов получил телеграмму об отказе русского командования от вступления в этот город⁹⁷. Всесторонний зондаж привел и его и дипломатию к мысли, что подобный шаг чреват слишком большим риском⁹⁸. 31 января (12 февраля) турецкий уполномоченный Сафвет-паша прибыл в Адрианополь. Пред-

стояли трудные мирные переговоры. В Петербург поступили сведения о деятельных сношениях султана с английским послом Лэйрдом: в их итоге Порта обратилась к державам с запоздалым разъяснением, извещая, что прибытие британского флота в Проливы якобы не является «нарушением существующих договоров». Великим визирем был назначен «закоренелый англоман» Ахмед Велфк-паша. Порта, «верная англо-австро-венгерским указаниям», по словам Н. П. Игнатьева, выступила с «инициативой» перенесения переговоров в Петербург с явной целью затянуть их и не связывать себя обязательствами перед европейской конференцией.

Тревожные вести приходили не только из Стамбула и Лондона, но и из Вены. «Посоветовав» британскому правительству ввести свой флот в Проливы, Андраши собирался воспользоваться этим для оккупации Боснии. Военный агент Ф. А. Фельдман сообщал: «Предлогом для вступления австрийских войск послужит вторжение английских броненосцев в Мраморное море. Австрия, видя в этом нарушение трактатов и явное намерение Великобритании обеспечить свои личные интересы, находит, что и для нее наступила минута воспользоваться плодами своего нейтралитета»⁹⁹.

Горчаков с горечью писал в начале февраля 1878 г.: «Именно в Вене находится камень преткновения для мирного решения теперешнего кризиса». Он подчеркивал, что русская сторона сразу представила вопрос о Проливах общеевропейскому соглашению, а Англия тем не менее снова сделала «шаг по пути вражды. Вероятно, оттого, что позиция венского кабинета дала ей надежду выйти из одиночества». «Англии стало известно, что Австрия возражает против двух из наших основных условий мира, и она стала рядом с ней, чтобы создать центр дипломатического давления, имеющий целью добиться ограничения наших условий рамками Константинопольской конференции»¹⁰⁰.

Вена заявила протест против «Оснований мира», особенно против пункта «о единой Болгарии». Горчаков в своих объяснениях подчеркивал, что после войны, в которой болгарский народ принял деятельное участие, «полумеры больше неприемлемы». «Создание национальной администрации и обеспечение действительных гарантий для Болгарии стало неизбежным». «Это минимум того, на что может согласиться Россия после всех жертв, принесенных во время войны», отступить здесь она не может. Русское правительство напомнило венскому кабинету о Рейхштадтской договоренности относительно Боснии и Герцеговины и подтверждало ее¹⁰¹. Но Андраши не смягчила эта вынужденная уступка. Если в 1876 г. австрийского министра беспокоили объединительские тенденции Сербии, то теперь его, по ироническому замечанию Е. П. Новикова, больше не темпала перспектива «приобрести бесплатно еще одну провинцию, а именно Боснию»¹⁰². Он упорно отстаивал пункт Рейхштадта о несоздании большого славянского государства, относя его к Болгарии. Когда Новиков сказал ему, что он мог бы понять опасения Австрии, если бы речь шла о создании «Великой Сербии», ибо она могла бы стать магнитом для австрийских славян, то Андраши

вдруг стал тревожиться о судьбе греков и албанцев¹⁰³, интересам которых будто противоречило образование «Большой Болгарии».

Андраши очень резко выступал и против русской оккупации Болгарии, против конституционного устройства для этой страны: «И ныне ко всему мы узнаем из достоверного источника, что вы готовитесь выпустить конституцию для Болгарии»¹⁰⁴.

«Кроме абсолютной оппозиции нашей весьма естественной оккупации, я замечаю здесь постоянное предубеждение против чрезмерной протяженности единой Болгарии», — писал Е. П. Новиков, усмотрев возможность совместных действий англичан и австрийской дипломатии на этой почве¹⁰⁵. В Вене всерьез были озабочены расширением русского влияния в Болгарии с вероятным ущербом для интересов австрийского капитала. Несколько позднее Андраши заявил депутатам парламента, что «интересы Австро-Венгрии состоят в том, чтобы расчистить пути для австрийской торговли в турецких государствах и помешать введению в них запретительной системы»¹⁰⁶. Для нее крайне важным было осуществление проекта постройки железной дороги от Салоник до Митровиц, которая должна была сомкнуться с находившимися в австрийских руках путями Южной Болгарии¹⁰⁷. В качестве тактического приема австрийские правящие круги, до тонкости доведшие «дома» политику «разделяй и властвуй», переносили ее на Балканы — благо трений и противоречий между буржуазией отдельных стран здесь было достаточно. Андраши пустил в ход термин «Большая Болгария», которая якобы угрожала соседям.

Такова была напряженная обстановка, в которой обсуждался план занятия турецкой столицы. Товарищ министра иностранных дел Н. К. Гирс писал Н. П. Игнатьеву, уполномоченному вести мирные переговоры: «Наше политическое положение весьма ухудшилось, и вряд ли ему много поможет вступление наших войск в Царьград, если, как это теперь выясняется, султан нам изменяет. Мне сдается, что при появлении наших войск он переседет не в Азию, а на Принцевы острова и прямо потребует покровительства Англии»¹⁰⁸. Идти на срыв мирных переговоров, навстречу войне с тремя противниками при неблагоприятной международной обстановке представлялось слишком опасным. Сказалось и то, что британская эскадра ввиду твердого тона русской дипломатии в бухту Золотой Рог все же не вошла, а бросила якорь у Принцевых островов, а затем, снисходя к слезным мольбам султана, удалась в залив Мудания, на противоположном берегу Мраморного моря.

Игнатьеву было предписано ускорить подписание мира, с тем чтобы державы оказались поставлены, «хотя бы по некоторым вопросам», перед свершившимся фактом. Вместо перенесения переговоров в Петербург уполномоченные России настояли на продолжении их в Сан-Стефано, почти под стенами Константинополя. Туда же была переведена штаб-квартира русской армии. Порту лишили возможности «прибегнуть к своему арсеналу ложных телеграфных задержек, почтовых недоразумений, чтобы не давать нам категорического ответа»¹⁰⁹. Турецкая сторона согласилась на переход рус-

скими войсками в некоторых пунктах установленной перемирием демаркационной линии.

Так началось полугодовое противостояние русских войск и британского флота на берегах и в водах Проливов и Мраморного моря.

3

Сан-Стефанский договор и Берлинский трактат

Мирные переговоры между Россией и Турцией протекали в крайне напряженной международной обстановке. Помимо враждебной позиции Англии и Австро-Венгрии, немалые затруднения для русской стороны создавал вопрос о конференции для обсуждения «общеевропейских» проблем, с созывом которой было вынуждено согласиться российское правительство.

Андрани тут же ухватился за предложение о конференции и, не согласовав с русской стороной место ее проведения, пригласил всех в австрийскую столицу. Однако царское правительство решительно отвергло Вену и Лондон как возможное место встречи¹¹⁰. Первая не подходила, ибо еще свеж был в памяти печальный опыт Венской конференции периода Крымской войны; участвовавший в ней Горчаков писал: «Мы стараемся стереть воспоминания об этой роковой политике»¹¹¹. К тому же и Вена и Лондон не давали ни малейших гарантий спокойного обсуждения затронутых проблем. Сперва русское правительство не соглашалось на встречу ни в одной из столиц и предлагало Баден или Дрезден, рассчитывая на поддержку Бисмарка и в выборе места, и в определении предмета обсуждения.

«Дружеские» же заверения Бисмарка неизменно кончались советом: «Договаривайтесь с Австрией, я присоединяюсь к вашему соглашению». Он не хочет видеть, что «именно в Вене,— писал Горчаков,— находится камень преткновения для мирного решения теперешнего кризиса»¹¹². Немецкий канцлер сначала вообще отказывался ехать на конференцию, ссылаясь на возраст и нездоровье. Русский посол П. П. Убри приложил немало усилий, чтобы преодолеть капризы своего несговорчивого собеседника¹¹³. Дрезден был сочтен слишком скромным местом для встречи светил европейской дипломатии. На фоне этой круговерти относительно места конференции, в обстановке враждебности Англии и Австро-Венгрии начались переговоры Н. П. Игнатьева о мире: турецкая сторона явно стремилась оттянуть их завершение, надеясь, что конференция будет созвана до подписания мирного договора и там она найдет защитников и адвокатов.

Следует сразу же отвести версию, возникшую после подписания Сан-Стефанского договора,— будто это плод фантазии Н. П. Игнатьева, действовавшего совершенно самостоятельно.

Недавно вышедшее исследование С. Л. Чернова «Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875—1878 гг.» освещает все этапы подготовки этого договора. Автор анализирует ряд вариантов будущего договора, указывает, что в составлении их принима-

ли участие А. М. Горчаков, Д. А. Милютин, А. И. Нелидов, а не только Н. П. Игнатьев. Проект был обсужден и одобрен на совещании у императора 5(17) января 1878 г.¹¹⁴

20 января (1 февраля) Н. П. Игнатьев получил инструкцию А. М. Горчакова для переговоров. Канцлер предупреждал Игнатьева о сближении Австро-Венгрии и Англии, о том, что венский кабинет «отбрасывает большую Болгарию и нашу длительную военную оккупацию», а посему «нужно действовать весьма осмотрительно», «придать акту форму прелиминарного мира, носящую характер не официального и окончательного договора, а просто прелиминарного протокола». Он советовал не входить в детали проведения границ Болгарии и государств, ставших независимыми¹¹⁵.

В меморандуме, направленном П. П. Убри для сведения Бисмарка 31 января (12 февраля) 1878 г., говорилось, что «условия мира», сформулированные нами, являются минимумом, приемлемым в сложившейся обстановке текущего момента, и мы не можем позволить их изменить»¹¹⁶. Н. П. Игнатьев мог действовать только на основе данных ему указаний, лишь уточняя некоторые положения на месте.

3(15) февраля 1878 г. Игнатьев сообщал Горчакову о трудностях, с которыми он столкнулся сразу по прибытии в Главную квартиру русской армии в районе Адрианополя. Турецкие уполномоченные Сафвет-паша и Саадулах-бей не спешили с приездом и явно тянули время. Появление английского флота в Мраморном море оказывало ободряющее влияние на турецких противников переговоров. Английское и австро-венгерское посольства в Константинополе делали все, чтобы соглашение с Россией не состоялось. Игнатьев опасался, как бы турки не дотянули до открытия конференции¹¹⁷. Сафвет-паша, хотя и казался совсем подавленным совершившейся катастрофой, энергично возражал против ряда условий русского проекта, особенно против политической автономии болгарского княжества¹¹⁸. Горчаков торопил Игнатьева: «Ускорьте исход переговоров, чтобы, когда откроется конференция, она оказалась бы перед лицом свершившихся фактов; особенно твердо стойте на своем во всем, что касается Болгарии»¹¹⁹.

Однако и Porta чувствовала себя под дамокловым мечом русских войск — уполномоченные перебрались в местечко Сан-Стефано, под самые стены Константинополя. 19 февраля (3 марта) договор был подписан. Он предусматривал коренные перемены в положении балканских народов и решительно изменял соотношение сил на полуострове. Турция признавала государственную независимость Румынии, Сербии и Черногории, что являлось вехой исторического значения в развитии этих стран. Предусматривалось их значительное территориальное расширение: Черногория получала порты Каттарро (Котор), Дульциньо, Антивари, земли в бассейне рек Дринь и Лима (площадь княжества увеличилась в 3,5 раза); Сербия — территорию с важным железнодорожным узлом Митровица и городом Ниш (ее площадь выросла на 8750 кв. км)¹²⁰. Н. П. Игнатьев

ву очень хотелось, чтобы владения Сербии и Черногории сомкнулись и два княжества получили общую границу. Сафвет-паша воспротивился, ссылаясь на то, что в таком случае Босния и Герцеговина будут отрезаны от остальной турецкой территории. Игнатьеву пришлось согласиться на сохранение за Османской империей узкого перешейка, соединявшего Герцеговину с Албанией. Русский уполномоченный позаботился, однако, чтобы к Сербии и Черногории отошли командные высоты и, как писал в своем дневнике Д. А. Милютин, княжества «господствовали бы над турецким путем сообщения и имели бы возможность со временем подготовить отпадение Боснии и Герцеговины от Оттоманской империи»¹²¹.

Таким образом, интересы княжества были учтены при заключении договора. Следует отметить, что установление сербо-болгарского разграничения вызвало значительные разногласия между русским и сербским командованием. Белград настаивал на включении в новые границы государства всех земель, на которые вступила нога сербского солдата. Русское правительство предлагало положить в основу разграничения этнографический принцип.

Достичь территориального расширения Румынии предполагалось с помощью двуступенчатой процедуры: Османская империя уступала России Северную Добруджу, острова в Дельте Дуная и о-в Змеиный недалеко от побережья. «Не желая присоединять себе означенные территории и островов Дельты, Россия предоставляет себе право променять их на отчужденную от нее трактатом 1856 г. часть Бессарабии». Тем самым стирались последние остатки крымского поражения, с родиной воссоединялась часть отторгнутого у нее населения, и государство получало выход к великому Дунайскому пути, важному для развития его юго-западных районов.

В Боснии и Герцеговине Порты, по Сан-Стефанскому акту, обязалась провести реформы, предусмотренные Константинопольской конференцией. На о-ве Крит вводился Органический устав 1868 г., который распространялся на Эпир и Фессалию.

Но главное место в Сан-Стефанском договоре отводилось Болгарии. Она возрождалась как государство — «самоуправляющееся, платящее дань княжество с христианским правительством». Глава его избирался населением и утверждался султанским фирманом после санкции держав. Народное собрание должно было выработать «устав будущего управления» княжеством. Таким образом, предполагалось создание государства на основе широкой политической автономии и конституционного устройства; номинальная вассальная зависимость от Порты сводилась к выплате дани, да и та определялась державами совместно с Турцией. Русская администрация должна была способствовать разработке административной и судебной системы и обучению национальных вооруженных сил. В княжестве в течение двух лет оставались русские войска.

Пределы Болгарии были определены широко; в них вошли все земли, предусмотренные Константинопольской конференцией (для «двух Болгарий»), плюс выход к Эгейскому побережью. Она получила порты Кавала на Эгеях, Варна и Бургас на Черном море, что

благоприятствовало экономическому развитию страны¹²². Значение всех этих положений для утверждения и процветания самостоятельной Болгарии огромно — недаром Сафвет-паша бился за каждый пункт договора, касавшийся Болгарии, настаивая, чтобы она ограничивалась с юга Балканскими горами, требуя, чтобы она именовалась провинцией (что само по себе определяло ее политический статус). Игнатьев, подкрепленный инструкцией Горчакова («твердо стойте на своем во всем, что касается Болгарии»), отбил все эти поползновения.

Турция, по договору, не только теряла большую часть своих европейских владений, но и оставшиеся лишались сухопутной связи с Константинополем, а это вместе с усилившимися в империи центробежными тенденциями (чему способствовало образование Болгарии, укрепление Румынии, Сербии и Черногории) в чрезвычайной степени способствовало подрыву влияния Порты на Балканах.

Стрелка компаса российского внешнеполитического курса, колебавшаяся между принципами «автономии» и «независимости» для балканских стран, решительно склонилась к «независимости». Все это соответствовало прогрессивным устремлениям национального движения народов региона. Драматическая история 1876 г. показала, что собственными силами они свергнуть иго Порты еще не в состоянии. Сокрушение ее могущества в ходе русско-турецкой войны и условия Сан-Стефанского мира в громадной степени способствовали прогрессивному, в пользу балканских народов, решению Восточного кризиса.

В плане внутрirosсийском подписание договора, казалось бы, знаменовало полное торжество группировки Игнатьева—Милютина—Нелидова над вечно, как им представлялось, осторожничающим канцлером Горчаковым. В определенной степени влияние Горчакова все же в договоре отразилось. Этот акт повторял текстуально положения Лондонской конвенции (1871 г.) о Проливах, т. е. закрывал их для военных кораблей всех стран, хотя и сам канцлер, и другие составители проектов мирного урегулирования размышляли об ином их режиме. Так, Александр II в письмах «союзникам», Вильгельму I и Францу Иосифу (декабрь 1877 г.), предусматривал возможность для черноморских государств проводить, с санкции Порты, свои военные суда поодиночке через Босфор и Дарданеллы. Игнатьев полагал, что Россия могла бы получить право проводить таким путем до 10 кораблей ежегодно; он возвращался мыслью к Ункяр-Искелесийскому договору 1833 г., предлагая вновь заключить оборонительный союз с Турцией.

Однако, учитывая грозную международную обстановку начала 1878 г., все эти «размышления на бумаге» таковыми и остались. В январе канцлер заверил дворы: вопрос о Проливах имеет «европейское значение» и Россия не будет «решать его самостоятельно»: он был уверен, что даже попытка добиться разрешения на проход русских военных кораблей поодиночке наткнется на глухую стену сопротивления, а значит, и предпринимать ее не следует, и нап-

лучший исход в создавшейся ситуации — оставить все по-прежнему. Он выражал «только одно желание — чтобы вопрос этот обсуждался в духе справедливости и общей солидарности»¹²³.

Сан-Стефанский договор обязывал Турцию возместить России значительную сумму за понесенные последней в ходе войны убытки. Взамен выплаты большей части этих денег (1100 млн. руб.) к России отходили «Ардаган, Карс, Батум, Баязет и территория до Саганлуга». С точки зрения экономической особое значение имел Батум с его великолепной природной гаванью; с точки зрения стратегической — образовывалась удобная для обороны пограничная черта.

Таковы основные положения прелиминарного Сан-Стефанского мира. Воплотить его в жизнь, добиться согласия с его основными положениями российское правительство оказалось не в состоянии. На международном горизонте скапливались грозные тучи. Петербург лихорадочно искал выхода из внешнеполитической изоляции, стремясь обеспечить себе хоть какую-то поддержку на предстоящем конгрессе. Груз унаследованных от Священного союза представлений о консервативно-монархической солидарности все еще довлел над царской дипломатией. Она упорно пыталась вдохнуть жизнь в одряхлевший Союз трех императоров: Шувалов уповал на то, что Андраши отвергнет «зловредную поддержку», которую предлагает ему Англия, с ним можно будет договориться полюбовно, сообщить об этом державам и избежать «крюкотворства» европейского ареопага¹²⁴. И ему, и Горчакову сотрудничество северных монархов грезилось в виде «якоря спасения».

О. Бисмарк вернулся, наконец, из затянувшегося отпуска и 19 февраля произнес в рейхстаге свою прогремевшую речь. Он поддерживал идею созыва конгресса, но отказался от определения своей позиции: «Свобода рук, которую сохранила себе Германия, неопределенность относительно решений Германии, вероятно, повлияли на то, что до сих пор сохранился мир». И далее бросил крылатую фразу: «Посредничество в пользу мира я представляю себе в виде третейского судьи... при наличии противоположных мнений. Я мыслю себе его... как посредничество честного маклера, действительно желающего заключения сделки»¹²⁵. За этим следовало восхваление традиционно дружеских отношений с Россией. Возможно, эта фраза в какой-то степени усыпила Горчакова: в начале марта он писал: «Остается лишь согласие трех императорских дворов»¹²⁶. Между тем дружеское «беспристрастие» Бисмарка, его «невмешательство» в спор по-существу при сложившейся раскладке сил (две державы против одной России) приобретали явно антирусскую направленность. Что же касается последнего участника императорского триумvirата, то в том же письме от 6(18) марта 1878 г. Горчаков приводил разговор Александра II с австрийским послом бароном Лангенау, в котором царь не скрыл, что не исключает войны с Габсбургами... А через две недели в Вепу направляется миссия Н. П. Игнатьева с целью «оживить союз», который «ныне дает единственный шанс на сохранение мира»¹²⁷.

В путь он отправился при самых неблагоприятных обстоятельствах. Реакция Австро-Венгрии на Сан-Стефанский договор была резко отрицательной. Е. П. Новиков сообщал, что начальник коммерческого отдела МИД Австро-Венгрии барон Швегель указал на то, что предыдущие соглашения Австро-Венгрии с Россией относились якобы только к Северной Болгарии; создаваемое по договору государство, по словам Швегеля, «было бы фикцией, так как оно включало бы соседние народности и было бы несовместимо с господством султана в Константинополе». Швегель явно намекал на то, что территория железнодорожной линии Салоники—Митровица не может быть включена в состав Болгарии «без ущерба для торговых интересов Австро-Венгрии». Новиков писал Горчакову, что «монархия Габсбургов считает себя задетой созданной нами Болгарией с двух сторон — политической и торговой». Предварительные переговоры Е. П. Новикова с Андраши ни к чему не привели ¹²⁸.

Визит Игнатьева в Вену завершился полным провалом: граф Д. Андраши настаивал на разделе Болгарии, оккупации Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками, переходе под власть Габсбургов о-ва Ада-Кале на Дунае без обязательства срыть имевшиеся там укрепления, на сокращении согласованных ранее территориальных приобретений Черногории, на праве построить через Сербию железную дорогу с австрийским тарифом. Канцлер наотрез отказался воздействовать на англичан с целью вывода их флота из Мраморного моря. Игнатьеву намекнули, что в случае русского отказа Вена «сочтет не только возможным, но и необходимым установить дружеские связи с Лондоном» ¹²⁹. По оценке самого Игнатьева, Австро-Венгрия собиралась приобрести «без выстрела и без усилия все выгоды политические, военные и экономические, могущие сделаться ее достоянием лишь после победоносной войны не только с Турцией и с нашими единоверцами, но и с нами», «помешать самостоятельному развитию не только Сербии и Болгарии, но и Черногории», обратить «сербское племя в вассальное владение короны Святого Стефана» ¹³⁰.

Неутешительные известия пришли из Берлина: Бисмарк информировал британский кабинет, что Германия не мыслит европейского конгресса без его участия ¹³¹. Круг изоляции царизма замкнулся.

Позиция Лондона еще более ужесточилась. Меморандум от 13 марта гласил: «Каждая статья договора между Россией и Турцией будет представлена конгрессу необязательно для принятия, но с целью рассмотрения, какие статьи требуют принятия или согласования с несколькими державами, а какие нет» ¹³². Было ясно, что намечаемый общеевропейский форум британская дипломатия собирается обратить в судилище над победителем. На следующий день Горчаков ответил: «Все великие державы уже знают, что полный текст прелиминарного договора с Портой будет им сообщен, как только произойдет обмен ратификациями, в чем не будет задержки... Нам нечего скрывать». 17 марта это заверение было повторено Ллофтусу, а через два дня Шувалов подтвердил, что русско-турецкий договор будет заблаговременно доведен до сведения Лондона.

21 марта Дерби задал вопрос; означает ли это согласие на обсуждение текста договора целиком? 26 марта Горчаков разъяснил: подразумевается право держав поднимать вопросы по своему усмотрению; Россия оставляет за собой право принять или отвергнуть обсуждение того или иного пункта¹³³.

Пик этой конфронтации двух дипломатий совпал с провалом миссии Игнатьева в Вене, уходом Дерби в отставку и «захватом», по выражению Шувалова, портфеля ведомства иностранных дел Солсбери. Свое прошение о выходе из правительства Дерби подал после заседания кабинета 27 марта, на котором премьер-министр заявил: «Решительная политика обеспечит мир, примирительная приведет к войне». Он предложил призвать под ружье резервы и занять индийскими войсками о-в Кипр и порт Искандерон (Александретту) на малоазиатском побережье. Солсбери выразил с этим согласие, заметив, что не стоит извещать Турцию заранее об оккупации принадлежавших ей территорий¹³⁴. Прикрывать своим именем захват среди бела дня владений «дружественной державы» Дерби не пожелал и подал в отставку.

Дерби сыграл свою роль. До поры до времени его примиренческие настроения помогали вырывать у России даровые, по словам Горчакова, уступки¹³⁵. Теперь Дизраэли счел пущным перейти к тактике открытого шантажа. Он писал леди Брандфорд: «Публика встревожена и считает войну неизбежной. Я — нет, я не охвачен беспокойством. Полагаю гораздо более вероятным, что Россия, натолкнувшись на твердость Англии, видя ее подготовку к конфликту, в конце концов пойдет на отдельные переговоры с нами»¹³⁶.

29 марта Шувалов нанес экс-министру последний визит в Форин-оффис. В ходе длительной беседы Дерби высказался за прямые англо-русские переговоры. Он предвидел два камня преткновения: размеры Болгарии (посол перебил его, заметив, что Россия здесь уступать не собирается) и замену британского влияния в Стамбуле на русское. «Последнюю трудность можно преодолеть, если вы предложите нам компенсацию; продолжай я оставаться министром, я бы от этого отказался, ибо не считаю честным аннексировать территории, принадлежащие государству, с которым мы не находимся в состоянии войны, но я уже не являюсь таковым»¹³⁷. Так Шувалову прозрачно намекнули на возможность торга.

Мутная волна военной истерии ползла по Британским островам. Пришел праздник на улице Дизраэли. «Страна,— писал он,— наконец-то расцвела... Если бы только армейский корпус стоял в Галлиполи!»¹³⁸

Пресса во главе с негласным рупором правительства «Дейли-телеграф» рисовала фантастическую картину русских замыслов: «Они состоят, грубо говоря, в установлении господства над Константинополем и Проливами; в превращении Османской империи в петербургский удел... Коварство России не мимовало Австрии, где она стремится распространить славянскую заразу». Заканчивалась статья на воинственной ноте: «Какой бы „мир“ ни был подписан в Сан-Стефано, он останется клочком бумаги, пока не будет представ-

леп на общее обсуждение; если же этого не произойдет честно и открыто — лучшими британскими представителями явятся наш флот и наша армия, будь то с союзниками или без них»¹³⁹.

Подписание договора в Сан-Стефано, означавшего сильнейший удар по османским позициям на Балканах и в Закавказье, раздуло еще больше огонь воинственных страстей в Великобритании.

Следует сказать, что миролюбивая тенденция в настроениях британской общественности не была искоренена, стремление взглянуть здраво на события не исчезло. Об этом свидетельствовали выступления в обеих палатах парламента и многочисленные поступающие туда петиции¹⁴⁰. Однако проявлялась эта тенденция пассивно, в просительной, уговаривающей форме. На поверхности бушевали милитаристские страсти. Шувалов сообщал о столкновении миролюбиво и агрессивно настроенных участников 80-тысячного воскресного митинга в Гайд-парке; первых представляли рабочие организации Лондона. Их трибуна была опрокинута подавляющей милитаристскому угару толпой, которая затем отправилась к резиденции Дизраэли приветствовать его¹⁴¹. В доме Гладстона были выбиты стекла: опасаясь повторения эксцессов, он просил защиты полиции.

Гладстон пытался умерить шовинизм соотечественников, на что тогда решались немногие. Он регулярно публиковал статьи в журнале «Найнтинс сенчури». Материал, помещенный в мартовском номере, был озаглавлен: «Дорога чести и дорога позора». После русского заявления, что проход военных судов через Проливы должен решаться Европой, не осталось и тени оправдания для развязывания сепаратной войны или односторонних действий, к ней ведущих, утверждал Гладстон. От правительства требуется терпение, самообладание и благоразумие. Вместо этого мир является свидетелем «пируэтов британского флота в Дарданеллах и Мраморном море» и «форсирования Проливов во имя мира и порядка с полным презрением к протестам державы, которой они принадлежат». Итог — англо-русское противостояние в опасной зоне; это «размахивание кулаками» друг перед другом чревато большой опасностью¹⁴². Однако эти трезвые высказывания не претворялись у Гладстона в дела хотя бы в виде твердой позиции в парламенте. При первом же натиске правительства либеральная оппозиция отступала и выражала свою лояльность империалистическому курсу. Перспектива англо-русской войны не была поэтому просто кошмаром, мерещившимся перепуганным петербургским дипломатам и генштабистам; во всяком случае, нет свидетельств тому, что в Великобритании существовали общественные силы, способные остановить скатывание своей страны к войне, если бы Уайт-холл на нее решился.

После прощальной беседы с Дербн в визитах Шувалова в Форин оффис наступил перерыв. Посол не хотел являться туда по своей инициативе, а Солсбери не спешил с приглашением. Он начал с того, что сочинил детальное экспозе англо-русских отношений, в котором изложил свои взгляды на сложившуюся обстановку¹⁴³. В циркуляре от 1 апреля приводилась переписка между Лондоном

п Петербургом по поводу условий предполагавшегося европейского конгресса. Солсбери по меньшей мере односторонне толковал согласие Петербурга на обсуждение вопросов, имевших общеевропейское значение, отвергая предложенную дискуссию как «частичную» или «фрагментарную». Затем следовали конкретные возражения против прелиминарного договора. Отвергалось создание «Большой Болгарии»; утверждалось, будто она перейдет под контроль России. Сам факт «отторжения» от Османской империи славянских, греческих и албанских земель рассматривался как чреватый анархией. Солсбери выступал против возвращения Южной Бессарабии России и против присоединения к ней Батума, Баязета и некоторых территорий Армении. Совокупность условий мира, по словам Солсбери, приводила почти к полному исчезновению политической независимости турецкого правительства. Лишь одна фраза в циркуляре: «Значительные изменения могут и, вне сомнения, потребуются в договорах, которыми до сих пор управлялась Юго-Восточная Европа» — давала какую-то надежду на возможность урегулирования.

Во время официального представления дипломатического корпуса новому министру между Шуваловым и Солсбери произошел довольно резкий обмен мнениями. Посол назвал только что опубликованный документ, последовавший за внесением билля о призыве резервистов, «новым инструментом войны». Солсбери возражал, именуя свое детище «инструментом мира» и советуя «соблюдать спокойствие». Шувалов ответил, что сидеть спокойно следует самим англичанам¹⁴⁴.

Переговоры (если этот термин применим к британскому и австрийскому шантажу и домогательствам) зашли в тупик. Идти в Канносу безразлично от ее географического положения, будь то Вена, Баден-Баден или Берлин, правители России не хотели. Альтернативой была война. Разрыв с Англией почти неизбежен», — телеграфировал Александр II брату в действующую армию 18(30) марта. Далее следовало указание: в предвидении столкновения с британским флотом просить санкции Порты на занятие русскими войсками укреплений по европейскому берегу Босфора с целью помешать прорыву броненосцев адмирала Хорна в Черное море. Царь оговаривал при этом: «Мы не должны вступать в самый Константинополь, но утвердиться только на берегах Босфора, заняв несколько пунктов, чтобы эшелонировать заграждения»¹⁴⁵. Ответ пришел лишь через 12 дней в виде докладной записки Николая Николаевича. «Если бы мы настаивали на занятии Босфора, нам, вероятно, пришлось бы брать его силой», — писал главнокомандующий. Для этого следовало прервать перемирие, известив об этом за три дня противную сторону. «Я не считал себя вправе добровольно вызывать столкновение с Великобританией, в то время как нашей дипломатией делались всевозможные попытки к улаживанию затруднений и к предотвращению пагубной для нас войны», — заключал великий князь¹⁴⁶. После этого он был освобожден от должности под предлогом расстроенного здоровья. Ему на смену назначили генерала Э. И. Тотлебена, героя севастопольской обороны,

человека, чья воинская репутация никем в мире не оспаривалась. Однако этот опытный и осторожный полководец пришел к выводу, что в создавшихся условиях занятие побережья Босфора нецелесообразно, а недостаток тяжелой артиллерии не позволял помешать вторжению броненосцев отряда Хориби в Черное море¹⁴⁷.

Русская армия представляла тогда внушительную силу. Ее численность после Сан-Стефано была доведена до 1820 тыс. человек, включая иррегулярные части. Путем крайнего напряжения средств военный бюджет был удержан почти на прежнем уровне¹⁴⁸.

Что касается британских сухопутных сил, то они насчитывали всего 193 тыс. человек, из них 99 тыс. на Британских островах. Армейский резерв состоял из 13 тыс., милиционный — из 26 тыс. человек¹⁴⁹. Милиционеры разрешалось направлять за рубеж лишь с их согласия. Кое-что можно было подтянуть из Индии и Канады. Англия могла послать за море два экспедиционных корпуса по 30—40 тыс. пехоты. Первый из них усиленно снаряжался, для укомплектования второго не хватало офицеров и артиллерии.

Но не английских солдат опасались в военном министерстве России. Пугала экономическая, политическая, финансовая мощь Великобритании. Страшили неустойчивость международной обстановки, коварство габсбургской монархии, перспектива нового варианта крымской кампании. А ведь австрийская армия насчитывала сотни тысяч солдат. Предстояла война неизвестно на скольких фронтах. Кроме уже существовавших, Балканского и Кавказского, предвиделось столкновение с Великобританией в районе Проливов, с Австрией — на юго-западной границе империи. В случае прорыва английского флота в Черное море можно было предвидеть развертывание операций в Закавказье. Не следовало пренебрегать возможностью высадки британских десантов на Балтике. Нельзя было сбрасывать со счетов попытки вторжения в Среднюю Азию и нападение на порты Дальнего Востока, для отражения которого были усилены гарнизоны Владивостока, Николаевска и Посыета.

Сразу после Сан-Стефано численность русских сил за Балканами начала сокращаться. 27 февраля (11 марта) военный министр Милютин в предвидении столкновения с габсбургской монархией распорядился об отводе из действующей армии всех гвардейских частей, гренадерского корпуса и некоторых других соединений — всего пяти пехотных, трех кавалерийских дивизий, одной стрелковой и одной саперной бригады. Опасение удара со стороны Австро-Венгрии побудило главный штаб в дальнейшем потребовать отвода за Дунай еще двух корпусов. Из всей русской армии в распоряжении Тотлебена оставалось, по его подсчетам, всего 100 тыс. человек. Им противостояло 160 тыс. турок и предположительно до 70 тыс. англичан. Неравенство сил, даже с учетом возможной поддержки балканских народов, было явным. Вместо наступательного вырисовывался оборонительный вариант операций. Осторожный Тотлебен в записке от 8(20) июня предусматривал, в случае необходимости, перенесение обороны на линию главного Балканского

хребта¹⁵³. Опытный политик, военный министр Милютин призывал не «рисковать новой войной против половины Европы»; она «не могла бы доставить нам более, чем теперь, выгодный мир и более поддержать достоинство России»¹⁵¹.

Не менее внешнего неприятеля царизм страшился многоликого внутреннего «врага»: революционного движения, экономической отсталости, финансовой слабости, широкого недовольства аграрной реформой 1861 г.

Оставалось одно: добиваться мирного решения вопроса. Курс на политическое урегулирование, хотя и связанное с тяжелейшими жертвами, возобладал.

С упорством, воистину достойным лучшего применения, царизм продолжал попытки договориться с австрийским «союзником». Все усилия Новикова оказались втуне. Андраши угрожал, в случае «неуступчивости» русской стороны, вернуть себе «свободу действий» (как будто он ею не обладал!) и поддержать идею Болгарии, ограниченной Балканами, которую ему непрестанно внушал Форин-оффис. Новиков на это отвечал: «Иными словами, Вы мне предлагаете подумать о возможности австро-английского союза, направленного против нас... Граф Андраши, разрывающий пакт трех империй, чтобы броситься в объятия державы, самой враждебной этой политической системе,—какой триумф для Англии!»¹⁵². Андраши эта мелодраматическая постановка вопроса не смутила; не испугался он и намек на то, что австро-русские соглашения висят на волоске.

После долгих совещаний в Петербурге было решено согласиться на разделение Болгарии на две области — Западную и Восточную — при условии, чтобы они были «одинаково самобытны» и пользовались равенством в правах и привилегиях. Это оставалось бы болгарскую нацию в ее естественных пределах. Такой уступкой полагали нейтрализовать Австро-Венгрию и оторвать ее от Англии¹⁵³. Переговоры в Лондоне нарочито затягивали, ожидая исхода бесед Новикова и Андраши. Но 27 апреля (9 мая) посол телеграфировал Горчакову, что Андраши не согласился на создание двух Болгарий, так как они станут стремиться к соединению и «герметически» закроют путь Австро-Венгрии на Восток. Бисмарк поддержал эту позицию¹⁵⁴.

В Петербурге в таких условиях все больше задумывались над приходившими из Лондона намеками на возможность прямой двусторонней договоренности¹⁵⁵. Сторонником подобного варианта выступал П. А. Шувалов, полагавший, что «мнимая дружба Австрии для нас более унижительна, нежели открытая враждебность Англии»¹⁵⁶. Его беседы сперва проходили с глазу на глаз; в частной обстановке министры высказывались откровеннее, особенно во время прогулок в Гайд-парке. Наконец, Солсбери предложил возобновить дискуссию, начав, правда, с вопроса о взаимном отводе британского флота и русской армии, чтобы уменьшить опасность их столкновения¹⁵⁷.

В Петербурге, однако, быстро убедились, что предлагаемый английским кабинетом вариант принесет России крупный стратегический проигрыш. Русской армии надлежало отойти от занимаемых позиций на семь дневных переходов, лишившись при этом хорошо оборудованных укреплений. На пятый день ее отступления британский флот снимался с якоря и через Дарданеллы возвращался на прежнюю стоянку в Безикскую бухту. Шувалов заметил в беседе с Солсбери, что адмиралу Хорнби понадобятся всего сутки, чтобы вернуться в Мраморное море. Англичанин поправил его: не сутки, а двое, ибо флот, ради осторожности, на ночь остановится¹⁵⁸.

Подобная схема не давала никаких шансов для договоренности. Однако контакты между двумя сторонами были восстановлены и почва для политических переговоров подготовлена. Петербург при этом хотел заручиться хотя бы минимумом гарантий насчет условий окончательного мира. Что касается Великобритании, то ее правящие круги отдавали себе отчет в бесперспективности «большой войны» с Россией, невозможности поставить ее на колени, о чем открыто говорилось в парламенте. Пугали их и возможные последствия в виде политических потрясений в Юго-Восточной Европе, в результате которых могли развалиться «самые плохо сколоченные государства» — сперва Турция, а потом Австрия¹⁵⁹. Ход событий показал, что расчеты на восстановление власти Порты на Балканах переальны; политика статус-кво исчерпала себя. Шувалов узнал из «надежного источника»: Солсбери признает, что господство султана в Юго-Восточной Европе фактически кончилось, и озабочен поэтому сохранением Османской империи в Азии¹⁶⁰. Сам маркиз в записке премьер-министру так излагал свои планы: «Я, как Вы знаете, не верю в то, что турецкое правительство удастся снова поставить на ноги, восстановить как силу, на которую можно опереться». Он полагал необходимым «отодвинуть» славянские государства до Балкан: к югу от хребта образовать греческую (!) провинцию со своей администрацией, оставив ее политически под властью Порты; обеспечить свободу прохода через Проливы; приобрести «две морские базы для Англии — скажем, Лемнос и Кипр»; добиться сокращения военной контрибуции¹⁶¹.

8(20) апреля в беседе с российским послом Солсбери высказался в пользу предварительной, перед конгрессом, англо-русской договоренности. «Дискуссия, если она начнется вшестером, не разрешит наших трудностей».

Почти одновременно Дизраэли заявил послу, что считает «настоящий момент подходящим для мирного решения»¹⁶², и передал это мнение через Лофтуса Горчакову¹⁶³. Вскоре премьер и министр иностранных дел засвидетельствовали Шувалову свою готовность «немедленно и конфиденциально высказать свои мысли и возражения по мирному договору» (Сан-Стефанскому)¹⁶⁴. Оба просили его съездить в Петербург и привезти им ответ: Огастес Лофтус не слыл дипломатом крупного калибра и, по молчаливому согласию сторон, был отстранен от дальнейшего участия в переговорах. Солсбери заверил Шувалова, что «еще свободен» в принятии реше-

ния¹⁶⁵, намекнув на то, что участвовавшие визиты австрийского посла Бойста пока что не увенчались договоренностью.

Первые деловые встречи двух дипломатов были, по словам Шувалова, «очень плохими», третья прошла в более примирительном духе. Затем российский посол отправился в Петербург. По пути он заехал в Фридрихсруэ, поместье Бисмарка. «Железный канцлер» заявил Шувалову: «Вам необходимо пойти на компромисс. Вам нужно купить либо Англию, либо Австрию. Покупайте же эту последнюю, она продаст себя дешевле». Князь объяснил свой совет тем, что Великобритания готова на войну, а габсбургская держава — нет, а потому и заломит меньшую цену. Логика, однако, изменила ему. Шувалов заметил в ответ, что «покупать» Вену и остаться после этого перед угрозой войны с Британией будет слишком накладно. Уже за полночь Бисмарку принесли телеграмму из Вены; в ней говорилось о неприемлемости последних русских предложений¹⁶⁶.

В Петербурге согласились с мнением о предпочтительности договоренности с Англией. Шувалов вернулся в Лондон, снабженный подробными инструкциями¹⁶⁷. Британская сторона на заключительном этапе переговоров ставила новые условия и выдвигала оговорки. Шувалов, до которого доходили сведения об активизации австрийской дипломатии, настойчиво просил уполномочить его как можно быстрее подписать с англичанами меморандум. При этом он был склонен преуменьшить значение делаемых Россией уступок и даже приписать себе успех в переговорах.

18—19(30—31) мая англо-русский меморандум был подписан¹⁶⁸. В первом протоколе предусматривался раздел Болгарии и сокращение определенной Сан-Стефанским договором территории (точные границы не были определены). Болгарское княжество к северу от Балканского хребта должно было получить политическую автономию, земли на юге — лишь административную. Об эвакуации с этих земель турецких войск Солсбери и Шувалову договориться не удалось. Великобритания снимала свои возражения против перехода к России Батума и Карса с окрестностями. Солсбери оговаривал, что защита Османской империи легла на плечи Англии, но это можно осуществлять, «не подвергая Европу бедствиям новой войны». Что же касается остальных условий Сан-Стефано, то Лондон обязался не возражать против них, «если, после полного обсуждения на конгрессе, Россия сумеет настоять на их сохранении». Эта формулировка позволяла британской дипломатии бороться чужими руками даже против согласованных условий. Второй протокол фиксировал вопросы, в которых Солсбери сохранял «свободу рук»: участие держав в организации государственного устройства «двух Болгарий»; продолжительность пребывания русских войск на Балканах; навигация по Дунаю; Проливы. Третий содержал обязательство Петербурга не добиваться дальнейшего территориального расширения в Азиатской Турции¹⁶⁹. После подписания меморандума Солсбери известил Бисмарка, что Великобритания согласна на участие в конгрессе.

В самый день подписания основных документов английская газета «Глоб» поместила подробное их изложение. Информация содержала лишь одну неточность: Англия будто бы согласилась на вывод турецких войск из Южной Болгарии. Солсбери солгал в палате лордов, объявив публикацию в «Глоб» «абсолютно неаутентичной и не заслуживающей доверия». Разобиженная газета через две недели (14 июня) опубликовала два первых англо-русских протокола целиком¹⁷⁰.

В петербургских дипломатических и придворных кругах были уверены, что информация просочилась в печать не без чьей-то злой воли. Английские политики, в известной мере связавшие себе руки только что заключенной сделкой, ослабляли пути конвенции. После «опровержения» Солсбери он, по логике событий, должен был ужесточить свою позицию в Берлине, в том числе и по вопросам, затронутым в англо-русских документах.

Весть о соглашении повергла в смятение австрийских правителей; Андраши, стремившийся обмануть всех, сам остался ободенным. Прежний его страх связать себя письменным документом был вытеснен еще большим опасением — как бы не остаться у разбитого корыта. Он поспешил заверить Лондон, что не связан никакими документами с Россией, «забыв» при этом Будапештскую конвенцию 1877 г. На Даунинг-стрит австрийского посла приняли как раскаявшегося блудного сына: здесь не собирались сражаться в Берлине в одиночку, лучшего же партнера по объединенному антирусско-антибалканскому фронту, чем Андраши, не обнаруживалось. В жертву были принесены Босния и Герцеговина. В отношении урезывания Болгарии и возможно большего отстранения России от балканских дел стороны находились в совершенной гармонии¹⁷¹. Лорд Одо Рассел, посол Англии в Берлине, получил перед началом конгресса указание: не следует забывать «старого союза интересов Австрии и наших»; «Вы будете поддерживать все предложения, направленные на пользу и усиление австро-венгерской монархии»¹⁷².

Оставалось «уладить» дело с Турцией, которой принадлежала намеченная к захвату морская база. Кабинет в конце концов остановил свой выбор на Кипре, занимавшем выгодную позицию на подступах к Проливам, Месопотамии, Сирии и Египту¹⁷³.

Солсбери через посла Лэйрда принимался запугивать турецких сановников и самого султана русским жушпелом и соблазнять британской дружбой и покровительством, за которые, разумеется, надо было платить. Г. Лэйрд в своих домогательствах не должен был давать Порте передышки — «ни промедления, ни сомнения» с ее стороны не допускались. Английские «предложения» следовало принять в 48 часов, в противном случае Великобритания грозила прекратить сопротивление требованиям России и покинуть султана на произвол судьбы.

«Выкручивание рук» османскому владыке увенчалось успехом. Абдул-Хамид был в страхе за свой престол. Он потребовал, чтобы британский корабль дежурил перед окнами дворца на случай бег-

ства. В его беседах с Лэйрдом обсуждался даже вопрос о судьбах султанской семьи в случае гибели самого Абдул-Хамида ¹⁷⁴.

30 мая, после того как почва была подготовлена, Лэйрд получил указание предъявить официальное требование об уступке Кипра. Сохранность азиатских владений Порты, утверждалось в ноте, может быть обеспечена лишь «державой, достаточно сильной для того, чтобы пресечь с помощью оружия поползновения России на турецкие территории в Азии» (т. е. Англией). Последняя, однако, связывает это с двумя предварительными условиями: согласием Порты на британскую оккупацию «позиции близ берегов Малой Азии и Сирии» («остров Кипр представляется... со всех точек зрения наиболее удобным для этой цели»); ее завершением о намерении провести реформы. Второй пункт был явно рассчитан на публику: Великобритания не могла так просто, без прикрытий, выступать защитницей прогнившего режима; в то же время, чтобы не пугать султана, Солсбери инструктировал посла: «Нежелательно добиваться чего-то большего, нежели обязательства в общей форме». На следующий же день прибыло согласие султана, а реис-эффенди Сафвети было предписано подписать документ, озаглавленный «Конвенция об оборонительном союзе между Великобританией и Турцией» (4 июня 1878 г.) ¹⁷⁵.

Захват Кипра тщательно готовился и по военной, и по дипломатической линии ¹⁷⁶. Во внешнеполитическом плане его было решено приурочить к обсуждению в Берлине условий разграничения в Закавказье. Англо-русское соглашение признавало переход в состав России Карса, Ардагана и Батума, и тогда это было воспринято британской стороной без особых споров. На конгрессе уполномоченные Англии после длительной дискуссии должны были развести руками в знак бессилия воспрепятствовать этому и срочно принять меры к «спасению» Османской империи в Азии.

Все произошло почти в соответствии с этим сценарием, за исключением небольшого смещения в датах. Адмирал Хей заблаговременно блокировал Ларнакский залив на Кипре. Правда, в последний момент султан начал проявлять колебания и тянул с изданием фирмана, санкционирующего оккупацию острова. Но из Лондона раздался предостерегающий окрик, и его сопротивление было сломлено.

Надо было еще задобрить Париж. 7 июля Солсбери направил французскому министру иностранных дел В. Ваддингтону «дружеские» объяснения. Маркиз жаловался в них на то, что Великобритания одна взвалила на свои плечи оборону турецких владений в Азии. Делать это, опираясь только на Мальту, уверял Солсбери, никак невозможно. Со всех сторон кабинету советовали «оккупировать Египет или по меньшей мере берега Суэцкого канала». Однако, учитывая «замечательно сердечные отношения» с французским правительством, крайне настороженно относившимся к подобным планам, Уайт-холл остался глух к этим призывам и ограничился занятием Кипра ¹⁷⁷.

Реакция Парижа на захватническую акцию Великобритании,

как и ожидалось, оказалась весьма нервной; произошел «взрыв удивления и тревоги»¹⁷⁸. Однако международное положение страны оставалось столь неустойчивым, что Ваддингтон не решился на протест против явного нарушения баланса сил в Средиземном море в пользу Великобритании.

Крутые повороты в англо-русских отношениях, ставившие две страны на грань войны, в какой-то степени затмили в глазах современников то обстоятельство, что пресловутые «британские интересы» перой приходили в столкновение не только и не столько с интересами России, но и с планами других держав. Путь в Индию пролегал по водам и суше, на которые никак не распространялись аппетиты российских дворян и купцов. Зато здесь скрещивались империалистические противоречия нескольких государств. По замечанию Солсбери, в Средиземном море его соотечественники толкались локтями с французами, итальянцами, австрийцами и греками. К соперничеству на Ближнем Востоке исподволь готовились германские торгово-промышленные круги. Подчеркнуто пренебрежительное отношение Бисмарка к Восточному кризису, его знаменитая фраза, будто он не стоит костей одного померанского мушкетера, отражали вчерашний день. За критикой якобы прорусского курса «железного канцлера» в печати и в рейхстаге скрывались империалистические притязания немецкого капитала.

* * *

Инструкция русским уполномоченным была разработана 27 и 28 мая (8 и 9 июня) 1878 г. на совещании под председательством Александра II. Устанавливались пределы уступок с учетом договоренности с Англией и требований Австро-Венгрии¹⁷⁹.

Допускался раздел Болгарии — возвращение к прежней позиции образования единого княжества после подписания документов в Лондоне было невозможным. Предпочтительным представлялось меридиональное размежевание, однако учитывалась возможность экваториального, но с неперенным выходом к Черному морю. Северная часть страны превращалась в автономное княжество; автономия в особой записке МИД определялась как «устранение всякого иностранного элемента из внутренней администрации». Предусматривалось пребывание 50-тысячного отряда русских войск в течение года. Южная Болгария должна была сохранить свое название, пользоваться местным самоуправлением и быть свободной от турецких войск.

Делегатам было предписано настаивать на сохранении условий Сан-Стефанского договора относительно Сербии и Черногории, особо оговаривалась необходимость оставить за последней порт Антивари.

Учитывая и факт подписания в январе 1877 г. Будапештской конвенции, и англо-австрийский альянс, петербургское совещание постановило не возражать против «временной» аннексии Боснии и Герцеговины габсбургской монархией, однако противиться притязаниям на Косово (Старую Сербию, отделявшую Сербское княжест-

во от Черногории). Милютин негодовал: нельзя «позволить Австро-Венгрии запустить свою немецко-мадьярскую лапу во внутрь Балканского полуострова»¹⁸⁰. В дальнейшем военному министру пришлось умерить свое негодование и пойти навстречу австрийцам и в этом вопросе.

Что касается возвращения России Южной Бессарабии, отторгнутой у нее после Крымской войны, то предварительный зондаж выявил, что противодействия держав этой акции не ожидается. Признание государственной независимости Румынского княжества, его территориальное расширение за счет плодородной, экономически перспективной Северной Добруджи с прекрасной естественной гаванью в Кюстендже (Констанце) увенчивали участие Румынии в войне.

Русская делегация отправилась на конгресс с тяжелым чувством, зная, что ей будет нелегко противостоять коалиции западных держав. Россия была представлена А. М. Горчаковым в качестве первого уполномоченного, П. А. Шуваловым и П. П. Убри. Канцлер был стар и болен и лишь изредка участвовал в дискуссиях. П. П. Убри не поднимался над уровнем дипломатической посредственности. Основная тяжесть ведения переговоров выпала на долю Шувалова. Ему в помощь направили трех знатоков балканских дел — генерал-лейтенанта Д. Г. Анучина, генерал-майора Г. И. Бобрíkova и полковника А. А. Боголюбова. Первоначально предполагалось, что на конгресс поедет Н. П. Игнатьев, что было бы весьма логично, так как он составлял проект Сан-Стефанского договора и был хорошо знаком с Балканами. Но именно осведомленность его в этих вопросах и то, что он был основным составителем договора, подлежавшего пересмотру, вызывали нежелание австро-венгерских и британских правителей видеть его на конгрессе. Правда, протест против его появления в Берлине выразил германский император, который просил Бисмарка устроить «неприезд» Игнатьева¹⁸¹. Полагая, что это была скорее инициатива германского канцлера, но облеченная в форму императорского пожелания, которому русской стороне было бы трудно воспротивиться. Поэтому кандидатура Игнатьева отпала. После его неудачных переговоров в Висне в марте 1878 г. германский посол в Петербурге генерал Швейниц писал Бюлову 19 мая 1878 г., что «Игнатьев болен болгарской лихорадкой»¹⁸².

Русской делегации противостояли фигуры европейского масштаба — Б. Дизраэли, Р. Солсбери и Д. Андраши. О. Бисмарк, разыгрывавший роль великодушного и гостеприимного хозяина, казалось, даже временами поддерживал русскую делегацию, но как только доходило до острой полемики между английской и русской сторонами, он прекращал заседание и переносил обсуждение «деталей» на совещание трех делегаций, причем, когда они не приходили к согласию, он угрожал прервать конгресс и удалиться в свою резиденцию¹⁸³. А на совещаниях «втроем» русская сторона оказывалась в одиночестве. Бисмарк был очень недоволен и тем, что на конгресс приехал А. М. Горчаков, который в 1875 г. сорвал «военную тре-

вогу», заявив, что Россия не потерпит нового разгрома Франции.

Антирусский и антибалканский блок возглавляла британская делегация. Она отправилась на конгресс с целью свести к минимуму итоги войны, и в первую очередь не допустить образования единого болгарского государства. В инструкциях Форин оффис говорилось о «существенном сокращении» его территории, удалении его пределов от Эгейского моря. Английским уполномоченным предписывалось «защитить» греческое население от поглощения «славянским элементом»¹⁸⁴. Они должны были добиться уменьшения срока пребывания русских войск. Австрийские требования в основных чертах совпадали с английскими.

Болгарский вопрос стал главным на заседаниях Берлинского конгресса — на протяжении шести заседаний делегаты занимались только болгарскими делами.

На втором заседании Солсбери заявил, будто положениями Сан-Стефано «Турция сведена до уровня совершенной зависимости от державы, которая продиктовала условия этого договора». На основании этого он потребовал удаления Болгарии с Эгейского побережья. В своей речи он допустил формулировку, возмущившую русскую делегацию: Британия не собирается «полностью уничтожить результаты войны». Шувалов выступил с протестом, указав, что Россия представила конгрессу условия мира для координации их с другими державами, а не для «уничтожения результатов войны», в которой она понесла такие потери и жертвы. Он указал, что намеченные пределы Болгарии уже были в свое время одобрены Константинопольской конференцией и соответствуют «этнографическим условиям болгарской нации»¹⁸⁵.

Заседания конгресса были прерваны, и вопрос о Болгарии был перенесен на обсуждение трехстороннего совещания русской, английской и австро-венгерской делегаций.

Шувалов уже не питал иллюзий, что удастся договориться на условиях заключенного им с Солсбери протокола. Премьер-министр Б. Дизраэли заявил ему в предварительной беседе, что с публикацией текста протокола в «Глоб» многое изменилось. Общественное мнение-де увидело в соглашении «триумф России, эквивалентный поражению Англии». Теперь он должен вернуться с иными результатами. Он настаивал на сохранении власти султана в Болгарии, особенно на размещении турецких гарнизонов в Южной Болгарии, якобы для гарантии от посягательств будущего князя Северной Болгарии. На замечание Шувалова о невероятности подобных действий со стороны князя Дизраэли ответил, что «нужен твердый порядок», чтобы султан мог силой предупредить беспорядки. Он заявил, что «предпочитает сражаться за это», чем вернуться в Лондон без результата¹⁸⁶.

Эта беседа предопределила позицию английской делегации на дальнейших заседаниях конгресса и отчетливо проявилась на совещаниях «втором». Англичане и австрийцы твердо настаивали на том, чтобы для Южной Болгарии было принято название «Восточная Румелия» и она была поставлена под политическую и военную

власть султана. Шувалов и Убри возражали против искусственного названия «Восточная Румелия», видя в этом попытку денационализации страны. Горчаков, прочтя запись заседания, заметил, что Южная Болгария «теряет даже свое имя»¹⁸⁷. Дизраэли и Солсбери хотели полностью восстановить власть султана не только на юге, но и во всех остальных европейских провинциях, «дабы страж Провансов не имел только иллюзорную власть», писали Шувалов и Убри в Петербург. Русской делегации удалось добиться «после ожесточенной борьбы», чтобы султан имел право размещать войска только на границах Южной Болгарии, но не внутри страны. «Несмотря на наши усилия, австро-венгры настояли на названии Восточная Румелия для Южной Болгарии». Не добившись лучших результатов, представители России зарезервировали свое мнение до получения указаний от царя.

Б. Дизраэли в «частных» совещаниях тройки участия не принимал. Но он не терял времени и создавал в Берлине одну кризисную ситуацию за другой. В 20-х числах июня Дизраэли довел дело почти до разрыва по вопросу о статусе Южной Болгарии, судьбах Варны и Софии. Он использовал в своих целях представителя Италуп Корти. Дизраэли «доверительно», как со «старым другом», поделился с ним своими мрачными мыслями и сообщил, что в случае упорства России он покинет конгресс. Не пренебрегал премьер и театральными эффектами: так, идя по многолюдной Унтер-ден-Линден со своим секретарем, он во всеуслышание распорядился заказать специальный поезд для отъезжающей английской делегации. Весть об этом мгновенно разнеслась по городу.

21 июня Дизраэли обедал у Бисмарка. Затем оба удалились в курительную комнату. «Думаю, я нанес последний удар своему расстроенному здоровью, но это было совершенно необходимо», — записывал Дизраэли в дневнике, который вел специально для королевы¹⁸⁸. Британский премьер заявил канцлеру, что его требования носят ультимативный характер. На другой день Петербург уступил по вопросу о Южной Болгарии. Под именем Восточной Румелии она получала административную автономию. Генерал-губернатор христианин назначался султаном по соглашению с державами; детали организации провинции должна была разработать европейская комиссия. Территория «двух Болгарий» была значительно урезана, выхода к Эгеям они не получили. Таковы были итоги «посредничества» Бисмарка по болгарскому вопросу. П. П. Убри в донесении с конгресса с горечью писал: Бисмарк «желает нам добра», но не до такой степени, чтобы скомпрометировать себя перед другими державами, а потому «мы находимся перед компактной Европой в ее враждебности и готовности вырвать результаты недавней войны, которые могут быть у нас отняты без риска обеспокоить Европу новым катаклизмом»¹⁸⁹. В ходе тяжелых дебатов русским делегатам все же удалось отстоять вопреки австрийскому сопротивлению политическую автономию для Северного княжества. Уже тогда его рассматривали как «ядро», вокруг которого смогут постепенно сгруппироваться болгары юга¹⁹⁰. Учреждения Северной Болгарии стали в

будущем образом и притягательным моментом для жителей юга и стимулом для воссоединения. Русская делегация в ожесточенных дипломатических схватках отстояла передачу Северной Болгарии Софийского санджака. Она отбила попытки австрийцев навязать княжеству присутствие европейской комиссии, согласившись лишь на наблюдение европейских консулов. Австрийская делегация рьяно выступала против двухгодичного пребывания русской армии в Болгарии. Долго шли прения; наконец, согласились на девятимесячный срок. На заседании 24 июня Андраши поднял вопрос о смешанной оккупации для Южной Болгарии. Его с готовностью поддерживали англичане. Русская сторона отвергла это предложение, а Бисмарк ее поддерживал, ссылаясь на сложности посылки разных военных контингентов¹⁹¹.

Воспользовавшись публикацией в газете «Глоб», англичане попытались взять пазад зафиксированное в подписанном с Россией протоколе согласие на переход к последней Батума. Солсбери без всякого смущения сказал Шувалову, что может уйти в отставку, и для другого министра его подпись не обязательна¹⁹². Делегации России с трудом удалось добиться своего, и то согласившись на превращение Батума в свободный порт.

Авторы панегирических опусов о Дизраэли не жалели красок, превознося своего героя: он-де навязал на конгрессе свою волю, подавил всех своим авторитетом, показал государственным мужам Европы образцы британского парламентского красноречия.

Однако, если трезво взглянуть на британскую и австрийскую программу по ключевому болгарскому вопросу и берлинские результаты, обнаружатся «дистанции огромного размера». «Примиритель» Дерби отвергал создание даже малой Болгарии, считая это предтечей гибели Османской империи. Солсбери в циркуляре от 1 апреля 1878 г. противился выходу Болгарии к Черному морю, возвращению России отторгнутой у нее в 1856 г. Южной Бессарабии, присоединению к ней Батума и некоторых армянских земель. Все это было предано забвению. До последней минуты британская сторона настаивала на отводе русских войск из окрестностей Стамбула, грозя в случае отказа не сесть за стол переговоров. Ее российские контрагенты, не желавшие лишаться крупных стратегических преимуществ, отвергли английские претензии, и конгресс не сорвался.

На Берлинский конгресс был вынесен и сербский вопрос, поскольку он присутствовал в предварительном договоре России с Османской империей. Сербия назначила Й. Ристича своим официальным представителем. Ее требования были изложены в Меморандуме, который Ристич передал конгрессу и который дипломаты держав положили под сукно. До участия в работе конгресса сербские, как и румынские, представители не были допущены. Это было проявлением несомненной дискриминации малых стран.

Противостоять Австро-Венгрии в Белграде сочли бесполезным. Ристич приехал в Берлин с принципиальной установкой не задевать интересов этой страны. Дьюла Андраши во время первой же встречи изложил Ристичу свою позицию относительно Сербии. Она

сводилась к следующему: Австро-Венгрия выступит против присоединения к Сербии части Косова — железнодорожная линия Салоники—Митровица должна проходить по турецкой территории; Вена согласна поддержать требование Сербии о независимости и расширении ее границ, но только на восток и юго-восток и при условии заключения ею конвенции с Австро-Венгрией о торговом или таможенном союзе и при обязательстве Сербии построить железную дорогу Белград—Ниш для связи Австро-Венгрии с Болгарией и Турцией¹⁹³.

Сербское правительство было поставлено перед альтернативой: или получить независимость и расширить территорию в союзе с Австро-Венгрией, или оказаться перед угрозой потери части или всего завоеванного. Ристич пытался маневрировать. Он обращался к русским уполномоченным, но А. Г. Жomini и П. А. Шувалов советовали найти общий язык с Андраши, так как не надеялись иначе добиться решения сербского вопроса и призывали к терпению лет на 15. Под нажимом Андраши Ристич отказался от поддержки позиции повстанцев Боснии; перед боснийским уполномоченным В. Видовичем он настаивал на снятии пункта Меморандума повстанцев о присоединении Боснии к Сербии, что вызвало протест Видовича. Следовательно, Австро-Венгрия заставила сербских руководителей отказаться от одного из их важнейших требований.

За 5 дней до закрытия конгресса, 26 июня (8 июля), Й. Ристич подписал с Андраши австро-сербскую конвенцию. Ценой капитуляции по экономическим и политическим вопросам удалось добиться прибавления к сан-стефанской Сербии областей Пирота и Вране¹⁹⁴.

В Берлинском трактате провозглашалась независимость Сербского княжества, утверждалось расширение его территории (еще на 4 округа — Нишский, Пиротский, Враньский и Топлицкий). Княжество увеличило свою площадь на 11 тыс. кв. км, население — на 300 тыс. человек. Однако, когда историки ограничивают результаты сербо-турецких и русско-турецкой войн этими итогами, то создается впечатление, широко бытовавшее в буржуазной сербской литературе и вновь возрожденное в некоторых современных зарубежных трудах, что Берлинский трактат был более выгоден для Сербии, чем Сан-Стефанский договор. Такое освещение событий является полуправдой. Нельзя не учитывать, какой ценой добилась Сербия признания своей независимости западноевропейскими державами. В отличие от договора, заключенного в Сан-Стефано, который предусматривал независимость Сербии, не оговоренную никакими условиями, Берлинский конгресс заставил сербов заплатить за нее дорогой ценой — усилением экономической, а позднее и политической зависимости от австро-венгерского капитала. Австро-Венгрия добилась права безраздельного управления судоходством по Дунаю, ликвидировав тем самым дипломатическую победу Сербии 1871 г. Западные державы навязали княжеству дополнительно все обязательства, которые Порты имела перед Австро-Венгрией и ее компаниями по строительству и эксплуатации Восточной железной дороги по

бывшей османской, а отныне сербской территории, и заставили принять на себя часть турецкого государственного долга за новые земли.

Черногорский вопрос не вызвал на конгрессе длительных споров. Противники большого славянского государства на Балканах. Австро-Венгрия и ее союзники добились сокращения размеров санстефанской Черногории на 7 тыс. кв. км. Все же Черногория, официально признанная независимой, получила плодородные земли, жизненно важные для нее в целом высокогорного ландшафта, с городами Подгорица, Никшич, Колашин и Жабляк и на протяжении 70 км выход к Адриатическому морю с портами Бар и Улцинь. Западные державы также обязали Черногорию выплачивать часть государственного долга Османской империи за ее новые земли¹⁹⁵.

Подводя итоги трудной борьбе, выпавшей на долю народов Сербии и Черногории в годы Восточного кризиса 70-х годов XIX в., надо прежде всего отметить, что принесенные ими жертвы не были напрасны. Главным результатом явилось завоевание ими независимости, получившей международное признание, что открывало значительные перспективы для дальнейшего развития княжеств. Участие Сербии и Черногории в двух войнах против Порты явилось исторической необходимостью, но победа была достигнута только благодаря поддержке их борьбы Россией, русской армией, нанесшей сокрушительный удар османскому владычеству на Балканах, и русским обществом, оказавшим значительную помощь их борьбе. И хотя не русская армия изгоняла османских феодалов с земли Сербии или Черногории, Россия сыграла глубоко прогрессивную, освободительную роль в судьбе этих княжеств, поскольку способствовала их окончательному освобождению от сюзеренитета султана. Победу русского оружия не смогли проигнорировать и западноевропейские державы, утвердившие независимость Сербии и Черногории. Это признавал И. Ристич в своей речи 13(25) июля 1878 г. на закрытом заседании скупщины¹⁹⁶. Отмечая большую роль России в решении Восточного кризиса, Ристич говорил, что сербы не могли выстоять в неравной борьбе с Османской империей и единственно реальным средством достижения успеха для них был союз с великой державой. Именно Россия взялась за дело, начатое сербами, и довела его до конца. Он подчеркнул, что главным достижением и итогом трех лет борьбы для Сербии явилось признание ее независимости.

Обсуждение на конгрессе румынских проблем осложнялось для русской стороны трениями с Бухарестом по поводу возвращения России отторгнутой от нее в 1856 г. Южной Бессарабии. Этот вопрос был поставлен российской дипломатией еще в 1876 г., во время рейхштадтского свидания Александра II и Франца Иосифа. Румынам об этом было известно: во время поездки делегации с участием главы правительства И. К. Брэтиану в Ливадию Александр II в беседе, состоявшейся 28 сентября (10 октября), сказал премьеру: «С тех пор как существует Россия, она впервые вынуждена была отдать часть своей территории, пусть небольшую, завоеванную ее

оружием» — и заявил о желании вернуть отторгнутое. Брэтиану промолчал¹⁹⁷. Министр иностранных дел М. Когэлничану свидетельствовал (во внутренней переписке), что еще в июле 1877 г. узнал, «что произошло в Рейхштадте», а поэтому «не имел нужды спрашивать князя Горчакова, согласилась или нет Австро-Венгрия на уступку Бессарабии»¹⁹⁸. По разным каналам румын информировали о намерении России, указывая, что Румынии будет предоставлена значительно большая территория с выходом к Черному морю. Глава правительства И. К. Брэтиану по существу признал этот факт в парламенте, однако трактовал полученную информацию «лишь как официозную». Острейшие противоречия России с Великобританией и Австро-Венгрией породили в Бухаресте надежду на то, что удастся и Южную Бессарабию сохранить, и Северную Добруджу приобрести. Румыния отказалась признать Адрианопольское перемирие и Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор, ссылаясь на то, что ее представители не участвовали в их подготовке.

В марте 1878 г. И. К. Брэтиану посетил Берлин и Вену. Австрийский канцлер Д. Андраши, занятый сколачиванием антирусского блока, призывал румын «к решительному сопротивлению». Бисмарк держался осторожнее и советовал им использовать явную готовность русской стороны к договоренности: «Можете затребовать много и получить у нее много, сотни миллионов и даже более значительные территориальные компенсации»¹⁹⁹.

Прибыв в Берлин, И. К. Брэтиану и М. Когэлничану посетили делегатов держав. Со всех сторон они, по словам последнего, получили дружеские заверения, «вполне платонические, т. е. бесплодные». Лишь глава французского внешнеполитического ведомства Ваддингтон посоветовал им не питать излишних надежд. На прием к Дизраэли им долго не удавалось попасть — тот все ссылался на занятость: согласившись, по протоколу с Россией, на возвращение той Южной Бессарабии, англичане потеряли интерес к румынской диверсии. Когда же встреча с премьер-министром состоялась, тот, выслушав Когэлничану, воздержался от высказывания собственного мнения, но все же счел предлагаемый им территориальный обмен очень выгодным²⁰⁰.

Румынских представителей выслушивали, пока рассчитывали использовать их в качестве пешек в антирусской игре. Когда же обрисовались контуры соглашения, интерес к ним упал. Конгресс признал независимость Румынии при условии соблюдения в ней равноправия граждан независимо от их религиозной принадлежности (подразумевалось отсутствие в стране гражданских и политических прав для евреев и мусульман), зафиксировал присоединение к ней Северной Добруджи и возвращение России — после 22 лет отторжения — Южной Бессарабии.

В итоге войны 1877—1878 гг. Румыния получила очень много: пали вассальные узы, связывавшие ее с Османской империей; она освободилась от дани и получила возможность вступать с другими странами в нормальные дипломатические и экономические отношения; международное признание ее государственной независимости

явилось важнейшей вехой в ее истории, способствовало развитию капиталистических отношений в городе и деревне, выходу на авансцену социальной и политической жизни национальной буржуазии, формированию и развитию румынского пролетариата — класса, которому принадлежало будущее.

4

Объединение Фессалии с Грецией. Албанская лига

Известия о начале русско-турецкой войны и первых успехах русского оружия были встречены с энтузиазмом греческим населением Крита, Эпира, Фессалии. «Разрыв России с Турцией, — сообщал русский консул Г. К. Дубницкий, — произвел самое благоприятное впечатление на жителей Сиры и особенно на критян, проживающих на этом острове. Судя по словам последних, критские вожди решились восстать при первом удобном случае, не ожидая ничьей помощи и не сообразуясь с политикой греческого королевства»²⁰¹. Греческие же нобили Константинополя, тесно связанные с Портой, заняли явно протурецкую позицию. По всем епархиям было разослано послание патриарха Иоакима II о «писпослании успехов» турецкому оружию. Эта акция Константинопольской патриархии вызвала возмущение у многих верующих. Критяне, например, не разрешили огласить патриаршее послание в своих церквях²⁰². На Крите, как и в Эпире и Фессалии, летом 1877 г. приготовления к освободительному восстанию весьма активизировались.

В самой Греции обострилось внутривнутриполитическое положение. В Афинах прошли массовые митинги, участники которых требовали создания коалиционного правительства и немедленных военных приготовлений. 22 мая (3 июня) 1877 г. было сформировано новое правительство во главе с героем войны за независимость 1821—1829 гг. 84-летним адмиралом К. Канарисом. Ускорились военные приготовления, были размещены новые займы. В западные столицы отправились миссии для закупки снаряжения, в первую очередь пушек. Правительство призвало на действительную службу резервистов и отдало приказ о мобилизации национальной гвардии. В результате к августу 1877 г. греческая армия насчитывала уже свыше 30 тыс. человек, большая часть которых была сконцентрирована на границе с Турцией²⁰³.

Националистические организации «Этники Амня» («Национальная оборона») и «Адельфотис» («Братство») создали объединенный Центральный комитет, который при содействии властей занялся сбором средств, вербовкой добровольцев, переброской агентов через границу, созданием складов с оружием в пограничной полосе²⁰⁴. Держа в руках все нити, правительство в Афинах рассчитывало, что сможет в зависимости от политической ситуации или сдерживать освободительные выступления греческого населения Европейской Турции, или «зажечь им зеленый свет».

Лондон настойчиво требовал от Греции придерживаться первого

курса. Правительство Канариса не возражало, но настаивало на том, чтобы Великобритания в случае территориальных изменений на Балканах оказала содействие воссоединению Эпира и Фессалии с Грецией.

На это предложение, сделанное в конце мая 1877 г. министром иностранных дел Х. Трикуписом британскому посланнику в Афинах У. Стюарту, был дан отрицательный ответ. Самое большее, на что соглашался сент-джеймский кабинет, озабоченный сохранением статус-кво османских владений, — это «использовать свое наилучшее влияние для того, чтобы обеспечить для греческого населения в турецких провинциях любые административные реформы и преимущества, которые могут быть представлены христианскому населению любой другой расы»²⁰⁵. В Греции британские обещания сочли неудовлетворительными. В климате греко-английских отношений произошло явное похолодание. Они ухудшились еще более вследствие позиции Лондона в возникшем тогда остром конфликте между Грецией и Турцией.

Концентрация греческих войск на границе, активизация приготовлений к восстанию в греческих провинциях Европейской Турции вызвали раздражение Порты. В августе 1877 г. греческому посланнику в Константинополе А. Кундуриотису было заявлено, что если Греция не прекратит военных приготовлений и не распустит революционные комитеты, действующие на ее территории, то Порта предпримет ответные меры. Английское правительство поддержало Порту. Трикупис ответил на это, что Греция в данный момент не собирается начинать войну против Турции, но как независимое государство она сохраняет за собой свободу действий. Не может греческое правительство дать и обещания удерживать от восстаний греков османских владений. Британский демарш вызвал всеобщее возмущение в Греции. Посланник Стюарт оценивал английское влияние в Греции в этот момент как «весьма близкое к нулю»²⁰⁶.

Такое положение дел побуждало греческое правительство добиваться соглашения с Россией. Петербург проявлял явную заинтересованность во вступлении Греции в войну и организации восстаний в греческих провинциях Европейской Турции, что отвлекло бы значительные турецкие силы с фронта. Но руководители русской внешней политики, хотя и были готовы поддержать претензии Греции на определенные территории, уклонялись от подписания формального союза с Грецией, опасаясь, что это ухудшит и так достаточно сложные русско-английские отношения.

Согласно донесению из Петербурга от 11 (23) июля 1877 г. греческого посланника П. Врайласа-Армениса, товарищ министра иностранных дел России Н. К. Гирс говорил ему: «Мы бы желали, чтобы Греция проявила к нам больше доверия; мы не можем заключить соглашение с вами, которое вызвало бы гнев Англии и, следовательно, принесло бы вам больше вреда, чем пользы. Но поверьте, что Россия не желает, чтобы греческий элемент был поглощен славянским элементом, и если она надеется проявить себя

щедрой по отношению к Австрии, то а fortiori* она будет справедливой в отношении Греции; все, что является греческим, будет вашим». Греция желала получить более определенные и твердые обязательства со стороны России. 1(13) августа 1877 г. Х. Трикупис послал следующую депешу П. Враиласу-Арменису: «Решено в ближайшее время начать восстание в греческих провинциях Турции. Но в момент, когда дается санкция на его осуществление, греческое правительство желало бы подучить гарантии того, что не будет заключен мир, который не учитывал бы законные пожелания эллинизма»²⁰⁷.

Свое выступление на стороне России греческое руководство обуславливало, наряду с территориальными приращениями, предоставлением помощи для защиты побережья и проведения наступательных операций на море. Для этого Россия должна была «одолжить» Греции часть своих военных кораблей, которые плавали бы под греческим флагом и имели бы команды из греческих моряков Одессы (напомним, что русский флот на Черном море еще не был восстановлен). Выдвижение новых условий свидетельствовало о продолжавшихся колебаниях и расхождениях в правящих кругах Афин. Впрочем, пока русские войска успешно наступали за Дунаем и конец войны казался близким, в греческой столице чаша весов склонялась в пользу сторонников немедленных действий. Греческое правительство разрешило П. А. Сабурову сообщить главнокомандующему Дунайской армией великому князю Николаю Николаевичу, что 1(13) августа 1877 г. решено начать военные действия в Фессалии и восстание на Крите²⁰⁸. Но тут начались неудачи под Плевной; король Георг и большинство министров встретили известия об этом с нескрываемым облегчением: затяжка войны открывала новые возможности для продолжения военных приготовлений и дипломатического торга. Правительство немедленно запретило отправку вооруженных отрядов в греческие провинции Европейской Турции, а в переговорах с Россией выдвинуло дополнительные территориальные требования, выходившие за национальные рамки²⁰⁹.

Ответ на новые греческие предложения содержала секретная депеша А. М. Горчакова П. А. Сабурову от 19(31) октября 1877 г. В ней говорилось: «Вам уже сообщали, что посылка русских судов невозможна, и я поручил Вам повторить, что если греки придут на помощь христианам, то мы, в случае раздела Турции, постараемся обеспечить им Эпир и Фессалию. Я не считаю, чтобы мы могли честно пойти дальше этого. С другой стороны, ввиду национального движения, которое проявляется в Греции, король Георг подверг бы свою династию опасности, если бы распустил войска, которые он собрал к настоящему времени; следовательно, присутствие этих войск вынудит Порту со своей стороны сохранять свои силы на этом направлении. В результате получится та диверсия, которую Вы желаете»²¹⁰.

Телеграмма канцлера проливает свет на те расхождения, кото-

* Тем более (лат.).

рые проявились в ходе русско-греческих переговоров о союзе осенью 1877 г. Она свидетельствует также, что, хотя Греция и медлила со вступлением в войну, проведенные ею военные приготовления отвлекли известные турецкие силы с фронта и были тем самым определенной помощью России.

Одновременно с дипломатическими переговорами с великими державами греческое правительство во второй половине 1877 г. предприняло меры для установления более тесных отношений с Балканскими странами. В мае—июле 1877 г. шли греко-румынские переговоры о союзе. В июле Трикупис сделал подобные же предложения Сербии и заявил о желательности создания тройственного союза Греции, Сербии и Румынии. Предложение поступило в момент, когда в политических кругах Сербии возникли острые расхождения по вопросу о возобновлении войны с Турцией, и Й. Ристич выразил пожелание, чтобы Греция подала пример: «Если Греция,—говорилось в ответе сербского министра,—возьмет на себя инициативу действий, то это определенно окажет большое воздействие на общественное мнение в Сербии»²¹¹.

Через несколько дней Белград предложил Афинам начать переговоры о совместном объявлении войны Турции. Й. Ристич заявил в беседе с греческим дипломатическим представителем А. Доскосом, что выбрать время выступления следует так, чтобы гарантировать себе максимум выгод и минимум риска; но в любом случае — до того, как русские достигнут Адрианополя. По словам Й. Ристича, совместное выступление Сербии и Греции, вероятно, предотвратило бы создание большого болгарского государства. Х. Трикупис приветствовал эти предложения. Он передал сербскому правительству, что Греция будет готова к войне в течение двух месяцев. По истечении этого срока ее действия будут зависеть от обстоятельств или исхода ее переговоров с Россией.

В последующие месяцы решимость Греции вступить в войну еще более ослабела. 14(26) ноября 1877 г. Й. Ристич информировал А. Доскоса о предстоящем начале военных действий и желании немедленно заключить договор о взаимопомощи с Грецией. Ответ греческого правительства, данный 26 ноября (8 декабря) 1877 г., носил уклончивый характер: «Мы продолжаем и форсируем наши приготовления, но мы не можем точно определить время или способ наших действий: он будет зависеть от обстоятельств»²¹².

Наряду с переговорами с Румынией и Сербией греческое правительство установило контакт и с некоторыми вождами албанцев. В июле 1877 г. Х. Трикупис послал в Янину с тайной миссией высокопоставленного чиновника своего министерства Э. Мавроматиса. Здесь он вступил в переговоры с Абдулем-беем Фрашери, Мехметом-Али Вриони и другими влиятельными албанцами. Позднее тайные албано-греческие переговоры были продолжены в Константинополе и на Корфу. В ходе их обсуждались вопросы военного сотрудничества в связи с предполагаемым вступлением Греции в войну и будущее политическое устройство Албании. Однако переговоры не дали какого-либо результата. Камнем преткновения явились грече-

ские требования о присоединении Албании к Греции или непосредственно, или в форме создания вассального княжества, князем которого стал бы принц Николай, пятилетний сын греческого короля Георга. Вожди албанцев-мусульман, выступавшие за автономию, а при определенных условиях и за независимость Албании, отвергли этот план. Возникли споры и из-за будущей судьбы Эпира, на который албанские беи имели свои виды ²¹³.

Колебания внешнеполитического курса Греции, малая эффективность ее дипломатических акций в конце 1877 г. в значительной мере были вызваны кризисом политического руководства. В период временных военных неудач России в Греции активизировалась группировка Э. Делигиоргиса, выступавшая за соблюдение страной абсолютного нейтралитета. Борьба вокруг вступления Греции в войну вызвала политический кризис, явно проявившийся после кончины 2(14) сентября 1877 г. главы правительства К. Канариса.

В последующие месяцы коалиционный кабинет продолжал оставаться у власти, но без премьера; важные решения подлежали единогласному одобрению кабинета. Такая система при наличии серьезных политических разногласий между членами правительства фактически обрекала греческую дипломатию на бездействие. Сказывалось и сильное давление на Грецию извне. Помимо скрытых и явных угроз, исходивших от миссии Великобритании, почти все иностранные дипломаты советовали грекам воздержаться от вступления в войну до тех пор, пока страна не будет полностью готова, заверяя, что будет и время и возможность вмешаться, так как конца русско-турецкой войне не видно ²¹⁴.

Ход событий перечеркнул эти прогнозы. После взятия Плевны началось стремительное наступление русской армии. Босняки и герцеговинцы, болгары, Черногория, Румыния, Сербия активно участвовали в военных действиях. Одна Греция стояла в стороне, что вело к ее изоляции и наносило ущерб делу освобождения греков, остававшихся под игом султана.

И в январе 1878 г., последнем месяце русско-турецкой войны, в Афинах продолжался политический кризис. Следовавшие одно за другим заседания правительства не приводили к выходу из тупика ²¹⁵. Тем временем в Греции ширилось движение за вступление в войну.

Глубокое недовольство народных масс бездейтельностью политического руководства, появившиеся признаки брожения в армии были чреваты серьезными внутренними потрясениями. Опасения за судьбу монархии и свою личную судьбу побудили короля Георга стать сторонником действия. Греческого монарха в его намерениях укреплял П. А. Сабуров, которого победы русского оружия сделали самым влиятельным иностранным дипломатом в Афинах. Он говорил: «Греция должна выступить, если она еще хочет воспользоваться событиями. Нам ее диверсия больше не нужна. Таким образом, в ее интересах — не в наших — ей нужно решиться действовать».

Побуждая короля и его министров не медлить больше с военным выступлением, российский посланник действовал на свой страх и

риск — инструкций из Петербурга П. А. Сабуров не получал и сравнивал себя с «выдвинутым вперед постовым, который должен стрелять по врагу до тех пор, пока не получит приказ прекратить огонь»²¹⁶. В этой сложной ситуации посланник руководствовался своей принципиальной убежденностью, что русский самодержец должен сохранить за собой на Балканах роль «покровителя» всех без различия православных христиан. Дипломат вышел за рамки официальной политики своего правительства, которое в тот момент уже не было заинтересовано во вступлении Греции в войну.

8(20) января 1878 г. Георг через голову военного министра Х. Зимвракакиса дал телеграфное распоряжение войскам в Восточной Греции выдвинуться на границу с Фессалией. Через два дня коалиционное правительство подало в отставку. Премьером снова стал сторонник активной политики А. Кумундорос.

Разработанный Кумундоросом план действий предусматривал немедленное начало восстаний в Эпире, Фессалии, Македонии, на Крите. Соответствующие указания были даны греческим консулам в этих провинциях и руководителям националистических организаций. Для оказания поддержки повстанцам греческая армия должна была вступить в пограничные владения Турции. Решение об этом было одобрено на секретных заседаниях греческого парламента 18(30) и 19(31) января 1878 г. Но время для участия Греции в русско-турецкой войне фактически истекло. Начиная с 14(26) января 1878 г. в Афинах циркулировали слухи о заключении перемирия между Россией и Турцией в ближайшие дни. Слухи эти вызвали большое волнение среди афинян. В столице прошли народные демонстрации. Возбужденные толпы пытались учинить расправу над политическими лидерами, в первую очередь над Э. Делигиоргисом. Сообщения, получаемые греческим правительством от своих миссий за рубежом, не оставляли сомнений в том, что заключение перемирия ожидается со дня на день, с часу на час.

19(31) января приказ о переходе границы был передан генералу Суцосу, командующему Фессалийским фронтом. 21 января (2 февраля) 1878 г. восьмитысячный отряд выступил в поход. О греческой акции Георг I немедленно известил Александра II следующей телеграммой: «Наши войска только что пересекли границу. Я и все греки твердо рассчитываем на Ваше благожелательное отношение к нашему делу — общему с делом всех христиан, которое Вы столь великодушно поддерживаете»²¹⁷. В циркуляре, poslanном в тот же день греческим представителям за рубежом, министр иностранных дел Т. Делияннис заверял, что акция носит оборонительный характер: чтобы избежать повторения «болгарских ужасов», армия Эллады получила приказ занять «греческие провинции Турции» без объявления Турции войны. В беседе с турецким посланником в Афинах Фотиадисом-беем Делияннис особо подчеркивал временный характер предполагаемой оккупации и желание его правительства избежать войны с Турцией²¹⁸.

Однако заверения греческого министра не предотвратили бурной реакции Порты на действия Греции. Великий визирь Ахмет Векиф-

паша сгоряча высказался даже за посылку экспедиционного корпуса для оккупации Афин. Но, не зная реакции России, турецкий кабинет ограничился обращением к державам и приказом адмиралу Хобарту-паше* быть в готовности для отплытия в греческие воды. Известия о военных приготовлениях Порты, дошедшие до Афин в искаженном и преувеличенном виде, вызвали панику в политических кругах и среди имущих слоев населения столицы²¹⁹. Греческое правительство поспешило обратиться к державам с просьбой о защите и посредничестве²²⁰. Реакция держав на греческое вторжение в Фессалию была однозначной. 23 января (4 февраля) 1878 г. П. А. Сабуров вручил греческому королю ответную телеграмму Александра II. В ней говорилось: «Я могу только сожалеть, что Ваше величество, объявляя войну Турции, избрали тот момент, когда я подписываю с ней мир»²²¹. Это был настоящий холодный душ для греческого монарха²²².

24–25 января (5–6 февраля) 1878 г. посланники Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, России и Франции в Афинах, потребовали немедленного вывода греческих войск из Фессалии, обещая после этого взять под свою защиту население греческих провинций Турции. Греческий кабинет отступил перед коллективным нажимом держав. Вечером 25 января (6 февраля) Делияннис сообщил иностранным дипломатам, что генералу Суцосу дан приказ отвести его войска за греческую границу. Одновременно Великобритания, Франция и Италия обратились с призывом к Порте соблюдать сдержанность. Неизмеримо большее значение имел подобный же демарш России. Царское правительство, армия которого стояла у ворот Константинополя, предупредило Порту, что любая ее акция против греческого королевства или греческого населения Турции пагубно отразится на русско-турецких отношениях²²³.

После вывода регулярных греческих войск из Фессалии в этой и других порабощенных греческих провинциях вспыхнули восстания против турецкой власти. Они происходили при тайной поддержке и поощрении со стороны греческого правительства. Премьер-министр А. Кумундорос через номархов (губернаторов) осуществлял общий контроль за вербовкой добровольцев, подбором командиров для повстанческих групп, распределением средств. Специальным циркуляром греческого министерства иностранных дел от 27 января (8 февраля) консулам в Эпире, Фессалии и на Крите было дано указание, «насколько возможно, поощрять и поддерживать революционные движения там, где они существуют, и распространять их как можно шире»²²⁴.

В феврале 1878 г. повстанческие отряды, сформированные на территории свободной Греции, появились в Эпире, Фессалии и Южной Македонии. При поддержке местного населения они освободили ряд округов. Здесь были созданы временные правительства, провозгласившие воссоединение этих областей с Грецией. Однако

* А. Хобарт — английский морской офицер, находившийся на турецкой службе.

успехи повстанцев были кратковременны. После заключения Сан-Стефанского мира Порта направила значительные силы для подавления восстания. Разочарование в связи с выводом греческих войск из Фессалии, страх перед турецкими репрессиями привели к отливу местных жителей из повстанческих отрядов. В результате к началу мая 1878 г. последний очаг восстания в этих краях погас. Однако в конце того же месяца вооруженная борьба начала разгораться в горном районе Козани—Битола. Восстание здесь возникло спонтанно, без участия греческого правительства, и первоначально было направлено против банд албанских беев, опустошавших местность. Но к июню—июлю 1878 г. движение значительно расширилось по своим масштабам и целям, целые округа перешли под контроль повстанцев, вступивших в успешную борьбу с регулярными турецкими войсками²²⁵.

В феврале 1878 г. вспыхнуло восстание на Крите под лозунгом воссоединения острова с Грецией, принявшее вскоре большой размах. К середине марта весь Крит, за исключением восьми прибрежных городов и крепостей, оказался под контролем повстанцев, хотя турецкие силы на острове были доведены до 17 тыс. человек и постоянно получали новые подкрепления.

Восстания греческого населения в Турции, начавшиеся уже после завершения русско-турецкой войны, явились для греческого правительства важным аргументом в подкрепление его требований о территориальных приращениях в процессе мирного урегулирования, начатого Сан-Стефанским мирным договором. Турция вынуждена была принять в Сан-Стефано и определенные обязательства в отношении подвластного ей греческого населения: «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 года, сообразуясь с желаниями, уже выраженными местным населением. Подобный же устав, примененный к местным потребностям, будет также введен в Эпире и Фессалии...»²²⁶.

Однако сама Греция в отличие от балканских государств, участвовавших в войне с Турцией, не получила каких-либо территориальных приращений. Создание же по Сан-Стефанскому договору обширного болгарского государства с передачей ему некоторых территорий, на которые претендовала и Греция, было весьма отрицательно расценено греческими государственными деятелями. По словам П. А. Сабурова, «Сан-Стефанский договор вызвал в Греции настоящую бурю. Все наши друзья, даже Кумундорос, обратили свои взоры к Англии»²²⁷.

Для западных держав, в первую очередь для Англии, греческая оппозиция Сан-Стефанскому договору была весьма кстати. Британские правящие круги были не прочь использовать «греческую карту». Британский министр иностранных дел Р. Солсбери стал прилагать усилия по смягчению греко-турецкого конфликта, имея в виду создание объединенного фронта этих двух государств против России и болгар. Британские консулы содействовали, в частности, прекращению восстания в Фессалии, Форин оффис зондировал Порту относительно определенных «исправлений границы» в пользу Греции.

Однако Солсбери отнюдь не собирался всерьез поддерживать греческие требования о присоединении Фессалии и Эпира. Англо-турецкая конвенция от 4 июня 1878 г. рассеяла появившиеся в Афинах иллюзии о поддержке Англией греческих национальных требований. Добившись в ходе секретных англо-русских переговоров согласия России на ревизию Сан-Стефанского договора и заставив Турцию «уступить» ей Кипр, Англия вновь стала «защитницей» целостности Османской империи. Великобритания не возражала лишь против того, чтобы представитель Греции высказал свои пожелания открывшемуся 13 июня 1878 г. в Берлине дипломатическому конгрессу.

29 июня греческий делегат Т. Делияннис выступил перед участниками конгресса. Он отметил недостаточность территории, которую получила Греция в результате войны за независимость, для нормальной национальной жизни и просил присоединить к ней Крит и «соседние провинции», ссылаясь на волю их населения, проявившуюся в восстаниях, продолжавшихся и в период самой работы конгресса²²⁸.

Почти все державы, хотя и из разных соображений, склонялись к принятию решения, которое бы шло навстречу греческим пожеланиям. Против была только Великобритания. В ходе последовавших закулисных переговоров по инициативе французского делегата В. Ваддингтона было принято компромиссное предложение, не предусматривавшее непосредственную передачу территории, а лишь содержащее призыв к Греции и Турции приступить к переговорам об исправлении границы. Текст решения, принятого на заседании 5 июля 1878 г., гласил: «Конгресс приглашает Блистательную Порту договориться с Грецией об исправлении границ в Фессалии и Эпире и придерживается мнения, что это исправление могло бы следовать вдоль долины Саламириаса (древний Пенеус) по его течению в сторону Эгейского моря и по долине Каламаса в сторону Ионического моря. Конгресс уверен, что заинтересованные стороны смогут достичь согласия. Тем не менее, для того чтобы содействовать успеху переговоров, державы готовы предложить свое прямое посредничество обеим сторонам»²²⁹.

«Исправление границ» в рамках, предложенных конгрессом, передавало Греции Фессалию и значительную часть Эпира. Греческое правительство уже считало эти территории своими и, получив текст решения конгресса, обратилось к Порте с предложением прислать своих комиссаров для проведения на местности новой линии границы. Порта, однако, не признавала за решением конгресса от 5 июля 1878 г. какой-либо обязательной силы. Лишь после трех лет жестокого дипломатического торга, не раз ставившего обе стороны на грань войны, 2 июля 1881 г. была подписана греко-турецкая конвенция, по которой почти вся Фессалия и округ Арта в Эпире передавались Греции²³⁰.

Берлинский конгресс сохранил, хотя и в ухудшенной форме, положение Сан-Стефанского договора о Крите. В соответствующей статье акта конгресса говорилось: «Блистательная Порта обязуется

вести добросовестно на острове Крит Органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми»²³¹.

Обязательство перед державами и в первую очередь, разумеется, героическая вооруженная борьба критян, продолжавшаяся с неослабевающей силой на всем протяжении работы конгресса, вынудили Порту предоставить острову ограниченную административную автономию, зафиксированную в так называемом пакте Халепа (октябрь 1878 г.).

В период Восточного кризиса 1875—1878 гг. Греция была единственным балканским государством, непосредственно не участвовавшим в вооруженной борьбе. Это объяснялось ее военной слабостью и внутривнутриполитической неустойчивостью, своекорыстной политикой греческих правящих кругов, стремившихся переложить на других риск и издержки борьбы, их великодержавными замашками, соперничеством с южнославянской национальной буржуазией, давлением западных держав. Но в конечном итоге Греция выиграла от этой войны не менее, чем другие балканские страны. Впервые после войны за независимость значительное греческое население освободилось из-под османского ига и воссоединилось с Грецией. Территория ее увеличилась на 13 тыс. кв. км, составив теперь 77 тыс. кв. км. Почти на 300 тыс. жителей возросло население страны, достигшее вскоре (перепись 1889 г.) 2 млн. 187 тыс.²³² Был сделан, таким образом, новый важный шаг на пути национального освобождения греков и их объединения в едином государстве.

Важным последствием Восточного кризиса 70-х годов XIX в. была постановка на международной арене Албанского вопроса. Произошло это, как и в других аналогичных случаях на Балканах, под напором «снизу», в результате развития национально-освободительного движения. В 50—70 годах XIX в. Албания являлась глухой провинцией Османской империи. Правда, проводившиеся в этот период в империи реформы внесли некоторое оживление в экономическую жизнь, расширили сферу товарно-денежных отношений. Но по-прежнему османское владычество оставалось главным препятствием для социально-политического и культурного развития албанского народа, консервировало в стране отсталые общественные условия.

В сельском хозяйстве Албании, с которым было связано более 90% ее населения, господствовали феодальные отношения. Характер албанских городов определяло мелкое ремесленное производство. Начавшая формироваться буржуазная прослойка была еще очень немногочисленна. В горных районах Северной Албании сохранялись сильные пережитки родового строя. Существовавшие в стране социально-экономические различия усугублялись религиозными.

Духовную власть над маленьким народом оспаривали три церкви: мусульманская, православная и католическая. Принявшие мусульманство албанские феодалы, являвшиеся составной частью правящего класса османской империи, были основной опорой завоевателей в стране. Наличие трех религиозных групп в Албании использовали иностранные государства в своих попытках поработить

и расчленил эту древнюю страну. Существовавшие в Албании многие учебные заведения зависели от указанных выше церквей и служили орудием духовного порабощения коренных жителей страны. Преподавание велось здесь на арабском, греческом или итальянском языках.

Со второй половины XIX в. Албания становится объектом политической и экономической экспансии европейских держав. Их захватнические замыслы стимулировало периферийное положение Албании в системе османских владений, ее географическая близость к Западной Европе. Австро-Венгрия и Франция, претендовавшие на «покровительство» албанским католикам, выдвигают планы создания католического княжества в Северной Албании на базе горной области Мирдита. В 70-е годы XIX в. к державам, которые вели политические интриги в Албании, присоединяется Италия, стремившаяся создать автономное или «независимое» албанское государство под своей эгидой. Экспансионистские замыслы в отношении Албании лелеяли и соседние балканские государства. В этих условиях перед албанскими патриотами стояла нелегкая задача: вести борьбу за ликвидацию господства османских угнетателей, защищая одновременно национальное единство и территориальную целостность страны от поползновений новых захватчиков.

Со времени завоевания Албании турками-османами в XV в. албанский народ не прекращал борьбы против иноземного ига. В стране неоднократно вспыхивали вооруженные восстания. Особенно большой размах имели восстания 40-х годов XIX в. В те же годы начала формироваться идеология албанского национально-освободительного движения. В условиях большой социально-политической и культурной отсталости Албании большое значение в этом плане имел для албанцев пример других балканских народов. Так же, как у греков, сербов, болгар, важными очагами формирования и распространения национальной идеологии стали албанские заграничные колонии. Первым идеологом Албанского Возрождения был Наум Векильхарджи, живший в Валахии и принимавший в молодости участие в восстании А. Ипсиланти. Его национальная программа, опубликованная в 1844—1845 гг., носила просветительский характер. Краеугольным камнем ее было распространение просвещения на албанском языке. И в 60-е годы XIX в. албанские земли оставались ареной волнений (см. гл. 6). В отчете российского МИД за 1861 г. констатировалось: «Арнауто-христиане не скрывают уже своего враждебного расположения к Турции; племя мирдитов отказалось поставлять башибузуков; командующий Омер-паша опасается, что мирдиты выступают вместе с черногорцами»²³³. Но в этом же документе отмечалось, что исламский фанатизм мешает объединению албанцев различных вероисповеданий.

Албанская лига — первая общеалбанская политическая организация, возникшая в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в., — выдвинула и пыталась претворить в жизнь широкую национальную программу. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. дала сильный толчок росту освободительных стремлений албанского на-

рода. Несколько раз в ее ходе горцы Северной Албании поднимали восстание. Сан-Стефанский мирный договор провозгласил независимость ряда балканских стран и ограниченную административную автономию для Албании. Вместе с тем некоторые районы с албанским или албано-славянским населением должны были отойти к Болгарии, Сербии и Черногории. Под давлением западных держав Сан-Стефанский договор был представлен на пересмотр международному конгрессу. 10 июня 1878 г., за три дня до открытия Берлинского конгресса, с целью защиты прав и интересов албанцев была создана Албанская лига. Турецкое правительство вначале не чинило препятствий деятельности лиги. Оно стремилось с ее помощью помешать передаче Черногории и Греции, в соответствии с решениями Берлинского конгресса, ряда районов с албанским или смешанным населением. Однако очень скоро деятельность лиги вышла за рамки, которыми ее хотел ограничить Стамбул. В корреспонденции из турецкой столицы, опубликованной 17 (29) сентября 1878 г. в русской газете «Голос», сообщалось: «Албанская лига, основанная первоначально исключительно для противодействия расчленению Албании, приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью домогаться образования автономного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана»²³⁴.

Официально принятая в ноябре 1878 г. политическая программа Албанской лиги предусматривала создание автономной Албании в форме Албанского вилайета*. Все административные должности в автономной провинции должны были замещаться чиновниками, знающими албанский язык. Преподавание албанского языка вводилось в школах. Большая часть доходов вилайета должна была расходоваться на просвещение и общественные работы²³⁵.

Между тем антитурецкое движение в Албании приняло широкий размах. Массовыми стали случаи отказа крестьян от уплаты налогов, дезертирства албанцев-солдат из турецкой армии, изгнания турецких чиновников. Власть в стране фактически перешла к местным комитетам лиги, приступившим к формированию общеалбанского ополчения. Руководители лиги, среди которых были сторонники полного отделения Албании от Османской империи, стремились установить внешнеполитические контакты, в частности, с Россией.

Царское правительство, связанное тесными отношениями с балканскими монархиями, не склонно было поддерживать, как, впрочем, и правительства других стран, Албанскую лигу. Но некоторые русские политические и военные деятели, представители интеллигенции интересовались судьбой албанцев, считали, что Россия должна помочь им освободиться, так же, как она помогла другим балканским народам. Известный публицист и писатель Вас. И. Немирович-Данченко незадолго до образования Албанской лиги высказал убеждение, что «если албанцы хотят создать цельную сплоченную

* Вилайет (губерния) — административная единица Османской империи.

Албанию — одна Россия искренне может помочь им в этом отношении»²³⁶.

Размах освободительного движения в Албании, которое возглавила Албанская лига, вызвал тревогу у турецкого правительства. Урегулировав свои территориальные споры с Черногорией и Грецией, оно приступило к карательным операциям в Албании. В апреле 1881 г. турецкий корпус под командованием Дервища-паши вторгся в подвластные Албанской лиге районы. Албанские отряды, не имевшие ни современного вооружения, ни опытных командиров, не смогли противостоять регулярным турецким войскам. Поражению лиги способствовали нерешительность и непоследовательность ее руководства, в котором значительную роль играли феодальные элементы. Последовала жестокая расправа над участниками восстания. Турецкая администрация была восстановлена в Албании, но господству турецких пашей в этой горной стране был нанесен серьезный удар.

Албанская лига вошла в историю как первое общенациональное объединение, возглавившее борьбу албанского народа против Османской империи. Благодаря лиге, национальные требования албанцев впервые стали предметом обсуждения дипломатии и общественности Европы. Как писала 26 августа (7 сентября) 1880 г. петербургская газета «Новое время», «Албанская лига... в настоящем фазисе своего развития представляет из себя реальную силу, с которой приходится считаться не только самой Турции, но и европейской дипломатии»²³⁷. И после разгрома лиги европейским державам все в большей степени приходилось считаться с национально-освободительным движением албанского народа. В новом периоде международных отношений на Балканах, начавшемся после 1878 г., Албанский вопрос становится одним из доминирующих.

¹ *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1911, т. 2, с. 344, 347.

² *Международные отношения на Балканах, 1815—1830.* М., 1983.

³ *Виноградов В. И.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978, с. 80.

⁴ *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875—1878 гг. М., 1984, с. 18.

⁵ Там же, с. 20.

⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

⁷ *История дипломатии.* М., 1963, т. 2, с. 132—133; *Восточный вопрос во внешней политике России.* М., 1978, с. 35; *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе..., с. 40; и др.

⁸ *Освобождение Болгарии от турецкого ига.* М., 1964, т. II, с. 90—91.

⁹ *Залышкин М. М.* Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения, 1875—1878. М., 1973, с. 224—225.

¹⁰ *Memoriile regelui Carol I al României.* Buc., S. a., v. VIII.

¹¹ *Documente privind istoria României: Războine pentru independența.* Buc., 1952, v. II, p. 668.

¹² *Memoriile...*, v. IX, p. 45—46, 63, 69; *Documente...*, v. II, p. 147.

¹³ *Татищев С. С.* Император Александр II..., т. 2, с. 359.

¹⁴ См.: *Ристић Ј.* Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност, 1875—1878. Београд, 1896, књ. 2, с. 43.

¹⁵ Цит. по: *Балканские исследования.* Вып. 4. Русско-турецкая война 1877—

- 1878 г. и Балканы. М., 1978, с. 72; Освобождение Болгарии..., т. II, с. 112, 176, 236, 261 и др.
- ¹⁶ См.: Записи Еврема Грујића: Друга влада Обреновића и турски ратови. Београд, 1923, књ. 3, с. 294.
- ¹⁷ См.: Балканские исследования, вып. 4, с. 70—71.
- ¹⁸ Ход военных операций см.: Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1977; *Ростунов И. И.* Боевые действия русской армии на Балканах в 1877—1878 гг.— В кн.: Балканские исследования, вып. 4, с. 10—45; *Золотарев В. А.* Россия и Турция: Война 1877—1878 гг. М., 1983.
- ¹⁹ *Чернов С. Л.* Основные этапы развития русской официальной программы решения Восточного вопроса в 1877—1878 гг.— В кн.: Балканские исследования, вып. 4; с. 25—43. Он же. Россия на завершающем этапе... Проведенный С. Л. Черновым анализ русской программы мира авторы используют в данной работе.
- ²⁰ *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе..., с. 25.
- ²¹ Освобождение Болгарии..., т. II, с. 107—108.
- ²² Там же, с. 88.
- ²³ Там же, с. 80—82.
- ²⁴ По договору в Ункяр-Искелессе турецкое правительство обязывалось в случае войны закрывать по требованию России Дарданеллы для иностранных военных кораблей.
- ²⁵ См.: *Ростунов И. И.* Боевые действия русской армии..., с. 17.
- ²⁶ Текст прокламации см.: *Живановић Ж.* Политичка историја Србије. Београд, 1923, књ. 1, с. 365—366.
- ²⁷ Подробнее см.: *Скоко С.* Улога српске војске у руско-турском рату 1877—1878 године.— В кн.: Србија у завршној фази велике источне кризе (1877—1878). Београд, 1980, с. 21—37; *Ђорђевић М.* Друштвено-политички услови и исходи српско-турских ратова 1876—1878 године.— Там же, с. 39—57.
- ²⁸ *Bismarks Politik nach seinen Staatsschriften und Reden.* Iena, 1942, S. 439.
- ²⁹ *Косев К.* Бисмарк, източният въпрос и българското освобождение, 1856—1878. С., 1978, с. 352—354, 370, 372.
- ³⁰ Нота лорда Дерби от 6 мая 1877 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. I, л. 341—342.
- ³¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 70, т. 1, л. 307—308. Позднее Дерби говорил в палате лордов: «Британский флот не только самый могущественный из находящихся на плаву, но он почти равен флотам всех других держав, вместе взятых» (см.: *Parliamentary Debates*, 3-rd ser., v. 239, p. 789).
- ³² *Parliamentary Debates*, 3-rd ser., v. 234, p. 1304.
- ³³ *Ibid.*, p. 237, 486, 699, 879.
- ³⁴ *Ibid.*, v. 234, p. 414—415, 972.
- ³⁵ Б. Дизраэли—леди Брайфорд, 14 апреля 1877 г.—*Monypenny W. F., Buckle G. E.* The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. L., 1920, v. 6. (1876—1881), p. 136.
- ³⁶ Освобождение Болгарии..., т. II, с. 80—82.
- ³⁷ П. А. Шувалов—А. М. Горчакову, 23 мая (9 июня) и 29 мая (10 июня) 1877 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 70, т. 2, л. 363, 383.
- ³⁸ П. А. Шувалов—А. М. Горчакову, 8(20) июня 1877 г.— Там же, л. 402
- ³⁹ П. А. Шувалов—А. М. Горчакову, 3(15) июня 1877 г.— Там же, л. 384.
- ⁴⁰ П. А. Шувалов, 28 июня (10 июня) 1877 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 71, т. 2, л. 384.
- ⁴¹ Виктория—Б. Дизраэли, 25 апреля (н. ст.) 1877 г.—*Monypenny W. F., Buckle G. E.* The Life of Benjamin Disraeli..., v. 6, p. 132, 133.
- ⁴² *Ibid.*, p. 142, 149, 150.
- ⁴³ АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 70, т. 2, л. 430; The Times, 7.VII.1877.
- ⁴⁴ Письма Б. Дизраэли королеве от 12 и 22 июля 1877 г. см.: *Monypenny W. F., Buckle E. G.* The Life of Benjamin Disraeli..., v. 6, p. 150—151, 155.
- ⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 70, т. 2, л. 486.
- ⁴⁶ *Monypenny W. F., Buckle E. G.* The Life of Benjamin Disraeli..., v. 6, p. 158.

- ⁴⁷ П. А. Шувалов.—А. М. Горчакову, 21 июня (3 июля) 1877 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. 2, л. 372—376.
- ⁴⁸ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 29 июня (11 июля) 1877 г.— Там же, л. 387—389.
- ⁴⁹ Г. Лэйрд — Э. Дерби, 14 ноября 1877 г.— *Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1935, p. 235.*
- ⁵⁰ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 1(13) августа 1877 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. 2, л. 422, 427.
- ⁵¹ *Monypenny W. F., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli..., v. 6, p. 174—176.*
- ⁵² П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 29 октября 1877 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. 2, л. 481—483; *Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 234, p. 21.*
- ⁵³ *The Morning Post. 12.XI.1877.*
- ⁵⁴ *Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question, p. 243—244.*
- ⁵⁵ *Monypenny W. F., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli..., v. 6, p. 195.*
- ⁵⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 70, т. 2, л. 662—664.
- ⁵⁷ Е. П. Новиков.—А. М. Горчакову, 10(22) декабря 1877 г.—Освобождение Болгарии..., т. 2, с. 365—369.
- ⁵⁸ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 4(16) декабря 1877 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 71, т. 2, л. 627, 629.
- ⁵⁹ Письмо П. А. Шувалова, 2(14) декабря 1877 г.—Там же, л. 515—516; телеграмма П. А. Шувалова и А. М. Горчакова 17(29) декабря 1877 г.—В кн.: Освобождение Болгарии..., т. II, с. 382—384.
- ⁶⁰ См.: Чернов С. Л. Россия на завершающем этапе..., с. 30.
- ⁶¹ Освобождение Болгарии..., т. II, с. 340—341.
- ⁶² Там же, с. 339—340.
- ⁶³ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову.—Там же, с. 365—367.
- ⁶⁴ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 10(22) января 1878 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 112, л. 475.
- ⁶⁵ *Die grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. B., 1922, B. 2. Der Berliner Kongress und seine Vorgeschichte, S. 169—170.*
- ⁶⁶ *Ibid., S. 172, 173.*
- ⁶⁷ Освобождение Болгарии..., т. II, с. 431.
- ⁶⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 18, л. 165—168.
- ⁶⁹ *Die grosse Politik..., Bd. 2, S. 174—175.*
- ⁷⁰ Освобождение Болгарии..., т. II, с. 406.
- ⁷¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 58, л. 34.
- ⁷² Телеграмма А. М. Горчакова от 2(14) января 1878 г.—Там же, л. 47.
- ⁷³ Меморандум О. Лофтуса, 3(15) января 1878 г.—Там же, л. 37.
- ⁷⁴ Письмо А. М. Горчакова от 4(16) января 1878 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. 2, л. 323—324.
- ⁷⁵ Там же, л. 344; д. 58, л. 143.
- ⁷⁶ *Милютин Д. А. Дневник. М., 1950, т. 3, с. 11.*
- ⁷⁷ 12(24) января Шувалову были переданы предварительные условия мира специально для того, чтобы опровергать сообщения Лэйрда (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. 2, л. 234); уже после заключения перемирия Лэйрд телеграфировал о готовности 30 тыс. русских ворваться в Стамбул, об «опешелмляющих условиях мира». См.: АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. 1, л. 73.
- ⁷⁸ *Милютин Д. А. Дневник, т. 3, с. 13.*
- ⁷⁹ Телеграмма П. А. Шувалова от 9(21) января 1878 г.—В кн.: Освобождение Болгарии..., т. II, с. 413—414.
- ⁸⁰ *Monypenny W. F., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli..., v. 6, p. 227.*
- ⁸¹ Телеграмма П. А. Шувалова 12(24) января 1878 г. Помета царя: «...совершенная гнусность!»—АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, л. 17.
- ⁸² Телеграмма адмиралу Хорнби, 23 января 1878 г.—*Parliamentary Debates, 3-rd ser., v. 237, p. 581.*

- ⁸³ История дипломатии, т. 2, с. 124.
- ⁸⁴ Милютин Д. А. Дневник, т. 3, с. 16.
- ⁸⁵ Николай Николаевич — Александру II, 11(23) января 1878 г.— В кн.: Татищев С. С. Император Александр II..., т. 2, с. 400.
- ⁸⁶ Текст телеграммы см.: Живановић Ж. Политичка историја..., с. 368.
- ⁸⁷ Татищев С. С. Император Александр II..., т. 2, с. 404—405.
- ⁸⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 58, л. 66.
- ⁸⁹ Там же, л. 56.
- ⁹⁰ Телеграмма А. М. Горчакова от 26 января (7) февраля 1878 г.— Там же, д. 80, т. 2, л. 371.
- ⁹¹ О. Лофтус — А. М. Горчакову, 9 февраля (н. ст.) 1878 г.— Там же, д. 58, л. 64.
- ⁹² Э. Дербн — П. А. Шувалову, 8 февраля 1878 г.— Там же, д. 80, т. 2, л. 432, 452.
- ⁹³ Освобождение Болгарии..., т. 2, с. 490.
- ⁹⁴ Помета царя на телеграмме Шувалова от 2(14) февраля 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. 1, л. 55.
- ⁹⁵ Там же, д. 58, л. 69—70.
- ⁹⁶ Телеграмма А. М. Горчакова, 3(15) февраля 1878 г.— Там же, д. 81, т. 2, л. 389, 480.
- ⁹⁷ Письмо П. А. Шувалова от 5(17) февраля 1878 г.— Там же, л. 477, 497.
- ⁹⁸ Сомнения, колебания и разногласия государственных деятелей России по этому вопросу отражены в переписке, помещенной в кн.: Татищев С. С. Император Александр II...
- ⁹⁹ Освобождение Болгарии..., т. 2, с. 491, 529—535.
- ¹⁰⁰ А. М. Горчаков — П. П. Убри, 5(17) февраля 1878 г.— Там же, с. 498.
- ¹⁰¹ Там же, с. 472, 474, 476.
- ¹⁰² Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 11(23) февраля 1878 г.— Там же, с. 508—509.
- ¹⁰³ Там же, с. 512. Интересно отметить, что Шувалов в феврале предупреждал Горчакова, что британское правительство будет в своих действиях стараться противопоставить греческий элемент болгарскому в ущерб последнему. См.: П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 5(17) февраля 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. II, л. 480—481 об.
- ¹⁰⁴ Освобождение Болгарии..., т. 2, с. 536.
- ¹⁰⁵ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 14(26) января 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 112, л. 9—9 об.
- ¹⁰⁶ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 5(17) марта 1878 г.— В кн.: Освобождение Болгарии... М., 1967, т. III, с. 36.
- ¹⁰⁷ Там же, примеч. 2. Об экономических позициях Австро-Венгрии на Балканах и ее агрессивных планах в отношении юга Балкан см.: С. Л. Чернов. Россия на завершающем этапе..., с. 62—65.
- ¹⁰⁸ Н. К. Гирс — Н. П. Игнатьеву, 7(19) февраля 1878 г.— В кн.: Освобождение Болгарии..., т. II, с. 503.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 503, 533.
- ¹¹⁰ А. М. Горчаков — Е. П. Новикову, 20 января (1 февраля) 1878 г.— Там же, с. 437.
- ¹¹¹ А. М. Горчаков — Александру II, 2(14) февраля 1878 г.— Там же, с. 483—484.
- ¹¹² А. М. Горчаков — П. П. Убри, 5(17) февраля 1878 г.— Там же, с. 497—498.
- ¹¹³ П. П. Убри — А. М. Горчакову, 22 января (3 февраля) 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 18, л. 103—105.
- ¹¹⁴ Чернов С. Л. Россия на завершающем этапе..., с. 25—55; см. также: Нарочницкий А. Л. Берлинский конгресс, Россия и южные славяне.— Новая и новейшая история, 1979, № 2, с. 78.
- ¹¹⁵ Освобождение Болгарии..., т. II, с. 439—440.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Н. П. Игнатьев — А. М. Горчакову, 3(15) февраля 1878 г.— Там же, с. 485—487.
- ¹¹⁸ Н. П. Игнатьев — А. М. Горчакову, 4(16) февраля 1878 г.— Там же, с. 492—493.
- ¹¹⁹ А. М. Горчаков — Н. П. Игнатьеву, 3(15) февраля 1878 г.— Там же, с. 489;

- см. также: Телеграммы А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву от 7(19) февраля 1878 г.— Там же, с. 503.
- ¹²⁰ См.: Струкова К. Л., Хитрова Н. И. Сербия и Черногория.— В кн.: Балканские исследования, вып. 4, с. 75.
- ¹²¹ Милютин Д. А. Дневник, т. 3, с. 19.
- ¹²² Сан-Стефанский договор см.: Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М., 1952, с. 161—170.
- ¹²³ Чернов С. Л. Россия на завершающем этапе..., с. 42—44.
- ¹²⁴ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 16(28) февраля 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. 2, л. 529.
- ¹²⁵ *Bismark O. Werke*. Bd. II, S. 526.
- ¹²⁶ А. М. Горчаков — П. А. Шувалову, 6(18) марта 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 81, т. 2, л. 480.
- ¹²⁷ Письмо А. М. Горчакова от 17(29) марта 1878 г.— Там же, л. 514—515.
- ¹²⁸ Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 5(17) марта 1878 г.— В кн.: Освобождение Болгарии..., т. III, с. 35—38.
- ¹²⁹ Там же, т. II, с. 91.
- ¹³⁰ Памятная записка Н. П. Игнатьева от 15(27) марта 1878 г.— В кн.: После Сан-Стефано: Записки гр. Н. П. Игнатьева. Пг., 1919, с. 38—40.
- ¹³¹ Дешеш О. Рассела от 13 марта 1878 г.— *Blue Books: Turkey N 26 (1878). Affaires of Turkey*. L., 1878, p. 1.
- ¹³² Циркуляр Солсбери от 1 апреля 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 58, л. 66.
- ¹³³ Там же, л. 66, 67, 147.
- ¹³⁴ *Monypenny W. F., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli...*, v. 6, p. 264—267.
- ¹³⁵ Из письма А. М. Горчакова П. А. Шувалову, 17(29) марта 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. 2, л. 513—514.
- ¹³⁶ *Monypenny W. F., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli...*, v. 6, p. 260—261.
- ¹³⁷ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 17(29) марта 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878, д. 79, т. 1, л. 200—207.
- ¹³⁸ *Monypenny W. F., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli...*, v. 6, p. 244.
- ¹³⁹ *The Daily Telegraph*, 11.III.1878.
- ¹⁴⁰ Во время дискуссии в палате общин по дополнительному военному кредиту в 6 млн. ф. ст. Дж. Андерсон говорил, что он просмотрел петиций, поступившие в парламент: 229 петиций (11 285 подписей) — за продолжение нейтралитета; 89 (8175 подписей) — против голосования кредита и лишь 1 (54 подписи) — за кредиты. См.: *Parliamentary Debates*, 3-rd ser., v. 237, p. 1263.
- ¹⁴¹ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 15(27) февраля 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 79, т. 1, л. 95.
- ¹⁴² *Gladstone W. E. The Path of Honour and Shame.— The Nineteenth Century*, March 1878, p. 594, 595, 596, 598, 604.
- ¹⁴³ Циркуляр Солсбери от 1 апреля 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 58, л. 66—68.
- ¹⁴⁴ Дешеш П. А. Шувалова А. М. Горчакову от 23 марта (4 апреля) 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 79, т. 1, л. 238—240.
- ¹⁴⁵ *Гатищев С. С. Император Александр II...*, т. 2, с. 442.
- ¹⁴⁶ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны на Балканском полуострове. СПб., 1900, с. 114—115.
- ¹⁴⁷ Вступительная статья Л. И. Нарочницкой к сборнику документов «Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875—1878» (М., 1978, с. 39).
- ¹⁴⁸ Там же, с. 396; Освобождение Болгарии..., т. III, с. 31.
- ¹⁴⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1878, д. 79, т. 1, л. 225; *Wolseley G. England as a Military Power.— The Nineteenth Century*, Mar. 1878, p. 440—441.
- ¹⁵⁰ Освобождение Болгарии..., т. 3, с. 29.
- ¹⁵¹ Милютин Д. А. Дневник, т. 3, с. 35.
- ¹⁵² Е. П. Новиков — А. М. Горчакову, 9(21) апреля 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 112, л. 225—226.

- ¹⁵³ См. об этом записку Н. П. Игнатъева в кн.: Освобождение Болгарии..., т. 3, с. 84—85; Инструкция Н. К. Гирса Е. П. Новикову — Там же, с. 88—92.
- ¹⁵⁴ Записка П. А. Шувалова о встрече с О. Бисмарком.— Освобождение Болгарии..., т. III, с. 97—101; Die grosse Politik..., Bd. 2, s. 303.
- ¹⁵⁵ Телеграмма П. А. Шувалова от 18(30) марта 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. 1, л. 114; его же депеши от 19(31) марта 1878 г.— Там же, д. 79, т. 1, л. 220.
- ¹⁵⁶ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 7(19) апреля 1878 г.— Там же, д. 80, т. 2, л. 708.
- ¹⁵⁷ П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 18(30) апреля 1878 г.— Там же, д. 79, т. 1, л. 293.
- ¹⁵⁸ Телеграммы П. А. Шувалова от 31 марта (12 апреля), 3(15) апреля, 19 апреля (1 мая) 1878 г.— Там же, д. 81, т. 1, л. 128, 129, 132, 146.
- ¹⁵⁹ Р. Солсбери — О. Расселу, 17 апреля 1878 г.— *Cecil G. The Life of Robert Marquis of Salisbury*, L., 1921, v. 2, p. 244.
- ¹⁶⁰ Письмо П. А. Шувалова от 7(19) апреля 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. 2, л. 708—709.
- ¹⁶¹ Записка Р. Солсбери от 21 марта 1878 г.— *Cecil G. The Life of Robert Marquis of Salisbury*, v. 2, p. 214.
- ¹⁶² Письмо П. А. Шувалова от 8(20) апреля 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, л. 716—717.
- ¹⁶³ Телеграмма А. М. Горчакова, 11(23) апреля 1878 г.— Там же, д. 81, т. 2, л. 574.
- ¹⁶⁴ Телеграмма П. А. Шувалова от 19 апреля (1 мая) 1878 г.— Там же, д. 81, т. 1, л. 147.
- ¹⁶⁵ Телеграмма П. А. Шувалова от 20 апреля (2 мая) 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. 1, л. 148.
- ¹⁶⁶ Памятная записка П. А. Шувалова, не ранее 28 апреля (10 мая) 1878 г.— Освобождение Болгарии..., т. III, с. 97—101.
- ¹⁶⁷ Инструкция МИД П. А. Шувалову от 5(17) мая 1878 г.— Там же, с. 102—105.
- ¹⁶⁸ Два первых документа были подписаны 30 мая, третий — 31 мая.
- ¹⁶⁹ Текст протоколов см.: *Sumner B. H. Russia and the Balkans, 1870—1880*. Oxford, 1937, p. 646—649.
- ¹⁷⁰ Несмотря на «гневное опровержение» Солсбери, британская пресса пришла к выводу о правдивости информации газеты «Глоб». См.: *Pall Mall Gazette, The Daily Telegraph, The Daily News, The Times, The Standart, 15.V.1878*.
- ¹⁷¹ Англо-австрийская конвенция от 6 июня 1878 г.— *Cecil G. The Life of Robert Marquis of Salisbury*, v. 2, p. 263.
- ¹⁷² *Blue Books. Turkey No 39 (1878). Correspondence relating to the Congress of Berlin with the Protocoles of the Congress. L., 1878, protocole N 3*.
- ¹⁷³ *The Cabinet Journal of Dudley Ryder, Viscount Sandon*.— *Bulletin of the Institute of Historical Research, Spec. Suppl., No 10, Nov. 1974, p. 3, 5*.
- ¹⁷⁴ *Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question p. 427*.
- ¹⁷⁵ *Blue Books. Turkey No 36. (1878). Correspondence respecting the Convention between Great Britain and Turkey of June 4, 1878. L., 1878, p. 1—3; о захвате Кипра Англией см.: Шнаро О. Б. Захват Кипра Англией. М., 1974*.
- ¹⁷⁶ *The Cabinet Journal of Dudley Ryder, Viscount Sandon, p. 35*.
- ¹⁷⁷ *Blue Books. Turkey N 48 (1878). Further Correspondence respecting the Affaires of Turkey. L., 1878, p. 1—2*.
- ¹⁷⁸ Из депеши Ваддингтона маркизу д'Аркуру 21 июля 1878 г.— *Ibid.*, p. 3.
- ¹⁷⁹ *Чернов С. Л. Россия на завершающем этапе..., с. 105—110*.
- ¹⁸⁰ *Милютин Д. А. Дневник, т. 3, с. 70*.
- ¹⁸¹ Вильгельм — О. Бисмарку, 16 марта 1878 г.— *Die Grosse Politik..., Bd., 2, S. 223*.
- ¹⁸² *Ibid.*, S. 307.
- ¹⁸³ П. П. Убри — Н. К. Гирсу, 11(23) июня 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 28.— *Congrès. Trois plénipotentiaires, p. 3031*.
- ¹⁸⁴ *Blue Books. Turkey N 39 (1878), protocole N 3*.
- ¹⁸⁵ *Ibid.*, protocole N 2.

- ¹⁸⁶ Беседа Б. Дизраэли с П. А. Шуваловым, 2(14) июня 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 259, л. 28—32.
- ¹⁸⁷ Там же, д. 28, л. 4—4 об.
- ¹⁸⁸ *Monypenny W. F., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli...*, v. 6, p. 323, 324.
- ¹⁸⁹ П. П. Убри — Н. К. Гирсу, 11(23) июня 1878 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 28, л. 29—29 об.
- ¹⁹⁰ Там же, л. 31.
- ¹⁹¹ Blue Books. Turkey N 39 (1878), protocole N 5.
- ¹⁹² П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г.— Красный архив, 1933, т. 4(59), с. 105.
- ¹⁹³ *Подробнее см.: Живановић Ж. Политичка историја...*, с. 369—370.
- ¹⁹⁴ Подробнее о деятельности Ристича в Берлине см.: Србија, 1878: Документи. Београд, 1978, с. 441—555.
- ¹⁹⁵ Текст Берлинского трактата см.: Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917; подробнее см.: *Алексић-Пејковић Љ. Српско питање и интереси великих сила.— В кн.: Србија у завршној фази...*, с. 59—70; *Живојиновић Д. Политика британске владе према Србији 1878 године.— Там же, с. 71—97.*
- ¹⁹⁶ Текст ее см.: Србија, 1878, с. 585—591.
- ¹⁹⁷ Сам И. К. Братяну подробно передал этот разговор И. Бэлэчану. См.: *Jelavich B. Russia and the Formation of the Romanian National State. Cambridge etc., 1984, p. 243—244.*
- ¹⁹⁸ *Maciu V. Diplomația românească si recunoașterea independenței.— Independența României. Buc., 1977, p. 302.*
- ¹⁹⁹ *Ibid.*, p. 303, 309.
- ²⁰⁰ *Ibid.*, p. 309—310.
- ²⁰¹ Донесение Г. К. Дубницкого в МИД от 16(28) апреля 1877 г.— В кн.: Освобождение Болгарии..., т. II, с. 27—28.
- ²⁰² *Kofos E. Greece and the Eastern Crisis, 1875—1878. Thessaloniki, 1975, p. 115—116.*
- ²⁰³ *Ibid.*, p. 113, 27, 131; *Driault E., Lhéritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1925, v. III, p. 433.*
- ²⁰⁴ Значительную партию оружия греческие националистические организации получили из России. Богатый грек из Петербурга Т. Петрококкинос отправил на Корфу 10 000 ружей. Такое же количество ружей получил из России и Л. Вулгарис. См.: *Kofos E. Greece...*, p. 114—115.
- ²⁰⁵ *Ibid.*, p. 118.
- ²⁰⁶ *Ibid.*, p. 128—130.
- ²⁰⁷ *Lascaris S. La politique extérieure de la Grèce avant et après le Congrès de Berlin, 1875—1881. P., 1924, p. 86.*
- ²⁰⁸ *Sabouroff. Ma mission en Grèce.— ЦГИА СССР, ф. 1044, оп. 1, д. 257, л. 242.*
- ²⁰⁹ См.: *Kofos E. Greece...*, p. 132.
- ²¹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 7, л. 354—355; *Driault E., Lhéritier M. Histoire...*, t. III, p. 434—435.
- ²¹¹ *Kofos E. Greece...*, p. 123.
- ²¹² *Ibid.*, p. 133—134.
- ²¹³ *Ibid.*, p. 124—125, 144—147.
- ²¹⁴ *Lascaris S. La politique extérieure...*, p. 89.
- ²¹⁵ *Kofos E. Greece...*, p. 149—150.
- ²¹⁶ *Sabouroff. Ma mission...*, л. 243.
- ²¹⁷ Георг I — Александру II, 21 января (2 февраля) 1878 г.— ЦГИА СССР, д. 348, л. 1.
- ²¹⁸ *Kofos E. Greece...*, p. 159—160.
- ²¹⁹ Подробнее см.: *Ариш Г. Л. Греция и Восточный кризис 70-х годов XIX в.— В кн.: Балканские исследования, вып. 4, с. 185—186.*
- ²²⁰ *Kofos E. Greece...*, p. 162—163.
- ²²¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 7, т. 2, л. 947.
- ²²² Для самого П. А. Сабурова его самостоятельные действия в Афинах в конце русско-турецкой войны сошли благополучно. Сразу же после вру-

чения царской телеграммы королю он отправил телеграмму А. М. Горчакову, в которой, приняв на себя ответственность за военную акцию Греции, просил отставки. В ответе, полученном на следующий день, говорилось, что император, учитывая достоинства П. А. Сабурова, желает, чтобы он остался его представителем в Афинах. См.: *Sabouloff. Ma mission...*, 245.

- ²²³ *Driault E., Lhéritier M. Histoire...*, p. 462; *Kofos E. Greece...*, p. 170—171.
²²⁴ *Kofos E. Greece...*, p. 172.
²²⁵ Παπαδόπουλος Σ. Οι Ἐπαναστάσεις τοῦ 1854 καὶ 1878 στὴν Μακεδονία. Θεσσαλονίκη, 1970, σ. 106—124.
²²⁶ Сборник договоров России..., с. 168.
²²⁷ *Sabouloff. Ma mission...*, л. 255.
²²⁸ *Lascaris S. La politique extérieure...*, p. 137—140.
²²⁹ *Strupp Ch. La situation internationale de la Grèce (1821—1917)*. Zurich, S. a., p. 196.
²³⁰ Текст конвенции см.: *Lascaris S. La politique extérieure...*, p. 210—216.
²³¹ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1888, т. VIII, с. 657.
²³² Κωτσός Εὺ. Ὁ Ἑλληνισμὸς στὴν περίοδο 1869—1881. Ἀθήνα, 1981, σ. 174.
²³³ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1861 г., л. 166.
²³⁴ Цит. по: Маньковская Г. Л. Албанская лига в русской печати конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. — В кн.: Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978, с. 199.
²³⁵ Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М., 1965, с. 102.
²³⁶ Там же, с. 99.
²³⁷ Цит. по: Маньковская Г. Л. Указ. соч., с. 207.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Берлинский конгресс подвел итоги многолетнего соперничества держав на Балканах. Столкнулись два курса: России, стремившейся подорвать господство Порты на полуострове, и Великобритании, пользовавшейся поддержкой Австро-Венгрии, усилия которых были направлены на сохранение в Юго-Восточной Европе статус-кво, иными словами, на увековечение здесь, пусть в слегка измененной и модернизированной форме, османской власти. (Академик Хр. Христов справедливо пишет: «Англо-русские противоречия на Балканах и Ближнем Востоке были главной осью, вокруг которой вращалась политика великих держав» ¹).

Но нельзя рассматривать тогдашние Балканы только как арену столкновений крупных хищников, а подобные попытки отмечаются в историографии и по сей день. И ныне в появляющихся на Западе трудах высказывается точка зрения, будто все здесь решал пресловутый концерт. Так, известные американские исследователи Барбара и Черльз Елавичи пишут: «Поскольку полуостров являлся предметом особых забот Европы, то, хотя инициаторами большинства кризисов являлись балканские государства, решения принимали державы. Основные договоры, регулировавшие балканские дела, — Адрианопольский, Парижский и Берлинский — представляли исключительно решение великих держав» ².

Такой подход к событиям на Балканах грешит односторонностью: он смешивает формальную подпись под договором и сложный комплекс причин, заставлявших державы занимать ту или иную позицию на мирных переговорах. При этом ни один из участников того или иного договора не мог игнорировать воздействие на историю такого могущественного фактора, как освободительное движение народов.

«Крымская система» имела целью законсервировать исторически изжившее себя состояние на Балканах: прямое господство Османской империи над болгарскими, боснийскими, герцеговинскими, албанскими, значительной частью греческих и сербских земель, вассальную зависимость Дунайских княжеств и Сербии, к чему добавлялось отторжение Южной Бессарабии от России и запрещение ей держать флот на Черном море. С самого начала она подтачивалась с двух сторон: с одной — освободительным движением народов; с другой — активной дипломатической деятельностью оскорбленной и ущемленной в своих государственных интересах России. И лучшее доказательство ее нежизненности и исторической обреченности — начавшийся на следующий же день после подписания трактата 1856 г. кризис системы. Ступени его охарактеризованы в данном

труде. В 1859 г. ее создатели санкционировали объединение Дунайских княжеств и образование нового государства — Румынии. Увенчалась успехом многолетняя борьба болгарского народа за создание самостоятельной церковной организации, что явилось значительным этапом в освободительном процессе. Сербия в итоге упорных усилий добилась очищения крепостей на своей территории от турецких гарнизонов, а Черногория — некоторого расширения своих границ.

Все это совершалось отнюдь не по воле держав, а вопреки желанию большинства из них. Исключение составляла Россия, традиционно поддерживавшая освободительное движение и стремившаяся подорвать власть Порты на Балканах, хотя, по тактическим соображениям, руководители ее внешней политики обычно советовали балканцам соблюдать сдержанность и осторожность.

В 1870 г. князь А. М. Горчаков предпринял решительную и успешную дипломатическую акцию, аннулировав запрет держать эскадру на Черном море, а Лондонская конференция 1871 г. «узаконила» этот шаг.

Все это было прологом к великим событиям середины 70-х годов, когда поднялись на борьбу боснийцы и герцеговинцы, произошло Апрельское восстание в Болгарии.

Известно, что правящий Петербург с тревогой взирал на развертывавшуюся в Юго-Восточной Европе драму. Поколение дипломатов горчаковской школы до конца дней своих не забывало уроков Крымской войны и боялось своим вмешательством в конфликт поднять против России «всю Европу». Внешнеполитическая изоляция (несмотря на наличие Союза трех императоров), напряженная обстановка внутри страны, непрекращающаяся борьба с революционным движением, крайнее истощение финансов, незавершенность аграрной реформы — все это побуждало действовать с крайней осторожностью. В высших российских сферах с беспокойством следили за складыванием взрывоопасной ситуации среди южных славян, чреватой дипломатическими и военными осложнениями. Но остановить ход событий было невозможно. Когда же разгорелись знаменитые восстания, а Сербия и Черногория вступили с Османской империей в войну, волна сочувствия южным славянам, сочувствия не абстрактно-гуманно-слезливого, а активного и действенного, охватила Россию.

Два года царизм пытался побудить «европейский концерт» и османскую державу решить вопрос путем введения сравнительно широких реформ в балканских владениях Порты и потерпел полную неудачу. Отрезвляюще действовали на него итоги дипломатической разведки, произведенной в Вене. Стремление избежать активного вмешательства Австро-Венгрии побудило Петербург пойти на значительные уступки. По Будапештской конвенции (январь 1877 г.) он дал согласие на австрийскую оккупацию Боснии и Герцеговины. Царское правительство знало, как болезненно будет воспринята в России весть об этом. Отказалось оно в ходе переговоров и от возможности создания большого славянского государства. Результаты войны были заранее урезаны до минимума. Конвенция не

способствовала поэтому разжиганию воинственных настроений у немногих посвященных. Наконец, и двор и министерство понимали, что самым опасным внешним противником является Великобритания, готовая в любой благоприятный момент, используя любые средства — политический нажим, финансовое давление, угрозу образования коалиции и войны, отобрать у России и балканских народов плоды их побед.

Как всегда, на крутых изломах истории подлинная сущность той или иной политики, в данном случае антибалканская направленность курса на сохранение статус-кво, выступала особенно выпукло. И в 1877 г. близкая к правительству британская печать трубила на той же ноте: русские замыслы «состоят, грубо говоря, в установлении господства над Константинополем и Проливами... Коварство России не миновало Австрии, где она стремится распространить славянскую заразу»³. Вот Балканы в кривом зеркале представлений британского премьера Бенджамена Дизраэли: «Нет слов, чтобы описать обстановку на значительной части Балканского полуострова, занятой Румынией, Сербией, Боснией, Герцеговиной и другими провинциями. Здесь царят политические интриги, непрекращающееся соперничество партий... расовая ненависть, ограниченность враждующих религий и, главное, ощущается отсутствие верховной контролирующей власти, которая могла бы держать эту немалую часть земного шара в состоянии, напоминающем порядок»⁴. Эти оценки призваны были оправдать не знавшую колебаний враждебность британской политики любому изменению на Балканах, чреватому отпадением той или иной их части от Османского государства.

Между двумя полюсами — напором общественности, настаивавшей на освободительном походе на Балканы, и многочисленными опасениями, рожденными враждебностью Великобритании и Австро-Венгрии, страхом повторения «крымской ситуации», внутренними затруднениями, — лавировала официальная русская политика. Очевидный провал дипломатических усилий склонил чашу весов в пользу решительных действий. Крайне важно подчеркнуть, что главной целью войны было провозглашено освобождение балканских народов. В этом явно проявилось давление общественного мнения на правящие круги.

Следует обратить внимание и на другое: с самого начала было заявлено недвусмысленным образом, что ни захват Константинополя, ни овладение Проливами не входило в планы Петербурга (См. § 1 гл. 10). Горчаков писал о глубоком сочувствии русского народа «несчастному положению христиан» на Балканах, связанных с ним узами «веры и расы». Он правомерно указывал, что прекращение «нестерпимых злоупотреблений» османской администрации «не противоречит ни одному из интересов Европы»⁵.

На первых порах программу мира формулировала умеренная партия во главе с Горчаковым, ориентировавшаяся на «малую войну» с наступлением до Балканского хребта, без его перехода.

Первоначальные, сравнительно скромные замыслы быстро претерпели изменение (см. § 1 гл. 10). Контакты с представителями болгарской общественности, воодушевление, с которым болгары вступали в дружины ополчения,—все это убеждало российское правительство в невозможности раздела единой страны.

Подлинно всенародный характер борьбы на Балканах, повсеместная поддержка русской армии, величественные победы русского и союзного с ним оружия — все это привело к тому, что сформулированная умеренная программа мира рухнула. Ее стал определять не осторожный Горчаков, а группировка во главе с военным министром Д. А. Милютиным и Н. П. Игнатьевым. Точка зрения этих кругов была воплощена в Сан-Стефанском предварительном мирном договоре.

Война тяжело обошлась России — цифра 200 тыс. убитых и раненых говорит сама за себя. Но, конечно, нельзя говорить об истощении людских ресурсов страны. Путем большого напряжения финансов вооруженные силы государства поддерживались на уровне 1800 тыс. человек. И не потери, а опасение возможного удара со стороны Австро-Венгрии заставило с марта 1878 г. начать отвод войск из балканской армии. Британский флот, как свидетельствовал опыт Крымской войны, мог наносить удары по российскому побережью на Черном море, на Балтике и Тихом океане. Все это заставляло распылять силы. Не невозможность продолжать войну, а опасение окружения, страх перед многочисленной коалицией держав заставили царизм пойти на уступки и согласиться на британскую формулировку: «Любой договор между правительством России и Портой, затрагивающий договор 1856 и 1871 гг., должен иметь европейский характер»⁶.

Итогом явилось соглашение между П. А. Шуваловым и главой Форин оффис Р. Солсбери, а затем Берлинский трактат 1878 г., пересмотревший, во вред России и балканским народам, решения предварительного Сан-Стефанского мира.

Встает вопрос: был ли он компромиссом или односторонней капитуляцией России? Встает и другой вопрос — о роли Сан-Стефанского договора. Нужен ли он был вообще в условиях, когда царизм заранее связал себя определенными обязательствами и в отношении Австро-Венгрии, и в отношении Англии? Когда правящие круги России понимали, что выполнение программы-максимум по урегулированию национального вопроса обратит против них «всю Европу», и сознавали, что без конгресса держав не обойдется?

Советская историческая наука считает, что Сан-Стефанский договор был необходимой ступенью к достижению окончательного урегулирования. Акад. А. Л. Нарочницкий приводит документы, свидетельствующие о стремлении двора, военного министерства и МИД получить от Порты «позитивные обязательства», «заложить основы и бесповоротно связать турецкое правительство». Имелось в виду, пишет автор, «не дать Порте возможность официально затеять новый торг с Россией при подготовке неминуемого конгресса

великих держав». «...Мир намеревались заключить, так сказать, с „запросом“, т. е. с расчетом на необходимые уступки западным державам в будущем»⁷.

Много занимавшийся анализом русских внешнеполитических акций 1877—1878 гг., С. Л. Чернов полагает: «Программа изменения статус-кво Европейской Турции, предусмотренная Сан-Стефанским договором, создавалась без достаточно реального и трезвого учета международной обстановки и внутреннего положения России». Однако он тут же подчеркивает, что в Берлине «отступления, допущенные конгрессом от Сан-Стефанского договора, не подрывали самого принципа «независимости», являвшегося важным звеном русского плана решения балканского вопроса»⁸.

Уместно опереться здесь на мнения активных участников событий. Все признавали, что балканским народам нанесен значительный и пагубный ущерб, что на пути их полного освобождения поставлены новые преграды. Даже в отнюдь не прогрессивных, а в высокочиновных и близких ко двору кругах понимали, что в Берлине совершена противоестественная операция по разделению единого народа. Выражалась, однако, надежда, что оно не будет долговечным. Проницательный Д. А. Милютин, военный министр, был уверен в том, что, «какие бы ни были теперь поставленные европейской дипломатией ограничения самостоятельности Южной Болгарии, какие бы тесные границы ни были ей назначены, можно иметь уверенность в том, что образуемая ныне на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения болгарского народа в одно самостоятельное государство»⁹. В том же духе высказывался Н. К. Гирс, тогда товарищ министра иностранных дел. Русские власти принимали меры, чтобы способствовать этому: консулам было предписано «употребить все старания к поддержанию... связей между обеими половинами Болгарии и противодействию всем влияниям, направленным к разъединению их»¹⁰. Милютин торопил с образованием болгарского войска из жителей по обеим сторонам Балканского хребта как реальной гарантии существования нового государства и предпосылки его объединения¹¹.

И в Англии раздавались скептические голоса по поводу комбинации с «двумя Болгариями». Лидер оппозиции Грэнвилл иронически заметил Дизраэли: «Благородный лорд, кажется, думает, что все трудности устранены простым путем — переименованием одного из народов в восточных румелийцев вместо южных болгар»¹².

Действительно, прошло немного лет и навязанное Берлинским конгрессом искусственное расчленение единой Болгарии было ликвидировано.

Правда, берлинское отступление принесло много огорчений царизму внутри страны. Общественность, восторженно встретившая Сан-Стефано, не ведавшая ни о рейхштадских переговорах, ни о Будапештской конвенции, ни тем более о договоренности Шувалова—Солсбери, возмутилась решениями конгресса. Исключение со-

ставляли некоторые либеральные круги. Правда, гнев обрушился не столько на Дизраэли и Андраши, сколько на коварного Бисмарка, слова которого о том, что он собирается принять на себя роль «честного маклера», были приняты за чистую монету. Надежды двора на укрепление своего внутреннего положения, на рост авторитета в стране были перечеркнуты, война способствовала назреванию в России второй революционной ситуации. Карьера П. А. Шувалова — основного участника переговоров в Берлине от России (хотя и числившегося вторым делегатом) — была сломана, звезда Горчакова закатилась.

Но суд истории и суждения историков должны выноситься не под воздействием момента и не под влиянием чувств, а во всеоружии документов, на основе трезвого и всестороннего анализа обстановки. А с этой точки зрения Берлинский трактат явился значительным шагом в деле освобождения Балкан — более значительным, чем те, что предусматривались в рейхштадских переговорах и Будапештской конвенции и даже в первоначально намеченном Горчаковым в 1877 г. варианте решения Восточного вопроса.

Кризис 1875—1878 гг. начал балканские народы, активно участвовавшие в нем до конца. Кульминации он достиг в русско-турецкой войне. Боевой состав армии России составлял 554 тыс. человек. Против Турции действовало 50 тыс. румынских, 80 тыс. (на заключительном этапе) сербских, 14 тыс. черногорских солдат и офицеров, 6 тыс. болгарских ополченцев¹³. Последняя цифра относится лишь к организованным вооруженным силам болгарского народа, без учета повстанцев и партизан. С полной обоснованностью акад. Хр. Христов пишет: «Освобождение Болгарии было осуществлено материальными и военными силами России при непосредственном и деятельном участии болгарского народа»¹⁴. В. И. Ленин указывал, что содержанием войны 1877 г. являются «буржуазно-национальные движения или „судороги“ освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»¹⁵; в «могучих, трагивающих миллионы буржуазно-прогрессивных, национально-освободительных движениях», в разрушении феодализма, абсолютизма, чужестранного гнета он видел важнейший «народный интерес»¹⁶.

Итоги 1875—1878 гг. величественны для Балкан в самом ответственном смысле этого слова: воссоздание после 500 лет османского ига Болгарского государства, международное признание независимости и территориальное расширение Сербии, Черногории и Румынии были этапными в их истории событиями. В ходе балканского кризиса и русско-турецкой войны произошли значительные социальные сдвиги на юго-востоке Европы. В Болгарии свершилась национально-буржуазная революция; здесь и в других государствах Балкан убыстрился процесс прогрессивного тогда буржуазного развития и одновременно формирования спутника и могильщика капитализма — пролетариата; расширился внутренний рынок, укрепились связи с внешним, пустило корни социалистическое движение, начал распространяться марксизм.

Все это произошло, несмотря на тормозящие в ряде случаев национальное и социальное развитие балканских народов положения Берлинского трактата. Поэтому характеристика его итогов акад. А. Л. Нарочницким: «Западным державам удалось лишь ослабить, но не зачеркнуть результаты русско-турецкой войны и освободительного движения балканских народов»¹⁷ — разделяется всей советской исторической наукой. Война способствовала решению «главной задачи, которую выдвигали народы, начавшие борьбу за свое национальное освобождение»¹⁸.

Рухнул англо-австрийский курс на сохранение статус-кво в Юго-Восточной Европе. Если трезво взглянуть на британскую программу и берлинские результаты, то обнаружится полное их несоответствие. Даже слывший самым умеренным из министров «примиритель» Э. Дерби отвергал саму идею образования Болгарии, считая это предтечей гибели османской державы. Его преемник Р. Солсбери в меморандуме от 1 апреля 1878 г. — основном программном документе британской политики — противился выходу Болгарии к Черному морю, возвращению России Южной Бессарабии, вхождению в ее состав Батума и некоторых армянских земель. Эти взгляды разделялись австрийскими правителями.

И самое главное: Берлинский конгресс поставил крест на политике статус-кво, три четверти века мешавшей освободительным процессам, признал крах попыток сохранения власти Порты над большей частью полуострова, что явилось результатом совместных действий балканских народов и России. Считать поэтому конгресс неким подобием дипломатических Канн, где Дизраэли и Андраши разгромили и развеяли по ветру своих противников, нет оснований.

Британские планы в отношении Османской империи поскромнели: решено было ограничиться борьбой за целостность османских владений в Азии — разумеется, в той их части, которая примыкала к России. Отсюда — гарантия турецких владений на этом континенте (что не мешало Лондону в осуществлении прямого империалистического захвата, оккупации о-ва Кипр, якобы для укрепления турецкой «обороны»). Основной творец новых британских планов — лорд Р. Солсбери признавал полное крушение старых принципов (правда, не в официальной декларации, а в письме послу в Константинополе Г. Лэйрду): «Прошло время болтовни насчет „независимости и интегритета“. События показали, что это было фикцией в 1856 г.; сейчас это было бы издевательством. Порта должна признать, что нуждается в покровительстве»¹⁹. «Покровительство» свелось к дальнейшему подчинению Порты британской политике.

Конечно, существовала и другая, мрачная сторона решений Берлинского конгресса, определявшаяся позицией представителей Великобритании, Австро-Венгрии и способствовавшего им Бисмарка. Конгресс, оставив значительную часть южнославянских земель под властью Порты, передав другую под оккупацию Австро-Венгрии, посеял зерна тех многочисленных конфликтов и военных столкновений, которые дали основание считать Балканы «пороховым

погребом Европы». И вклад англо-австрийских «миротворцев» в лице Дизраэли, Солсбери и Андраши в эту часть постановлений был решающим.

Однако абсолютизировать эту тенденцию, считать ее основной в итогах Конгресса не следует, а склонность к этому проявляется. Так, на IV Международном конгрессе по изучению стран Юго-Восточной Европы (Анкара, 1979 г.) проф. К. Д. Гротхузен (ФРГ) в докладе «Восточный вопрос как проблема европейской истории. Размышления по случаю столетнего юбилея Берлинского конгресса» пришел к крайне категорическому выводу: «Восточный вопрос в своем развитии привел к тому, что разразилась первая мировая война, вызвавшая крах старой Европы»²⁰. Того же взгляда придерживаются американцы Б. и Ч. Елавичи: «Восточный вопрос являлся единственно доминирующим источником конфликтов великих держав с 1815 по 1914 г. Он породил один из важнейших конфликтов этого периода, Крымскую войну, и был прямой причиной возникновения первой мировой войны»²¹. А куда же девались англо-германские противоречия в торговле, в борьбе за колонии, их военно-морское соперничество как одна из причин войны? А фактор Эльзаса и Лотарингии в отношениях между Францией и Германией? А разногласия вокруг дележа Китая? Сводить все дело к австро-русским противоречиям на Балканах, к тому, что Россия не могла равнодушно взирать на вторжение австрийских орд в Сербию и поэтому выступила раньше, — значит по меньшей мере односторонне трактовать причины развязывания войны. В конце концов известный «план Шлиффена» предусматривал первый удар Германии против Франции.

Нельзя объяснять превращение Балкан в горячую точку Европы только соперничеством здесь противоборствующих группировок держав. В советской историографии высказывалось мнение, что этот печальный факт стал возможен потому, что борьба держав сочеталась здесь с соперничеством правителей молодых национальных государств, со стремлением буржуазии отдельных стран достичь преобладания на полуострове, занять первое место под балканским солнцем, потеснив соседей. Начались поиски внешней поддержки, что облегчало вмешательство в балканские дела, осложняло обстановку, делало ее взрывоопасной²².

Материалы данной книги в этом смысле показательны: еще не завершилось объединение национальных земель, а пришедшая к власти буржуазия составляла планы с сильным оттенком великодержавности. «Начертание» Илии Гарашанина предусматривало гегемонию сербской буржуазии в югославянских землях. Соперничество сербских и черногорских правителей за власть отражал конфликт Обреновичей и Петровичей. Мегали идея не ограничивалась лозунгом присоединения к Эллинскому королевству бесспорно греческих земель, а притязала на области, где греки составляли меньшинство населения. Румынская буржуазия противопоставляла румын славянам. Балканский союз 1867 г. не выдержал испытания временем, и одной из причин его распада явились сталкивавшиеся

территориальные притязания его участников. В 1875—1876 гг. Афины и Бухарест отказались поддержать поднявшихся на борьбу южных славян и заняли осторожно-выжидательную позицию, явно рассматривая Сербию, а в потенции и Болгарию как соперников в борьбе за первенство на Балканах.

Нам представляется, что сгущает краски в анализе итогов 1875—1878 гг., останавливаясь только на отрицательной стороне берлинских решений, акад. М. Экмечич (Югославия). В докладе на XV Конгрессе исторических наук (Бухарест, 1980) «Решение кризиса: Берлинский конгресс 1878 г. и после»²³ он характеризует подписанный там мир как «невозможный», видит в нем причину кризиса национальных движений, «источник всех зол». Главное, с чем нельзя согласиться в рассуждениях акад. М. Экмечича, — это с преувеличением возможностей царизма («Россия к этому времени возродилась как доминирующая мировая держава, вышла из изоляции...»). Исходя из этого постулата, действия представителей России на конгрессе предстают не как уступки в ущерб своей стране и национальным интересам балканских народов, сделанные именно в результате полной изоляции (недаром во внутренней переписке конгресс именовался «трибуналом»), а как сознательный акт, направленный против южного славянства.

И тут мы сталкиваемся еще с одной проблемой, которую можно коротко определить как «царизм и Балканы».

Высказывание акад. В. М. Хвостова: «По своим фактическим результатам русско-турецкая война далеко не отвечала тому, к чему стремилось объявившее ее царское правительство. Она не укрепила, а ослабила влияние царизма на международной арене»²⁴ — отражает общий вывод, к которому пришла советская историография. Подтверждение этому — расхождение между правящими кругами Болгарии и России в 80-х годах.

Нам уже приходилось писать о том, что свержение и даже ослабление османской власти в том или ином регионе, достигавшееся с помощью русских войск и дипломатии, давало толчок развитию экономических и социальных процессов, выводило на арену общественной жизни новые слои во главе с молодой балканской буржуазией²⁵. Прогрессивные круги, дружески относившиеся к передовой России, ненавидели царизм; рвавшиеся к предпринимательской деятельности буржуазные слои обращали свои взоры не к отсталому государству на востоке, а к Западу, в экономическом и политическом сотрудничестве с которым были заинтересованы. Успехи России в Юго-Восточной Европе в перспективе вели не к усилению, а к ослаблению здесь позиций царизма. В 30-х годах освобожденная при значительной поддержке России Греция оказалась в сфере влияния западных держав; в 50-х годах Дунайские княжества, а в 60-х — Сербия очутились в австрийской орбите.

В какой-то мере и царские сановники признавали то печальное для них обстоятельство, что внешнеполитические успехи России не идут им на пользу. Горчаков заверял в записке от 28 марта (9 апреля) 1878 г.²⁶: исключительной целью временных административ-

ных мер в Болгарии «является способствовать национальному развитию и сделать возможным созыв первого болгарского собрания, призванного выработать устройство княжества». Далее он добавлял: «Если Молдо-Валахия, обязанная своим существованием России и соседствующая с ней, стала от нее совершенно независимой, тем более нет причин не предвидеть тот же результат в отношении Болгарии, территориально отделенной от России».

Историческое значение русско-балканских связей лежит в ином — в том, что в годы войны боевыми действиями, в мирное время, несмотря на все зигзаги и отступления в политике царизма, другими средствами Россия способствовала подрыву османского господства в регионе и тем самым приближала десятилетие, год, день освобождения. По словам Тодора Живкова, «у балканских народов живы воспоминания о совместной борьбе за свободу, чувства солидарности в борьбе за лучшую жизнь, стремление к добрососедству»²⁷.

¹ Христоф Хр. Освобождението на България и политиката на Западните държави. С., 1968, с. 171.

² Jelavich C. and B. The Establishment of the Balkan National States, 1804—1920. Seattle; London, 1977, p. 324.

³ The Daily Telegraph, 11.III.1878.

⁴ The Berlin Congress. Ministerial Statement.— АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 79, т. 2, л. 432.

⁵ Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964, т. 2, с. 80—82.

⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 58, л. 37.

⁷ Новая и новейшая история, 1979, № 2, с. 79.

⁸ Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978, с. 40.

⁹ Милютин Д. А. Дневник. М., 1950, т. 3, с. 69—70.

¹⁰ Освобождение Болгарии... М., 1967, т. III, с. 207.

¹¹ Там же, с. 160.

¹² АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 79, т. 2, л. 434.

¹³ Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы, с. 23.

¹⁴ Христоф Хр. Освобождението на България..., с. 12.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

¹⁶ Там же, т. 27, с. 101.

¹⁷ Новая и новейшая история, 1979, № 2, с. 83.

¹⁸ Карасев В. Г. Буржуазно-национальные революции балканских народов: Восточный кризис середины 70-х годов XIX в. и русско-турецкая война 1877—1878 гг.— В кн.: 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979, с. 167—188.

¹⁹ Seton-Watson R. W. Britain in Europe. Cambridge, 1937, p. 426.

²⁰ Die Türkei in Europa. Göttingen, 1979, S. 79.

²¹ Jelavich C. and B. The Establishment..., p. 324.

²² Арш Г. Л., Виноградов В. Н., Достян И. С., Наумов Е. П. Балканы в международной жизни Европы.— Вopr. истории, 1981, № 4, с. 42.

²³ XV Congrès des sciences historiques. Rapports, II. Buc., 1980, p. 308—328.

²⁴ История дипломатии. М., 1963, т. 2, с. 133.

²⁵ Виноградов В. Н. Освобождение балканских народов от Османского ига (70-е годы XIX в.).— Сов. славяноведение, 1978, № 3, с. 8.

²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 58, л. 286—288.

²⁷ Правда, 3 марта 1978 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР — Архив внешней политики России
ГА — Главный архив
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
АМАЕФ — Arhiva ministesterului afacerilor externe, Buc.
Arh. Stat.— Arhivele Statului București
Buc.
APP — Die auswärtige Politik Preußens, 1858—1871: Diplomatische akten-
stücke. Berlin; Oldenburg, v. I—VI, 1932—1939
DDI — I documenti diplomatici italiani. Ser. 1. Roma, 1952—1969,
v. I—VIII.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава первая</i>	
Балканская стратегия держав	8
1. Великобритания на страже османского владычества на Балканах	8
2. Монархия Габсбургов: переход к политике «Дранг нах Зюд-Остен»	16
3. Наполеон III, «принцип национальностей» и Балканы	28
4. Юго-Восточная Европа в планах Отто фон Бисмарка	37
5. Италия: Рисорджименто и балканская политика	42
6. Российская дипломатия в обороне	52
<i>Глава вторая</i>	
Османская империя после Крымской войны	74
1. Хатт-и хумаюн 1856 г.	74
2. Эволюция государственного строя и экономики	80
3. Национальный вопрос в политике правящих кругов и «новых османов» после Крымской войны	91
<i>Глава третья</i>	
Объединение Дунайских княжеств. Рождение Румынии	100
1. Объединение Дунайских княжеств	100
2. Укрепление румынской государственности	120
<i>Глава четвертая</i>	
Болгария: от движения за церковно-национальную автономию до вооруженной борьбы за освобождение	137
<i>Глава пятая</i>	
Сербия и Балканский союз	161
<i>Глава шестая</i>	
Черногория и восстания 50-х—начала 60-х годов XIX в. в Герцеговине и Боснии	184
<i>Глава седьмая</i>	
Греция и объединение национальных земель	197
1. Свержение баварской династии	197
2. Критское восстание	205
<i>Глава восьмая</i>	
Новые явления в Восточном вопросе на рубеже 70-х годов XIX в.	214
1. А. М. Горчаков и отмена нейтрализации Черного моря	214
2. Перемещение центра австрийской политики на Балканы. Румыния и Греция перед Восточным кризисом	225
3. Сербия в 1868—1875 гг. Поиски путей к независимости	235
4. Болгария, Босния и Герцеговина перед грозой	245

Глава девятая

Начало Восточного кризиса	254
1. Восстание в Боснии и Герцеговине и великие державы в 1875—1876 гг.	254
2. Апрельское восстание в Болгарии, его значение и международный резонанс	265
3. Война Сербии и Черногории против Турции	275
4. Рейхштадтское свидание и Константинопольская конференция	291
5. Позиция Румынии и Греции	314

Глава десятая

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы	337
1. От открытия военных действий до взятия Плевны	337
2. Европейская дипломатия от Плевны до Сан-Стефано	352
3. Сан-Стефанский договор и Берлинский трактат	360
4. Объединение Фессалии с Грецией. Албанская лига	383
Заключение	403
Список сокращений	413

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НА БАЛКАНАХ
1856—1878 гг.**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редактор издательства *Е. И. Михайлова*
Художник *Н. Н. Якубовская*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технические редакторы *В. В. Тарасова, Т. С. Жарикова*
Корректоры *Г. Н. Джисоева, Л. Р. Мануильская*

ИБ № 32240

Сдано в набор 05.03.86 Подписано к печати 14.05.86
Т-13802. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная
Гарнитура литературная Печать высокая
Усл. печ. л. 26,5. Усл. кр. отт. 26,5. Уч.-изд. л. 32,9
Тираж 1500 экз. Тип. зак. 1341
Цена 4 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

